

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Восток
в новое время
(конец XVIII — начало XX в.)

Книга 2

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

В ШЕСТИ ТОМАХ

Главная редколлегия

Р.Б.Рыбаков (председатель),
Л.Б.Алаев (заместитель председателя), В.Я.Белокриницкий,
Д.Д.Васильев, Г.Г.Котовский, Р.Г.Ланда, В.В.Наумкин,
О.Е.Непомнин, Ю.А.Петросян,
И.М.Смилянская, Г.К.Широков

Москва

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН

2005

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Восток в новое время (конец XVIII — начало XX в.)

Книга 2

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2005

УБК 94(5)
ББК 63.3(5)
И90

Ответственные редакторы
Л.Б. АЛАЕВ, М.Г. КОЗЛОВА, Г.Г. КОТОВСКИЙ,
О.Е. НЕПОМНИН, И.М. СМИЛЯНСКАЯ

Редактор издательства
Г.О. КОВТУНОВИЧ

**История Востока : В 6 т. / Гл. редкол.: Р.Б. Рыбаков (пред.) и др.; Ин-т
И90 востоковедения. — М. : Вост. лит., 1995— . — ISBN 5-02-018102-1**

**Т. 4. Восток в новое время (конец XVIII — начало XX в.) : Кн. 2 /
Отв. ред. Л.Б. Алаев и др. — 2005. — 574 с. : карты. — ISBN 5-02-018473-X
(в пер.).**

Очередной том (т. I был издан в 1997 г., т. II — в 1995 г., т. III — в 1999 г.) охватывает период наибольшего развития колониальной системы, когда страны Востока стали колониями европейских держав или попали в зависимость от них. Книга состоит из страноведческих очерков, фиксирующих реакцию отдельных восточных обществ на импульсы модернизации, и обобщающих глав, посвященных изменениям в социальном строе, анализу духовных процессов, общим чертам социально-политического реформирования и возникновения национально-освободительного движения. Даны карты, указатели, библиография. В кн. 1. (М., 2004) отражен период с конца XVIII в. до 70–80-х годов XIX в., в кн. 2 — до 1914 г.

ББК 63.3(5)

ISBN 5-02-018102-1
ISBN 5-02-018473-X

© Институт востоковедения РАН, 2005
© Оформление. Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 2005

Часть III

Зарождение национально-освободительного движения на Востоке

Глава 1

МОДЕРНИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В АЗИИ

Вторжение капиталистической Европы в традиционный мир Азии вызвало кризис восточнофеодального строя, дезорганизацию традиционного общества. Новые для него функции в системе мирового рынка потребовали изменения социально-экономических и управленческих структур и становления нового мышления. Для Азии начался этап модернизации, включавший в себя совокупность процессов, охвативших почти все сферы общественной жизни, и адаптацию азиатского общества к условиям быстро формирующегося мирового капиталистического хозяйства.

Осознание неизбежности модернизации на основе европейского опыта, важности овладения достижениями современной науки и техники, чтобы выстоять в условиях индустриальной эпохи, пришло не сразу.

Азиатская интеллектуальная элита в течение XIX в. вела диалог с Европой. Если еще в конце XVIII в. она находилась едва ли не в полной изоляции от основных течений европейской мысли, то к началу XX в. новая интеллигенция в странах Востока прошла путь от пробуждения интереса к Европе, ее достижениям в области науки и техники, военного дела к идеализации западноевропейского общественно-политического устройства и системы образования и далее — к разочарованию в эффективности цивилизаторской миссии Запада на Востоке, критике отдельных аспектов жизни европейского общества при одновременном освоении европейских, главным образом национально-либеральных и национально-освободительных, концепций.

Начальная фаза адаптации восточных обществ к условиям индустриальной эпохи относится к первой половине XIX в. Для нее характерна защитная реакция восточных монархий на угрозу западноевропейской экспансии. До тех пор пока давление со стороны европейских держав еще не воспринималось ими как неотвратимая угроза их суверенитету, проводилась политика самоизоляции, особенно

в странах Дальнего Востока, принимались меры по «исправлению» положения дел, преимущественно на традиционной основе. Обращение к опыту и возможностям Запада носило спорадический характер. Потом пришло понимание, что этого недостаточно для обеспечения независимости. Феодалные правители приступили к реформам по реорганизации армии и внедрению новых приемов организации военного дела, а в связи с этим — к совершенствованию государственно-административного аппарата и упорядочению фиска для финансирования реформ. Иными словами, военно-финансовая необходимость заставила их «пойти на выучку» к Западу, чтобы перенять «секрет» его могущества. Это был период модернизации на феодальной основе, период охранительных реформ, которые были направлены на сохранение и укрепление основ традиционного общества в условиях европейской экспансии на Восток.

Модернизация на Востоке была неизбежно связана с необходимостью реформы традиционной системы образования. Если традиционное образование было направлено на подготовку сравнительно небольшой прослойки людей для государственной, военной, религиозной деятельности, то новое время требовало специалистов, обладающих современным знанием в области экономики, финансов, военного дела.

С середины XIX в. в странах, которые находились в наиболее тесном взаимодействии с Европой, начался культурный подъем, сопровождавшийся распространением светского образования, интереса к достижениям науки и техники, бурным развитием прессы, литературным возрождением. Новая восточная литература имела нравственно-критическую, дидактическую и морализаторскую направленность. Это была фаза восточного просветительства индустриальной эпохи. У истоков просветительского движения стояли Рам Мохан Рай (1772–1833) в Индии, египтянин Рифаа ат-Тахтави (1801–1873) и ливанец Бутрус аль-Бустани (1819–1883) в арабских странах, Мальком-хан (1833/34–1908) в Иране, Намык Кемаль (1840–1888) в Турции, Фукудзава Юкити (1835–1901) в Японии.

В колониальных и зависимых странах новая интеллигенция уповала на цивилизаторскую роль Европы и познавала национальное бытие преимущественно через призму его восприятия европейцами. Но просветительство на Востоке не было восточной интерпретацией западноевропейского Просвещения.

К середине XIX в. были поколеблены устои традиционного мировоззрения, господствующих догм и схоластики. Европейская экспансия и процессы модернизации дезорганизовали жизнь восточных обществ, разрушая традиционную систему ценностей, а новая европейская система не могла быть ими воспринята, как чуждая. На Востоке не было почвы для европейских идей в их типологически полном виде. Традиционное восточное общество обладало мощной инерционностью. Под воздействием форсмажорных обстоятельств оно вступило в индустриальную эпоху, не будучи к этому подготовленным, прежде всего психологически.

Просветители, кроме крайних западников, были против слепого подражания западным образцам. Просветители и реформаторы решали вопрос о том, каким быть идеальному обществу, как сочетать восточный образ жизни и мыслей с европейским. Они обращались одновременно как к своему наследию, так и к достижениям буржуазной европейской цивилизации. Своеобразие восточного просветительства заключалось, в частности, в том, что оно приняло форму идеоло-

гии, в которой просвещенческий элемент, как правило, сочетался с идеями общественных преобразований.

Модернизация нигде не происходила столь сложно и болезненно, как в области культуры. Это был шок, вызванный взаимодействием направленных в разные стороны сил: «нового» — революционизирующей силы модернизации и «старого» — мощного консервативного начала, традиционных ценностей.

Пришли в столкновение восточнофеодалная культура с ее универсализмом и спиритуализмом, патриархальностью и сакрализацией верховной власти и рационалистическая буржуазная культура с критическим отношением к религиозной догме и с чуждыми восточному менталитету концепциями социальной справедливости и политического устройства. Возникла проблема совмещения «нового» и «старого».

В новом мышлении противоборствовали и сосуществовали традиционное мировоззрение и новые, заимствованные на Западе, а также компромиссные, симбиозные и синтезированные взгляды и теории, в которых по-разному сочетались традиционное и современное начало.

Появились более или менее выраженные западничество, ориентированное на европеизацию восточного общества; традиционализм, отмеченный убежденностью приверженцев в возможность национального возрождения на основе традиционных ценностей; компромиссное течение, предусматривающее сочетание ценностей европейской и восточной культур.

Для восточной интеллигенции было характерно двойственное отношение к европейским и собственным культурным ценностям. С одной стороны, было желание «учиться» у Европы, вырваться из пут традиционной архаики, с другой — накапливалось недоверие и даже враждебность к ней. Традиции, традиционные религии и религиозно-философские учения давали Востоку уверенность в духовном превосходстве над европейцами, составляли органичную часть национальных идеологий, поэтому он заимствовал у Запада только то, что в наибольшей степени отвечало нуждам восточных обществ в данный момент.

Одной из характерных черт развития азиатского общества в XIX в. стали попытки модернизации религии. Они были исторически неизбежны как инструмент переориентации религиозного сознания на посторонние нужды человека путем смещения акцента с вопросов религиозной веры на освященные верой морально-этические принципы. Религиозные модернизаторы стремились привести традиционное мировоззрение в соответствие с требованиями времени. Они хранили верность догматам, но признавали совместимость религиозной веры с естественно-научным знанием. Они хотели бы придать вере рациональный характер и привнести религиозное начало в научное знание. Они, с одной стороны, толковали традиционные предписания в современном духе, а с другой — освящали современность традицией. Модернизаторские течения в религиозной мысли — это религиозно-просветительская комбинация, в которой просветительское начало занимало подчиненное положение. Отвергнув схоластику как инструмент познания истины, модернизаторы дали сильный толчок к освобождению человека от власти догмы, вселяли доверие к человеческому разуму. Модернизаторско-реформаторское течение в исламе связано с именами Джемаль ад-Дина аль-Афгани (1839–1897), Мухаммеда Абдо (1840–1905) и Сайида Ахмад-хана (1817–

1898), в индуизме — Рам Мохан Рая, Кешоб Чондро Сена (1838–1884), Рамакришны (1836–1886) и Вивекананды (1862–1902), в буддизме — Анагарики Дхармапалы (1864–1933).

Восточное просветительство и модернизация религии и религиозно-философских учений, деятельность светских реформаторов создавали идейную атмосферу, в которой в конце XIX — начале XX в. в колониальных и зависимых странах зарождалась идеология организованного национально-освободительного движения. В этой атмосфере общественно-политическая мысль, обремененная грузом азиатской старины, преодолевая в себе противоречия, порожденные столкновением традиционного и современного начал, выработала системы взглядов, которые составили теоретическую основу национализма на Востоке. Национализм стал знаменем времени. Как политическая концепция он пришел на Восток из Европы вместе с идеями просвещения и прогресса, свободы и равенства. Его восточные варианты были результатом осмысления национальной элитой колониальной и полуколониальной зависимости сквозь призму европейских идей и теорий. Передовые люди восточной общественности выступали прежде всего против архаики восточнодеспотической системы, олицетворяющей в их глазах отсталость Востока в современном мире. Поэтому главными для них стали вопросы политической власти. Они были приверженцами конституционализма и парламентаризма, просвещенной монархии и разделения властей. Проблемы национальной экономики и общественных отношений разрабатывались мало. Там и тогда, где и когда они становились актуальными, получали распространение утилитаризм и прагматизм.

Внимание интеллектуальной элиты современной формации привлекали европейские концепции, которые были характерны прежде всего для фазы становления и утверждения буржуазного общества в Европе. На местной почве они зачастую получали свою интерпретацию.

Вдохновляющим примером для лидеров национально-освободительного движения на Востоке стали успехи независимого развития Японии, сумевшей войти в общество мировых держав, следуя принципу: «японский дух — западная техника».

Организованное национально-освободительное движение развивалось на фоне стихийных народных выступлений преимущественно под религиозным знаменем, во имя защиты идеализированной родной старины и доколониальных порядков.

Однако опыт освободительной борьбы против колонизаторов традиционными методами был разочаровывающим. Для интеллигенции преимущественно светского образа мыслей, которой принадлежала руководящая роль в национально-освободительном движении, стала очевидной бесперспективность стихийного силового противодействия хорошо вооруженным армиям европейских держав. Ей были чужды как лозунги, так и методы традиционалистского сопротивления. Новая стратегия движения предполагала прежде всего идеологическую подготовку политически активных сил. Она повсюду начиналась с пробуждения национального самосознания. Особым вниманием пользовались национальная культура, история, язык, национальная специфика вообще. «Нация» как неделимое целое, для которого несущественны социально-классовая, этническая, конфессиональная разделенность народа, и проблемы национальной независимости оказались в центре общественных интересов.

Интеллектуальной элите с современным образом мыслей был присущ преимущественно просветительно-реформаторский и либерально-реформаторский подход к решению социальных и политических проблем. Она, как правило, считала возможным искоренение социальной несправедливости и политического деспотизма через совершенствование личности и прогрессивное развитие с опорой на «цивилизованную» Европу.

К началу XX в. в антифеодальном и антиколониальном движении произошли качественные изменения. Идеи свободы и равенства в той или иной форме овладели сознанием восточной интеллигенции, еще в основном феодальной по социальному происхождению, но уже современной по умонастроению. Просветительские клубы уступили место политическим партиям в качестве организатора национальных сил. Активность интеллигенции, новых средних слоев стала получать поддержку масс.

Наибольшее распространение получили идеи борьбы с феодально-абсолютистской властью, конституционно-парламентские взгляды. Повсеместно выделялись два главных направления в политической мысли: господствующее среди националистов умеренно-либеральное, или реформистское в духе европейского либерализма, и радикальное. Восточный либерализм представлял собой сочетание отдельных идей европейского Просвещения и новейших течений европейской мысли, часто с трансформированной в духе европейского либерализма середины XIX в. национальной традицией. В отличие от умеренных, которые ориентировались на помощь Европы, радикалы стремились добиваться свободы и независимости. Они признавали допустимым и часто необходимым насилие в борьбе за независимость. Степень радикализма требований, пути и методы достижения национальных целей в каждой стране имели свою специфику. В некоторых странах, в частности в Индии и Китае, в конце XIX — начале XX в. получил распространение анархизм.

В конце XIX — начале XX в. на Востоке появляются наднациональные идеологии, которые абсолютизируют полное или воображаемое единство интересов социальных и политических макрогрупп на территориальной, расовой, этнокультурной, религиозной или классовой основе. Особенное значение для истории XX в. имели социализм и панисламизм.

Модернизация повсюду принимала сходные формы, получала сходное отражение в общественном сознании, хотя и начиналась в разное время по мере того, как страны Востока вступали в интенсивный контакт с Европой. И вместе с тем в каждой стране она обретала свои собственные черты под влиянием местных особенностей, поскольку была не только продуктом саморазвития мирового капитализма, но и зависела также от уровня социально-экономического развития, характера контактов с Европой, особенностей социальной, политической и культурной ситуации, даже географии конкретных стран Востока.

Так, в период национального пробуждения на Востоке появилось просветительское движение. Но если, например, для Индии, Филиппин и Ливана период просветительства относится к первой половине XIX в., для Японии — ко второй, то для Афганистана — к первой половине, а для стран Аравийского полуострова — даже ко второй половине XX столетия.

Можно выделить три основных цивилизационных региона, резко отличающихся своеобразным преломлением «нового» в общественном сознании: мусульманский (ближневосточный и центральноазиатский), индуистско-буддийский (индо-станский и юговосточно-азиатский) и конфуцианский (восточноазиатский). В первом культурная трансформация происходит особенно трудно, потому что основные культурные ценности народов региона жестко определены рамками конфессиональной системы, утверждающей слитность мирского и священного, а это значит, что всякое покушение на традицию воспринимается ими как вызов вере. Но вместе с тем, в отличие от остальной Азии, мусульманский мир имел более тесные связи с Европой почти со времени своего возникновения в VII в. Связи эти имели амбивалентный характер, сочетая культурно-экономические контакты в рамках Средиземноморья с мусульманско-христианским противостоянием.

Отсутствие, в отличие от ислама, доктринальной жесткости религиозных верований и плюрализм культурных традиций в индуистско-буддийском регионе облегчали возможность диалога с западной цивилизацией.

Наиболее благоприятен для такого диалога конфуцианский регион, потому что конфуцианство — это прежде всего этико-политическое, а не религиозное учение, хотя его влияние на жизнь общества сродни влиянию религии. Религиозные ограничения на контакты с иноверцами, подобные тем, что существуют у мусульман, здесь отсутствуют. Препятствия к общению между народами носили сугубо политический характер, но политический фактор, как правило, обладает гораздо меньшей стойкостью, чем религиозные предрассудки. Кроме того, в регионе издавна существовали богатые традиции светской культуры.

На характере культурного развития стран Востока сильно сказывались особенности их связей с европейскими державами. Так, система управления колониями, которой придерживались, в частности, Франция и Испания, предусматривала вытеснение национальной культуры культурой метрополии, ассимиляцию части автохтонов. При системах управления, практиковавшихся Великобританией и Голландией, подчеркивалось различие между колонизатором и колонизованным, колониальные власти использовали местные структуры и традиции. В результате институты власти и культурные течения в Индонезии и Египте, в отличие от Алжира и Кохинхины, изначально имели более выраженную национальную окраску.

Существенным фактором, влиявшим на темпы модернизации, был и характер политических режимов в метрополиях. Либерально-буржуазный тип английского колониализма создавал благоприятную среду для контактов интеллигенции колониальных и зависимых стран с западной культурой и западным образом жизни, в отличие от голландцев, которые долго ограничивали возможность таких контактов. Поэтому в Индии, например, значительно раньше, чем в Индонезии, сложилась традиция политической борьбы.

Современные идеи и европейский дух вообще проникали на Восток преимущественно или отчасти через посредников — традиционные для них региональные центры силы и культурного притяжения — и поэтому, естественно, несли на себе отпечаток постижения их общественной мыслью стран-посредников. С идеями французской революции Индия знакомилась главным образом через восприятие их английскими мыслителями, Китай и Корея — через японских публици-

стов. В Монголии, Сиаме, Камбодже, Корее и Вьетнаме прослеживается китайская интерпретация просветительских взглядов.

* * *

Модернизация культуры и характер движения общественной мысли на Востоке — просветительство, развитие прессы и современного образования, формирование национального самосознания и модернизация религиозных систем — сохраняли присущие им типические черты независимо от места и времени, несмотря на то что под влиянием цивилизационных и местных особенностей в области культуры возникали самые причудливые сочетания традиционного и современного начал.

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПЕРИОД ЗУЛЮМА

Тридцатилетний период истории Османской империи после поражения конституционного движения стал одной из самых мрачных ее страниц.

Империя Османов в эти годы оставалась отсталой аграрной страной с крайне примитивным уровнем сельского хозяйства. Крупное землевладение по-прежнему сочеталось с мелким землепользованием, почти повсеместно использовалась издольная аренда, которая тормозила развитие сельскохозяйственного производства. Более того, крестьянство многих районов Восточной Анатолии продолжало жить в условиях крепостничества, когда феодалы принуждали их даже к барщине. Крестьянство страны продолжало страдать от бесконечных прямых и косвенных налогов.

В конце XIX в. производство зерновых, в частности пшеницы, уже не выдерживало иностранной конкуренции. Иностраный капитал добился в сельском хозяйстве страны особых прав. Так, было создано Управление табаками Османской империи, которое получило от Порты монополию на производство и экспорт турецкого табака. Управление стало полновластным хозяином в табачководческих районах империи. Деятельность этой организации явилась наглядным свидетельством экономического закабаления Османской империи иностранным капиталом. Будучи заинтересованным в дешевом сельскохозяйственном сырье, иностранный капитал стремился к сохранению обеспечивающих эту дешевизну полуфеодальных и феодальных методов эксплуатации крестьянина Османской империи.

В конце XIX в. продолжались, в связи с ростом железнодорожной сети и все большим вовлечением Османской империи в мировой товарооборот, развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве и дальнейшее становление капиталистических отношений. Но поскольку все это происходило преимущественно под внешним воздействием, а не в результате развития внутреннего рынка страны, процесс возрастания зависимости сельского хозяйства Османской империи от иностранного капитала еще более усиливался.

В годы правления Абдул-Хамида II промышленность страны, обладавшей огромными природными богатствами, была по-прежнему в жалком состоянии. Новым было лишь то, что к концу столетия добывающую промышленность уже «освоили» иностранные, главным образом английские и французские, компании, которые завладели многими концессиями на разработку полезных ископаемых (добычу каменного угля, разработку залежей борацитовых руд, меди и марганца). И здесь, как и в сельском хозяйстве, иностранные концессионеры, получая высокие прибыли за счет льготных условий концессий и крайней дешевизны рабочей силы, совершенно не проявляли заботы о техническом прогрессе.

Сталеплавильных и машиностроительных заводов Османская империя не имела. В конце XIX в. во всей империи было лишь пять литейных и железодельных мастерских, всего шесть лесопильных предприятий. В стране было несколько десятков небольших хлопчатобумажных, ковровых и суконных фабрик, ряд предприятий мукомольной промышленности, а также государственные военные заводы Стамбула. Все промышленные предприятия были сосредоточены в Стамбуле, Измире и ряде крупных городов европейской и прибрежной части азиатской Турции. Остальные районы империи промышленности в современном смысле слова вообще не имели.

В 80-х годах XIX в. произошло событие, свидетельствовавшее о превращении Османской империи в полуколонию иностранного капитала. 20 декабря 1881 г. был опубликован указ султана, который объявил о создании Администрации оттоманского публичного долга. Ее административный совет составляли представители Англии, Франции, Германии, Италии, Австро-Венгрии, местных кредиторов Порты и Оттоманского банка. Эта организация получила право с помощью собственного аппарата собирать в различных районах Османской империи ряд государственных налогов и пошлин с целью обеспечить выплаты по огромному внешнему долгу страны. В 1882 г. в распоряжение новой организации были переданы доходы от табачной и соляной монополий, гербовый сбор и сбор от спирта, право сбора десятины в ряде крупных городов и провинций. В дальнейшем этот список доходов продолжал расти. Администрация собирала налоги, пользуясь правами государственного аппарата. Она стала мощным инструментом установления иностранного контроля над экономикой и финансами страны. Аппарат этой администрации рос очень быстро, насчитывая к 1890 г. более 4,5 тыс., а к 1908 г. около 10 тыс. служащих. Более того, это учреждение — откровенное орудие иностранной экспансии — числилось на турецкой службе и его содержание дорого обходилось казне Османской империи.

В финансово-экономическом закабалении страны все большую роль играли иностранные банки с их разветвленной сетью в провинциях. Один только Оттоманский банк, сохранявший статус государственного банка империи, имел к 1909 г. 55 отделений по всей стране. Банкиры крупнейших европейских держав финансировали в рассматриваемый период более десяти банков в Османской империи. В стране был только один, основанный в 1888 г. турецкий банк — Сельскохозяйственный. Оттоманский банк выплачивал своим акционерам в Англии и Франции баснословные дивиденды — 12% годовых, между тем как дефицит внешнеторгового баланса Османской империи неуклонно возрастал год от года.

Порта продолжала пагубную политику пополнения казны за счет кабальных по условиям внешних займов. С 1886 по 1908 г. было заключено 11 займов на сумму более 800 млн. фр. Заключение займов все чаще и чаще сопровождалось согласием Порты выполнить те или иные экономические требования держав — предоставление новых концессий, получение выгодных для европейских промышленников заказов, а иногда и признание каких-либо территориальных претензий.

Султан Абдул-Хамид и окружавшая его дворцовая камарилья, которую составляли представители крупного мусульманского духовенства, а также ряд арабских, курдских и черкесских феодалов, держали в этот период в своих руках все нити управления государством. Порта сделалась игрушкой в руках снискав-

шего себе мрачную славу султанского дворца Йылдыз. Во дворце при султানে действовали специальные бюро, контролировавшие деятельность разных правительственных ведомств — военного, иностранных дел, экономики и финансов, образования. Во дворце же решались судьбы всех высших сановников империи, малейшее неудовольствие султана и его клики могло стоить им не только поста, но и жизни.

Страшным злом стали огульные аресты по доносам и ссылки людей, заподозренных в политической неблагонадежности. Шпионаж был поистине духом деспотического режима. Сами слова «шпион» и «донос» сеяли ужас. От шпионов и доносчиков не был огражден буквально никто. Следили за всеми сановниками империи, донося султану даже об их гастрономических или театральных вкусах. Периодически подозрения падали на великого везира, *шейх-уль-ислама* или министров. Далеко не всегда подозреваемым удавалось оправдаться. Султан был явно одержим манией преследования. Его подозрительность создавала атмосферу недоверия и враждебности даже внутри дворцовой клики, в кругу наиболее приближенных к султану лиц.

Атмосфера произвола естественно распространилась на жизнь провинций. Высшие чины провинциального аппарата менялись столь же часто, как и чиновники столичных ведомств. Везде в провинциях царили административный произвол, казнокрадство и взяточничество.

Абдул-Хамид II поставил все учебные заведения и их учебные программы под жесточайший контроль цензуры, сам постоянно вмешивался в дела ведомства просвещения. Любое проявление свободомыслия в процессе школьного обучения пресекалось немедленно. На всех ступенях светской турецкой школы резко возросло религиозное влияние. Университет в Стамбуле влачил жалкое существование. Инспекторы правительства контролировали не только лекции по богословию, литературе и истории, но и специальные курсы на техническом факультете. Курс истории в университете был сведен к краткому изложению истории ислама и династии Османов. Особенно жестко султан и его цензоры опекали военные училища, которые Абдул-Хамид не без основания считал рассадником либерализма. Султан держал военные училища в тисках самой жесткой военной дисциплины.

Эпоха Зулюма стала и худшей порой для турецкой культуры. Журналистика, достигшая в годы Танзимата и конституционного движения значительных успехов, была сведена на нет усилиями султанских цензоров. Несколько сохранившихся изданий печатали только угодные султану и Порте статьи. Слова «свобода», «равенство», «право», «конституция», «революция», «тирания», «деспотизм» и т.п. были запрещены. Даже такие слова, как «весна» или «возрождение», казались цензорам крамольными, ибо могли, по их мнению, натолкнуть читателя на либеральные мысли. Произвол невежественных цензоров привел к запрету лучших произведений европейской литературы. Под запретом оказались книги Руссо и Вольтера, Шиллера и Шекспира, Расина и Корнеля, Гюго и Золя, Толстого и Байрона. Под особо строгим запретом оказались произведения Намыка Кемаля, Зия-бея и ряда других прогрессивных литераторов — деятелей конституционного движения.

Османская империя в течение нового времени постоянно была ареной борьбы нетурецких народов за свое освобождение. Нежелание Абдул-Хамида и его пра-

вительства реализовать план реформ в областях империи, населенных армянами, в соответствии с Берлинским трактатом 1878 г. усилило тенденцию к росту национально-освободительного движения среди армянского населения империи. В его среде открыто стали давать о себе знать антисултанские настроения. Уже в 1890 г. султанские власти усилили военные контингенты в армянских районах страны, начали пресекать деятельность армянской прессы, преследовали сторонников армянских антитурецких революционных организаций. В июле 1890 г. в Стамбуле Порта силой оружия разогнала демонстрацию армян, требовавших от султана улучшить общее положение в стране, а также избавить армянское население от гнета и насилия султанских сановников.

Возмущение политикой султанской администрации охватило в начале 90-х годов и ряд европейских провинций Османской империи — Крит, Эпир, Македонию. Восстание греков на о-ве Крит вылилось в требование критян о присоединении острова к Греции или предоставлении ему широкой автономии. В 1897 г. повстанцы вели вооруженную борьбу с войсками султана.

Абдул-Хамид и его окружение по-своему решали проблемы многонациональной страны. Они превратили ее в тюрьму для всех народов, обеспечивая свое господство с помощью разжигания религиозной и национальной вражды. Султан использовал для провоцирования столкновений между разными народами весь свой огромный аппарат сыска, жандармерию и полицию. В эти годы буквально ужас наводила во многих районах страны полурегулярная кавалерия, организованная султаном с помощью ряда преданных Абдул-Хамиду вождей курдских племен. Особенно пострадали от безудержного террора султанских головорезов районы с армянским населением. Абдул-Хамид и его ближайшее окружение организовали в 1894–1896 гг. страшную резню армян, потрясшую весь мир. Уже в 80-е годы султан начал проводить политику физического истребления армян, но в 1894 г. эта политика приобрела угрожающие размеры после кровавой резни армян в Сасуне. Через год избиение армян началось по всей стране. За два года было уничтожено около 300 тыс. человек. Сотни городов и сел Западной Армении были разорены султанскими войсками и полицией.

Все годы правления Абдул-Хамида II Османская империя была ареной непрерывной борьбы великих держав за преобладающее политическое или экономическое влияние. Разменной монетой в дипломатической игре держав стали различные аспекты национального вопроса империи — армянский вопрос, междоусобная борьба в Македонии, восстание критских греков. Эти события обычно использовались державами для усиления их влияния на султана и Порту. Позиция Османской империи в международных вопросах в эти годы чаще всего определялась в европейских столицах, а Абдул-Хамид — ловкий и коварный политик — вел лишь игру, целью которой было укрепление его личных позиций. Примером диктата держав в этот период служит турецко-греческая война 1897 г., которая возникла в результате поддержки Грецией восстания греков на о-ве Крит. Туркам удалось разгромить греческую армию, но державы заставили султана подписать такой мирный договор, который вел к фактической ликвидации власти Османской империи над Критом.

В конце XIX в. в Османской империи резко возросло политико-экономическое влияние Германии. В 1898 г. германский кайзер Вильгельм II посетил Ос-

манскую империю с весьма торжественно обставленным официальным визитом. Кайзер установил хорошие отношения с султаном, объявив себя покровителем мусульман. Султан и Порты во внешнеполитических делах стали откровенно ориентироваться на Берлин. Турецкая армия была поставлена под контроль немецких инструкторов. Многие ведомства Порты оказались под опекой немецких советников.

Итак, в начале XX в. Османская империя потеряла экономическую и политическую независимость. На пути исторического прогресса этой страны стояли феодально-султанский деспотический режим и иностранный капитал со всеми его экономическими и политическими позициями внутри страны. Такое положение объективно не могло не способствовать возникновению новой волны протеста тех социальных и политических сил турецкого общества, которые несколько десятилетий добивались реформ и составили социальную базу движения за конституцию. В 80–90-х годах XIX в., несмотря на террор и репрессии, начали постепенно накапливаться силы протеста против ненавистного народу режима Зулума. Наиболее значительным проявлением этого общественно-политического процесса стало так называемое младотурецкое движение.

В первое десятилетие царствования Абдул-Хамида II казалось, что оппозиционные настроения подавлены полностью и окончательно. Между тем в недрах образованной части турецкого общества не только сохранились, но и продолжали развиваться буржуазно-либеральные конституционные идеи и настроения. Террор и репрессии эпохи Зулума не сломили окончательно те социальные силы, которые были опорой конституционного движения. И чем яростнее душил султан и его приспешники любое проявление свободомыслия, тем отчетливее вырисовывались первые контуры оппозиционных режиму сил. Они формировались по-прежнему главным образом в среде турецкой разночинной интеллигенции, образованного офицерства армии и флота, учащихся военных и специальных гражданских школ.

Первая попытка начать борьбу против деспотии Абдул-Хамида II относится к 1889 г., когда несколько юношей—учащихся военно-медицинского училища создали тайную группу, которая ставила своей целью борьбу с режимом «кровавого» султана. Инициатором создания этой группы стал Ибрагим Темо, албанец по происхождению. Вместе с тремя товарищами по училищу он создал организацию, построенную по принципу деятельности карбонариев. С первых же шагов тайного общества, поставившего целью спасение родины от деспотизма и тирании, в его деятельности приняли участие курсанты военно-медицинского училища, отдельные преподаватели, журналисты и чиновники. Идейные воззрения участников этих первых организованных ячеек будущего младотурецкого движения конца XIX — начала XX в. формировались под непосредственным влиянием литературных и публицистических работ Ибрагима Шинаси и Намыка Кемалья, Мидхата и Зия-бея. Именно свободолобивые, антидеспотические произведения идеологов-конституционалистов 60–70-х годов стали для младотурок 80–90-х годов первой школой оппозиционной политической деятельности.

Вначале ячейка младотурок в стенах военно-медицинского училища насчитывала 20–25 членов. Ее руководители начали устанавливать контакты с учащими-

ся других учебных заведений Стамбула с целью создания в них ячеек общества, что им и удалось сделать за довольно короткий срок. То обстоятельство, что первые группы младотурок возникали именно в военных и специальных гражданских учебных заведениях, не было случайным явлением. Они были в этот период наиболее важными центрами формирования турецкой интеллигенции.

Примерно в это же время стал складываться первый зарубежный центр оппозиционной деятельности младотурок. Его возглавил один из видных лидеров и идеологов младотурецкого движения — Ахмед Риза-бей, сын видного турецкого чиновника, получивший хорошее европейское образование. В 1889 г. Ахмед Риза эмигрировал во Францию. Как и многие другие турецкие буржуазные реформаторы, он начал с представления докладных записок султану, в которых призывал к установлению конституционного правления. С 1889 по 1894 г. Ахмед Риза семь раз направлял султану послания, в которых призывал его изменить губительную для страны и османской династии политику, восстановить в правах конституцию 1876 г. Вокруг Ахмеда Ризы постепенно сложилась небольшая группа эмигрантов, большинство которых покинули Турцию в знак протеста против кровавого режима Абдул-Хамида.

В 1892 г. султанскому правительству стало известно о существовании тайного общества в военно-медицинском училище. Ряд курсантов-членов общества были арестованы, но после нескольких месяцев заключения султан их помиловал. Он явно предпочел не накалять репрессиями атмосферу в военных училищах. Заговорщики получили даже возможность продолжить учебу. Вероятно, Абдул-Хамид II хотел представить события как юношескую выходку, снисходительно прощенную «отцом-султаном». Но он просчитался, ибо деятельность общества продолжала шириться. Его члены даже начали вести пропаганду своих антидеспотических идей среди *софт*.

В 1894 г. группа студентов военно-медицинского училища отпечатала в Стамбуле первую листовку от имени османского общества «Единение и прогресс». Она содержала призыв к совместной борьбе всех народов Османской империи с деспотическим режимом. Члены подпольной организации распространяли ее в Стамбуле среди чиновников, офицеров армии и флота, курсантов военных училищ. В ответ на эту акцию Порты вновь произвела аресты лиц, подозревавшихся в свободомыслии. Многие члены тайного общества были сосланы в разные районы империи. В 1894–1895 гг. из Турции бежало, спасаясь от арестов, значительное число участников младотурецких ячеек в учебных заведениях страны. Некоторым из них удалось перебраться в Европу из ссылки. Многие из эмигрантов обосновались в Париже.

Центром притяжения для турецких политических эмигрантов стала газета Ахмеда Ризы «Мешверет» («Дебаты»), которая начала издаваться в декабре 1895 г. В одном из первых номеров «Мешверет» опубликовала программную статью общества «Единение и прогресс». Его основные цели были сформулированы так: неделимость империи, невмешательство иностранных держав в ее дела, реформы с целью достижения прогресса страны, равенство всех подданных империи без различия вероисповедания и национальности.

После арестов и ссылок 1894–1895 гг. стамбульская организация младотурок все же не прекратила своего существования. Был даже создан центральный коми-

тет общества под председательством видного чиновника Хаджи Ахмед-эфенди. В этот период тайная организация младотурок уже имела свой устав, в котором было сказано, что целью общества «Единение и прогресс» является обеспечение «справедливости, равенства и свободы», прогресса страны и освобождение ее от иностранной кабалы. В уставе прямо было сказано, что важнейшей задачей общества является борьба за восстановление конституционного режима. В стране начали тайно распространяться печатавшиеся обычно в Европе или Каире политические памфлеты на турецком языке, содержавшие острую критику личности Абдул-Хамида II и его действий.

В эмиграции младотурки издавали несколько десятков газет на турецком языке. Наиболее значительными были уже упомянутая парижская «Мешверет» (выходила и на французском языке), «Мизан» («Весы», Каир, 1896—1897 гг.), «Османлы» («Османец», Женева, Лондон, Каир, 1897—1904 гг.), «Шура-и уммет» («Совет общины», Париж, Каир, 1902—1908 гг.). Издавали они и две сатирические газеты, в Женеве и Фолькестоне (Англия), в которых особенно едко высмеивался и поносился султан Абдул-Хамид II, публиковалось много карикатур. В газетах младотурок подробно обсуждались проблемы, связанные с внутренним и международным положением Османской империи, излагались и аргументировались программные взгляды лидеров младотурок. Наряду с изданием газет большую роль в пропагандистской деятельности младотурецких организаций играло издание значительного числа брошюр и листовок, тайно распространявшихся, как и газеты, различными способами в пределах Османской империи.

Центральной идеей во всей младотурецкой пропаганде была мысль о необходимости восстановления конституционного строя и созыва парламента. Другим наиболее часто повторявшимся тезисом было утверждение, что конституционные реформы нужны как средство, способное предотвратить распад и раздел Османской империи великими державами. Эта идея выдвигалась еще «новыми османами». Но в пропаганде младотурок она звучала значительно острее, как призыв положить конец засилью иностранных держав в Турции.

Однако многочисленные группировки младотурок внутри страны и за ее пределами не располагали общим и сколь-нибудь ясным ответом на вопрос о том, какие социальные перемены должны произойти в обществе после восстановления конституции 1876 г. Идейные разногласия и споры буквально раздирали младотурецкую эмиграцию. Ее объединяло лишь стремление положить конец деспотизму Абдул-Хамида II. Разногласия Ахмеда Ризы и другого лидера младотурок, Мурада, издававшего в Каире газету «Мизан», раскололи их на два лагеря, внутри каждого из которых было немало групп с различными позициями. Между тем султан был хорошо осведомлен о том, что в среде эмигрантов нет единства. Он следил за их действиями через своих дипломатов и шпионов в Европе, умело использовал противоречия и распри. В 1897 г. ему удалось через своего эмиссара склонить Мурада и ряд других эмигрантов к отказу от политической борьбы и возвращению на родину. Некоторые из них даже получили назначения на дипломатические посты.

Летом 1896 г. стамбульская группа младотурок попыталась произвести государственный переворот. Заговорщики заручились поддержкой командующего одной из армейских дивизий в Стамбуле. Заговорщики были преданы одним из участников заговора, их немедленно арестовали и сослали. Однако многим из

них удалось вскоре бежать в Париж. Летом 1897 г. Абдул-Хамид II нанес еще один сильный удар по движению младотурок внутри страны. Были произведены аресты членов вновь начавших действовать ячеек младотурок в ряде учебных заведений Стамбула. В июне 1897 г. военный трибунал приговорил к ссылке в Триполи около 80 человек, 13 из них вначале были приговорены к смертной казни, которая была заменена ссылкой.

Несмотря на понесенные значительные потери, движение продолжало свое существование. После тяжелых событий лета 1897 г. действовало несколько зарубежных центров младотурок в Париже, Женеве и Каире. Существовали также группы младотурок в Румынии, Болгарии и Албании. Продолжалось издание многих газет. В этот период особенно значительную роль в пропаганде младотурок играла газета «Османлы».

Первая попытка объединить деятельность различных эмигрантских кружков и групп была предпринята каирской группой младотурок в 1899 г. Было выдвинуто предложение о созыве конгресса младотурецких организаций. Эта идея стала широко обсуждаться в различных изданиях младотурок. Однако в этот период младотурки не смогли договориться о созыве конгресса. Этого удалось достигнуть двумя годами позже, когда к движению примкнул один из крупных сановников империи, Дамад Махмуд-паша, женатый на сестре Абдул-Хамида II. Отказавшись по ряду причин от карьеры, он эмигрировал в Европу, где присоединился вместе с двумя сыновьями к младотуркам. Его сын Сабахеддин стал вскоре одним из самых крупных деятелей младотурецкой эмиграции. Сабахеддин содействовал созыву первого конгресса младотурок, оказал материальную поддержку тем, кто нуждался в средствах на поездку для участия в конгрессе. Написанная и опубликованная им и его братом Лютфуллахом в 1901 г. брошюра «Всеобщая декларация» сыграла важную роль в идейной подготовке съезда младотурецких группировок, призывая все свободолюбивые силы страны, противников абдулхамидовского режима всех национальностей, к сплочению и общей борьбе с тиранией.

Первый конгресс младотурок состоялся в Париже 4–9 февраля 1902 г. В конгрессе участвовало 60–70 (по другим сведениям — 47) человек. Среди его делегатов были турки, армяне, греки, арабы, албанцы, черкесы, курды, евреи. Председателем конгресса стал Сабахеддин.

Дискуссия на заседаниях конгресса была острой, в ее центре оказались два вопроса: о привлечении армии к участию в движении и о возможности использования вмешательства иностранных держав для обеспечения конституционных реформ в Турции. Против любого вмешательства иностранных держав выступали Ахмед Риза и его сторонники. Другая группа делегатов, возглавлявшаяся принцем Сабахеддином, пыталась доказывать возможность бескорыстной помощи держав делу реформ в Османской империи. В принятой большинством резолюции конгресса отразились главным образом взгляды Сабахеддина и его единомышленников, считавших целесообразной и возможной значительную децентрализацию административного управления и предоставление широких полномочий местным властям.

Парижский конгресс младотурок не смог обеспечить единства в движении. После него группа Ахмеда Ризы организационно оформилась как «Общество прогрес-

са и единения». Сабахеддин и его сторонники создали «Общество личной инициативы и децентрализации». После конгресса 1902 г. эти организации младотурок действовали самостоятельно, имели свои политические программы и органы печати. Органами «Общества прогресса и единения», которое было продолжателем деятельности общества «Единение и прогресс», были газеты «Мешверет» и «Шура-и уммет».

«Общество прогресса и единения» так формулировало свою программу: защита независимости и целостности Османской империи, сохранение османской династии, восстановление конституции 1876 г., единение всех подданных империи, борьба за создание общего чувства патриотизма у всех народов Османской империи. Последнее положение свидетельствовало о последовательной пропаганде младотурками доктрины османизма.

«Общество личной инициативы и децентрализации», организационно оформившееся в феврале 1902 г., имело свой центр в Париже. Оно постепенно создало ряд отделений как внутри Османской империи (тайные комитеты в Измире, Эрзеруме, Трабзоне и Дамаске), так и за ее пределами (Каир).

В 1902–1904 гг. действовало еще несколько разрозненных групп младотурок. Особенно активной была женевская группа, издававшая «Османлы» и создавшая в марте 1904 г. «Османское общество единения и революции». В его уставе говорилось, что общество создано с целью «преобразования деспотического режима Турции в конституционный». В Каире группа младотурок создала сразу после парижского конгресса «Общество османского согласия». По своим программным установкам она была близка к идеям Сабахеддина. В 1904 г. возникла ячейка младотурецкого движения, организованная группой учащихся одной из турецких средних школ лицейного типа — *идадийе*. Организация насчитывала более 100 членов, строилась на основе строгой конспирации по принципу «пятерок». Ее члены ставили своей задачей восстановление конституции, издавали в нескольких сотнях экземпляров печатный орган — «Революционный журнал», выпускали листовки, распространявшиеся в столице. Эта группа также поддерживала «Общество личной инициативы и децентрализации», с которым имела контакты. В целом же после конгресса 1902 г. политическая активность младотурок заметно снизилась. Новый подъем младотурецкого движения был связан с возникновением революционной ситуации в Османской империи.

Русская революция 1905 г. имела живой отклик в Турции. Хотя султанская цензура делала все возможное, чтобы не допустить проникновения в Турцию сообщений о революционных событиях в России, сведения о них попадали в Турцию через иностранные газеты, о них писали и в распространявшихся в стране изданиях младотурок. Газета младотурок «Тюрк» (Каир) призывала брать на вооружение идеи русской революции. Один из крупных младотурецких пропагандистов, Абдуллах Джевдет, в изданной в Женеве брошюре также призывал соотечественников брать пример с России. С февраля 1905 г. «Шура-и уммет» регулярно публиковала статьи, направленные против русского царя, в защиту российских революционеров и восставшего народа России.

В 1906–1907 гг. в турецкой армии и флоте имел место ряд открытых выступлений солдат и матросов против военного начальства. В декабре 1906 г. около 450 матросов, недовольных условиями службы, напали на дом начальника мор-

ского штаба, ранили хозяина и избили трех его офицеров. В том же году было немало случаев массового дезертирства и отказа солдат участвовать в подавлении антиправительственных выступлений.

В 1906–1907 гг. ареной довольно значительных по характеру и масштабам антиправительственных выступлений стала Анатолия. Анатолийская турецкая буржуазия возглавила антиправительственные выступления в ряде городов Восточной Анатолии — Эрзеруме, Ване, Битлисе, Диярбакире.

Особенно мощными были выступления масс в Эрзеруме. Они начались в марте 1906 г. с массовых манифестаций, участники которых требовали отмены ряда налогов и смещения особо ненавистных населению чиновников, в частности генерал-губернатора. Правительству пришлось пойти на смену власти в *вилайете*. Но волнения не прекратились, они перекинулись на местный гарнизон. Созданные руководителями антиправительственного движения общество «Джан-верир» («Жертвующий собой»), в котором тон задавала местная торговая буржуазия, даже выпустило обращение к солдатам, призывая их не выступать против восставшего населения края. В феврале 1907 г. правительству пришлось пойти на новые уступки эрзерумцам, отменив некоторые налоги.

Эрзерумские события стали сигналом к антиправительственным выступлениям в других районах Малой Азии. События подобного рода произошли весной 1906 г. в Кастамону, где население отказалось от участия в муниципальных выборах и выразило массовый протест против злоупотреблений губернатора и налогового бремени. Пятитысячная толпа демонстрантов захватила здесь почту. Один из офицеров-участников демонстрации передал по телеграфу в Стамбул требования восставших, которые султан и Порты вынуждены были частично удовлетворить. В том же году восставшее население отстранило от исполнения его функций губернатора Трабзона. Султан вынужден был и здесь уступить, послав в этот *вилайет* нового правителя.

И все же правительству удалось репрессиями погасить антиправительственное движение в Анатолии. В Эрзерумском *вилайете* были произведены массовые аресты. Арестованных судили, 8 человек было приговорено к смертной казни, 18 — к пожизненной каторге. Некоторых отправляли в ссылку. Роль младотурок в этих событиях состояла главным образом в распространении различных изданий — газет и брошюр пропагандистского характера — в разных городах Анатолии. Они, конечно, во многом предопределили характер анатолийских городских восстаний в 1906–1907 гг. Некоторые из младотурок участвовали в этих событиях и лично, но в целом эти движения развивались стихийно. К концу 1907 г. правительству удалось с помощью репрессий «умиротворить» население в городах Восточной Анатолии.

В 1906 г. активизировались и антиправительственные настроения среди учащих военных и гражданских специальных учебных заведений. Курсанты военного училища в Стамбуле распространяли издания младотурок в учебных заведениях столицы. В результате контактов разных революционно настроенных групп учащейся молодежи был даже создан «Союз военных и высших гражданских школ». Делались попытки создать вооруженные подпольные группы. В конце 1906 г. деятельность союза была пресечена властями. Были произведены аресты по обвинению в подготовке покушения на султана и министров правительст-

ва. Участников организации осудили на длительное тюремное заключение. Но движение учащейся молодежи столицы полностью подавить не удалось. В 1907 г. действовали тайные группы в военно-медицинском училище и юридической школе столицы. Они продолжали распространять нелегальные издания младотурок.

Наращение революционной ситуации в стране привело к активизации деятельности младотурецких организаций как за пределами Османской империи, так и внутри ее. В 1906 г. «Общество прогресса и единения» распространило в Турции специальное воззвание, обращенное к турецкому народу, в котором содержался призыв к борьбе за восстановление конституции 1876 г. и к совместным действиям всех подданных Османской империи в борьбе с деспотическим режимом султана Абдул-Хамида. В этот период «Общество прогресса и единения» вело обширную переписку с единомышленниками в Турции, призывая их к созданию тайных ячеек внутри страны. В 1906–1907 гг. активизировало свою деятельность и «Общество личной инициативы и децентрализации». Ряд членов общества были направлены в Анатолию для создания отделений внутри страны. В 1906 г. Сабахеддин начал издавать в качестве органа общества газету «Тераккы» («Прогресс»).

В 1906 г. началась новая полоса активной деятельности младотурок внутри страны. Она связана прежде всего с организацией в Салониках в июле 1906 г. нового тайного общества, которое ставило своей целью борьбу с деспотическим режимом и иностранным вмешательством. Оно приняло название «Османское общество свободы». Общество вело работу на началах строжайшей конспирации, его члены были разбиты на тройки. Они начали с вербовки сторонников, обращая особое внимание на работу в армии. В конце 1906 г. возникла еще одна ячейка младотурецкого движения — в Дамаске.

Осенью 1907 г. произошло объединение османского «Общества прогресса и единения» и «Османского общества свободы», которое к этому времени приобрело значительное число сторонников, преимущественно среди армейских офицеров. 27 сентября 1907 г. был подписан документ об организационном объединении этих обществ под названием «Османское общество прогресса и единения». Оно определило своей основной целью восстановление и применение конституции Мидхат-паши. Было признано целесообразным иметь два общих центра — зарубежный в Париже и внутренний в Салониках. Салоникский комитет младотурок после этого усилил вербовку новых членов и расширил свою пропаганду в армейских частях, расквартированных в европейской Турции.

В этот период наметилось сближение младотурецких организаций с революционными партиями и группами нетурецких народов Османской империи. Были установлены контакты между младотурецкими комитетами и армянскими буржуазно-национальными партиями, а также руководителями македонского освободительного движения. Армянские буржуазно-национальные организации проявили инициативу в созыве конгресса для обсуждения вопроса о совместных действиях всех политических партий и групп, борющихся с деспотическим режимом.

Второй конгресс младотурок состоялся в Париже 27–29 декабря 1907 г. Он принял изложенную в «Декларации» программу совместных действий всех партий и групп, выступавших против феодально-абсолютистского режима. Вопросы будущего государственного устройства Османской империи в «Декларации» бы-

ли сознательно обойдены. Ее авторы сочли возможным ограничиться лишь словами о восстановлении конституции и созыве парламента. Разногласия различных групп антидеспотического движения по вопросам будущего государственного и политического строя были не ликвидированы на этом конгрессе младотурок, а лишь временно сняты с обсуждения. Особенностью «Декларации» было сведение пороков феодально-абсолютистского режима к личным недостаткам царствующего монарха. В этом документе не было анализа социальной и политической жизни страны. «Декларация» призывала к вооруженной борьбе и всеобщему восстанию против существующего в стране режима.

Парижский конгресс 1907 г. сыграл в целом немалую роль в консолидации политических сил сопротивления деспотическому режиму. После этого активнее начали действовать организации младотурок внутри страны, усилилась пропаганда их идей в армии. Таким образом, младотурки, пойдя на объединение с оппозиционными партиями и организациями нетурецких народов империи, вступили на путь революционной борьбы с феодально-абсолютистским режимом. Османская империя оказалась на пороге первой в ее истории буржуазной революции.

АРАБСКИЕ СТРАНЫ
В 1880-е — НАЧАЛЕ 1900-х ГОДОВОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ЕГИПТЕ
И ВОССТАНИЕ ОРАБИ-ПАШИ (1879–1882)

Образование в августе 1878 г. «европейского кабинета» заметно подрывало существовавшую внутри египетского общества структуру господства и подчинения. Почти независимый от *хедива* кабинет министров теперь уже обеспечивал интересы европейских кредиторов и держателей акций. Попытка *хедива* Исмаила отвоевать утерянные позиции, хотя и стоила ему трона, положила начало тому острейшему общественно-политическому кризису, который завершился антиколониальным восстанием Ораби-паши.

Для восстановления своей власти правитель Египта использовал помимо собственного окружения («мамлюки Исмаила») Консультативное собрание, стремясь опереться на представителей автохтонной социальной элиты. Именно в этом скрывалась одна из важнейших причин столь неожиданного выхода депутатов на политическую сцену в 1879 г. При этом *хедив* оставался в тени, открыв третью сессию Консультативного собрания 2 января 1879 г. лишь чрезвычайно краткой тронной речью. На этой сессии депутаты в ответной речи *хедиву* впервые заявили о себе как о «представителях египетской нации» и «защитниках ее прав и интересов», открыто заговорив о «равенстве в правах», о благе народа. Их традиционные слова восхваления *хедива* прозвучали на этот раз вызывающе по отношению к европейским консулам и явно имели патриотическую окраску.

Спустя несколько дней именитый депутат от Каира купец аль-Аттар выступил с требованием, чтобы на заседание Консультативного собрания явился министр финансов англичанин Р.Вильсон для обсуждения финансового положения страны.

«Европейский кабинет» проигнорировал это требование. Более того, на следующий день по настоянию министров-иностранцев Нубар-паша добился от *хедива* издания декрета, в соответствии с которым рассмотрение финансовых вопросов и принятие по ним решений становилось исключительной прерогативой кабинета министров.

Консультативное собрание опротестовало этот декрет, настойчиво добиваясь права участвовать в обсуждении финансовых вопросов, в том числе финансового проекта Р.Вильсона, который, как уже было известно депутатам, непосредственно затрагивал их материальные интересы. Проект предполагал: отмену выплат по внутренним займам и лишь частичное возвращение кредиторам-египтянам вложенных денег; увеличение налогов с крестьянских и помещичьих земель; передачу имений *хедива* долговой комиссии; отмену льгот, вытекавших из закона о *мукабале*.

Направлявший оппозиционные действия *хедив* Исмаил был готов также использовать усилившееся брожение среди египетских офицеров, которые давно не получали жалованье, и многие из них вследствие политики европейских контролеров по «экономии средств» оказались под угрозой увольнения из армии. В результате 18 февраля 1879 г. произошла военная демонстрация с участием нескольких депутатов Консультативного собрания, которая привела к падению «европейского кабинета» Нубар-паши.

Долгие препирательства с европейскими консулами завершились тем, что только 10 марта 1879 г. на компромиссной основе был сформирован новый, так называемый второй «европейский кабинет» во главе с наследным принцем Тауфиком. В состав кабинета, в частности, вошли Нубар, Рияд и два иностранца (англичанин и француз), пользовавшиеся неограниченным правом вето.

После этого центр политической борьбы вновь переместился в Консультативное собрание. Тогда правительство решило распустить депутатов. Рияд-паша, явившись 27 марта на очередное заседание, обсуждавшее вопросы финансов политики правительства, объявил о том, что срок полномочий собрания истек. И здесь произошло то, что, возможно, и не планировалось *хедивом*. Члены Консультативного собрания отказались разойтись. Группа депутатов во главе с близким ко двору Абд ас-Салимом аль-Мувайлихи и Мухаммедом Рида потребовала продлить сессию на два месяца, необходимых для обсуждения финансовых вопросов и пересмотра принципа деятельности египетских министерств.

Спустя два дня (29 марта) Консультативное собрание направило *хедиву* петицию протеста против финансового проекта Вильсона. В начале апреля группа депутатов подписала «Национальный манифест», выработанный ближайшим окружением *хедива* в качестве контрпроекта финансовому плану Вильсона.

Только после этого *хедив* Исмаил выступил открыто. Сначала он обещал (как бы в ответ на «Национальный манифест») не возвращаться к системе «личного правительства», а 7 апреля в присутствии иностранных консулов, государственных сановников, *улемов* и членов Консультативного собрания заявил о своем намерении образовать чисто «национальное» правительство, ответственное перед Палатой депутатов. В этот же день Шериф-паше, деятелю умеренно-либерального толка, было поручено формирование правительства из «подлинно египетских элементов». Ни один из представителей автохтонной части помещичьего класса, правда, в состав правительства не вошел. Тем не менее коллаборационисты и европейцы были отстранены от управления страной, а старая правящая элита (*зават*) восстановила свои позиции в структуре власти.

Правительство Шериф-паши подготовило проекты конституции и нового избирательного закона. Оба документа, явившиеся большим шагом вперед по сравнению с «конституционным» актом 1866 г., были представлены в мае и начале июня на обсуждение Палаты депутатов. Правительство признало действительными все обязательства по внутренним займам. Со своих постов были уволены ряд иностранных чиновников.

В ответ в июне 1879 г. европейские консулы решили устранить *хедива* Исмаила от власти. Под их давлением султан Абдул-Хамид II сообщил о низложении Исмаила. Его смещение 26 июня 1879 г. привело к резкому изменению в соотношении политических сил в пользу коллаборационистов. Шериф-паша, видя

всю бесперспективность своего положения, сначала распустил (6 июля) Консультативное собрание, а 17 августа подал в отставку. На этот раз депутаты безропотно разошлись, так и не приняв конституцию.

Новым правителем Египта стал принц Тауфик. Трусливый и малодушный, он быстро разочаровал всех тех, кто (в том числе аль-Афгани и его ученики) так или иначе рассчитывал на него. Он отказался утвердить проект конституции, а когда патриотическая пресса сделала несколько выпадов против него, закрыл ряд газет, выслал аль-Афгани за пределы Египта, разгромил умеренно-либеральное движение «Мыср аль-фатат» («Молодой Египет»). Подлинным же правителем страны (вместе с английским и французским консулами) стал Рияд-паша, возглавивший правительство. Одновременно он руководил министерствами финансов и внутренних дел.

В деятельности этого нового правительства можно проследить тенденции, отвечавшие потребностям капиталистического развития страны. Это видно на примере преобразований в области налоговой политики: в частности, в ноябре 1879 г. был издан декрет об отмене введенного еще в 1873 г. соляного налога. Новый декрет от 17 января 1880 г. полностью отменял 29 незначительных для фиска, но от этого не менее обременительных для населения налогов, при этом остальные 23 были значительно унифицированы. Однако отмена (в январе 1880 г.) закона о *мукабале* особенно сильно затронула интересы крупных землевладельцев, в том числе и *зават*.

Оппозиция турецко-черкесских пашей заявила о себе еще 4 ноября 1879 г. «Манифестом египетской Национальной партии», осуждавшим иностранное вмешательство и коллаборационистское правительство Рияда.

Одновременно недовольство финансовой политикой и деспотизмом Рияд-паши приняло форму петиционного движения, в котором участвовали представители хедивской семьи, крупные землевладельцы, высшие офицеры и чиновники, преимущественно турецко-черкесского происхождения. Они протестовали против отмены *мукабалы* и введения дополнительного налога на помещичьи земли *ушрийя*.

Рияд-паша действовал решительно. Участники петиционного движения подверглись преследованиям. Одни были брошены в тюрьму, другие изгнаны в Судан, офицеры и чиновники увольнялись со службы или переводились на другие должности. Оппозиционных пашей он поставил под такой полицейский контроль, что Нубар счел за благо «добровольно» покинуть Египет, а Шериф и другие — укрыться в провинции. Таким образом, с турецко-черкесской оппозицией *зават* — бывших «исмаилистов» — было покончено.

Преследуя оппозиционных пашей, Рияд-паша в то же время привлек на государственную службу многих египтян-интеллигентов новой формации. Более того, ему удалось «помириться» с учениками аль-Афгани, в частности с Мухаммедом Абдо, который осенью 1880 г. был назначен главным редактором правительственной газеты «аль-Вакаи аль-мисрийя» («Египетские ведомости»). Последний, в свою очередь, привлек к сотрудничеству с газетой других учеников аль-Афгани. Сам Абдо в это время являлся сторонником «просвещенного деспотизма».

Однако политика правительства Рияда вызывала раздражение не только различных прослоек феодально-помещичьего класса, но и противоречила интересам армии вообще и коренных египетских офицеров в частности. Еще в июле 1879 г. хедив получил петиции от офицеров, требовавших увольнения военного минист-

ра Али Галиба. Однако назначенный вместо него Осман Рифки проводил столь дискриминационную в отношении «феллахских» офицеров политику, что их открытое выступление явилось лишь вопросом времени.

В результате 1 февраля 1881 г. армейские офицеры под предводительством Ахмеда Ораби поднялись в защиту своих сугубо профессиональных интересов. Ненавидимый офицерами турко-черкес Осман Рифки был отправлен в отставку. Военным министром был назначен полковник Мухаммед Сами аль-Баруди, который рассматривался мятежными офицерами как своего рода гарант их личной безопасности. Наконец, и в этом, пожалуй, заключается одно из важнейших последствий события, Ахмед Ораби и его сподвижники вызвали сочувствие группы крупных землевладельцев, представлявших интересы автохтонной части феодально-помещичьего класса. Выступления армии 18 февраля 1879 и 1 февраля 1881 г. были столь убедительны, что Ораби и орабисты не без оснований увидели в «феллахских» офицерах готовый инструмент, с помощью которого можно было бы покончить с деспотическим режимом Рияда и добиться ключевых позиций в структуре власти. Летом 1881 г. по сути оформился союз провинциальных нотаблей и «феллахских» офицеров.

ВОССТАНИЕ ОРАБИ-ПАШИ

9 сентября 1881 г. Ахмед Ораби от имени «народа и армии» предъявил *хедиву* Тауфику следующие требования: уволить в отставку Рияд-пашу и его правительство, созвать парламент, увеличить численность египетской армии. *Хедив* уступил, ибо главным аргументом Ораби, естественно, были стоявшие за ним мятежные полки. В отличие от военных демонстраций 18 февраля 1879 г. и 1 февраля 1881 г., «движение 9 сентября» выдвинуло сугубо политические требования.

Выступление египетской армии привело к изменениям в традиционной структуре власти. На некоторое время свое былое значение потерял институт *хедивата*; заметно ослабли позиции европейских консулов. Реальная власть перешла в руки представителей автохтонных помещиков и армейских офицеров. Наряду с восстановленным парламентом возникали новые формы политической организации и государственного управления (Генеральная ассамблея, Чрезвычайный совет и др.).

В первые же дни после выступления армии главную роль в решении вопроса о власти сыграли автохтонные нотабли, предводительствуемые крупнейшим землевладельцем страны Мухаммедом Султан-пашой. Отнюдь не компрометируя себя, они впервые открыто выступили в «благородной» роли посредников между *хедивом*, армией и европейскими консулами. В результате достигнутого компромисса на пост главы правительства была выдвинута кандидатура Шериф-паши. И нотаблям и офицерам импонировало его положительное отношение к идее учреждения парламента и конституции. Европейским же консулам была хорошо известна его политическая умеренность.

Но Шериф-паша не сразу принял предложение. В качестве условия он потребовал беспрекословного подчинения армии, ее отказа от участия в решении во-

проса о составе правительства, вывода мятежных полков Ахмеда Ораби и Абу аль-Аля из Каира в провинцию. Переговоры Ораби с Шериф-пашой не дали положительного результата. Зато успехом завершились усилия Султан-паши, которому удалось к 12 сентября собрать из близлежащих провинций около 150 влиятельных помещиков, купцов, шейхов и *омд*, которые, прося Шерифа возглавить правительство, в письменной форме гарантировали ему полное подчинение армии. Шериф-паша соглашался занять пост премьер-министра, не боясь теперь обвинения в том, что пришел к власти на штыках мятежных полков.

18 сентября группа бывших депутатов во главе с Султан-пашой вручила *хедиву* и премьер-министру петицию. Они просили ввести конституцию и восстановить Консультативное собрание, наделенное теми же правами, что и представительные органы в европейских странах.

Шериф-паша, хотя и принял идею провинциальных нотаблей, все же мыслил деятельность парламента в рамках принципа *шюра*, т.е. не шел дальше наделения его чисто совещательными функциями. Декрет о созыве Палаты депутатов был подписан 4 октября 1881 г. Утром 6 октября полк Ахмеда Ораби покинул Каир в направлении Рас-эль-Вади (провинция Шаркийя).

Вопреки расчетам, в провинции Ораби суждено было превратиться из армейского полковника в харизматического лидера. К концу 1881 г. его командный пункт превратился в своеобразный центр неформальной власти. Он принимал в своем доме делегации, рассматривал многочисленные петиции, часто визируя их и направляя в соответствующие министерства, давал интервью иностранным корреспондентам. 5 января 1881 г. Ораби был отозван из провинции и назначен заместителем военного министра. Шериф-паша считал за лучшее держать его под контролем правительства.

В этой атмосфере состоялись выборы в Палату депутатов (15 ноября), строго контролируемые провинциальными властями. И депутатами стали представители самых богатых помещичьих и купеческих семейств. Из 83 депутатов только 7 являлись членами Консультативного собрания 3-го созыва (1876–1879).

После открытия парламента общественный интерес сместился к деятельности депутатов и их взаимоотношениям с лидерами армейского движения.

Тронная речь *хедива* Тауфика призывала депутатов к «мудрой умеренности» и безусловному уважению решений, вытекавших из международных обязательств Египта.

Спустя несколько дней (2 января 1882 г.) Шериф-паша представил на рассмотрение Палаты «Органический закон» (*аль-лауха аль-асасийя*) — несколько видоизмененный проект конституции 1879 г. Новый проект конституции ограничивал власть *хедива*, но больше в пользу кабинета министров, нежели Палаты депутатов. Премьер-министр рассчитывал, что в ближайшие дни документ будет утвержден парламентом.

Однако очередное вмешательство европейских держав во внутренние дела Египта резко изменило обстановку.

8 января 1882 г. английский и французский консулы предъявили *хедиву* совместную ноту, в которой говорилось о готовности их правительств в случае внутренних и внешних осложнений поддерживать и «защищать... существующий в Египте порядок», т.е. абсолютную власть *хедива* без парламента и конституции.

Совместная англо-французская нота не только всколыхнула общественное настроение, но и способствовала укреплению союза между нотаблями страны и армией. Палата депутатов, по существу одобрившая к этому времени проект «Органического закона», теперь категорически заявила, что не примет его в том виде, в каком он был представлен правительством. Всплыл старый пункт разногласий — объем полномочий парламента в финансовых вопросах. В частности, нотабли требовали полного контроля парламента над той частью бюджета, которая не касалась выплат Порте и расходов по государственному долгу. Отказавшись рассматривать правительственный проект, они были готовы приступить к разработке собственного проекта конституции.

Между тем Шериф-паша, поддержанный европейскими консулами, настаивал на своем проекте. 26 января последовала еще одна совместная англо-французская нота протеста против намерения египетского парламента взять под свой контроль вторую часть государственного бюджета. Все это привело к острейшему кризису в отношениях между правительством и Палатой депутатов. Нотабли открыто выступили против Шериф-паши, потребовав от него на очередном заседании Палаты уйти в отставку. В тот же день специальная делегация посетила *хедива* и предложила ему отправить правительство Шериф-паши в отставку, а проект конституции с правом контроля над второй частью государственного бюджета санкционировать. На следующий день депутаты выдвинули кандидатуру Мухаммеда Сами аль-Баруди в качестве премьер-министра. *Хедив* повиновался и тотчас поручил аль-Баруди формирование нового правительства.

4 февраля 1882 г. аль-Баруди представил на рассмотрение *хедиву* программу правительства и состав кабинета, теперь уже согласованный с делегацией Палаты депутатов. *Хедиву* ничего не оставалось делать, как одобрить оба документа. Впервые представительный орган навязал *хедиву* свою волю в вопросе о власти. Победа была закреплена принятием и утверждением 7 февраля 1882 г. египетской конституции.

Принятый вариант конституции практически ничем не отличался от проекта, предложенного Шериф-пашой в 1879 и 1881 гг., по которому абсолютное право законодательной инициативы сохранялось за кабинетом министров, право утверждения законопроектов — за *хедивом*. При расхождении мнений между министрами и депутатами *хедив* мог распустить парламента и провести новые выборы. В финансовой области депутаты получили то, к чему стремились. В соответствии со ст. 30 без согласия Палаты депутатов правительство не могло повысить налоги. Кроме того, под ее контроль переходило предоставление различных привилегий и концессий иностранным подданным, хотя контроль Палаты над второй частью государственного бюджета так и остался ограниченным.

Основные идеи и устремления национальных сил в период от прихода к власти правительства аль-Баруди и до вооруженной интервенции Англии (4 февраля — 11 июля 1882 г.) известны в египетской исторической литературе под условным названием «программа 27 февраля». Согласно этой программе, разрабатывались законы, предполагавшие ликвидацию принудительных работ, справедливое распределение воды между землевладельцами в период разливов Нила, защиту крестьян от ростовщиков путем создания сельскохозяйственного банка, контролируемого правительством, реформу судебной системы, улучшение сис-

темы образования, ликвидацию остатков рабства, укрепление обороноспособности страны. При этом подчеркивалось признание Египтом всех международных, в том числе и финансовых обязательств.

Происходившие в стране изменения находили широкий отклик и одобрение среди простых египтян. Как праздник отмечалось формирование правительства аль-Баруди и принятие конституции. В адрес национального правительства шли поздравительные телеграммы; в Каир прибывали делегации провинциальных нотаблей. Проходившие торжества отличались хорошей организованностью. Их организаторы стремились не допустить проявлений фанатизма и ксенофобских настроений.

Правительство аль-Баруди всячески старалось продемонстрировать всему миру, прежде всего европейским консулам, то, что оно пользуется поддержкой различных слоев населения. Ведь именно в это время усилиями в первую очередь английских дипломатических представителей распространялось представление об установлении в Египте военной диктатуры, ведущей страну к анархии и ксенофобии.

Правительство аль-Баруди осуществляло «египтизацию» военного и административного аппарата. Это вызвало недовольство турко-черкесов, которое вылилось в заговор с целью физического устранения военных лидеров национального восстания. «Заговор черкесов», раскрытый в начале апреля, по всей вероятности, зрел в окружении *хедива*. Национальное правительство прибегло к репрессиям. Большая группа офицеров-заговорщиков предстала перед военным трибуналом. Сорок офицеров, среди которых находился бывший военный министр Осман Рифки, были разжалованы, лишены всех титулов и привилегий и подлежали пожизненной высылке в Судан. *Хедив* Тауфик, поддержанный турецким султаном и европейскими консулами, отказался санкционировать приговор военного трибунала. Он издал декрет о значительном смягчении приговора. В ответ на его действия национальное правительство предприняло еще одну не менее радикальную меру. Без чьего-либо ведома и разрешения (по конституции 1882 г., только *хедив* мог созвать или распустить парламент) оно объявило о созыве Палаты депутатов в надежде опереться на нее в борьбе против *хедива* и *зават*.

Однако Палата депутатов под руководством Султан-паши свою миссию видела в урегулировании отношений между *хедивом* и правительством и после недолгих колебаний стала на сторону *хедива*, опасаясь, как бы с его падением власть окончательно не перешла в руки военных. В дни майского политического кризиса пути «военной партии» и Палаты депутатов разошлись.

В мае 1882 г. Англия и Франция направили в Александрию военные суда под предлогом необходимости обеспечения безопасности своих подданных. Между тем английский консул настаивал на том, чтобы Ораби покинул Египет. 23 мая 1882 г. национальное правительство осудило англо-французское вмешательство во внутренние дела Египта, а 25 мая английский и французский консулы предъявили аль-Баруди совместную ноту, в которой потребовали временной высылки Ахмеда Ораби за пределы Египта и отставки национального правительства. В знак протеста поздно вечером 26 мая министры подали в отставку, которая тотчас была принята *хедивом*. Формирование нового правительства было поручено Шериф-паше. Однако на следующий день офицеры александрийского гар-

низона потребовали от *хедива* в ультимативной форме восстановить Ахмеда Ораби на посту военного министра, давая на это всего 12 часов. В такой обстановке Шериф-паша отказался от формирования правительства.

Потерпев неудачу в поисках поддержки со стороны египетских нотаблей, *хедив* был вынужден уступить и подписать декрет о назначении Ораби военным министром. В это время со всего Египта в адрес Ахмеда Ораби шли многочисленные письма и петиции, в которых решительно осуждалась политика великих держав, и в особенности присутствие англо-французского флота у берегов Египта. Обвинения были направлены против *хедива*, который перешел на сторону «неверных» и потому недостойн своего высокого положения. Некоторые петиции прямо требовали от турецкого султана сместить *хедива*. На Ахмеда Ораби возлагалась защита религии и отечества. К нему обращались не иначе как к защитнику ислама, предводителю партии ислама или Национальной партии.

11 июня 1882 г. в Александрии произошли христианско-мусульманские кровавые столкновения, по всей вероятности спровоцированные агентурой *хедива* или англичан. Эти трагические события резко изменили внутреннее и внешнеполитическое положение Египта. Александрийская «резня» стала прологом к английской интервенции, которая началась с бомбардировки и захвата Александрии (соответственно 11 и 15 июля).

В первый же день английской интервенции военный министр Ахмед Ораби в прокламации, адресованной губернаторам провинций, объявил себя «защитником отечества». Правитель же страны Тауфик бежал 13 июля в Александрию под защиту английских штыков, настоятельно требуя остановить военные действия. Опубликованная в «Египетских ведомостях» 17 июля прокламация Ораби явилась своеобразным обращением к нации. Отныне, в связи с изменой *хедива* и его правительства, губернаторы провинций должны были подчиняться приказам Ораби и военных властей, а не указаниям из Александрии. Телеграмму *хедива* от 17 июля с требованием явиться в Александрию для получения соответствующих инструкций Ахмед Ораби проигнорировал. Страна оказалась расколотой на два лагеря: сторонников Ораби и сторонников *хедива*.

Вечером того же дня (17 июля) арабистам удалось организовать собрание «именитых людей» Каира (высшие офицеры армии и чиновники, влиятельные *улемы*, представители религиозных меньшинств, знатные купцы, бывшие государственные деятели и др.), которое получило название «Генеральная ассамблея». Руководящую группу составили офицеры Якуб Сами, Ибрахим Фавзи, Махмуд Сами и шейхи Мухаммед Абдо (секретарь собрания), Мухаммед Улейш и Хасан аль-Идви. В ходе бурных дискуссий собравшиеся разделились на два лагеря — сторонников и противников *хедива*. Шейхи Абдо и аль-Идви предложили сместить *хедива*, а соответствующее решение ассамблеи освятить религиозным авторитетом *улемов*. Присутствовавшие турко-черкесы возражали им, ссылаясь на то, что в соответствии с султанским *фирманом хедив* Тауфик является законным правителем страны и его смещение возможно только решением Порты.

После изнурительных дебатов было принято компромиссное решение: продолжать военные приготовления и в то же время направить в Александрию специальную делегацию для того, чтобы уведомить *хедива* и министров о решении Генеральной ассамблеи и вести с ними соответствующие переговоры.

Узнав о решении Генеральной ассамблеи, 20 июля *хедив* издал указ об увольнении Ораби-паши в отставку с поста военного министра. Одновременно он обратился с прокламацией к египетской нации, в которой призывал египтян отвернуться от Ахмеда Ораби и его сторонников и поддержать англичан, якобы пришедших с добрыми намерениями.

Ораби искал пути для легитимации собственного положения и в ответ на действия *хедива* также обратился с воззванием к египетскому народу, в котором открыто обвинял *хедива* в измене. Для оправдания необходимости военных приготовлений Ораби ссылался на недавно принятое решение Генеральной ассамблеи. В воззвании говорилось также о том, что ни один указ, ни одна прокламация не могут иметь законной силы, если они не исходят от него, Ахмеда Ораби.

29 июля открылась вторая Генеральная ассамблея. Секретарствовали Мухаммед Абдо и его ученик Мухаммед Сакр. Это была самая представительная ассамблея, которую когда-либо видел Каир. Собравшиеся нотабли (более 250 человек), как и следовало ожидать, разделились на сторонников и противников *хедива*. Тем не менее основное содержание решения, принятого Генеральной ассамблей 29 июля 1882 г., сводилось к следующему: непризнание хедивского указа о смещении Ахмеда Ораби с поста военного министра и неподчинение приказам *хедива* и его министров, поскольку *хедив* «нарушил предписания Корана и *шариата*», о чем и должно информировать султана. Решение действительно сразу же было направлено турецкому султану, а 31 июля опубликовано в «Египетских ведомостях», в результате чего стало достоянием всех египтян.

Решения Генеральной ассамблеи создавали в известной степени правовую базу для деятельности нового политического института — Чрезвычайного совета. Чрезвычайный совет (*аль-маджлис аль-урфи*) был создан первоначально (17 июля) Якубом Сами как неформальный орган для организации и проведения двух собраний нотаблей. Не прошло и недели, как он превратился в исполнительный орган антиколониального восстания — своего рода Комитет национального спасения. 24 июля Якуб Сами был официально избран председателем совета, а 3 августа назван и окончательный его состав в количестве 29 членов — заместителей министров, высших государственных чиновников и группы военных, в большинстве своем являвшихся типичными представителями египетской чиновничьей бюрократии. Однако орабисты контролировали Чрезвычайный совет и решительно противопоставляли его находившемуся в Александрии коллаборационистскому правительству.

В период своего недолгого существования Чрезвычайный совет сосредоточил усилия на мобилизации человеческих и материальных ресурсов Египта для отпора английской интервенции. Одновременно он заботился о поддержании общественного порядка, безопасности жизни и собственности иностранцев. Цензура прессы, почтовых и телеграфных сообщений вводилась для пресечения не только «враждебной пропаганды», но и проявлений фанатизма и ксенофобии.

Заслуживает внимания предпринятая орабистами чистка провинциального аппарата от явных сторонников *хедива*. Увольнения, перемещения, а то и аресты имели место на протяжении всего августа. В большинстве случаев они были связаны с бегством высших чиновников провинциального административного аппа-

рата в Александрию под «защиту» хедива и английских солдат, как это происходило в Порт-Саиде, Исмаилии, Суэце, Розетте и в провинции Бухейра.

Несмотря на усилия орабистов, Чрезвычайный совет так и не смог установить контроль над Верхним Египтом (Асьют и Гирга), зоной Красного моря и даже отдельными городами Нижнего Египта (Розетта, например). Подавляющее большинство господствующего слоя турко-черкесов и крупные автохтонные помещики перешли на сторону хедива.

Что же касается большинства населения, то оно так или иначе было на стороне Ахмеда Ораби и его сподвижников. Идеологическую основу политической активности масс, их готовности к борьбе с иностранной агрессией составляли религиозные лозунги, которые отвечали традиционным представлениям, чувствам и настроениям мусульман. Египетские *улемы*, хранители этого духовного оружия, санкционировали борьбу против «неверных» (интервентов) в привычной и традиционной форме провозглашения *джихада*.

Призывы к *джихаду* впервые официально прозвучали 11 июля со страниц газеты «Египетские ведомости»; после бомбардировки Александрии они стали повседневным явлением во многих мечетях страны. Со ссылкой на Коран всячески подчеркивалась богоугодность самопожертвования во имя дела Аллаха, во имя ислама в войне с «неверными». Одновременно звучали призывы к защите отечества, неизбежная апелляция к патриотическим чувствам правоверных. Но патриотизм этот все же носил традиционный характер, речь скорее шла о религиозно-патриотическом, нежели национальном сопротивлении. Верность османо-исламскому имперскому союзу оставалась краеугольным камнем пропаганды орабистов.

Ахмед Ораби добивался помощи у турецкого султана — халифа, надеясь тем самым укрепить свой авторитет среди мусульманского населения. В телеграммах, направленных в Стамбул в июле 1882 г., он утверждал, что хедив изменил исламу и султану, в то время как египетский народ остался верным своей религии и взял в собственные руки защиту прав султана. В ответ великий *везир* от имени султана указал на личную ответственность Ахмеда Ораби за то положение, в котором оказалась страна, поддерживая указ хедива о его смещении с поста военного министра и расценивая его действия как восстание против Аллаха, Пророка и халифа.

Чрезвычайный совет также слал послания и жалобы в Стамбул, регулярно информируя Порту о положении дел в Египте и о передвижении английских войск. И только 6 сентября 1882 г., когда Ахмед Ораби был объявлен в Стамбуле «отступником» или «бунтовщиком» (*исъян*), орабисты отрешились от всяких надежд на султана. Но религиозные лозунги по-прежнему были действенными и оставались в силе до последних дней вооруженного сопротивления.

Наряду с моральной орабистам была оказана и материальная помощь (денежные взносы, продовольствие, лошади, верблюды и т.д.), необходимая для ведения военных действий. Пожертвования исходили от различных социальных групп, в том числе от *зават*, принцев правящей семьи, придворных, служащих, бывших министров, провинциальных нотаблей, *омд*, торговцев, членов Палаты депутатов, религиозных деятелей и сельских жителей. К началу сентября 1882 г. египетская армия насчитывала около 100 тыс. человек, значительная часть которых

были резервистами. Плохо вооруженная и обученная, она тем не менее представляла значительную силу. Однако ее потенциальные возможности так и не были реализованы. Ахмед Ораби доверился утверждению Ф.Лессепса о том, что англичане не займут зону Суэцкого канала, и не укрепил фронт с востока. Английские же войска заняли Суэц, Порт-Саид и Исмаилию, легко оттеснив резервные части (основные армейские части были развернуты под Александрией). 13 сентября у Телль-эль-Кабира египетские войска были разбиты.

Ораби вернулся в Каир, намереваясь организовать его оборону. Но в Каире он не нашел поддержки ни со стороны офицеров столичного гарнизона, ни со стороны бюрократической прослойки Чрезвычайного совета, который настаивал на капитуляции перед *хедивом* и англичанами. В результате орабисты потерпели поражение; были арестованы, судимы и высланы за пределы страны.

Английские войска оккупировали Египет. Дабы избежать международных осложнений, английские власти сохранили правовой статус Египта, правление *хедива* и назначаемого им правительства. Однако вся полнота власти перешла в руки английского генерального резидента лорда Кромера.

СУДАН В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Проникновение ислама в Судан относится к VII в. В это время на его территории существовало два нубийских государства. Они были достаточно сильны, чтобы устоять перед лицом арабизированного Египта, но не смогли воспрепятствовать проникновению кочевых арабских племен. Вторжения арабов в XIV–XVI вв. привели к ослаблению и распаду государств Нубии. Арабы-кочевники не стали занимать южных областей страны и появлялись там лишь для захвата невольников из местных языческих племен.

Проникновение ислама усилилось в XVI в., после завоевания Египта турками-османами. Около 70% современных суданцев исповедуют ислам. Остальная часть населения, проживающая в Нубийских горах и Южном Судане, следует местным анимистическим религиям с вкраплениями элементов христианства. Несмотря на исламизацию и арабизацию нилотских племен после падения последнего Нубийского государства, оригинальный характер суданской культуры, включая нубийский язык и обычаи нубийцев, сохранился до наших дней.

Первым мусульманским государством в Судане был султанат Фунг, или Сеннарский султанат, основанный в 1504 г. Мусульманская, но не арабская династия Фунг установила гегемонию над Гезирой и Нубией в районе Голубого Нила. Другой мусульманский султанат контролировал племена Дарфура. Султанатом стал Кордофан.

Государство Фунг, известное еще и как «Черный султанат», привлекало внимание мусульманских святых из Хиджаза и Египта. Именно они принесли с собой исламскую теологию и *шариат*, создали первые религиозные суды. К началу XIX в. ислам окончательно утвердился в Судане. Огромное влияние на оседлое и кочевое население страны оказывали суфийские братства (*тарикаты*). Власть династии Фунг к тому времени настолько ослабла, что султанат не смог

оказать серьезного сопротивления имперской политике своего ближайшего соседа — Египта.

До XIX в. в суданской долине Нила, особенно в области Гезира, доминирующим влиянием пользовались два наиболее распространенных во всем арабском мире суфийских братства: *кадирийя* и *шазилийя*. *Кадирийя* проникла в Судан в середине XVI в. благодаря усилиям шейха Идриса ибн Мухаммеда аль-Арбаба (род. 1507). Учение *шазилийя* активно проповедовал шейх Хупали Абд ар-Рахман (ум. 1743). Эта религиозно-политическая структура изменилась только в XIX в. под влиянием модернизационных импульсов, исходивших от турецко-египетской администрации, которую установил египетский правитель Мухаммед Али после завоевания Северного Судана в начале 20-х годов XIX в. Идеи, в духе первоначального *ваххабизма*, распространяли в Судане прежде всего приверженцы новых, возникших в Хиджазе религиозных братств. Главную роль среди них играли два *тариката*: *самманийя* и ответвление *идрисийя*.

Учение Абд аль-Карима ас-Саммана (1718–1775), ставившего в центр суфийского универсума пророка Мухаммада и доктрину появления *махди*, распространял в Северном Судане с 1800 г. его ученик Ахмед ат-Тайиб ибн аль-Башир, который пользовался исключительным влиянием среди многочисленных племен Западного Кордофана. Будущий Суданский *махди*, Мухаммед Ахмед ибн Абдалла (1844–1885) являлся учеником Нур ад-Даима (1841–1908), внука Ахмеда ат-Тайиба.

Учение марокканского *суфия*-шейха Ахмеда ибн Идриса (1760–1837), долгие годы проживавшего в Мекке, распространялось в Судане тремя его учениками, правда в частично измененной версии. Именно ими были созданы три влиятельных *тариката*. В Дарфуре действовало североафриканское суфийское братство *санусийя*, основанное в 1837 г. Мухаммедом бен Али ас-Сенуси (1787–1859), с центром в Киренаике. В районе красноморского побережья и в ад-Дамере влиянием пользовалось братство Мухаммеда аль-Маджхуба ас-Сугайира (1796–1833). Третьим, самым влиятельным, было братство *мирганийя*, или *хатмийя*, основатель которого Сайид Мухаммед Осман аль-Миргани (1793–1853) происходил из богатой семьи мекканских *шерифов*.

Все три братства проповедовали отказ от слепого подчинения исламской юридической традиции (*таклид*), выступали за преодоление ограниченности всех четырех юридических школ, существующих в суннитском толке ислама, и за открытие «дверей *иджтихада*». Только пророка Мухаммада *суфии* рассматривали в качестве исключительного источника своего единственного и неповторимого «мухаммеданского» пути (*тарики мухаммадийя*). Естественно, это вело к противостоянию с *улемами* как представителями традиционного ислама.

Мухаммед Али-паша, стремясь к созданию независимой арабской империи, в июле 1820 г. отправил египетскую армию во главе со своим сыном Исмаилом на завоевание Восточного Судана. Вместе с войсками отправились несколько мусульманских *улемов*, один из которых позднее будет назначен *муфтием* суданских мусульман. Цель военной экспедиции была очевидной: установить контроль над обширными африканскими территориями к югу от Египта, чтобы вы-

качивать оттуда золото, столь необходимое для проведения реформ, и рабов для нужд египетской армии. К концу 1822 г. Сеннар и Кордофан были покорены и объявлены частью Османской империи.

Правитель Египта рассматривал Судан как постоянный источник доходов. По его прямому указанию сбор налогов превратился в банальную конфискацию золота, скота и рабов. «Невозможно описать те жестокости, с которыми взимались подати и налоги», — сообщает европейский путешественник. Естественно, это вызвало недовольство населения и откровенную оппозицию со стороны влиятельной знати и шейхов племен. Началось вооруженное сопротивление суданских шейхов и эмиров. Были убиты Исмаил и его телохранители. Турецко-египетские войска со всей жестокостью подавили разрозненное и неорганизованное восстание, длившееся почти два года (1822–1824). Репрессии против суданцев продолжались до тех пор, пока генерал-губернатором в 1826 г. не был назначен Али Хуршид-бей, опытный военачальник и талантливый администратор.

Новый губернатор прежде всего снизил налоги и начал советоваться с представителями местной знати. Беженцам гарантировал амнистию, а могущественный круг мусульманских святых и шейхов (племенных вождей) освободил от налогов. Этим самым турецко-египетская администрация, или, как ее еще называли суданцы, *туркийя*, обеспечила себе поддержку со стороны самой влиятельной части суданского общества. По его инициативе охранялись и расширялись торговые пути, Хартум развивался как административная столица, были осуществлены многочисленные сельскохозяйственные и технические новшества. Вместе с Хуршидом в Судан выехала большая группа опытных египетских земледельцев и ремесленников. Побывавший в Судане в 1838–1839 гг. Мухаммед Али интересовался перспективой строительства железной дороги и расчистки фарватера Нила в районе порогов. По его приглашению в 1847–1848 гг. в Судане работал русский горный инженер Е.П.Ковалевский, обнаруживший в бассейне Голубого Нила месторождения золота.

Хуршид вернулся в Каир в 1838 г., оставив после себя в целом умиротворенную страну. Его преемник, Ахмед-паша Абу Видан, продолжил эту же политику, в том числе борьбу с официальной коррупцией. Но основное внимание, как и следовало ожидать, уделялось реорганизации системы налогообложения. Объектом особой заботы была также армия, пользовавшаяся выгодами регулярной зарплаты и вполне терпимыми условиями существования. Однако, заподозрив Абу Видана в неверности, Мухаммед Али осенью 1843 г. отозвал его в Каир, но тот умер при загадочных обстоятельствах еще до отбытия из Судана.

После смерти Мухаммеда Али положение дел в Судане изменилось в худшую сторону. Генерал-губернаторы были лишены административного таланта, да и Каир не обращал особого внимания на суданские дела. В результате армия и бюрократия, лишенные эффективного управления, были деморализованы, а суданцы все больше раздражались произволом *туркийя*.

В 1856 г. Судан посетил правитель Египта Саид-паша. Говорят, он был шокирован печальным зрелищем упадка. Паша публично заявил о необходимости наведения порядка. За время своего правления (1854–1863) он сместил в Судане шесть губернаторов. Паша требовал от них строить мосты, чинить дороги, сооружать ирригационные каналы. В 1857 г. он официально запретил работоргов-

лю. Однако положение мало изменилось: мосты не строились, а торговля рабами продолжала процветать. Последнее обстоятельство было использовано Англией как удобный предлог для проникновения в Судан. Такое положение дел сохранялось до тех пор, пока в 1863 г. египетские и суданские дела не взял в свои руки энергичный и предприимчивый Исмаил-паша.

Два обстоятельства вызывали особенное недовольство местного населения правлением *туркийя*: попытки ликвидировать работорговлю, появление значительного числа европейцев в турецко-египетской администрации, сопровождавшееся распространением христианства.

Попытки покончить с работорговлей угрожали давно сложившемуся укладу традиционного суданского общества. Одним росчерком пера и созданием военных постов, естественно, нельзя было решить проблему. Всякие ограничения на торговлю невольниками вызывали среди суданцев сопротивление. Рабов держали не только богатые люди, но и состоятельные слои крестьянства и горожане, включая мусульманское духовенство, торговцев и ремесленников.

Европейцы стали занимать все более прочные позиции в управлении и экономической жизни. Европейские торговцы, по преимуществу средиземноморского происхождения, ограничивались, как правило, контактами со своими соотечественниками и турецко-египетскими чиновниками, чьи манеры и одежду они быстро переняли. Они превратились в могущественную и влиятельную группу. К 1881 г. в Судане насчитывалось до 20 тыс. европейцев, из которых половина проживала в Хартуме.

Исмаил-паша продолжил политику Мухаммеда Али по территориальному расширению Египетского Судана вплоть до Великих озер в Центральной Африке. В 1869 г. Исмаил отправил специальную экспедицию под предводительством англичанина Самюэля Бейкера вверх по Белому Нилу. Англичанину предстояло установить египетский контроль над экваториальными районами Центральной Африки и ликвидировать работорговлю в районе Верхнего Нила. Бейкер сравнительно легко подавил сопротивление нилотских племен и был назначен губернатором вновь захваченных областей, получивших название Экватория. В таком качестве он оставался в экваториальной Африке до 1873 г. Но ему не удалось установить действенный контроль над новой провинцией. Жестоко подавляя работорговлю в бассейне Нила, он вызвал гнев со стороны африканской племенной верхушки, получавшей немалые доходы от торговли живым товаром. В то же время, будучи грубым и высокомерным в отношении мусульман, он откровенно раздражал египетских должностных лиц в суданской администрации Исмаила.

Следует учитывать и то, что Бейкер нанес удар лишь по нилотской работорговле. К западу, на обширных равнинах Бахр-эль-Газалья, работорговцы создали настоящие торговые империи с пограничными станциями, где стояли гарнизоны из солдат-рабов. От станции к станции через Дарфур и Кордофан шли длинные караваны с невольниками на торговые рынки Северного Судана, Египта и Аравии. Практически вся территория Бахр-эль-Газалья оказалась под контролем крупнейшего работорговца Зубейр-паши. Он был настолько могущественным, что в 1873 г., когда Бейкер вернулся из Судана, египетский *хедив* назначил Зубейра губернатором Бахр-эль-Газалья. Его назначение было единственным путем уста-

новления хотя бы номинального сюзеренитета Каира над огромной провинцией. Агенты Зубейра продолжали грабить Бахр-эль-Газаль под египетским флагом.

Исмаил предложил пост губернатора Экватории другому англичанину, Чарлзу Джорджу Гордону, приобретшему незадолго перед этим богатый колониальный опыт и славу в Китае. Гордон прибыл в Экваторию в 1874 г. Цель его миссии была та же, что и у Бейкера, — консолидировать египетскую власть в Экватории и установить египетское господство над королевствами Великих восточноафриканских озер. Он частично преуспел в первом, но оказался несостоятельным во втором. Когда Гордон вернулся из Экватории, озерные короли по-прежнему сохраняли свою независимость.

В 1877 г. Исмаил назначил Гордона генерал-губернатором Судана. В том же году Исмаил подписал англо-египетскую конвенцию о работорговле, которая предусматривала полное запрещение продажи и покупки рабов к 1880 г. Гордон неистово и с особой ретивостью начал претворять в жизнь условия договора, не задумываясь о социальных и экономических последствиях репрессивных мер. Невольничьи рынки разрушались, а многие работорговцы были арестованы и брошены в тюрьму. По существу, традиционная суданская экономика оказалась в глубоком кризисе. Гордон и его европейское окружение настолько увлеклись, что не сразу заметили, как оказались в глухом кольце враждебной изоляции со стороны мусульманского населения.

Суданцы считали, что «крестовый поход», возглавляемый европейскими христианами, не только разрушает экономику, но и нарушает традиции и принципы ислама. К 1879 г. в стране созрели все предпосылки для социального взрыва. Крупные работорговцы обвиняли во всем администрацию, а простые крестьяне и кочевники увязывали экономические проблемы с христианским вероисповеданием Гордона.

Вполне естественная цель турецко-египетских губернаторов заключалась в том, чтобы усилить контроль Египта над Суданом, что невозможно было осуществить без ограничения традиционной власти племенной верхушки. Так как выходцы из племен составляли большинство сторонников суфийских шейхов, *туркийя* целенаправленно вмешивались в религиозную сферу. Они укрепляли позиции ортодоксальных городских *улемов* присланными из Каира выпускниками аль-Азхара, направляли туда на обучение суданских студентов-теологов, активно занимались строительством мечетей и созданием религиозных учебных заведений. Правда, успех этой политики был относительным. Только *хатмийя* в 1860–1870 гг. пошла на сближение и сотрудничество с *туркийя* «в интересах братства и мусульман». Однако этот политический союз между влиятельным братством и иностранной властью, к которой принадлежали и *улемы*, не был поддержан большей частью населения и стал одной из причин восстания махдистов в 1881 г.

После того как в 1879 г. *хедив* Исмаил был устранен европейцами от власти, ушел со своего поста и Гордон. Все это внесло сумятицу в ряды турецко-египетской администрации в Судане, тем более что многие европейцы и египтяне, среди которых было немало талантливых чиновников, уехали с Гордоном. Оставшаяся бюрократия впала в апатию и растерянность. Новым генерал-губернатором был назначен Мухаммед Рауф-паша, человек мягкий и менее всего подхо-

дивший для сдерживания нараставшего недовольства и укрепления структуры египетского правления в Судане, особенно после того, когда уже нельзя было рассчитывать в полной мере на египетские ресурсы.

Развитие событий в Судане этого периода не может быть понято без учета английской позиции по отношению к Египту. В 1869 г. был открыт Суэцкий канал. Защита подступов к нему с востока и запада на долгое время стала важнейшей стратегической установкой внешней политики Англии в этом регионе. Великобритания стала активно вмешиваться во внутренние дела Египта и сделала все возможное, чтобы устранить от власти *хедива* Исмаила, запутавшегося в сетях иностранных займов, в пользу слабого и политически более приемлемого *хедива* Тауфика. Когда же вспыхнуло восстание Ораби-паши, англичане оккупировали Египет, что имело далеко идущие последствия для развития событий в Судане.

Египетские власти в Судане практически потеряли связь с Каиром. Вновь ожилилась, правда, не в такой степени, как прежде, работоторговля. Суданская армия страдала от недостатка снабжения, многие подразделения были распущены, и «безработные» солдаты перешли на самообеспечение, наводя страх и ужас на городское население. Сборщики налогов произвольно увеличивали размер налогов.

Именно в такой напряженной и взрывоопасной атмосфере появился Мухаммед Ахмед ибн Абдалла — *факир*, или святой человек, обладавший исключительной притягательной силой и отличавшийся религиозным рвением; он был решительно настроен изгнать турок и восстановить ислам в его первоначальной чистоте. Сын строителя лодок из Донголы, Мухаммед Ахмед стал учеником главы религиозного ордена *самманийя*. Позднее он провел несколько лет в уединении и получил репутацию мистика и учителя. В 1880 г. он стал предводителем ордена. Проповеди Мухаммеда Ахмеда привлекли огромное количество последователей. Среди них был Абдалла ибн Мухаммед из арабов баггара (южный Дарфур). Вскоре Мухаммед Ахмед провозгласил себя «ожидаемым *махди*» (*аль-махди аль-мунтазар*), ниспосланным Богом для спасения правочерных и подготовки ко второму пришествию пророка Исы (Иисуса). Махдистское движение требовало возврата к чистоте раннего ислама, воздержания от алкогольных напитков и табака, строгой сегрегации женщин.

Даже после того как Махди объявил *джихад*, или священную войну, против *туркийя*, Хартум по-прежнему игнорировал Мухаммеда Ахмеда, рассматривая его как обыкновенного религиозного фанатика. И лишь когда его религиозные взгляды трансформировались в осуждение налоговой политики, власти спохватились. Однако попытка схватить и арестовать Махди оказалась неудачной. В августе 1881 г. махдисты одержали первую победу над небольшим отрядом правительственных войск на острове Аба. После этого они совершили длительный поход в Кордофан, где пополнили свои ряды главным образом за счет арабов баггара. Здесь, из своего убежища, Махди обращался с призывами к шейхам религиозных орденов и получил активную поддержку от одних или заверения в нейтралитете от других, за исключением проегипетского *тариката хатмийя*. Откликнулись и поддержали Махди многие торговцы, шейхи арабских племен и вожди беджа, связанные с торговлей рабами.

В начале 1882 г. сторонники Махди (*ансары*), вооруженные копьями и саблями, взяли верх над 7-тысячной египетской армией в сражении недалеко от эль-Обейда. Восставшим достались богатые трофеи: современные ружья и военная амуниция. Четырехмесячная осада города завершилась полной победой восставших. После этого армия Махди, насчитывавшая уже 30 тыс. человек, нанесла поражение в битве под Шейканом 8-тысячному карательному корпусу, пришедшему на помощь египтянам. Затем войска Махди захватили Дарфур и взяли в плен бывшего австрийского офицера Рудольфа Слатина, находившегося на службе у египетского *хедива*.

Военные успехи *ансаров* Махди и восстание беджа на востоке поставили под угрозу пути сообщения с Египтом правительственных гарнизонов в Хартуме, Кассале, Сеннаре, Суакине и на юге страны. Дабы избежать дорогостоящей военной интервенции, британское правительство приказало египтянам покинуть Судан. Гордон, вновь назначенный генерал-губернатором Судана, должен был обеспечить эвакуацию египетских войск, чиновников и всех иностранцев. Однако, прибыв в Хартум в феврале 1884 г. и ознакомившись с ситуацией, Гордон понял, что он не сможет выполнить эту задачу. Он настойчиво просил подкреплений из Египта, но безуспешно. Упустив момент для эвакуации, Гордон, по существу, оказался в западне.

Только широкое общественное движение в поддержку Гордона заставило британского премьера Гладстона отправить для спасения Гордона подкрепление. Однако оно опоздало. 26 января 1885 г. Хартум оказался в руках восставших. Гарнизон был вырезан, Гордон убит, а его голова доставлена в бедуинский шатер Махди. Вскоре пали Кассала и Сеннар. В конце 1885 г. войска Махди начали продвижение в южные районы страны. Во всем Судане только Суакин, усиленный индийскими войсками, и Вади Хальфа на северной границе находились под англо-египетским контролем.

С этого времени, можно считать, в Судане утвердился махдистский режим, или *махдийя*. Махди подчеркивал, что он не является основателем религиозного ордена, который может быть принят или отвергнут исходя из личных соображений. Это был всеобщий, или универсальный, порядок, который ставит человека перед выбором: либо он должен принять его, либо быть уничтоженным. Махди модифицировал пять столпов ислама, чтобы поддержать догмат, согласно которому лояльность по отношению к нему более существенна, чем истинная вера. К известной мусульманской формуле *шахады* он добавил «и Мухаммад Ахмад, *махди* Аллаха и посланник его пророка». Более того, исполнение *джихада* в его интерпретации заменяло *хадж*, или паломничество в Мекку, который является священной обязанностью правоверных. *Закят* (благотворительные взносы) превратился в налог в пользу государства.

Новый правитель Судана отменил все законы, изданные иностранными властями, контракты, долговые обязательства и запретил теологические книги, поскольку они напоминали о владычестве ненавистных турок. По приказу Махди все *улемы*, толкователи Корана, находились под постоянным контролем, изучение теологии было запрещено, а читать Коран можно было только без толкований. Махди обосновывал свои реформы и новшества указаниями, полученными им непосредственно от Бога: «Аллах внушил мне бороться против турок, против тех, кто не верит в мой махдизм... Знайте, что я ничего не делаю кроме как по

прямому указанию Пророка». Учение Махди и практика махдизма, во многом расходившиеся с традиционным исламом, были враждебно встречены мусульманским духовенством в арабских странах.

Спустя шесть месяцев после захвата Хартума Махди умер от сыпного тифа. Власть перешла к его заместителям — трем халифам, избранным Махди. Соперничество между тремя халифами, каждый из которых опирался на людей из своего региона, продолжалось до 1891 г. и, конечно, ослабляло махдистское движение. Опираясь на поддержку арабов баггара, победу над своими соперниками одержал Абдалла ибн ас-Саид Мухаммед, получивший титул *халифа*. Многочисленные члены семейства Махди и его религиозные ученики были устранены или отстранены от руководства.

Махдийя возникла как теократическое государство *джихада* и управлялась первоначально как военный лагерь. Шариатские суды руководствовались законами ислама и предписаниями Махди, также имевшими силу закона. Укрепив свою власть, *халифа* завершил создание государственного аппарата. Эмирами провинций, как правило, назначались представители родоплеменной верхушки баггара. Лично *халифа* управлял богатой провинцией эль-Джазира, в которой ему удалось создать мастерские по производству оружия и поддерживать движение по реке на лодках. Однако былое относительное торговое процветание этого региона ему не удалось восстановить. Немусульманский юг, расположенный в стороне от долины Белого Нила, остался за границами махдистского государства.

Новому государству не удалось наладить нормальных отношений и со своими соседями. На протяжении почти всего периода *махдийи* эти отношения были весьма напряженными. Это происходило, по всей вероятности, из-за того, что *халифа* придерживался строгой установки на *джихад* и насильственное распространение махдистской версии ислама на окружающий мир. *Халифа* отклонил предложение о союзе против европейцев, исходившее от эфиопского *негуса* Иоанна IV. Более того, в 1887 г. 60-тысячная суданская армия *ансаров* вторглась в Эфиопию, продвинулась до Гондера и захватила много пленных и богатую добычу. *Халифа* отказался заключить мир с Эфиопией. В марте 1889 г. эфиопские войска под предводительством царя совершили поход на Каллабату. Однако после гибели царя они отступили.

В этом же году лучший полководец *халифы* Абд ар-Рахман ан-Нуджуми вторгся в пределы Египта. Египетские войска под командованием английских офицеров нанесли поражение *ансарам* в сражении под Тушкой, что положило конец представлению о непобедимости махдистской армии. Попытка махдистов завоевать Экваторию была приостановлена бельгийцами. В 1893 г. итальянцы отбили атаку *ансаров* под Акордатом (в Эритрее) и принудили их покинуть пределы Эфиопии.

В 1896–1898 гг. в результате нескольких успешных экспедиций египетских и английских войск во главе с генералом Гербертом Китченером государство *халифы* было разгромлено. Решающее сражение произошло 2 сентября 1898 г. у Омдурмана. Сам *халифа* с небольшим количеством людей спасся бегством в Кордофан, но уже через год был схвачен и убит британцами.

19 января 1899 г. Англия и Египет подписали соглашение о совместном владении (кондоминиум) Суданом, в результате которого страна перешла под фактический контроль Великобритании.

Махдийю можно квалифицировать как фундаменталистское, протонационалистическое и антиколониальное движение, своеобразный образец исламского мессианства. *Махдийя* как первый опыт суданской государственности способствовала дальнейшей арабизации и исламизации суданского общества, преодолению территориальной раздробленности и формированию общесуданской идентичности.

Несмотря на поражение, махдистское движение оставило глубокий след в современной истории Судана. Махдисты не только разрушили систему турецко-египетского управления, но и внесли в жизнь Судана новый и динамичный религиозный фактор, который возродился в середине XX в. в качестве мощной политической силы. На протяжении первых 20 лет нового англо-египетского режима вспыхивали многочисленные махдистские восстания. Бывшие *ансары* остались верны идеям *махдийи* и рассматривали генерал-губернатора Судана Уингейта (1898–1916) как «антихриста» (*ад-даджжал*). Прямым наследием периода стало религиозное движение Ансар, созданное сыном Махди — Абд ар-Рахманом (1885–1959), и его политическое течение — партия Умма. Сохранилось почтение к семье Махди, а собрание его молитв (*ратиб*) распространилось во всем Северном Судане.

СИРИЯ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АБДУЛ-ХАМИДА II (1876–1908)

В последней четверти XIX в. османская Сирия не отставала по темпам социально-экономического развития от анатолийских и балканских *вилаяетов* империи. Прежде всего это проявилось в динамике демографического роста. Так, общая численность населения Сирии за период с 1878 по 1896 г. выросла более чем на четверть и составила приблизительно 3,2 млн. человек (среднегодовой прирост около 1,4%). В дальнейшем темпы роста населения продолжали повышаться, и к 1913 г. население османской Сирии превысило 4,5 млн. (около 2,5% прироста за год). Особенно был заметен рост численности городского населения: за период с 1860 по 1914 г. население Дамаска и Халеба удвоилось, преодолев рубеж в 200 тыс. человек, а численность жителей Бейрута, Хамы, Хомса, Иерусалима, Акки, Газы и Хеброна увеличилась в 2,5–3 раза.

Активизировались миграционные процессы. С 1882 г. в Сирию направляется все больше еврейских переселенцев, кроме того, в Палестине, в районах Яффы, Хайфы и Назарета были созданы общины немецких протестантов. Что же касается эмиграции сирийцев, преимущественно христиан, то данный процесс определялся в основном экономическими причинами — растущим обезземеливанием, ростом городского населения при медленном развитии городского производства, а также заинтересованностью более активной части населения в относительно высоких заработках в странах Нового Света, куда и направлялась основная масса эмигрантов из Османской империи.

Некоторое повышение уровня благосостояния населения сирийских провинций, отмечавшееся в тот период, являлось отражением общей экономической

ситуации в Османской империи и было связано прежде всего с успехами товарного сельскохозяйственного производства и развитием внешнеторговых связей. Решающую роль в экономическом росте сыграло освоение значительных массивов ранее пустовавших земель, ставшее возможным вследствие укрепления общественной безопасности, притока поселенцев-иммигрантов (преимущественно мусульман с Кавказа и Балкан), увеличения объема товарных сельскохозяйственных культур, а также роста спроса на мировом рынке.

Оживление деловой активности сопровождалось во второй половине XIX — начале XX в. дальнейшим развитием шелкопрядения (с 1885 по 1913 г. количество шелкопряделен выросло со 100 до 188), возникновением современной банковской системы, в которой местный капитал занимал, правда, незначительное место и участвовал преимущественно в посреднических операциях. В стране господствовали филиалы крупных европейских банков (прежде всего выполнявший функции государственного Оттоманский банк), обслуживавшие в основном коммерческие операции и отказывавшиеся рисковать своим капиталом, кредитуя промышленное предпринимательство. Имела место и модернизация инфраструктуры.

Финансирование строительства шоссейных и железных дорог (за исключением Хиджазской), современных портовых сооружений, организации регулярного пароходного сообщения, прокладки телеграфных линий осуществлял крупный иностранный капитал, преимущественно французский.

Продолжалось втягивание сирийских *вилаяетов*, как и других провинций Османской империи, в систему мирового рынка. Внешнеторговый оборот Сирии увеличился с середины XIX в. по 1910 г. приблизительно в 2,5 раза (хотя импорт — почти в 5 раз), но и население за этот период выросло в той же пропорции. Вместе с тем произошли качественные изменения структуры импорта: выросло потребление импортного угля и нефти — топлива для шелкопряделен, паровых мельниц и ввозимых в страну паровозов, насосов и сельскохозяйственных машин, увеличился ввоз инструментов, типографского шрифта.

Продолжала совершенствоваться система управления в сирийских *вилаяетах*. В 1887–1888 гг. в Сирии были произведены новые административно-территориальные преобразования, и к началу XX в. османская Сирия была разделена на три обширных *вилаяета* — Халебский, Сирийский (Дамасский), Бейрутский — и три отдельные *мутасаррифиий* — Горный Ливан, Иерусалим, Дейр-эз-Зор.

На рубеже XIX и XX вв. выросло число административных единиц низового уровня. Административно-территориальные преобразования позволили провинциальной администрации усилить контроль практически всех сфер общественной жизни. Главным показателем успешности османского правления в Сирии во второй половине XIX в. следует признать повышение общественной безопасности.

Заметно укрепились позиции провинциальной администрации в непокорной области Джебель-эд-Друз. В ходе военной операции против местных друзов в 1878 г. османским властям удалось достичь компромисса с друзскими шейхами. В итоге была создана *каза* Джебель-эд-Друз, непосредственно подчиненная Дамаску, во главе с *каймаком* (на этот пост получил назначение авторитетный друзский шейх Саид-бей Тальхук). Хотя волнения друзов, вызванные недоволь-

ством рекрутскими наборами, вспыхивали еще не раз, например в 1896 и 1899 гг., османская администрация наконец-то прочно утвердилась и в этом ранее практически неподконтрольном районе.

Особое внимание проблеме общественной безопасности и охраны правопорядка в Сирии уделял видный османский государственный деятель Мидхат-паша, занимавший пост *вали* Сирийского (Дамасского) *вилаята* после возвращения из эмиграции в 1878–1880 гг. По его инициативе была реорганизована местная система охраны общественного порядка, созданы новые эффективные подразделения конной и пешей полиции и жандармерии. Мидхат-паша придавал особое значение совершенствованию системы *меджлисов*, четко обозначив их прерогативы и круг обязанностей на всех уровнях, он сам проверял квалификацию должностных лиц и строго следил за проведением в жизнь решений, принимавшихся этими учреждениями. *Вали*-реформатор неустанно требовал от *меджлисов* особого внимания к *феллахам* и простым горожанам и учета их жалоб.

Система коллективных органов местного управления продолжала развиваться и в период Зулюма. При Абдул-Хамиде II на основании закона о муниципалитетах 1877 г. оживился процесс формирования муниципальных советов (*меджлис-и баладийе*) в дополнение к уже действовавшим административным советам. Большинство функций социального обеспечения, осуществлявшихся ранее за счет *вакфов*, было передано городским муниципальным советам, провинциальному совету народного просвещения, санитарному управлению. В иерусалимской *мутасаррифийе* к началу XX в. городские советы имели даже отдельный бюджет, правда утверждавшийся провинциальным *меджлисом* (*меджлис-и идаре*).

Повышение общественной безопасности сделало не обрабатывавшиеся ранее земли привлекательным объектом для землевладельцев. На основании земельного кодекса 1858 г. продолжалась регистрация индивидуальных земельных владений с правом отчуждения. В тех районах (преимущественно горных), где существовала давняя традиция мелкого крестьянского землевладения (Горный Ливан, Джебель-эд-Друз, Джебель-Ансарийе, некоторые районы Палестины), непосредственные производители смогли закрепить свои права. Там же, где большинство крестьян утратило свои владельческие права, утверждалось крупное землевладение. Кроме того, представители местного аянства и купечества приобретали ранее не обрабатывавшиеся земли и вводили их в хозяйственный оборот. В итоге к началу XX в. в Сирии сложилась достаточно пестрая картина землевладения: 25% обрабатываемых земель приходилось на мелкие владения (до 10 га), 15 — на средние (от 10 до 100 га) и 60% находилось в составе крупных владений.

Наиболее важным политическим итогом трансформации системы аграрных отношений в сирийских *вилаятах* к началу XX в. стало укрепление политического блока властей с местным аянством при все более явном доминировании централизаторских начал.

Султан Абдул-Хамид II уделял сирийской провинции особое внимание в своей панисламистской политике и всячески старался завоевать симпатии местной арабской знати. Не случайно наиболее активными идеологами и проводниками

доктрины панисламизма на общеимперском уровне стали именно выходцы из Сирии: шейх суфийского братства *ар-рифайя* Абу-ль-Худа ас-Сайяди и видный дамасский *аян* Ахмед Иззет-паша аль-Абид. Укреплялись давние неформальные связи между султанским окружением и рядом наиболее влиятельных родов, представлявших традиционную политическую элиту Сирии. Для многих аянских родов Сирии приближение к султанскому двору стало еще одним импульсом к османизации наряду с получением образования в государственных учебных заведениях и последующим карьерным продвижением на государственной службе.

Основным средством распространения и пропаганды официального османизма и панисламизма в Сирии, как и в других частях Османской империи, стала государственная система образования. Именно в правление Абдул-Хамида II образовательная система получила стимул к развитию. К началу XX в. в Сирии практически полностью были проведены в жизнь положения закона об образовании 1869 г., предусматривавшего повсеместное создание сети государственных начальных и средних школ, а также профессиональных училищ (технических, педагогических, военных), впрочем, последних в Сирии было очень мало. На рубеже XIX и XX вв. во всех сирийских *вилаяятах* и отдельных округах насчитывалось свыше полутора тысяч государственных начальных и средних школ, в стенах которых обучалось около 50 тыс. учащихся, главным образом мусульман. Хотя эти учебные заведения были доступны для всех подданных без различия вероисповедания, большинство христиан и иудеев все же предпочитали отдавать детей в свои религиозные школы или учебные заведения иностранных миссий.

Османская пресса и печать, как и преподавание в государственных школах, были обязаны следовать государственной идеологии. В империи царил жесткая цензура. Информационную изоляцию страны нарушали лишь доступные для европейски образованной незначительной части населения иностранные печатные издания и тайно доставлявшиеся из Египта листовки с критикой султанского режима, исходившие от сирийских эмигрантских кругов.

В Сирии в конце XIX в. развернулась деятельность представителей интеллектуальной элиты, чьи идеологические позиции расходились с официальными доктринами. К таковым следует отнести помимо преимущественно христианских по своему составу просветительских обществ, частично существовавших тайно, членом кружка сирийских мусульманских реформаторов (салафитов), во главе которого стояли дамасские *улемы* Джемаль ад-Дин аль-Касими, Абд ар-Раззак аль-Битар и Ахмед аль-Джазаири, а также участники своеобразных учебно-просветительских кружков (известных в исследовательской литературе как «Большой» и «Малый» дамасские кружки), отстаивавшие идеи просвещения и арабского культурного возрождения.

Однако в конце XIX в. арабо-сирийский патриотизм все еще оставался уделом незначительной части интеллектуальной элиты, в то время как панисламистские идеи оказывали более сильное воздействие на сирийских мусульман. Среди населения арабских провинций Османской империи в значительной степени поддерживалось сознание османской и исламской общности.

ИРАК В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

К концу 1860-х годов Ирак, несмотря на некоторое оживление его экономической жизни, оставался одной из самых отсталых частей Османской империи. Более трети его населения составляли кочевники, и среди них три такие мощные полунезависимые племенные конфедерации, как *мунтафик* на юго-востоке, *шаммар-джерба* в северном Междуречье и *амарат-анезе* на западе страны. Постоянные междоусобицы между племенами, их выступления совместно с городскими оппозиционными кругами против османских властей во многом определяли политический климат в стране. Речное пиратство и набеги кочевников на оседлое население наносили ущерб ее хозяйству.

Продолжались вооруженные столкновения между Османской империей и государством Каджаров за обладание приграничными с Ираном территориями Ирака. Так, в 1842 г. иранские войска опустошили город Сулеймания и установили свой гарнизон в Кербеле, при изгнании которого в 1843 г. Али Реза-паша учинил жестокую резню среди шиитского населения, оппозиционно настроенного к османским властям. Отношения между соседними государствами осложнялись перекочевками через границы курдских племен, а также претензиями шаха на защиту и покровительство шиитского населения Османской империи. Многолетняя работа англо-русской комиссии по разграничению не устранила полностью взаимных территориальных претензий, хотя и способствовала заключению Эрзрумского договора 1847 г., по которому Сулеймания признавалась османским владением, а Мухаммара и левый берег Шатт-эль-Араба отходили Ирану, и подписанию в 1869 г. протокола о соблюдении *status quo* на границах империй.

Отсталость Ирака была обусловлена и его изолированностью: страна, расположенная вблизи Персидского залива, до конца XIX в. оставалась почти неоспоримой зоной влияния Великобритании, которая рассматривала ее преимущественно как транзитную территорию, связывавшую метрополию с восточными владениями. В 1830-е годы, когда Мухаммед Али домогался у султана права на управление иракскими землями, английские колониальные круги были озабочены развитием трансиракских путей сообщения: именно тогда правительство Великобритании поддержало экспедицию полковника Чеснея, исследовавшую условия судоходства по Евфрату. Два десятилетия спустя англичане рассмотрели проект прокладки железной дороги от побережья Средиземного моря до Евфрата, отложенный в связи со строительством Суэцкого канала. В начале 1860-х годов, когда более активно стал осваиваться иракский рынок, английский торговый дом братьев Линч в Багдаде основал регулярное пароходное сообщение по р. Тигр между Багдадом и Басрой; тогда же англо-индийское правительство организовало пароходные рейсы между Индией и портами Персидского залива. С открытием Суэцкого канала были основаны морские английская и французская компании, непосредственно связавшие Басру с Лондоном и центром французской торговли с Востоком — Марселем. С этого времени уже не столько порты Индии, сколько биржи и склады Лондона и Марселя стали местом распределения в Европе продуктов иракского земледелия — фиников, риса, пшеницы и ячменя, — стимулируя развитие иракского сельского хозяйства.

Но, пожалуй, главная причина отсталости Ирака таилась в особенностях его природных условий. Как всякая страна, чья экономика зиждется на ирригационном хозяйстве, Ирак был особенно чувствителен к демографическим колебаниям и политическим коллизиям, нарушавшим течение повседневной хозяйственной жизни. Между тем в первые две трети XIX в. страна регулярно страдала от эпидемий чумы. Разливы Тигра и Евфрата, чреватые катастрофическими наводнениями, происходили весной, во время созревания зерновых. Успех земледелия там зависел от состояния ирригационной системы, в частности каналов и дамб. Даже в конце века, когда были проведены большие работы по восстановлению дамб, наводнение 1896 г. повредило и погубило около 2 млн. финиковых пальм.

Падение власти Дауд-паши в 1831 г. и совпавшие с ним катастрофические эпидемия чумы и наводнение, сопровождавшиеся голодом, привели к обезлюдению страны и частичному запустению ее ирригационной системы. Российский консул в Басре А.Адамов, опираясь на сведения очевидцев, писал: «В Багдаде осталось вместо 150 тысяч жителей не больше 20 тысяч, а две трети города представляло собою груды развалин; многие отрасли туземной промышленности совершенно исчезли вследствие того, что вымерли все мастера и некому было передать своих знаний новому поколению». В Басре осталось пять-шесть тысяч жителей из восьмидесяти. «При такой ужасающей убыли населения нет ничего удивительного, — продолжал российский консул, — что поля были необработаны, сады заброшены, а финиковые плантации, за отсутствием ухода, погибли, увеличивая и без того сильное расстройство экономической жизни здешней окраины».

Последствия этой катастрофы Ирак ощущал еще в начале XX в.: если за столетие в Сирии население увеличилось более чем в три раза, то Ирак только к 1870-м годам восстановил численность населения начала XIX в. (1280 тыс. человек), удвоив его лишь к Первой мировой войне. В 1830–1850-е годы в экономике страны наблюдалось увеличение удельного веса кочевого хозяйства, а также усиление влияния племенной верхушки на ее политическую жизнь. Достаточно сказать, что шаммар-джерба в 1833 г. три месяца держали в осаде Багдад, требуя от Али Реза-паши обещанного вознаграждения за свое участие в кампании против Дауд-паши.

Восстановление османской власти в Ираке сопровождалось восстаниями в Курдистане и сопротивлением арабских племен, что заставило пашей, вопреки принципам Танзимата, обратиться к традиционной политике провоцирования межплеменных столкновений и распрей внутри племенной верхушки. Али Реза-паша должен был еще и противостоять интригам среди племен египетского правителя, готовившего почву для присоединения Ирака к своим владениям.

Реформы первого периода Танзимата начали осуществляться в Ираке с опозданием: лишь в 1848 г. был создан VI Багдадский армейский корпус и таким образом разделены военная и административная власти, *вали* был лишен финансовых и судебных полномочий, переданных финансовому чиновнику и вновь созданному административному совету. Но и эти преобразования, ограничив до известной степени всевластие *вали*, внедрялись с трудом. Только закон 1852 г., сбалансировавший разделение функций и ответственности среди вилайетских должностных лиц, позволил более успешно подчинять Ирак османской власти.

Теперь *вали* предпочитали назначать на административные должности шейхов «усмирённых» племен и поощрять кочевников к занятиям земледелием. Одновременно они создавали военные посты вдоль караванных путей и речную службу для борьбы с пиратством на реках. (Пароходы, предназначенные для борьбы с пиратами, выполнив свою функцию, использовались для растущего почтово-пассажирского и грузового движения.)

Отмена в 1861 г. внутренних и повышение ввозных таможенных пошлин благоприятствовали развитию торговли. Экономическому и политическому объединению Ирака и укреплению его связей со Стамбулом и окружающим миром послужило создание англичанами в 1860-х годах телеграфной линии Стамбул–Басра, соединившей Ирак с Европой и Индией (кабель был проложен по морскому дну из Фао). Разветвления линии соединили крупные иракские города; в свою очередь, из Багдада была проложена нить через Ханекин на Тегеран–Шираз–Бендер–Бушир. Одним словом, как писал на склоне лет потрясенный этим нововведением иракский поэт Абд аль-Баки аль-Омари (1790–1862), теперь известие «в мгновение ока преодолевает пространство Вселенной». В литературных кругах Ирака, живших еще всецело в эстетических вкусах и канонах средневекового мира, даже родился новый поэтический жанр — *баркийят* («молниеносный», «телеграфный»), вопреки традициям красноречия, лаконичный, с четким выражением мысли; посланиями в этом жанре стало модно обмениваться по телеграфу.

Импульсом для ускорения эволюции Багдадского *вилаята* стали реформы второго этапа Танзимата, начало которым положил убежденный реформатор и энергичный администратор Ахмед Мидхат-паша (1822–1884). Несмотря на короткий срок пребывания на посту в Багдаде (1869–1872), он развернул свою деятельность едва ли не во всех областях экономической, общественно-политической и культурной жизни Ирака.

Едва прибыв в Багдад, генерал-губернатор (в силу особых обстоятельств Мидхат-паша был также назначен командующим VI армейским корпусом) попытался ознаменовать новый государственный порядок сбором рекрутов. Это вызвало волнения среди населения Багдада. Достаточно хорошо представляя себе опасность подобной смуты, участниками которой в Ираке непременно становились племена, Мидхат-паша мобилизовал вооруженные силы VI корпуса и угрозами жестокой расправы с повстанцами оказал давление на совет старейшин города, предотвратив тем самым городское восстание. Затем он попытался собрать налоги и недоимки с племен, что послужило толчком к одному из самых крупных восстаний иракских племен, подавление которого привело к большим жертвам с обеих сторон.

Анализ причин восстания (большинство жалоб сводилось к бедственному положению *феллахов* и рядовых соплеменников) убедил Мидхат-пашу в необходимости приступить к развитию земледелия и реформированию поземельных отношений. Начались работы по улучшению ирригационной системы и строительству дамб; стал составляться земельный кадастр; на финиковых плантациях и садоводческих хозяйствах было установлено дифференцированное налогообложение в денежной форме; в районах общинного землепользования поземельные отношения приводились в соответствие с османским аграрным законом 1858 г., который предусматривал передачу частным лицам в бессрочную аренду государ-

ственных земель на основе документа (*тану*) и ликвидацию общинного земле- владения. Этот закон должен был быть введен в стране, где общинная собст- венность на землю осложнялась нормами родоплеменных отношений (в частно- сти, уравнительными переделами земель) и полукочевым образом жизни, вслед- ствие чего было невозможно установить права соплеменника на конкретный на- дел, тем более подтвердить десятилетний срок обладания этим наделом. Пере- регистрация земель, проводившаяся малоквалифицированными и коррумпи- рованными чиновниками, не располагавшими даже топографическими карта- ми, сопровождалась чудовищными злоупотреблениями, в том числе регистраци- ей земель племен на имя шейхов. Земли, не имевшие владельца, а также часть султанских владений были выставлены на аукционы, в которых участвовали шейхи племен, купцы, чиновники.

Несмотря на то что реформу удалось осуществить лишь на части земельного фонда, ее результатом стали расширение обрабатываемых земель и оседание на землю полукочевников и кочевников, вынужденных обрабатывать землю шейхов после того, как они лишились своих наделов, а с ними средств для поддержания кочевого образа жизни. Социально-политическим следствием реформы стало возникновение слоя крупных частных землевладельцев, заинтересованных в госу- дарственной стабильности и сотрудничестве с властями. Вместе с тем было по- ложено начало формированию мелких частных землевладельцев-крестьян — ис- правных налогоплательщиков, дороживших общественным порядком, в чьей среде узы племенной и общинной солидарности постепенно заменялись сознани- ем государственного подданного.

Необходимость материально обеспечить вверенный ему армейский корпус побудила Мидхат-пашу к созданию нескольких промышленных предприятий — фабрик по производству сукна, мыла, переработке риса. При нем был создан арсе- нал, началась, хотя и в небольших размерах, промышленная добыча нефти, обо- рудование для которой было выписано из Европы. Но наибольшее внимание Мидхат-паша обращал на развитие средств транспорта. Он разработал програм- му железнодорожного строительства и проведения шоссейных дорог, из-за от- сутствия средств так и не реализованную (если не считать прокладки рельсового пути между Багдадом и его пригородом Казимейн для парового трамвая и теле- графа, воспетого в поэзии). Успешнее обстояло дело с созданием особого управ- ления «Омани-Османи», организовавшего регулярные рейсы по р. Тигр восьми пароходов между Багдадом и Басрой, причем для их технического обслуживания в Багдаде были созданы судоремонтные мастерские. Открытие Суэцкого канала по- будило Мидхат-пашу к организации пароходных рейсов между Басрой, Лондо- ном и Стамбулом. В Маскате, Адене и Бендер-Бушире для турецких морских судов были созданы угольные склады, а в Басре построена верфь.

С именем Мидхат-паши связано проведение в жизнь в Багдадской провинции османских вилайетских законов 1864 и 1871 гг.: развитие системы администра- тивного управления, определение функций административных советов, создание судебной палаты, коммерческого и муниципального советов. В деятельности *меджлисов* участвовали члены иракских знатных семей, они же пополняли ряды чиновников. Мидхат-паша основал первую иракскую газету «аз-Заура» с поло- сами на турецком и арабском языках; до этого времени иракское общество до-

вольствовало лишь отдельными номерами издававшейся в Стамбуле Ахмедом Фарисом аш-Шидийяком проправительственной «аль-Джаваиб». Все это способствовало оживлению общественно-политической жизни.

Мидхат-паша осуществил некоторые мероприятия и в области образования; при нем были открыты военное и ремесленное училища, средняя школа с обучением на турецком языке, несколько начальных школ и создана типография для печатания учебников и вилайетской газеты. Он также открыл в Багдаде госпиталь.

Разделяя опасения своих единомышленников по поводу укрепления и расширения политических позиций Англии в Персидском заливе и на аравийском побережье, Мидхат-паша настаивал на расширении турецкого присутствия в Аравии. По его настоянию османское правительство дало согласие на проведение военной операции по завоеванию давно утраченной эль-Хасы, что он успешно осуществил.

В 1872 г. Мидхат-паша был отозван из Багдада. Его преемники на посту губернатора не отличались влиянием и энергией Мидхат-паши, и большинство его проектов не было осуществлено. Тем не менее продолжались ирригационные работы, строительство дамб, а в конце XIX в. была возведена плотина на Евфрате. В сельскохозяйственный оборот вводились новые земли, в этой деятельности преуспело Управление султанскими именьями («Аразийе сенийе»), вкладывавшее с 1870-х годов средства в покупку частновладельческих и государственных пустопорожных земель и их окультуривание с последующей сдачей в аренду или продажей. Доходы от привилегированных султанских имений, составивших в Бассорском *вилайте* 40, а в Багдадском — 30% обрабатываемых земель, поступали в султанскую казну. Это же управление в начале XX в. приобрело турецкую пароходную компанию «Омани-Османи», обновив состав ее судов.

Для укрепления управления Ираком, вносившим все больший вклад в государственную и султанскую казну, из Багдадского *вилайте* в 1870-х годах были выделены Мосульский и Бассорский *вилайте*ты. В самом конце 1870-х годов в Ираке была осуществлена новая судебная реформа, окончательно разделившая административную и судебную власти. Судебные палаты были преобразованы в суды трех инстанций — первой (в пределах *казы*), апелляционной (в *санджаке*) и кассационной в Стамбуле. Но светскому государственному образованию турецкие власти выделяли мало средств, ограничиваясь созданием только школ первой ступени. В стране господствовало религиозное образование.

На рубеже XIX и XX вв. Ирак был прочно втянут в мировые рыночные отношения, однако это произошло гораздо позднее, чем в Египте и Сирии. На мировом рынке Ирак занял положение поставщика только необработанных продовольственных культур; там не успел сложиться современный сектор первичной обработки и переработки сырья (в Египте это было хлопкопрядение, в Сирии — шелкопрядение). Ирак уже не смог воссоздать мануфактурное (как было в Сирии) и тем более фабричное (подобно Египту) производство тканей: из 12 тыс. ткацких станков, существовавших в Ираке в начале XIX в., через столетие функционировало лишь несколько сотен. Между тем 45% английского импорта в Ирак составляли хлопчатобумажные ткани.

Организационной основой иракского ремесла оставались цехи. Кредитная система находилась в руках местных банкиров-ростовщиков. Лишь в 1890-е го-

ды в Багдаде и Басре было открыто несколько отделений Имперского Оттоманского банка, зато исправно действовали конторы «Оттоманского долга» и французской табачной монополии «Режи». Во внешней торговле господствовали иностранные фирмы и сотрудничавшие с ними торговые дома, принадлежавшие лицам иноверческого или иноэтнического (армяне, евреи) происхождения.

К началу XX в. господствующие позиции английского капитала во внешней торговле и транспортной системе Ирака начинают оспариваться другими европейскими державами. Если в 1900 г. под английским флагом Басру посетило 96% всех судов, то в 1909 г. уже 85%, а в 1911 г. еще меньше — 81,8%. Наибольший успех в конкурентной борьбе имел германский капитал, извлекавший пользу из политического сближения османского правительства с Германией. Еще в 1900 г. ни один немецкий корабль не заходил в Басру, а в 1911 г. суда под германским флагом составили 13% от общего числа. В Персидском заливе развернули свою деятельность немецкие торговые компании. После долгой дипломатической борьбы общество «Оттоманская Анатолийская железная дорога», основанное Немецким банком, получило в 1903 г. право создать Оттоманское общество Багдадской железной дороги для строительства и эксплуатации линии от Кони до Басры с правом эксплуатации рудников в 20-километровой полосе по обе стороны железной дороги. Немецкий капитал добился также преимущественного права на разведку и добычу нефти в Мосульском и Багдадском *вилаяетах*. Однако накануне Первой мировой войны в результате острой борьбы английский капитал получил концессии на добычу нефти на территории Ирака при условии предоставления немецкому капиталу 25% акций в английской «Тэркиш петролеум компани».

В рассматриваемый период в обыденной жизни иракцев по-прежнему господствовали религиозные институты и религиозное мировоззрение. Наличие шиитских святынь и широкое паломничество к ним, активная деятельность суфийских орденов (особенно *кадирийя* и *рифаййя*), религиозные шиитско-суннитские диспуты определяли духовную атмосферу в обществе. Султан Абдул-Хамид II привлекал ко двору консервативных иракских *улемов* в поисках политической опоры в арабском мире. Салафитское течение в Ираке не стало выражением мусульманской реформаторской мысли, являясь всего лишь откликом на учение ваххабитов.

Влияние Европы доходило до Ирака, где знание западных языков не было распространено, опосредованно через творчество (в том числе через переводную литературу) сирийских, египетских и турецких просветителей. Поездки в Европу не практиковались, иракские литераторы дальше Стамбула и Каира не выезжали. Сколько-нибудь заметной эмиграции в Европу из Ирака описываемого периода не наблюдалось. Западные христианские миссии, среди них и протестантские, чья активность в Ираке усилилась к концу XIX в., не оказали заметного влияния на культурное развитие страны. Исключение составили кармелиты, и прежде всего деятельность кармелитского священника Анастаса Мари аль-Кармели (1866–1947), знатока множества живых и мертвых языков, создателя огромного научного наследия в области гуманитарных наук, признанного западным востоковедением. Он, как и Бутрус аль-Бустани, создал энциклопедический арабоязычный словарь «аль-Мусаид» («Помощник»). С 1911 г. аль-Кармели начал издавать научно-литературный журнал «Люгат аль-араб» («Язык арабов») и организовал

регулярные научные чтения в библиотеке Кармелитского монастыря, открытые для слушателей всех исповеданий.

Иракские литераторы, по-видимому, не испытывали потребности в изучении и актуализации средневекового научного наследия, как это было среди сирийских просветителей. Они и во вторую половину XIX в. сами жили и творили в традициях средневековой культуры. Просветительства как общественно-культурного течения в Ираке до Первой мировой войны не сложилось, хотя в творчестве иракских поэтов Абд аль-Гаффара аль-Ахраса (1804–1874), Махмуда аль-Джамиля (1780–1863), Махмуда аль-Алуси (1802–1854) содержались его элементы: обращение к современным жизненным реалиям, гуманистические и социальные мотивы, несколько отвлеченный призыв к овладению западными знаниями. Развитие получил лишь жанр публицистики, особенно после младотурецкой революции, способствовавшей известному подъему общественно-политической жизни.

После революции в стране начали издаваться около сотни газет и журналов. Арабская национальная идея в Ираке также еще не сформировалась; общественно-политические доктрины османизма и панисламизма господствовали в мировоззрении образованного слоя, о чем свидетельствует довоенное творчество таких видных поэтов, как Джамиль Сидки аз-Захави (1863–1936) и Мааруф ар-Русафи (1875–1945). В сознании представителей этого слоя культурно-историческое достоинство арабов еще интегрировалось в общемусульманское и османское историческое наследие.

Тем не менее под влиянием арабских националистов Сирии и Египта ряд иракцев, особенно военных, приняли участие в арабском движении. Филиалы арабского просветительского общества «Литературный клуб» возникли и в Ираке, иракские военные, служившие в Стамбуле, участвовали в тайном политическом обществе «аль-Кахтанйя». Наконец, перед войной в Мосуле было создано антитурецкое «Общество знамени». Дальнейшее развитие иракской национальной и просветительской мысли относится уже к военному и послевоенному периодам.

АРАВИЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Расширению позиций турецкой власти в Аравии в последней трети XIX в. способствовало несколько факторов. Среди них — создание новых средств связи, укрепление османского административно-политического устройства в результате реформ эпохи Танзимата и осознание правящей элитой растущего значения для судьбы империи ее азиатских владений. В 1874 г. султан даже заявил свои претензии на владение всей Аравией. Однако с конца века в условиях нараставшего политического кризиса османская власть стала терять завоеванные позиции. Эта тенденция сохранилась и после младотурецкой революции.

Помимо Великобритании, с конца века свой интерес к зоне Персидского залива стали проявлять Германия, Россия и Франция. В деловых и правительственных кругах этих государств обсуждались проекты прокладки железнодорожных

путей по территории Османской империи в направлении Персидского залива. В конце 1890-х годов возникли политические коллизии вокруг предоставления султаном Немецкому банку концессии на строительство Багдадской железной дороги. Порты Персидского залива стали посещать военные корабли Франции и России; в 1901 г. в Персидском заливе была открыта регулярная товаро-пассажирская линия Российского общества пароходства и торговли (с целью устранения конкурента английские пароходные компании немедленно снизили фрахт на свои перевозки в Европу на 70%). Происходили переговоры о создании консульской службы и угольных баз в портах залива, а накануне Первой мировой войны иностранные компании активизировали разведку нефтяных месторождений.

В этих условиях Великобритания стала принимать меры к укреплению своих позиций в Аравии. Новые, более жесткие условия ее соглашений с шейхствами и эмиратами Персидского залива стали ограничивать права арабских правителей в распоряжении своей территорией. К прежним мотивам, оправдывавшим вмешательство в аравийские дела, — борьбе с работорговлей и пиратством — прибавился запрет на торговлю оружием, между тем как аравийские племена продолжали снабжаться английским оружием.

В обстановке внешней экспансии и англо-турецкого противостояния, ужесточенного германским и русско-французским вмешательством, аравийской правящей элите оставались ограниченные возможности для политического маневра и выбора внешнеполитической ориентации, которая не грозила бы лишением самостоятельности. Централизаторской политике Порты, ее открытому вмешательству во внутриаравийские дела правящая аравийская элита часто предпочитала более гибкие отношения с Англией.

Политический опыт этих кругов и их контакты с османскими властями (представители некоторых правящих семей служили в османском аппарате управления, являлись членами парламента и Государственного совета), знакомство с оппозиционной прессой и арабскими деятелями националистического толка способствовали изменению политических представлений властвующего слоя, хотя у подавляющего большинства населения сохранялось традиционное мировосприятие. Реализуя свои внешнеполитические задачи правители стали проявлять склонность к созданию межгосударственных политических союзов, а накануне Первой мировой войны готовить почву для использования в своих целях движения арабских националистов. Впрочем, союзы были достаточно рыхлыми и неустойчивыми, подчиненными личным эмоциям и интересам, а связи с националистами не имели под собой общей идейной основы. С укреплением собственной государственной власти аравийские «монархи», эти недавние шейхи племен, во внутренней политике стали проявлять черты авторитаризма.

Обращение правителя второго Саудовского эмирата Абдаллаха ибн Фейсала к *вали* Багдада за помощью в борьбе с братом Саудом было лишь официальным предлогом для османской оккупации эль-Хасы в 1871 г. Подлинной причиной активизации османской политики в Аравии стало осознание турецким правительством опасности дальнейшей агрессии Англии в Аравии и ее угрозы восточным границам империи. Во всяком случае, об этом говорил Мидхат-паша, настаивая в турецком Совете министров на своевременности военного вторжения в Аравию.

Прежде чем начать военные действия, Мидхат-паша, используя зависимость кувейтских шейхов от администрации багдадского *вилаята*, где находились их обширные плантации финиковых пальм, добился от Сабахов признания османского сюзеренитета и поддержки турецкой экспедиции в эль-Хасу. Не встречая особого сопротивления, османские вооруженные силы, высадившиеся между эль-Катифом и эль-Кувейтом, овладели эль-Хасой, откуда предполагали осуществить продвижение в Неджд, которое, впрочем, так и не состоялось.

Хотя султанское правительство заявило, что не покушается на позиции британцев в Аравии, Великобритания поспешила официально провозгласить свой протекторат над Бахрейном и стала противодействовать турецкой политике в Аравии, поддерживая деньгами и оружием Сауда ибн Фейсала (после его смерти в 1875 г. в борьбу за власть вступили его сыновья). Ко времени кончины Абдаллаха ибн Фейсала в 1889 г. ваххабитского Саудовского эмирата как самостоятельного государства больше не существовало, он был поглощен эмиратом шаммарских Рашидидов, действовавших в русле османской политики.

В первые годы своего правления в эль-Хасе турки попытались реформировать ее общественно-политический строй. Мидхат-паша начал проводить реформы по образцу тех преобразований, которые он осуществлял в Ираке. На оживленных землях, превращенных в государственную собственность, землепользование регистрировалось по системе *тану сенеди*, налогообложение предусматривало только законные сборы — *ушр* и *закят* (воинская повинность и отбывание общественных работ не были распространены на аравийские османские владения). Однако население не приняло османских земельных новшеств, противоречивших местным нормам общинного и индивидуального владения. До тех пор, пока турки контролировали вакфную собственность, сохранялось использование доходов с нее на общественные нужды, в том числе на финансирование немногочисленных общеобразовательных начальных и средних школ.

В 1874 г., вскоре после отставки Мидхат-паши, турки отказались от дорогостоящей и малоэффективной в условиях Аравии практики назначения на местах турецких чиновников и стали утверждать у власти традиционную элиту. Порты сохраняла свои гарнизоны лишь в эль-Хуфуфе, эль-Катифе и Дохе.

До середины 1890-х годов туркам удавалось поддерживать в регионе относительное спокойствие. Без больших собственных потерь они подавляли разрозненные бунты племен, направляя их агрессию в русло межплеменных столкновений. Первые ощутимые неудачи постигли османскую власть в 1890-х годах в Катаре.

Собственно **Катар** не входил в состав провинции эль-Хаса, на которую распространились турецкие завоевания XVI в. Однако наиболее влиятельный в Катаре шейх племени аль-хаджар из рода Ааль Сани — Мухаммед (1860–1876) сам признал турецкий сюзеренитет, освободивший племена Катара от уплаты дани бахрейнским шейхам. Еще с середины века племена Катара пытались избавиться от бахрейнской зависимости, одновременно находясь в состоянии вражды с соседним шейхством Абу-Даби. В 1867 г. бахрейнский шейх Мухаммед аль-Халифа, заключив союз с шейхом Абу-Даби, организовал военную экспедицию в Катар, завершившуюся разгромом и разорением его прибрежных поселений. По условиям соглашений, заключенных английскими властями с шейхствами Договор-

ного Омана и Бахрейна, в конфликт вмешались британцы. В результате мир был восстановлен, шейх Мухаммед аль-Халифа удален в отставку как нарушитель соглашений, а катарский шейх Мухаммед ас-Сани в 1868 г. заключил с англичанами договор, обязывавший его соблюдать в регионе мир, передавать на рассмотрение британских политических резидентов все недоразумения, возникавшие с соседями, сохранять прежние отношения с Бахрейном, обусловленные уплатой дани, главным сборщиком которой и был признан Мухаммед ас-Сани.

В 1873 г. Иса аль-Халифа опротестовал переход Катара под турецкий сюзеренитет как нарушение его суверенных прав и обратился за защитой к Англии, что привело к первым англо-турецким переговорам о разделе сфер влияния в этой зоне. Стремление бахрейнского шейха и в дальнейшем отстаивать свои права на Катар, несмотря на противодействие местных жителей, вызвало новые вооруженные столкновения, особенно опасные для Исы в периоды антиправительственных выступлений на Бахрейне. В 1895 г. шейх Джасим (Касим) ибн Мухаммед ас-Сани (1876–1913), унаследовавший власть отца и пост *каймакама* кады Катар, принял и поселил в районе Зубары одно из бахрейнских племен, покинувшее архипелаг в знак протеста против политики Ааль Халифа. Несмотря на британский ультиматум, Джасим и турецкие власти отказались выдать беженцев; тогда британская эскадра бомбардировала побережье Катара в районе Зубары, подвергла репрессиям бану хаджар и наложила высокий штраф на шейха Джасима, обвинив его в подготовке нападения на Бахрейн.

В 1880-е годы происходили также столкновения племен Катара с племенами Абу-Даби, а в 1889 г. шейх Джасим в союзе с рашидидским правителем Эр-Рияда и Абд ар-Рахманом ибн Фейсалом, четвертым, самым младшим сыном Фейсала, осуществил опустошительный рейд в земли Абу-Даби. Конфликты Катара с Бахрейном и Абу-Даби служили Англии предлогом для посредничества, в ходе которого британский политический резидент неоднократно предлагал шейху Джасиму защиту от внешней агрессии на условиях заключения нового англо-катарского соглашения. Джасим принимал английскую защиту, но не подписывал договоров, ссылаясь на суверенные права османского султана на Катар. Вместе с тем растущее влияние британцев в Заливе позволило шейху Джасиму перестать считаться с турецкими властями и поощрять набеги бану хаджар на турецкие армейские части, а затем в 1893 г., в ходе османской карательной экспедиции нанести поражение турецким войскам при Ваджбе. В 1897 г. антитурецкие выступления повторились в Дохе, центре *кады* Катар. Английское вмешательство позволило замять оба конфликта и подтвердить пребывание Джасима на посту *каймакама*.

К началу XX в. шейх Катара лишь формально признавал турецкий сюзеренитет; он освободился от бахрейнской зависимости и осуществлял самостоятельную внутреннюю политику, создавая собственный аппарат управления, собирая в свою казну налоги. Впрочем, самостоятельность катарского шейха была прозрачной: обязательства Катара по отношению к англо-индийским властям дополнялись финансовой зависимостью катарских владельцев жемчужных промыслов от бомбейских кредиторов. В 1913 г. турецкие власти были вынуждены официально признать, что Катар находится в сфере английского влияния.

Несмотря на то что провозглашение Великобританией протектората над **Бахрейном** в 1871 г. вызвало протесты Турции и Ирана, архипелаг оставался под безраздельным господством англо-индийских властей. В 1874 и 1875 гг. британские войска подавили на Бахрейне антиправительственные выступления, а в 1880 г. шейх Иса подписал «Первое исключительное соглашение», запрещавшее ему вступать в переговоры с третьими державами, допускать на Бахрейн их торговых и прочих агентов, открывать угольные станции для неанглийских судов. Соглашение обязывало его консультироваться с Англией по всем заслуживавшим внимания вопросам. По этому соглашению Великобритания получила исключительные права в области внешней торговли и эксплуатации природных богатств Бахрейна, еще более расширенные в конце 1880-х годов.

В 1892 г., когда стало ясно, что турецкий султан склонен передать немцам концессию на строительство Багдадской дороги, Англия заключила с шейхом Бахрейна «Последнее исключительное соглашение» по образцу договоров 1891 и 1892 гг. с султанатом Маскат и шейхствами Договорного Омана (см. ниже), запрещавших их правителям распоряжаться собственной территорией.

С 1900 г. в Бахрейне начался процесс установления прямого британского управления. В Манаму был назначен британский политический агент, на территории архипелага расположилась военно-морская база и были расквартированы войска. Четыре года спустя английский политический резидент уже принимал решения по вопросам внешней и внутренней политики Бахрейна, а после вспышки антиправительственных выступлений 1905 г. во главе государственного аппарата были утверждены британские чиновники. Тогда, в 1905 г., массовые волнения поддержали привилегированные слои населения, и движение обрело более организованный характер. Британские военные силы разогнали демонстрацию, арестовали лидера движения Али ибн Халида, члена правящей династии Ааль Халифа.

События 1905 г. ускорили проведение англичанами реформ на Бахрейне, однако это была модернизация колониального типа. Она лишь частично коснулась системы управления и права. В 1909 г. судопроизводство над иностранцами было передано в руки политического агента, а в 1913 г. последовал королевский указ о введении в шейхстве модифицированного гражданского и уголовного кодексов Британской Индии. Теперь движение протеста в Бахрейне возглавили исламские деятели во главе с суннитским лидером Абд аль-Ваххабом аз-Зайани.

В 1913 г., при англо-турецком разделе сфер влияния в Аравии Бахрейн также был признан зоной британского контроля.

Английское господство в шейхствах **Договорного Омана** по существу не оспаривалось и в XIX в. Оно было еще более укреплено Исключительными соглашениями, заключенными с правителями эмиратов в 1892 г., запрещавшими им и их преемникам без согласия Англии заключать договоры и вступать в от ношения, уступать, продавать, сдавать в аренду или давать разрешение на оккупацию какой-либо части своей территории третьей державой. В 1911 г. эти соглашения были дополнены обязательством никому, кроме Англии, не предоставлять права на добычу жемчужных раковин и губки.

В **Кувейте** Англия добилась господствующего положения лишь на рубеж веков, и это сопровождалось острыми международными конфликтами. Шей

Абдаллах ибн Сабах (1866–1892) мирился со своим формальным статусом турецкого *каймакама* и продолжал традиционную политику лавирования между турками и англичанами. Ему наследовал политически бесцветный брат Мухаммед ибн Сабах (1892–1896), вручивший бразды правления брату своей жены Юсуфу Ибрахиму, связанному с деловыми и политическими кругами Британской Индии, который незамедлил вложить деньги казны правящей семьи в бомбейский банк и предоставил, не считаясь с интересами кувейтских судовладельцев, право регулярных рейсов в эль-Кувейт Британско-индийской паровой компании. Пользуясь тем, что именитые кувейтцы были недовольны проанглийской политикой правительства, сводный брат Мухаммеда Мубарак ибн Сабах (1896–1915) организовал заговор и с согласия знатных горожан, вопреки миролюбивой традиции семьи Ааль Сабах, сверг правящего шейха, организовав убийства Мухаммеда и его шурина.

Мубарак обладал авторитарными наклонностями, имел политические связи в Ираке и Аравии, был знаком с оппозиционной арабской прессой и стремился к созданию самостоятельного государства в широких границах. На протяжении своего правления он сумел осуществить и некоторые преобразования (попытался организовать обучение кувейтских военных с помощью турецких инструкторов, перед Первой мировой войной открыл госпиталь, основал первую светскую школу).

Интриги сторонников свергнутого шейха и конфликты между кувейтскими и шаммарскими приграничными племенами осложняли положение Мубарака, и Порты, играя на этих противоречиях, старалась подчинить Кувейт имперскому порядку. Она направляла в Кувейт турецких чиновников, чтобы взять под контроль кувейтский порт — важный источник доходов семьи Сабахов и средств существования кувейтцев, предлагала Мубарaku служебные посты в империи. Мубарак отклонял все лестные для него назначения, соглашался ввести управленческие нововведения, но только с назначением на должности кувейтцев. Порты угрожала захватом владений Сабахов в Ираке и концентрировала там войска. Дважды, в 1897 и 1898 гг., Мубарак искал выход из этой ситуации, выражая желание принять покровительство Англии. В январе 1899 г., когда турецкое вооруженное вмешательство в дела Кувейта стало реальным, британское военное судно предотвратило турецкую акцию. Тогда британский политический резидент Мид заключил с Мубаракom тайное соглашение, по которому шейх обязался не вступать в отношения с другими державами, не уступать им своей территории без согласия Англии. Мубарак получил от Англии крупную субсидию и, имея за спиной английскую поддержку, обрел свободу вершить свою политику в арабском мире.

В ноябре 1899 г. последовало султанское *ирадэ* с предоставлением Немецкому банку предварительной концессии на строительство Багдадской дороги. В январе 1900 г. в эль-Кувейт прибыла немецкая миссия для изучения условий строительства конечного пункта этой трансконтинентальной трассы, но натолкнулась на сопротивление Мубарака, который вместе с тем отказал и британцам в предоставлении угольной базы и открытии индийского почтового отделения. К этому времени правительство Англии сочло своевременным довести до сведения Турции и Германии по дипломатическим каналам об англо-кувейтском соглаше-

нии. Тогда Порта попыталась оказать давление на Кувейт с помощью враждебного Сабахам главы господствовавшего в Центральной Аравии Шаммарского эмирата Абд аль-Азиза ибн Митаба (1897–1906), который получил от турок поддержку оружием.

В сентябре 1900 г. Мубарак, Саадун-паша, лидер иракской племенной конфедерации *мунтафик*, и Абд ар-Рахман ибн Фейсал, нашедший в Кувейте убежище вместе с сыном Абд аль-Азизом, известным по прозвищу Ибн Сауд (1902–1953), поклялись на Коране победить Рашидидов или погибнуть. Военные действия разворачивались успешно для этой коалиции, получившей поддержку жителей Неджда. Однако в марте 1901 г. Мубарак неожиданно потерпел сокрушительное поражение под эс-Сарифом и поспешно отступил в Кувейт. Его амбициозные планы рухнули. Он безуспешно пытался получить покровительство со стороны России. В сентябре острый англо-турецкий конфликт вокруг Кувейта временно разрешился соглашением о статус-кво в Кувейте, по которому турки обязались не вводить свои войска в Кувейт, а Англия — не провозглашать протекторат над Кувейтом.

В 1902 г. Порта, за спиной которой стояла Германия, снова усилила нажим на Мубарака, требуя от него признания Кувейта частью империи, согласия на пребывание турецкого гарнизона и передачи в турецкие руки важных должностных постов. Для поддержки своего ультиматума турки готовили вооруженное вторжение в Кувейт. В ответ Англия объявила протест против турецких действий, нарушавших соглашение о статус-кво, и ввела военные корабли в порт эль-Кувейт, а в 1903 г. министр иностранных дел Англии Лэндсдаун официально довел до сведения держав содержание английского соглашения с Кувейтом. С этого времени Великобритания начала активно внедряться в страну.

В 1904 г. в Кувейт (как и в Бахрейн, Абу-Даби, Дубай, Шарджу, Катар и Маскат) был назначен британский политический агент. Тогда же Англии было предоставлено исключительное право на обслуживание почтовых связей Кувейта, а в 1912 г. в стране была открыта английская станция беспроволочного телеграфа. В 1913 г. Мубарак обязался не предоставлять концессий на разведку нефтяных месторождений без согласия Великобритании.

С начала 1900-х годов авторитет Мубарака в аравийской политике начал падать. Однако эль-Кувейт оставался важнейшим портом для внутренних районов Аравии и, несмотря на подписание соглашения 1900 г. о запрете на торговлю оружием, он превратился в рынок оружия для Аравии. В 1910 и 1911 гг. младотурецкое правительство сделало попытку оказать давление на Мубарака с помощью племенной конфедерации *мунтафик* под предводительством Саадун-паши, бывшего союзника Мубарака, а после младотурецкой революции сторонника движения «Иттихад ве тераки». Мубарак потерпел поражение. Тем не менее он организовал оборону Кувейта, совершал рейды в Южный Ирак и поддерживал антитурецкие силы в Бассорском *вилайете*.

По англо-турецкой конвенции 1913 г. Кувейт также отошел в зону английского влияния, но официально оставался в составе Османской империи на положении территориально увеличенной автономной области, его правители носили звание *каймакама*.

Пришедший к власти в Маскате султан Турки ибн Саид (1871–1888) распространял свою власть преимущественно на прибрежной территории Маската, хотя

и претендовал на господство над всем Оманом. В финансовом отношении он зависел от выплаты ему англичанами «занзибарской субсидии». В 1880-е годы Турки попытался ослабить зависимость от англо-индийских властей, завязав отношения с Францией. В 1884 г. в Маскат прибыл французский вице-консул, его сотрудники стали вести антианглийскую пропаганду, способствовавшую росту антианглийских настроений во Внутреннем Омане. В 1886 г. отряды хинави, возглавленные Ибрахимом, сыном имама Аззана ибн Кайса, и поддержанные главою хинави Салихом ибн Али аль-Харуси, вторглись на территорию султаната и осадили Маскат. Султана Турки спасла английская поддержка.

Лишь спустя два года после смерти Турки англичане признали султаном Маската его сына Фейсала (1888–1913), и весной 1891 г. тот был вынужден подписать два договора с англичанами — о дружбе, торговле и мореплавании и о запрете без согласия Англии передавать кому-либо часть своей территории. Желая оказать давление на оппозиционное движение во Внутреннем Омане, Фейсал запретил ввоз туда оружия и ввел повышенные пошлины на ввоз и вывоз товаров, чем усугубил оппозиционные настроения среди оманцев и способствовал консолидации группировки хинави. В 1895 г. хинави во главе с Салихом ибн Али аль-Харуси снова вторглись в Маскат и некоторое время удерживали город в своих руках. На этот раз Фейсал получил помощь от соперников хинави — группировки гафири.

Атаки на Маскат были частью оппозиционного религиозно-политического движения за воссоздание ибадидского имамата, в свое время приведшего к власти Аззана ибн Кайса. Идейно оно вдохновлялось «ибадидским ренессансом» (ибадидской Нахдой), возникшим в Омане в середине XIX в. Это было фундаменталистское направление ислама, призывавшее обратиться к истокам ибадизма; вместе с тем в нем проявилось стремление к единению ибадидов путем активного взаимодействия с ибадидскими религиозными деятелями Северной Африки и Занзибара и распространения ибадидских трудов, напечатанных в типографии занзибарского султана Баргаша ибн Саида (1870–1888). Колониальные захваты держав побудили ибадидских лидеров к установлению связей и с религиозными деятелями других направлений ислама для совместного противостояния империализму. Через труды ибадидских улемов Северной Африки, например Мухаммеда ибн Юсуфа Атфайиша (1820–1914), до оманских улемов доходили идеи Джемаль ад-Дина аль-Афгани и Мухаммеда Абдо. Одним из «неоибадидских» идеологов Омана, оказавших влияние на движение за возрождение *имамата*, был слепой историк Абдаллах ибн Хумайд ас-Салими (ум. 1914).

В последние десятилетия XIX в. усилилось экономическое закабаление Омана индийским капиталом: после гибели *имам* Аззана *банья* еще более закрепили свои позиции в финансовой системе страны, а в 1875 и 1876 гг. Фейсал прибег к внешним займам. Третий заем уже обуславливался назначением начальником таможен чиновника англо-индийской службы. Фейсал попробовал разрядить обстановку в стране назначением на пост главного *везира* человека, близкого Салиху ибн Али аль-Харуси. В марте 1898 г., вопреки своим обязательствам перед Англией, он подписал соглашение с французским представителем о предоставлении гавани Бендер-Исса под французскую угольную станцию. Однако англичане быстро положили конец фрондированию Фейсала и буквально под дулами

пушек своего флота заставили его капитулировать: отменить предоставление концессии французам и запретить подданным Маската переходить под французское покровительство. Спор по поводу концессии рассматривал Гаагский международный трибунал, вынесший решение в пользу Англии.

Накануне Первой мировой войны внутриоманское движение за *имамат* достигло успеха благодаря объединению группировок хинави и гафири. В начале 1913 г. *имамом* Омана был избран Салим ибн Рашид аль-Харуси. Утерявшие свой авторитет члены семьи Ааль Бу Саид были исключены из числа претендентов на этот пост. Оманские *улемы* и шейхи племен гафири провозгласили отстранение от власти султана Фейсала ибн Турки. Столицей нового *имамата* стала священная Низва и еще до начала мировой войны власть *имамата* распространилась на весь Внутренний Оман и часть прибрежной низменности. Военно-морским силам Англии удалось отстоять лишь районы, примыкавшие к Маскату. Осенью 1913 г. умер султан Фейсал, и ему наследовал сын Таймур (1913–1931), попытки которого достигнуть соглашения с внутриоманскими силами оказались безрезультатными.

Второму турецкому завоеванию Йемена предшествовала военная операция по ликвидации мятежного шерифа Абу-Ариша. В 1870 г. он сдался в плен и был казнен. В 1872 г. османская военная экспедиция высадила десант в Тихаме и заняла Джебель, включая Сану. Имам Мухсин аль-Мутаваккиль не смог организовать отпор захватчикам, власть перешла в руки турецкого *вали*. Администрация *имамата* была заменена турецкими чиновниками, сам *имам* скрывался в горах аль-Ахнум, где и умер в 1878 г. Его сменил поглощенный вопросами веры Шараф ад-Дин ибн Мухаммед аль-Хади, преемником которого в 1890 г. стал проповедник из Саны Мухаммед ибн Йахья аль-Мансур.

В зейдитских районах Йемена новый *имам* стал знаменем антитурецкого движения. Вынужденный покинуть столицу, он укрылся на севере Джебеля. Восстание ширилось, и в 1891 г. ополчение непокорных племен подступило к Сане. После карательных операций 1892–1897 гг. турецкие войска подавили восстание: повстанцы удерживали лишь район вокруг Хадджи и Саады.

Однако в 1904 г., после смерти имама Мухаммеда аль-Мансура, борьба против османского правления вспыхнула с новой силой. Йеменцы, страдавшие от засухи и голода, поразивших плодородные земли Таизза и Ибба, возмущались бездействием турецких чиновников. Вопреки воле губернатора, *имамом* был избран сын аль-Мансура Йахья ибн Мухаммед аль-Мутаваккиль. Он провозгласил *джихад* против захватчиков, объединив тем самым на время зейдитские племена. Турки терпели поражение, в 1905 г. они сдали Сану и согласились на перемирие, оставив за собой Тихаму, шафиитские районы Джебеля и г. Манаху с окрестностями. *Вали* Ахмед Фейзи-паша воспользовался передышкой, чтобы получить подкрепление, после чего нарушил перемирие и вытеснил *имамата* из столицы в горы Шихара. Там, в горном оплоте Йахьи турецкие отряды, его преследовавшие, были разгромлены.

Власти турок угрожало и восстание в шафиитском районе ас-Сулаймани, центре идрисидского суфийского движения, выдвинувшего лидером Мухаммеда Али аль-Идриси. Османские части сражались против обоих *имамов* — зейдитского и идрисидского. Расстановку сил осложняло и то, что право на *имамат*

Йахьи оспаривали некоторые зейдитские племенные вожди, а с Идрисидами воевали племена Хиджаза. К тому же Йахья резко критиковал Мухаммеда Али аль-Идриси за его связи с Великобританией и Италией, что привело в 1911 г. к разрыву между бывшими союзниками-*имамами*. Во время итало-турецкой войны 1911–1912 гг. Идрисиды получали от итальянской администрации Эритреи деньги, оружие и провиант. Под прикрытием итальянского флота Мухаммед Али занял основные города Тихамы. Йахья, укрепив свое влияние на зейдитских территориях, напротив, искал мира с турками. В 1911 г. представитель Стамбула Ахмед Иззет-паша заключил в Доане договор с Йахьей, признав автономию зейдитских районов и его право на верховный суд по отношению к единоверцам-зейдитам.

Накануне Первой мировой войны экономика Йемена была ослаблена. Итальянские обстрелы нанесли серьезный ущерб его портам. Прекратилась разработка соляных залежей в Салифе. Участок железной дороги Ходейда–Сана, строившейся французским капиталом, пострадал от итальянских бомбардировок и был разобран. Сказывались последствия засухи и военных действий, а в отдельных районах, в основном на севере Тихамы, столкновения все еще продолжались. После поражения Турции в войнах с Италией и на Балканах Стамбул в 1914 г. согласился на заключение конвенции с Великобританией, в которой подчеркивалась законность британского протектората над Южным Йеменом.

Захватив Северный Йемен в 1872 г., османские власти попытались вытеснить Великобританию с юга страны. Для этого они вторглись в султанат Лахджа и перебросили на аденский рейд корабли с десантом. Правители аль-Хавашиб и часть султанской семьи Лахджа поддержали турок. Решительными военными демонстрациями на суше и на море британцы остановили османское наступление. После переговоров турецкие силы были эвакуированы из Южного Йемена.

Укрепляя безопасность, британцы аннексировали весь Аденский полуостров: в 1882 г. султан Лахджа уступил им Шейх-Осман к северу от Адена, в 1888 г. правитель аль-Акариба, ранее продавший британской короне полуостров близ аденской гавани, продал также и земли от *вади* Турбан до Бендер-Факума.

За соглашениями о дружбе, торговле и мире последовали договоры о протекторате. Внешняя политика султанов и шейхов ставилась под контроль полномочных представителей Великобритании. Весной 1888 г. сходные договоры были подписаны с правителями аль-Ирка, аль-Вахида, Бальхафа, Хаура, Аулаки, аль-Акариби и аль-Фадли.

В 1870-х годах на политической сцене Хадрамаута появились новые деятели. В 1869 г. Авад ибн Омар аль-Куайти вернулся в Индию, передав хадрамаутский порт Шихр своему брату Абдаллаху. В 1870 г. скончался султан Галиб ибн Мухсин аль-Касири, и его титул перешел сыну Мансуру. В 1873 г. владельцем Мукаллы и главой (*накиб*) рода аль-Касади стал Омар ибн Салах. Куайтийцы требовали от нового *накиба* возврата огромной суммы, которую он им задолжал, соглашаясь принять в качестве возмещения города Мукаллу и Бурум. В 1873 г. противники куайтийцев заключили тройственный союз, в котором основную роль играли *накиб* аль-Касади, султан аль-Касири и вождь племени аулаки. В боях на побережье и в центральном *вади* аулаки потерпели сокрушительное поражение и навсегда покинули Хадрамаут. Союз распался.

Ввиду турецкой военной угрозы Великобритания укрепляла безопасность морского пути из Индии в Аден. Для этого ей было важно, чтобы Мукалла и Шихр находились в руках дружественных правителей. Британские власти поддерживали притязания семьи аль-Куайти, стремясь предотвратить ее союз с Турцией: переговоры о таком союзе велись в Сане в начале 1874 г. Третьейскими судьями в касадийско-куайтийском споре вокруг Мукаллы вызвались стать не только турки, но и *шериф* Мекки, однако британская сторона подчеркивала, что разрешение этого конфликта исключительно ее прерогатива. Для давления на куайтийцев Великобритания сорвала планировавшийся ими штурм Мукаллы с моря. Закупленные куайтийцами на Яве, в Индии и Италии пароходы с вооружением были задержаны по прибытии в Аден.

Накибу Омару аль-Касади англичане навязали соглашение с аль-Куайти о мире и сотрудничестве, в результате которого правитель Мукаллы оказался в изоляции. От него отступились прежние союзники — касирийцы, а его переговоры с турками и султаном Маската окончились ничем. Осенью 1881 г. совместные англо-куайтийские силы начали операцию по захвату Бурума и Мукаллы. Британский флот блокировал порты с моря, а куайтийская пехота — с суши. *Накиб* Омар сдался и был отправлен в почетное изгнание на Занзибар.

В договоре о дружбе, заключенном между британскими властями и сыновьями Омара аль-Куайти в 1882 г., братьям и их наследникам передавались права на все владения *накиба* Омара аль-Касади, которому они должны были выплатить денежную компенсацию. Соблюдение договора гарантировало братьям ежегодное жалованье из британской казны. Куайтийской стороне запрещалось продавать, закладывать или отдавать в пользование Шихр, Мукаллу и Бурум кому-либо, кроме правительства Великобритании. Это требование препятствовало образованию в Хадрамауте нового государства путем покупки города или поселения. Новый договор (1888 г.) ужесточал пункты договора 1882 г., в том числе вводил контроль над всеми внешними сношениями.

Претендуя на все наследие *накиба* Омара, куайтийские правители с боями присоединили к своим владениям юго-западные долины внутреннего Хадрамаута. Британская же администрация пресекла попытки реванша со стороны аль-Касири. В династийных спорах после смерти Абдаллаха ибн Омара аль-Куайти в 1888 г. англичане поддержали его брата Авада. В 1902 г. он получил от них титул султана Шихра и Мукаллы. В 1910 г. столица султаната аль-Куайти из Шихра была перенесена в Мукаллу, чье экономическое и политическое значение в этот период резко выросло.

Преодолев семейные ссоры, аль-Куайти продолжали строительство государства. Англичане поощряли расширение их территорий за счет племенных земель, ведущих во внутренний Хадрамаут, но не допустили окончательного ослабления соседнего султаната аль-Вахиди путем покупки его земель.

Хиджаз и в последней трети столетия оставался оплотом турецкой власти в Аравии. Проведенное в 1870–1880-е годы реформирование системы управления было направлено на укрепление власти Порты за счет прерогатив *шерифа*. *Хиджаз* был превращен в османский *вилайет*, делившийся на *када* и *нахийя*. Столица была перенесена в Мекку. Реформированная гражданская администрация насчитывала уже 170 человек. В связи с расширением административных функций она

пополнилась инспектором благотворительных учреждений (*вакфов*), главою комитета здравоохранения (к концу века в Хиджазе появились госпитали и аптеки), директором телеграфа и почты (в 1880-е годы существовал телеграф Джидда–Мекка, с 1890-х годов — Дамаск–Медина), начальником управления школьными учителями (были основаны училище Даудийа в Мекке и государственная школа в Джидде) и т.п. Местная администрация отчасти дублировала состав центральной. В Джидде как главном порту и таможне с персоналом в 200 человек имелись службы карантина, правительственных складов и т.д. Там же пребывали представители табачной монополии Режи и Публичного Оттоманского долга.

Согласно реформам Танзимата, в Мекке был создан Совет (*меджлис*) *вилайета*, в других крупных городах — Консультативные советы, в Джидде — специальный Муниципальный совет, в распоряжении которого имелись инженер, врачи, портовые служащие. В Мекке была основана типография и издавался провинциальный ежегодник. Власти осуществляли ремонт Святых мест — аль-Харам, проводили работы по реконструкции водоснабжения и дорожному строительству. Все эти новшества мало затрагивали широкие слои населения, *меджлисы* служили орудием власти в руках должностных лиц, а строительные работы велись лишь эпизодически. Самым крупным достижением Порты явилось строительство в 1900–1908 гг. Хиджазской железной дороги, соединившей центральные *вилайеты* с Мединой. Хотя дорога официально рассматривалась как претворение в жизнь панисламских идей Абдул-Хамида (она строилась на пожертвования мусульман всего мира), ее строительство, осуществлявшееся под руководством немецкого инженера, преследовало стратегические цели. Это понимала хиджазская правящая элита, приложившая усилия для того, чтобы дорога не была доведена до Мекки.

С последней трети XIX в. усилиями частного капитала началось строительство небольших предприятий с паровыми двигателями (мельницы, фабрика льда и т.п.) для обслуживания потребностей растущего городского населения: с середины XIX в. число жителей Мекки, Медины и Джидды удвоилось — с 75 тыс. до 150 тыс. человек. Однако все эти нововведения мало изменили образ жизни хиджазских жителей. Их общественно-политическим представлениям по-прежнему были присущи консерватизм, изоляционизм и ксенофобия.

Хиджазские добровольцы еще участвовали в махдистском движении в Судане, но к восстанию Ораби-паши в Египте, а через четверть века и к младотурецкой революции Хиджаз остался безучастен. Более того, *шериф* Хусейн заявил, что для Хиджаза конституцией остается Коран, и потребовал закрытия в Мекке младотурецкого органа печати, заменив его своим. Время от времени Хиджаз продолжали беспокоить бунты голодных турецких солдат, не получавших жалования, грабительские рейды племен, которым задерживали выплату субсидий, а в 1896 г. по городам прокатилась волна народных беспорядков, вызванных непривычными санитарными мерами: после следовавших год за годом эпидемий холеры власти приняли решение проводить дезинфекцию домов, вещей паломников и воды священного источника Замзам.

Поскольку в ходе управленческих реформ были урезаны властные prerogative *шерифов*, то они стали использовать в своих целях беспорядки среди племен. Такую тактику применяли Абд аль-Муталиб ибн Галиб (1880–1882) и Аун ар-

Рафик ибн Мухаммед (1882–1905); ею не злоупотребляли Али ибн Абдаллах (1905–1908), отстраненный от власти младотурками из-за подозрения в пробританских симпатиях, и Хусейн ибн Али (1908–1916).

Хусейн был самой значительной фигурой в ряду хиджазских *шерифов*. Он провел 16 лет в коридорах султанской власти, изучил все тонкости современной ему османской политики и, сохраняя вид ревностного сторонника османской власти, готовил предпосылки для создания независимого арабского государства. Еще в начале 1900-х годов в Порте вызвала переполох публикация халифатской утопии Абд ар-Рахмана аль-Кавакиби — сочинения «Умм аль-Кура», и в правительственных кругах даже поверили в существование в Мекке мифического Конгресса исламского возрождения, якобы ратовавшего за создание арабского халифата. Однако накануне Первой мировой войны *шериф* Хусейн начал на деле реализовывать идею создания всеарабского государства под своим управлением, завязав отношения с арабскими националистами и английскими представителями в Египте. Впрочем, Хусейн переоценивал свои возможности: османские реформы лишили его не только собственной гвардии, но и важных рычагов власти. К тому же Хиджаз по-прежнему был в полной финансовой зависимости от турок: доходы страны покрывали только одну треть бюджета Хиджаза. Значительно больше шансов стать политическими лидерами в масштабе Аравии было у Саудилов.

В последней трети XIX в. самым крупным аравийским государством временного стал эмират **Джебель-Шаммар** во главе с кочевой династией Рашидидов, возглавившей во второй половине 1830-х годов племенную конфедерацию шаммаров. Основатели династии — эмиры, или шейхи шейхов, Абдаллах ибн Рашид (1837–1847) и его сын Таяль (1847–1868) — пребывали в дружеских отношениях с Саудидами, признавая себя их вассалами. После смерти эмира Фейсала ибн Турки Рашидиды фактически отложились от Саудилов и начали завоевательную политику в Центральной Аравии. Расцвет самостоятельного эмирата шаммаров относится ко времени правления Мухаммеда ибн Абдаллаха (1872–1897). Впрочем, этот расцвет был обусловлен кратковременными факторами, что характерно для «племенных империй». Благоприятно для Рашидидов сложились политические условия — внутридинастийная борьба Саудилов, основных соперников Рашидидов, и османское завоевание Восточной Аравии ослабили Саудовский эмират. Не последнюю роль сыграла личность самого правителя, с уходом которого с политической сцены наступил закат эмирата Джебель-Шаммар, этого слабо институтированного государственного образования.

Недолговечность эмирата определялась и его внутренней социально-политической организацией: в отличие от Саудовского эмирата, основанного на базе оседлого городского и земледельческого населения, ядро эмирата Рашидидов составляла трудноуправляемая конфедерация кочевых племен шаммаров, которые противопоставили себя прочим племенным объединениям. Поборы с городского населения составляли основные поступления в казну. Таким образом, в политике Рашидидов не наблюдалось стремления заменить иерархию, порожденную родоплеменной организацией, на иерархию, утверждаемую государственной структурой. В племенах сохранялось самоуправление. В правовой системе едва наметилась замена *урфа шариятом*. Как и в большинстве потестарных

аравийских образований, управленческий аппарат традиционно формировался не из аристократии, а из «людей шейха шейхов» — военачальников гвардии эмира и слугителей его дворца, рекрутируемых преимущественно из рабов (*абид*). *Джалис*, своего рода майордом, или управитель дворца, был главным советником эмира.

Эмир Мухаммед ар-Рашид умело воспользовался ситуацией: он признал султанский сюзеренитет и на этом основании добивался поддержки со стороны турецких властей оружием и деньгами. Он сумел извлечь пользу из превращения территории Джебель-Шаммара в своего рода мост, соединивший две части османских владений — Ирак и Хиджаз. Обеспечивая безопасность караванных путей через свою территорию и благоприятствуя превращению столицы Хаила в важный аравийский торговый центр, он способствовал перемещению торговых путей из Неджда в Джебель-Шаммар. Однако его преемник Абд аль-Азиз ибн Митаб не смог противодействовать османской политике и превратился в ее орудие, будучи втянут в противостояние с шейхом Мубараком и его союзниками. Его протурецкая позиция вызывала раздражение у населения этого ваххабитского эмирата, особенно у жителей нешаммарских территорий, подвергавшихся нещадному ограблению со стороны шаммаров. Недовольством населения эмирата шаммаров и воспользовались Саудиды, которых в антитурецкой политике охотно поддерживала Великобритания.

В 1893 г., когда младший сын Фейсала ибн Турки Абд ар-Рахман утерял все свои владения в Неджде, он со своим сыном Абд аль-Азизом нашел убежище в Кувейте и стал союзником Мубарака в противостоянии Рашидидам. В 1902 г. Абд аль-Азиз с согласия отца и при поддержке Мубарака предпринял самостоятельную попытку отвоевать у Рашидидов Неджд. Попытка увенчалась успехом, он захватил Эр-Рияд и, пользуясь задержкой в сборе племенных ополчений Рашидидами, откочевавшими к тому времени в Южный Ирак, восстановил власть над исконно саудовскими землями. По решению Абд ар-Рахмана эмиром в Эр-Рияде был провозглашен Абд аль-Азиз, за собой Абд ар-Рахман сохранил функции *имама* и главного советника. Вооруженные столкновения между Рашидидами и Саудидами продолжались четыре года, пока в 1906 г. в эль-Касиме шаммары не проиграли сражение, в котором погиб Абд аль-Азиз ибн Митаб. В том же году Абд аль-Азиз (Ибн Сауд) заключил соглашение с новым эмиром шаммаров Митабом, сыном Абд аль-Азиза ибн Митаба, о разделе Центральной Аравии. Вмешательство турецких властей, оккупировавших эль-Касим и подстрекавших враждебные Саудидам племена к военным столкновениям, только временно затормозило процесс становления **Саудовского эмирата**.

Вплоть до начала Первой мировой войны Абд аль-Азиз вел активную политику на Аравийском полуострове: он поддерживал Идрисидов, восставших против турок, отразил вооруженные нападения *шерифа* Хусейна, в союзе с Мубараком участвовал в военных столкновениях с племенами Ирака и, наконец, в 1913 г. при молчаливом одобрении англичан выбил турок из эль-Хасы. Таким образом, накануне войны Саудовский эмират был восстановлен в пределах Центральной и Восточной Аравии. Эмират Джебель-Шаммар превратился в небольшое владение Рашидидов, ввергнутых в внутрдинастийные распри.

АЛЖИР В 1871–1914 гг.

После подавления восстания Мукрани завоевание Алжира французами в основном было закончено. Однако его отголоски еще слышались в выступлениях берберов шавийя в горах Ауреса в 1876–1879 гг., сопротивлении в аль-Голеа и Метлили в 1870–1873 гг. и втором восстании улад сиди шейх в 1881–1883 гг. Дальнейшее продвижение в глубь Сахары шло в основном без сопротивления кочевников, но вплоть до 1900 г. здесь гибли французские военные, чиновники, целые научные экспедиции.

Страна была поделена на три департамента на севере ($\frac{1}{5}$ всей площади) и четыре «военные территории», управлявшиеся офицерами во главе с «бюро по туземным вопросам». Фактически «режим сабли» для большинства алжирцев сохранялся всюду, так как они даже за пределами Сахары проживали в основном в «смешанных коммунах», не имевших самоуправления и возглавляемых назначенными сверху администраторами, а в «полноправных коммунах» алжирцы, независимо от их численности, могли претендовать не более чем на $\frac{1}{3}$ мест в муниципалитетах и $\frac{1}{5}$ в генеральных советах департаментов. Согласно «туземному кодексу» 1881 г., они не имели права состоять в политических партиях, перемещаться без разрешения властей, их могли арестовать, выслать и лишить имущества по простому подозрению. За нарушение этого кодекса специальные трибуналы осудили 18 630 алжирцев в 1890 г., 24 030 — в 1894 г., 23 813 — в 1900 г., 227 546 — в 1903–1913 гг.

Параллельно с укреплением колониального режима усиливались позиции алжиро-европейцев. Их земельная собственность возросла в 1870–1914 гг. с 765 тыс. га до 2200 тыс. га. За 1871–1911 гг. увеличилась и численность европейцев с 245 тыс. до 752 тыс. человек, из которых официально лишь 189 тыс. были иностранцами (а на самом деле — до $\frac{3}{4}$). Преобладание среди них «неофранцузов», наличие у них специфических черт языка, культуры, необходимость совместно отстаивать свое привилегированное положение превратили алжиро-европейцев в чрезвычайно сплоченное, активное и агрессивное меньшинство. Их верхушка — печально знаменитая «сотня сеньоров» Алжира — создала в стране своеобразную ситуацию «колониального двоевластия», в рамках которой они фактически решали все, подчинив себе генерал-губернатора и его администрацию при официальном лозунге «Алжир — это Франция». Но власть Франции они понимали как своего рода политическую и военно-полицейскую крышу их господства в Алжире, используя ее не для закрепления их формальных обязанностей по отношению к метрополии, а для фактического оформления обязанностей Парижа по защите их привилегий. Европейцы, называя себя «алжирцами» (а подлинных алжирцев — «туземцами»), пользовались всеми правами французов, избирали по два депутата и одному сенатору от каждого департамента и господствовали в созданных в 1898 г. Финансовых делегациях, утверждавших бюджет колонии и состоявших из секций колонистов, неколонистов и «туземцев» (в основном назначаемых властями марионеток). Из 72 финансовых делегатов не менее 50 были крупными землевладельцами.

Вместе с тем колонизация стимулировала социальные процессы и создала новую ситуацию. В 1886–1906 гг. наплыв алжирцев в города заставил потесниться европейцев. В 1901 г. алжирцы составляли примерно половину из 42 928 рабо-

чих на 10 327 предприятиях страны. В 1905 г. их уже было 34 тыс., в 1911 г. — 64 тыс. Это способствовало распространению на города движения антиколониального протеста, базой которого наряду с рабочими стали ремесленники и мелкие торговцы (49 тыс. — в 1901 г., 60 тыс. — в 1912 г.). К ним примкнули и многие из алжирцев-предпринимателей (4363 применявших наемный труд и 16 147 работавших «самостоятельно» в 1905 г.). Из всех этих слоев постепенно формировалась и местная интеллигенция. В 1890 г. лишь 10 тыс. детей алжирцев (менее 2%) учились в школе, в 1908 г. уже 33 400 (около 4%). В Алжирском университете в 1884 г. было всего 6 алжирцев-студентов, в 1907 г. — 50. Гораздо больше (до 27 тыс. человек в 1861 г.) алжирцев обучалось в коранических школах и медресе, но немало и за рубежом — в Тунисе, Марокко, Каире, Дамаске, Багдаде, а также во Франции. Среди примерно одной тысячи алжирских интеллигентов (до 1914 г.) доминировали люди со светским образованием. Более многочисленная прослойка лиц с традиционным мусульманским образованием в основном представляла служителей культа, низшее чиновничество и «грамотеев» (богословов, литераторов, учителей).

Традиционалисты первыми выступили в 1887 г. с петицией националистического характера, требуя уважения законов, обычаев и учреждений ислама. Ее подписали до 1700 торговцев, промышленников, *улемов* и интеллигентов департамента Константина. Безрезультатность этой и последующих петиций привела к тому, что традиционалисты стали поощрять «исход на земли ислама» (в основном в Сирию, где жили потомки Абд аль-Кадира), а также развернули пропаганду идей Нахды (начавшегося в XIX в. культурного возрождения на Арабском Востоке). Именно они внесли большой вклад в формирование новой арабоязычной культуры Алжира. Среди них особенно известны теолог и правовед Мустафа ибн аль-Худжа, первым в Алжире выступивший за просвещение женщин; публицист Абд аль-Халим б. Смайя, часто печатавшийся в Сирии и Египте; филолог и историк Мухаммед б. Шенеб; проповедники реформы ислама Абд аль-Кадир аль-Маджауи, Хамдан б. Луниси, Мухаммед б. Зикри; художники Омар и Мухаммед Расими. Традиционалисты издавали журнал «аль-Ихья», еженедельники «Зуль-Факар», «Каукаб Ифрикийя», «аль-Магриб» и «аль-Фарук». Многие из них выступали с позиций панисламизма, в том числе в газете «аль-Мухаджир», издававшейся алжирскими эмигрантами в Сирии.

Более громко заявили о себе младоалжирцы, выступившие в 1892 г. с требованием предоставления всем алжирцам прав французов по примеру «жителей Черкесии», которые «являются русскими, сохраняя при этом все свои мусульманские права и законы». Среди них были наиболее известны адвокат Ахмед Бударба, переводчик Зеррук б. Брихмат, врачи Тайеб Морсли и Белькасем Бентами. Ими был создан ряд культурных ассоциаций («Рашидийя» и «Туфикийя» в г. Алжир, «Кружок Салах-бея» и «Садыкийя» в г. Константина и т.д.), выпускались газеты на французском языке (иногда с параллельным текстом на арабском) «аль-Мисбах», «Ле Мюзюльман», «Л'Ислам», «аль-Хакк». Наиболее влиятельной из них была «Рашидийя», из-за чего младоалжирцев иногда называли «рашидистами». Младоалжирцы организовывали собрания и демонстрации (иногда совместно с традиционалистами), подавали петиции протеста, вели кампании в прессе за равноправие алжирцев с французами. В 1912 г. они представили пре-

зиденту Франции «Младоалжирский манифест», подписанный сотней активистов движения, в котором требовали реформы «репрессивного режима», «справедливого распределения налогов», «серьезного политического представительства во всех алжирских ассамблеях» и парламенте Франции. Соглашаясь служить во французской армии (что отвергали традиционалисты), младоалжирцы готовы были полностью ассимилироваться, слиться с французами ради получения политического и юридического полноправия. Но французы, считая, что эта крайне малочисленная «партия цивилизации и прогресса» состоит из полуинтеллигентов, «жаждущих сблизиться с победителем», отвергли их претензии, в основном под давлением «сотни сеньоров» Алжира, не желавших никаких уступок «туземцам».

Младоалжирцы, уступая традиционалистам по численности и влиянию, представляли, однако, более современную ветвь алжирского антиколониализма на рубеже XIX–XX вв. Их тактика была одновременно и прикрытием антиколониального содержания борьбы за равноправие, и своеобразным приемом этой борьбы, вполне оправданным в условиях колониального двоевластия. Оба течения, и традиционалисты и младоалжирцы, имея и заслуги и слабости, внесли значительный вклад в развитие освободительного движения в Алжире и в формирование идеологии алжирского национализма.

ТУНИС В 1873–1914 гг.

В 1873 г. западные державы, пытаясь стабилизировать положение в Тунисе, заменили Хазнадара, надоевшего им своими постоянными обманами и мошенничеством, генералом Хайрадином. Кумир либералов, Хайрадин прекратил продажу должностей, упорядочил сбор налогов, установил контроль над чиновниками, отменил недоимки и несколько улучшил положение крестьян путем распределения среди них государственных земель, основал известный впоследствии колледж Садыкийя. Однако его попытка опереться на помощь Османской империи была неудачна, она вызвала ярость Запада и недовольство в самом Тунисе, который Хайрадин готов был вовлечь в войну Османов с Россией в 1877 г. Отставка Хайрадина вернула к власти *мамлюков*-традиционалистов.

На Берлинском конгрессе 1878 г. Англия и Германия открыто поощрили Францию к захвату Туниса (первая — в обмен на свое «право» захватить Египет, вторая — с целью отвлечь французов от европейских дел и мечты о реванше за поражение 1870 г.). Италия и Османская империя были бессильны помешать Франции, навязавшей Тунису свой протекторат в мае 1881 г. Страна стала фактически колонией Франции, но с сохранением собственной государственности (*бея*, его министров и чиновников, превратившихся в подручных французского генерального резидента и его аппарата). Оккупация Туниса и капитуляция бея Мухаммеда ас-Садока, послушно подписавшего договор о протекторате, вызвали возмущение народа и массовое движение протеста, переросшее в вооруженные выступления горожан, крестьян, бедуинов и солдат, дезертировавших из сдавшейся без боя бейской армии. Сражения длились до конца 1882 г. Примерно 260 тыс. тунисцев (около $\frac{1}{6}$) покинули родину, спасаясь от карателей.

В годы протектората Тунис пережил период колонизации, когда европейцы постепенно составили до 7–8% населения. Среди них преобладали итальянцы (72 тыс. против 24 тыс. французов в 1901 г.). Но именно французы (главным образом французы из Алжира, уже имевшие опыт колонизации) господствовали в политической, экономической и общественной жизни, преобладая среди бюрократии, предпринимателей, офицерства и интеллигенции европейской общины, а особенно среди владельцев переданных колонистам наиболее плодородных земель, составивших около 11% всего фонда земель страны (более 855 тыс. га в 1914 г.). Приток капиталов из Франции способствовал созданию промышленности, освоению природных богатств, строительству дорог и средств связи, изданию французских газет и журналов. Интересы колонистов представляла Консультативная конференция, созданная в 1891 г.

Развитие экономики, сети школ и лицеев способствовало зарождению новых социальных сил в недрах тунисского общества — рабочих, техников, средних слоев и буржуазии. В 1885–1912 гг. 3 тыс. тунисцев закончили французские учебные заведения. Но европейская верхушка не хотела считаться с интересами даже богатых и лояльных им тунисцев, что способствовало росту национализма среди последних, во многом на основе идей генерала Хайрадина, изложенных им в трактате «Аквам аль-масалик» («Вернейший путь») еще в 1867 г.

Первые националисты объединялись вокруг газет, культурных ассоциаций, отдельных лидеров. Уже в 1884 г. один из сподвижников Хайрадина, Мухаммед Снуси, организовал первую демонстрацию протеста против властей протектората. Он же с группой единомышленников с 1888 г. издавал газету «аль-Хадыра» («Столица»), а в 1896 г. создал ассоциацию «Халдунийя», выступавшую за восстановление конституции 1861 г. Другая часть националистов стояла за возрождение мусульманской самобытности Туниса. Среди них наиболее заметен был Абд аль-Азиз Таальби, опубликовавший в 1904 г. книгу «Дух свободы в Коране». Одновременно на тунисцев оказали воздействие идеи социализма и анархизма, проникшие в среду европейцев, которые в 1894 г. создали первые профсоюзы. В них вскоре стали принимать и тунисцев. В 1904 г. состоялась первая маевка и начались забастовки. Под влиянием левых кругов Франции либеральные националисты, позже названные младотунисцами, стали выдвигать требования антиколониального характера и создали в 1907 г. партию «Молодой Тунис» («Тунис аль-фатат»), которая выступила за широкое участие тунисцев в управлении страной. В то же время лидеры младотунисцев Бешир Сфар, Али Баш-Хамба и другие противопоставляли себя не только властям протектората, но и консерваторам — исламофилам. Однако, учитывая влияние вызвавшей энтузиазм в Тунисе младотунисской революции 1908–1909 гг., националисты начали кампании антифранцузского и антиитальянского характера, в ходе которых они сомкнулись с исламофилами и перешли фактически на позиции панисламизма. Наибольший подъем младотунисское движение пережило в 1909–1912 гг., когда митинги, выступления в прессе, демонстрации превращались в уличные волнения и стычки. Французские власти в ответ начали репрессии, которые привели в 1911–1912 гг. к аресту почти всех видных националистов и роспуску всех организаций младотунисцев. На долгие годы движение было загнано в подполье.

ИРАН
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ЗАКАБАЛЕНИЕ ИРАНА

Во второй половине XIX в. продолжался процесс «мирного» проникновения иностранного капитала в Иран и превращение этой страны в полуколоннию. Усиление позиций иностранных государств в Иране оказало сильное воздействие на экономическое и политическое состояние страны, положение общественных классов. Столкнувшись с развитыми капиталистическими державами, Иран не смог оказать им ни военного, ни политического, ни экономического сопротивления.

Наиболее острая борьба за Иран развернулась со второй половины XIX в. между Англией и Россией, завоевавшими уже достаточно прочные позиции в этой стране в результате военных приобретений и торговой экспансии. Иран привлекал Англию прежде всего как плацдарм для осуществления захватнических устремлений на Востоке. Интересы российского царизма были связаны с перспективой использования рынков стран Востока для развития своей промышленности. (Вдохновитель русской политики на Востоке военный министр А.Н.Куропаткин в секретной записке царю «О наших задачах в Персии» писал: «Мы неизбежно обязаны помнить, что если Персия ныне не имеет для нас важного политического и экономического значения, то для детей и внуков наших таковое значение возрастет в огромной степени».)

В первой половине XIX в. инициатива закабаления и подчинения Ирана, главным образом военным путем, принадлежала царской России. Английский капитализм, самый развитый в мире, был способен дополнить и заменить военные способы колониальной экспансии экономическими. Он стал первым применять новые методы для проникновения в Иран, добиваясь создания разнообразных концессий, монополий, выдвигая проекты строительства железных, шоссейных дорог и т.д. В конце XIX в. в Иране все более активную роль стали играть Германия и США.

Первоначальной основой экономического закабаления Ирана (конец XVIII — первая половина XIX в.) явилось активное втягивание его в международный рынок. Начиная с 60-х годов XIX в. наряду с вывозом товаров все большее значение приобретает вывоз капитала, который направлялся прежде всего в отрасли хозяйства, способствовавшие развитию и расширению внешней торговли. Значительную долю в импортируемом капитале занимал ссудный капитал, который непроизводительно расходовался шахским двором.

Однако именно иностранный капитал дал толчок к развитию различных сфер экономики Ирана — торговли, земледелия, промышленности, банковского дела

и др. Но, будучи экономически более развитыми, капиталистические государства в конкурентной борьбе подавляли первые ростки капитализма в Иране, препятствуя развитию национальной промышленности.

Англичане, заинтересованные в установлении связи с Индией, добивались получения телеграфных концессий в Иране. Соглашения о прокладке телеграфных линий подписывались в 1862, 1865, 1872 и 1901 гг. В результате линии связи пересекли почти всю страну. Телеграф находился преимущественно в ведении Индо-Европейской компании. Иранскому правительству предоставлялась лишь треть доходов от эксплуатации линии, проходящей по иранской территории, и льготный тариф при подаче телеграмм.

В 1879 г. русские предприниматели вслед за англичанами добились концессии на постройку телеграфной линии на севере Ирана. К 1920 г. общая протяженность телеграфных линий в Иране достигла 5676 км. Из девяти основных линий иранским правительством контролировались лишь две, еще две эксплуатировались русскими, а остальные — англичанами. Строились телеграфные линии в значительной мере за счет Ирана, и уже к 1869 г. в связи с их строительством он задолжал Англии около 47 тыс. ф. ст., которые и выплачивал в течение 20 лет.

С начала 70-х годов обострилась борьба между Россией и Англией за концессию на строительство шоссейных и железных дорог. Бездорожье было серьезным тормозом развития экономики Ирана, мешая централизации управления. Отсутствие путей сообщения затрудняло переброски иранских товаров из одного района в другой. Например, вывозя из северных районов рис, Иран на юге ввозил его из Индии. Строительство дорог, таким образом, отвечало интересам и нарождавшегося класса иранской буржуазии, и иранского правительства.

Впервые строительством железных дорог в Иране заинтересовался известный финансист Юлиус Рейтер, основатель английского телеграфного агентства. После раздачи изрядных подношений (Насер ад-Дин-шаху подарили 1 млн. фр., его трем министрам — по 500 тыс. фр., трем важным сановникам — по 100 тыс. фр., не считая более мелких подарков) Ю. Рейтер 25 июля 1872 г. подписал с иранским правительством соглашение о концессии сроком на 70 лет. Кроме постройки трансиранской железной дороги от Каспийского моря до Персидского залива концессия предусматривала разрешение на прокладку ответвлений, соединявших различные города и провинции страны вплоть до пограничных с Россией и Индией пунктов. Рейтеру разрешалось строить шоссейные дороги по всему Ирану. Ему предоставлялось право разработки месторождений полезных ископаемых, эксплуатации государственных лесов, строительства оросительных сооружений, основания банка, создания газового и других заводов, мельниц, благоустройства Тегерана, а также право заниматься многими другими видами деятельности. Все это предоставлялось Рейтеру бесплатно, с отчислением в пользу иранского правительства 15% прибыли.

Соглашение о концессии вызвало резкий протест российского правительства. Шаху были направлены ноты с ультимативными требованиями отменить концессию. Осуществление концессии требовало больших капиталов. Акции, выпущенные Рейтером в Англии, не имели успеха, и он не смог начать работы в Иране до истечения 15-месячного срока, как было оговорено в соглашении, что и явилось формальной причиной ликвидации концессии.

После этого иранскому правительству было предложено несколько проектов строительства железных дорог русскими, французскими и американскими предпринимателями. Россия при этом всеми средствами препятствовала осуществлению проектов других стран. Официальная точка зрения, господствовавшая в российских правящих кругах, сводилась к тому, что Россия, сама нуждавшаяся в экономическом развитии, не должна вкладывать большие средства в Иран. В результате в 1890 г. вопреки интересам экономического развития Ирана было подписано русско-иранское соглашение о запрете строительства железных дорог в стране в течение 10 лет, в 1900 г. оно было продлено еще на 10 лет. Соглашение было поддержано Англией. Английский посланник в Тегеране Д. Вольф заручился письменным обязательством шаха о том, что только «английское правительство имеет преимущество на концессию по проведению железных дорог с юга к Тегерану... Без совета с Англией концессия на южные дороги не может быть выдана». Строительство железных дорог в Иране фактически было заморожено на 30 лет.

Важную роль для упрочения позиций Англии в Иране сыграло получение в 1888 г. разрешения иностранным судам плавать по р. Карун, что открывало удобный путь со стороны Персидского залива в юго-западные и центральные районы страны. Английская торговая компания «Линч» получила право на совершение регулярных рейсов по Каруну. Вдоль реки была создана английская телеграфная служба. В 1889 г. англичане добились концессии на постройку шоссеной дороги Тегеран–Кум–Султанабад–Боруджерд–Шустер. Особое значение эта концессия приобрела, когда на юге Ирана была открыта нефть.

В 1889 г. англичане добились согласия иранского правительства на основании в Иране так называемого Шахиншахского банка сроком на 60 лет. Банку предоставлялось право открывать отделения по всей стране. Ему разрешалось выпустить акции в Лондоне, Париже, Берлине, Тегеране, Вене и Петербурге на 4 млн. ф. ст. Шахиншахский банк, как выполняющий функции государственного банка, получил исключительное право на выпуск банковских билетов на сумму 800 тыс. ф. ст. с покрытием $\frac{1}{3}$ металлической наличностью и на проведение широких банковских и коммерческих операций. Иранское правительство освобождало банк от уплаты налогов и таможенных сборов и обязывалось покрывать его убытки. Банку разрешалась разработка всех полезных ископаемых, за исключением добычи драгоценных камней и благородных металлов, с отчислением 16% годового дохода иранскому правительству.

Капитал банка был в основном английским. Участие иранских подданных ограничивалось $\frac{1}{5}$ акционерного капитала.

Активизация английской политики в Иране в конце XIX в. способствовала превращению южных районов Ирана в сферу безраздельного господства английского капитала. Усилилось влияние англичан и при шахском дворе. Все это вызывало беспокойство российского правительства. Особое совещание в 1890 г. в МИД России о финансово-экономической политике в Иране отмечало, что «на почве персидских дел России приходится вести нелегкую борьбу с серьезным соперником в лице Англии, которая обладает большими материальными средствами и может вынести более значительные, чем Россия, денежные жертвы». В то же время подчеркивалось, что «Персия представляет исключительную важность с точки зрения политических и экономических интересов России».

Исходя из этого, русский царизм усилил свое экономическое проникновение в Иран посредством получения концессий и создания совместных торговых и промышленных компаний.

Важную роль в упрочении и распространении русского влияния в Иране сыграла персидская казачья бригада, организованная в 1879 г. на основании конвенции, заключенной между российским правительством и Насер ад-Дин-шахом. Казачья бригада являлась наиболее боеспособной единицей вооруженных сил Ирана. Несмотря на то что, согласно уставу бригады, ее возглавлял шах, она фактически подчинялась военному министру России, а в военное время — Штабу Кавказского округа. Командовал бригадой русский офицер, обычно полковник генерального штаба. Младшие и старшие офицеры присылались из Петербурга, причем они продолжали оставаться на действительной службе в России и подчинялись российским военным чинам. Бригада состояла из двух полков, численность ее постоянно росла и к началу XX в. составляла около 3500 казаков, 40–50 русских офицеров, свыше 200 иранских офицеров, из которых только 113 действительно служили, остальные просто числились. Иранский офицерский, унтер-офицерский и отчасти даже рядовой состав бригады комплектовался главным образом из родственников шаха и ханских сыновей. Вооружение бригады полностью поставлялось из России. Бюджет казачьей бригады составлял примерно 500 тыс. туманов (1 млн. руб.) и обеспечивался в основном доходами от таможен Северного Ирана. А так как все таможи Северного Ирана находились в руках России, то и жалованье для офицеров и солдат бригады выплачивалось российским правительством.

Наиболее крупными российскими торгово-промышленными предприятиями в Иране являлись рыбные промыслы Лианозовых. В 1873 г. С.М.Лианозов получил у иранского правительства концессию на право ловли рыбы в южной части Каспийского моря и создал крупное, хорошо оснащенное современное промышленное предприятие. Имущество фирмы оценивалось в 1 млн. руб., ежегодная же плата Ирану составляла всего 40 тыс. туманов.

Крупными российскими концессионерами в Иране были также известные капиталисты братья Поляковы. В 1889 г. Л.С.Поляков образовал «Товарищество промышленности и торговли в Персии и Средней Азии» с отделениями в крупных городах Ирана. В 1890 г. он добился у шаха получения концессии на организацию страхового и транспортного дела по всей территории Ирана сроком на 75 лет.

С целью противодействия политическому и экономическому влиянию Шахиншахского банка Россия добилась разрешения на организацию русского Учетно-ссудного банка в Иране. Концессия была получена Я.С.Поляковым в 1890 г. сроком на 75 лет с правом заниматься ссудными операциями под залог ценных бумаг, векселей и товаров и организовывать аукционы. В 1894 г. банк был куплен Государственным российским банком. Со временем Учетно-ссудный банк превратился в главное русское предприятие в Иране. Банк выступал посредником в русско-иранской торговле, все финансовые операции совершались при его посредничестве, он взял на себя и организацию транспортного дела в Иране.

Между Шахиншахским и Учетно-ссудным банками шла непрерывная конкурентная борьба. Монополия на ввоз и чеканку серебра и право повсеместного

выпуска банкнот в Иране давали огромное преимущество английскому банку. Но роль и влияние Учетно-ссудного банка особенно усилились к концу XIX в., когда через него в Иран устремились русские государственные капиталы в виде займов шахскому правительству, концессий на постройку дорог, чеканку монеты и т.д. В 1900 г. Учетно-ссудный банк предоставил Ирану заем в размере 22,5 млн. руб. сроком на 75 лет. Гарантией займа служили все таможенные доходы Ирана, за исключением доходов от таможен Фарса и портов Персидского залива.

Новые финансовые трудности заставили иранское правительство вновь обратиться за помощью к России. В 1902 г. через посредство Учетно-ссудного банка Ирану был предоставлен новый 5%-ный заем на сумму 10 млн. руб. на тех же условиях, что и предыдущий. Кроме того, иранское правительство неоднократно получало краткосрочные ссуды от банка. К 1910 г. общая сумма задолженности Ирана России составила 43 106 026 руб.

В 1901 г. англичанам с помощью взяток и политического давления на иранское правительство удалось получить концессию на разработку и добычу нефти в Иране. Условия концессии, предоставленной английскому подданному д'Арси, были чрезвычайно выгодны. Ему давалось монопольное право на разведку, добычу, транспортировку и продажу нефти и нефтепродуктов в Южном Иране в течение 60 лет. Он добился разрешения на строительство нефтепровода к Персидскому заливу. Иранское правительство бесплатно предоставляло английскому предпринимателю необрабатываемые земли для строительства нефтехранилищ и заводов. Ввозившиеся материалы и вывозившиеся нефтепродукты не облагались таможенными сборами. Для эксплуатации нефтяных месторождений была создана Англо-иранская нефтяная компания. Иранскому правительству ежегодно отчислялось 16% прибыли компании.

С помощью различных неравноправных торговых и политических договоров Россия и Англия обеспечили себе благоприятные условия для торговли с Ираном. Начиная с 30-х годов XIX в. ввозимые в Иран товары облагались пошлинами всего в 5%. В 1901 г. была подписана русско-иранская торговая конвенция, по которой ряд товаров русского экспорта вообще освобождались от пошлин, для других же она значительно снижалась. В 1903 г. подобных же льгот добилась и Англия. Все это привело к резкому увеличению импорта в Иран готовой продукции, что отрицательно сказалось на развитии хозяйства страны. Выступая на европейских рынках большей частью как поставщик сырья или полуфабрикатов, Россия сбывала в Иране преимущественно промышленные товары, вывозя иранское сырье. Основными предметами русского экспорта были: хлопчатобумажные ткани, сахар. В Иране действовало несколько русских торговых домов и товариществ. К началу XX в. удельный вес России во внешнеторговом обороте Ирана равнялся 57%, Англии (с Индией) — 22%. На третьем месте была Турция, на четвертом — Франция.

Для Ирана Россия являлась основным рынком сбыта его сырья и вместе с тем единственной крупной европейской державой, с которой он имел активное сальдо. Экспорт в Россию превышал российский импорт в Иран более чем на треть. Крупной статьей вывоза из Ирана в Россию были сухофрукты, хлопок, рис, кожи, ковры и т.п. Экономика северных иранских провинций полностью зависела от русского рынка.

Первое место в номенклатуре английских товаров, ввозимых в Иран, занимали дешевые манчестерские ситцы. Крупной статьёй английского экспорта являлся чай — индийский и китайский. Англия ввозила в Иран также индиго, фарфоровые и стеклянные изделия, оружие и другие товары.

Важнейшими статьями английского вывоза были опиум, ковры, зерно (в Индию), табак, хлопок, фрукты. Вели торговлю в Иране английские и индийские фирмы, отдельные английские предприниматели, местное купечество. Особенностью английской торговой политики в Иране явилось неуклонное возрастание английского импорта в Иран по сравнению с вывозом иранских товаров в Англию. Пассивное сальдо характеризует торговлю Англии с Ираном на протяжении всего XIX и начала XX в. Экспорт иранских товаров в Англию составлял только $\frac{1}{5}$ английского ввоза в Иран. Ежегодный дефицит торгового баланса Ирана составлял примерно 10–15 млн. руб., что тяжело сказывалось на бюджете страны и заставляло иранское правительство обращаться за новыми займами.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Иран XIX в. являлся типичной восточной монархией, где продолжали господствовать феодальные производственные отношения. В то же время достигнутый уровень развития товарно-денежных отношений, степень включенности Ирана в мирохозяйственные связи, наличие свободной рабочей силы и распространение системы докапиталистического найма привели к появлению в середине XIX в. предприятий мануфактурного типа. Были построены писчебумажная, прядильная, спичечная и другие фабрики, сахарные, стеариновые, фарфоровые заводы. Но отсутствие реальных гарантий частной собственности, неразвитость внутреннего рынка, территориально-хозяйственная разобщенность страны, произвол местных и центральных властей и иностранная экономическая экспансия затрудняли развитие капиталистических отношений в Иране. К концу XIX в., не выдержав иностранной конкуренции, закрылось большинство новых фабрик и заводов, пришли в упадок целые отрасли кустарной промышленности: шелкоткачество, гончарное дело, производство бумажных тканей и др.

Ковроделие, кожевенное производство были теми немногими отраслями местной промышленности, которые продолжали развиваться. Устойчивость этих отраслей объяснялась большим спросом на их изделия на мировых рынках и тем, что именно в эти отрасли как наиболее выгодные устремился иностранный капитал.

Проникновение иностранного капитала отразилось и на развитии сельского хозяйства. Все большее значение начали приобретать те культуры, которые находили широкий сбыт на мировом рынке, такие, как хлопчатник, опийный мак, табак. Так, например, в последнее двадцатилетие XIX в. губернатор Исфаханской провинции Зилли-Солтан, которому принадлежало 60% всех земель провинции, засеял большую их часть хлопчатником и опийным маком, значительно сократив площадь под зерновыми культурами. Такую же картину можно было наблюдать и в других районах Ирана. Причем север Ирана в основном специализировался на хлопчатнике и рисе, так как они являлись главными статьями рус-

ского импорта, а юг — на опийном маке и табаке, вывозимыми Англией. Эволюция полуфеодальных отношений сопровождалась важными изменениями в структуре землевладения, и прежде всего в закреплении частной собственности на землю.

Характерным явлением конца XIX в. являлось значительное увеличение вложений капиталов в землевладение. Этому процессу во многом способствовала династия Каджаров, которая, постоянно нуждаясь в деньгах, продавала государственные земли — *халесе*. Рост частного землевладения происходил и за счет захвата крестьянских земель, участков мелких и средних землевладельцев, земель общинного пользования. Иногда эти захваты оформлялись как законная купля. Но чаще происходил насильственный захват земли крупными землевладельцами.

Высшее духовенство, сосредоточившее в своих руках управление вакфными владениями, также различными путями увеличивало свою земельную собственность. Тенденция к превращению *вакфов* в частную собственность в конце XIX в. получила широкое распространение.

Усилился процесс перехода крупных земельных участков к купечеству. Причина этого заключалась не только в том, что земля являлась самым выгодным помещением капитала, но и в том, что купечество, которое было скупщиком и экспортером сельскохозяйственного сырья, естественно, стремилось захватить в свои руки и его производство. Пришедший в деревню купец начинал заниматься производством сырья, его первичной обработкой и экспортом.

Процесс концентрации земли в руках немногих крупных землевладельцев особенно усилился к концу XIX в. Если до 1880 г. в Иране было мало крупных землевладельцев, то уже к 1900 г. они насчитывались сотнями, их богатства заключались в тысячах селений, земли которых они старались окончательно превратить в собственность. Превалирующей формой землевладения в Иране становится частновладельческая помещичья собственность.

Новые экономические условия конца XIX в., связанные с развитием торговли, накоплением капитала и приобретением земель, обусловили рост и укрепление торгово-ростовщической буржуазии. Сотрудничая с иностранным капиталом, торговая буржуазия выступала его посредником. Но одновременно она искала почву внутри страны для утверждения собственной деятельности. В частности, она расширяла свое участие в развитии местной промышленности. Так, один из наиболее крупных торговых домов — братьев Туманянц — занимался банковскими операциями, приобретал земли, организовывал производство сельскохозяйственной продукции, ее переработку, занимался переработкой нефти, разработкой месторождений меди, каменного угля, серы и т.п. Крупный торговец Хосейн Казеруни основал торгово-промышленное общество «Исламие», которое имело хорошо оборудованные мастерские и предприятия фабрично-заводского типа.

По мере развития товарно-денежных отношений в Иране складывался такой тип буржуазных отношений, который можно назвать торговым капитализмом.

Рост крупного землевладения сопровождался обезземеливанием крестьянства, наиболее интенсивно происходившим в районах возделывания экспортных культур. К началу XX в. наблюдалось значительное сокращение крестьянского землевладения. Большинство крестьян, лишенных земли, становились издольщиками-

ми. Кроме определенной части урожая, которую крестьянин отдавал землевладельцу в зависимости от того, какими средствами производства он владел, издольщик по-прежнему был обязан выполнять ряд натуральных и денежных повинностей. Не менее обременительным для крестьянского хозяйства и его бюджета, в том числе для парцеллярных хозяйств немногочисленных крестьян-собственников, был государственный налог — *малиат*.

Организация сбора *малиата* была очень несовершенна, каждая провинция, округ, уезд имели свою собственную податную систему и обычно находились на откупе у правителя. Кроме прямых налогов крестьяне уплачивали многочисленные косвенные. К концу XIX в. $\frac{4}{5}$ государственных налогов поступали уже в денежной форме и лишь $\frac{1}{5}$ — в натуральной. Замена натуральных налогов денежными привела к еще большему разорению сельского населения. Крестьянин, связанный с рынком при реализации своего урожая, зависел от рыночной конъюнктуры.

Кроме помещиков и чиновников крестьян грабили представители местного и иностранного капитала. Ростовщики-скупщики, приобретавшие по весьма низкой цене крестьянский продукт, обычно являлись посредниками между крестьянами-производителями, с одной стороны, и местными и иностранными торговыми фирмами и предприятиями — с другой. В свою очередь, иностранный капитал стремился монополизировать скупку, обработку, продажу и экспорт иранской сельскохозяйственной продукции.

Произвол помещиков и государственной администрации, нищета и бесправие крестьян способствовали их разорению, вынуждали искать работу за пределами деревни. Увеличилось отходничество из иранского села в города и за границу.

Не лучше было положение и ремесленников Ирана. Разоренные сельские ремесленники устремлялись в города, где пополняли ряды городской бедноты, численность которой угрожающе возросла в рассматриваемое время. Иранский историк Кермани писал, что ежегодно тысячи людей покидали Иран и уходили в другие страны.

Формирование рабочего класса Ирана происходило замедленными темпами. Но его элементы в это время уже начали зарождаться. Разоренные крестьяне и ремесленники тысячами уходили на заработки в Россию. Иранские рабочие были свидетелями борьбы российского пролетариата, многие из них сами участвовали в забастовочном движении и революционной борьбе с царским самодержавием. Эти рабочие стали главным ядром складывавшегося рабочего класса Ирана.

Развитие товарного хозяйства, рост купли-продажи земли, углублявшаяся дифференциация в деревне, создание рынка рабочей силы — все эти начальные признаки развития капиталистических отношений были характерны для Ирана конца XIX — начала XX в. Но, несмотря на ряд новых явлений, социальная структура иранского общества претерпела лишь частичные изменения. Его традиционную верхушку дополнили купцы и торговцы, ростовщики-помещики и помещики-полуфеодалы, стала формироваться местная интеллигенция.

В Иране сохранялся отсталый феодально-монархический режим. Верховным и неограниченным правителем Ирана являлся шах, который управлял страной совместно с окружавшей его высшей бюрократией, отражая и защищая интересы феодально-помещичьего класса. В рассматриваемое время шахом Ирана был На-

сер ад-Дин, правивший страной почти полвека, с 1848 по 1896 г. Насер ад-Дин-шах был противоречивой натурой. Получив хорошее по тем временам образование, он понимал необходимость проведения в стране реформ. Три его поездки за границу и знакомство с политическим строем России и государств Европы способствовали некоторой модернизации государственного устройства Ирана. Были учреждены новые министерства, основан Дар-оль-фонун (Дом наук), совмещающий функции университета и политехнической школы, проведена европеизация одежды. Но эти мероприятия имели поверхностный характер, не затрагивая феодальных основ общественного строя Ирана. Насер ад-Дин не смог преодолеть влияние феодальной бюрократии и духовенства, противившихся проведению модернизации страны. Он не поддержал до конца ни одного реформатора, несмотря на то что они начинали свою деятельность при непосредственном его участии. Тем не менее изменению общественно-политической обстановки в стране в последней трети XIX в. благоприятствовали новые попытки проведения реформ.

К этому времени на политическую сцену Ирана выходит новая общественная сила — иранская интеллигенция. Ее представители, осознавая пагубность для страны политики, проводимой шахом и феодальной верхушкой, выступали с критикой существующего положения, ратовали за проведение кардинальных реформ в стране. Выдвинутые ими идеи переустройства общества, ограничения шахской власти, реформирования судебной системы и вооруженных сил стали предметом общественного обсуждения и оказали влияние на процесс модернизации общественно-политического устройства Ирана.

В 1870 г. шах Насер ад-Дин назначает министром юстиции, а через несколько месяцев — премьер-министром Мирзу Хусейн-хана. Назначение его на этот пост было не случайным. Мирза Хусейн-хан Мошир од-Доуле около 11 лет являлся послом Ирана в Стамбуле, он был знаком со многими политическими деятелями Турции. Проводимые в Турции реформы оказали на него большое влияние. В молодости он имел регулярную переписку с Таги-ханом, был сторонником его реформ. Реформаторскую деятельность Мирзы Хусейн-хана можно рассматривать как определенное продолжение политики Амира Кабира. Однако в проведении ряда реформ он пошел несколько дальше, поскольку стремился ограничить власть шаха и создать в Иране гражданское правительство европейского типа.

Основными направлениями реформаторской деятельности Хусейн-хана были юридическая, военная и административная сферы. Государственной системе Ирана было присуще соединение судебной, военной и административной властей. Хусейн-хан, намереваясь создать дееспособный централизованный государственный аппарат европейского типа, положил начало разделению этих ветвей власти. Он реформирует иранскую юридическую систему, создает свод гражданских законов, учреждает светские суды, независимые от религиозных шариатских судов.

Административная реформа Мирзы Хусейн-хана предусматривала реорганизацию Государственного совета. В совет входили 16 членов из среды высших чиновников государства, министров, каджарских принцев, представителей шахского двора, а также послы Ирана в Лондоне и Париже. Совет заседал дважды в неделю, шах имел право назначать внеочередные заседания совета. На заседаниях совета рассматривались важнейшие вопросы внутри- и внешнеполитической

жизни страны. Было увеличено число министерств и улучшена координация их работы. При Мирзе Хусейн-хане был издан ряд декретов, в которых четко определялись функции каждого министра и механизмы контроля за их деятельностью. Стремясь приостановить упадок страны вследствие широкого распространения коррупции, взяточничества, злоупотреблений среди государственных чиновников, он создал в провинциях особые административные советы для проверки действий местных властей и по упорядочению сбора налогов. Эти меры позволили несколько улучшить финансовое положение страны. Но административно-политические реформы не были осуществлены в тех рамках, как это планировалось реформатором. Шах, опасаясь ограничения своей власти, препятствовал расширению политических функций вновь создаваемых административных органов. В частности, Государственный совет не мог самостоятельно принять и осуществить ни одно мероприятие без одобрения шаха.

Укреплению государственной власти содействовала реорганизация армии. Был упорядочен ее бюджет, установлено постоянное жалованье для офицеров, введен воинская повинность по новой системе, улучшена подготовка офицерского состава. В своих экономических преобразованиях Мирза Хусейн предусмотрел строительство специальных военных предприятий по производству оружия.

Реформы Хусейн-хана натолкнулись на сильную оппозицию высшей правительственной бюрократии и духовенства, которые видели в них угрозу своему влиянию и власти, и в 1880 г. шах отправил его в отставку, сняв со всех высших государственных постов.

Деятельность Мирзы Хусейн-хана была последней попыткой прогрессивных сил Ирана повлиять на социально-экономическое и политическое развитие страны путем проведения реформ сверху.

В последнее десятилетие своей жизни Насер ад-Дин полностью попал под влияние консервативных кругов, окружив себя безынициативными, корыстолюбивыми приближенными, которые являлись ярыми противниками каких-либо реформ или нововведений. В эти годы авторитет центрального правительства заметно упал. На местах усилилась децентрализация, доходы из провинций почти не поступали в центр.

Одним из последних мероприятий Насер ад-Дина в конце его правления было опубликование в 1888 г. *фирмана* о свободе личности, охране имущества, развитии промышленности. Этот *фирман* был уступкой шаха зарождающейся национальной буржуазии, деятельность которой тормозилась вопиющим беззаконием, царившим в Иране. Но в условиях феодальной страны без проведения соответствующих реформ этот *фирман* вряд ли мог быть осуществлен на практике.

После убийства Насер ад-Дина в 1896 г. шахом Ирана стал его сын — слабохарактерный, больной Мозаффар ад-Дин. В период его правления разложение государственного аппарата приняло широкие размеры. Шах отстранился от государственных дел, ограничившись назначениями министрами лиц, не имевших никакого авторитета в стране и помышлявших только о личном обогащении. Страной управлял *садр-азам* (первый министр). *Садр-азам* всегда имел большую власть в Иране, без его печати даже шахские приказы считались недействительными, но в конце XIX — начале XX в. роль *садр-азамы* особенно возросла.

Характерным явлением конца XIX в. являлась бюрократизация аппарата управления. В административном отношении Иран разделялся на 30 провинций и областей, во главе которых стояли генерал-губернаторы и губернаторы, назначавшиеся шахом. Генерал-губернаторы набирали себе штат чиновников и слуг, состоявший из *везиров*, заведующего финансовой частью, *фэррашбаши* (полицмейстера), *фэррашей* и множества лиц без определенных должностей, но получавших жалованье.

Обязанности генерал-губернаторов в отношении шаха ограничивались лишь посылкой определенной суммы в казну и выставлением по его требованию военного отряда. Но очень часто даже и эти обязанности не выполнялись. Генерал-губернаторы и губернаторы были в своих провинциях и областях неограниченными правителями. Они решали различные судебные дела, назначали местные власти, собирали налоги и т.д. Сепаратистские устремления губернаторов зачастую поддерживались иностранными предпринимателями и использовались последними в своих интересах.

В стране отмечался необычайный рост коррупции и взяточничества. Все назначения министров, генерал-губернаторов и других высших чинов администрации полностью зависели от размеров взятки, преподнесенных шаху, первому министру или лицам из окружения шаха. Продажность и взяточничество получили еще более широкое распространение в местных провинциальных органах. Кроме того, происходило расхищение казны и государственных доходов.

Взяточничество процветало и в судебно-правовых органах Ирана. Судебно-правовая система состояла из духовных и светских судов. Гражданские дела были переданы духовенству, уголовные — светскому суду. В последней четверти XIX в. особенно обострилась борьба между духовенством и центральной властью за влияние в судопроизводстве.

Росту коррупции благоприятствовало широкое распространение откупной системы. Все источники государственных доходов, сбор налогов, податей, таможенных пошлин, многие должности центрального и местного аппарата отдавались на откуп. Расточительство шахского двора и всей правящей верхушки Ирана также отрицательно сказывалось на экономическом и финансовом положении страны. До 80-х годов XIX столетия Иран не имел дефицита бюджета, но к началу XX в. в бюджете Ирана образовались бреши: к 1909 г. долг Ирана иностранным государствам составил 6 млн. ф. ст., в уплату которого казна ежегодно выплачивала свыше 500 тыс. ф. ст. Дефицит бюджета иранское правительство стремилось устранить с помощью иностранных займов, продажи концессий и т.п., тем самым еще больше ухудшая финансовое положение страны.

Коррупцированная государственная система управления прямо или косвенно содействовала иностранному проникновению в страну. Иран уже в значительной мере утратил свою национальную независимость. В государственном аппарате было много иностранцев, приглашенных иранским правительством для реорганизации по европейскому образцу финансов, таможен, армий, местного управления.

К началу XX в. Иран находился в состоянии глубокого всестороннего кризиса и был не только не способен к поступательному развитию, но стоял перед угрозой полной потери политической независимости.

АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

Закабаление Ирана иностранными фирмами, превращение его в полуколонию способствовало обострению социальных противоречий внутри иранского общества. Иностранное проникновение в страну и пассивность шахского правительства не могли не вызвать протест различных слоев иранского общества. Особое недовольство высказывали иранская национальная буржуазия и купечество.

К концу XIX в. относится зарождение в Иране идей буржуазного национализма. Лучшие представители иранской интеллигенции, активно критикуя шахское правительство, выступали против закабаления страны иностранными капиталистами. В прогрессивных иранских газетах, выходящих в основном за границей, появляются статьи с разоблачением колонизаторской политики империалистических держав в Иране. Концессии, выдававшиеся шахским правительством капиталистическим государствам, вызывали резкие протесты прогрессивных деятелей Ирана, выражавшиеся в серии разоблачительных статей в заграничных газетах или тайных прокламациях. В то время иранская политическая эмиграция группировалась вокруг газет «Канун» (в Лондоне), «Ахтар» (в Стамбуле), «Хабиб-оль-матин» (в Индии) и др.

Мирза Мальком-хан — представитель иранского буржуазного национализма — стал организатором тайного общества «Адамият» («Свобода»). В 1890 г. он начал издавать в Лондоне газету «Канун», в которой критиковал шахский режим, существующие в Иране порядки. Мальком-хан выступал за реформы политического строя Ирана, установление ограниченной монархии, утверждение личных свобод, защиту прав личности и собственности. Газета «Канун» преследовалась шахскими властями, но, несмотря на запреты, она проникала в Иран и распространялась среди иранского населения. Редакция газеты была хорошо осведомлена о событиях в Иране, поддерживала связь с иранскими корреспондентами. Друг и последователь Мальком-хана, один из руководителей общества «Адамият», Юсуф-хан Мосташер од-Доуле придерживался еще более радикальных взглядов, он выступал за ликвидацию шахского правления в Иране и за установление парламентской республики. Важную роль в пробуждении национального самосознания играла прогрессивная азербайджанская интеллигенция — Ф.Ахундов, Талыбов, Марагаи и другие, которые в своих произведениях разоблачали феодальные порядки, произвол шахской деспотии, мракобесие реакционного духовенства.

Активную пропаганду против политики шаха вел лидер панисламизма Джемаль ад-Дин аль-Афгани. В Иране у него было много сторонников, особенно среди духовенства, купечества, интеллигенции. Джемаль ад-Дин дважды побывал в Иране — в 1886 и 1889 гг. — и призывал шаха к проведению реформ. Влияние, которое он оказывал на шаха, встревожило дворцовую знать, и Джемаль ад-Дин был выслан из Ирана.

В конце XIX в. в связи с общим ухудшением экономического положения в стране нарастал массовый протест против политики капиталистических держав и шахского правительства.

Одним из крупных антиимпериалистических движений, охвативших почти всю страну, явилась борьба иранского народа против английской табачной монополии в 1891 г. 8 марта 1890 г. шах предоставил английскому майору

Г.Ф.Тальботу на 50 лет монополию на производство, продажу и экспорт табака. Согласно договору о концессии, всем землевладельцам, производившим табак, предписывалось зарегистрироваться у агентов компании под угрозой штрафа и тюремного заключения, утаивание или самовольная продажа произведенного табака запрещались. Концессионеру предоставлялось право единоличного и произвольного установления цен на табачные изделия. Английская компания немедленно разослала агентов по стране, они вели учет производившегося табака и насильственно изымали его, вызывая недовольство и гнев населения. Агенты следили за контрабандной торговлей табаком, которая началась сразу же, как только прошел первый слух о предполагаемых специальных мерах. Концессия задевала интересы широких слоев иранского общества, начиная с производителей табака и кончая купечеством и потребителями. Поэтому реакция населения на монополию была очень быстрой и активной.

Летом и особенно осенью 1891 г. недовольство вылилось в наиболее крупные волнения в Тебризе, Ширазе, Исфагане, Мешхеде, Тегеране. По мере расширения движения в нем все более активное участие стало принимать духовенство.

Иранское духовенство играло огромную роль в общественно-политической жизни страны. Получая большие доходы с вакфных земель и участвуя в торговле, духовенство занимало важные экономические позиции в Иране. В руках духовенства сосредоточивалась судебная власть, а также народное образование. Все это определяло его влияние на умы верующих. Авторитет шиитского духовенства был особенно велик среди мелких торговцев, ремесленников и сельских жителей. Ни одно массовое народное выступление в Иране не могло развиваться без поддержки базара и духовенства.

Огромная власть и влияние шиитского духовенства в Иране вызывали недовольство шахского правительства. Борьба между шахской властью и духовенством особенно обострилась в конце XIX в., когда Насер ад-Дин-шах попытался ограничить власть духовенства, стремясь провести ряд реформ. Недовольство *улемов* вызывала и политика капиталистических держав в Иране. Они враждебно относились к любому иностранному влиянию, подрывающему устои исламского общества.

В сентябре 1891 г. глава шиитского духовенства хаджи Мирза Мохаммад Хасан Ширази объявил запрет на курение табака в Иране. Провозглашение *фетвы* высшим духовным главой явилось кульминационным пунктом движения против табачной монополии. Возмущение действиями монополии и политикой правительства прокатилось по всей стране. Кальяны и трубки исчезли не только из публичных мест, но их перестали использовать и в частных домах, не исключая шахского дворца. Торговцы табаком уничтожали запасы табака, чтобы не передавать их компании, производители уничтожали семена табака и грозили прекратить его выращивание. Во многих городах закрылись базары и табачные лавки, движение принимало широкий, массовый характер. Поэтому 6 января 1892 г. шах был вынужден отменить табачную монополию. Иранское правительство обязалось уплатить табачной компании компенсацию в 500 тыс. ф. ст.

Движение против табачной монополии было не единственным проявлением возмущения иранского народа против полуколониальной эксплуатации. Концессии, захват важных политических и экономических привилегий иностранцами

спровоцировали борьбу иранских купцов и предпринимателей за свои права. Недовольство местных банкиров и купечества вызывало сосредоточение всех основных финансовых операций в Шахиншахском и Учетно-ссудном банках. Иранские торговцы неоднократно объявляли бойкот иностранных товаров в знак протеста против деятельности банков и английских компаний. Так было в Ширазе и других городах Южного Ирана, где торговля многими товарами, которая раньше находилась в руках местного купечества, перешла к англичанам.

В конце XIX в. в Иране вспыхивали различные выступления против иностранного господства. Неоднократно волнения происходили на российско-иранской границе, в Хорасане и Тебризе против политики России в этих районах. В 1897 г. вспыхнуло восстание против английского господства в Шустере, в 1898 г. — в Мекране, в 1899 г. — в Бушире. Антианглийские выступления происходили в иранском Белуджистане.

В последние годы XIX в. почти по всему Ирану прокатилась волна голодных бунтов. Недостаток хлеба и рост цен на него были искусственно вызваны помещиками с целью спекуляции. Народные волнения сопровождалась столкновениями с полицией и войсками, были убитые и раненые. Рост антиимпериалистических выступлений свидетельствовал о массовом недовольстве иранского народа политикой, проводившейся шахским правительством, и отражал его стремление к национальной независимости. В этом движении принимали участие самые различные слои иранского общества: духовенство, буржуазия, ремесленники, крестьяне, городская беднота.

КАЗАХСТАН И РОССИЯ
(1870–1900-е годы)

Рассматриваемый период характеризовался дальнейшей интеграцией Казахстана в состав Российской империи. В 1860-х годах земли бывших Большой, Средней и Малой казахских Орд были разделены на шесть областей и включены в три губернии Российской империи. Сырдарьинская и Семиреченская области вошли в состав Туркестанского генерал-губернаторства; Уральская и Тургайская — в состав Оренбургской губернии; Акмолинская и Семипалатинская — в состав генерал-губернаторства Западной Сибири. Каждая область управлялась военным комендантом, опиравшимся на военный гарнизон. Область делилась на несколько уездов во главе с уездным начальником — российским офицером. При нем находился консультивный совет из представителей казахской аристократии. Уезды были разделены на волости, включавшие несколько аулов. Управленческие расходы ложились на плечи самих казахов в форме соответствующих налогов. Сверх этого казахи облагались земским налогом на строительство почтовых дорог, содержание школ, больниц и тюрем. Основы землепользования среди казахов были изложены в Степном кодексе, принятом в 1891 г. Согласно кодексу, верховным собственником казахских земель, находившихся ранее в общинной собственности, объявлялось Российское государство. От его имени старейшины аулов выделяли в пользование каждой казахской семье участок земли в 15 десятин. «Избытки» земли передавались в ведение Министерства государственной собственности, которое также имело право изъятия земли у казахов в случае несоблюдения ими положений Степного кодекса. Земли из «избыточного» фонда распределялись среди русских переселенцев, которые, как и казахи, получали в безвозмездное владение 15 десятин земли.

В Туркестане генерал-губернатор К.П.Кауфман в 1867–1881 гг. отменил рабство и осуществил серию реформ, нацеленных на интеграцию туземных и общероссийских норм землепользования, местного управления и судопроизводства. По Туркестанскому земельному уложению 1877 г. верховная государственная собственность на землю сочеталась с широкими владельческими правами туземного населения. В частности, земледельцы наделялись правом купли-продажи и наследования обрабатываемой земли. Земельный налог, установленный в Туркестане, был значительно ниже, чем в Центральной России. В 1886 г. ввиду расширения земледельческого производства среди казахов государственная собственность на обрабатываемые земли была упразднена и право земледельца на владение обрабатываемой землей было преобразовано в право собственности на эту землю. В государственной собственности остались лишь леса, реки и необрабатываемые земли на территории Туркестана. Реформы закрепили за кочевниками и полукочевниками в постоянное пользование лишь часть земель их традицион-

ной жизнедеятельности. Наиболее плодородные земли были изъяты из распределения под предлогом «неиспользования» и составили фонд русских аграрных колонистов. В целом земельная реформа способствовала дальнейшей седентаризации казахов-кочевников, расширению площади обрабатываемых земель, развитию ирригационной сети, внедрению новых аграрных культур и становлению товарного сельскохозяйственного производства.

В сфере местного управления и судопроизводства реформы Кауфмана способствовали утверждению принципа выборности при сохранении эффективных традиционных институтов. Рядовые жители были наделены правом выбирать старейшин кишлаков, аулов и волостей. Наряду с вновь образованными российскими судами были сохранены местные суды, действовавшие на основе *шариата* и *адата*. Как и прежде, они возглавлялись *биями* и *кади*. Распространение принципа выборности местной власти среди кочевников явилось еще одним серьезным ударом по позициям кочевой родовой аристократии.

Во второй половине XIX в. ислам стал господствующей религией в Казахских степях. Большинство казахов исповедовало ханифитский *мазхаб* суннитского ислама. Ислам в Казахстане наложился на доисламские верования и традиции казахов, которые предопределили специфический характер казахского ислама. Кроме того, среди мусульман-казахов имелись существенные региональные различия в уровне их исламизации и религиозной политизации. На севере Казахстана проводниками исламизации служили казанские татары, которые в большинстве своем были ориентированы на всестороннюю интеграцию российских мусульман в социально-политическую, экономическую и культурную жизнь Российской империи. Соответственно, казахи северного Казахстана оказались более восприимчивы к российскому влиянию. На юге Казахстана ведущую роль в распространении ислама играли исламские миссионеры из Коканда и других областей Центральной Азии. Для них были характерны приверженность традиционному, *кадимистскому* исламу и антирусская политическая ориентация. Этим во многом объяснялись религиозный консерватизм казахов южного Казахстана и их большая сопротивляемость российскому управлению.

В 1880-х годах среди казахов, как и других мусульман Российской империи, начали распространяться идеи панисламизма и пантюркизма. Под их влиянием произошли изменения в религиозной политике российских властей, которые усматривали в панисламизме и пантюркизме угрозу территориальной целостности империи. Курс на благоприятствование развитию ислама среди казахов и благожелательное отношение к усилиям казанских татар сменился политикой жесткой регламентации со стороны Министерства внутренних дел России всех видов исламской деятельности. На одну волость был официально разрешен, например, только один мулла, подконтрольный российским властям.

Политика российских властей в области образования была призвана обеспечить необратимость российского культурного доминирования среди казахов. С этой целью создавалась сеть русско-казахских школ, обеспечивавших подготовку местных кадров российской колониальной администрации. Определенное число казахов — выпускников этих школ получили возможность продолжить образование в гимназиях Оренбурга, Омска и Семипалатинска. Они составили первое поколение казахской светской интеллектуальной элиты. Ее известными пред-

ставителями были Чокан Валиханов (1835–1865), Ибрагим Алтынсарин (1841–1889) и Абай Кунанбаев (1845–1904).

Однако сетью русско-казахских школ была охвачена лишь малая доля казахской молодежи, основная масса которой по-прежнему получала конфессиональное образование в медресе. В 1890-х годах в медресе Казахстана стал проникать новый метод обучения (*усул уль-джадид*), инициаторами которого были татарские мусульманские реформаторы. Суть нового метода сводилась к замене механического зазубривания Корана и других исламских текстов обучением устному арабскому языку, а также к введению в программу медресе таких базовых светских предметов, как математика, физика, история, литература и язык.

Внедрение нового метода было неоднозначно воспринято российскими властями. С одной стороны, *усул уль-джадид* обеспечивал более высокий общеобразовательный уровень казахов и способствовал их интеграции в систему российских социально-экономических связей. С другой стороны, новый метод стал основой более широкого общественно-политического феномена — *джадидизма*, который явился первичной формой казахского национального и политического самосознания. В частности, казахские *джадиды* однозначно негативно относились к проводимой российскими властями политике седентаризации казахов. Именно политико-идеологический аспект *джадидизма* вызывал наибольшую настороженность российских властей, которые видели в нем дестабилизирующий фактор.

Среди *джадидов* были, например, такие яркие представители казахской мусульманской элиты, как Мурат Монкаули (1843–1906) и Абубакир Кердери (1858–1903). Как и татарские *джадиды*, они рассматривали ислам как важный компонент национальной идентификации. Вместе с тем казахские *джадиды* отмечали характерные различия между татарскими и казахскими мусульманами, на которые еще ранее указывали их казахские предшественники Шортамбай Каюмулы (1818–1881) и Дуват Бабатайули (1802–1871). В частности, они рассматривали номадизм и казахский литературный язык в качестве важнейших составляющих казахской национальной самобытности. (В основу казахского литературного языка лег казахский разговорный язык с заимствованиями из татарского и арабского языков.) Среди образованной части казахского населения идеи *джадидизма* распространялись посредством первых казахских периодических изданий — «Акмолинский листок», «Оренбургский листок» и «Киргизская степная газета». На начальном этапе пропагандистские возможности казахских *джадидов* существенно уступали возможностям их татарских коллег. До 1905 г. в Казахстане не было типографии с арабским шрифтом, и первые казахские газеты издавались в типографиях Казани.

Итак, к концу XIX в. процесс присоединения Казахстана к России был завершен. Казахские степи были разделены на генерал-губернаторства и области Российской империи. На казахов стали распространяться общероссийские законы. С уничтожением таких традиционных органов управления, как ханская власть, *курултай*, суд биев и др., и введением там колониальных органов управления была ликвидирована казахская государственность. Казахские степи превратились в обычную окраинную провинцию Российской империи. За исключением казахской знати, включенной в российскую политическую и военную иерархию, рядовые казахи подпали под категорию «инородцев», обладавших ограниченными

политическими и гражданскими правами и обязанностями по сравнению с русскими и другими православными подданными Российской империи. В частности, казахи не подлежали военной мобилизации. Казахи продолжали сопротивляться насильственной седентаризации и установлению российских порядков. Так, адаевские казахи вплоть до начала XX в. осуществляли регулярные перекочевки, невзирая на уездные, волостные и даже губернские границы.

Вместе с тем включение Казахстана в состав России имело и определенное положительное значение для казахов. В Казахских степях, вдоль рек и пресных озер, возникли новые земледельческие очаги, ускорилось развитие товарно-денежных отношений и началось зарождение капиталистического уклада. Во второй половине XIX в. на территории Казахстана появилась горная промышленность, возникли первые промышленные предприятия, началось развитие угле- и нефтедобычи. В 1892–1896 гг. была построена транссибирская железная дорога, которая соединила Омск и Оренбург и существенно улучшила связь Казахстана с Центральной Россией. Под влиянием развития товарно-денежных отношений и торговли на территории Казахстана появились новые города и поселения городского типа, которые со временем превратились в торговые, административные и культурные центры региона. Под влиянием России ускорилось приобщение казахов к российским и европейским экономическим и культурным достижениям. В результате строительства больниц, распространения вакцинации и использования современных медикаментов резко уменьшилась смертность среди казахов от массовых эпидемий. Численность казахского населения увеличилась с 2,75 млн. человек в 1850 г. до 4 млн. в 1900 г. Российский союзеренитет положил конец таким архаичным формам социальной организации, как рабство и «туленгушество». Расселение русских в Казахских степях осуществлялось чересполосно с казахами. Это способствовало взаимному культурному и хозяйственному влиянию, но не привело к стиранию прежних этнических стереотипов. Присоединение Казахстана к России имело также важное культурное значение для казахов. Дети казахской знати получили возможность обучаться в кадетском корпусе и войсковых училищах России. Как уже говорилось, определенное число выпускников русско-казахских школ получили возможность продолжить образование в гимназиях. Выпускники русско-казахских школ и новометодных медресе составили первое поколение казахской национальной интеллигенции.

ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И РОССИЯ (1870–1900-е годы)

Одним из следствий поражения России в Крымской войне (1853–1856) явился отказ царского правительства от активной политики на Среднем Востоке и на Балканах и усиление интереса к сопредельной Центральной Азии. Экономической составляющей этого интереса явилось развитие капитализма в России после отмены крепостного права в 1861 г. Важным стимулом были перебои с поставками американского хлопка в Россию вследствие гражданской войны в Америке в 1861–1865 гг. Геополитическим фактором активизации России в Центральной Азии стала «Большая игра» между Россией и Великобританией на Востоке, в частности усиление британского присутствия в Афганистане. Основу идеологии российской экспансии в Центральной Азии составила цивилизаторская миссия России на Востоке.

Практическое осуществление военной кампании России против государств Центральной Азии стало возможным после Кавказской войны (1834–1864).

Первым объектом российской экспансии в регионе стало **Кокандское ханство**, особенно ослабленное внутривнутриполитической смутой и регулярными вторжениями со стороны Цинского Китая и Бухарского эмирата. Так, вследствие войны между Бухарой и Кокандом в 1839–1842 гг. такие важные в экономическом и политическом отношении кокандские города, как Ташкент и Ходжент, временно перешли под контроль бухарского эмира. В подобных условиях ряд представителей кокандской элиты начали рассматривать усиление России в регионе как важный противовес китайскому и бухарскому натиску.

Отмеченные факторы предопределили сравнительно легкое завоевание Коканда Россией. В 1864 г. российские войска под командованием генерала М.Г.Черняева взяли кокандские города Туркестан, Чимкент и Аулие-Ата, замкнув Сибирскую и Сырдарьинскую линии укреплений. С оккупацией русскими войсками в мае 1865 г. Ташкента, а в 1866 г. — Ходжента Кокандское ханство попало в полную зависимость от России. В 1867 г. было учреждено Туркестанское генерал-губернаторство, включавшее Сырдарьинскую (центр — г. Ташкент) и Семиреченскую (центр — форт Верный) области. В административном отношении области Туркестанского генерал-губернаторства были разделены на уезды, которые, в свою очередь, делились на волости, а последние — на айлы. Волости создавались в основном по территориально-географическому признаку и включали около 1000–2000 кибиток, а каждый из айлов — 100–200 кибиток.

В январе 1868 г. кокандский хан Худояр подписал договор о вассальной зависимости Коканда от России. Наибольшее сопротивление на территории Коканда российские власти встретили со стороны киргизских племен под предводитель-

ством Пулат-бека. Наступление восставших, которые выступали как против российского вторжения, так и против произвола кокандского хана Худояра, предредило окончательную капитуляцию последнего перед Россией. В 1873 г. он переехал в Ташкент под защиту российских войск. В начале 1876 г. войска под командованием генерала М.Д.Скобелева разгромили повстанческие отряды Пулат-бека.

В том же году Кокандское ханство было ликвидировано и его земли вошли в состав Ферганской области Туркестанского генерал-губернаторства. В 1886 г. Туркестанское генерал-губернаторство было преобразовано в Туркестанский край. Ферганская область состояла из семи уездов: Андижанского, Ошского, Маргеланского, Наманганского, Кокандского, Чустского и Исфаринского. Согласно «Положению об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями», утвержденному в 1867 г., верховным правителем объявлялся генерал-губернатор. Во главе гражданского и военного управления областей стояли военные губернаторы. Генерал-губернатор по представлению военных губернаторов назначал уездных начальников, имевших помощника из представителей местной элиты. Волостные управители, сельские и квартальные аксакалы, а также айльные старшины избирались из числа местных владельцев. Они подчинялись уездному начальнику, осуществляя хозяйственно-административный и полицейский контроль. На местное население было распространено российское гражданское и военное судебное законодательство. Наряду с этим для оседлого населения были сохранены шариатские суды *казиев*, а для кочевого населения — суды *биев*, руководствовавшиеся нормами *ада*. Суды *казиев* и *биев* разбирали дела, не входившие в ведение уездных и военных судов.

Первые мероприятия российских властей на территории Кокандского ханства и происходившие под их влиянием процессы во многом совпадают с тем, о чем было рассказано в главе о Казахстане.

Так, включение Кокандского ханства в состав Российской империи сопровождалось упорядочением земельной и налоговой системы. Верховным земельным собственником объявлялось Российское государство. Земельные кодексы, принятые в 1867, 1873, 1886 и 1891 гг., были нацелены, с одной стороны, на подрыв экономической базы местных крупных землевладельцев и на седентаризацию кочевников — с другой. Крупные частные земельные владения (*мильк*) были разделены на облагаемые налогами (*хаир-хур*) и не облагаемые (*хури-халис*). Право собственности на землю было подтверждено лишь в отношении земель *хури-халис*. Земли *хаир-хур* переводились в категорию государственных земель, а собственники этих земель становились их пользователями. В отношении вакфных земель была проведена перерегистрация, вследствие которой лишь незначительное число *вакфов* было сохранено за прежними владельцами. Согласно российским земельным кодексам, за рядовыми земледельцами было признано право частной собственности на обрабатываемую землю, земли кочевников были объявлены государственной собственностью. Признание всех земельных ресурсов края государственной собственностью легитимизировало насильственное изъятие части земель («излишков») в так называемый переселенческий фонд. Переселенцы из центральных районов России освобождались на 15 лет от всех податей и повинностей, в том числе рекрутской, и обеспечивались ссудами.

В целом система управления краем носила военно-колониальный характер. В ее основе было местное управление с помощью феодально-байской верхушки при руководящей роли представителей Военного министерства в уездах, областях и крае. Свыше 60% годового бюджета края тратилось на нужды военно-полицейских и административных ведомств. Политико-административные и экономические меры российских властей способствовали ослаблению позиций крупных владетелей — *биев, датхи, беков и мананов*, которые лишились права наследования власти. В связи с разделением крупных племен на волости сузилось их влияние на подвластное население. Политика седентаризации и переселенческие мероприятия российских властей во многом осложнили жизнь кочевников, составлявших значительную часть местного населения.

Вместе с тем установление российского управления на территории Кокандского ханства имело и позитивные последствия. К ним можно отнести относительную политическую стабильность, прекращение разорительных, кровавых междоусобиц и внешних вторжений. Ташкент, население которого к концу XIX в. составило 155,7 тыс. человек, и другие крупные города ханства были включены во всероссийскую транспортную сеть. (В 1899 г. была открыта Закаспийская железная дорога, соединившая Красноводск с Ашхабадом, а в 1906 г. — Оренбургская, между Оренбургом и Ташкентом.) В крае началось строительство местных дорог, способствовавших большей подвижности населения, развитию почтового сообщения и торговли. Российские власти поощряли развитие товарного земледелия и скотоводства и внедрение новых урожайных аграрных культур и современных способов обработки земли. В крае началось становление горнодобывающей, чугунолитейной промышленности, среднего фабричного (хлопкоочистительного, кожевенного) и мелкого товарного ремесленного производства. Российское управление сопровождалось проникновением современной медицины и ветеринарии, появлением первых больниц и лечебно-ветеринарных пунктов, которые внесли значительный вклад в резкое снижение смертности от всевозможных инфекционных болезней среди местного населения, сократился падеж скота. В рамках Туркестанского генерал-губернаторства возникли первые научные учреждения — Ташкентская астрономическая обсерватория (осн. в 1873), Сейсмическая станция (1901 г.), Туркестанская опытная сельскохозяйственная станция и др. Изучением географии, геологии, истории, этнографии и фольклора, регистрацией памятников культуры и созданием археологической и письменной источниковой базы для исследования истории народов Центральной Азии активно занимались Туркестанское отделение Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (осн. в 1870 г.), Туркестанский кружок любителей археологии (1895 г.) и др. Усилиями научных и общественных кругов были основаны Туркестанская Публичная библиотека (1870 г.), Краеведческий Публичный музей (1876 г.). Среди российских исследователей Центральной Азии того времени были географы П.П.Семенов-Тянь-Шанский, Н.А.Северцов, А.П.Федченко, геолог И.В.Мушкетов, биолог Р.Р.Шредер, историки-востоковеды Н.И.Веселовский, В.В.Бартольд.

В 1870 г. при генерал-губернаторстве стала выходить первая печатная газета «Туркестанские ведомости» с приложением на узбекском языке, превратившаяся с 1883 г. в самостоятельный орган.

Установление российской администрации оказало неоднозначное влияние на систему местного, преимущественно конфессионального, образования. В 1879 г. была основана Туркестанская учительская семинария, готовящая педагогов для «русско-туземных» школ, которые с 1884 г. начали открываться на территории бывшего Кокандского ханства для детей «инородцев». Перед ними ставилась двойная задача: во-первых, обеспечить подготовку из детей местного населения кадров, владеющих русским языком, и, во-вторых, сохранить конфессиональную специфику преподавания. Помимо «русско-туземных» школ царская администрация предприняла попытку организации светского образования местного населения через сеть уездных «русских» и приходских училищ. Дети местной элиты получили ограниченный доступ в российские гимназии.

С конца XIX в. в край стал также проникать новый метод конфессионального обучения в медресе (*уsul uly-джадид*), совмещавший преподавание мусульманских и общеобразовательных предметов и национально-религиозную идеологию *джадидизма*, пионерами которого были волжские татары. В крае появилась местная периодическая печать. «Русско-туземные» и «русские» школы, а также новометодные медресе явились источником формирования национальной буржуазии и интеллектуальной элиты. На страницах местной периодической печати представители местной интеллигенции начали поднимать вопросы национально-культурного самосознания узбеков, таджиков, киргизов и других народов бывшего Кокандского ханства.

В отношении **Бухарского эмирата** и Хивинского ханства российские власти избрали несколько иную политику. Задача покорения Бухары облегчалась ее ослаблением вследствие восстаний китай-кипчаков, торгово-ремесленных кругов Самарканда, набегов кочевников, а также войн с Хивой и Кокандом.

Военное наступление России на Бухару началось в 1865 г., вслед за оккупацией Ташкента российскими войсками. В 1866 г., после серии побед технически и организационно превосходящей российской армии над отрядами Бухарского эмира Муззаффер ад-Дина (1860–1885) Россия предъявила Бухаре ультимативные условия договора о зависимости. Они предусматривали признание Бухарой всех территориальных захватов Российской империи в Центральной Азии, проведение границы по Голодной степи и пустыне Кызылкум, обеспечение российским купцам свободы передвижения в Бухаре и выплату эмиром военной контрибуции России. Отказ эмира принять эти унижительные условия привел к новой эскалации военных действий между Россией и Бухарой. В мае 1868 г. российская армия под командованием генерал-губернатора Туркестана К.П.Кауфмана нанесла сокрушительное поражение войскам бухарского эмира в окрестностях Самарканда. Судьба Бухары была предрешена.

В июне 1868 г. эмир Муззаффер ад-Дин принял российские условия «договора о дружбе», по которому устанавливался российский протекторат над Бухарским эмиратом при сохранении последним формальной государственности. Бухарскому эмирату запрещалось вести самостоятельные внешние сношения с иностранными государствами. Согласно российско-бухарскому договору вся завоеванная до Зерабулака территория с городами Ходжент, Ура-Тюбе, Джизак, Самарканд и Каттакурган отходила к России, образовав самостоятельный Зарафшанский округ в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Бухарский эмир

обязан был уплатить контрибуцию в размере 500 тыс. рублей, русским купцам предоставлялось право свободной торговли, бухарские власти должны были обеспечить их безопасность, с их товаров взималась пошлина в размере 2,5%; русским купцам предоставлялся также свободный проезд через территорию эмирата в соседние государства; им разрешалось учреждение торговых агентств во всех пунктах по их усмотрению.

Капитуляция эмира Музаффера перед Россией не была признана частью бухарских владетелей и духовенства, а также шахрисябзскими беками, которые начали сепаратистский мятеж в Самарканде.

В условиях конфликта между Бухарой и Самаркандом Кауфман добился санкции Петербурга на расширение своих полномочий в Центральной Азии. Осенью 1872 г. Кауфман убедил царское правительство в экономической и политической целесообразности аннексии Самарканда. Это нашло отражение в новом договоре, заключенном в сентябре 1873 г. между Россией и Бухарским эмиратом. Согласно этому договору туркестанская администрация получила возможность принимать участие в обсуждении вопросов, связанных с наследованием бухарского престола и с назначениями на пост первого министра в эмирате и на посты беков крупнейших областей.

Договор утвердил пост дипломатического представителя при Туркестанском генерал-губернаторе в качестве посредника в отношениях между Бухарским эмиратом и Туркестанским генерал-губернаторством. В 1885 г. функции посредничества и надзора были переданы «политическому агенту» царской России, постоянная резиденция которого находилась в Новой Бухаре (Кагане). Политическое агентство, кроме того, должно было заниматься организацией управления русскими поселениями в пределах эмирата, а также обеспечивать российские торгово-промышленные интересы. На территории Бухарского эмирата был расквартирован многотысячный контингент российских войск. В 1894 г. Санкт-Петербург существенно ограничил право Бухары вести самостоятельную внешнюю торговлю, включив Бухарский эмират наряду с Хивой в общероссийскую таможенную систему.

Установление российского протектората содействовало преодолению феодальной раздробленности Бухарского эмирата, прекращению разорительных междоусобиц, расширению зоны хлопководства, развитию товарно-денежных отношений, стандартизации и снижению налогов. В последней трети XIX в. усилился процесс вытеснения натуральной и отработочной ренты денежной рентой. Укрепление экономических связей с Россией явилось существенным стимулом для развития в Бухарском эмирате хлопководства, хлопкоочистительного, маслобойного и ткацкого производств. Вследствие поощрительных мер Санкт-Петербурга возрос вывоз из Бухары в Россию хлопка, каракуля, шерсти, шелка-сырца и прочих сырьевых, а также и продовольственных товаров. Из России в Бухару поступали фабричные ткани, сахар, чугунные котлы, медь и стальные изделия.

В целях вытеснения с рынков Бухары иностранных конкурентов, прежде всего поданных Великобритании, российские купцы установили несоразмерно низкие цены на российские мануфактурные товары. В 1881 г. Россия запретила ввоз в Бухару европейских товаров за исключением индийского чая, английской кисеи и краски индиго. Разрешенные к ввозу товары облагались высокой ввозной пошлиной.

Рост спроса российской промышленности на хлопок способствовал росту цен на него. Если до начала продвижения российских войск в Центральную Азию цена пуда хлопка равнялась 2 руб. 50 коп., то уже в 1870 г. она поднялась до 5–6 руб. Бухаре принадлежало второе место по производству хлопка после Ферганы. Значительному расширению торговли между Россией и Бухарой способствовало открытие в 1887 г. Закаспийской железной дороги, подсоединившей Бухару к общероссийской транспортной системе. Развитие российско-бухарского товарооборота сопровождалось финансово-промышленным проникновением России в Бухару. В конце 1890-х годов в Бухаре были учреждены отделения Российского Государственного и частных банков: Русско-Азиатского, Соединенного, Азовско-Донского, Московско-учетного, Русского для внешней торговли и Сибирского торгового. В Бухаре также открылись филиалы ведущих российских мануфактур, специализирующихся на первичной обработке сырья.

Вместе с тем система протектората не привела к существенным изменениям во внутренней жизни эмирата. Бухарское общество сохранило замкнутый, традиционный характер. В экономике эмирата, несмотря на расширение хлопководства, ведущие позиции сохранило ремесленное производство. Бухарские кожевники, золотощейники и ковровщики обеспечивали своей продукцией Бухару и сопредельные государства.

Господствующие позиции в бухарском обществе принадлежали феодально-клерикальной верхушке. Бухарский эмир по-прежнему олицетворял высшую светскую и духовную власть в эмирате. В его подчинении находилась разветвленная сеть учреждений, контролировавших практически все стороны общественной жизни. Бухара сохранила свой статус одного из мировых центров исламского вероучения. Бухарский эмир провозгласил себя халифом Средней Азии. В мусульманских учебных заведениях Бухары обучались тысячи учащихся из разных регионов Российской империи и мусульманского Востока. Господствующие позиции принадлежали конфессиональному (кадимистскому) образованию.

По сравнению с мусульманским Поволжьем и Крымом проникновение нового метода преподавания (*усул уль-джадид*) в бухарские медресе носило ограниченный характер. Вместе с тем идеи исламского реформаторства не были абсолютно чужды отдельным представителям духовной элиты Бухарского эмирата. Их выразителем был богослов Ахмед Махдуд Калла (Дониш, 1827–1897). Его воззрения сформировались на базе сравнительного анализа исторической эволюции и технологических достижений Бухары и других мусульманских стран, с одной стороны, и России и стран Запада — с другой. Ахмед Махдуд, аналогично Джемаль ад-Дину аль-Афгани, признавал активную роль личности в истории.

Завоевание Россией Коканда и установление российского протектората над Бухарой предрешили судьбу **Хивинского ханства**. План завоевания ханства был разработан генералом Кауфманом и предусматривал постепенное окружение Хивы российскими войсками с кавказского, оренбургского и туркестанского направлений. Реализация этого плана началась в 1869 г. В кампании против Хивы участвовало более 13 000 солдат. В мае 1873 г. Хива, ослабленная внутривосточной борьбой за власть, пала под натиском объединенного наступления российских войск. В августе хивинский хан Саид Мухаммад Рахим Бахадур вынужден был согласиться с установлением протектората России над Хивой. По срав-

нению с Бухарой условия российского протектората над Хивой стали более жесткими. Территория Хивинского ханства была значительно урезана. Аннексированные Россией земли преобразовывались в Амударьинский военный отдел. По сравнению с эмиром Бухары, который сохранил право прямого контакта с российским монархом, хивинский хан мог общаться с Санкт-Петербургом только при посредничестве российской администрации Амударьинского отдела в Новоалександровске. Внешние сношения и таможня перешли под контроль российских чиновников. Русские получили право свободной торговли и свободного плавания по Амударье. Однако в остальном патриархально-традиционный уклад жизни в Хивинском ханстве после установления протектората России не претерпел существенных изменений.

Последними очагами сопротивления российской экспансии в Центральной Азии оставались области, населенные туркменами. В конце 1873 г. российские войска под командованием генерала Н.Н.Головачева разгромили йомудских туркмен и оккупировали районы их традиционного проживания. Размещение британского флота в проливах Босфор и Дарданеллы в 1878 г. и установление протектората Великобритании над Афганистаном в следующем году подтолкнули российские правящие круги к проведению завершающей военной кампании в Ахалтекинском оазисе, населенном текинскими туркменами. В декабре 1880 г. в битве при Геок-Тепе текинские туркмены нанесли российской армии тяжелое поражение. Лишь после длительной осады в январе 1881 г. 11-тысячному войску генерала М.Д.Скобелева удалось сломить сопротивление туркмен и взять их крепость Геок-Тепе. В феврале 1884 г. российские войска заняли последний крупный форпост туркменского сопротивления — г. Мерв. Ахалтекинский оазис был преобразован в Закаспийскую губернию Российской империи.

Таким образом, на туркменские земли было распространено российское законодательство. По российско-китайскому договору 1860 г. и российско-иранскому договору 1887 г. Китай и Иран признали новые восточные и южные границы Российской империи. Демаркация российской и британской сфер влияния в Азии в 1895 г. означала завершение дальнейшей экспансии России на восток.

В целом же в рассматриваемый период реакция большей части местного населения, в особенности Бухары и Хивы, на установление российского сюзеренитета была пассивной. Отдельные крестьянские восстания, произошедшие на территории эмирата и ханства в 1870–1890-х годах, в основном были спровоцированы злоупотреблениями местных чиновников и сборщиков налогов. Крупнейшим среди них было восстание дехкан Кулябской и Бальджуанской долин Бухарского эмирата под предводительством Восе в 1885–1887 гг. Антироссийскую окраску носили местные выступления в окрестностях Андижана и Оша. Их инициаторами, как правило, являлись суфийские накшбандийские *ишаны*. Они выступали против российского присутствия в регионе и в особенности против российского культурного империализма, разрушавшего основы исламского образа жизни. Наиболее значительным было восстание под предводительством *ишана* Мухаммада Али в 1898 г. в Ферганской долине. Более двух тысяч восставших осадили Андижан и Ош и пытались поднять мятеж среди населения Ташкента и Самарканда. Лозунгом восставших было восстановление независимости мусульманских народов *дар уль-ислама* и Кокандского ханства, в частности. Это восстание было жестоко подавлено российскими войсками.

АФГАНИСТАН
В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в. — НАЧАЛЕ XX в.

После смерти Дост-Мухаммада (1863 г.) в Афганистане несколько лет продолжалась борьба за престол между членами семьи эмира, прежде всего между Мухаммадом Афзаль-ханом, Мухаммадом Азам-ханом и Абдурахман-ханом¹. Эта борьба завершилась победой сына Дост-Мухаммада — Шер Али-хана. К 1869 г. новому эмиру удалось распространить свою власть практически на все территории, принадлежавшие его отцу. Подчинив Кабульскую, Гератскую и Кандагарскую провинции, он возобновил завоевания на севере и захватил некоторые земли, населенные узбеками и туркменами на левом берегу Амударьи, с которых стали взимать налоги более высокие, чем с афганцев.

Стремясь укрепить свою власть и пополнить казну, Шер Али-хан предпринимал жесткие меры по контролю за сборщиками налогов и таможенных сборов, упорядочению налоговой документации и аппарата управления в целом. Первым из афганских правителей он создал кабинет министров, а также учредил специальный совещательный орган по обсуждению государственных проблем. Значительное внимание эмир уделял вопросам развития внутренней и внешней торговли, дававшей казне около половины доходов, улучшались средства сообщения — ремонтировались дороги и мосты, строились караван-сарай (только в Кабуле в годы его правления их было пять), развивалось ремесло, росли города. Согласно проведенной переписи, в 1876 г. в Кабуле проживало около 150 тыс. человек, а на кабульском базаре держали лавки кашмирцы, индийцы, таджики, афганцы (из племен дуррани, гильзаев и сафи), армяне и др. Крупными торговыми городами были Герат, Кандагар, Мазари-Шариф.

Несомненное историко-культурное значение имели реформы в области печатного дела и просвещения. В столице была учреждена литография. В 1875 г. вышел в свет первый номер газеты «Полуденное солнце» («Шамс ан-нахар»), выпускавшейся несколько лет, одновременно стали печататься марки, функционировала почтовая связь, соединявшая Кабул с главными городами страны, а также с Пешаваром. Ею пользовалась не только администрация эмира, но и частные лица.

---

¹ Абдурахман-хан, сын Мухаммада Афзаль-хана, участвовал в борьбе за престол после смерти отца. Потерпев поражение от отрядов Шер Али-хана в районе Зурмата, он вынужден был покинуть страну. После скитаний Абдурахман-хан нашел убежище в российских владениях и жил в Самарканде, нередко выезжая в Ташкент в ставку туркестанского генерал-губернатора К.П.Кауфмана. Прожив там до конца 1879 г., он с отрядом сторонников вернулся на родину, намереваясь занять эмирский престол. Российские власти вручили ему небольшую сумму денег и 200 берданок. Не желая обострять отношения с Англией, в Ташкенте официально объявили, что Абдурахман-хан бежал и его разыскивают. В 1880 г. он (не без содействия англичан) стал эмиром.

Весьма важным с точки зрения развития просвещения было открытие первой в стране светской школы, размещавшейся в Бала-Хиссаре в Кабуле. В школе было два отделения — военное и гражданское. В обоих отделениях преподаватели-индийцы вели курс английского языка.

Названные выше меры оцениваются в афганской историографии середины XIX в. как начало модернизации Афганистана.

Однако главное внимание эмир уделял укреплению регулярного войска. Постоянно чувствуя угрозу со стороны Англии и сепаратистски настроенных ханов племен, эмир предпринял конкретные шаги к увеличению численности и улучшению оснащения регулярного войска. В регулярное войско стали набирать все большее число пуштунов. Именно этим следует объяснить тот факт, что английский военный устав был переведен не только на язык дари, но и на пушту. При Шер Али-хане были созданы также отряды эмирской полиции. В 70-х годах было начато строительство относительно крупных по тому времени оружейных мастерских под Кабулом.

Что касается России, то, потерпев поражение в Крымской войне, она была вынуждена пересмотреть приоритеты своей внутренней и внешней политики. В сложившейся ситуации российское правительство и торгово-промышленные круги после серьезных обсуждений на специальных совещаниях сочли целесообразным уделять все больше внимания рынкам Средней Азии, ее завоеванию. В 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Границы между владениями России и Британской Индии сближались. В этих условиях в России и Англии пришли к убеждению о необходимости определить в этой части Азии нейтральную территорию, неприкосновенность которой была бы одинаково обязательна для обеих держав. Именно из этих позиций исходили стороны на начавшихся в 1869 г. в Петербурге переговорах между представителями соответствующих ведомств двух стран. Российские дипломаты высказывали готовность признать нейтральной зоной Афганистан, причем гарантами его независимости предложили стать Англии и России. Это не соответствовало планам Лондона, и переговоры прервались. Проблема сводилась к вопросу о статусе Афганистана: Россия предпочитала видеть его нейтральной зоной, а Англия — по меньшей мере сферой своего влияния. Именно поэтому в Лондоне были заинтересованы в максимальном расширении владений афганских эмиров на севере.

Наконец, в результате длительной дипломатической переписки и возобновившихся переговоров стороны пришли к согласию, заявив, что «территории, состоявшие в действительном владении эмира Шер Али-хана (подчеркнуто нами. — *Авт.*), должны считаться образующими пределы Афганистана». При этом в документах переписки между внешнеполитическими ведомствами России и Англии особо отмечалось, что афганский эмир не будет стремиться распространить свое влияние и вмешательство за эти пределы, а английское правительство употребит все свои старания, чтобы отклонить его от осуществления подобных попыток. Россия, со своей стороны, обязывалась оказать влияние на бухарского эмира, чтобы не допустить нарушения им границ с Афганистаном.

В результате обмена нотами между Россией и Англией (от 17/29 октября 1872 г. и 19/31 января 1873 г.) границей Афганистана признавалась р. Амударья (в верховьях — р. Пяндж), от поста Ходжа-Салех до оз. Зоркуль. Обмен назван-

ными нотами, содержащими предложение Англии о линии границы и согласие российской стороны, известен как Соглашение 1872–1873 гг.

Подчинение Россией Средней Азии продолжалось. В 1873 г. хан Хивы признал вассальную зависимость от Российской империи, а в 1875 г. был подписан царский указ о включении Кокандского ханства в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Необходимость некоторых российских акций в Средней Азии военный министр России В.Милютин, во многом небезосновательно, мотивировал усилением наступательной политики Англии в регионе. Это признавалось впоследствии и в работах британских авторов.

В Петербурге было хорошо известно, что англичане разрабатывали различные планы, серьезно затрагивавшие интересы Афганистана и приграничных ему районов Средней Азии. Английский посол в Тегеране высказывал мнение о необходимости занятия британскими войсками афганских городов, в том числе Кандагара или Герата или обоих пунктов вместе, и установления в этих районах английского влияния. Высшие английские власти в Индии предлагали иной план — расчленение Афганистана и создание «афганского ханства» под властью правителя, полностью зависящего от поддержки англичан. В состав ханства предполагалось включить Мерв, Меймене, Балх, а также Кандагар и Герат. Подобные предложения выдвигались под лозунгом защиты Индии от возможных, по мнению Лондона, посягательств России. Все это не могло не заботить Россию.

Вопросы соперничества Англии и России в этой части Азии многократно рассматривались в отечественной и зарубежной историографии. Серьезное изучение архивных и иных материалов того времени позволяет утверждать, что намерения царизма в регионе реализовались в те годы в четко очерченных пределах, которые Россия не имела сколько-нибудь реальных возможностей преступить. И если Индия в действительности ни в коей мере не находилась под угрозой захвата Россией, не пытавшейся даже использовать для политических интриг прибытие в русский Туркестан представителей индийских княжеств и высокопоставленных афганцев, то, как свидетельствуют факты, Средней Азии, Афганистану, а также Ирану угрожала опасность британского владычества. Наиболее четко высказался на этот счет начальник штаба британских войск в Индии генерал Ч. Мак-Грегор в своей книге «Оборона Индии». Кроме всего прочего, он писал о необходимости утверждения Англии в некоторых районах Афганистана, находившихся в непосредственной близости от среднеазиатских владений России, границы которой в перспективе он предлагал отодвинуть до Аральского моря.

К концу 70-х годов XIX в. обострились англо-русские отношения: результаты войны между Россией и Турцией (1877–1878), закрепленные в мирном договоре, подписанном в Сан-Стефано, сочли в Лондоне слишком выгодными для России и неприемлемыми для Англии. Вскоре Англия стала добиваться созыва международной конференции для пересмотра договора и одновременно предпринимала шаги к созданию блока держав, направленного против России. Учитывая это, российское правительство сочло необходимым активизировать свою деятельность в этой части Азии. В Афганистан было направлено посольство во главе с генералом Столетовым, которому поручалось установить дружественные отношения с эмиром и, если это окажется возможным, заключить союз на случай вооруженного столкновения России с Англией. Встреченный с почестями генерал прибыл

в страну для подготовки договора. Летом 1878 г. стороны согласовали его проект, где подчеркивалось, что Россия считает Афганистан независимым государством и выражает желание иметь с ним дружественные отношения, в равной степени как и с другими независимыми государствами. Эмиру гарантировалось невмешательство России во внутренние дела страны, кроме случаев, когда он сам обратится за помощью.

Англия, со своей стороны, готовилась направить в Кабул своего посла с требованиями вынудить эмира порвать отношения с Россией, выслать из Кабула членов русского посольства и допустить в столицу и некоторые афганские города английских офицеров с правом их въезда в любой приграничный пункт. Эти требования были лишь первым шагом. Практически дело велось к войне с целью осуществления планов расчленения или подчинения Афганистана. Отказ эмира принять английское посольство дал Англии искомый ею повод для начала войны. Российское правительство, используя дипломатические каналы, пыталось призвать Англию к большей сдержанности. Английскому кабинету министров были переданы соответствующие ноты, которые Лондон отклонил. В этот период подписанию российско-афганского договора помешали события, развернувшиеся в Европе: Петербургу пришлось согласиться на пересмотр договора в Сан-Стефано, а вскоре был подписан Берлинский трактат, лишивший Россию выгодных для нее пунктов договора. Однако угроза серьезного обострения отношений с Англией миновала. В сложившейся ситуации царское правительство уже не действовало с прежней решимостью, работа над заключением договора с Афганистаном прекратилась и русская миссия выехала из Кабула в Петербург.

Руки у Англии были развязаны. В ноябре 1878 г. началась вторая англо-афганская война. Базой английских войск стала ранее аннексированная ими Кветта, где еще до начала войны были построены военные опорные пункты. Заняв значительную часть афганской территории и оккупировав Кабул, англичане в мае 1879 г. навязали ставшему эмиром Якуб-хану кабальный Гандамакский договор, по условиям которого страна превращалась в зависимое от Англии владение. Деятельность эмира Якуб-хана в соответствии с договором должна была находиться под контролем постоянного английского представителя в Кабуле. Кроме того, особое внимание в договоре уделялось вопросам торговли. Английские подданные получили права не только ничем не ограниченного передвижения по стране, но и свободной торговли. Афганский эмир обязывался покровительствовать англо-индийским купцам и не чинить препятствий их транзитной торговле со Средней Азией.

Условия договора вызвали в стране взрыв возмущения. Началась героическая народная война против чужеземцев. Активно вступили в борьбу не только солдаты, но и горожане, крестьяне, кочевники. Важную роль в организации отрядов сопротивления англичанам сыграли Мухаммад Джахан Вардак, сардар Аюб-хан — герой знаменитой битвы при Майванде летом 1880 г., многие священнослужители, в том числе муллы Дин Мухаммад, Абдул Гафур Лангари, подразделения племен вардак, тараки, дзадран и др. В августе 1879 г. повстанцы захватили Кабул и уничтожили весь английский гарнизон. Последующее занятие города отрядами генерала Робертса положило начало массовым репрессиям, убийствам пленных в столице и окрестностях. Непрекращавшийся террор не принес англичанам

желанных результатов — подчинить афганцев и упрочить свои позиции в частично оккупированной стране им не удалось. В Газни, Кохистане, Кохдамане, Хосте и Гардезе формировались все новые отряды, и завоеватели терпели поражение за поражением.

В конце концов, осознав бесперспективность продолжения войны, они приняли решение прекратить борьбу и найти «удобного» для них претендента на кабульский престол. Низверженный ими эмир Якуб-хан, не сумевший оказать поддержку английскому гарнизону при осаде афганцами Кабула, был сослан в Индию. Остановившись на кандидатуре Абдурахман-хана, выехавшего из российских владений и вступившего в борьбу против завоевателей, англичане не исключали намерения в последующем отторгнуть от Афганистана Герат. Небезосновательно надеясь, что Абдурахман-хан в случае вывода английских войск может пойти на определенные уступки, они начали переговоры. Вскоре Абдурахман-хан был признан ими эмиром и стал ежегодно получать от англо-индийских властей денежную субсидию в 12 тыс. рупий. Став эмиром, он, как желала того Англия, согласился на отторжение от Афганистана Куррама, Пишина и Сиби, признал право англичан установить контроль над Хайберским и Минчинским горными перевалами, через которые шли торговые пути. Кроме того, Афганистан утратил право на самостоятельные (без санкции вице-короля Индии) отношения с другими государствами. Таким образом, суверенитет страны был ограничен. Англичане, со своей стороны, вынуждены были не настаивать на пребывании в Афганистане своего постоянного представителя с военным отрядом для осуществления контроля над внутренними делами страны. В Кабуле по договоренности с Абдурахман-ханом разрешалось находиться лишь их резиденту из индийских мусульман для поддержания связей между эмиром и английскими властями в Индии. Иными словами, это означало отказ Англии от непосредственного вмешательства во внутренние дела Афганистана.

Две войны, навязанные Афганистану Англией, стоили ему огромных людских и материальных потерь. Страна была разорена и раздроблена, казна пуста. Эмир Абдурахман-хан военным путем сумел вернуть под власть Кабула многие владения, прежде всего Кандагар и Герат, а затем занял Хезареджат.

Продолжая лелеять надежды на подчинение Афганистана и укрепление своих позиций на Среднем Востоке в целом и в Средней Азии в частности, Англия прилагала усилия к тому, чтобы приамударьинские земли также отошли к владениям Абдурахмана. В 1883 г. эмир, не без одобрения англичан, занял Шугнан, Роушан и Вахан, что было нарушением Соглашения 1872–1873 гг., по которому, как уже отмечалось выше, власть эмира признавалась лишь на левобережье Амударьи. В 1885 г. афганские войска вступили в Пендинский оазис, населенный туркменами-сарыками. Здесь, у Каменного моста (Ташкепри) произошло практически спровоцированное англичанами военное столкновение между русскими и афганскими отрядами. Воспользовавшись ситуацией, Англия усиленно пыталась склонить эмира к войне с Россией, намереваясь при этом под предлогом помощи Афганистану ввести в страну свои войска. Однако эмир заявил, что землями туркмен в Пендинском оазисе он никогда не владел и не претендует на них и ныне.

В 1885 г., после длительных переговоров, в которых участвовали и представители Афганистана, Англия и Россия заключили соглашение об установлении

северо-западной границы Афганистана, а в 1887 г. подписали Протокол, в соответствии с которым линия границы была определена от Герируда до Амударьи по линии Ходжа-Салех-Зульфикар. После установления и демаркации границ Афганистана с Российской империей эмир в целях безопасности северных провинций страны, где к тому же были плодородные земли, переселил туда часть верного ему племени дуррани.

Характеризуя время правления эмира Абдуррахман-хана, следует признать, что, придя к власти, он, стремясь укрепить свой авторитет и создать централизованное государство, прибегал к весьма жестким мерам — многих участников народной войны, которые пользовались влиянием в некоторых областях и могли бы выступить против него, он либо арестовал и казнил, либо выслал за пределы страны. Одновременно эмир конфисковал часть земель знати и *улемов*, обладавших ранее правом налогового иммунитета. Правителями провинций, в обязанности которых входили сбор налогов и командование военными гарнизонами, назначались сторонники эмира. Тем не менее по его приказу за ними устанавливались контроль и слежка. Одновременно эмир предпринял активные шаги к созданию регулярной армии, образованной и обученной по образцу англо-индийской, причем численность регулярной армии постоянно увеличивалась — к середине 90-х годов ее личный состав доходил почти до 85 тыс. человек (в 80-е годы было лишь 60 тыс.). Вооружение для войска обычно покупалось в Британской Индии, однако есть данные, что Абдуррахман-хан однажды закупил некоторые виды оружия и боеприпасы в Германии на заводах Круппа.

Укрепление центральной власти позволило эмиру Абдуррахману при комплектовании армии, сохраняя прежнюю добровольную систему, проводить и принудительный набор рекрутов. Солдаты служили пожизненно, получая, далеко не всегда регулярно, жалованье в денежной и натуральной форме и обмундирование.

Значительные реформы были осуществлены эмиром при упорядочении финансового ведомства. По его указанию было создано специальное ведомство, называвшееся Центральной государственной казной и состоявшее из собственно казначейства и управления делами торговли; затем было сформировано отдельное управление, занимавшееся налогами, в частности определением налоговых ставок. На основе ежегодной оценки сельскохозяйственной продукции, поголовья скота, товаров ремесленно-кустарного производства с податного населения стали взиматься новые налоги, т.е. ужесточилась система налогообложения в целом. Что касается управления по делам торговли, то, кроме всего прочего, оно ведало установлением таможенных пошлин во внутренней и внешней торговле и контролем за их взиманием. Были приняты конкретные шаги, ограничивавшие активность англо-индийского капитала, занимавшего тогда ведущие позиции в афганской торговле и финансовых операциях. Нельзя не отметить, что многие из названных мер были ответом на английскую, прежде всего торговую, политику, ущемлявшую интересы как лично эмира и казны, так и многих купцов. Интересам последних служила политика эмира, направленная на привлечение правителей и вождей племен к охране торговых путей, проходивших через их владения, проведение мер по установлению единой монетной системы, унификации мер веса и длины. В то же время, стремясь увеличить свои доходы, эмир Абдуррах-

ман монополизировал торговлю каракулевыми шкурками, ляпис-лазурью и некоторыми другими экспортными товарами.

Внутренняя нестабильность — волнения и восстания податного населения (вызванные ужесточением налоговой политики эмира в целом) и ряда афганских племен, у которых ранее отсутствовало регулярное налоговое обложение; мятежи вождей этих племен, а также верхушки неафганских этносов и местных правителей, вынужденных «делиться» доходами с центральной властью, — была характерна практически для всего периода правления эмира Абдурахмана. Например, восстания в Бадахшане (1885 г.), вооруженные выступления гильзаев, юсуфзаев, момандов и некоторых других племен (1885–1888), мятеж близкого родственника эмира правителя Афганского Туркестана Исхак-хана (1888 г.), восстания племен джамшидов, фирузкухов и проч. (1890–1891), выступления населения в Меймене (1890–1892), Хезареджате (1892–1893), Кафиристане (Нуристане) (1899 г.) и т.д. Два последних восстания были вызваны не только усилением налогового гнета, но и преследованиями на религиозной почве — хезарейцы, в отличие от афганцев, были шиитами, а население Кафиристана — язычниками, не желавшими принимать ислам.

Естественно, внутренняя нестабильность не позволяла эмиру уделять должное внимание многим важным проблемам, в том числе касавшимся восточных афганских племен. Однако к концу 80-х — началу 90-х годов обстоятельства вынудили Абдурахман-хана активизировать свою политику на востоке, в пограничных с Британской Индией областях, где были расселены крупные афганские племена (так называемая зона независимых афганских племен).

Англичане к тому времени утвердили свою власть в Пишине и Сиби, восстановили торговые пути через Гомальский перевал, взяв его под контроль англо-индийских войск, завоевали Хунзу и Нагар. Опираясь на подвластный им Пешавар и находившийся в вассальной зависимости Читрал, они стремились утвердить свое влияние в Дире, Свате и Баджауре, а также несколько южнее — в зоне расселения племени тури. Естественно, все это создавало новую серьезную угрозу Афганистану. Эмир Абдурахман-хан сумел установить тесные связи с вождями некоторых племен и религиозными лидерами названных областей. В распространявшемся его сторонниками труде «Таквим ад-дин» («Укрепление веры») он предстает как религиозный глава всех афганцев.

Учитывая разобщенность племен и внутреннюю нестабильность в стране в целом и в этом районе в частности, Англия потребовала от эмира отказаться от борьбы за усиление своих позиций в зоне племен, а затем вице-король Индии направил в Кабул посольство во главе с М.Дюрандом. Обстановка складывалась таким образом, что практически возникла угроза новой войны с Англией. Это вынудило эмира подписать в ноябре 1893 г. соглашение «О достижении взаимопонимания по поводу афгано-индийской границы». В соответствии с этим соглашением он отказывался от каких-либо претензий на Бунер, Сват, Дир, Баджаур, земли афридиев, территорию Биланд-хель, Куррам, Чаман (где англичане построили железнодорожную ветку по направлению к Кандагару). В ходе переговоров эмиру удалось добиться признания своих прав на владение долиной Асмар и местностью Бирмал в Вазиристане. По Соглашению в состав Афганистана включался Кафиристан (завоеванный эмиром позже — в 1896 г.). Кафиристан

был переименован в Нуристан («Страну света»), а эмир получил почетный титул *гази* (воителя) и «светоча нации и религии». Население (бывшее до завоевания язычниками) насильственно обращалось в ислам. Значительная часть жителей (около половины) погибла в борьбе с войсками эмира, часть была переселена, 25 тыс. человек стали рабами.

Соглашение 1893 г. послужило серьезным препятствием к объединению афганцев. Разделение мест их расселения «линией Дюранда», а также захваты англичанами Панджаба и Синда в 40-е годы стали впоследствии причиной возникновения уже во второй половине XX в. «проблемы Пуштунистана» и серьезных осложнений в афгано-пакистанских отношениях.

М.Дюранд также убедил эмира вывести войска из Шугнана, Вахана и Роушана, которые он занял в 1883 г. В качестве компенсации за это эмир получил земли Запаянджского Дерваза, расположенного на левом берегу Пянджа. В состав владений Афганистана вошла узкая полоса Вахана — так называемый ваханский язык. Таким образом, свершилось то, к чему стремилась Англия — эта территория стала буферной зоной между Британской Индией и владениями России. Однако определение границ этой зоны было зафиксировано позже, в 1895 г., при Памирском разграничении (см. об этом ниже). В Соглашении 1893 г. предусматривалось увеличить сумму ежегодно уплачиваемой эмиру субсидии с 1200 тыс. до 1800 тыс. рупий.

Вскоре после подписания Соглашения 1893 г. англо-афганские отношения вновь обострились. Как отмечают источники, эмир не исключал вероятности разрыва отношений с Англией и предполагал, что в случае необходимости будет искать убежища в российских владениях Средней Азии. Волнения, начавшиеся в 1894 г. при проведении разграничения территорий, населенных племенами, переросли в серьезный конфликт. В соответствии с предложенной англичанами линией прохождения границы земли племени момандов были разделены между владениями эмира и Британской Индией. Восстания племен не прекращались и вскоре охватили не только момандов, но и *вазиров*, юсуфзаев, афридиев и оракзаев. Эмир поддерживал восставших, направляя их вождям оружие и материальную помощь. Несмотря на перевес в силе и технике, английские отряды не смогли полностью оккупировать значительную часть территории расселения пограничных племен, переходившую по Соглашению 1893 г. к Британской Индии. Часть этих племен и впоследствии сохраняла самоуправление и право носить оружие.

Важными событиями конца XIX в. были решения о разграничении территории Афганистана на западе и юго-западе, а затем на Памире. Участок от стыка границ владений Российской империи, Ирана и Афганистана на юг до параллели 34°29' с.ш. вызывал афгано-иранские споры и был установлен решением арбитражной комиссии во главе с английским генералом Маклином в Хаштадане от 6 июля 1891 г.¹

Весьма важным событием, затрагивавшим интересы Афганистана, России и Англии, было Памирское разграничение. Ранее территория Памира входила в состав Кокандского ханства. Присоединение его к Туркестанскому генерал-

¹ В соответствии с англо-иранским договором 1857 г. Иран признал право Англии посредничать во всех вопросах, касающихся его отношений с Афганистаном.

губернаторству привело к тому, что Россия стала правопреемницей Коканда на Памире. Права России на Памир подтверждались и Соглашением 1872–1873 гг., поскольку территории, находившиеся на правом берегу Амударьи до ее поворота на север, признавались входившими в сферу ее влияния. Однако Лондон и английские власти в Индии предусматривали осуществить комплекс мер, направленных на установление своего контроля над Памиром, например, регулярно направляли туда военно-топографические экспедиции. Складывавшаяся ситуация вынуждала Россию к решительным действиям. В конце концов, не без сложностей, вопрос решился мирным путем — 27 февраля (11 марта) 1894 г. Великобритания и Россия обменялись нотами, в которых подтверждалась передача афганскому эмиру территории между Гиндукушем и Памиром, обозначалось направление пограничной линии и определялись задачи смешанной пограничной комиссии. В частности, в нотах было отмечено, что пограничная черта от оз. Зоркуль пойдет к Кызыл-Рабату (на р. Аксу), а затем от этого пункта к китайской границе.

Начав работу от оз. Зоркуль, летом 1895 г. комиссия довела линию русско-афганской границы на востоке до пика Повало-Швейковского, ставшего, таким образом, крайней южной точкой пограничной черты. В августе 1895 г. Протокол о разграничении был подписан российским и английским пограничными комиссарами, а в 1896 г. утвержден Николаем II. Итак, основная часть Памира была закреплена за Россией. Добилась своих целей и Англия, которая протянула афганские владения (так называемый ваханский язык) на восток и зафиксировала почти 80-километровую границу Афганистана с Китаем, отделив таким образом Британскую Индию от владений России.

Касаясь важных проблем, стоявших в конце XIX в. перед эмиром, нельзя особо не отметить его попытки избавиться от внешнеполитического контроля английских колониальных властей Индии и установить прямые отношения с Лондоном. С этой целью в 1895 г. эмир направил для переговоров в Лондон своего сына Насруллу. Однако переговоры окончились безрезультатно. Отказ Лондона установить непосредственные отношения с Кабулом был основан на нежелании признать Афганистан независимым государством. Эмиру не удалось также получить признание дипломатического (консульского) статуса афганского представителя в Мешхеде (Иран).

По всей видимости, изоляция страны в определенной мере отвечала и интересам эмира, обеспечивая сохранение традиционных, освященных исламом устоев жизни афганцев и установленного им деспотического режима. Более того, он опасался проникновения в Афганистан англичан, которые получили бы возможность более активно вмешиваться во внутренние дела страны, разжигая распри и междоусобицы.

В официальной истории страны, «Сирадж ат-таварих», написанной придворным историографом, и в ряде других афганских источников признается, что эмир стремился максимально ограничивать контакты своих подданных с иностранцами и распространение в Афганистане полученных от них сведений о жизни в Европе, развитии там науки, техники и культуры. С этим стремлением, естественно, не следует смешивать вопрос о насильственной внешнеполитической изоляции, ограничивавшей государственный суверенитет и наносившей урон пре-

стижу эмира как правителя страны, затрудняя к тому же торговые связи Афганистана с другими государствами.

Въезд в страну иностранцам практически был запрещен. Однако в 80–90-е годы в Афганистан приезжали купцы из Ирана, Британской Индии и России. Помимо купцов в стране побывало около 30 иностранных (большой частью английских) инженеров, геологов, врачей, ветеринаров, специалистов по монетному делу, строительству, кожевенной промышленности и даже настройщик роялей. При содействии иностранцев было построено предприятие «Машин-хана» (производившее различные предметы — от оружия и боеприпасов до мыла и свечей), а также мастерские по производству пороха. Сами афганцы выезжали за рубеж крайне редко, главным образом если это было связано с торговыми операциями, в которых был заинтересован сам эмир.

В 1901 г. эмир Абдурахман-хан скончался. Его преемником стал старший сын Хабибулла (1901–1919). При нем Афганистан оставался изолированной от внешнего мира отсталой полукOLONиальной страной, где сохранялись натуральные и полунатуральные формы хозяйства. Однако ее положение отличалось от положения большинства схожих по статусу стран Востока того времени. Подвергаясь через внешнюю торговлю воздействию капиталистического рынка, эта страна не превратилась в объект экспорта капитала, не была опутана внешними займами, на ее территории не существовало иностранных концессий.

Интриги и заговоры при дворе, коррупция, спекуляция, продажа должностей, небывалых масштабов злоупотребления, особенно чиновников фиска разного ранга, вызывали серьезную озабоченность молодого эмира. Положение в стране весьма обострилось уже в первые месяцы его правления. В результате бесснежной зимы 1901–1902 гг. и последовавшей затем засухи начались голод, эпидемии холеры, малярии, тифоидных лихорадок. Все это вызвало восстания задавленно-го налогами податного населения. Эти восстания, а также мятежи знати афганских племен, поддержанные рядовыми соплеменниками, вооруженные выступления неафганских этносов охватили многие районы. Наиболее крупными были начавшиеся в 1901 г. бунты против самоуправления сборщиков налогов в Чарвиляте, вооруженные восстания против местных властей джамшидов Бадгиса (1908 г.), племен мангалов и ахмадзаев (1911–1912), горожан Кандагара (1912 г.), волнения в военном гарнизоне Герата (1913 г.), к которым подключились не только городские низы, ремесленники и мелкие торговцы, но и достаточно высокие военные чины. Накануне Первой мировой войны народные выступления приобретали все больший размах уже во многих провинциях. Напуганный эмир, увидевший в этом угрозу своей власти (особенно после поездок по многим провинциям Афганистана), вынужден был отказаться от взимания недоимок на общую сумму свыше 20 млн. рупий. Ознакомившись с истинным положением крестьян, состоянием сельского хозяйства, столкнувшись с угрозой неурожая и голода, а следовательно, и невозможностью податного населения выплачивать налоги, эмир приказал отремонтировать некоторые оросительные системы, в частности плотину в Газни, обеспечивавшую орошение 100 тыс. джеривов земли. Работа над восстановлением плотины, проводившаяся под контролем шотландского специалиста, заняла около года, и к 1912 г. было освоено и орошено примерно 50 тыс. джеривов.

Одновременно в целях собственной безопасности эмир провел некоторую реорганизацию кабульского гарнизона: вместо четырех армейских полков он создал столичный армейский корпус из шести полков (по 4 тыс. солдат в каждом) и артиллерийские дивизии, вооруженные гаубицами, полевыми и горными пушками немецкого и отечественного производства. В состав кавалерийского батальона была включена пулеметная рота.

Однако выступления в масштабе всей страны были маловероятны — полиэтничное население (как известно, кроме афганцев в Афганистане проживали более 20 народностей и этнических групп — таджики, хезарейцы, узбеки, чараймаки, туркмены и многие другие) было разобщено. Афганские племена также не были едины, что, кроме всего прочего, тормозило развитие социально-экономических отношений, в том числе и складывание общеафганского рынка.

Тем не менее, по данным источников, постепенно росли города, шел процесс специализации сельского хозяйства, развивалось ремесленно-кустарное производство. Увеличились площади под зерновыми, огородными и садовыми культурами, особенно гранатами и виноградом, производились изделия из шерсти: войлочные одеяла, ковры, паласы, одежда, предметы домашнего обихода.

Нарождалась торговая буржуазия. Причем внешняя торговля развивалась более интенсивно, чем внутренняя. Из Афганистана вывозились кунжутное семя, свежие и сухие фрукты, ковры, шерсть, каракулевые шкурки и т.п. Страна наводнялась различными фабричными изделиями из Индии, закупки же сырья были относительно невелики — торговый баланс постоянно оставался пассивным для Афганистана. Что касается России, то она, развивая торговлю с Афганистаном, закупала товаров на значительно большие суммы, чем те, что выручала за предметы своего экспорта. В торговлю все шире вовлекались (непосредственно или входя в компании купцов-профессионалов) ханы афганских племен, высшие и средние чиновники, представители офицерства, неафганские землевладельцы, прежде всего таджики. Активно участвовал в торговле и сам эмир, его жены и окружение. Владея в Кабуле оптовыми и розничными лавками, эмир совершал крупные по тем временам торговые операции. При этом он стремился (особенно в начале своего правления) содействовать укреплению позиций местного купечества, предоставлял ему возможность брать кредиты в кабульском казначействе. Однако иностранные (главным образом индийские) купцы сохраняли преимущество как в финансовых операциях, так и в ряде важнейших отраслей торговли. Имея тесные связи с индийскими и английскими фирмами, они не выпускали из своих рук такие важнейшие рынки, как Кабул и Кандагар.

Учитывая требования времени, эмир выступил на *дурбаре*, заявляя о необходимости развития в стране науки и техники. Уже в 1903 г. был открыт лицей «Хабибия» с 12-летним курсом обучения. В лицее преподавались мусульманское богословие, грамматика языков дари и пушту, каллиграфия, арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, механика, химия, военное дело, география, история, природоведение, основы счетоводства, санитария, английский язык. В разных районах Кабула стали функционировать шесть филиалов лицея в виде начальных учебных заведений и отдельная школа для индийских детей. Позже был открыт специальный класс начальной ступени для принцев и детей *сердаров* из племени мухаммедзаев, к которому принадлежал эмир. Общее число учащихся в

самом лицее вначале было невелико, менее 300 человек. Преподавателями лицея были афганцы, индийские мусульмане и турки. Затем в Кабуле было открыто педагогическое училище с программой трехлетнего обучения, где готовили учителей начальных школ. В Нуристане начали функционировать шесть школ, предназначенных в основном для обучения детей мусульманскому богословию и грамоте (их родители до завоевания Нуристана были язычниками). Руководство системой просвещения осуществляло созданное несколько позже Общество просвещения, в состав его руководства входили *сердар* Инаятулла-хан, министр двора, турецкие и индийские преподаватели. Сеть просветительных учреждений включала лабораторию, класс рисования и ваения, библиотеку и амбулаторию и имела весьма скромный бюджет — чуть более 100 тыс. рупий.

В 1909 г. в Кабуле было основано военное училище «Харбия» с шестилетним сроком обучения, где кроме общеобразовательных и богословских дисциплин преподавались пехотное дело, артиллерия, фортификация, основы средств связи, верховая езда, гимнастика и т.п. Преподавателями в училище были афганцы и турки, а инспектором — главнокомандующий Мухаммад Надир-хан. Численность учащихся в «Харбии» вначале составляла лишь 150 человек, однако позже достигла почти 900. Выпускники «Харбии» зачислялись на должности командиров рот и батальонов. При «Харбии» функционировали три филиала — для сыновей маликов, конной гвардии и новообращенных в ислам (жителей Нуристана). Питание, обслуживание и школьные учебники в училище и его филиалах предоставлялись учащимся бесплатно. Все расходы по содержанию «Харбии» оплачивались из государственной казны. В 1910 г. в Кабуле было открыто благотворительное учебное заведение — приют для сирот, в фонд содержания которого эмир внес лично 18 тыс. рупий.

Примерно тогда же в Кабуле начала работать типография с тремя печатными станками и переплетными машинами. Значительно расширилось производство упоминавшегося выше «Машин-хана», строились военные мастерские, была проведена телефонная линия между Кабулом и Кандагаром, построено несколько казенных предприятий (кожевенно-обувных и суконных), а также небольшие электростанции. В 1912 г. в эмирском дворце впервые в истории страны была организована выставка товаров, изготовленных в Кабуле, где кроме военного снаряжения демонстрировались обувь, головные уборы, пояса, платки, предметы кухонного обихода, домашнего интерьера и т.п.

В страну, хотя и в незначительном количестве, ввозились автомобили. При дворе содержался гараж из 58 машин, ездой на которых увлекался эмир. В Индию для обучения техническому обслуживанию и вождению были командированы рабочие. В 1913 г. была создана первая в стране национальная транспортная компания — по перевозке грузов и пассажиров. Ее главой стал сам эмир, оплативший половину суммы стоимости автомобилей, купленных в Индии; членами компании были видные сановники.

Допуская в весьма ограниченных пределах некоторую модернизацию, проводившуюся во многом с целью укрепления своего престижа, эмир выступал как противник политических и социальных реформ, преследовал любые отклонения от норм ислама, рассматривая его как основу власти и государства. В годы правления Хабибулла-хана было открыто 11 религиозных учебных заведений.

Важнейшим событием внутривнутриполитической жизни страны в начале XX в. явилось создание небольшой по численности подпольной организации «Машрута» («Конституция»), возникшей под непосредственным влиянием событий в странах Востока — Индии, Турции — и в России. В нее входили преподаватели-индийцы лица «Хабибия», представители интеллигенции, купечества, либерально настроенных помещиков, части офицерства. Они выступали за достижение полной независимости страны, ограничение власти эмира, принятие конституции, развитие культуры и науки, расширение системы образования, обеспечение социальной справедливости, защиту прав народа. Члены организации не были связаны с массами и предполагали осуществить свои цели путем государственного переворота. Организация «Машрута» в 1909 г. была раскрыта, ее члены подверглись репрессиям, несколько человек казнены. С деятельностью «Машрута» было связано возникновение движения, известного в исторической литературе как младоафганское.

Афганистан продолжал оставаться закрытой страной, утратив в результате второй англо-афганской войны право на самостоятельные отношения с другими государствами. Англия не скрывала своей заинтересованности в сохранении подобной ситуации. С первых лет правления эмира Хабибуллы английское правительство весьма настойчиво пыталось добиться от него уступок, которые могли усилить позиции Англии в Афганистане. В 1903 г. английская арбитражная комиссия во главе с генералом Мак-Магоном определила линию прохождения участка ирано-афганской границы до стыка границ Ирана, Афганистана и Британской Индии — ныне Пакистана. В марте 1905 г., после относительно длительных обсуждений и споров был подписан договор с Англией. По настоянию эмира стороны приняли вариант текста, предложенный им самим, где эмир именовался светочем нации и веры, независимым королем афганского государства. Однако статус страны не изменился — права вступать в прямые отношения с другими государствами Афганистан не получил. В соответствии с договором эмир взял на себя обязательство неукоснительно придерживаться всех соглашений, заключенных его отцом Абдурахман-ханом. Вопрос о соблюдении этих обязательств широко обсуждался и во время визита Хабибуллы в Индию в 1907 г. Тогда эмир посетил Пешавар, Лахор, Агру, Калькутту, Бомбей, Карачи, где высшие власти устраивали гостю пышные приемы. Особый интерес эмир проявил к технике, прежде всего военной. Вице-король Индии лорд Минто и лорд Китченер проводили с ним длительные конфиденциальные беседы. По свидетельству афганских источников (что подтверждается и в современных мasonicких публикациях), эмир вступил в Агре в одну из масонских лож. Не следует, на наш взгляд, полностью исключать вероятность этого факта. Тем более что после приезда из Индии он осуществил несколько благотворительных акций, соответствующих некоторым сторонам учения масонов.

В августе 1907 г. было подписано англо-русское соглашение о размежевании сфер влияния в Иране, Афганистане и Тибете. Россия подтвердила, что не имеет каких-либо притязаний в отношении Афганистана, кроме развития двусторонней торговли. В первой статье Россия по-прежнему признавала, что Афганистан находится вне сферы ее влияния, давала обязательства пользоваться для политических сношений с этой страной посредничеством правительства Англии и не по-

сылать в страну своих агентов. Во второй статье Англия подтверждала, что признает англо-афганский договор 1905 г. и не имеет намерений вмешиваться во внутренние дела страны (с оговоркой, что эмир будет выполнять обязательства, данные его предшественниками), а также заявляла, что не станет предпринимать шаги, направленные на присоединение какой-либо части афганской территории к своим владениям. Третья статья разрешала российским и афганским должностным лицам входить в контакт друг с другом для решения «местных вопросов, не имеющих политического характера». Четвертая статья декларировала признание торгового равноправия России и Англии в Афганистане.

Эмир Хабибулла отказался признать Соглашение 1907 г. Таким образом, торговое равноправие Англии и России (ст. IV) и возможность прямых контактов русских и афганских приграничных властей были сведены на нет.

Как отмечалось выше, в 1909 г. была запрещена организация «Машрута». Однако ее роспуск, аресты, репрессии и даже казни членов «Машрута» не смогли пресечь распространения провозглашенных ею идей, прежде всего касавшихся восстановления независимости Афганистана.

При дворе эмира все более явно обозначались различные группировки, которые расходились между собой преимущественно по вопросу о путях достижения независимости страны и ее дальнейшего развития. Разногласия и интриги разгорались не только при дворе, но и в самой семье эмира Хабибуллы. Одну из группировок «староафганцев», открыто антианглийскую и в определенной мере протурецкую, настроенную против всяких новшеств, клерикально-консервативную, возглавлял брат эмира и его заместитель в Государственном совете Насруллахан. Более умеренным было окружение наследника престола — сына эмира Инаятуллы. Его поддерживал *сипахсалар* (командующий афганской армии) Надир-хан; относительно радикальных взглядов придерживалась группа «младоафганцев», их идейным руководителем стал просветитель, писатель, ученый, журналист, издававший с 1911 г. газету «Сирадж уль-ахбар» («Светильник известий»), — Махмуд-бек Тарзи (1868–1933). Его взгляды во многом разделял третий сын эмира — Аманулла, зять Тарзи.

Газета имела постоянные рубрики: 1) передовая статья, посвященная обычно какому-либо политическому, философскому или религиозному вопросу; 2) сообщения о событиях внутренней жизни Афганистана; 3) известия о зарубежных новостях в мусульманских странах, других государствах Азии и в Европе; 4) литературный отдел; 5) отдел науки и техники, переводные статьи из иностранных журналов; 6) фельетоны, короткие сообщения и объявления. Большое место в газете уделялось обоснованию необходимости развития сельского хозяйства, современной промышленности, торговли, разработки рудных ископаемых. Махмуд-бек Тарзи и его сторонники возлагали надежды на «просвещенного монарха», проведение им реформ, главным образом в области просвещения и распространения научных и технических знаний. Идеи Тарзи базировались на религиозной основе. Выступая в своей стране как реформатор ислама, он немало заимствовал у арабских и турецких мыслителей середины XIX в. Призывая к укреплению связей и единству с мусульманским миром в рамках панисламистской концепции, Тарзи в то же время был не чужд и шовинистических взглядов.

В статьях о событиях внутренней жизни Афганистана Махмуд-бек Тарзи и его единомышленники были весьма осторожны в оценках внутренней политики эмира и его окружения, избегая характеристик экономического положения страны и сообщений о волнениях и восстаниях, охвативших целый ряд местностей в провинциях Афганистана в годы, предшествовавшие Первой мировой войне.

На *дурбаре* в Кабуле 24 августа 1914 г. Хабибулла-хан провозгласил нейтралитет Афганистана в войне, которого в основном придерживался до конца своего правления, несмотря на давление, оказывавшееся на него, в частности, Германией и Турцией.

ИНДИЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В 1860-е годы Индия вступила в качественно новый этап колониального периода своей истории. В стране стали появляться предприятия капиталистического типа в промышленности и на транспорте, а также кредитные учреждения и торговые фирмы европейского типа. Началось формирование классов буржуазного общества, заявивших о себе первыми национальными общественно-политическими организациями. Наряду со стихийными и спонтанными выступлениями против колониального режима возникло организованное национально-освободительное движение. Серьезные изменения произошли как в системе английского управления Индией, так и в методах колониальной эксплуатации. Оставаясь источником сырья и рынком сбыта английских промышленных товаров, Индия становилась важной сферой приложения капиталов метрополии.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИНДИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Во второй половине XIX в. экономика Индии стала еще больше привязана к английской экономике. Общая стоимость индийского экспорта в Англию в 1860–1890-х годах утроилась. В Англию шли хлопок, шерсть, джут, пальмовое волокно, рис, пшеница, маслосемена, пряности, индиго, опиум. В эти же годы индийский импорт из Англии, откуда поступали ткани, металлические изделия и другие виды потребительских товаров, увеличился в пять раз. О колониальном характере внешнеторгового оборота Индии свидетельствует то, что в 1879 г. готовые изделия составляли только 8% всего индийского экспорта, но зато 65% импорта.

Заинтересованность метрополии в индийском сельскохозяйственном сырье вызвала изменения в аграрной политике колониальных властей, направленные на закрепление частновладельческих прав на землю и расширение базы сельскохозяйственного производства. С этой целью поощрялось увеличение площадей обрабатываемых земель, восстанавливались старые и строились новые ирригационные системы, в частности в Панджабе, Синде и некоторых районах Западной и Центральной Индии, ставших хлопкопроизводящей базой страны.

В ходе проведения земельного кадастра в 1860–1880-е годы были окончательно юридически оформлены землевладельческие права различных категорий землевладельцев заминдарского типа. Проводя эту третью со времени установления колониального владычества аграрную реформу, англичане учитывали также интересы верхней прослойки сельской общины. Поэтому в ряде районов, ко-

торые не были вовлечены в восстание, бывшие *заминдары* и *джагирдары* либо были лишены землевладельческих прав, либо превращались в пенсионеров казны.

В районах *заминдари* в 60–80-е годы были введены законы об аренде, формально ограничивавшие величину ренты, уплачивавшейся верхней, привилегированной прослойкой арендаторов. Арендное законодательство, принятое под напором крестьян-*райятов*, в то же время консервировало феодальные земельные отношения на стадии, предшествовавшей их полному разложению.

Повышавшиеся с середины 60-х годов налоги заставляли индийского крестьянина выносить на рынок значительную часть продукции своего хозяйства. Сами же налоговые поступления составляли основной источник доходов колониального государства, увеличившихся в 1859–1890 гг. с 361 млн. до 851 млн. рупий. За счет этих средств содержался огромный бюрократический аппарат и велись колониальные войны вне пределов Индии: в 1865 г. была совершена агрессия против Бутана; в 1878–1881 гг. шла вторая англо-афганская война; в 1885–1886 гг. была аннексирована Верхняя Бирма.

Ускорившееся вовлечение индийского рынка в систему мирохозяйственных связей стимулировало развитие в стране товарно-денежных отношений, что, в свою очередь, вело к дальнейшему внедрению в сельскохозяйственное и ремесленное производство торгового и ростовщического капитала. Представители торгово-ростовщических каст, еще в феодальной Индии монополизировавших торговые и кредитные операции (*банья*, *марвари*), а также бомбейской общины парсов в новых условиях образовали нижние и средние звенья индийской товаропроводящей системы: от крупного английского или индийского оптовика, ведущего экспортно-импортные операции, до потребителя и товаропроизводителя — индийского крестьянина и ремесленника. Накопление денежного капитала индийскими торговцами и ростовщиками имело два важных социально-экономических последствия: внедрение торгово-ростовщических каст в землевладение, с одной стороны, и образование предпосылок для формирования национального промышленного производства — с другой.

Покупка земли в условиях неразвитого капиталистического предпринимательства в стране представляла наиболее выгодную форму вложения денежных накоплений. С 1840-х годов до начала XX в. включительно происходил процесс концентрации земли в руках представителей торгово-ростовщических каст. Так, доля «неземледельцев» в землевладении в Северо-Западных провинциях в 1840–1870-е годы увеличилась с 10 до 27%, а в Пенджабе в 60–70-е годы к ним перешло 45% всей проданной земли. Особенно интенсивно процесс перехода крестьянской земли в руки торгово-ростовщического капитала шел в Махараштре (Бомбейское президентство). Крестьяне, лишавшиеся своих владельческих прав, продолжали обрабатывать свои участки на условиях кабальной аренды. Во многих районах *райятвари*, а также в Пенджабе арендаторы-издольщики, не имевшие прав защищенной аренды, составляли половину и более сельскохозяйственного населения.

Начиная со второй половины XIX в. наряду с покупкой земли всё возрастающая доля денежных накоплений ростовщиков и торговой компрадорской буржуазии стала вкладываться в создание мануфактурных и фабричных промышленных предприятий. За счет разорявшихся крестьян и ремесленников, мигриро-

вавших в города, стал формироваться рынок рабочей силы. В этот период на базе фабричной пряжи началось возрождение — в рамках мануфактурного производства — ручного ткачества. В кустарной промышленности, по переписи 1891 г., было занято (с членами семей) 45 млн. человек.

В 1854 г. задымили трубы первой хлопчатобумажной фабрики, принадлежавшей индийцам, в Бомбее, а в 1860 г. — первой английской джутовой фабрики в Калькутте. В следующем году вступила в строй принадлежавшая индийцам хлопчатобумажная фабрика в Ахмадабаде. Создание фабрично-заводских предприятий, использовавших английское промышленное оборудование, знаменовало начало нового этапа в колониальной эксплуатации Индии, когда наряду с сохранением прежних форм всевозраставшее значение приобретал вывоз капитала из метрополии. Главными объектами английских инвестиций стали строительство железных дорог и оросительных систем, плантационное хозяйство, банковское дело и оптовая торговля, а затем промышленные предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, угольные копи, небольшие литейные и металлообрабатывающие предприятия, обслуживавшие железные дороги. Английские предприниматели стали строить и текстильные фабрики. Английский капитал уступал первенство индийским предпринимателям в хлопчатобумажной промышленности, но прочно доминировал в производстве джутовых изделий. Цитаделями английского предпринимательства в Индии к началу XX в. стали Калькутта, Мадрас, Канпур (Северо-Западные провинции), а индийского — Бомбей и Ахмадабад, историческая столица Гуджарата.

К концу XIX в. в крупнокапиталистическом предпринимательстве $\frac{2}{3}$ всего акционерного капитала принадлежало англичанам и только $\frac{1}{3}$ — индийцам. Начавшийся в Индии в середине XIX в. промышленный переворот шел несколько иными, по сравнению с Европой, путями: ручное промышленное производство (ремесло, домашняя промышленность, мануфактура) было вытеснено фабрикой лишь частично и длительное время сохраняло свое значение, охватывая всё большую массу занятых.

Национальное капиталистическое предпринимательство развивалось в условиях зависимости от буржуазии метрополии, сбывавшей в Индию промышленное оборудование и предоставлявшей услуги инженерно-технического персонала по монополюно высоким ценам. Свои потери индийские предприниматели компенсировали за счет сверхэксплуатации рабочих. Английские монополии через свои представительства в Индии — управляющие агентства — держали под контролем основную массу как индийского, так и английского капитала, действовавшего в стране.

Английская буржуазия, используя колониальный аппарат управления, ставила своих индийских конкурентов в неравноправное положение, вводя акцизы на индийские ткани и отменяя или вводя пониженные пошлины на ткани, импортируемые в Индию. Неэквивалентный обмен в торговых отношениях Индии с Англией привел к вывозу из страны огромного количества материальных ценностей, оплаченных ниже их стоимости. Жестокая налоговая и торгово-ростовщическая эксплуатация крестьянства вызывала массовые голодовки в неурожайные годы. Если в 1825–1850 гг. голод дважды поражал страну и унес 0,4 млн. человеческих жизней, то в 1850–1875 гг. — шесть раз (5 млн.), в 1875–1900 гг. — 18 раз

(26 млн.). В конце XIX — начале XX в. в стране разразились страшные эпидемии чумы и холеры.

Формирование новых классов — буржуазии, пролетариата, городской и сельской мелкой буржуазии, городских средних слоев — в условиях продолжения и даже интенсификации колониальной эксплуатации обусловило обострение противоречий между индийским обществом и колониализмом, что, в свою очередь, предопределило появление новых форм и методов освободительной борьбы.

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Во второй половине XIX в. продолжались крестьянские выступления, но, в отличие от предшествовавшего периода, в них наметились черты социально-классовой направленности — против феодальной и ростовщической эксплуатации.

Первым крупным выступлением этого рода было так называемое Восстание индиги в Бенгалии (1859–1862). Крестьяне, выращивавшие индигоносный кустарник по системе контрактации, поднялись против английских предпринимателей, закабаливших *райятов* и превративших их фактически в полукрепостных. Крестьянское движение проходило в форме отказа выращивать кустарник и выплачивать контракторам прежние долги. Попытки подавить движение силой окончились неудачей, и в результате работы специальной правительственной комиссии система принудительной контрактации была отменена. Во время этого движения были созданы зачатки крестьянской организации.

Более значительную роль союзы крестьян (*бидрохи*) сыграли во время следующего крупного выступления бенгальских крестьян в 1872–1873 гг. в округах Пабна и Богра, направленного против помещиков-*заминдаров*. Крестьяне громили их усадьбы, уничтожали арендные договоры и долговые расписки. Результатом этих выступлений было издание в Бенгалии нового закона об аренде, несколько расширившего категорию привилегированных арендаторов, уплачивавших ренту по фиксированным ставкам.

Крупнейшее выступление крестьян-*райятов* против ростовщиков, захвативших земли в районах *райявари*, произошло в 1873–1875 гг. в Махараштре, где действовали вооруженные крестьянские отряды под водительством «друга должников» Кенгли. Движение было подавлено в 1876 г. после захвата властями вожака повстанцев. Однако уже в 1879 г. администрация Бомбейского президентства издала первый специальный закон, регулировавший деятельность ростовщического капитала в деревне.

В 1878–1879 гг. в Бомбейской провинции снова начались вооруженные выступления крестьян, главным образом из племени рамуси, которые находились в долговой зависимости у ростовщиков и крупных землевладельцев.

В 1876–1878 гг. эта часть Индии была охвачена страшным голодом. Однако колониальная администрация повысила ставки налога на соль и ввела в 1878 г. патентный сбор с предпринимателей и торговцев, что усилило антианглийские настроения среди широких слоев населения. Во многих местах происходили ми-

тинги и демонстрации протеста, достигшие своей кульминации в выступлениях торговцев и ремесленников в городах Бомбей и Сурат в 1878 г.

Особое место в народном антианглийском движении этого времени занимает героическое выступление под руководством Васудева Бальванта Пхадке (1845–1883), выходца из обедневшей брахманской семьи. В 1879 г. он развернул в Махараштре широкую антианглийскую агитацию, особенно в среде маратхских городских средних слоев, и, установив связи с крестьянским вожаком Хари Наяком, создал отряд, нападавший на местных феодалов и ростовщиков.

Пхадке распространил прокламацию, в которой требовал от властей снижения налогов, организации общественных работ для помощи бедноте, понижения окладов колониальным чиновникам. Он считал, что действия его отряда послужат сигналом к восстанию в Махараштре. Выступление было подавлено, а сам Пхадке приговорен к пожизненной каторге.

Одновременно с выступлением Пхадке крупное крестьянское восстание вспыхнуло в Мадраасском президентстве в местности Рампа на р. Годавари. Выступления крестьян-горцев, которые возглавили старосты деревень и землевладельцы, были вызваны повышением налогов, сбор которых был отдан администрации откупщику. В 1879–1880 гг. действия отрядов повстанцев охватили территорию с населением более двух миллионов человек, которая практически вышла из-под контроля колониальной администрации. Из районов восстания изгонялись колониальные чиновники, полицейские, откупщики налогов и ростовщики. Англичанам удалось подавить движение в значительной степени благодаря несогласованности в действиях отдельных отрядов повстанцев и прямому предательству некоторых их вождей. После того как осенью 1879 — зимой 1880 г. были убиты наиболее выдающиеся руководители восставших Амал Редди и Дхараконд Чендрия, а в джунглях трагически погиб сподвижник последнего, Тамман Дхора, в июле 1880 г. восстание прекратилось.

В последней трети XIX — начале XX в. происходили спорадические выступления племен и малых народностей в горно-лесистых районах Гуджарата, Центральной Индии и Ориссы. Это было связано с процессом закабаления и экспроприации их земель феодальными помещиками и ростовщиками, представителями соседних, более развитых народностей. Продолжалось сопротивление английскому колониальному режиму на северо-востоке страны (в основном племена нага) и в особенности в пограничной с Афганистаном полосе пуштунских племен, которых англичанам так и не удалось окончательно замирить. Борьба пуштунов усилилась после 1843 г., когда было достигнуто соглашение между английскими колониальными властями и афганским эмиром Абдурахманом по пограничным вопросам. В результате разграничения по «линии Дюранда» значительная часть пуштунов-афганцев оказалась в сфере английского влияния. Попытки англичан построить на территории племен форты и взимать с них налоги натолкнулись на вооруженное сопротивление горцев. Наиболее крупные восстания происходили в 1894, 1895 и 1897 гг. Военно-политический контроль англичан на северо-западе и на северо-востоке страны к началу XX в. оставался непрочным.

Народный протест выражался также в форме религиозно-сектантских движений. В 60-е годы продолжалась активность ваххабитов в Бихаре и в некоторых

других местностях Северной Индии. В 1872 г. произошло впоследствии жестоко подавленное англичанами вооруженное выступление сикхской секты намдхари в Пенджабе. Религиозную окраску имело и наиболее массовое антиколониальное и антифеодальное движение народности мунда (Бихар), проходившее под руководством Бирсы (1894–1895 и 1899–1901 гг.).

Отголосками первого, феодального этапа сопротивления колониализму были антианглийские выступления в княжествах Барода (1874), Колхатур (1880) и восстание в княжестве Манипур (1891).

Народные выступления в 1860-х — начале 1890-х годов носили локальный и, как правило, стихийный характер. Хотя они не представляли угрозы самому существованию колониального режима, однако держали его в постоянном напряжении. На этом фоне широкого народного недовольства начали действовать первые организации новых формировавшихся классов — пролетариата и буржуазии.

Первая забастовка рабочих-текстильщиков прошла в Нагпуре в 1877 г. До конца столетия в различных промышленных центрах страны происходили кратковременные забастовки промышленных рабочих, транспортников и работников коммунальных служб. В период с 1882 по 1890 г. только в Бомбейской и Мадраской провинциях произошло 25 стачек. Эти первые забастовки начинались стихийно и проходили под лозунгами улучшения условий найма.

Наиболее активными были рабочие-текстильщики Бомбея. Там в 1884 г. служащим Н.М.Локханде была создана первая организация рабочих-текстильщиков. В том же году состоялся первый общегородской митинг рабочих, а в 1889 г. — второй. Локханде издавал на языке маратхи газету «Динабанду» («Друг бедных»).

Развитие капитализма в Индии, складывание новых классов, усиление их противостояния колониальному режиму привели к возникновению организованного национального движения. Народные антиколониальные выступления оказали свое воздействие на процесс политического формирования индийской буржуазии. В XIX в. развитие национализма в Индии прошло два этапа. В 1860–1870-е годы в отдельных провинциях страны, прежде всего в Бенгалии и Бомбейском президентстве, возникли буржуазно-национальные организации. Дальнейшее развитие национального движения привело к его объединению в середине 80-х годов во всеиндийском масштабе.

Еще в начале 50-х годов в Бомбее была создана Бомбейская ассоциация, а в Калькутте — Ассоциация Британской Индии, представлявшие интересы индийских купцов, индийских чиновников, зарождавшейся интеллигенции. В Ассоциации Британской Индии решающее влияние имели образованные бенгальские помещики-заминдары.

Экономическая программа этих организаций включала требования снижения налогообложения и сокращения расходов колониальной администрации. Политическая программа содержала в основном требование расширить возможности получения европейского образования верхушкой индийского общества (для последующего занятия должностей в колониальном аппарате управления) и протесты против расовой дискриминации индийцев.

В обстановке не прекращавшихся в стране народных антиколониальных выступлений и развития у образованной части общества национального самосознания влияние этих общественных организаций стало быстро расти. Возникла объ-

ективная необходимость в создании новых, более массовых организаций индийских националистов.

В 1870 г. в Махараштре была организована «Пуна сарваджаник сабха» («Союз простых людей Пуны»), а в 1876 г. в Калькутте — Индийская ассоциация. Обе организации стали более активно защищать интересы индийского предпринимательства.

С самого начала как внутри новых организаций, так и всего национального движения не было единства. На протяжении всей его истории развивались два основных направления — либеральное и радикальное.

Либералы, лидерами которых в Бенгалии был Сурендранатх Банерджи (1848–1925), а в Бомбее — Дадабхай Наороджи (1825–1917) и Мадхав Говинд Ранаве (1852–1904), выступали за проведение протекционистской политики в отношении индийской промышленности, снижение налогообложения, уменьшение колониальной дани. Их политическая программа сводилась к расширению представительства верхушки индийского общества в совещательных органах при вице-короле и губернаторах провинций — Законодательных советах, созданных в 1861 г. Петиции, обращенные к английскому парламенту и колониальным властям, посылка делегаций в Англию, заявления в печати, принятие резолюций на собраниях национальных организаций — вот те формы протеста, которыми ограничивалось либеральное, умеренное крыло национального движения. Либералы отрицательно относились к народным выступлениям и стояли на позициях сохранения в стране колониального режима.

Более радикальные лидеры, представлявшие низшие прослойки торговой буржуазии, владельцев мелких промышленных заведений, малоимущую часть интеллигенции, разорившихся мелких помещиков и верхушку крестьян-*райятов*, поддерживали требования либералов, но шли значительно дальше. Так, во время «восстания индиго» писатель-демократ Динабандху Митра написал пьесу «Нил дарпан» («Зерцало индиго»), в которой разоблачалась система принудительной контрактации и которая имела большой резонанс в бенгальском обществе. А в 1873 г., во время восстания в Пабне была опубликована пьеса Мир Машраф Хуссейна «Заминдар дарпан» («Зерцало *заминдара*»), в которой описывался помещичий произвол, царивший в заминдарских имениях. Представления этой пьесы в деревнях с участием крестьян оказывали революционизирующее воздействие на бенгальских *райятов*. Сочувственно относясь к народным выступлениям, националисты-демократы направили основные усилия на пропаганду идей патриотизма, воспитание у индийской молодежи духа борьбы с колониальным режимом, подготовку ее к будущей активной борьбе за освобождение Индии от колониальной зависимости. Демократы поэтому особое значение придавали прессе. В Бенгалии братья Гхош, Харишчандра Мукерджи, крупнейший бенгальский писатель того времени Бонкимчондро Чоттопадхьяя пропагандировали идеи левого крыла национального движения в издававшихся ими журналах и газетах. С 1870-х годов не только в крупных провинциальных центрах, но и во многих других городах стали выходить периодические издания на местных языках, в основном демократической направленности. Извлечения из этой периодики стали в 80–90-е годы печататься в переводе на английский язык в сборниках «Войс оф Индия» («Голос Индии»), что способствовало обмену информацией между

националистами, принадлежавшими к различным индийским народностям. Слабостью радикалов было отсутствие собственных организаций. Они действовали в рамках национальных организаций, в которых доминировали либералы.

Постепенно признанным лидером радикального направления в общественно-политической жизни страны стал маратхский общественный деятель Бал Гангадхар Тилак (1856–1920). Национальные традиции, восходившие в Махараштре к эпохе борьбы с Моголами и создания маратхской государственности во главе с Шиваджи, пронизывали всю политическую агитацию Тилака. В 1880 г. в Пуне была открыта «новая английская школа», в которой маратхская молодежь воспитывалась в националистическом духе. С 1881 г. Тилак стал издавать газеты «Кесари» («Лев») на маратхском и «Махратта» на английском языках. В статьях, публиковавшихся в этих газетах, Тилак и его сторонники выступали наиболее последовательными защитниками интересов индийского национального предпринимательства, призывая к бойкоту английских товаров. Сочувственно относясь к народным выступлениям против колониального режима, Тилак тем не менее не считал вооруженную борьбу приемлемым методом национально-освободительного движения. В то время он видел свою главную задачу в подготовке «масс народа» (т.е. широких мелкобуржуазных слоев) к будущей борьбе за независимость.

В отличие от Бенгалии и Махараштры, в остальных районах Индии в 70–90-е годы национальное движение еще не достигло подобного уровня развития.

На антиколониальные выступления администрация ответила репрессиями. В 1878 г. вице-король Литтон (1870–1880) издал закон, по которому индийцам запрещалось иметь (даже для защиты от хищников) огнестрельное оружие. В том же году был принят закон о печати, вводивший предварительную цензуру всех изданий на индийских языках и носивший репрессивный характер. Однако репрессии не дали ожидаемого результата.

Пришедшие в 1880 г. к власти в Англии либералы стали проводить политику, направленную на расширение социальной опоры колониального режима в Индии, до этого времени ограничивавшейся феодальным классом — князьями и *заминдарами*.

Новый вице-король Рипон (1880–1884) отменил драконовский закон о печати. С 1882 г. большинство членов муниципалитетов в крупных городах стало избираться верхушкой имущих классов. Идя на некоторые уступки индийским либералам, Рипон поддержал законопроект (билль) судьи К.П.Ильберта, по которому устранялась расовая дискриминация индийцев в судах. Этот билль вызвал протест консервативного общественного мнения. В конце концов он был принят, но с поправками: англичанин, которого судил судья-индиец, мог требовать суда присяжных.

Непрекращавшиеся народные выступления против колониальной власти и активизация националистов заставили англичан продолжить политику привлечения на свою сторону либерального крыла национального движения. Поэтому колониальная администрация поддержала планы создания общенациональной политической организации во главе с либералами.

В 1883–1884 гг. были предприняты попытки объединить провинциальные организации в общендийском масштабе, увенчавшиеся созданием в 1885 г. Ин-

дийского национального конгресса. В этом же году в Бомбее прошел его первый съезд. Новая организация была создана при благосклонном отношении властей, стремившихся поставить ее деятельность под свой контроль. По поручению вице-короля Дафферина (1884–1888) крупный чиновник колониальной администрации в отставке А.О.Юм (1829–1912) стал генеральным секретарем Конгресса.

Национальный конгресс, в котором доминировали либералы, выражал в первую очередь интересы верхних слоев индийского предпринимательства, националистически настроенных помещиков и лиц свободных профессий. 50% делегатов первых шести сессий Конгресса принадлежали к интеллигенции; 25% составляли выходцы из предпринимательских кругов; 25% — помещики.

Основными пунктами экономической программы Конгресса являлись требования защиты и развития национальной промышленности, снижения налогов, создания в стране системы организованного капиталистического кредита. Конгресс протестовал против дискриминационной по отношению к индийской промышленности тарифной политики колонизаторов. Под эгидой Конгресса стали проводиться промышленные конференции и устраиваться промышленные выставки. Программа по аграрному вопросу ограничивалась требованием повсеместного введения постоянного земельного налогообложения.

В политической области индийские либеральные националисты требовали расширения индийских советов и создания в них выборного большинства. В 1892 г. представительство верхних имущих слоев индийского общества в советах было несколько увеличено.

Хотя первоначально идея создания общеиндийской политической организации националистов была поддержана колониальными властями, последовавшая за созданием общеиндийского центра значительная активизация национального движения и известная радикализация официальной программы Конгресса повлияли на отношение к нему колониальных властей, которое становилось все более враждебным. Этому объективно содействовало быстрое возрастание в нем, особенно в Бомбейской провинции, влияния радикалов. Тилак, призвавший к бойкоту иностранных товаров, стал с 1895 г. проводить массовые патриотические празднества в честь национального героя маратхов Шиваджи и популярного индуистского божества Ганеши, превращавшиеся в грандиозные политические форумы, на которых тилакисты вели широкую политическую агитацию. Эти празднества стали устраиваться и в Бенгалии. К середине 90-х годов Тилаку удалось оттеснить либералов от руководства провинциальной организацией Конгресса в Махараштре. Издаваемая им газета «Махратта» оказывала влияние на формирование радикального национализма и в других провинциях Индии. В 1897 г., после убийства братьями-маратхами Чапекар английского чиновника Тилак был обвинен в подстрекательстве к убийству, арестован и приговорен к 18 месяцам каторжных работ. Однако репрессии не остановили процесса дальнейшей радикализации освободительного движения. На рубеже веков как в Махараштре, так и в Бенгалии стали создаваться полуподпольные военно-спортивные молодежные клубы, в которых велась антианглийская агитация.

Начавшееся во второй половине XIX в. организованное национальное движение и появление зачатков представительных институтов, знаменовавшие начало

становления гражданского общества, оказали свое воздействие на основную сферу духовной жизни индийцев — религию.

В Индии второй половины XIX в., когда сознание индийцев было пронизано религиозными представлениями и в быту господствовали кастовые обычаи, новые общественно-политические идеи зачастую облекались в форму реформаторских или сектантских учений. В одних учениях проявлялось стремление приспособить индуизм к объективным условиям буржуазного развития общества, в других — ратовать за «возрождение индуизма», объявляя его олицетворением национальной культуры, антитезой христианству, ассоциировавшемуся с иностранным владычеством.

Влиятельным религиозно-реформаторским движением в индусской религиозной общине второй половины XIX в. продолжало оставаться «Брахмо самадж» («Общество Брахмы»), основанное еще Рам Мохан Раем. Брахмоисты, проповедовавшие монотеизм и отрицавшие идолопоклонство, выступали против полигамии и запрета вторичного замужества вдов. С начала 40-х годов во главе общества стоял Дебендранатх Тагор (1817–1905), видный индийский просветитель.

В 1866 г. Общество раскололось в результате борьбы между сторонниками Д.Татора и более радикально настроенными брахмоистами, группировавшимися вокруг энергичного проповедника Кешоб Чондро Сена (1838–1884). В отличие от брахмоистов старой школы, К.Ч.Сен выступил против межкастовых брачных ограничений, за запрещение детских браков. В результате активной агитации сторонников Сена, объединившихся в новом Обществе Брахмы Индии, колониальная администрация в 1872 г. издала закон о гражданском браке, установивший минимальный брачный возраст: 14 лет для женщин и 18 — для мужчин. Однако влияние этого законодательного акта на семейно-брачные отношения в Индии было ничтожным.

Состав нового Общества Брахмы был более демократичным, однако и в нем наметились два течения, ориентировавшиеся соответственно на либеральное и радикальное направления в национальном движении. Новый раскол в движении брахмоистов, происшедший в 1878 г., был ускорен отступничеством К.Ч.Сена от некоторых важных принципов брахмоизма. Члены возникшего «Садхаран Брахмо самадж» («Всеобщего общества Брахмы») наиболее последовательно из всех брахмоистов выступали против деления общества на касты, детских браков, затворничества женщин. Их влияние было заметным в основном среди низших прослоек городских средних слоев Бенгалии.

Вслед за Бенгалией брахмоистское движение распространилось среди европейски образованной части общества в Мадрасском и Бомбейском президентствах. В 1864 г. в Мадрасе возникло «Веда самадж» («Ведическое общество»), а в 1867 г. в Бомбее — «Партхана самадж» («Молитвенное общество»). Программа и практическая деятельность членов этих обществ шли в русле бенгальского брахмоизма.

Религиозно-реформаторские организации в Мадрасе и Бомбее составили основу возникшего в 80-х годах общеиндийского движения, представленного проходившими с 1877 г. национальными социальными конференциями и издававшимся с 1895 г. журналом «Индиэн социал риформер» («Индийский социальный реформатор»).

Значительную роль в движении за социально-бытовые реформы среди индусов играл в 80–90-х годах Бехрамджи Малабари.

С развитием буржуазной общественной мысли и активизацией деятельности общественно-политических организаций индийских националистов самостоятельная роль религиозно-реформаторских обществ постепенно снижалась, уменьшалось их влияние в среде буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции. В Северной Индии, которая отставала по уровню развития национального движения, религиозное реформаторство и просветительство играли более значительную и длительную роль в пробуждении национального самосознания.

В этой части Индии наибольшего влияния достигло «Арья самадж» («Общество ариев»), основанное в 1875 г. Даянандой Сарасвати (1824–1883). Арьясамаджисты, подобно брахмоистам, отрицали идолопоклонство, строгость кастовых ограничений и вели борьбу за социально-бытовые реформы в области семейно-брачных отношений. Вместе с тем они проповедовали возвращение к религии древних ариев, отраженной в священных книгах индуизма — ведах.

Общество ариев большое внимание уделяло благотворительной и просветительской деятельности.

В идеологии арьясамаджистов, в отличие от идеологии брахмоистов, содержались явные антиколониальные, освободительные, но вместе с тем и антимусульманские устремления.

Одновременно с деятельностью арьясамаджистов, центр которых находился в Лахоре, в Панджабе внутри сикхской общины возникли просветительские группы, объединившиеся в 1880 г. в единую организацию, просуществовавшую до ее раскола в 1886 г.

Пропаганда образования на языке панджаби, издательская и филантропическая деятельность составляли основное содержание работы этих обществ, носивших и после раскола в 80–90-х годах одинаковое название — «Сингх сабха» («Общество львов»). Деятельность этих обществ составила как бы предысторию национального движения среди сикхов Панджаба: на ее основе в 90-х годах возникли первые политические организации либерального крыла националистов-сикхов.

Развитие буржуазных отношений в Индии вызвало появление просветительства и среди индийских мусульман. Оно развивалось главным образом в Панджабе, Северо-Западных провинциях и Бенгалии, где проживало большинство индийских мусульман и где они составляли влиятельную прослойку среди торговцев и крупных землевладельцев.

Первой мусульманской просветительской организацией было Мусульманское литературное общество, основанное в 1863 г. в Калькутте Абдулом Латифом. В 1877 г. там же Абдулом Латифом и Амиром Али была создана Национальная мусульманская ассоциация. В начале 80-х годов ассоциация уже имела свыше тридцати отделений в Бенгалии и Северной Индии.

Члены этих организаций выступали против косности *мулл* и *улемов*, призывали своих единоверцев приобщиться к плодам европейской цивилизации. Еще более активную позицию в отношении распространения среди мусульман светского образования занял крупнейший деятель мусульманского просветительства Сайид Ахмад-хан (1817–1898). Основанные им в 1864 г. Переводческое общество и в 1886 г. Мусульманская конфедерация по просвещению активно содействовали распространению среди мусульман европейской культуры и расширению применения языка урду.

Конфессиональный характер деятельности религиозных реформаторов и просветителей отрицательно сказывался на развитии национально-освободительного движения в Индии.

Иные результаты имела общественная и религиозно-реформаторская деятельность Свами Вивекананды (1862–1902) — ученика и последователя основателя одной из реформаторских сект в индуизме Рамакришны Парамахамсы (1836–1886). Вивекананда, обращаясь к демократическим слоям индийского общества, проповедовал необходимость активной борьбы за изменение существовавшего порядка вещей. Его учение идеологически подготавливало почву для выступления радикальных национальных организаций начала XX в. Такой же смысл имели и религиозно-философские работы Тилака.

Развитие религиозного реформаторства и просветительства в рамках основных конфессий — индуизма и ислама — было использовано колониальными властями в борьбе против национально-освободительного движения. Вслед за выходом в 1872 г. книги крупного английского чиновника, географа и историка Индии У.В.Хантера «Наши индийские мусульмане» произошел радикальный поворот в отношении англичан к феодальной верхушке мусульманской общины Индии. Если ранее она рассматривалась колониальными властями как сила, враждебная английским интересам, то в последней трети XIX в. стала проводиться политика опоры на эти слои индийского общества с целью противопоставления мусульман индусам. Англичане оказали действенную поддержку деятельности просветителей-мусульман. В основанном Сайид Ахмад-ханом, выступавшим ревностным защитником колониального режима и противником Индийского национального конгресса, Алигархском колледже начали готовить из мусульманской молодежи людей, способных стать чиновниками колониального аппарата.

Среди мусульман Северной Индии действовала также организация мелкобуржуазных фундаменталистов с центром в Деобанде (около Дели). Ее деятельность способствовала взаимной изоляции мусульманских и индусских антиколониальных сил. В последней трети XIX в. игра на социально-культурных различиях индусов и мусульман и противопоставление этих двух основных религиозных общин Индии постепенно становятся новыми важнейшими направлениями в колониальной политике «разделяй и властвуй». В 90-е годы англичанам удалось спровоцировать в Бомбее крупные индусско-мусульманские погромы.

К концу XIX в. обстановка в стране осложнилась. Начинался новый этап национально-освободительного движения.

КУЛЬТУРА ИНДИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

На фоне продолжавшегося упадка феодальной культуры Индии в середине — второй половине XIX в. шло становление новой индийской культуры. Этот процесс был непосредственно связан с глубокими качественными сдвигами в индийском обществе, пробуждением национального самосознания, возникновением и развитием национального движения. В формировании новых явлений культуры, прежде всего в области художественных форм и изобразительно-стилистических

методов, определенную роль сыграло европейское, преимущественно английское, влияние. Вместо с тем новое искусство и новая литература не были простым подражанием европейским образцам: в возникавшей новой художественной культуре наблюдалась тенденция к глубокой самобытности, опиравшаяся на классическое культурное наследие Индии. Она с самого начала заявила о своем национальном своеобразии как средствами художественной выразительности, так и тематикой, и идейным содержанием произведений литературы и искусства.

Представители новой культуры, начиная с Рам Мохан Рая и его последователей, выступали как просветители. В системе их мировоззрения важнейшее место занимала безграничная вера в силу разума как основного двигателя общественного прогресса. Их внимание было обращено на человеческую личность, способность ее нравственного совершенствования. Внесение в религиозные представления индуизма элементов рационализма и единобожия сочеталось у индийских просветителей с активной борьбой против таких институтов традиционного индийского общества, как детские браки, запрет вторичного замужества вдов, полигамия. По-новому трактуя извечную тему любви, они утверждали право женщины на более высокое положение в индийском обществе, на нарушение ограниченный межкастовых браков.

Культура индийского Просвещения обладала ярко выраженной антифеодальной направленностью. Однако индийские просветители, в отличие от своих европейских предшественников, не выступали ни против религии, ни против жреческих корпораций и каст. Вступив на путь религиозного реформаторства — «очищения» религии и ее возвращения к «истокам», — индийские просветители (индуисты и мусульмане) пытались приспособить индийские религиозные системы к новым потребностям общественного развития. Более того, многие из индийских просветителей, в особенности занимавшие наиболее радикальные позиции по отношению к колониальному режиму, рассматривали религию и освященные ею социально-культурные институты как оплот сохранения национальной самобытности и идейно-нравственной независимости.

Просветители ратовали за широкое приобщение индийцев к ценностям европейской науки и культуры. У многих деятелей индийского Просвещения этот призыв сочетался с апологетикой английского «культуртрегерства» в Индии. Однако развитие национально-освободительного движения в стране, появление в нем радикального крыла оказали решающее воздействие на идейную эволюцию просветителей. В культуре индийского Просвещения с нарастающей силой стала звучать тема оппозиции колониальному режиму и национального возрождения. В явлениях культурной жизни все четче просматривались идейные связи с двумя основными направлениями национального движения — либеральным и радикальным.

С наибольшей полнотой сложность и противоречивость индийского Просвещения проявились в области литературы.

В период индийского Просвещения произошло становление индийской прозы в ее основных жанрах — исторического и социально-бытового романа, повести и новеллы, — возникли новая драматургия, журналистика и публицистика. Развитие прессы на индийских языках, ставшей важнейшим рупором национального движения, способствовало созданию общедоступного литературного языка, а

также определенной демократизации стиля поэзии, ориентированной на более широкие читательские слои. Традиционная для литератур классической Индии религиозно-мифологическая тематика в период Просвещения все более уступала место тематике светской. Тема современной жизни все настойчивее вторгалась в творчество писателей-просветителей. Новые темы, новые идеи потребовали применения и новых художественных методов. Просветительский реализм, классицизм, сентиментализм и романтизм последовательно сменяли друг друга, а также соседствовали как в отдельных национальных литературах, так и в индивидуальном творчестве писателей.

В развитии и смене различных художественных методов просветительской литературы особое место занимал романтизм, не исчерпавший себя и в период утверждения в индийских литературах метода реализма. Это во многом объясняется тем, что в романтическом идеале нашли свое адекватное выражение освободительные, антиколониальные устремления литературы Просвещения.

Ведущее место в развитии многоязычной просветительской литературы Индии заняла бенгальская литература, что объяснялось ролью Бенгалии, прежде всего Калькутты, как средоточия передовых тенденций в общественной жизни Индии.

Перичанд Миттро (1814–1883) опубликовал в середине 50-х годов XIX в. первый индийский социально-бытовой роман «Баловень богатого дома», в котором главным положительным героем являлся «индийский разночинец» — школьный учитель. Уже в этом романе, одном из первых крупных явлений индийской просветительской прозы, проявилась демократическая тенденция новой индийской литературы, сделавшей своими героями наряду с выходцами из верхов индийского общества представителей городских средних классов.

Утверждение романа в качестве ведущего жанра литературы индийского Просвещения связано с творчеством крупнейшего представителя романтизма в бенгальской литературе Бонкимчондро Чоттопадхайи (1838–1894). Главное место в литературном наследии Чоттопадхайи занимают исторические романы, наиболее значительные из которых («Чондрешекхор», «Деби Чоудхурани», «Обитель радости») посвящены сопротивлению бенгальцев английской экспансии во второй половине XVIII в. Общественно-политические позиции автора — одного из виднейших лидеров национального движения в Бенгалии в 60–80-х годах — проявились в трактовке событий истории своей родины. Социальные мотивы звучат и в бытовых романах Чоттопадхайи, в частности в «Ядовитом дереве», а также в знаменитой повести «Комолоканто», где герой, по имени которого названо это произведение, рассказывает о трагическом положении своих соотечественников в колониальной Бенгалии.

Бонкимчондро Чоттопадхайя вошел в историю бенгальской литературы и как выдающийся публицист. Его журнал «Бонгдоршон» («Зерцало Бенгалии»), издававшийся в 70–80-х годах, объединил вокруг себя лучшие литературные силы, носителей передовой общественной мысли Бенгалии.

Органы периодической печати, такие, как издававшаяся братьями Гхош газета «Амрита Базар патрика» («Листок из Амрита Базар»), еженедельники «Шомпракаш» («Выходящий по понедельникам») и «Шодхарани» («Повседневное»), сыграли значительную роль как в консолидации левого крыла национального движения, так и в развитии бенгальской публицистики.

Новатором в поэзии и создателем бенгальской национальной драмы был выдающийся поэт и просветитель Модхушудон Дотто (1824–1873).

Новая драматургия появилась в рамках индийского Просвещения и в других национальных литературах. В героико-патриотических и сатирических пьесах крупнейшего просветителя, писавшего на хинди, Бхаратенду Харишчандры (1850–1885) звучали передовые для его времени идеи. Бхаратенду Харишчандра, утвердивший новую драматургию и поэзию в литературе хинди, был главной фигурой в кругах просветителей Бенареса и всей Северной Индии 70–80-х годов.

«Мусульманское просвещение» в литературе урду было представлено творчеством поэтов и прозаиков — последователей Сайида Ахмад-хана. Первым внес новые патриотические идеи в поэзию урду Мухаммад Хусейн Азад (1829–1910), придавший традиционным соревнованиям поэтов — *мушаира* — демократический характер. Эти соревнования он проводил в созданном им литературном обществе в Лахоре. В поэмах Алтафа Хусейна Хали (1837–1914) зазвучали и антианглийские обличительные мотивы.

Одновременно происходило и становление новой прозы урду. Появляются дидактические романы Назира Ахмада (1836–1912) и развлекательные — Ратанх Сарара (1846–1902). Последний вместе с Абдуллой Халимом Шараром (1860–1926) создал второй в Северной Индии (после Лахора) литературно-просветительский центр индийских мусульман — в Лакхнау. Он вошел в литературу урду как автор исторических романов, в которых с панисламистских позиций воспевал историю мусульман.

Сходные явления происходили и в других литературах Индии. В середине — второй половине XIX в. были разработаны и закреплены грамматические и литературные нормы современного маратхского языка. Среди маратхских филологов того времени выделялся Дадоба Пандуранг (1814–1882). Крупнейшим маратхским поэтом-просветителем был Кешавсут (1866–1905), выступивший против устаревших канонов поэтического творчества и создавший на маратхском языке интимную и пейзажную лирику.

Значительную роль в развитии маратхского языка и литературы в этот период сыграла политическая публицистика, представленная в первую очередь творчеством Бала Гангадхара Тилака и Вишнушастри Чиплункара (1850–1882).

Первым крупным писателем-просветителем на языке телугу был Кандукури Виресалингам (1848–1919), драматург и романист, литературный критик и журналист, остро высмеивавший в своих произведениях феодальные нравы и обычаи современной ему Андхры. Вторым крупнейшим просветителем в литературе телугу стал Гурузада Венкат Аппарао (1861–1915), драматург и поэт, в творчестве которого важнейшее место занимала проблема эмансипации женщины. В поэзии Аппарао впервые прозвучали на языке телугу темы гражданской лирики.

Основоположником новой тамильской литературы явился Рамалингам Сваминагаль (1823–1874). В его поэзии содержался страстный призыв к кастовому, религиозному и социальному равенству. Поэт вошел в историю тамильской литературы также как зачинатель новой прозы — автор исторической повести, статей, жизнеописаний.

Определенное место среди литератур Индии заняло творчество писателей-индийцев, писавших на английском языке. Наиболее выдающийся вклад в англо-

язычную литературу Индии внесли поэтессы Тору Датт (1856–1877) и Сароджини Найду (1879–1949), расцвет творчества последней приходится на начало XX в.

Большую роль в распространении идей Просвещения и становлении новой литературы сыграли многочисленные переводы как с европейских классических и современных языков, так и с языков Индии. Во второй половине XIX в. начался интенсивный процесс взаимообогащения индийских литератур.

Развитие драматургии в процессе становления индийских литератур Просвещения способствовало появлению в различных городах страны театров европейского типа. Наивысшего уровня театральное-драматическое искусство достигло в Бенгалии, где в 40–70-х годах XIX в. ставились пьесы бенгальских драматургов-просветителей. Бенгальские просветители радикального направления использовали театрализованные представления для критики колониальных порядков. Это вызвало ответную реакцию английской администрации. В 1876 г. был издан Закон о драматических представлениях, введивший жесткую цензуру. Постановка некоторых пьес была запрещена властями. Репрессии колониальных властей против бенгальского театра прекратились лишь к началу XX в., когда новую жизнь в него вдохнули музыкально-драматические постановки Рабиндраната Тагора.

Наряду с Бенгалией театр европейского типа получил распространение в Бомбее и городах Гуджарата, где действовали свыше двадцати театральные коммерческих компаний антрепренеров-парсов, первая из которых была создана в 1852 г. По сравнению с бенгальским гуджаратский театр был ориентирован на самого невзыскательного зрителя, и только некоторым из этих театральных коллективов удалось подняться выше уровня обычного балаганного представления.

Неразвитость профессионального театрального искусства в Индии в XIX в. объясняется тем, что драматургия в большей мере воспринималась образованной частью индийского общества через чтение, а не через сценическую постановку.

Наряду с профессиональным театром продолжал существовать народный театр, в котором пантомима, танец, музыка и пение органически синтезировались в едином театрализованном представлении. Эти театральные-драматические представления, своими истоками восходящие и к классическому театру древней Индии, и к религиозным мистериям, и к ритуальным танцам различных племенных групп, разыгрывались как странствующими труппами актеров, принадлежавшими к профессиональным кастам индийских лицедеев, так и деревенскими или городскими самостоятельными коллективами.

В Северной Индии наиболее популярными представлениями были осенняя *рамшила*, в которой показывались эпизоды из жизни популярнейшего народного героя Рамы, и весенняя *раслила* (или *кришнашила*) — театрализованный рассказ о деяниях бога Кришны, по традиции предстающего перед зрителем в образе пастушка, ведущего любовные игры с пастушками-*гопи*.

Музыкально-танцевальные драмы типа *лила* сохраняли популярность и в других этнических областях Индии. В Бенгалии и Ориссе — это *джатра*, в которых музыкальная часть обладала большей законченностью по сравнению с музыкальной частью североиндийской *лилы*.

В Раджпутане и Тамилнаде наиболее популярными были музыкально-танцевальные драмы — *гаури*, *терукуттуи* и др. В Керале им соответствовал театр *катхакали*, а в Карнатаке — театр *якшигана*.

Основу сюжетной канвы народных театрализованных музыкально-танцевальных представлений составлял индийский эпос — «Махабхарата» и «Рамаяна». В Махараштре в народном театре *тамаша*, построенном на тех же принципах синтеза искусств, что и народный театр остальных районов Индии, разыгрывались эпизоды, восходящие к истории военных походов маратхов в XVII–XVIII вв.

Наряду с народным театром, где использовались сюжеты религиозно-мифологического и исторического характера, особенно широкое распространение в XIX в. получил фарс — импровизированные представления, герои которых были взяты из повседневной жизни Индии того времени. Многие фарсы, разыгрывавшиеся, как правило, на деревенских площадях, базарах и ярмарках, высмеивали брахманов, купцов, а также английских колониальных чиновников. Фарсы стали в колониальной Индии важным средством выражения антифеодалного и антиколониального протеста городских и сельских низов, распространения в простом народе идей освободительной борьбы.

В середине — второй половине XIX в. в Индии не было создано выдающихся памятников храмовой или гражданской архитектуры в национальном стиле. Правда, в архитектурном декоре жилых домов богатых купцов и землевладельцев, возведенных в этот период в провинциальных городах, особенно в Западной и Центральной Индии, безвестные народные мастера-каменщики сохранили традиционные элементы убранства — причудливые киоски, крытые балконы со стрельчатыми резными окнами, ажурные балюстрады и т.д. Местные традиции сохранялись также в архитектуре культовых сооружений, в частности нескольких храмов в Бенаресе, Бриндабане и других местах массового паломничества, а также в Гуджарате. Своей монументальностью выделяются возведенные в 60-х годах XIX в. в Бенаресе дворцы Мунши-Гхат и Гхусла-Гхат.

В административных и крупных коммерческих центрах развернулось строительство, которое, как правило, велось дилетантами из колониального департамента общественных работ. Калькутта, Бомбей, Мадрас и другие крупные города Индии застраивались административными и жилыми зданиями, предназначенными для чинов колониальной гражданской и военной службы, в колониальном варианте «викторианского стиля», в котором ложный классицизм и ложная готика уродливо сочетались с отдельными элементами индийской архитектуры.

Европейское влияние ощущалось и в архитектуре жилых домов многих богатых индийцев Калькутты и других крупных городов страны. Правда, в планировке, широком использовании балконов-лоджий и устройстве внутренней вентиляции использовались местные традиции, учитывавшие особенности индийского климата.

Пренебрежение колонизаторов к великому культурному наследию страны отрицательно сказалось на развитии как национальной архитектуры и строительного искусства, так и живописи и скульптуры. Этому способствовала введенная англичанами в Индии система художественного образования. Питомцам правительственных школ внушалось преклонение перед второразрядными мастерами официального академического искусства викторианской Англии при полном забвении национальной художественной культуры. Появились художники-подражатели европейской живописи. Наиболее известным из них был правитель

княжества Траванкур Рави Варма (1848–1906). Однако и его мастерство было невысокого уровня, лишенным подлинной творческой индивидуальности.

Национальные живописные традиции получили развитие в искусстве мастеров бенгальского Возрождения, школы, возникшей в конце XIX в.

В противоречивых условиях колониальной действительности с конца XIX в. вслед за литературой началось формирование нового, прогрессивного искусства Индии, в котором творческие заимствования из зарубежных художественных школ органически сочетались с методом, унаследованным от искусства классической Индии.

Во второй половине XIX в. в Индии началось развитие науки европейского типа. После основания в 1857 г. трех университетов (Калькуттского, Бомбейского и Мадрасского) постепенно в стране создалась небольшая прослойка своей научной интеллигенции, работавшей главным образом в области гуманитарных наук. Крупнейшие представители отечественной исторической и экономической науки талантливо сочетали традиционную индийскую образованность (в особенности в области филологии) с европейской техникой научных исследований.

В этот период сложилась индийская школа экономической мысли, крупнейшими представителями которой были Дадабхай Наороджи, М.Г.Ранаде и Р.Ч.Датт (1848–1919), являвшиеся одновременно видными лидерами умеренного крыла национального движения. В своих работах, сохраняющих значительную ценность до настоящего времени, они нарисовали развернутую картину экономических последствий английского колониального управления, раскрыли механизм колониальной эксплуатации и наметили пути преодоления экономической и социальной отсталости Индии.

В Калькутте и Бомбее стали складываться свои исторические школы, наиболее крупным представителем которых был историк, маратх по национальности, Рамкришна Гопал Бхандаркар (1837–1925) — автор многочисленных работ по древней и средневековой истории Индии, археологии, эпиграфике и нумизматике, санскритской филологии. Бхандаркар внес неоценимый вклад в сохранение памятников индийской культуры и старины.

Наряду с учеными-гуманитариями появились и первые ученые-индийцы в сфере естественных наук: математик и географ Радханатх Шикдар, физиолог Джагадиш Чандра Бос, медик Махендралал Сиркар, химик Прафулла Чандра Рой и др.

Во второй половине XIX в. колониальной администрацией была проведена большая работа по географическому описанию Индии и составлению справочников по каждому из округов, на которые делились провинции Британской Индии. Эту работу долгое время возглавлял крупный английский историк и администратор У.В.Хантер. Одновременно под руководством английского археолога и искусствоведа А.Каннингхэма был проведен учет архитектурных и археологических памятников Индии. Было начато восстановление ряда архитектурных памятников древней и средневековой Индии. В ходе этих работ, охвативших обширные районы страны и растянувшихся на несколько десятилетий, были подготовлены кадры индийцев — работников археологической и географической служб Индии.

Важное значение для изучения истории Индии, прежде всего самими индийцами, имели предпринятые английскими, а также немецкими, российскими и

другими европейскими учеными публикации и переводы памятников древней и средневековой письменности.

Продолжение колониальной администрацией английской традиции публикации документов из государственных архивов сыграло свою роль в становлении в индийском обществе общественного самосознания и развитии национального движения.

Формирование прослойки научной интеллигенции Индии отражало общий процесс капиталистической трансформации и верхушечной модернизации в стране.

ЦЕЙЛОН
В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась бурным развитием плантационного производства, становившегося ведущим сектором цейлонской экономики. С введением в 70-е годы денежной формы земельного налога усилился процесс обезземеливания в цейлонской деревне. Он привел к подрыву традиционных социальных связей и системы ценностей в среде цейлонского крестьянства и заставил его искать иные возможности приложения своего труда. Плантационный же сектор, способный поглотить свободную рабочую силу, уже функционировал за счет привлечения сезонников-тамиллов. Содержание крестьянских участков становилось все более дорогостоящим, и многие крестьянские хозяйства стали переходить к частичному использованию своих земель под экспортные плантационные культуры, дававшие большую денежную выручку за единицы площади. Наряду с общим сокращением земель это вело к падению производства риса — основного продукта питания цейлонцев. После 1885 г. количество импортируемого риса превосходило местное производство.

Гибель кофейных плантаций в результате болезни кофейного листа в 70-е годы привела к обнищанию значительной части сельскохозяйственного населения, вынужденного закладывать или продавать свои земли, на которых они занимались выращиванием кофейного дерева. С конца 70-х — начала 80-х годов основной плантационной культурой на Цейлоне становится чайный куст. Последовательное расширение площадей под чайными плантациями способствовало быстрому увеличению производства готовой продукции и развитию промышленности по переработке чайного листа. Так, если в 80-х годах объем экспорта чая составлял по стоимости в среднем 9 млн. ф. в год, то в 90-е годы он возрос до 85 млн. ф. Переход к созданию акционерных компаний по производству чая повлек за собой создание новых организационных форм руководства — управляющих агентств, позволивших многим английским плантаторам вернуться на родину и превратиться в рантье, живущих на дивиденды с капитала, вложенного в чайные плантации. Часть акционерных компаний была создана на Цейлоне в период «кофейного бума», и вывоз капитала из метрополии в виде инвестиций имел место еще во второй четверти XIX в., однако общий объем его был незначителен. Начиная с 70–90-х годов XIX в. резко возросли капиталовложения не только в плантационное хозяйство и в отрасли, связанные с развитием инфраструктуры (портовое, железнодорожное, шоссеиное строительство, энергетика, ирригация), но и в обрабатывающую промышленность. В последней четверти XIX в. усилился приток на Цейлон английского банковского капитала, направлявшегося, как правило, в чайную промышленность, а также капитала в производительной форме (оборудование для предприятий по переработке чайного листа).

Складывание частнокапиталистического уклада, занимавшего ведущее место в производстве экспортной продукции, привело к существенным сдвигам в социальной структуре цейлонского общества. Традиционная верхушка, принадлежавшая к основной землевладельческой касте *гоигода*, постепенно преобразовывалась в европеизированную чиновно-бюрократическую, частично профессиональную прослойку, ставшую опорой английского колониального режима. Переходный характер цейлонского общества проявился в экономическом положении представителей традиционной элиты, являвшихся одновременно феодалами-землевладельцами и плантаторами-капиталистами. В колониальный период резко возрос статус таких среднекастовых групп, как *салагада* (традиционно — сборщики корицы), *карава* (рыбаки), *дурава* (сборщики пальмового сока). Верхушка касты *салагада* разбогатела на торговле корицей, имевшей первостепенное значение для европейских колонизаторов, начиная с португальцев. Верхушка *дурава* подняла свой статус в результате растущего объема торговли продуктами арековой и кокосовой пальм и расширения площадей под этими культурами. *Каравы*, владевшие местными средствами передвижения вдоль побережья, по рекам и каналам (лодки, катамараны), обогатились на транспортировке экспортных товаров к местам погрузки для отправки в метрополию. Не обладавшие, подобно представителям касты *гоигода*, большими земельными массивами, пригодными для рисоводства, оторванные от традиционной аграрной экономики и сумевшие к середине XIX в. накопить значительные свободные средства, они представляли наиболее подвижную часть цейлонского общества, готовую включиться в торгово-предпринимательскую деятельность. Они занимались посреднической торговлей, выступали подрядчиками на строительстве дорог, а накопленные деньги вкладывали в производство плантационных культур, становясь плантаторами. Степень политической активности и вовлеченности представителей этих групп в политическую жизнь была гораздо более высокой, чем у *гоигода*.

Салагада, *карава* и *дурава* представляли собой промежуточные социальные слои, занимавшие двойственное положение в экономике Цейлона. С одной стороны, в силу рода деятельности, а также географической локализации этих общностей в районах юго-запада — центра экономической преобразовательной деятельности британских властей — они вовлекались в систему капиталистического производства, с другой — продолжали во многих отношениях принадлежать докапиталистическому обществу. Отсюда проистекало двоякое стремление представителей этих групп: обрести независимость от *гоигода*, порвать сковывающие их деятельность кастовые узы, занять прочное самостоятельное экономическое положение, и в то же время обрести достойный, равный *гоигода* статус в социально-кастовой иерархии традиционного цейлонского общества. Соперничество *гоигода* с кастами *салагада*, *карава* и *дурава* несло в себе и элемент этнической конфронтации, поскольку последние изначально формировались на базе миграционных потоков из Южной Индии.

Политика дифференцированного допуска к получению английского высшего и среднего образования, являвшегося необходимым условием для доступа в колониальный аппарат, привела к возникновению барьера между двумя группами нарождавшихся торгово-предпринимательских слоев. Крупные (в масштабах Цейлона) предприниматели, исповедовавшие христианство и получившие анг-

лийское образование, объективно противостояли средней и мелкой буржуазии, получавшей образование на местных языках и сохранявшей приверженность буддийской культуре и религии. В условиях этнической, религиозной и кастовой гетерогенности цейлонского общества процесс консолидации местных капитализирующихся слоев был затруднен.

Изменения в экономической и социально-политической жизни Цейлона в XIX — начале XX в. самым непосредственным образом коснулись буддийской *сангхи* острова, вынужденной приспособляться к быстро меняющейся ситуации. Земельные экспроприации в связи с развитием плантационного хозяйства изменили традиционную организационную структуру *сангхи*, а перестройка социальных взаимосвязей и растущая напряженность между кастовыми группами способствовали усилению процессов дифференциации в среде буддийского монашества, взаимоотношения внутри которого к началу XIX в. прочно базировались на кастовой основе.

С момента подчинения Кандийского государства в 1815 г. английская религиозная политика в прибрежных и центральном районах была различной. В прибрежных районах она явилась продолжением линии, проводившейся в предыдущий период, и характеризовалась ростом влияния англиканской церкви и усилением христианизации местного населения. Создание христианизированной элиты оказало заметное влияние на экономическое, политическое и культурное развитие острова, поколебав в немалой степени позиции и престиж буддийской общины и вызвав в ней различные формы реакции на происходящие явления. Этот процесс охватил в той или иной степени все районы острова, хотя христианское население страны, как протестантское, так и католическое, было сконцентрировано в трех основных ареалах: районе Коломбо, прибрежной полосе от Моратувы до Чилоу и районе Манара и Джафны в Северной (тамильской) провинции.

Христианизация затронула все этнические группы Цейлона, кроме общины *мавров* (мусульман), а также все слои цейлонского общества, начиная от *гоигама* и кончая *родиями* (низшая каста). Как правило, христиане, происходившие из касты *гоигама*, в прибрежных районах были протестантами, в кандийском — католиками; представители средних каст сингальского общества — *карава*, *салагама* и *дурава* — в основном были католиками. В целом на Цейлоне процент христиан среди представителей низших каст был невысок, причем основную долю составляли тамилы, у которых кастовое деление было более строгим, чем у сингалов. Число тамил-христиан на протяжении всего XIX века превышало число христиан-сингалов, несмотря на то что количественно сингальское население превосходило тамильское. В целом колониальная политика приводила к ломке традиционной системы ценностей, нередко к забвению религии, культуры, принятию западных морально-этических норм.

Колониализм внес существенные изменения в положение местных религий, в первую очередь буддизма. Разрушение традиционной для Цейлона связи между *сангхой* и государственной властью привело к высвобождению буддийской общины из-под контроля светской администрации, а политика экспроприации храмовой земельной собственности, лишения буддистов многих привилегий сделала *сангху* оппозиционной британским колонизаторам, способствовала активному включению ее радикальных членов в деятельность националистических органи-

заций. Растущее вовлечение *сангхи* в общественную жизнь и политизация радикально настроенной части монашества привели к сближению ее с национальными силами, участвовавшими в типологически разнородных антибританских движениях. Одним из направлений деятельности буддийского духовенства второй половины XIX — начала XX в. явился экуменизм, предполагавший формирование единой мировой общности буддистов под эгидой тхеравадинов, а также прозелитизм, связанный с развитием миссионерской деятельности буддистов в странах за пределами традиционного ареала распространения буддийской религии.

Еще одним направлением деятельности буддийского духовенства последней четверти XIX в. стало движение в защиту буддийских святынь, которое возглавил крупнейший идеолог буддийского возрождения последней четверти XIX — начала XX в. Анагарика Дхармапала (1864–1933), основатель Общества Махабодхи, целью которого были пропаганда буддийской культуры и восстановление буддийских памятников не только на Цейлоне, но и в странах распространения буддизма в целом. Появление концепции возрождения буддизма в мировом масштабе было тесно связано с идеей модернизации религии, приспособления ее к современным нормам морали и этики. Анагарика Дхармапала вводит новую трактовку высшей религиозной добродетели. Его идеалом был человек, строго следующий всем буддийским предписаниям, ведущий аскетический образ жизни, но являющийся активным членом общества. Он дал новое толкование буддийского термина *анагарика* («бездомный»), применявшегося традиционно по отношению к странствующим буддийским монахам-аскетам, живущим подаянием. В трактовке Дхармапалы, это промежуточное звено между буддийским монахом и буддистом-мирянином, уникальный статус, позволяющий одновременно соблюдать правила монашеской дисциплины и участвовать в общественной деятельности. Анагарика отходит от мирской жизни, но не покидает ее окончательно: внешним символом его связи с миром выступают небритая голова и белая одежда (в отличие от бритоголовых *бхиккху* в оранжевых одеяниях). Введение статуса *анагарика* означало «узаконение» широко практиковавшегося активного участия цейлонского монашества в общественно-политической борьбе и политических партиях, запрещенного каноном. Дхармапала стремился ввести новый тип медитации не только для монахов, но и для мирян, ориентированный не на достижение нирваны, а на социально значимые цели — обретение самоконтроля, самодисциплины, необходимые буддисту в его активной борьбе за процветание своей религии. Изменяется и само понятие нирваны, под которой подразумевается жизнь в самопожертвовании и благотворительность на благо общества.

На рубеже XIX–XX столетий существенно расширился круг проблем, обсуждаемых представителями буддийского духовенства прибрежных сект. Возглавляемое ими движение в защиту буддизма прочно встает на позиции национализма. Хотя монашеская и мирская традиции в буддизме никогда не были строго разделены и имели точки соприкосновения, совместная общественно-политическая деятельность монахов и мирян в широком масштабе началась лишь с конца XIX в. Радикально настроенных монахов перестали устраивать узкие рамки деятельности внутри общины, в результате чего появились монашеские ассоциации политического характера вне структуры *сангхи*, расширились связи с националистическими буддийскими кругами острова, без материальной помощи кото-

рых прибрежные *бхиккху* не могли рассчитывать на успех. В последней четверти XIX в. начали создаваться культурно-просветительские и общественно-политические организации буддистов вне структуры *сангхи*, которые объединяли как мирян, так и монахов из различных сект. Первой такой организацией (помимо Буддийского теософского общества) стало Общество Махабодхи (1891 г.). В 1918 г. был образован Всецейлонский буддийский конгресс, в совет которого вошли главы всех трех ведущих *никай*.

Новые лидеры буддийского движения стремились соединить буддизм с современной им буржуазной западной моралью и образом жизни, создать синтетическую идеологическую систему, отвечающую их запросам как представителей европейски образованных капитализирующихся слоев, которые обязаны своим положением колониальному устройству общества, и запросам националистических кругов, настроенных оппозиционно в отношении британской администрации. Двойственность и противоречивость социальной позиции буддийских идеологов конца XIX — начала XX в. наложили заметный отпечаток на их общественно-политические взгляды, в которых своеобразно сочетались две тенденции: адаптация к существующей в условиях колониальной действительности системе общественных и экономических отношений и борьба против этой колониальной действительности. В последней четверти XIX в. центр буддийской активности переместился в Коломбо.

К началу XX в. окончательно складывается внутренняя организационная структура *сангхи*, сохраняющаяся в целом по сей день: деление *сангхи* на три основные секты — Сиамскую, Амарапуру и Раманью — и более чем 20 подсект с преобладанием влияния *Сиама-никаи* в центральных районах острова, а Амарапуры и Раманьи — в прибрежных. Наиболее острый период, связанный с борьбой вновь возникающих сект за самоопределение, остался позади. Несмотря на отсутствие позитивных отношений между *никаями*, к началу XX в. признание ими друг друга де-факто стало явственной реальностью. Хотя деятельность духовенства прибрежных районов носила в XIX — начале XX в. гораздо более активный характер, по подсчетам ряда исследователей, взгляды основателей Амарапуры и Раманьи получили распространение среди 5–6% населения Цейлона, представляющего собой формирующуюся городскую элиту Коломбо, Галле и некоторых других городов юго-западного побережья; подавляющее число буддистов-мирян продолжало посещать храмы и монастыри, принадлежавшие *Сиама-никае*, и искать себе духовных наставников среди монахов этой секты. Если даже часть мирян проявляла идейный интерес к деятельности духовенства прибрежных районов, религиозно-культурная практика и собственные религиозные потребности продолжали ассоциироваться у них с Сиамской сектой, выполнявшей в цейлонском обществе своеобразную «охранительную» функцию в отношении буддизма. В Канди хранилась священная реликвия — Зуб Будды, посвященный ей храм Далада Малигава продолжал оставаться, в представлении сингальских буддистов, центральной буддийской культовой постройкой острова. В центральном районе были сосредоточены священные буддийские места паломничества, организацией которых занимались монахи из *Сиама-никаи* Канди. Они продолжали летописную традицию, здесь были сосредоточены хранилища буддийских рукописей, здесь же проводились все религиозные церемонии, связанные с важней-

шими буддийскими праздниками. Отношение к Канди как к центру буддийской традиции сохраняется в ланкийском обществе и в настоящее время, а кандийская *сангха* по-прежнему считается хранительницей буддийского учения. Функциональные различия подразделений ланкийской *сангхи*, при которых одна ее составная часть «ответственна» за поддержание традиции, а другая — за адаптацию ее к меняющимся историческим условиям, обеспечивали баланс религиозной системы в целом.

СТАНОВЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В БИРМЕ (1885–1914)

Аннексия Верхней Бирмы в 1885 г. положила конец бирманской государственности в ее изначальной колыбели в центре страны, разрушила источник легитимности и преемственности этой государственности и подорвала основы религиозных (буддийских) и культурных традиций страны.

Первый период колониальной истории Бирмы охватывает 1885–1914 гг. Началось довольно быстрое экономическое развитие страны в колониально-капиталистическом русле на основе Нижней Бирмы, но с постепенным втягиванием и Верхней Бирмы. Происходили трансформация старых и формирование новых социальных слоев. Появилась современная система просвещения. Такое развитие вводило Бирму в русло мирового исторического процесса. Первые десять–пятнадцать лет после аннексии бирманское общество, огулушенное фактом полного иностранного завоевания, пребывало в состоянии политической летаргии (если не считать нескольких первых лет вооруженного сопротивления завоевателям, проходившего под руководством традиционной элиты). В первые годы XX в. началось национальное пробуждение, которое развивалось уже по инициативе и под руководством новых бирманских социально-политических сил, возникших на новом уровне развития страны и соединивших новые знания и новую систему ценностей с собственными культурными традициями. Но в 1885–1914 гг. противоречия между иностранными завоевателями и национальными силами еще не проявились в полной мере, также как и масштабы колониальной эксплуатации страны.

АНТИКОЛОНИАЛЬНАЯ БОРЬБА БИРМАНСКОГО НАРОДА В 1885—1890 гг.

Отдельные антианглийские вооруженные выступления произошли уже в середине — конце декабря 1885 г. Но пик движения сопротивления в основных районах страны пришелся на 1886–1888 гг. Дольше всего длились волнения на окраинах, в горных районах, населенных этническими меньшинствами. Здесь они продолжались и в 90-е годы, и даже в начале XX в. Первыми руководителями бирманского сопротивления стали члены правящей семьи, многие подлинные или мнимые претенденты на бирманский трон. Среди них на первом месте были принц Мьинзайн (сын Миндона), два «принца Чаунгва» — братья Со Ян Найн и Со Ян Пайн (внуки Миндона), принцы Хтейтин Хма и Хтейтин Тейн (сыновья

брата Миндона — принца Канауна). Они стали во главе неразоруженных частей бирманской армии, призвав население начать борьбу с захватчиками.

Высшие официальные лица при дворе не играли значительной роли в движении сопротивления. Они примирились с происходившим и как бы перешли на службу иной власти. Кроме некоторых членов Хлудо, так поступили, например, командующие бирманской армии Хлетин Атвинвун и Пин Атвинвун.

В отличие от ряда высших официальных чинов, главы средних и нижних звеньев феодальной администрации в округах (*мьотуджи*) были во многих случаях самыми стойкими лидерами движения сопротивления. Среди них следует назвать У Та Джи из Паджи, старосту Тейнгона, особенно же Бо Све, который был наследственным главой г. Минда.

Активную роль в движении сопротивления сыграло буддийское монашество. Наиболее известным стал буддийский монах У Отама (1848–1889), который боролся против оккупантов с оружием в руках. Он действовал по приказам принца Мьинзайна и имел связь с лидером сопротивления Бо Све.

Основной же массовой силой вооруженного движения сопротивления было крестьянство Верхней Бирмы. Ядро движения составляли части бирманской армии, разбившиеся на группы под руководством разных лидеров. Эта война была партизанской: неожиданные маневры, налеты, отходы и засады. Происходили нападения и на города, но сравнительно редко. Основным полем борьбы служила сельская местность с ее джунглями и холмами, где вооруженные партизанские группы и объединения в условиях бездорожья могли легче и незаметнее передвигаться. После проведения операции партизаны рассредоточивались по своим деревням. Надо отметить, что патриотическое освободительное движение сопровождалось также разгулом бандитизма.

Движение сопротивления было подавлено англичанами железной рукой. Столкнувшись с массовым вооруженным сопротивлением населения, они в первое время шли на крайние жестокости, описанные в исторической литературе. Бирманцев, захваченных с оружием, тут же расстреливали или вешали для устрашения. Сжигались целые деревни, замеченные в связях с повстанцами. Систематически устраивались карательные экспедиции в непокорные районы, где чинились всяческие расправы. Основной рядовой состав английской армии и полиции в Бирме состоял из индийцев, которые были орудием карательной политики Англии в чужой для них стране. Именно в целях пресечения участия крестьян в антианглийском движении был принят Закон 1887 г. о деревенском регулировании для Верхней Бирмы. Согласно ему, деревенский староста становился низовым звеном британской администрации и вводился принцип коллективной ответственности крестьян за правонарушения в пределах деревенских границ.

Что касается районов этнических меньшинств, то антианглийское движение развилось и в Шанских княжествах, и в качинских и чинских районах. У шанов в 1886–1887 гг. против англичан выступила так называемая Лимбинская конфедерация (по имени принца Лимбина, сына бирманского принца Канауна). У качинов сопротивлением прославился глава княжества Вунто У Аун Мья. У чинов ожесточеннее всего сопротивлялись племена сийинов. Только среди каренов, подвергшихся значительной христианизации, движение сопротивления развилось слабо. Карены нередко служили проводниками британских войск.

Движение перекинулось и на юг, в Нижнюю Бирму, находившуюся под английским управлением уже более трех десятилетий. Но здесь оно получило все же ограниченные масштабы. Наиболее крупные волнения в Нижней Бирме произошли в дистриктах Бассейн (Патейн), Хензада и Таравади и в треугольнике Шведжин—Папун—Ситаун.

Партизанские отряды обычно насчитывали от 100—200 до нескольких сотен человек. В некоторых объединениях было более тысячи партизан. В районе Швебо в конце 1885 — начале 1896 г. действовал отряд в 2000 бойцов. В осуществлении плана принца Мьинзайна по захвату г. Мандалая, намеченному на май 1886 г. и сорванному усилиями англичан, должны были участвовать несколько частей бирманских войск и группы партизан общей численностью свыше 5 тыс. человек, из них примерно 4 тыс. мушкетеров и 1150 мечников. К югу от р. Манипур, в Чинских горах в целом действовало не менее 5 тыс. повстанцев, из которых две трети были вооружены ружьями. Чины наряду с качинами прославились как самые стойкие воины (что позже англичанам очень пригодилось при наборе солдат в бирманскую колониальную армию). Но дело было не только в численности партизанских отрядов, но и в той широкой поддержке, которую они получали от местного населения.

Ход и динамика движения сопротивления в Бирме хорошо иллюстрируются статистикой англо-индийских вооруженных сил, участвовавших в захвате страны. Экспедиционные силы генерала Прендергаста, развернутые против Бирмы в ноябре 1885 г., составляли 10 тыс. человек. В декабре 1886 г. полевая англо-индийская армия насчитывала уже 25 тыс. человек, в 1887 г. ее численность была доведена до 32 тыс. Кроме того, шло увеличение численности военной полиции, которая в 1886 г. составляла 16 тыс., а в конце 1887 г. — свыше 17 тыс. для Верхней Бирмы и 9 тыс. для Нижней Бирмы. Армия и полиция в период пика сопротивления составляли, следовательно, 58 тыс. человек. Сокращение британской армии и передача ее функций военной полиции стали происходить с апреля 1888 г., когда вооруженное движение пошло на убыль.

УПРАВЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ БИРМОЙ

1 января 1886 г. было объявлено о присоединении всех территорий, управлявшихся королем Тибо, к владениям Ее императорского величества королевы Виктории. Отныне все прежние владения и монополии (леса, недра, земли) становились собственностью британской короны.

Оставался нерешенным вопрос о форме управления Бирмой.

Первоначально была идея использовать Хлудо — Государственный совет — в качестве органа, осуществляющего волю завоевателей и работающего под их руководством. Но он дискредитировал себя в глазах бирманцев согласием на принятие продиктованных англичанами постановлений и приказов, начиная с декабря 1885 г. С другой стороны, не все члены Хлудо были готовы безоговорочно служить англичанам. Вскоре стало ясно, что использовать Хлудо не удастся. Его деятельность после 31 марта 1886 г. была прекращена. Тем не менее анг-

личане, создавая позже свою администрацию, стали привлекать в качестве своих советников некоторых членов бывшего Хлудо, которые согласились на такое сотрудничество; наиболее известным среди них был Кинвун Минджи (1822–1908).

В конце концов было принято решение о прямом колониальном правлении. Бирма была включена в состав Британской Индии в качестве одной из ее провинций. Англичане исходили из прагматических соображений административного удобства и сокращения издержек управления, хотя им было понятно, что Бирма — не Индия.

Административное объединение Бирмы с Индией, сохранявшееся до 1937 г., оказало существенное воздействие на жизнь Бирмы. Индийцы преобладали в колониальной армии и полиции Бирмы. Иммиграция индийцев в Нижнюю Бирму, шедшая достаточно активно еще до полной аннексии страны, теперь еще больше усилилась и привела к «индианизации» целых сфер жизни страны, к постепенному превращению столицы — Рангуна в город иноземцев, по преимуществу индийцев. В 1872 и 1881 гг. индийцев в Бирме (Нижней) было соответственно 136 тыс. и 243 тыс. В 1891, 1901 и 1911 гг. во всей Бирме их стало соответственно 421 тыс., 568 тыс. и 743 тыс. В Нижней Бирме в указанные три года они составляли 7,6; 9,2 и 10,4% всего населения. Новые иммигранты представляли собой мощную конкурирующую силу на рынке труда Бирмы и усложняли картину межнациональных отношений.

Индийский фактор в жизни колониальной Бирмы, конечно, не следует рассматривать только в негативном для нее плане. Индия в сравнении с Бирмой была более развита в экономическом и социально-политическом отношениях, имела больший опыт общения с внешним миром, хотя бы преимущественно через Англию, располагала более просвещенной интеллигенцией современного типа. В Бирму притекали индийские профессионально-производственные кадры, индийский капитал, опыт индийской производственной жизни и освободительного движения, воздействие которого на Бирму стало в начале XX в. значительным. Но в колониальный период Бирмы сложился и другой образ Индии — Индия как конкурента и дополнительного эксплуататора Бирмы.

Бирма стала единой колониальной провинцией (правда, ее горные районы управлялись отдельно от собственно Бирмы). Прежнее (до 1885 г.) политическое различие между Верхней и Нижней Бирмой было нивелировано, и они в начале XX в. стали различаться в основном (но не исключительно) как разные природно-экономические зоны. Во главе Бирмы стоял главный комиссар, подчинявшийся вице-королю Британской Индии. Страна была разделена на административные единицы: области (дивизионы), округа (дистрикты), районы (тауншипы) и деревни или группы деревень. Возглавляли каждое подразделение соответственно комиссар, заместитель комиссара, районный чиновник (*мьотуджи*, или *мьоу*) и деревенский староста (*туджи*). Деревня стала низовой административной единицей, и деревенский староста — низовым звеном колониальной администрации. На первые три уровня администрации, начиная с главного комиссара, назначались исключительно британцы. Посты заместителя комиссара в округе начали предоставляться бирманцам только в XX в. (с 1908 г.). На посты районного чиновника некоторое время тоже назначались британцы, но здесь

в целом бирманцы все же стали со временем преобладать. Деревенскими же старостами становились исключительно местные жители.

Закон 1887 г. о деревенском регулировании для Верхней Бирмы и бирманский закон о деревне 1889 г. сформулировали сферу и меру ответственности деревенского старосты и жителей деревни. Первый закон был принят еще в разгар движения сопротивления и, как уже упоминалось, ставил прежде всего задачу пресечения участия деревни в этом движении и наведения в ней порядка и дисциплины, особенно в отношении хранения и использования оружия и помощи повстанцам. Включение прежнего института *туджи* в новую систему территориального управления формально узаконило традиционные формы управления на низовом уровне, однако фактически была создана новая вертикаль власти, только прикрывавшаяся терминологическим и кадровым шлейфом прошлого. Управление стало единым, единообразным, централизованным, с четкой иерархией и соподчинением его различных уровней.

С 1897 г. Бирмой стал управлять губернатор вместо «главного комиссара». При нем был создан Законодательный совет, состоявший из девяти назначаемых членов, включая четырех неофициальных (т.е. не из правительственных служащих): в их числе были два европейца, один бирманец (им стал Кинвун Минджи) и один шан. В 1909 г. в соответствии с общеиндийскими реформами (так называемыми реформами Морли–Минто) Законодательный совет при губернаторе был расширен до 17 членов, из которых все, кроме двух, назначались, а эти двое избирались соответственно британской Торговой палатой Бирмы и британской Торговой ассоциацией Рангуна. Из состава Совета шесть были официальными, остальные — неофициальными членами (среди последних было четыре бирманца, один индеец и один китаец).

Законодательный совет Бирмы конца XIX — начала XX в. не был выборным органом и имел мало полномочий, хотя там выдвигались проекты резолюций, были обсуждения, проводились голосования, власти отвечали на запросы, т.е. процедура работы имитировала парламентскую. Но Законодательный совет представлял преимущественно англичан и английские интересы.

Управление горными районами строилось иначе. Англичане и здесь были верховными правителями: леса и недра также стали собственностью колониального государства. Но система колониальной администрации в этих районах, населенных этническими меньшинствами — шанами, качинами, чинами, кая и другими, — была косвенной. Управление княжествами и кланами малых народностей и племен Бирмы, как и во времена независимости, осуществлялось через местную традиционную политическую элиту — князей, племенных вождей и др. В рамках признания новой британской власти княжества и племена пользовались, как и раньше, автономией. Тем самым англичане добивались стабильности и эффективности контроля над малыми горными народами, в то же время не восстанавливая их против себя.

Параллельно шло образование новых государственных ведомств и служб. Были созданы департаменты финансов (налогов), лесоводства, здравоохранения, юридическая, медицинская, санитарная службы, департаменты просвещения, общественных работ, земельного кадастра, аграрной статистики, кооперативного кредита и т.п. С 70-х годов в семи городах Нижней Бирмы появились первые мунци-

ципальные корпорации как ростки городского самоуправления, хотя бы и на основе (сначала) европейского населения. В 1883 г. две трети Рангунского муниципального совета уже избирались, и в составе 17 избранных членов были пять бирманцев, один карен, пять британцев, два китайца, два индуса, два мусульманина.

Наиболее значимым было создание Главного суда для Нижней Бирмы в 1900 г. (Верхняя Бирма оставалась до 1920-х годов под контролем Юридической комиссии). Тем самым процесс отделения судебной власти от исполнительной, чего не было в старой Бирме, зашел уже довольно далеко, хотя состав этого суда назначался и смещался английским губернатором.

Отдельно следует сказать о департаменте просвещения, созданном в Нижней Бирме еще в 1867 г. Роль его в развитии светского образования в стране на протяжении десятилетий все возрастала. До конца XIX в. в Бирме преобладали традиционные буддийские монастырские школы, однако количество светских англо-бирманских школ постепенно увеличивалось. В начале XX в. число тех и других примерно сравнялось, а в 1910/11 уч. г. работало уже более 2600 светских школ против примерно 2200 монастырских. Популярность светского школьного образования объяснялась тем, что его получение обещало лучшую работу и продвижение по службе.

Департамент просвещения положил начало и высшему образованию в Бирме, создав Рангунский колледж. Еще в 1878 г. на базе выпускников Рангунской средней школы, существовавшей тогда в стране в единственном числе, стали готовить первых абитуриентов для поступления в Калькуттский университет. В 1884/85 уч. г. Рангунский колледж стал филиалом этого университета. В 1885–1890 гг. колледж дал четверых выпускников, в 1896–1900 гг. — 23, в 1906–1910 гг. — 38, в 1911–1915 гг. — 111. Всего за период 1885–1915 гг. было выпущено 220 человек. В 1904 г. статус колледжа был поднят, и он в 1904–1920 гг. носил название Государственного колледжа, который с созданием Рангунского университета стал называться Университетским колледжем.

Понимая значение и роль монашеской буддийской общины — *сангхи* в жизни бирманского общества, англичане стремились по возможности не портить с ней отношения, но интересы колониальной политики нередко приходили в противоречие с интересами *сангхи*. Главой *сангхи* в Бирме был *татанабайн*, назначенный в 1883 г. еще бирманским королем, который считался главным покровителем религии в стране. Ликвидация бирманской монархии сразу же ослабила позиции *татанабайна* и самой *сангхи*. Англичане пошли на то, чтобы сузить сферу компетенции *татанабайна*, исключив из нее Нижнюю Бирму. После аннексии Верхней Бирмы они заставляли его и других старших монахов осуждать движение сопротивления. Позже они создали прецедент, по которому допускалось вмешательство властей в решения духовных судов, а монахи стали подсудны гражданскому суду.

Когда *татанабайн* в 1895 г. умер, возник длительный спор вокруг его преемника. Выборы состоялись лишь в 1903 г., но сферой влияния *татанабайна* осталась только Верхняя Бирма; его юрисдикция ограничивалась чисто духовными вопросами, и было подтверждено, что монахи, в отличие от прошлого, подсудны светскому суду в случае соответствующих правонарушений. Пренебрежение

властей к буддийской монашеской общине сыграло свою негативную роль: в ней участились случаи нарушения дисциплины, усилились разброд и шатания.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Экономические мотивы были главными при английском завоевании Бирмы. Захватив страну, английские колонизаторы получили контроль над ее огромными природными богатствами — лесами, недрами, землями. Политическая монополия позволила им проводить экономическую политику в интересах британского капитала и в направлении извлечения наивысших прибылей. Бирма превратилась в один из аграрно-сырьевых придатков метрополии (и в какой-то мере придаток колониальной Индии).

Следует оговориться, что аграрно-сырьевой тип развития, который наблюдался в колониальной Бирме (как и в других колониях), был исторической неизбежностью. Он постепенно создавал заделы и для вторичной, промышленной сферы хозяйства, не говоря уже о том, что в большой мере содействовал успешному развитию современной транспортной инфраструктуры и торговли. Иными словами, нельзя отрицать, что в колониальный период в Бирме имел место экономический прогресс.

Началось с бирманского тика. Тиковые леса в Бирме давно привлекали европейцев. К концу XIX в. из Бирмы ежегодно вывозилось свыше 270 тыс. т прекрасного строительного материала — тиковой древесины и страна стала крупнейшим экспортером тика в мире. Здесь ведущее место заняли такие английские компании, как «Бомбей-Бёрма трейдинг корпорейшн» и «Фукар энд К^о». Однако к концу века первое место в экспорте страны занял рис.

Период 1885–1914 гг. занимает в экономической истории Бирмы особое место. Ускорилась внутренняя трансформация, невиданных темпов достиг экономический рост. Были освоены миллионы акров плодородных земель Нижней Бирмы, страна превратилась в крупного производителя и мирового экспортера риса.

Подъем рисового производства начался после аннексии Нижней Бирмы в 1852 г. Именно Нижняя Бирма с ее чрезвычайно благоприятными условиями для ведения сельского хозяйства стала основной базой нового экономического развития, особенно ускорившегося после открытия Суэцкого канала в 1869 г., который революционизировал всю торговлю между Востоком и Западом, удешевив доставку товаров в оба конца. Первая прямая пароходная линия между Рангуном и Европой была открыта в 1871–1872 гг.

Развитию рисового хозяйства в Нижней Бирме способствовали отмена запрета на экспорт риса (существовавшего при бирманских королях) и высокие мировые цены на бирманский рис. В 1851/52 г., в год аннексии Нижней Бирмы, средняя цена 100 корзин необрушенного риса (*нади*) составляла в Рангуне 18 рупий, а в 1861–1865 гг. — 40 рупий, затем в 1871–1875 гг. — 63, в 1876–1880 гг. — 89, а в 1911–1915 гг. — 122 рупии.

«Рисовая лихорадка» привела к миграции в Нижнюю Бирму больших масс людей, в основном крестьян из Верхней Бирмы, и введению ими в сельскохозяй-

ственный оборот миллионов акров болот и джунглей. Основным сельскохозяйственным полем стали низменности юга Нижней Бирмы (особенно дельты рек Иравади и Ситауна), где муссонные дожди способствовали выращиванию риса. Произошел резкий рост численности населения в Нижней Бирме. В 1856 г. он оценивался в 1,3–1,5 млн. человек, в 1872 г. — 2,7 млн., в 1891 г. — 4,6 млн., в 1901 г. — 5,6 млн. и в 1911 г. — 6,4 млн. Не менее впечатляющим был и рост площадей под рисом. В 1851–1852 гг. они составляли 1 млн. акров, в 1871–1875 гг. — 2,1 млн., в 1891–1895 гг. — 5,1 млн., в 1901–1905 гг. — 6,9 млн., в 1911–1915 гг. — 8,2 млн. акров. Соответственно рос экспорт риса. В 1855 г. он едва превышал 162 тыс. т, в 1870 г. составил 374 тыс. т, в 1890 г. — уже 1,2 млн. т, в 1900–1901 гг. — 2,3 млн. т, в 1913–1914 гг. — 2,6 млн. т. Иными словами, за три десятилетия, с 1870 г. по начало XX в., население Нижней Бирмы более чем удвоилось, площади под рисом выросли в 3–4 раза, а экспорт риса увеличился почти в 6 раз.

Введение в оборот не обрабатывавшихся ранее земель было достигнуто усилиями не только бирманских крестьян, но и индийских мигрантов. Среди иммигрантов из Индии надо выделить, с одной стороны, сельскохозяйственных рабочих, а с другой — банкиров-ростовщиков, особенно из касты *четти* (*четтияры*). Первые помогали осилить возросший объем сезонных земледельческих работ, вторые финансировали расчистку и освоение новых земель. Если индийские рабочие создавали конкуренцию на рынке труда, то индийские ростовщики в годы падения цен на рис становились собственниками земель бирманских крестьян из-за неуплаты ими долгов.

Торговля рисом стала самой важной и прибыльной сферой приложения английского капитала в стране. Главная британская фирма, связанная с экспортом бирманского риса, — «Стил бразерс энд К^о» — была создана еще в 1870 г. Высокие уровни мировых цен на рис и разница между внутренними закупочными и внешними продажными ценами создавали источник высоких прибылей. Прибыль получали и крестьянские хозяйства. По имеющимся данным, большинство рисоводческих крестьянских хозяйств в рассматриваемый период получало прибыль от 200 до 500 рупий в год, что по тем временам для данного социального слоя было немало. Это не означало, что положение крестьян было безоблачным. Над ними висела угроза периодического снижения цен на рис, а с конца 1890-х годов и начавшееся отчуждение крестьянских земель за долги в пользу ростовщиков.

С последней трети XIX в. началось промышленное развитие Бирмы, первоначально связанное с необходимостью первичной обработки сельскохозяйственного и минерального сырья.

Наибольшее развитие получила рисоочистительная промышленность, которая стала важнейшим элементом и одновременно стимулом рисового производства в стране. До расширения экспорта риса Бирма обходилась ручными рисорушками (толкушами или дробилками). В 1859 г. в г. Бассейн (Патейн) в Нижней Бирме была построена первая паровая рисовая мельница. Она принадлежала иностранному капиталу. В 1869 г. таких мельниц было 13. В 1880 г. из имевшихся в стране 74 фабричных заведений 49 были рисорушками, в 1900 г. из 136 фабричных заведений — 83 рисорушки, а в 1910 г. из 301 фабричного предприятия —

165 рисоочистительных. Накануне Первой мировой войны, в 1913 г., из 424 всех фабричных предприятий 240 были рисоушками (из них 16 были расположены в Верхней Бирме). Главными владельцами рисовых мельниц были такие английские фирмы, как «Стил бразерс» и «Иравади флотилла К°».

Одновременно с развитием рисоочистительной промышленности строились паровые лесопилки, принадлежавшие английским компаниям «Бомбей-Бёрма трейдинг корпорейшн», «Фукар», той же «Стил бразерс». Согласно статистике, в 1892 г. их было 41, в 1901 г. — 58, в 1911 г. — 82.

Рисоочистительные и лесопильные предприятия иностранного капитала концентрировались в Нижней Бирме, особенно в районе Рангуна и неподалеку от него.

В конце XIX в. в Бирме появились первые механизированные рисоочистительные и лесопильные предприятия, принадлежавшие бирманцам, правда, они были мелкими и малопроизводительными. Это был новый качественный момент в социально-экономическом развитии Бирмы: началось местное промышленное предпринимательство на современной основе.

Заметное развитие получала добывающая промышленность. Английские промышленники со второй половины XIX в. стали проявлять все больший интерес к месторождениям нефти в центральной части Бирмы (район Йенанджауна). В 70-х годах они построили под Рангуном нефтеперегонный завод, работавший на сырье из Йенанджауна, которое переправлялось отсюда водным путем по р. Иравади. В 1886 г., сразу же после аннексии всей страны, была основана «Бёрма ойл К°». Она стала главным владельцем нефтяных промыслов в Верхней Бирме и вскоре превратилась в самую могущественную компанию во всей Азии («Англо-иранская нефтяная К°», созданная в 1909 г., возникла как ее филиал). Добыча бирманской нефти с 5,9 млн. галлонов в 1901 г. выросла до 254,6 млн. галлонов в 1914 г.

В первом десятилетии XX в. при участии английского капитала началась разработка рудных месторождений в Бирме, особенно серебряно-свинцовых в северных шанских княжествах, вольфрамовых в княжествах Каренни (Кая) и оловянных в Тенассериме. К началу Первой мировой войны добыча свинцовой руды составила 10,5 тыс. т, вольфрама — свыше 2,3 тыс. т.

О масштабах колониального развития Бирмы в конце XIX — начале XX в. свидетельствуют данные о внешнеторговом обороте страны в тот период. В 1866/67 фин. г. этот оборот составил 48,6 млн. рупий, в 1891/92 г. — 231,7 млн., накануне же Первой мировой войны он поднялся до 668 млн. рупий. Экспорт из страны постоянно рос и регулярно превышал импорт. Основными статьями вывоза были рис, древесина, позднее — нефть, руды. Примерно с 1905 г. экспорт нефти и нефтепродуктов обогнал экспорт древесины и прочно встал на второе после риса место. В 1900 г. из 162 млн. рупий всего экспорта рис давал 115 млн., древесина — 17 млн., нефть — 4 млн. рупий, а в 1910 г. из 302 млн. рупий — соответственно 212, 17 и 34 млн. рупий.

Экспорт из Бирмы в начале XX в. достиг уровня 30–40% чистого внутреннего продукта. Импорт в абсолютном выражении также непрерывно увеличивался. Главными его статьями были потребительские товары (в том числе хлопчатобумажные ткани), машинное оборудование и другие товары производственного назначения. Нарастая с конца XIX в., их импорт в 1910 г. составлял соответствен-

но 120, 20 и 63 млн. рупий. Импорт хлопчатобумажных изделий и пряжи нанес большой ущерб ручному прядильно-ткацкому производству, существовавшему в традиционной Бирме, но ее население все охотнее переходило на импортные штучные товары и пряжу, которые отличались дешевизной и новизной. Главными английскими торговыми компаниями в Бирме были многоотраслевая «Стил бразерс» и «Иравади флотилла К^о», державшая с 1865 г. судоходство по р. Иравади.

Огромную роль в экономическом развитии колониальной Бирмы в конце XIX — начале XX в. играл фактор быстрого роста морского и речного судоходства и энергичное дорожное и железнодорожное строительство. В результате основные районы страны были соединены между собой современными транспортными системами.

Колониальное производство в Бирме финансировалось на верхнем уровне английскими банками, на среднем и нижнем уровне — индийскими и китайскими финансистами-ростовщиками и отчасти — бирманскими. Большие прибыли утекали из Бирмы, однако значительная их часть реинвестировалась в Бирме, иначе невозможно объяснить быстрый и продолжительный экономический рост страны в первые десятилетия колониального режима.

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. колониальная Бирма все сильнее втягивалась в крупнотоварное капиталистическое производство. Цены, рынок, наемный труд и капитал становились существенными факторами экономической жизни страны. Растущий капиталистический уклад был многоступенчатым и многослойным по своим фазам, по составу капитала и труда. Можно сказать, что капитализм в Бирме начал развиваться как сложная смесь европейских, иммигрантских и туземных факторов, как некое плюралистическое противоречивое единство, соседствующее с докапиталистическими укладами, которые он размывал и подчинял.

Темпы и характер экономического развития были уникальными не только для самой Бирмы, но и для других колониальных стран. В эти десятилетия Бирма совершила переход от замкнутой потребительской экономики феодального типа к экономике открытой, рыночной и ориентированной на экспорт. Основы этой структуры, заложенные тогда, сохраняются до сих пор.

В колониальный период Бирма превратилась в рисовую житницу Британской империи, Европы и Азии, мирового поставщика древесины и тика, целого ряда руд, крупного производителя нефти, в рынок сбыта потребительских товаров Англии и Индии.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Социальная структура колониальной Бирмы конца XIX — начала XX в. изменялась в соответствии с новыми экономическими и политическими условиями. Разрушались и видоизменялись феодальные структуры, появлялись различные коммерческие, промышленные и интеллектуальные слои и группы, которые отражали и выражали потребности развивающегося колониального общества.

Перемены начались уже после захвата Нижней Бирмы в 1852 г. Аннексия всей страны придала некоторым изменениям общепбирманский характер, но существенные различия как в экономическом, так и в социальном плане, между Нижней (экспортно-ориентированной) и Верхней Бирмой, в основном все еще

ориентированной на потребительское хозяйство, сохранялись. Можно говорить об экономическом и социальном дуализме Бирмы в рассматриваемый период.

В колониальный период наверху новой социальной пирамиды страны были представители британского капитала и бюрократии; средние этажи пирамиды занимали торгово-промышленные и ростовщическо-землевладельческие слои и среднее чиновничество: здесь были представлены разнородные этнонациональные группы, но в экономическом и во многом в административном отношении ведущими среди них были индийцы, отчасти китайцы. Собственно бирманцы («туземцы») были представлены землевладельцами, торговцами и многочисленным мелким чиновничеством низших ступеней городской, а в основном — деревенской администрации. Здесь же возникали начатки современного бирманского делового класса, находившегося, правда, под постоянным давлением более сильных инациональных конкурентов. Внизу колониальной социальной пирамиды пребывало местное крестьянство. Это уже не было прежнее социально однородное и существовавшее на базе натурального хозяйства земледельческое население. Со временем оно все более дифференцировалось и в главных экономических районах страны все более втягивалось в товарное экспортное земледелие (фермеры — собственники и арендаторы, сельскохозяйственные рабочие). Здесь основную массу составляли местные люди, бирманцы, но было также немало индийцев; внизу социальной лестницы появились растущие слои транспортно-строительного промышленного пролетариата, составленного из разных и этнически разделенных групп с большим преобладанием индийцев.

Складывание колониальной социальной структуры в Бирме лучше всего описать в понятиях концепции «плюралистического» общества, выдвинутой в первой половине XX в. английским востоковедом-бирманистом проф. Дж.С.Фёрниволлом (1878–1960) и разработанной на основе изучения бирманского и индонезийского колониальных обществ. Позже эту концепцию в отношении Бирмы дополнили западные ученые М.Адас и Р.Тейлор.

Суть этой концепции — в признании особой профессионально-функциональной и культурно-языковой разделенности и обособленности различных этнонациональных групп общества, складывавшихся в условиях колониального господства и колониального рыночного хозяйства. Общество оказывается составленным из разнородных этнических и социальных групп, каждая из которых выполняет свои определенные экономические и иные функции, занимая в нем свою определенную нишу. Представители этих групп соприкасаются и общаются на рынке товаров и труда, но не смешиваются друг с другом (или почти не смешиваются).

Плюрализм колониального общества как раз и выразился в том, что европейцы, индийцы, китайцы и коренные жители страны заняли волею колониальной истории свои определенные экономические, политические, административные, социальные, культурно-языковые и религиозные ниши, в которых они и пребывали, редко нарушая предписанные условиями границы. Конечно, социальная мобильность проявлялась и в колониальном обществе, но лишь частично, с трудом, на минимальном уровне, не меняя соотношения разделенных и обособленных этнонациональных и социальных групп.

В рамках многосложного плюралистического общества главный контраст состоял в факте подчинения бирманского общества британскому колониализму.

Отсюда проистекало и главное противоречие — противоречие между бирманским обществом в целом и британским колониализмом. Однако в силу разных уровней (фаз) развития британского капиталистического класса и новых бирманских предпринимательских слоев прямые противоречия между ними проявлялись менее остро, чем противоречия последних с более близкими им по уровню индийскими или китайскими конкурентами, хотя и те и другие в разных формах также испытывали колониальный пресс. У бирманских предпринимателей были, например, более жесткие противоречия не с английскими банкирами, которые обычно не финансировали бирманцев, а с индийскими финансистами-ростовщиками. Подобные примеры можно продолжить, распространив их также на бирманское крестьянство, которое получало кредиты не в английских банках, а от индийских *четтияров*, предоставлявших займы под залог земли под сравнительно невысокие проценты. В конце XIX — начале XX в. они начали понемногу отбирать крестьянские земли за долги.

Первый ярус колониальной социальной структуры был однородно британским (европейским). Второй же и третий ярусы состояли из нескольких национальных элементов. Среди землевладельцев численно господствовали бирманцы и другие коренные группы, но сюда же можно отнести довольно многочисленные и финансово значимые группы индийцев, британцев, китайцев. В составе землевладельцев-индийцев с конца XIX в. стали появляться представители южноиндийской ростовщической касты *четти*. Еще большую долю занимали индийцы (как инду-сы, так и мусульмане) в торгово-коммерческом секторе, где они были в финансовом отношении на втором после англичан месте. Значительную долю занимали также китайцы, которые концентрировались преимущественно в деревенской торговле.

Вытеснение бирманцев из торговли, землевладения, ростовщичества, промышленности, транспортно-строительных отраслей началось в конце 1880-х годов. Несмотря на этот процесс, бирманское предпринимательство упорно выживало, искало для себя новые ниши, причем это касалось предпринимательства не только на низшем, но и на среднем уровне. Данные 1895 г. по предприятиям торговли, промышленности, финансово-ростовщической деятельности и т.п. показали, что разного рода бирманские предприниматели обосновались в малых городах (57% всех предприятий) и в окружных (дистриктных) центрах (ок. 44%); в Рангуне же их доля была незначительной (менее 10%). В 1898 г. бирманским предпринимателям в Нижней Бирме принадлежало 15% всех рисовых мельниц (европейцам почти 64%, китайцам — 13 и индийцам — 9%). В 1910 г. 19 бирманцев было включено в число виднейших предпринимателей Бирмы, причем почти половина из них были заняты в рисоочистительной промышленности г. Бассейн. Некоторые были брокерами больших европейских фирм, а 9 человек были заняты новыми видами предпринимательской деятельности.

Среди лиц свободных профессий и государственных служащих еще с конца XIX в. установилось преобладание индийцев, больше работавших с британскими властями и лучше знавших английский язык. Но с начала XX в. в этих сферах наметилась устойчивая тенденция к росту доли бирманцев, прежде всего получивших образование и занятых в адвокатуре и культуре.

На нижнем — крестьянско-рабочем — ярусе пирамиды с конца XIX в. наметилась весьма сложная ситуация. Крестьяне были преимущественно коренными

жителями, но в Нижней Бирме было немало и индийских хозяйств. Среди сельскохозяйственных рабочих с самого начала была велика доля индийцев, которые после уборки урожая перебирались в города для сезонной же работы на рисоочистительных предприятиях. Здесь имела место конкуренция с бирманцами, так и известное добровольное разделение труда между ними (надо учитывать, что уровень зарплаты в Бирме был выше, чем в собственно Индии, а к работе по найму бирманцы были менее привычны). Среди арендаторов земли также была конкуренция между бирманцами и индийцами, причем она обострялась по мере исчерпания фонда годных к обработке земель. В промышленности почти с самого начала большую роль стали играть индийцы (они сохранили эту роль до конца колониальной эпохи), но в ней нашлось место и для представителей как коренных, так и некоренных групп. В лесном хозяйстве были заняты в основном коренные народности. Бирманцы добились также для себя прочного положения на современных нефтепромыслах Центральной Бирмы: их доля в этой сфере показывала тенденцию к увеличению.

Национальный состав армии и полиции был с самого начала преимущественно «чужеземным». Основу их до конца колониальной эпохи составляли индийцы (включая непальцев), хотя в начале XX в. к службе стали в возрастающем количестве привлекать представителей малых коренных народностей Бирмы. Собственно бирманцам, а также шанам колонизаторы не доверяли.

Интегратором мирного колониального развития Бирмы выступала экономика. Она развивалась бескризисно, если не считать временного падения цен на рис в 90-х годах и в 1907 г. Политический же контроль над страной находился в руках колониального правительства, которое твердо следило за сохранением единства государства.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

В начале XX в. в Бирме сложился социально-психологический климат, который лучше всего передать понятием «национальное пробуждение». Бирманцы втягивались в новые отношения, но их положение было политически и социально-экономически подчиненным. Они чувствовали себя уязвленными, «третьесортными» людьми в собственной стране. Горечь бирманцев вызывало забвение традиционных ценностей культурно-буддийского комплекса. Среди некоторых бирманцев даже распространилось пренебрежительное отношение к собственной культуре и традициям. Бирманский язык стал третьестепенным, литература и искусство, имевшие ранее щедрых покровителей в лице бирманских монархов, были в упадке. Роль и значение буддийского монашества — носителя духовного начала и стабильности в обществе — все больше уменьшались. В Бирме всегда слова «бирманец» и «буддист» были синонимами, и бирманец с рождения до самой смерти (и даже — по буддийской доктрине — после нее), жил неотделимо от религиозных, нравственных и философских представлений и ритуалов¹.

¹ Степень соединенности буддизма и каждодневной жизни бирманца и его языка хорошо иллюстрирует тот факт, что по-бирмански «монастырь» (буддийский) и «школа» выражаются одним и тем же словом (*чаун*). Одним словом обозначаются также понятия «религия» и «язык» как средство общения (*бата*).

Поиски самоидентификации выражались в стремлении с помощью предоставляемых историей новых политических и общественных средств и институтов, пришедших с Запада, сохранить и модернизировать национальное культурное наследие и бытие, утвердить свою национальную самобытность и вдохнуть оптимистическую веру в грядущее освобождение.

Национальное пробуждение в Бирме началось с повышения внимания к культурно-религиозным, просветительским, социальным и нравственным вопросам, воспитанию и образованию, развитию языка, литературы, искусства и науки.

Национальное пробуждение в этот период характеризуют три события: создание Буддийской ассоциации молодых людей (БАМЛ), основание бирманской национальной газеты «Турия», открытие Исследовательского общества Бирмы (ИОБ).

Еще в 1897 г. в Верхней Бирме, в Мандалае, считавшемся центром бирманского буддизма, была создана первая светская организация защиты и распространения буддизма Будда сасана ноггаха атин (Буддийская миссионерская ассоциация). Ассоциация занималась социально-просветительской деятельностью, основала школу, которая впоследствии дала Бирме ряд видных общественных деятелей. Подобные же ассоциации возникли в городах Мьинджан и Моулмейн (Моламьяйн). В 1902 г. в г. Бассейн было создано Общество Ашоки (по инициативе англичанина, обращенного в буддизм). В 1904 г. была образована Буддийская ассоциация Рангунского колледжа. Наряду со светскими ассоциациями во многих городах страны после 1905 г. стали создаваться ассоциации религиозного характера, в которых изучались буддийские тексты, заповеди, правила, велась пропаганда буддизма.

Кульминацией процесса образования светских буддийских ассоциаций было создание в 1906 г. Буддийской ассоциации молодых людей как всебирманской национальной организации. Инициаторами ее создания были студенты Рангунского колледжа У Ба Пе (1883–1971), У Маун Джи и У Хла Пе. Идея образования организации под таким названием возникла по аналогии с Христианской ассоциацией молодых людей, существовавшей в Англии и имевшей отделения в Рангуне. Основными целями БАМЛ было способствовать защите и развитию «расы (в смысле — нации), языка, буддизма и просвещения».

В 1908 г. в БАМЛ пришли молодые адвокаты, только что получившие это звание, — У Мей Аун, У Пу, У Сан Ба Ба, У Ба Си, У Маун Тейн и У Сейн Хла Маун. Затем в нее стали вступать чиновники государственной службы и даже вполне лояльные колониальному правительству люди (У Пе, У По Бье, У Тин, У Кхин, Дж. А.Маун Джи и др.). В БАМЛ вступали даже некоторые члены Законодательного совета при губернаторе. После реформ Морли–Минто в Британской Индии в 1909 г. ряды БАМЛ еще более расширились. В нее вошли не только бирманские адвокаты и чиновники, но и брокеры, торговцы, учителя, клерки.

По мере роста популярности БАМЛ создавались ее филиалы в разных городах страны, возникали школы (с преподаванием бирманской культуры), библиотеки. БАМЛ стала издавать еженедельник «Бирманец» на английском языке и ежесемсячный журнал «Бирманский буддист» на бирманском, английском и на языке пали, поддерживала тесные связи с основанным в 1907 г. Обществом пропаганды буддизма. Совместно с последним БАМЛ содержала типографию. В 1909/10 г.

в БАМЛ было официально 346 членов, в Обществе пропаганды буддизма — 1210 членов. В 1910/11 г. БАМЛ имела уже 15 местных отделений и организаций.

БАМЛ вела просветительскую работу среди населения, настаивала на введении бесплатного начального образования, соблюдении равенства между англичанами и бирманцами в получении образования, боролась с вредными национальными традициями (например, с обычаем чрезмерных трат на праздники, церемонии и т.п.), способствуя воспитанию патриотических чувств народа.

Формально БАМЛ возникла как неполитическая организация, но она стала выразителем пробуждавшегося бирманского национализма, первым шагом в направлении политической деятельности. По воспоминаниям У Ба Пе, основатели БАМЛ с самого начала думали о том, чтобы с помощью этой ассоциации распространять политические взгляды, а они у них уже тогда были вполне антиколониальные. За буддизмом, просветительством скрывался национализм многих молодых членов этой организации. БАМЛ тогда еще не требовала, а лишь надеялась на реформы сверху. Она была в целом лояльна властям и даже открывала свои конференции (первая состоялась в 1910 г., вторая — в 1914 г.) пением британского гимна «Боже, храни короля» (позже появилась поправка — «Будда, храни короля»).

На национальное пробуждение в Бирме большое воздействие оказали международные события того времени. Огромное впечатление на общественность произвело поражение «европейской» России от «азиатской» Японии в войне 1904–1905 гг. Бирманский историк писал, что «появление Японии в качестве великой мировой державы в Бирме приветствовалось как заря новой эры, в которой азиаты наконец станут равными в социальном и политическом отношениях господствующим европейцам». Буддийский монах У Отама (1879–1939) в начале века поехал в Японию, провел там несколько лет и вернулся на родину полный восхищения успехами Японии.

Немалый патриотический эффект произвело и сопротивление буров англичанам в англо-бурской войне 1899–1902 гг. Характерно, что имя бурского генерала Л.Бота, прославившегося партизанскими действиями против англичан, в Бирме полусерьезно связывали с именем бирманского партизанского лидера По Та, которому в период антианглийского движения сопротивления удалось-таки бежать из страны. В Бирме тяжело переживали поражение буров. Как раз в начале века в Бирме были открыты первые кинотеатры, и публика громко реагировала на соответствующие кадры, рассказывавшие об успехах японской армии или о сопротивлении буров.

Особое значение для Бирмы имело развитие национально-освободительного движения в Индии. Бирма в политическом отношении смотрела на Индию как на образец для подражания и использовала ее опыт антиколониального движения. Хотя БАМЛ организационно не была связана с Индийским национальным конгрессом (ИНК) и национализм БАМЛ был исторически менее зрел, идейно и структурно БАМЛ была близка ИНК. Агитационную работу вели и индийские националисты, которых центральные власти Индии за революционные выступления ссылали в Бирму.

Другим важным событием общенационального звучания можно назвать возникновение бирманской журналистики и печати. 4 июля 1911 г. лидеры Буддий-

ской ассоциации молодых людей У Ба Пе и У Хла Пе начали выпускать бирманскую газету национальной ориентации, ставшую знаменитой, — «Турия» («Солнце» — на языке пали). С 1913 г., после создания солидной издательской компании, она стала ежедневной. До этого в Бирме было две ежедневные английские газеты, несколько еженедельников и зависимых от них бирманских бюллетеней новостей. В последних помещались только переводы сообщений из английских газет. «Турия» же в своих редакционных статьях и независимых комментариях обсуждала национальные вопросы. Она стала трибуной для пробужденного бирманского национализма и одновременно вдохновительницей его дальнейшего развития. «Турия», не будучи официальным органом БАМЛ, широко освещала ее деятельность, инструктировала местные отделения и тем самым способствовала дальнейшей популяризации и росту влияния этой организации. Долгие годы редактором и издателем «Турии» были поочередно У Ба Пе и У Хла Пе. У Ба Пе был связан с издательством «Турия» до середины 30-х годов, его по праву можно считать одним из «отцов бирманского национализма» и основателем бирманской журналистики.

Важные процессы в начале XX в. происходили и в бирманской литературе. Выходившие в то время художественные произведения рассказывали о прошлом Бирмы, прослеживали связь времен, поднимали различные проблемы современной жизни бирманцев. Появляются новые «актуальные» жанры излюбленной в Бирме драмы. Под влиянием европейского романа рождается бирманский роман как совершенно новый жанр национальной литературы (У Хла Джо и У Чжи). С особым жанром литературного творчества выступил Такин Кодо Хмайн, который в своих *тика* (эссе или комментариях) брался за самые злободневные темы. Он сотрудничал в газете «Турия».

Третьим важным событием начала XX в. в Бирме было создание Исследовательского общества Бирмы (ИОБ), которое с 1911 г. регулярно издавало свой журнал (“Journal of the Burma Research Society”).

Инициатором создания ИОБ был Дж.С.Фёрниволл, тогда колониальный чиновник, горячо любивший Бирму и ставший со временем патриархом ее научного изучения. Он задумал объединить усилия бирманцев и европейцев, интересующихся бирманской историей и культурой. Помимо Дж.С.Ферниволла основателями общества были бирманский адвокат У Мей Аун, президент БАМЛ, и Ш.Дюрузель, французский ученый, профессор языка пали в Рангунском колледже. Торжественное открытие состоялось 29 марта 1910 г. Общество ставило своей целью изучение всех аспектов бирманского культурного прошлого: литературы, языков, археологических памятников, религии, искусств, промышленности, музыки, драмы, фольклора, обычаев. Общество проводило регулярные заседания, на которых зачитывались и обсуждались научные доклады. Главной же работой общества было издание научного журнала, который выходил трижды (затем дважды) в год.

ИОБ было внеполитической организацией с чисто научными интересами. Даже экономика не была первоначально включена в предметы изучения, поскольку колониальные власти опасались, что Общество «поощрит национализм» и «подрывные тенденции». Все же губернатор Бирмы Х.Т.Уайт поддержал проект создания Общества, хотя при этом вычеркнул из проекта пункт о том, что возрас-

тающее внимание должно быть уделено бирманской археологии, ибо опасался, что данный пункт может быть воспринят как косвенная критика властей за пренебрежение к памятникам старины. Он же был назван первым патроном Общества и председательствовал на некоторых его заседаниях (с тех пор традицией стало считать патроном Общества официального главу страны).

ИОБ и его журнал сыграли существенную роль в становлении современной бирманской науки, собирании и анализе бирманских исторических источников, в подготовке бирманских научных кадров. Материалы журнала за многие годы стали уникальной коллекцией знаний о Бирме, не имеющей себе равных. Но дело было не только и не столько в этом. Создание научного общества и его журнала в Бирме стало событием общенационального значения, частью национального пробуждения и его стимулом.

Эти события, прежде всего создание БАМЛ, готовили почву для политической борьбы за независимость, которая стала содержанием следующего периода развития Бирмы после Первой мировой войны.

В год кончины Монгкута (1868 г.) его сыну и наследнику Чулальонгкорну исполнилось 15 лет. Регентом (вопреки традиции — знатное лицо не могло занять пост выше принца) стал глава семьи Буннак Чао Пья Сурифонгсе. Самостоятельное правление Чулальонгкорна (Рама V) началось в 1873 г. и продлилось до 1910 г. В истории Сиамы оно стало временем важных государственных реформ, целью которых было приспособить страну к развитию капитализма.

Становление капитализма в Сиаме происходило на основе иностранного капитала (надэтническая форма) и при подчинении мелкого производства торгово-ростовщическому капиталу, выступавшему посредником между докапиталистическими укладами и мировым рынком (форма локально-земляческая). Эволюция экономики оказалась подчиненной не национальным задачам, а интересам колониальных держав, эксплуатировавших страну через каналы внешней торговли. Поэтому и развитие новых отношений проявлялось не столько в области производства, сколько в сфере обращения.

В социально-политической жизни на передний план выдвигаются обладатели денежного богатства, торгового капитала. В генезисе последнего отразились такие особенности местного общества, как слабость землевладельческой аристократии, неспособность государства посредством централизованной ренты-налога извлечь из прибавочного продукта крестьянского труда ту прибыль, которую из него мог получить торгово-ростовщический капитал.

Эксплуатация земледельца перестала быть монополией знатных семей, составлявших государственную бюрократию, к ней приобщился и торгово-ростовщический капитал. Но последний был представлен не семьей Буннака — «продуктом более ранней эпохи», а прослойкой китайских торговцев-оптовиков, контролировавших через систему кредита огромный многоступенчатый аппарат торговых посредников китайского происхождения. Через этот торговый аппарат, полностью отделившийся от государственного, приспособившись к рынку и правящий класс Сиамы. В сущности, происходило становление нового экономически господствующего класса из китайского меньшинства, а также поляризация групп в традиционном политически господствовавшем классе: в нем выделялась не порвавшая с государственной эксплуатацией группа крупных земельных собственников (помещиков-абсентеистов), ставших вместе с тем акционерами иностранных и местных компаний. Эта группа получала ренту со своих земель, часть совокупного дохода через государство и часть прибыли от предпринимательства. Но преобладали в этой среде связи с низшими формами капитала: ее представители не участвовали в крупном производстве, а вкладывали денежные средства в местные мануфактурные предприятия, не имея прав контроля над ними. Эта часть господствующего класса превращалась в ратье, живущих на проценты с капитала, вложенного в мануфактуры и банки.

Товарно-денежные отношения подрывали благосостояние традиционной части политически господствующего класса, сохранявшей права на «кормления» (*кын мыанг*) и политические прерогативы в периферийных *мыангах* — внешних провинциях. Но и эта часть через местные рынки втягивалась в торговлю и откупа налогов с местного производства, увеличивая свои доходы. Знать, включенная в государственный аппарат, компенсировала жалованьем потерю ею традиционных доходов на местах. Однако заметный слой господствующего класса из должностных семей так и не смог приспособиться к новым условиям, сохранив патронаж над земледельцами как ведущее социально-экономическое отношение.

Экономической базой большинства трансформировавшегося господствующего класса служил налог. Китайское иммиграционное меньшинство в этой структуре оказалось социальным аутсайдером — ему отводилась только роль связующего звена с мировым рынком. Сиамский господствующий класс не смог создать внутри страны развитой экономической базы в сфере землевладения помещиков-абсентеистов и инфраструктуры, созданной государственным сектором, а соответственно условий, в которых он выступил бы от лица нации, слившись с «экономически господствующим классом» из китайского меньшинства. Он остался правящим слоем, а его отношения с китайским меньшинством на десятилетия стали проблемой для Сиама. В сложившейся обстановке в роли модернизатора выступила группировка правящего слоя, оказавшаяся на стыке современной и традиционной общественных сфер. К модернизации социально-политической структуры страны ее толкала нависшая над страной угроза потери политической независимости.

Задачи буржуазной трансформации сиамского общества сторонники модернизации решали через серию реформ 80–90-х годов. Важнейшей из них была реформа финансов, начатая еще при Монгкоте, но мало изменившая состояние государственной казны: и в начале правления Чулалонгкорна она была практически пуста, ибо до нее доходила от силы половина собиравшихся налогов и других доходов. Правительство Чулалонгкорна стремилось собрать все доходы без потерь, причем в деньгах, а не в натуре. Государственные работы постепенно были заменены подушным обложением в денежной форме на всей территории страны. Был положен конец фискальной независимости провинций и отдельных этнических групп. Первая попытка создать единое для страны финансовое ведомство относится к 1875 г., но полностью система центральных учреждений сформировалась в 1892 г., когда указом правителя были назначены двенадцать министров. На базе созданного еще в 1888 г. временного кабинета возник кабинет министров — орган исполнительной власти, которого не существовало раньше.

После образования в 1892 г. Министерства внутренних дел изменилась система управления провинциями; страна была разделена на 18 округов — *монтонов*, которые, в свою очередь, делились на провинции и дистрикты. В последних на базе деревень были образованы административные общины.

В новой системе государственного управления основное внимание уделялось министерствам внутренних дел, финансов и военному. К проведению реформы широко привлекалось буддийское монашество, создававшее социально-психологическую атмосферу, благоприятную для действий правительства. В начальных школах при буддийских монастырях (*ватах*) пропагандировались реформа-

торские усилия правительства. В состав бюрократических учреждений была включена секта *тхаммаютникая*, опиравшаяся на монастыри, основателями которых являлись члены правящей семьи. Глава *тхаммаютникаи* принц Вачирайян стал главой объединенной буддийской организации, включавшей и *маханикаю*, иными словами, религиозные учреждения подчинялись государству.

Административные реформы позволили разграничить функции различных учреждений, более профессионально вести в них дела. Государственное управление распространилось теперь на сферы образования, здравоохранения, санитарии, промышленности. Чиновники этих новых ведомств, которые проходили подготовку в местных образовательных учреждениях, были выходцами из общинной администрации, частично представляя традиционное чиновничество, а также сыновьями китайцев, проживающих в Бангкоке. На низшие должности пришли люди незнатного происхождения: китайская торговая колония столицы и мелкие чиновничьи семьи, по наблюдению исследователей, до 1900 г. быстрее реагировали на возможность получить современное образование, чем традиционное чиновничество.

Развивавшийся в Сиаме «абсолютизм» опирался на традиционную идеологию: индуистскую концепцию власти правителя, признававшую ее божественность и неограниченность. Древнее представление о мире, особенно близкое восприятию земледельческого населения, как о замкнутом круге с обожествленным правителем в его центре, обеспечивавшим гармонию человеческого микрокосма с бездуховным, грозным бедами макрокосмом, — было использовано в процессе модернизации традиционного общества. Считалось, что стоящий над обществом правитель действует во имя всеобщего блага, руководствуясь заботой о всем обществе. Правящая элита, воспринимая идеи современного мира, корректировала их, исходя из традиционных политических воззрений. Так, был отвергнут принцип выборности властей, поскольку, согласно традиции, правым могло быть лишь элитарное меньшинство, обладающее высшей религиозной заслугой и моральным авторитетом.

Выполняя новые задачи, реорганизованный аппарат государственного управления сохранял и традиционные функции охраны интересов групп, выступавших монопольными владельцами старинных прав и доходов. Так, несмотря на замену общественных работ подушным обложением, Министерство внутренних дел сохранило право мобилизации населения в политических целях. Ряд министерств оставил за собой автономные источники доходов. Централизованный принцип организации государственного управления не всегда строго выдерживался. Посты в аппарате управления были пожизненными, многие министры рассматривали свои должности как *синекуру*, редко посещали вверенные им министерства, предпочитая службе традиционные ритуалы и церемонии, в штат брали своих клиентов и зависимых лиц. Кабинет министров мало отличался от прежних совещательных *лук кун сала*: он так и остался органом, примиряющим интересы соперничающих монопольных групп. Свои суды имели тайное общество китайцев, а малайские общины юга — шариятские суды. Аппарат управления в целом не стал буржуазным.

Поспешность в осуществлении реформ была в числе прочих причин обусловлена угрозой агрессии со стороны Англии и Франции в Индокитае. Поэтому государ-

ство и проявило особую заботу о реорганизации армии. В 1898 г. был создан генеральный штаб и проведено коренное изменение военной службы. Указом 1905 г. прежняя система набора в армию по *кромам*-приказам (призывали мужскую часть населения, приписанную к *крому*) ликвидировалась, объявлялась всеобщая воинская повинность, армия стала содержаться за счет средств государственного бюджета. Особое внимание уделялось комплектованию высшего офицерского состава. На руководящие посты в вооруженных силах назначались принцы крови, получившие специальное военное образование в западноевропейских странах с монархическими политическими режимами (Англия, Германия, Россия). Высший командный состав сохранял верность монарху.

С начала XX в. духом корпоративной сплоченности стал выделяться средний офицерский состав армии и военно-морского флота, преимущественно из *лук чин* (дети китайцев от браков с тайскими женщинами). В Сиаме не было слоя, имевшего особый статус (типа европейского дворянства), из которого мог формироваться офицерский корпус, сильный духом сословного единства. Тем не менее в вооруженных силах созрел первый социально-политический конфликт: средние офицерские чины в армии Сиам в период буржуазных революций в Азии вошли в состав политической заговорщической организации и выступили против абсолютной монархии с целью изменения формы политического устройства.

Правительство проводило политику в интересах прежде всего землевладельцев, стремясь вместе с тем учитывать интересы предпринимателей и торговцев. Но интересы политически господствовавших в пореформенном Сиаме помещиков-абсентеистов и экономически господствующего слоя из местных китайцев не совпадали. Трения между владельцами земли и обладателями капитала во всех его формах по вопросам правительственной политики были обусловлены тем, что обуржуазившиеся представители элиты отстаивали те порядки и нормы, которые были выгодны им как носителям привилегированного, но примитивного, отсталого предпринимательства. Это проявилось особенно четко в социальной инфраструктуре и в финансовой сфере. Государство сохраняло элитарный характер, заложенный в системе *сактина*, отмененной лишь в 1923 г. Оно регулировало поземельные отношения, сдерживая превращение земли в товар, поддерживало в интересах традиционных слоев внеэкономическое принуждение, стремясь в первую очередь обеспечить рабочими руками помещиков-абсентеистов, а не промышленников.

Ярко проявилось элитарное начало правительственной политики в организации образования, открывавшего доступ к высшим государственным должностям. Принцы стали получать светское образование в созданной во дворце в 1881 г. школе гражданских служащих с учителями-европейцами или за границей, преимущественно в Англии. В учрежденный в 1898 г. Королевский колледж принимались лица из привилегированного круга. Таким образом, традиционной элите была предоставлена возможность поддержать свое социальное положение в стране, которая за несколько десятилетий сильно изменилась. Монополия на светское образование сохранила для элиты возможность занятия высших государственных постов. В созданном Чулалонгкорном в 1873 г. Государственном совете с законодательными функциями все советники были из принцев и элиты столицы. В 1903 г. из десяти министров восемь были принцами, занимавшими к тому же важнейшие

посты — министров внутренних и иностранных дел, военного, финансов, юстиции и т.д. Реформаторы, связанные с наиболее архаичной и консервативной формой капитала — торговой, ориентировались в своей деятельности не на западные страны (хотя опыт такой страны, как Россия времен Петра I, изучался), а на организацию управления в колониальных странах. Чулалонгкорн и принц Дамронг посетили английские колонии Бирму и Малаю. В итоге реформ монархия в Сиаме получила двойственную структуру: с одной стороны, она приобрела черты абсолютной монархии, стремилась развивать денежные отношения и способствовать интеграции страны в систему мирового хозяйства, а с другой — опиралась на традиционное крестьянство, в глазах которого монархия оставалась воплощением общинной этики, залогом устойчивости, «гармонии космоса» и крестьянского уклада жизни, а монарх — харизматическим лидером, оберегающим страну от хаоса.

В земледельческом производстве Сиам в конце XIX — начале XX в. было занято 90% самостоятельного населения. Международное разделение труда потребовало от аграрных стран, подобных Сиаму, увеличивать выход сельскохозяйственной продукции, а там, где это было возможно, повысить удельный вес интенсивных отраслей земледелия: огородничества, садоводства, возделывания технических культур. Сиам превращается в поставщика на мировой рынок риса и скота (плантации сахарного тростника в 70-е годы пострадали от наводнения и более не восстанавливались).

Доходы господствующего класса стали определяться производительностью рисоводческого хозяйства, которое расширялось за счет поощрения правительством освоения новых земель. Замена государственной барщины на поземельное обложение была связана с ростом рыночного спроса на рис.

Некоторое ограничение налоговых требований, совпавшее по времени с упадком значения государственных работ, привело к росту ценности земли. Спрос на землю возростал.

В Сиаме среднее крестьянское хозяйство охватывало 20–25 раев обработанной земли. Большая часть земли была под рисом, остальная — под другими культурами. По расчетам голландского экономиста ван дер Хайде, работавшего в Сиаме в начале XX в., участок земли в 20 раев давал возможность землевладельцу сохранять свое хозяйство при занятии всей земли под рис. Другим условием была интенсификация труда крестьянской семьи, необходимость использования в земледелии того рабочего времени, которое ранее отдавалось домашней промышленности. Такой переход совершался наиболее последовательно в центральном районе Сиаме, где домашнее ткачество было полностью уничтожено к началу XX в. конкуренцией привозных тканей.

Для динамичного развития монокультурного земледелия необходимы были ирригационные системы и расширение современной транспортной сети. В 1889 г. началось сооружение первой железнодорожной линии длиной до 20 км от Бангкока к форту Панкам. В 1892 г. приступили к строительству дороги на северо-восток длиной более 400 км. До 50% акций государственной строительной компании приобрела семья правителя. В Бангкоке появились железнодорожные ремонтные мастерские.

Реформы конца XIX — начала XX в. имели огромное значение для победы свободных договорных отношений над различными формами социальной непол-

ноправности крестьянства. Крестьяне получили право заниматься иной, чем земледелие, отраслью экономической деятельности, поступать в учебные заведения и на государственную службу. По закону 1897 г. о новой административной структуре страны крестьянская община признавалась административно-территориальной единицей, в нее входило десять деревень. Деревенский сход избирал старосту (*пху яй бан*), а старосты — главу общины (*камнан*). Ни старосты, ни главы общин не были правительственными должностными лицами, хотя получали небольшое вознаграждение.

Проведение земельного кадастра, выдача документов на землю начались в конце 1900 г., охватив лишь центральные области государства. В остальных районах сохранялась свободная заимка земли. «Кормленщики», собиравшие и вносившие в казну налоги, имели право «просить» крестьян отработать в их хозяйстве в порядке «личной услуги».

Формы личной зависимости всех категорий крестьянства, включая и продажу в долговую кабалу, законодательно были полностью уничтожены к 1905 г.

Проведенные меры расширяли гражданские права крестьянина, хотя и после реформ он не стал собственником земли. В системе ценностей крестьянства продолжали преобладать политические (государственная служба) и религиозные, а не экономические мотивации.

Перемены в земледелии, его интенсификация основывались на двух факторах. Первый — кооперация труда в рисоводстве на основе хозяйственного союза родственных семей (*лонг каек*). Соединение земли, скота, орудий труда и рабочих рук создавало рентабельное в условиях товарно-денежных отношений рисоводческое производство. Вторым фактором являлась деятельность владельцев денежного капитала — членов правящей семьи, наместников провинций и должностных лиц низших рангов, местных сборщиков налогов, китайских торговцев, — по созданию компаний ирригационного строительства. Земля вдоль каналов оказалась в руках мелких собственников, имевших участки площадью до 200 раев. В их хозяйствах стал применяться наемный труд вместо взаимопомощи и создались условия для капиталистического накопления.

Важным фактором в развитии аграрной сферы было появление помещиков-абсентеистов, использовавших труд своих должников-крестьян, которым оказывалось покровительство, и наемных сезонных рабочих. Часть земли помещики сдавали в аренду; арендаторами стали насильственно расселявшиеся на этих землях военнопленные. В районах абсентеистского землевладения не было родственных союзов крестьян. Попадая в долговую зависимость, крестьяне наряду с рабами превращались в кабальных арендаторов. Но последние проживали в районах абсентеистского землевладения временно, так как после окончания работ они возвращались в свои деревни. Так происходило перераспределение трудовых ресурсов между старыми земледельческими и вновь сложившимися районами рисоводства. Оно стало возможно благодаря изменению структуры рабочего времени сельского населения в центральных районах страны, ослаблению форм личной зависимости, использованию освободившихся от государственных работ в помещичьем земледелии трудовых ресурсов.

С начала XX в. в районы абсентеистского крупного землевладения начался приток сезонной рабочей силы с плоскогорья Корат (северо-восток Сиам). Но

удельный вес наемного труда в земледелии был невелик. Его увеличение тормозилось применением семейно-общинного кооперированного труда и сохранявшегося до 1905 г. труда на основе внеэкономического принуждения. Концентрация земли ограничивалась помещичьим абсентеистским землевладением, государство своей налоговой политикой не стимулировало роста частных владений, стремясь избежать присвоения земли в «спекулятивных целях», т.е. выделения в крестьянской среде экономически сильного слоя.

Изменения в аграрной сфере ориентировали земледельческие хозяйства на рыночные отношения. Однако образующийся в земледельческом производстве доход не вкладывался в сельское хозяйство. В обществе Сиаме не сложился слой «торгующих крестьян». Большую часть дохода от рисоторговли через монопольную цену присваивал торгово-ростовщический капитал, препятствуя росту в деревне зажиточной верхушки. Таким образом, в земледелии не складывалось расширенного воспроизводства, а это исключало возможность накопления капитала.

Модернизация политической и социальной жизни в Сиаме во второй половине XIX в. проходила сравнительно гладко, без конфликтов в центральных районах страны, признававших харизматическое лидерство бангкокской знати, которая, используя традиционные и современные идеи, сумела сформулировать идеал *джати*, т.е. нации. Перед обществом ставилась не абстрактная буддийская доктрина достижения каждым человеком благополучия в будущих перерождениях, а идея соединения индивидуальных усилий в рамках национального сообщества. «Спасение», рисовавшееся буддизмом как религиозная заслуга отдельного человека, становится «национальным движением». Но это движение не получило распространение в отдаленных от центра районах севера и северо-востока Сиаме, приниженных в политическом отношении и отставших в социально-экономическом развитии. Начавшееся к концу XIX в. проникновение в эти районы товарно-денежных отношений вызвало социальную напряженность. Эти процессы активизировали местную знать, не признававшую харизматической роли за бангкокской элитой. Под руководством местной знати здесь происходило развитие милленаристских движений, которые вдохновлялись мечтой о рае на земле и приходе мессии. Предсказания пагубных последствий постепенного упадка этики, высказывавшиеся в местной буддийской литературе, породили в умах населения ожидание катастрофы и прихода справедливого правителя *пху ми бун* — «благодатного». Одно из восстаний милленаристского характера, имевшее место в 1889 г. в районе Ченгмая, было ответом населения на попытки правительства распространить на северные районы практику взимания налогов в денежной форме и откупа налогов.

Наиболее значительным по охвату территории и числу участников было движение *пху ми бун*, начавшееся в 1902 г. на северо-востоке. Здесь распространению утопических и мессианских идей в среде земледельческого населения способствовали частые стихийные беды, а также слухи о скором введении денежных налогов. Местные проповедники — монахи, предсказатели, бродячие певцы — в глазах населения приобретали качества *пху ми бун* — «благодатных». Они предсказывали космическую катастрофу, после которой якобы и наступит вечное царство счастья. В письменных прокламациях проповедники уверяли, что скоро деньги обратятся в камни, а куски гранита — в деньги. В ожидании катастрофы

население прекратило трудовую деятельность, уничтожило рабочий скот, шелковичных червей и т.д. Движение было поддержано администрацией деревень. Руководители восстания сумели достать оружие и снабдили им крестьян, оказавших сопротивление сборщикам налогов. Была создана армия повстанцев, одержавшая ряд побед над отрядами, направленными правительством для подавления восстания. Под районным центром Убон повстанцы были разбиты, их войско распалось на отдельные отряды, перенесшие восстание в новые районы. Постепенно милленаристские движения утратили силу, но население сохранило психологическую готовность к мятежу, что обнаружилось на более поздних этапах развития сиамского общества.

СОПЕРНИЧЕСТВО КОЛОНИАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ
В ЗАПАДНОМ ИНДОКИТАЕ В КОНЦЕ XIX в.
И ЗАХВАТ ФРАНЦИЕЙ ЛАОССКИХ ЗЕМЕЛЬ

Рассматриваемый период был наполнен очень важными событиями внешнеполитического характера, связанными с обострением борьбы капиталистических держав за раздел мира. Решалась в эти годы и судьба Сиам. Главными соперниками в борьбе за колонии в Индокитае по-прежнему выступали Англия и Франция. В начале 80-х годов Франция предложила план сооружения канала через перешеек Кра. Канал должен был соединить Сиамский залив с Андаманским морем, сократив для морских судов путь из Европы в страны Дальнего Востока. Англия не поддержала этот проект.

Союзницей Франции на международной арене в этот период была Россия, создавшая в 1880 г. Тихоокеанскую эскадру с базой во Владивостоке. Корабли эскадры в 1882 г. были направлены в Сиамский залив: они, по словам русского исследователя К.Скальковского, «поддерживали достоинство русского флага» в этих водах. Командующий русской эскадрой А.Б.Асланбегов посетил Бангкок. Тогда же в Сиамском заливе появились французские военные корабли, а в столице Сиам — депутат французского парламента Делонкль, пытавшийся склонить сиамское правительство в пользу плана сооружения канала. Правительство Сиам воспользовалось пребыванием в Бангкоке А.Б.Асланбегова и выступило с предложением заключения торгового договора с Россией, установления с ней дипломатических отношений. В 1890–1891 гг. ряд стран Востока, в том числе и Сиам, посетил наследник русского престола великий князь Николай. В Бангкоке он был встречен с большим радушием, и ему вручили проект торгового соглашения, которое правительство Сиам хотело бы заключить с Россией. Но русское правительство в тот период не решилось на договорные отношения с Сиамом.

Французы стремились также освоить водный путь в Южный Китай. С этой целью в 1880-х годах предпринимались научные экспедиции в верховья р. Меконг, по берегам которой располагались многочисленные государства-данники Китая и Сиам. Лаосское княжество Луангпхабанг признавало сюзеренитет Сиам.

В 1885 г. была создана объединенная сиамо-французская комиссия для выяснения границ Луангпхабанга, а в мае 1886 г. между Францией и Сиамом была подписана конвенция об открытии в столице этого лаосского государства французского вице-консульства, куда вскоре прибыл Огюст Пави, сторонник территориальных захватов в Индокитае. Конвенция об открытии вице-консульства не была ратифицирована французским парламентом, но О.Пави в 1887–1895 гг. развернул активную деятельность по изучению путей во Вьетнам и Китай. Сиамский командующий гарнизоном в Луангпхабанге передал О.Пави карту с обозначением границ государства.

В 1886 г. в Париже вышла книга видного чиновника французской колониальной администрации в Индокитае Ланессана «Расширение колониальной империи Франции», из которой явствовало, что в интересах последней было сохранение неопределенности границ мелких государств между Юньнанью и государствами-данниками Бирмы и Сиам, чтобы в удобный момент расширить французские владения в Индокитае до р. Меконг. Эта программа и выполнялась колониальной администрацией Франции в Индокитае в 80-е годы. С помощью О.Пави или по его инициативе с конца 80-х годов стал реализовываться план захвата Луангпхабанга, полунезависимого государства на территории Лаоса.

В июне 1887 г. Луангпхабанг подвергся нападению вьетнамских отрядов хо («черные флаги»), которые в отсутствие сиамских войск захватили столицу и разрушили ее. Престарелый правитель Ункхам был спасен из горевшего дворца людьми О.Пави и бежал под защиту спешно прибывших сиамских отрядов. Воспользовавшись растерянностью Ункхама, О.Пави предложил ему покровительство Франции; одновременно в Бангкок было направлено сообщение об изменении статуса Луангпхабанга. Под предлогом необходимости обороны французских владений во Вьетнаме от повторных вторжений «черных флагов» французская сторона потребовала от правительства Сиам согласия на создание комиссии по установлению границ между Сиамом и «зоной французского влияния». В январе 1889 г. Ункхам был восстановлен на троне Луангпхабанга.

В 1889 г. по инициативе О.Пави была организована экспедиция в район реки Меконг с целью изучения сухопутных и речных путей сообщения, определения ценности производимой в этом районе продукции, отбора ее образцов с тем, чтобы изменить, как считали французские политики, направление потока товаров из Южного Китая, шедших на экспорт в Сайгон через Бангкок. В начале 1890 г. экспедиция приступила к работе (действовала до июля 1891 г.) на огромной территории от Северной Камбоджи до границ с Юньнанью.

Правительство Сиам, используя франко-английские противоречия, в 1889 г. добилось создания смешанной сиамо-французской комиссии для установления восточной границы Сиам. Итогом ее работы было заключение в 1890 г. соглашения между колониальной администрацией Франции в Индокитае и правительством в Бангкоке, по которому левый берег Меконга признавался Францией владением Сиам, за исключением района Сипсонгчаотхай на Черной реке.

Активизируя деятельность по освоению Лаоса, Франция в начале 1892 г. преобразовала вице-консульство в Луангпхабанге в торговое агентство и открыла ряд новых агентств на лаосских территориях. О.Пави был назначен главой дипломатической миссии в Бангкоке.

Смерть одного из служащих торгового агентства в Луангпхабанге дала французским колониальным властям в Индокитае повод потребовать от правительства Сиам уступить левобережье Меконга. В мае 1893 г. начались военные действия. Продвижение французских войск вверх по Меконгу сопровождалось вооруженными конфликтами с сиамскими отрядами. Французы ответили угрозой блокады Бангкока, а 20 июля 1893 г. предъявили Сиаму ультиматум, требуя формального признания сиамским правительством прав государства Вьетнама и Камбоджи на земли лао по левобережью Меконга. Правительство Сиам было вынуждено согласиться и принять ультиматум. Договор, заключенный 3 октября 1893 г.

между Францией и Сиамом, положил начало колониальному господству Франции в Лаосе.

25 ноября 1893 г. между Англией и Францией было достигнуто соглашение об образовании смешанной англо-французской комиссии, которая должна была установить границы между английской Бирмой и французским Лаосом. По соглашению 1896 г. Сиам был превращен в своего рода буфер между колониальными владениями Франции и Англии; его северные и восточные районы по правому берегу Меконга (в том числе лаосские территории) вошли во французскую сферу влияния как демилитаризованная полоса, ширина которой составила 80 км.

Во второй половине 90-х годов, когда обострились русско-английские противоречия, в частности на Дальнем Востоке, у русской дипломатии появляется интерес к событиям в Индокитае. Летом 1897 г. правитель Сиам Чулалонгкорн совершил поездку в Европу, во время которой он посетил Петербург. Результатом стало установление российско-сиамских дипломатических отношений, что помогло сиамской стороне в переговорах с Францией об урегулировании отношений между двумя странами. Русская дипломатия была заинтересована в разрешении спорных вопросов между Сиамом и Францией, чтобы не спровоцировать Англию на захват верховьев р. Меконг, пограничных с Южным Китаем.

Правительство Сиам видело в политике России залог сохранения страной независимости. Русский флаг над зданием миссии был поднят 14 мая 1898 г. Первым русским дипломатическим представителем в Сиаме в ранге поверенного в делах стал А.Е.Оларовский, ориентировавшийся на «русскую партию» при сиамском дворе. «Не только сиамское правительство, но и большинство интеллигенции Сиам смотрит на нас как на единственное государство, могущее устроить на прочных началах его независимость и безопасность от захватов его могущественных соседей», — сообщал он в Петербург 23 июня 1898 г.

Другая партия во главе с принцем Девавонгсе ориентировалась на Англию. Ее влияние на внешнюю политику Сиам стало возрастать с 1902 г., когда Англия заключила союз с Японией. Франция, не желавшая сдавать своих позиций в Юго-Восточной Азии, выступила с планом захвата всего Сиам. Русская дипломатия не поддержала французский план. 13 февраля 1904 г. был подписан франко-сиамский договор, урегулировавший отношения сторон: было достигнуто соглашение о разделе колоний между Францией и Англией. Сиам сохранил независимость, но был поделен на сферы влияния между этими двумя странами.

Первым главой колониальной администрации в захваченном французами Лаосе стал О.Пави (1894–1895); в Луангпхабанге сохранялась правящая династия, но при правителе был учрежден пост комиссара, который фактически и управлял государством. 18 апреля 1899 г. генерал-губернатор Индокитайского союза учредил для Лаоса пост непосредственно подчиненного ему французского верховного резидента с местопребыванием во Вьетнаме. В 1900 г. Лаос был включен в Индокитайский союз в качестве «автономного протектората». Низшую административную систему лаосских земель колонизаторы сохранили, объединив *мыанги* десяти провинций и одну военную территорию. Провинции возглавили французские резиденты, военную территорию — командующий. *Чао мыангов* сохранились, но их аппарат, состоявший обычно из родственников, утверждался верховным резидентом.

Важным звеном административной системы, созданной французами к началу XX в., стали районы (*тасэнги*), их главы контролировали использование рабочей силы на общественных работах и отвечали за поступление налогов с населения подведомственных им территорий. Главы административных территорий, начиная с *чао мыангов* и кончая деревенскими старостами — *найбан*, избирались на деревенском сходе населением из местных родов *чао* и деревенских зажиточных семей. Такая по сути нетрадиционная административная система в условиях Лаоса в начале XX в. оказалась малоэффективной. Недовольство населения нововведениями проявлялось в уклонении от выполнения повинностей. Это было ответом и на экономическую политику французских властей: назначенные в Лаос резиденты под предлогом борьбы с «мятежниками» развернули захват «свободных», т.е. невозделанных земель. В фонд государственных земель в Лаосе вошли обширные пространства лесов и всей необрабатывавшейся земли, силой захватывались земли в горных районах, откуда изгонялись земледельцы, занимавшиеся подсечно-огневым земледелием. Разрушались общинные порядки в долинных районах, так как земля была объявлена объектом свободной купли-продажи. Колониальные власти пытались провести кадастр с целью установления границ землевладения и последующего уточнения налогообложения. Но в Лаосе, не знавшем поземельного обложения, эта политика не дала колонизаторам больших площадей земли, которые через аренду можно было использовать под плантации. Земельными собственниками в долинах становились представители деревенской верхушки и *тасэнги*. Обрабатывали эти земли крестьяне по традиции, в силу сохранения отношений личной зависимости.

КАМБОДЖА — ПРОТЕКТОРАТ ФРАНЦИИ
(1870–1887)

Французские власти в Индокитае приступили к организации колониальной администрации в Камбодже лишь в 1870-е годы. 15 января 1877 г. правителя Камбоджи Нородома вынудили подписать декрет, ограничивавший его власть. Члены правящей семьи были лишены административных функций, хотя им сохранили титулы и было назначено содержание. Одновременно отменялись все традиционные государственные монополии, кроме монополии на продажу опиума и рисовой водки. Согласно декрету, новые налоги вводились в стране только с одобрения совета при правителе, устанавливался денежный выкуп, освобождавший от несения бесплатных общественных работ.

В столице Камбоджи Пномпене был учрежден Верховный суд, одновременно являвшийся апелляционным судебным органом для судов низшей инстанции. Судебные функции чиновников были ограничены.

Указ правителя отменил пожизненное рабство: камбоджиец, проданный в рабство за долги, мог быть выкуплен или освобожден с зачетом его работы на хозяина. Такой же порядок был распространен и на горцев, проданных в рабство на невольничьих рынках. Дворцовая аристократия и сановники неодобрительно встретили этот указ, поскольку он ограничивал их доходы и власть.

С этого времени началась длительная, то тайная, то явная борьба кхмерской аристократии за сохранение монархии в Камбодже как политического института. Французская колониальная администрация вынуждена была учитывать эти настроения, приступая к «модернизации» кхмерской монархии. Осуществляла она это осторожно, путем серии декретов, санкционировавших выкуп у правящей семьи и аристократии их привилегий.

Через колониальную администрацию в Индокитае французское правительство вводило в Камбодже новые порядки. 26 марта 1882 г. Нородом подписал соглашение, по которому оружие в Камбоджу могло ввозиться только через Сайгон. Согласно декрету от 6 мая 1882 г., лица европейского происхождения, проживавшие в Камбодже, были подсудны только судам, «учрежденным в столице французской колонии Кохинхины — Сайгоне».

Под угрозой применения силы 17 июня 1884 г. Камбоджа была вынуждена подписать с Францией специальную конвенцию, еще более ограничившую ее самостоятельность: согласно ст. 1, правитель заранее одобрял все реформы, которые французское правительство сочтет необходимым провести в Камбодже. Местные чиновники — главы провинций — ставились под контроль французских резидентов, а само количество провинций сокращалось. Провинции делились на округа, штат чиновников в которых также утверждался французским резидентом. При Нородоме вместо дипломатического представителя Франции

учреждалась должность верховного резидента в Камбодже, подчинявшегося губернатору Кохинхины. Резидент получал свободный доступ к правителю Камбоджи. Вводился гражданский лист на содержание правителя и принцев соответственно 300 тыс. пиастров (1 пиастр — 4,55 франка) и 250 тыс. Статья 9 конвенции устанавливала новый порядок землепользования: «Земли королевства, до настоящего времени представлявшие исключительную собственность короны, перестают быть неотчуждаемыми. Французские и камбоджийские власти приступят к установлению собственности в Камбодже». Однако кардинальные изменения в социально-экономической структуре страны, предусматривавшиеся конвенцией, были сначала отложены из-за восстания 1885–1887 гг., а после его подавления оставались нереализованными вследствие устойчивости системы традиционных земельных порядков в Камбодже.

Восстание, получившее название «Движение в защиту правителя», было спровоцировано статьями Конвенции 1884 г., устанавливавшими порядок взимания налогов, таможенных сборов, косвенного обложения и мобилизации на общественные работы, целиком переходивших в ведение французской администрации. Представители последней — резиденты назначались и подчинялись верховному резиденту в Пномпене. Столица полностью оказывалась под управлением французского верховного резидента или его заместителя — председателя муниципального совета. Совет состоял из шести французов, назначаемых губернатором Кохинхины, а также трех кхмеров (хотя и назначаемых правителем Камбоджи, но утверждавшихся губернатором Кохинхины), одного вьетнамца, двух китайцев и одного малайца. Рабство отменялось. Вводилось судопроизводство европейского образца.

Современники, оценивая эту конвенцию, отмечали, что проще было бы сместить Нородома, а Камбоджу поставить под прямое управление французской администрации.

Против новых установлений французской администрации в Камбодже выступали прежде всего кхмерские монархические круги, которые сумели мобилизовать и широкие массы населения. «Движение в защиту правителя» проходило на фоне начавшегося ранее в провинции Кампонгтям восстания Си Ватха, младшего из сыновей короля Анг Дуонга, претендовавшего на трон Камбоджи. Его сторонникам удалось захватить столицу. Нородом бежал в Сиам, откуда вернулся в марте 1862 г., когда Си Ватха был разбит французскими войсками и, в свою очередь, укрылся на территории Сиама. Вторично он выступил в 1877 г., был взят французами в плен, но отпущен после того, как дал обещание отказаться от борьбы за трон. Тем не менее он выступил против Нородома, и в 1885 г. движение стало настолько широким, что вышло за пределы провинции Кампонгтям (здесь было сформировано 13 отрядов по 200–500 человек), охватив северные и восточные районы страны. Сторонники Си Ватха применяли тактику партизанской войны. Они получали боеприпасы из Сиама через провинции Баттамбанг и Ангкор.

Восстание пошло на убыль лишь с августа 1886 г., когда министры Нородома вступили в переговоры с вождями восставших и склонили их перейти на сторону правителя. Наиболее влиятельные вожди в сентябре–октябре 1886 г. прекратили борьбу. Си Ватха укрылся в малонаселенных районах страны, где формально восстановил независимую кхмерскую монархию. Попытки французских властей ликвидировать это «государство» были безуспешны, пока Си Ватха не умер в конце 1891 г.

В конце 80-х годов XIX в. несколько укрепились политические позиции камбоджийской монархии, которой даже удалось в феврале 1885 г. провести мобилизацию молодежи на военную службу. Несмотря на французский протекторат, камбоджийская аристократия продолжала отстаивать свои привилегии.

80-е годы отмечены широким антифранцузским движением в южных и юго-восточных провинциях страны. В 1886 г. восставших поддержали представители буддийского духовенства. Восставшим удалось создать освобожденные зоны, где они сами взимали налоги, проводили мобилизацию населения. В течение двух лет они выдерживали серьезную борьбу с французскими войсками.

Эти движения, совпавшие по времени с восстанием во Вьетнаме, заставили французскую администрацию в Камбодже в июне 1886 г. подписать соглашение, возвращавшее правителю и кхмерским сановникам их административные функции. Но мелкие должностные лица, особенно пострадавшие от перемен, привнесенных французами, продолжали оставаться главными носителями антифранцузских настроений. На этой социальной основе стала формироваться идеология местного национализма, которая развилась на следующем этапе, когда Камбоджа в 1887 г. была включена в состав Индокитайского союза.

МАЛАЙЯ, СИНГАПУР И СЕВЕРНЫЙ КАЛИМАНТАН
В 1870-х ГОДАХ — КОНЦЕ XIX в.

Оба хронологически выделенных в томе периода (70-е годы XIX — конец XIX в. и 1900-е годы — 1914 г.) для Малайи и Северного Калимантана различались не столь резко, как это имело место во многих других странах Востока. Они различались скорее не принципиальными переменами, а их масштабами и интенсивностью. Содержанием обоих периодов явилось завоевание малайских княжеств Англией, в результате чего было создано колониальное владение Британская Малайя, включившее малайские княжества и Стрейтс Сеттльментс. Одновременно под английский контроль перешел и весь Северный Калимантан. Именно тогда для большей части этих территорий началась собственно колониальная история: организация системы (точнее, систем) управления, трансформация (весьма неравномерная в различных частях этих колоний) социально-экономического и политического строя, изменение демографического, социального и культурного ландшафта, становление национального сознания, главным образом в форме этнонациональной ориентации. Все эти процессы проходили с различной степенью интенсивности в Малайе, на Северном Калимантане и в Сингапуре.

ИЗМЕНЕНИЕ АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ
И ЗАХВАТ АНГЛИЕЙ
ЗАПАДНОМАЛАЙСКИХ КНЯЖЕСТВ

Последняя треть XIX в. была временем резкого усиления колониальных захватов в Юго-Восточной Азии. Малайя стала одним из основных объектов колониальной экспансии Англии. Стратегически важное положение Малайи, большие запасы олова, потребности в котором возросли в связи с развитием в Европе военной промышленности, ускорили захват малайских княжеств.

Экспансионистские настроения усилились с открытием в 1869 г. Суэцкого канала, после чего резко возросло торговое и стратегическое значение Сингапура. Сингапурская газета «Стрейтс таймс» писала в те дни: «Открытие Суэцкого канала знаменовало начало эры процветания Сингапура». Если в 1869 г. импорт Сингапура составлял около 32 млн. мал. долл., то в 1879 г. — свыше 56 млн., а экспорт за тот же период увеличился с почти 27 млн. до более чем 49 млн. мал. долл.

Хотя после захвата Англией Гонконга (Сянган) значение Сингапура в китайской торговле для Великобритании несколько упало, его роль в торговле со странами ЮВА несомненно возросла: с 1870 по 1878 г. стоимость импорта из

ЮВА в Сингапур выросла с почти 5,5 млн. мал. долл. до более 5,7 млн., а экспорта — с 3,8 млн. до почти 4,6 млн. мал. долл. После отделения Стрейтс Сеттлментс от Индии увеличился объем торговли Сингапура, Пинанга и Малакки и с малайскими княжествами, а буржуазия Стрейтс Сеттлментс увеличила финансирование оловодобычи в западных княжествах Малайи. Торговые палаты Сингапура и Пинанга засыпали местные власти и правительство петициями о необходимости «навести порядок» в Малайе, открыть туда доступ английскому капиталу, превратить Малайю в колонию.

Первыми жертвами английской агрессии стали княжества западного побережья — Перак, Селангор и Негри-Сембилан. Здесь располагались основные оловодобывающие районы, эти княжества находились в непосредственной близости к Стрейтс Сеттлментс. Обстановка в западномалайских княжествах благоприятствовала английской экспансии.

Перак — крупнейшее из западномалайских княжеств — в 60–70-х годах был охвачен междоусобицами. В 50-х годах XIX в. мелкий феодал Лонг Джафар утвердился в области Ларут (Центральный Перак), до той поры малонаселенной болотистой местности. Открытие запасов олова (40-е годы) в Ларуте привело к наплыву туда китайских рудокопов из Пинанга, и через 20 лет в Ларуте уже проживало 40 тыс. китайцев — больше, чем все малайское население. Сын скончавшегося в 1857 г. Лонг Джафара, Ибрахим, стал богатейшим феодалом Перака, распространив свою власть на другие районы и получив от султана один из высших титулов — *оранг кая мантри*. Ибрахим покровительствовал китайским поселенцам, строил дороги, стремился обеспечить безопасность жизни и имущества торговцев на подвластной ему территории. Примеру *мантри* Ибрахима, фактически ставшего независимым от центральной власти, последовали другие вожди, и после смерти султана Джафара в 1865 г. Перак распался на отдельные владения, лишь формально подчинявшиеся верховной власти. С 1861 г. в Ларуте разгорелась борьба между двумя крупнейшими китайскими тайными обществами — Хай Сан и Чжи Хин — за контроль над рудниками.

В 1871 г. в Пераке осложнился вопрос о престолонаследии: после смерти султана Али появились два претендента на трон. Вожди Перака избрали султаном Исмаила. Но уже в 1872 г. претендент, Абдуллах, также провозгласил себя султаном. В это же время обострилась борьба между китайскими тайными обществами в Ларуте. Китайские торговцы Пинанга поставляли оружие враждующим сторонам, одну из которых возглавляли *мантри*, правитель Ларута, и глава одного из тайных китайских обществ (Чжи Хин), другую — малайские феодалы из числа сторонников Абдуллаха и главари другого тайного общества (Хай Сан).

Селангор в правление султана Мухаммада (1826–1857) распался на пять уделов. Как и в Пераке, феодальные усобицы переплетались с борьбой между китайскими тайными обществами. Центром усобиц стала оловоносная область Келанг. Соперники — Абдуллах, основавший Куала-Лумпур, и Махди — опирались на различные китайские тайные общества и стоявших за ними предпринимателей Малакки и Сингапура. В 1866 г. раджа Махди завладел Келангом и перестал числить султану Абдул Самаду его долю доходов. Зять султана Тенгку Зияутдин ас-Кудин начал борьбу с Махди, который, потерпев поражение, бежал в 1869 г. из Келанга, перешедшего в руки ас-Кудина.

Вслед за тем власти Стрейтс Сеттльментс помогли ас-Кудину создать отряд из 200 сипаев под командованием европейских офицеров. В августе 1872 г. ас-Кудин, несмотря на помощь пахангских войск, был разбит раджей Махди. Селение Куала-Лумпур, где находились основные силы ас-Кудина и сипаи, было осаждено. Отряд сипаев ночью пытался бежать, но малайский проводник завел его в джунгли и сообщил о его продвижении осаждавшим. Отряд был окружен и уничтожен. Селение Куала-Лумпур попало в руки врагов Тенгу ас-Кудина. Только в 1873 г. последнему с помощью правителя Паханга и главы китайцев Куала-Лумпура Яп А Лоя удалось восстановить свои позиции. Селангор вышел из междоусобных войн ослабевшим, с огромным долгом торговцам Малакки и Сингапура; крестьяне были разорены, оловодобыча резко сократилась.

Не прекращались усобицы и в **Негри-Сембилане**. Самые крупные его владения — Сунгей-Уджонг и Рембау — враждовали между собой. В 1872 г. в Негри-Сембилане было два претендента на трон *ям-туана*, а в каждом из княжеств после смерти *унданга* начиналась ожесточенная борьба. Особенно напряженная обстановка создавалась в Сунгей-Уджонге, где боролись друг с другом высшие феодалы — *дато клана* и *дато бандар*.

Таким образом, центральная власть во всех западномалайских княжествах ослабла. Везде шла непрерывная борьба между различными группировками, которая поощрялась и использовалась торговцами Стрейтс Сеттльментс.

В ноябре 1873 г. претендент на перакский трон Абдуллах прибыл в Сингапур и под диктовку сингапурского дельца и члена законодательного совета У.Рида написал на имя губернатора Э.Кларка письмо, в котором просил англичан умиротворить Перак и назначить туда резидента. «Просьба» Абдуллаха полностью соответствовала инструкциям, полученным Кларком при назначении его на пост губернатора Стрейтс Сеттльментс. К власти в Англии пришла партия консерваторов, выступавшая за колониальную экспансию, и министр колоний предписал Э.Кларку «способствовать миру и безопасности, подавлению пиратства и развитию дорожного строительства, созданию школ и учреждению полиции посредством назначения политических агентов или резидентов в каждое княжество».

В январе 1874 г. на о-в Пангкор в архипелаге Диндинг, захваченный англичанами у Перака еще в 1826 г., прибыли Кларк, видные чиновники Стрейтс Сеттльментс, крупнейшие феодалы Перака и руководители китайских тайных обществ в княжестве. Между ними состоялись переговоры, результаты которых были закреплены в подписанном 20 января 1874 г. Пангкорском договоре.

Султаном Перака становится Абдуллах, принимающий к своему двору резидента, назначаемого губернатором Стрейтс Сеттльментс. Резидент мог вмешиваться во все дела, «кроме тех, которые касаются малайской религии и обычаев». В руки резидента переходил контроль над всеми доходами Перака. *Мантри* Ибрахим переставал быть независимым владельцем Ларута, куда должен был быть назначен английский чиновник в ранге помощника резидента.

Почти одновременно с Пераком англичане приступили и к завоеванию Селангора. В феврале 1874 г. губернатор Кларк потребовал от султана Селангора «установления порядка» в княжестве. Не дожидаясь формальной просьбы султана, англичане ввели свои суда в устье р. Селангор. В августе Кларк заставил султана принять к своему двору английского чиновника Ф.Сунитенхэма с отрядом

полицей, а 1 октября султан был вынужден подписать обращение к губернатору Стрейтс Сеттльментс с просьбой назначить резидента.

В том же, 1874 г. был подчинен Сунгей-Уджонг — одно из крупных княжеств Негри-Сембилана. В апреле Кларк заключил соглашение с *дато кланой*, стремившимся сокрушить своего соперника — *дато бандара*. В Сунгей-Уджонг был направлен английский военный отряд, чтобы принудить *дато бандара* к повиновению. В октябре 1874 г. в Сунгей-Уджонг был послан английский офицер в ранге помощника резидента.

В ноябре 1874 г. Кларк опубликовал воззвание, в котором объявлял о том, что министр колоний утвердил все соглашения, заключенные губернатором с малайскими княжествами, и грозно предупредил местное население о необходимости строгого соблюдения этих соглашений.

ВОССТАНИЕ 1875–1876 гг.

С конца 1874 г. колонизаторы приступили к введению своих порядков в западных малайских княжествах. Резиденты проводили политику, унижавшую национальное достоинство малайского населения, вводили новые налоги и поборы, увеличивая тяготы крестьянства. Крупные суммы, которые в ходе прежних междоусобиц малайские владетели задолжали торговцам и ростовщикам Стрейтс Сеттльментс, были объявлены государственным долгом, новая администрация беспощадно выколачивала его из крестьян. Особенно тяжелым было положение населения Перака — самого крупного и богатого из подчиненных княжеств. В Перак хлынули «хищники» из Стрейтс Сеттльментс. К прежним бедам крестьянства прибавились новые: они вынуждены были содержать английского резидента с его аппаратом, а пришедшие вместе с английскими властями ростовщики и откупщики захватывали в концессии плодородные земли страны.

Налоги непрерывно возрастали. Всеобщее возмущение крестьянства Перака вызвало введение англичанами нового налога — *хасил келамин* (подворного).

Резиденты повели наступление и на привилегии знати, чтобы полностью отстранить ее от управления и заменить английскими чиновниками. Особенное усердие в этом отношении проявил резидент Перака Дж.У.У.Бёрч. Грубый человек, педантичный чиновник, презиравший страну и людей, которыми он управлял, попиравший их обычаи и законы, совершенно не считавшийся с мнением малайских советников, он в короткое время сумел восстановить против себя все население Перака.

В июле 1875 г. новый английский губернатор Стрейтс Сеттльментс, У.Джервуа, заявил о намерении правительства ликвидировать резидентскую систему и перейти к прямому управлению малайскими княжествами. 2 октября 1875 г. султан Абдуллах подписал составленные Бёрчем два указа, лишавшие Перак даже видимости самостоятельности. Первый указ провозглашал, что только резидент и другие английские чиновники могут быть судьями в Пераке (даже судьи-малайцы, решавшие дела, касающиеся мусульманской религии, должны были отныне назначаться английской администрацией). Во втором указе султан объявлял анг-

лийского резидента и других английских чиновников своими представителями «во всех делах страны, равно как и в делах сбора и расходования доходов нашей страны».

Отстраненная от власти знать использовала всеобщее недовольство населения.

Руководили сопротивлением представители утратившей свои позиции знати: свергнутый англичанами бывший султан Перака Исмаил и владельцы верхней части страны — в Пераке, феодал Сутан Пуаса — в Селангоре, *ям-туан* Тенку Антах — в Негри-Сембилане.

Центром подготовки восстания в Пераке стала деревня одного из местных вождей (*махараджи лелы*) — Пасир-Салак. Вечером 1 ноября в Пасир-Салак прибыл Бёрч в сопровождении охраны. На следующий день малайцы внезапно напали на его отряд, перебили охрану и убили Бёрча; немногие спасшиеся бежали в резиденцию Бандар-Бару.

В едином порыве против захватчиков поднялась вся страна. К восстанию на первых порах присоединилась или заняла в отношении его выжидательную позицию даже та знать, которая в 1874 г. пошла на заключение Пангкорского договора. Она была недовольна ущемлением ее прав и привилегий, намерением англичан отстранить ее от управления султанатом и от распоряжения его доходами.

Восставшие избрали оборонительную тактику. Они, как это было принято в межмалайских войнах, стали сооружать деревянные укрепления и ждать наступления войск противника. Они даже не напали на Бандар-Бару, гарнизон которого был совершенно деморализован и едва ли был способен на серьезное сопротивление.

Вначале английские власти полагали, что с восстанием в Пераке удастся быстро покончить. В ноябре из Пинанга по р. Перак была отправлена экспедиция, которая попыталась захватить Пасир-Салак, но после непродолжительного боя, потеряв много людей, в том числе командующего экспедицией, англичане были вынуждены отступить. Лишь тогда они забили тревогу. В Перак с войсками прибыл сам губернатор Стрейтс Сеттльментс. Одновременно он направил телеграмму английским колониальным властям в Гонконг с просьбой выслать подкрепление. В середине ноября англичане, получив подкрепление, начали наступать вверх по р. Перак.

Малайцы оказали энергичное сопротивление английским войскам, наступавшим двумя отрядами по реке и по суше. Наличие артиллерии помогло англичанам захватить Пасир-Салак, а затем и соседнюю деревню — Кампонг-Гаджах, которую опять пришлось брать штурмом. Англичане беспощадно расправились с населением не только Пасир-Салака, где был убит Бёрч, но и Кампонг-Гаджаха: обе деревни были сожжены, жители подвергнуты грабежу и насилиям, многие зверски убиты.

В конце ноября 1875 г. от восстания отошла значительная часть знати. Восставшие обратились к тактике партизанской войны. Одновременно против захватчиков поднялись Селангор и Негри-Сембилан. В конце 1875 г. в центральной части Селангора (к югу от Куала-Лумпура) началось восстание, отзвуки которого дошли до Келанга. В выступлении приняли участие не только малайские крестьяне, но и китайские рудокопы. Повстанцев возглавил аристократ Сутан Пуаса.

В ноябре 1875 г. поднялось население Негри-Сембилана во главе с *ям-туаном* Тенку Антахом. В ночь на 3 декабря малайские отряды разгромили полицейский пост и оказались в семи милях от Серембана, центра Сунгей-Уджонга.

После начала восстания в Селангоре и Сунгей-Уджонге губернатор Стрейтс Сеттльментс, считая полученное из Гонконга подкрепление недостаточным, отправил просьбу о помощи английским властям Индии. 27 ноября на Пинанг прибыли новые части. Теперь английские власти собрали войска, представлявшие вместе с местным гарнизоном и полицией силу, значительно превосходившую разобщенные и плохо вооруженные малайские отряды.

В Пераке наступавшие двумя колоннами (один отряд двигался по р. Перак в направлении с юга на север, другой — через Ларут к верховьям р. Перак с запада на восток) английские войска натолкнулись на ожесточенное сопротивление. Малайцы, прекрасно ориентировавшиеся в джунглях, не принимая открытого боя, сооружали на пути англичан многочисленные завалы и тревожили их внезапными нападениями. Только при помощи артиллерии английским отрядам удавалось выбить малайцев из-за завалов и продолжать наступление. Малайцы совершили ошибку, решив защищать укрепление на переправе через р. Кинта. Здесь англичане разгромили основные силы восставших во главе с султаном Исмаилом. Но захватить вождя восстания не удалось: они бежали на север.

Английский отряд, действовавший на севере Перака, двинулся через Ларут, создавая на пути военные посты. К этому времени основная часть знати уже не только отошла от восстания, но стала помогать англичанам ловить бежавших повстанцев и подавлять отдельные выступления в стране. Решающую роль в изменении ее позиции сыграли фактическая отмена указов 1875 г. и привлечение знати к управлению страной.

4 января 1876 г. обе английские колонны соединились. Хотя англичане оккупировали весь Перак, вожди восстания некоторое время продолжали бороться на севере султаната. Повсюду малайцы нападали на изолированные английские посты и лодки.

Восстание в Селангоре и Сунгей-Уджонге удалось подавить, только перебросив туда часть войск из Перака. Сравнительно быстро было подавлено восстание в Селангоре, где англичане после нескольких стычек захватили в плен Сутана Пуасу. Борьба в Сунгей-Уджонге была более ожесточенной. Попытки англичан разгромить малайцев силами гарнизона Малакки не удалось. Однако Тенку Антах медлил и не решался на наступление к Малакке, ограничиваясь укреплением своих позиций. Восставшие надеялись на поражение англичан в Пераке и на мифическую помощь мусульманской Турции. Повстанцы испытывали недостаток вооружения и боеприпасов: помимо холодного оружия у них были лишь мушкеты, стрелявшие оловянными пулями, и несколько самодельных бронзовых пушек. Уже в декабре малайские отряды стали ощущать недостаток в продовольствии, и Тенку Антах распорядился начать реквизиции в деревнях, что, конечно, не могло не отразиться на его взаимоотношениях с окрестным населением.

В конце декабря 1875 г. англичане, получив дополнительное подкрепление и используя артиллерию, овладели укреплениями малайцев. Тенку Антах бежал из Негри-Сембилана, английские войска оккупировали его удел Срименанти и стали гарнизонами во всех важных пунктах. Англичанам удалось использовать про-

тив Антаха его давних врагов — *ундангов* Негри-Сембилана, и в ноябре 1876 г. он был вынужден пойти на соглашение, по которому все уделы Негри-Сембилана становились самостоятельными.

Тем не менее в Негри-Сембилане борьба не прекращалась на протяжении всего 1876 года. Английский резидент в Сунгей-Уджонге сообщал, что малайцы, вооруженные мечами, крисами (кингиапами-мечами) и мушкетами, нападают на полицейские посты и отдельных солдат.

В течение нескольких месяцев англичане не могли взять в плен вождей восстания в Пераке, укрывшихся на границе Кедаха и Перака. Только весной 1876 г. был захвачен султан Исмаил, а в июне 1876 г. — *махараджа лела* Пасир-Салака.

Над восставшими была учинена жестокая расправа: трое руководителей были повешены, остальные приговорены к пожизненному тюремному заключению. В течение полутора лет в стране бесчинствовали английские войска, свирепствовали военно-полевые суды, на плечи населения тяжелым бременем легло содержание оккупационных войск. Была введена трудовая повинность: крестьяне были обязаны прокладывать дороги для английских войск, доставлять им средства передвижения, работать носильщиками. Уклонявшихся от этой повинности вешали без суда.

Деревни, оказавшие сопротивление, были сожжены. Военное положение сохранялось до середины 1877 г., после чего основная часть войск была выведена из Перака, но в некоторых пунктах остались гарнизоны. Аналогичное положение создалось в Селангоре и Сунгей-Уджонге.

Восстание внесло значительные коррективы в английскую политику в отношении покоренных государств. Если раньше колониальная администрация стремилась превратить захваченные княжества в колонии короны наподобие Стрейтс Сеттльментс, то после восстания она оставила в неприкосновенности все внешние атрибуты султанской власти, используя знать в колониальной администрации.

Подавив восстание и укрепив союз с местной знатью, англичане приступили к покорению остальных владений Негри-Сембилана. Постепенно усиливая там свое влияние, они в 1886–1887 гг. принудили *ундангов* Джелебу, Рембау и Срименанти принять резидентов. До 1889 г. Англия держала в Негри-Сембилане четырех резидентов. В 1889 г. губернатор Стрейтс Сеттльментс заставил правителей ряда минангкабауских территорий вновь объединиться в конфедерацию, в которую в 1895 г. вошел также Сунгей-Уджонг.

ПОДЧИНЕНИЕ ПАХАНГА

Вслед за Негри-Сембиланом было поставлено под английский контроль самое крупное государство Малайи — Паханг. Султанат находился в тяжелом положении. В стране не прекращались усобицы, фавориты султана Ахмада притесняли народ. Золотоносные районы в Верхнем Паханге переходили под контроль концессионеров из Стрейтс Сеттльментс. В 1887 г. в Паханг была направлена английская миссия, глава которой Хью Клиффорд, опираясь на знать, враждебную сул-

тану Ахмаду, предъявил последнему категорическое требование губернатора Стрейтс Сеттльментс заключить договор о протекторате. 8 октября 1887 г. этот договор, превращавший Паханг в зависимое государство, был подписан. Вскоре было решено распространить на Паханг систему управления, которая была установлена в западных княжествах. Воспользовавшись первым подвернувшимся под руку предлогом — убийством в начале 1888 г. китайца — английского подданного, губернатор потребовал от султана согласия на назначение резидента. 24 августа 1888 г. султан был вынужден удовлетворить это требование.

Установление английской власти в Паханге на первых порах привело, как и в западномалайских султанатах, к ухудшению положения населения, усилению эксплуатации крестьянства. Значительная часть Верхнего Паханга, где находились золотые прииски, была сдана в аренду дельцам из Стрейтс Сеттльментс, хлынувшим в Паханг после установления протектората. Английские предприниматели сгоняли крестьян с полученных в концессию земель и заставляли их работать на рудниках.

Английские колониальные власти в соответствии с общим направлением своей политики в Малайе после восстания 1875–1876 гг. допустили пахангскую знать к участию в управлении, предоставили ей места в колониальной администрации, назначили пенсии и т.п. Знать продолжала взимать различные поборы с крестьян; кроме того, англичане ввели поземельный налог в пользу государства. Сохранялся также принудительный труд: специальным постановлением крестьян обязывали работать на хозяина два месяца в году или платить вместо этого особый налог. В 1888–1889 гг. были увеличены размеры пенсий, выплачиваемых высшей знати, что привело к новому увеличению налогов. Усиление гнета и хозяйничанье чужеземцев привели к взрыву возмущения и в Паханге.

Во главе восстания встал владетель Семантана (Верхний Паханг) Абдул Рахман (или Бахман), известный военачальник, участник многочисленных войн, пользовавшийся огромной популярностью. Он с самого начала отказался признать власть англичан. В октябре 1891 г. резидент приказал лишить Бахмана титула, а в декабре было схвачено несколько его сторонников. В том же месяце Бахман разбил полицейский отряд и освободил пленников. Это и послужило сигналом к восстанию. Начались нападения на полицейские посты. За короткое время силы восставших значительно выросли. К ним присоединились малайские и китайские горняки, работавшие на золотых приисках компании «Рауб Острэлиэн К^о».

Повстанцы очистили большую часть территории Верхнего Паханга от английских концессий, жгли здания компаний, разрушали оборудование. Они прибегали к тактике партизанской войны: укрывались в джунглях, неожиданно нападали на врага и перерезали его коммуникации. Попытка англичан разгромить восстание одним ударом потерпела неудачу.

В августе 1892 г. англичане собрали в Паханге силы, значительно превосходившие силы восставших, и при поддержке части пахангской знати начали планомерно вытеснять повстанцев из занятых ими районов. Однако окружить их и окончательно разбить не удалось: в сентябре 1892 г. повстанцы разгромили английский отряд, наступавший с севера, и перешли на территорию Келантана, население которого оказывало им поддержку, снабжая их продовольствием и деньгами. Помощь поступала также из Тренгану.

Во время восстания колонизаторы пошли на дальнейшие уступки местной знати, увеличив размеры пенсий и предоставив новые места в администрации. Результаты этой политики не замедлили сказаться: после 1893 г. уже никто из владетелей не примкнул к движению.

В 1894 г. повстанцы вновь перенесли свои действия на территорию Паханга, население которого приветствовало их как своих освободителей. Все взрослое население деревень, находившихся на пути повстанцев, присоединялось к ним. Но в этот решительный момент знать Паханга собрала войска и, прикрываясь переговорами о присоединении к восстанию, внезапно двинула свои дружины на повстанцев. Тем временем подошло английское подкрепление из Сингапура, Перака и Селангора. Соединенным силам англичан и малайской знати удалось к августу вытеснить повстанцев на территорию Тренггану.

Чтобы покончить с восстанием, английские власти пошли на нарушение суверенитета Келантана и Тренггану, отправив туда весной 1895 г. экспедицию Х.Клиффорда, которая одновременно разведывала обстановку в северомалайских княжествах, почти не известных англичанам.

Под нажимом карательных войск восставшие были вынуждены разоружиться, а их вожди в ноябре 1895 г. сдались сиамскому правительству.

СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ КОСВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МАЛАЙИ

В 70–80-х годах XIX в. в Малайе были заложены основы колониального режима. Отказавшись после восстания 1875–1876 гг. от мысли превратить малайские княжества в колонию типа Стрейтс Сеттльментс, английские власти выработали так называемую систему косвенного управления.

Создание основ этой системы связано с именем резидента Перака в 1877–1889 гг. Хью Лоу. Главным в своей деятельности он считал привлечение на сторону англичан перакской знати, которой он назначал пенсии и раздавал значительные суммы из казны. В Пераке, а затем и в других княжествах были созданы государственные советы, куда вошли султаны, крупные представители малайской знати, лидеры китайской общины и английские резиденты. Каждое княжество было разделено на *дистрикты*, во главе которых стояли английские чиновники. *Дистрикты* делились на *мукомы* (волости) во главе с малайскими *пенгхулу* — наследственными чиновниками из числа знати. *Пенгхулу* выполняли полицейские функции, собирали налоги, решали мелкие судебные дела. В оловодобывающих районах *пенгхулу* оставляли себе 20% от суммы собираемых ими налогов, а в бедных районах им было установлено постоянное жалованье. Ниже *пенгхулу* стояли *кетуа* — деревенские старосты. Чтобы привлечь на свою сторону малайское духовенство, новые власти передали ему все дела, связанные с мусульманской религией. Политике Х.Лоу следовали такие администраторы, как Ф.Суиттенхэм в Селангоре, М.Листер в Негри-Сембилане, Х.Клиффорд в Паханге. Они владели малайским языком, прекрасно знали малайские традиции и обычаи, не торопились с нововведениями, заботясь о поддержке авторитета сул-

танов среди широких масс населения, постоянно консультировались с видными представителями местной знати.

В первые годы после установления колониального режима английские предприниматели боялись вкладывать капитал в «неосвоенные» и практически неизвестные европейцам внутренние районы Малайи. Основное внимание колониальная администрация уделяла тогда налогам и откупам. Были введены поземельный и подушный налоги, сохранялась трудовая повинность, сдавалась на откуп (в основном китайским ростовщикам) торговля различными товарами. Главное богатство Малайи — олово продолжало добываться китайскими предпринимателями. Английская администрация поощряла приток китайского капитала, но уже тогда объявила своей собственностью воды всех рек, поставив рудники в полную зависимость, ибо оловодобыча немыслима без промывки оловоносной породы. Постепенно англичане делали первые (правда, не очень удачные в силу незнания местных условий) попытки получить доступ к оловянным рудникам. В 80-х годах группа предпринимателей получила концессию под рудники в Селангоре по льготной цене, а в 1884 г. компания Патерсона Симонса купила крупный рудник, принадлежавший ранее китайцу. Но попытки подобного рода были единичными, и возросшая оловодобыча¹ продолжала оставаться под китайским контролем.

Английский капитал на первых порах устремился в более известную для него сферу — плантационное хозяйство. В конце 70-х — начале 80-х годов XIX в. в Сунгей-Уджонге, Селангоре и Пераке появились европейские плантации кофе, перца, чая и табака. В 1893 г. начался бум, привлечший европейских плантаторов. В Селангоре в 1893 г. 16 плантаций из 30 принадлежали европейцам, а в 1896 г. — 60 из 73. Площадь европейских плантаций возросла за этот период с 435,6 до 4346 га. В 1893 г. была основана Селангорская ассоциация плантаторов, преобразованная в 1896 г. в Центральную ассоциацию плантаторов федерации. Земельная политика властей также подготавливала последующее внедрение английского капитала. Власти присвоили себе права верховной собственности на землю и стали более жестко взимать налоги с наследственных владельцев, которых можно было согнать с земли за неуплату налогов, особенно там, где создавались рудники и плантации. По мере утверждения своей власти англичане производили обмер крестьянских владений и заставляли малайцев получать на них письменные свидетельства; необрабатываемая же земля переходила в собственность администрации. Если раньше каждый крестьянин мог занять любой участок невозделанной или пустующей земли, то теперь для этого было необходимо специальное разрешение властей. Поскольку населенность была слабой, а обрабатываемая площадь незначительной, то подавляющая часть земель в княжествах была фактически экспроприрована колониальными властями.

С первых лет английские власти уделяли большое внимание строительству дорог, открывавших доступ к богатствам страны и позволявших держать в повиновении население завоеванных княжеств. Первые дороги были проложены от центров оловодобычи к морю. Англичане также предприняли расчистку ряда судоходных рек и наладили на них навигацию. Вслед за строительством шоссе началось сооружение железных дорог. В 1884 г. была построена железная дорога

¹ В Селангоре добыча олова возросла с 42 293 пикблей в 1878 г. до 208 164 — в 1891 г.

от Тайпинга, центра Ларута, до порта Сапетанг (в Пераке), а в 1886 г. завершено строительство железной дороги от Куала-Лумпура до порта Келанг. В 90-х годах XIX в. началось сооружение железной дороги от Куала-Лумпура на юг.

Социальной сфере английские власти в этот период уделяли несравненно меньше внимания. Единственным по-настоящему крупным мероприятием в социальной области стало освобождение рабов и долговых зависимых, которое в Пераке было завершено в 1884 г., а в Селангоре — в 1888 г.

САРАВАК ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Раджа Джеймс Брук умер в 1868 г. в Англии, оставив наследником своего племянника Чарлза Джонсона Брука, который правил Сараваком до 1917 г. Чарлз Брук в течение десяти лет служил во внутренних районах Саравака, населенных ибанами и бидайю, и был хорошо знаком со своим владением.

Территория Саравака продолжала непрерывно расширяться за счет Брунея. Чарлз Брук явно намеревался превратить весь султанат в свое владение. Именно этим объясняется его противодействие образованию «Бритиш Норт Борнео К^о», захватившей Сабах — северо-восточную область Брунея. Появление конкурентов подхлестнуло Чарлза Брука, который в 80-х годах XIX — начале XX в. оккупировал ряд новых областей Брунея, в результате чего султанат превратился в крошечное княжество, а Саравак стал граничить с Сабахом. В 1888 г. Англия установила протекторат над всем Северным Калимантаном, включая Саравак, а в 1906 г. назначила резидента в Бруней, предотвратив его окончательное поглощение Сараваком.

Саравак делился на пять округов, во главе которых стояли английские чиновники, находившиеся на службе у династии Бруков. Округа делились на *дистрикты*. Английская администрация опиралась на малайских и даякских вождей, за которыми были сохранены их привилегии. Они занимали должности в низших звеньях администрации и полицейских учреждениях. Бруки проводили политику невмешательства в религиозные дела и местные обычаи. Система управления в Сараваке имела много общего с той, которая была установлена в княжествах Малайи. Едва ли это было случайно, поскольку «создатель» резидентской системы в Малайе Хью Лоу долгое время служил на Северном Калимантане.

Английский капитал медленно внедрялся в Саравак. Этому мешала политика Бруков, которые не были склонны предоставить европейскому капиталу широкий доступ в свои владения, равно как и что-либо изменить в социальной и экономической структуре Саравака. В 1856 г. в Лондоне возникла «Борнео К^о», которой Д. Брук предоставил право на добычу полезных ископаемых и торговлю. «Борнео К^о» занялась в основном торговлей, уделяя мало внимания эксплуатации богатств Саравака.

При Чарлзе Бруке улучшилось финансовое положение Саравака: второй «белый раджа» сумел выплатить государственные долги, чему способствовала бюджетная политика правительства. Этому благоприятствовало и изменение иммиграционной политики: Саравак стал привлекать китайское население, но под более

жестким, чем в Малайе, контролем властей. Чарлз Брук широко практиковал раздачу свободных земель китайским переселенцам. Если в 1870 г. в Сараваке насчитывалось около 5 тыс. китайцев, то в начале XX в. число их возросло до 45 тыс. человек. Иммиграция способствовала развитию экономики и увеличению доходов государства. Особенностью китайской иммиграции в Саравак было то, что значительную долю в ней составляли христиане, переселявшиеся семьями, что содействовало, особенно в сравнении с Малайей, стабильности китайской общины. Сibu, один из главных городов Саравака, обязан своим возникновением именно этой иммиграционной волне. С этим было тесно связано то обстоятельство, что Чарлз Брук стал оказывать содействие миссионерской протестантской деятельности в Сараваке. Китайские иммигранты оседали главным образом на побережье. Когда в начале XX в. разразился каучуковый бум, именно китайцы на своих небольших земельных участках занялись разведением каучуковых деревьев, тогда как плантационное хозяйство в Сараваке не получило значительного развития.

В конце XIX в. в Мири, на границе с Брунеем, была найдена нефть, а с 1907 г. началась ее добыча, которую прибрала к своим рукам монополия «Ройял Датч Шелл». В 1917 г. в Лутонге был построен нефтеперерабатывающий завод.

Дорожное строительство, медицинское обслуживание, образование находились к концу правления раджи Чарлза Джонсона Брука в зачаточном состоянии.

КОМПАНИЯ БРИТАНСКОГО СЕВЕРНОГО БОРНЕО В САБАХЕ

Северо-восточная часть султаната Бруней с середины XIX в. стала объектом экспансионистских устремлений дельцов и авантюристов из различных стран. Помимо Великобритании повышенный интерес к Брунею проявляли Соединенные Штаты. В 1845 г. США пытались заключить с Брунеем договор, предоставляющий им право наиболее благоприятствуемой нации. После первой попытки последовала вторая, и в 1850 г. такой договор был заключен.

В 1865 г. в Брунее, к неудовольствию англичан, появился американский консул Чарлз Ли Мозес — бывший моряк по профессии и авантюрист по призванию. Через несколько дней после своего появления Мозес заключил соглашение с султаном о передаче ему в аренду территории на севере государства. Мозес немедленно уехал в Гонконг, где продал права на концессию американским торговцам Джозефу Торри и Томасу Харрису, которые основали в октябре 1865 г. американскую торговую компанию «Борнео». Однако Мозес не получил ни цента от Торри и Харриса и предпринял следующее: он сжег свою хижину на Лабуане и потребовал от султана Брунея возмещения убытков, причиненных пожаром консульству США. Натолкнувшись на решительное сопротивление султана, Мозес в 1867 г. покинул Лабуан на американском военном судне; по пути домой он в пьяном виде упал за борт и утонул в водах Тихого океана.

Торри оказался удачливее и в 1875 г. продал концессию австро-венгерскому консулу в Гонконге барону Овербеку. Овербек привлек к своему предприятию английского дельца Альфреда Дента.

29 декабря 1877 г. султан Брунея передал Овербеку и Денту территорию площадью свыше 72 тыс. кв. км за ежегодную плату 15 тыс. мал. долл. Практически власть султана на эти районы не распространялась, к тому же на часть территории Сабаха претендовал южнофилиппинский султанат Сулу. В 1878 г. Овербек при содействии английского губернатора о-ва Лабуан на севере Калимантана Тричера заключил договор с султаном Сулу. Это произошло в тот момент, когда испанские власти Филиппин завершили захват архипелага Сулу и султанат доживал последние дни. В таких условиях султан Сулу легко согласился на отказ от своих весьма эфемерных прав на Сабах в обмен на ежегодную уплату 5 тыс. мал. долл.

В заливе Сандакан на восточном побережье Сабаха было основано поселение, ставшее центром деятельности компании Овербека и Дента. Администрация Лабуана с самого начала проявляла интерес к деятельности компании, стремясь, чтобы территории, попавшие в ее руки, оказались под контролем Англии. Соперничающие с последней в Юго-Восточной Азии западные державы включились в борьбу за Сабах. Первой выступила Испания, которая, захватив архипелаг Сулу, предъявила претензии на Сабах. В сентябре 1878 г. в Сандакане даже появилось испанское военное судно «Эльдорадо». Позже, в 1885 г., когда англичане укрепились в Сабахе, было подписано англо-испанское соглашение, согласно которому Англия признавала испанский суверенитет над Сулу, а Испания отказывалась от прав на Сабах. Возникновение Сандакана обеспокоило и голландцев, всегда с неудовольствием следивших за укреплением английских позиций на Калимантане. Только в 1891 г. была установлена примерная граница между Сабахом и голландской частью Калимантана, а окончательно пограничные вопросы были урегулированы еще позднее, в 1912–1915 гг. Пытались вмешаться в борьбу за Сабах и США, которые в 1880 г. заявили султану Брунея протест по поводу сдачи в аренду Сабаха, считая это действие противоречащим американо-брунейскому договору 1850 г.

В конечном счете победа осталась за Англией. Права на концессию полностью перешли к Денту, который, отстранив от партнерства Овербека, стал добиваться от английского правительства грамоты на привилегии для чисто британской компании. Действия Дента были поддержаны теми колониальными кругами в Англии и Стрейтс Сеттльментс, которые ратовали за расширение английских владений в ЮВА.

В августе 1881 г. английское правительство выдало грамоту «Бритиш Норт Борнео К^о», которой Дент продал свои права на концессию. Документ предусматривал, что Компания Британского Северного Борнео должна оставаться английской и не может без ведома своего правительства уступать кому бы то ни было свои права. Компания обязывалась уничтожить рабство на своей территории, не вмешиваться в религиозные дела и местные обычаи, а также обращаться в Лондон в случае конфликтов с местным населением и иностранными державами. Глава Компании должен был назначаться по согласованию с английским правительством.

ИНДОНЕЗИЯ В 1870-х ГОДАХ — НАЧАЛЕ XX в.

Перемены в Индонезии после 1870 г. совпали с усилением колониальной экспансии европейских держав и США в Юго-Восточной Азии. Это сказалось как на Яве, ставшей главным полигоном, на котором отрабатывались новые методы эксплуатации колонии, так и на Внешних островах, которые убыстренными темпами втягивались в орбиту колониальной политики Нидерландов, опасавшихся появления конкурентов на Архипелаге. В это же время формируются современные классы и слои индонезийского общества и определяется его структура.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

С начала 70-х годов XIX в. голландское правительство взяло более решительный курс на отмену «системы культур» и создание условий для деятельности частного капитала.

В 1870 г. Генеральные штаты приняли «сахарный закон», по которому «принудительные» площади под сахарным тростником с 1878 г. должны были сокращаться, чтобы к 1890 г. производство сахара перешло в руки частных предпринимателей. Сахарозаводчики стали продавать продукцию по своему усмотрению, а не только на аукционах в Нидерландах. «Сахарный закон», по сути дела, положил конец всем принудительным культурам, кроме кофе, производство которого оставалось под контролем государства в Преангере (Приангане) до 1917 г.

В том же, 1870 г. был принят «аграрный закон», вместе с различными дополнениями к нему создававший благоприятные условия для европейского плантационного хозяйства. Вся территория Нидерландской Индии, за исключением «Частных земель» вокруг Багавии, в свое время (XVIII — начало XIX в.) проданных европейцам и китайцам, была провозглашена собственностью государства, т.е. Нидерландов. Земля делилась на две категории: «несвободная», т.е. земля общин, отдельных крестьян, домены феодалов в «самоуправляющихся» княжествах Явы и во Внешних владениях, и «свободная» — леса, луга, пустоши и вообще вся земля, не обрабатываемая и не используемая жителями. Были четко определены межи общинных и индивидуальных владений, и таким образом крестьяне потеряли возможность свободной, без разрешения властей расчистки леса, освоения пустующих и заброшенных земель — обычная практика в Юго-Восточной Азии на протяжении столетий. «Свободные» земли могли быть сданы в наследственную аренду (*эпахт*) сроком до 75 лет участками, не превышав-

шими 500 *бау* на Яве и 5 тыс. *бау* — во Внешних владениях. Арендатор (голландские подданные, проживавшие в Нидерландах или Нидерландской Ост-Индии, и компании, зарегистрированные там же) мог приобрести неограниченное число участков. Арендная плата, которая начинала выплачиваться через пять лет, была минимальной: 1–5 гульденов за *бау*. Администрация могла продавать государственные земли частным лицам, но лишь участками, не превышавшими 10 *бау*. Что же касалось «несвободных» земель, то по указу 1871 г. разрешалось арендовать такие земли на срок от 5 (если крестьянин пользовался государственной землей) до 21,5 года (если участок был его собственностью). Европейские плантаторы стремились, используя закон 1875 г., по которому освоенный крестьянином участок становился его (а не общины, как прежде) собственностью, арендовать уже освоенную землю с налаженной ирригационной системой¹ и возможностью использовать дешевую рабочую силу того же крестьянина-собственника.

Созданию благоприятных условий для частного иностранного капитала служила и трудовая политика колониальной администрации. В 80-е годы были отменены различные виды принудительных работ (государственные, общинные, в пользу регентов и князей). Но трудовое законодательство все же медленно порывало с прошлым, отражая заинтересованность властей в сохранении (по экономическим и социальным мотивам) той или иной формы принудительного труда. В новый уголовный кодекс (1872 г.) была внесена статья, предусматривавшая наказание *кули* на Яве за нарушение контракта. Но в 1879 г. эта статья была отменена, что отразило помимо протестов голландской общественности изменение ситуации на Яве, где из-за перенаселенности в деревне уже стал образовываться резерв свободной рабочей силы. А на Восточной Суматре, превращавшейся в один из главных плантационных районов Архипелага, в 1880 г. был введен «кули ордонанс», который ставил законтрактованных рабочих в положение, мало отличавшееся от рабского.

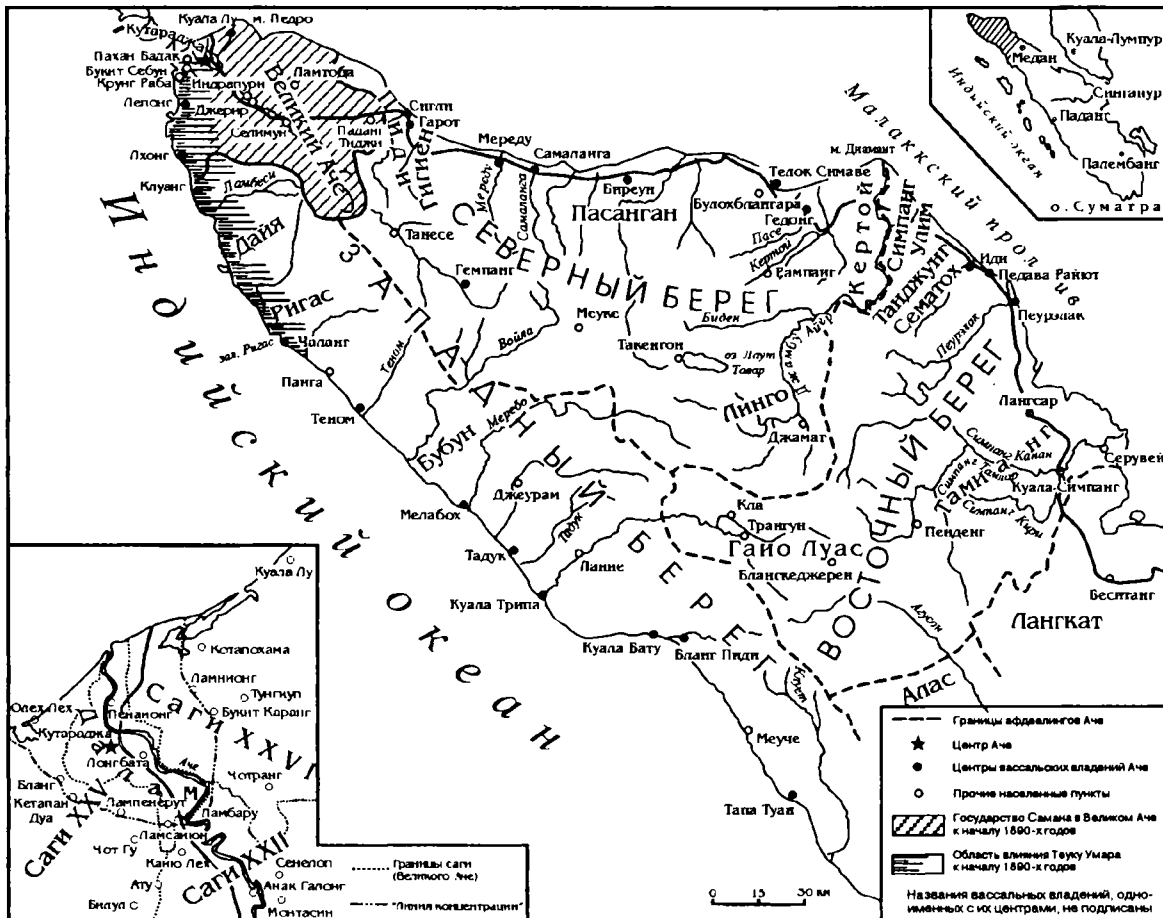
Принудительный труд продолжал существовать. Только с 1890 г. общины на Яве получили право откупаться деньгами за *хеерендинстен*; в целом же трудовая повинность на Яве была отменена лишь в 1902 г., а на Внешних островах сохранялась и позже.

В 1874 г. министр колоний И.Д.Франсен ван де Пютте провел реформу управления. Каждое резидентство было разделено на отделения (*афдеелинги*), соответствующие *регентствам*. Во главе *афдеелингов* были поставлены *ассистент-резиденты*, которых формально как бы не подчинявшиеся им *регенты* должны были считать «старшими братьями». Обязательной в регентстве стала должность *патиха* — заместителя регента, назначавшегося голландскими властями. *Контроллеры* — голландские чиновники, ранее наблюдавшие за производством экспортных культур, — были включены в общую административную иерархию.

Был открыт путь частному капиталу. Резко выросло производство экспортных культур, чему помимо изменений в колониальной политике способствовало также открытие Суэцкого канала, приблизившего Архипелаг к европейским

¹ Это было важно для возделывания однолетних культур, особенно сахарного тростника и табака.

АЧЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

рынкам. Между 1870 и 1885 гг. производство сахара на Яве более чем удвоилось — со 152,6 тыс. до 380 тыс. т. Увеличилось производство чая и табака, которое слабо развивалось в эпоху принудительных культур: экспорт табака дал в 1890 г. 32,3 млн. гульденов против 3,6 млн. в 1870 г.

Важную роль стали играть банки и связанные с ними акционерные компании, подчинявшие себе плантации и промышленные предприятия: в 1885 г. пять банков финансировали 253 крупные плантации. В мощнейшую банковскую организацию превратилось Нидерландское торговое общество, которое уже в 1875 г. контролировало 27 сахарных заводов и 27 плантаций.

С конца XIX в. в Индонезии стали возникать колониальные монополии. На смену отдельным плантаторам и фабрикантам приходили мощные акционерные общества и компании — Яванский сахарный синдикат, Всеобщий сельскохозяйственный синдикат и проч. Главной отраслью плантационного хозяйства стало выращивание сахарного тростника, сконцентрированное на Яве. Плантации сахарного тростника, а также чая, хинного дерева, табака, кофе заняли тысячи гектаров лучших земель острова. В связи с этим стало сокращаться производство риса и возникла необходимость его импорта.

В конце XIX — начале XX в. иностранный капитал начал осваивать и другие (помимо Явы) области Индонезии. Крупнейшим плантационным районом стало резидентство Восточное побережье Суматры, где европейские предприниматели выращивали табак (главным образом в Дели), гевею, кофе, чай, кассаву, масличную пальму и другие тропические культуры.

Наибольшую значимость в добывающей промышленности представляли олово, нефть и уголь. Государственная добыча олова на о-ве Банка выросла с 2200 т в 1870 г. до 10 тыс. т в 1900 г. В 1892 г. возникла Биллитонская компания, начавшая разработку олова на о-ве Биллитон (Белитунг), а несколькими годами ранее (в 1889 г.) — Сингкепская компания. Нефтедобыча оказалась главным образом в руках англо-голландской монополии «Ройял Датч Шелл», которая в 1900 г. произвела первую тысячу тонн нефти в Индонезии. Начали свою деятельность и угольные компании на Суматре и Калимантане, добыв в 1890 г. 8 тыс. т угля.

Гораздо медленнее развивалась обрабатывающая промышленность, поскольку иностранный капитал предпочитал вкладывать деньги в отрасли, связанные с плантационным хозяйством и добычей минеральных ресурсов.

Приток иностранного капитала потребовал развития транспорта. Начали строиться железные дороги: 1727 км к 1891 г. (на Яве и Суматре), в 1888 г. возникло Королевское почтовое пароходство.

В период 1870–1900 гг. стал совершенно явственен дуалистический характер экономики колонии, т.е. сосуществование современного капиталистического сектора, в котором решающую роль играл европейский капитал, и сектора традиционного, в основном сельскохозяйственного, крестьянского.

Переход к новым методам эксплуатации Индонезии привел к серьезным изменениям в положении старых и появлению новых классов и социальных слоев, связанных с возникшим капиталистическим укладом.

На иностранных предприятиях с конца XIX — начала XX в. стал складываться промышленный пролетариат, который концентрировался в портах на Яве (в

Батавии, Семаранге и Сурабае) и на нефтяных промыслах Внешних островов. Большинство же лиц наемного труда состояло из мануфактурных, плантационных рабочих и рабочих кустарных промыслов, чернорабочих, поденщиков, слуг. В крупных городах чернорабочие — *кули* и слуги составляли до 40% самостоятельного населения. Сельскохозяйственные рабочие были тесно связаны с деревней, а рабочие мануфактур и кустарных мастерских были ближе к ремесленникам, чем к фабрично-заводскому пролетариату. Характеристиками формирующегося индонезийского рабочего класса были небольшой удельный вес пролетариата, текучесть, постоянная связь с деревней.

Рабочего законодательства не существовало, заработная плата даже квалифицированных рабочих была чрезвычайно низкой. Самым тяжелым было положение законтрактрованных *кули* на плантациях Восточного побережья Суматры и других Внешних владений, где капиталистическая эксплуатация переплеталась с внеэкономическим принуждением. Насильственная вербовка, избиения, пытки и даже убийства *кули* за попытки побега или протеста были обычным явлением на плантациях.

Слабость индонезийской буржуазии, которая к началу XX в. еще только формировалась, объяснялась тем, что ей сразу пришлось столкнуться с конкуренцией иностранного капитала, а также с тем, что в тех сферах, где обычно рождается местная буржуазия, — скупка продукции сельского хозяйства и обслуживание внутреннего рынка, — господствовал китайский и, в меньшей степени, арабский капитал.

Промышленная индонезийская буржуазия в начале XX в. в основном состояла из владельцев мелких мануфактур и кустарно-ремесленных мастерских по производству набивных тканей (*батика*), наиболее заметная в ту пору отрасль национальной промышленности, дешевых сигарет (*кретек*), черепицы, кирпича, по первичной обработке сельскохозяйственной продукции. Несколько заметнее была торговая буржуазия, пытавшаяся конкурировать с китайским капиталом. Основную же массу индонезийской буржуазии составляла мелкая и средняя сельская буржуазия. С самого начала формировавшаяся национальная буржуазия оказалась в состоянии противостояния западному капиталу и колониальной власти. Отсутствие верхнего компрадорского слоя в ее среде (эти функции выполнял китайский капитал) привело к тому, что вся она оказалась в оппозиции, что и определяло в дальнейшем ее роль в национально-освободительном движении.

Особенностью индонезийского общества стало развитие слоев, которые можно (в колониальных условиях Востока) назвать мелкобуржуазными. К ним относились крестьяне, становившиеся на путь мелкотоварного производства, ремесленники и мелкие торговцы, а также большая часть интеллигенции современного типа, появившаяся в стране в начале XX в.

Положение традиционных классов и слоев индонезийского общества — феодалов, служилой аристократии и крестьянства — на рубеже веков существенно изменилось. Яванская аристократия окончательно превратилась в низшее и среднее звенья колониального аппарата. Определенное падение авторитета *прияи* среди крестьянства, объяснявшееся возрастанием числа голландских чиновников и ослаблением традиционных социальных связей, усиливалось появлением «новых» помещиков из числа служилой аристократии, деревенской верхушки, торговцев и ростовщиков, скупавших земли у разорявшегося крестьянства. Дети яванских аристократов в начале XX в. стали пополнять ряды интеллигенции.

В отличие от массы яванской аристократии феодалы Внешних владений и «самоуправляющихся государств» Явы (Суракарта, Джокьякарта, Мангкунегаран, Пакуаламан) сохраняли возможности феодальной эксплуатации и более прочные социальные связи с населением, поскольку в их владениях действовала система «косвенного управления», при которой бюрократическое вмешательство колониальных властей было меньшим и традиционная социальная система подверглась не столь значительной деформации.

Несмотря на сохранение феодальных отношений на Внешних островах и в «самоуправляющихся государствах», а также сохранение общинных порядков на Яве, политика экономического либерализма ускорила развитие капиталистических отношений в индонезийской деревне. Рост городов, создание плантаций, проникновение европейских товаров — все это способствовало развитию товарно-денежных отношений. В сочетании с аграрным перенаселением Явы и Мадурь это вело к обезземеливанию и пауперизации крестьянства, а поскольку слабая промышленность не могла поглотить избыточных рабочих рук, то безземельные крестьяне в массе оставались в деревне, становились издольщиками, батраками, сезонными рабочими на плантациях или пополняли ряды обитателей трущоб — *кампонгов*, возникавших на окраинах крупных городов.

Перемены в яванской деревне, сопровождавшиеся резким падением жизненного уровня, вызвали к жизни довольно мощное крестьянское движение. Оно носило обычно мессианскую окраску, ибо на Яве синтез анимистических, индуистско-буддийских и исламских верований вызвал к жизни хилиастические представления о справедливом правителе и мессии (Рату Адиль, Эручокро), которые восстановят поправленную справедливость, изгонят колонизаторов и создадут царство Божие на земле. В июле 1888 г. вспыхнуло восстание в Бантене, на Западной Яве, возглавленное мусульманским проповедником Абдул Каримом. В начале XX в. происходили постоянные волнения на «Частных землях» вокруг Батавии, а также на Восточной и Центральной Яве, где располагались основные европейские плантации. Самым значительным из религиозно-крестьянских движений был *саминизм*, зародившийся в 90-х годах XIX в. в резидентстве Рембанг (Центральная Ява). Его основатель, крестьянин Суронтико, или Самин, проповедовал идеи всеобщего равенства и права всех на землю, леса и воды. Хотя движение Самина носило ненасильственный характер, беспокойство властей вызвали отказ его последователей платить налоги и их претензии на «свободные» земли, т.е. протест против аграрных законов 70-х годов. В 1907 г. власти выслали Самина и его ближайших последователей, но движение не затихло, перекинувшись в другие районы Центральной Явы.

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ЗАХВАТЫ И СОПРОТИВЛЕНИЕ НА ВНЕШНИХ ОСТРОВАХ

Процесс завоевания Голландией Внешних островов активизировался с 70-х годов XIX в. Изменения в методах эксплуатации привели к более интенсивному проникновению капитала других держав на Архипелаг, в частности в те его районы, где голландское господство еще не было установлено. Поэтому правительст-

во Нидерландов взяло курс на широкую экспансию. Решающую поддержку Нидерландам в этом оказала Англия, предпочитавшая, чтобы Архипелаг принадлежал слабой в военном отношении Голландии.

2 ноября 1871 г. в Гааге был подписан так называемый Суматранский трактат. Получив согласие Великобритании на захват Аче, Нидерланды предоставили английской торговле и английским подданным в Сиаке на Восточной Суматре и во всех суматранских владениях, которые в будущем перейдут под голландский контроль, те же преимущества и привилегии, которыми пользовались голландская торговля и голландские подданные. 17 ноября 1872 г. голландский парламент принял закон о торговых тарифах в Нидерландской Индии, по которому дифференцированные пошлины отменялись и, таким образом, иностранные (в тех условиях прежде всего английские) товары облагались точно так же, как и голландские.

Суматранский договор, закон о тарифах и аграрное законодательство 70-х годов открыли новый этап в колониальной истории Индонезии, особенно Внешних островов. Голландскую политику во Внешних владениях после Суматранского договора можно разбить на два этапа: 70–90-е годы XIX в. и 90-е годы XIX в. — начало XX в. На первом этапе официально действовала «политика невмешательства», но по мере обострения борьбы держав за Юго-Восточную Азию Нидерланды все активнее стремились установить политическое господство над всем Архипелагом. На втором этапе Голландия, отказавшись от «политики невмешательства», установила свою власть во всей Индонезии.

Центральным событием на Внешних островах стала Ачехская война. Султанат Аче на Северной Суматре был последним крупным независимым государством в Индонезии. Он представлял собой характерное для Индонезии общество прибрежного, или военно-феодалного, типа. Основной социальной единицей была деревня — *кампонг*, являвшаяся соседской общиной. Ачехская наследственная знать состояла из *имамов* и *улубалангов* — территориальных владельцев *мукимов* и *улубалангств*. Великий Аче, центральная часть султаната, делился на три части — *саги*, являвшиеся объединениями *улубалангств* и *мукимов* (они назывались по числу входящих в них *мукимов*: *саги XXII*, *саги XXV*, *саги XXVI*). Во главе *саги* стояли самые крупные вожди-феодалы — *панглимы саги*. Власть султана к началу войны была незначительной и распространялась лишь на домен вокруг столицы. Важное место в ачехском обществе занимали люди, связанные с мусульманской религией. Решающую роль среди них играли *улама* — авторитеты в области религиозных доктрины и права. Многие *улама* были проповедниками *тариката* — мистического пути к спасению посредством познания истины. Идеи *тариката* в значительной мере питались эсхатологическими представлениями, характерными для индонезийского ислама.

В качестве предлога для агрессии против Аче голландцы использовали переговоры в Сингапуре ачехских эмиссаров с консулами США и Италии, а также попытку Аче заручиться поддержкой единоверной Турции в преддверии неминуемой войны.

В апреле 1873 г. хорошо вооруженная голландская экспедиция высадилась вблизи от ачехской столицы, Далама. Ее штурм закончился поражением захватчиков, потерявших командующего — генерала Й.Кёхлера, после чего они вынуждены были покинуть Аче. В декабре 1873 г. в Аче появилась вторая гол-

ландская экспедиция. В январе 1874 г., преодолев ожесточенное сопротивление ачехцев, голландцы овладели Даламом и командующий, генерал Ян ван Свитен, объявил о ликвидации султаната. В апреле ван Свитен со значительной частью войск покинул Аче, считая войну выигранной. На этом этапе характер сопротивления был сходен с тем, с которым голландцы сталкивались во время различных экспедиций на Внешние острова во второй половине XIX в. Руководство войной осуществлялось центральной властью, и борьба шла за сохранение независимости султаната. На этот раз, однако, колонизаторы не добились тех результатов, на которые рассчитывали. Война не окончилась с падением столицы султаната, и захватчики не сумели привлечь на свою сторону ачехскую знать. В феврале 1874 г. ачехские владетели избрали султаном восьмилетнего Мохаммада Дауда и продолжили сопротивление.

Второй этап — период феодального руководства сопротивлением — продолжался с апреля 1874 г. по 1880 г. На протяжении 1874–1878 гг. голландцы пытались, создав линию укреплений в Великом Аче, покончить с сопротивлением в этой области. Летом 1878 г. губернатор Аче генерал Карел ван дер Хейден начал крупное наступление, в ходе которого ему удалось разгромить отряды владетельной знати. Походы ван дер Хейдена и оккупационный режим, установленный после этих походов, отличались жестокостью и беспощадным террором. С осени 1879 г. начался массовый переход *улубалангов* и *имамов* на сторону врага. Но и в такой тяжелой обстановке ачехский народ нашел в себе силы для продолжения борьбы.

Третий этап Ачехской войны (1881–1896) — подъем народного сопротивления — стал самой героической страницей в истории борьбы ачехцев за свою независимость. В декабре 1881 г. движение возглавил *улама* Мохаммад Саман (Теунгку Чик ди Тиро). Руководство движением перешло к духовенству и деревенской верхушке. В начале 80-х годов XIX в. на волне подъема освободительной борьбы в Великом Аче возникло военно-теократическое государство саманистов. Саман и его приверженцы стремились придать этой борьбе религиозный характер; ачехское движение 80-х годов обнаружило также социальные мотивы — стремление крестьянской массы к образованию справедливого государства. Опираясь на общенародный подъем, Саман смог создать довольно эффективную политическую и военную организацию. Однако результатами воспользовалось меньшинство, занявшее привилегированное положение в государстве Самана, — *улама* и деревенская верхушка. Общенародный подъем использовался духовенством и деревенской верхушкой для ограничения и оттеснения адатной знати. С лета 1884 г. под нажимом ачехцев, развернувших широкую партизанскую войну, голландцы были вынуждены перейти к обороне и, отказавшись от оккупации Великого Аче, спасти ядро своих позиций — столицу Кутараджу, основанную на месте Далама, и ее окрестности, где возник укрепленный район — «линия концентрации», представлявший собой систему фортов и наблюдательных постов.

В вассальных княжествах побережья, входивших в состав Аче, в этот период также разгорелась борьба с колонизаторами. Наибольших успехов ачехцы добились на Западном берегу, где борьбой руководил Теуку Умар, создавший в 80-х годах XIX в. политическое объединение на базе традиционной структуры.

В 1893 г. Теуку Умар неожиданно перешел на сторону врага. Это объяснялось противоречиями, вылившимися в военные столкновения, между саманистами (особенно когда в январе 1891 г. умер Мохаммад Саман и руководителем стал его сын — Мат Амин) и отрядами Теуку Умара. Хотя с помощью «легиона Умара» голландцам удалось потеснить саманистов, их государство продолжало активно сопротивляться захватчикам. В 1889 г. ачехцы разгромили голландскую колонну под укреплением Кота Похама. Но успехов 1882–1883 гг. саманисты повторить не смогли. Население стало уставать, к тому же превращение *улама* и партизанских вождей во владетелей, введение жестких (а подчас жестоких) шариятских порядков, находившихся в противоречии с *адатом* Аче, нетерпимость в отношении соплеменников, оказавшихся внутри «линии концентрации», т.е. на оккупированной голландцами территории, — все это подрывало ачехское сопротивление.

Четвертый (и последний) этап войны охватывает 1896–1913 гг. и характеризуется постепенным спадом и конечным поражением движения. Весной 1896 г. Теуку Умар вернулся в ряды борцов за независимость и поднял оружие против колонизаторов. В 1898 г. известным исламовед Кристиан Снук Хюргорнье был назначен специальным советником при губернаторе Аче — Йоханнесе ван Хэютсе. Признав народный характер войны, Снук Хюргорнье предложил сосредоточить основное внимание на беспощадной и решительной борьбе с *улама* и партизанскими вождями, а адатную знать (*улубалангов* и *имамов*) привлекать различными уступками. Согласно его плану, голландская администрация должна была изменить тактику в отношении массы населения: поощрять возвращение жителей к повседневным делам, не ожесточать «замиренные» деревни насилиями и т.д. Были созданы жандармские подразделения, выполнявшие функции контргерильи. Покончив с государством саманистов в Великом Аче, голландцы обрушились на Теуку Умара. В феврале 1899 г. жандармы устроили засаду и убили его. В 1899–1903 гг. голландцы подавили сопротивление в княжествах Северного и Восточного берега, и в январе 1903 г. султан Мохаммад Дауд сдался ван Хэютсу. Осенью 1903 г. прекратил сопротивление и сдался фактический глава султанской партии, глава *саги* XXII Панглима Полим.

Сопротивление борцов за независимость Аче продолжалось еще целое десятилетие — с 1903 по 1913 г. В 1904 г. в результате кровавого похода будущего губернатора Аче ван Даалена были завоеваны Гайо и Алас — южные районы Аче. В 1905 г. жандармам удалось обнаружить и захватить Чут Нья Дин, вдову Теуку Умара, которая предводительствовала партизанским отрядом на Западном берегу. Наиболее ожесточенный характер имело сопротивление последних опорных пунктов и партизанских отрядов на Северном и Восточном берегу, где действовали сыновья и внуки Самана. Жандармам только в 1910–1911 гг. удалось выследить и убить партизанских лидеров из семьи Самана. Последние партизанские вожди в Восточном Аче погибли в 1913 г., после чего сопротивление прекратилось.

В 70–90-х годах XIX в. «политика невмешательства» постепенно отходит в прошлое не только в Аче. Так, на Суматре голландцы предприняли в 1878 г. экспедицию во внутренние батакские районы (Батакланд), которая положила начало захвату областей Тоба, Селиндунг и Тарунтунг; в 80-х годах была начата аннексия южных батакских районов. Расширились после 1879 г. территории под

управлением колониальных властей в южной части резидентства Западное побережье Суматры.

На Суматре (помимо Аче) особую активность голландцы проявляли на Восточном побережье, которое превратилось в один из основных центров плантационного хозяйства. В 1873 г. на табачных плантациях, полученных в концессию от султана Дели, был собран первый урожай, реализация которого принесла голландским предпринимателям 2,5 млн. гульденов; через десять лет, в 1884 г., доходы возросли до 27,5 млн., а в 1894 г. — до 35 млн. гульденов. Развитие плантационного хозяйства и рост европейского и китайского населения на Восточном побережье Суматры привели к усилению вмешательства Батавии. В июне 1884 г. самый значительный тамошний владетель — султан Сиака подписал соглашение, по которому отказывался от своих суверенных прав, взамен чего голландцы гарантировали ему поступление твердого ежегодного дохода. В 1887 г. они провели реорганизацию управления Восточного побережья, окончательно поставив этот важный район (включая внутренние области) под свой контроль.

Вмешательство, хотя и не столь активное, как на Суматре, происходило и в других районах Архипелага. На Калимантане, особенно после того как в северной части острова утвердилась старая соперница — Англия, голландские власти постоянно посылали экспедиции во внутренние районы. Непрерывно вмешивались голландцы в дела формально считавшихся даже не вассалами, а союзниками княжеств Южного Сулавеси. Усиливался контроль над мелкими княжествами и племенными федерациями Молуккских и Малых Зондских островов (Нуса Тенггара).

Ярым сторонником экспансии был генерал-губернатор Й.В. ван Лансберге (1875–1881), считавший, что вмешательство необходимо, чтобы не допустить утверждения на Архипелаге молодых европейских держав — Германии и Италии, которые начали проявлять заинтересованность в приобретении колоний. В 1885 г. Нидерланды приветствовали разграничение англо-германских владений в восточной половине Новой Гвинеи (Ириана), поскольку опасались активизации Германии на Архипелаге, прежде всего в западной части Новой Гвинеи, которую власти Батавии считали своей сферой влияния.

С середины 90-х годов XIX в. голландская экспансия на Внешних островах ускорилась. В 90-х годах у руля колониальной политики Нидерландов встали сторонники «решительных мер»: министром колоний стал Й.Т.Кремер, а генерал-губернатором Нидерландской Индии в 1893–1899 гг. был К.Х. ван дер Вейк. Симптомами перехода к новой политике экспансии был курс на решительные меры в Аче, принятые после 1896 г., и экспедиция на Ломбок в 1894 г.

Остров Ломбок в группе Малых Зондских островов, населенный сасаками, еще в XVII в. стал объектом борьбы между владетелями Бали, Макассара и Бимы (княжества на о-ве Сумбава). В конечном счете победителями вышли балийцы, захватившие Ломбок. Балийские феодалы, опираясь на своих соотечественников, переселившихся на Ломбок (в 90-х годах XIX в. на Ломбоке жило примерно 430 тыс. сасаков и 40 тыс. балийцев), жестоко эксплуатировали сасацкое население.

В августе 1891 г. на Ломбоке вспыхнуло восстание сасаков. Обеспокоенные закупками оружия в Сингапуре, которые делали балийские раджи, и появлением английских торговцев, перевозивших это оружие, голландские власти воспользовались обращением сасацких старост к голландскому резиденту на

Бали. В июле 1894 г. мощная голландская экспедиция, возглавляемая генералом Я.А.Феттером, высадилась на Ломбоке. Чакранегара, резиденция балийского раджи княжества Карангасем, была занята голландскими войсками. 17 августа голландское командование направило в глубь острова две колонны. 25 августа балийцы неожиданно напали на голландские лагерь и колонны, двигавшиеся в восточном направлении. Голландцы понесли большие потери, были убиты заместитель командующего экспедицией генерал П. ван Хам и командир одной из колонн; один из голландских отрядов был вынужден капитулировать. В начале сентября 1894 г. на Ломбок были переброшены свежие войска, и голландцы подавили сопротивление балийцев. Ломбок был включен в Нидерландскую Индию и перешел в ведение ассистент-резидента, подчинявшегося голландскому резиденту на Бали.

В начале XX в. голландское наступление на Внешних островах продолжилось. На Суматре в 1901 г. голландцы продвинулись во внутренние области султаната Джамби, где укрывался свергнутый еще в 1858 г. султан Таха и его приверженцы. Применив по совету Снука Хюргронье ачехскую тактику, колонизаторы в конце 1903 г. покончили с основными очагами сопротивления в Джамби, а в 1904 г. выследили и убили Таху.

В батакских районах, где сопротивление захватчикам в 80-х годах XIX в. возглавил наследственный духовный лидер Сингга Мангараджа XII, голландцы проникли во внутренние области к началу 90-х годов. В 1904 г. жандармы лейтенанта Кристоффела убили Сингга Мангараджу. Батакские территории были поставлены под прямой контроль и разделены между резидентствами Тапанули и Восточное побережье Суматры.

На Калимантане с 1902 г. голландцы развернули широкое наступление во внутренних районах бывшего султаната Банджармасин. В 1904 г. ветеран Ачехской войны майор Сварт разгромил отряд претендента на банджармасинский трон Мохаммада Самана, который был убит в бою. Последние партизанские вожаки сложили оружие в 1905–1906 гг. Полунезависимые княжества и владения Восточного Калимантана были поставлены под окончательный контроль на протяжении 1900–1912 гг., равно как и княжества, входившие в резидентство Западное Борнео.

В 1904 г. генерал-губернатор ван Хэютс (1904–1908), едва ли не самый яростный поборник экспансии на Внешних островах, направил большую экспедицию на Юго-Западный Сулавеси, которая покончила с остатками самостоятельности княжеств Гова, Бони и др. Но в конце 1905 г. на Южном и Центральном Сулавеси разгорелось сопротивление, центром которого была находившаяся на отвесной скале крепость Барупу. Сварт и Кристоффел, переведенные с Калимантана на Южный Сулавеси, в октябре 1906 г. захватили Барупу, а затем развернули голландскую контргерилью в джунглях острова. В ноябре 1906 г. жандармы Кристоффела истребили семью раджи Гова и убили его самого. К 1908 г. были убиты или сдались главные партизанские вожаки. Одновременно был покорен Центральный Сулавеси, последние из независимых владений которого признали голландскую власть в 1906 г.

После покорения Ломбока в 1894 г. голландцы непрерывно вмешивались в дела балийских княжеств. В 1906 г., воспользовавшись конфликтом с южнобалийским княжеством Бадунг, батавские власти решили аннексировать весь Бали. 14 сентября 1906 г. голландская экспедиция высадилась в Бадунге и захватила его столицу Денпасар. В конце сентября голландские войска двинулись на княжество Табанан,

раджа которого сдался без сопротивления. Вскоре покорились Бангли и Клунгкунг, после чего все княжества Бали были поставлены под прямое управление.

Весной 1908 г. Сварт разгромил восставших на Сумбаве, а в 1906–1912 гг. был «замирен» о-в Сумба. В 1905 г. жандармы Кристоффела подавили сопротивление горцев на Флоресе и Солоре. В первом десятилетии XX в. было установлено голландское владычество на всех Малых Зондских и Молуккских островах. В конце XIX — начале XX в. были созданы военные посты на Новой Гвинее и начались экспедиции в глубь острова. В результате к 1913 г. под властью Нидерландов оказалась огромная территория Архипелага (более 1,9 млн. кв. км) с населением около 40 млн. человек.

Покорение Архипелага сопровождалось кровавыми злодеяниями: истребление населения целых деревень, включая женщин и детей, пытки, поджаривание пленных на медленном огне были обычными методами голландской военщины в Аче и других районах. Особое значение для колонизаторов в их деятельности на Внешних островах имел опыт Ачехской войны, которая породила инициаторов (Й. ван Хэютс, Х.Колейн — глава гражданской службы колонии) и исполнителей (Сварт, Кристоффел, Дарланг и др.) активной политики во Внешних владениях. Военная тактика (система патрулирования, организация контргерильи, создание постов, временных лагерей и мобильных колонн) и политический опыт (привлечение адатной знати, система наказаний и поощрений и т.д.) Ачехской войны были использованы в других районах Индонезии.

В Аче колонизаторами была найдена и новая форма политических взаимоотношений с различными владениями Архипелага. В 1898 г. Снук Хюргронье и ван Хэютс предложили ликвидировать старые договоры с княжествами ачехского побережья и заменить их «кратким заявлением» (*корте феркларинг*), состоявшим из трех пунктов: признание верховной власти Нидерландов, а княжеств — неотъемлемой частью Нидерландской Индии; обязательство не вступать в сношения с иностранными государствами; обещание выполнять все распоряжения колониальной администрации. С внедрением «краткого заявления» в Индонезии получила развитие система косвенного управления. Главный ее смысл заключался в том, что она, наделяя голландских колонизаторов неограниченной властью, позволяла им поддерживать иллюзию сохранения традиционного устройства. Население зачастую непосредственно не сталкивалось с голландскими чиновниками, а по-прежнему имело дело со своими владельцами и вождями. С другой стороны, эта система позволяла колонизаторам наладить сотрудничество с адатной знатью. Сохраняя политический и финансовый контроль в своих руках, голландская администрация превратила знать Внешних владений в послушных марионеток, всецело зависящих от колонизаторов и одновременно заинтересованных в тех привилегиях и доходах, которые были им милостиво оставлены. Окончательно взаимоотношения между колониальными властями и местными владельцами были определены Ордонансом о самоуправлении 1914 г., который установил ранги, систему жалованья и привилегий адатной знати. В первое десятилетие XX в. «краткое заявление» было введено во всех вновь завоеванных областях страны. Оно заменило также многие старые договоры. В итоге к 1927 г. «краткое заявление» подписали князья и вожди 267 «самоуправляющихся» территорий, и лишь с 15 владельцами (из них 4 — на Яве) были сохранены договоры старого типа.

ВЬЕТНАМ ВО ВРЕМЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ (1858–1885)

После подписания в Тяньцзине 27 июня 1858 г. франко-китайского договора, подытоживавшего участие Франции в первом этапе (1856–1858) второй «опиумной войны» (1856–1860), воевавшие в период китайской кампании французские войска освободились для боевых действий во Вьетнаме. Во вьетнамской кампании принимали участие также и испанские войска, в состав которых входили привычные к местному климату 800 тагальских стрелков с Филиппин. Командующим объединенными франко-испанскими силами, насчитывающими в общей сложности около 3 тыс. солдат и выступившими из Гонконга 30 мая 1858 г., был назначен адмирал Риго де Женуйи, которому предписывалось оккупировать Дананг, заключить договор о назначении трех консулов и одного специального уполномоченного во вьетнамскую столицу, а также добиваться протектората над Южным Вьетнамом.

1 сентября Риго де Женуйи ввел 12 кораблей в бухту порта Дананг, но натолкнулся на две мощные крепости с гарнизоном в 2 тыс. солдат. С содержанием ультиматума — сдаться без боя — вьетнамцы даже не сочли нужным ознакомиться. Материальное и техническое превосходство европейцев сыграло свою роль. Два мощнейших вьетнамских форта были окружены и взяты с боем европейским десантом. Для спасения положения из Намки в Дананг специальным императорским наместником (*кинъ лыоком*) был отправлен Нгуен Чи Фьонг.

Первые поражения императорских войск обострили внутренние конфликты во вьетнамском обществе. В Центральном Вьетнаме вспыхнули восстания малочисленных горных народностей. На границе с Китаем восстали этнические китайцы. На Крайнем Севере (Бакки), в провинции Хайзыонг, под лозунгом возвращения власти «законной» династии Ле усилились выступления вьетнамских католиков. Во все эти «горячие точки» правительство вынуждено было бросать регулярные войска, что ослабляло сопротивление европейцам. Особенно жестоко карательные части обращались с католиками: их казнили, а головы предводителей специально перевозили из Бакки в Дананг и показывали осаждающим. Это ожесточало интервентов и служило французскому и испанскому правительствам основанием для оправдания агрессии.

На Крайнем Юге (Намки) сразу же после начала вторжения население военно-крестьянских поселений (*дон диенов*) стало в массовом порядке уклоняться от несения военной службы. Для решения проблемы обеспечения Намки военной силой было решено брать в солдаты каждого третьего мужчину в семьях военно-поселенцев.

После того как Нгуен Чи Фьонг сорвал поход Риго де Женуйи на столицу Хюэ, французский адмирал осознал, что необходимо ликвидировать бесперспективный

данангский фронт. Поскольку центр вьетнамских католиков, располагавшийся на Крайнем Севере, находился под преимущественным влиянием испанских доминиканцев, то Риго де Женуи, опасавшийся усиления влияния Испании во Вьетнаме, оставил под Данангом восьмисотенный штурмовой отряд и отправил на север две роты прибывших из Гонконга христиан, а все основные силы в количестве 2200 солдат бросил на 40 военных судах на Крайний Юг.

В середине февраля 1859 г. главные силы французской Тихоокеанской эскадры приступили к захвату Южного Вьетнама. Завоевание началось с северо-восточной части Намки — провинции Биенхоа, где интервенты разрушили основные форты на побережье и заставили вьетнамские войска отступить в провинцию Зядинь. Первые поражения вьетнамской армии на Крайнем Юге в немалой степени были связаны с тем, что правительство вынуждено было посылать большое количество войск в провинции Северного Вьетнама, где ширилось восстание под лозунгом возвращения власти дому Ле.

Вступив в пределы провинции Зядинь, французские войска высадили десант и захватили порт Канзо. Они штурмом взяли пять фортов и подступили к провинциальному центру. Подготовленных и тренированных регулярных войск у вьетнамцев не хватало. Губернатор Зядини запросил помощь. Император отдал приказ пополнять армию отрядами местного ополчения. В результате народное ополчение было создано не только в Намки, но и в южной части Центрального Вьетнама. С самого начала интервенции на Крайнем Юге в связи с разложением и недееспособностью регулярной армии власти стали перекладывать основную нагрузку сопротивления захватчикам на плечи народного ополчения. Началась партизанская война. В ней принимали участие тысячи патриотов, устраивавшие засады и нападения на небольшие отряды французов, взрывавшие их пороховые склады. Добровольцы-южане сражались бок о бок с регулярными войсками, успехи которых были значительно более скромными, чем у народных дружин.

В начале марта 1859 г. французы расстреляли из пушек Сайгон и взяли город штурмом. Риго де Женуи превратил его в крепость, а кроме того, построил мощный форт Хьубинь, ставший основной базой французской военной администрации. Затем был взят Тёлон, крупный экономический центр, в котором доминировало китайское купечество. Вскоре к Риго де Женуи подошло трехтысячное подкрепление.

Бездарность высшего вьетнамского руководства поначалу несколько компенсировалась патриотическим порывом мирных жителей Крайнего Юга. Особенно активной была традиционная местная неслужилая элита: отставные гражданские и военные чиновники, лауреаты конкурсов и простые интеллигенты набрали в свои отряды до 6 тыс. добровольцев. Именно патриотическая инициатива южан позволила регулярным частям вьетнамской армии несколько оправиться от понесенных потерь. Однако особых военных успехов ни у регулярной вьетнамской армии, ни у добровольцев на Крайнем Юге не было.

Положение французских войск на Крайнем Юге было значительно более благоприятным, чем того восьмисотенного отряда, который Риго де Женуи оставил в Куангнаме. Европейских солдат в Дананге преследовали военные неудачи и болезни. Военный контингент европейцев в Куангнаме надо было спасать. Поэтому Риго де Женуи оставил в новом форте Сайгона небольшую часть фран-

цузских войск (700–800 солдат) и перебросил основные силы своей эскадры к Данангу. Подкрепление пришло вовремя. В начале мая 1859 г. французы с ходу взяли ряд фортов и крепостей под Данангом. Нгуен Чи Фьонг вынужден был отступить.

Столкнувшись с превосходящим уровнем вооружения и с незнакомой вьетнамцам европейской военной тактикой, правительство Хюэ так и не смогло выработать действенных методов противостояния интервентам. На всем протяжении колониального завоевания вьетнамское руководство придерживалось старинных методов ведения боя и использовало архаичное вооружение. Попытки модернизации огнестрельного оружия, например переход к изготовлению пушек, стреляющих картечью, были крайне запоздалыми и не дали эффекта.

Вспыхнувшие в Намки антиправительственные выступления католиков, центром которых стал Виньялаунг, и угроза борьбы на Крайнем Юге на два фронта заставили правительство в Хюэ задуматься о переговорах с захватчиками, техническое превосходство которых было неоспоримым.

Взаимоотношения в правительстве были очень напряженными. По отношению к военным действиям и мирным переговорам правительство разделилось на фракции — «ястребы», «голуби» и «умеренные». «Ястребам», отстаивавшим ведение вооруженной борьбы до победного конца и отрицавшим всякие переговоры с интервентами, противостояли «голуби», отвергавшие военные действия и требовавшие немедленного обсуждения мирного договора. «Ястребы» упрекали «голубей» и часть «умеренных» в трусости и отсутствии воинственного пыла, а сторонники мира считали, что «милитаристы» и другая часть «умеренных» не понимают сложившейся ситуации.

Нараставшее восстание в Бакки, волнения горцев в Центральном Вьетнаме (Чунгки), падение дисциплины и массовое дезертирство в регулярных войсках и в ополчении Намки заставили Зык Тонга в середине 1859 г. согласиться на предложение французского руководства начать мирные переговоры; их ведение было поручено Нгуен Чи Фьонгу.

Маленькая уступка здравому смыслу вызвала бурю негодования среди широких слоев традиционалистского чиновничества и интеллигенции. Нгуен Чи Фьонг занял на переговорах неуступчивую позицию по всем вопросам, в связи с чем в сентябре 1859 г. французы прервали переговоры и атаковали боевые позиции вьетнамцев, нанеся им жестокое поражение.

В Куангнам были направлены более миролюбивый Фан Тхань Зян и противник ведения военных действий Ле Ть Тин. Сам император стал решительно отвергать «просьбы населения» истребить всех католиков под корень. На смену заболевшему Риго де Женуйи командовать всеми вооруженными силами европейцев во Вьетнаме был назначен контр-адмирал Паж. Он привез с собой новые инструкции об условиях заключения мирного договора, уже не требующего оккупации Дананга и протектората над Южным Вьетнамом.

Восприняв смягчение позиции французов на переговорах как признак слабости, Зык Тонг уступил ярым врагам христианства и возобновил гонения на католиков. Нгуен Чи Фьонг предпринял наступление около Дананга и вначале нанес французам существенный урон. Фан Тхань Зян был отозван из Куангнама в столицу. Результатом явилось контрнаступление европейцев, быстрый захват

французскими войсками в конце 1859 г. важнейших фортов в Куангнаме и блокада дороги, ведущей к столице. Регулярная вьетнамская армия понесла тяжелейшие потери. Для защиты перевала Хайван, отделявшего Куангнам от столичной провинции, из Хюэ были посланы специальные войска.

В Куангнаме вьетнамцы из последних сил ожесточенно сопротивлялись французам на подступах к столичной провинции. Паж счел бесперспективными дальнейшие усилия по захвату территорий в Центральном Вьетнаме и в феврале 1860 г. перебросил большую часть французского корпуса из Куангнама в Зядинь. 23 марта 1860 г. последние укрепления в Дананге были разрушены и взорваны самими французами, а остатки данангского гарнизона эвакуированы на Крайний Юг.

В Зядини Паж передал вьетнамским военным чиновникам проект мирного договора. Французы просили вьетнамские власти установить с ними постоянные дипломатические отношения, обеспечить свободный проезд послов в Хюэ по суше; отменить антихристианское законодательство, наказывая только тех католиков, которые нарушили уголовные законы, а сидящих в тюрьме европейских священников передать французским военным властям; разрешить европейским священнослужителям проводить христианские проповеди в католических общинах; простить всех вьетнамцев, перешедших на службу к французам; обеспечить свободный доступ во Вьетнам французских торговых кораблей и снижение торговых пошлин; разрешить французским представителям высаживаться на морском побережье Вьетнама и основывать там торговые фактории. Со своей стороны, французы принимали на себя обязательство считать дружественной по отношению к Франции любую страну, с которой Дайнам установит дипломатические отношения, и сразу же после того, как полномочный представитель Дайнама и вице-адмирал Франции поставят печать на данном договоре и подпишут его, обещали вместе со всеми военными кораблями тут же немедленно покинуть все порты Дайнама. Предполагалось выдать один экземпляр мирного договора Испании.

Не имея указаний из Хюэ, военные чиновники Крайнего Юга не дали французам никакого ответа и отправили проект договора в столицу. Совершенно неприемлемыми для обсуждения они сочли лишь три предложения: о разрешении французам высаживаться на морское побережье Вьетнама и основывать там торговые фактории, о разрешении христианских проповедей европейским священникам в католических общинах и, как ни странно, о выдаче одного экземпляра мирного договора Испании.

Зык Тонг также счел неприемлемым обсуждать на переговорах с французами возможность основания торговых факторий и разрешение европейцам проповедовать в католических общинах. Остальные же требования французов император склонен был принять.

Пойдя на эти уступки французам, Зык Тонг отдал приказ активизировать боевые действия и привлечь новых добровольцев в ополчения всех шести южных провинций.

В период с весны по осень 1860 г. вьетнамцам представилась уникальная возможность разгромить войска европейцев на Крайнем Юге. В связи с началом боевых действий второго этапа второй «опиумной войны» французы оставили в

Сайгоне лишь небольшой гарнизон численностью в 800–1000 человек, а остальные войска во главе с самим контр-адмиралом Пажем в апреле 1860 г. перебросили в Китай. Однако к этому времени вокруг Сайгона–Тёлона уже была построена «линия пагод» — система укреплений протяженностью около 6 км, которая, как оказалось, была способна защитить интервентов от сильнейшего напора вьетнамцев. В результате у ослабшей империи Дайнам не хватило сил для победы даже над этим малочисленным, но хорошо вооруженным противником. Императорское правительство не смогло использовать тот шанс, который впоследствии империи уже никогда не представился.

Первое официальное одобрение идеи заключения мирного договора с европейцами вызвало новый приступ истерии в среде традиционалистских кругов Вьетнама. Местное провинциальное чиновничество завалило императора тайными докладами с просьбами не заключать никаких соглашений с иностранцами. Под воздействием «общественного мнения» и в противоречии с уже принципиально одобренным предложением французов не преследовать «мирных и законопослушных» христиан, Зык Тонг отдал приказ освободить от репрессий только раскаявшихся католиков, отказавшихся от своей веры.

Однако необходимость скорейшего заключения мирного договора вызывалась также и обострением ситуации на вьетнамо-камбоджийской границе. После падения Сайгона кхмерский король Анг Дуонг решил использовать французскую интервенцию в Намки для захвата Южного Вьетнама, чему способствовали волнения на границе с Камбоджей на рубеже 1859–1860 гг., в которых принимали участие мятежные кхмеры, чамы и малайцы. В середине 1860 г. камбоджийская армия вторглась на территорию пров. Зядинь, юг которой занимали французы, построила там форты и нанесла поражение местным вьетнамским войскам. В дальнейшем камбоджийский король рассчитывал провести переговоры с французским командованием и утвердить право Камбоджи на территорию Намки.

Вскоре непримиримый «ястреб» Нгуен Чи Фьонг был перебросен из-под Дананга командовать войсками в Намки. Он четко обозначил свою позицию: никакого доверия иностранцам, никаких разговоров о мире, только решительное сопротивление до полной победы. В связи с уходом из Зядини основной части французского экспедиционного корпуса к такой же позиции все больше склонялся и сам император. В боях с французами Фьонгу удалось добиться некоторых успехов.

Эти успехи вьетнамцев в Намки объяснялись их огромным численным преимуществом перед французами: приблизительно 10 000 против 1000. Нгуен Чи Фьонгу удалось не только укрепить вьетнамскую систему обороны, возведенную против «линии пагод», но и перейти в наступление. Военные действия, активизированные Нгуен Чи Фьонгом, привели к срыву мирных переговоров между вьетнамской и французской сторонами в Намки осенью 1860 г.

Однако вплоть до конца 1860 г. Нгуен Чи Фьонг так и не смог одержать более ни одной победы. Напротив, несмотря на колоссальнейшее численное превосходство вьетнамских солдат, в конце 1860 г. Нгуен Чи Фьонг попал со своими войсками в окружение, из которого с трудом сумел выбраться. Неудачи в Намки вьетнамские власти попытались компенсировать усилением борьбы с христианскими миссионерами. С ноября 1860 г. по февраль 1861 г. были казнены три европейских священника.

В начале 1861 г. положение вьетнамских войск в Намки резко ухудшилось. После подписания 25 октября 1860 г. франко-китайского соглашения Франция получила возможность выделить из состава своих военно-морских сил в Китае мощную группировку и направить ее во Вьетнам. Общая численность французских войск в Намки насчитывала теперь около 5 тыс. солдат, а боевой флот — более 50 кораблей.

Вынудив Нгуен Чи Фыонга рассредоточить свои силы, французы нанесли основной удар в северном направлении по вьетнамской оборонительной линии, ядром которой являлась крепость Дайдон. В конце февраля 1861 г. они взяли ее штурмом, в ходе которого был тяжело ранен сам Нгуен Чи Фыонг. Остатки разгромленного вьетнамского войска укрылись в Биенхоа.

Поражение Нгуен Чи Фыонга резко ослабило при дворе ту группировку, которая выступала за бескомпромиссное продолжение военных действий, и усилило партию приверженцев заключения мирного договора. На место раненого Нгуен Чи Фыонга был назначен гражданский чиновник Нгуен Ба Нги, выступавший за ведение переговоров с французами. Главной задачей нового руководства было недопущение соединения с французами камбоджийского войска. Во всех свободных от французов районах Намки действовал тайный приказ о жестком контроле над католиками.

После захвата пров. Зядинь французы подошли к Тайнинию, откуда адмирал Шарнь получил возможность войти в контакт с правительством Камбоджи, войска которой он стремился использовать против вьетнамцев. Для удобства сообщения французов с центральными районами Камбоджи и Пномпенем по р. Меконг Шарнь намеревался захватить расположенный на восточной протоке дельты р. Митхо. 14 апреля 1000 французов, вооруженных 18 полевыми пушками, подошли к стенам крепости Митхо, построенной французскими инженерами по проектам Вобана в конце XVIII в., и после мощного артобстрела, заставившего гарнизон разбежаться, захватили город. После этого французские войска быстро заняли остальную территорию пров. Диньтыонг.

В начале осени 1861 г. Нгуен Ба Нги секретно представил Зык Тонгу новые условия прекращения военных действий и заключения мирного договора между Дайнамом и Францией. Эти условия были отвергнуты императором. Обвинив Нгуена Ба Нги в трусости, Зык Тонг потребовал любыми способами вернуть захваченные французами южные провинции и издал жесточайший антихристианский указ о прикреплении католиков к местам принудительного поселения и обязательном их клеймении.

В октябре–ноябре 1861 г. росло сопротивление французам со стороны партизанских отрядов. В первых рядах борьбы находились «традиционалисты» — оставшие чиновники, лауреаты экзаменационных конкурсов и другие интеллигенты. Захваченные в плен интервентами, они предпочитали смерть сотрудничеству с новой властью. По всей стране шел набор в элитные войска и части береговой обороны. Особенно старались власти Намки: в одном Виньлаунге было создано 10 «батальонов» общей численностью в 4314 солдат. Население каждого уезда превращалось в боевой состав «батальона».

В ноябре 1861 г. командующего французскими войсками на Крайнем Юге Вьетнама адмирала Шарнье, отправившегося на отдых в Париж, сменил адмирал

Бонар (1861–1863), который стал первым французским губернатором Кохинхины, включавшей на тот момент две вьетнамские провинции: Зядинь и Диньтыонг. Новый главнокомандующий немедленно приступил к дальнейшему завоеванию Намки. В начале декабря Бонар повел решительное наступление на Биенхоа. 16 декабря, воспользовавшись морским приливом, французские корабли подошли прямо к стенам административного центра Биенхоа и подвергли его обстрелу судовой артиллерии. Губернатор и высшие чиновники, оставив 58 пушек и 12 кораблей, бежали. Сам Нгуен Ба Нги с остатками войск также отступил на восток.

Известие о захвате Биенхоа повергло императорское правительство в Хюэ в состояние шока. Теперь уже Зык Тонг рассчитывал только на партизанскую войну. В каждой из захваченных французами провинций бывшим руководителям было приказано набирать партизанские отряды и отвоевывать у противника «свободные» от интервентов территории.

Во второй половине 1861 г. усилились антингуеновские выступления католиков на Крайнем Севере. В Куангиене активизировались действия антиправительственных повстанческих отрядов, действовавших под предводительством одного из европейских епископов, католика Ле Ван Фунга. Осенью 1861 г. они разбили посланные против них морские и сухопутные правительственные силы. В начале 1862 г. восстание перекинулось на территорию провинции Хайзыонг.

Еще в декабре 1861 г. французское командование направило несколько разведывательных кораблей в пров. Виньлаунг. Корабли вошли в русло р. Виньлаунг, приблизились к провинциальному центру и стали просить у вьетнамских властей разрешения пройти в районы верхнего течения восточной протоки дельты Меконга. Такого разрешения местные чиновники дать не могли, ибо это означало сговор с врагом. В марте 1862 г. Бонар, так и не добившись разрешения на проход судов вверх по Меконгу, направил 10 кораблей и 1000 солдат для захвата Виньлаунга. После сокрушительного огня мощных орудий большая часть солдат местного ополчения и добровольцев были убиты и ранены. Все способные передвигаться спешно покинули город. Французы захватили 68 пушек и организовали преследование.

После этого в Намки остались всего две свободные от французов провинции: Анзянг и Хатиен. Правительство опасалось, что вскоре их постигнет участь Виньлаунга. Попытка организации мощного наступления остатков всех вьетнамских регулярных войск в Намки на позиции интервентов провалилась. Захват западных провинций был отсрочен партизанским движением, принявшим на оккупированных территориях с марта 1862 г. массовый характер. Патриоты освободили значительную часть территории от восточной протоки Меконга до Тёлона. Создалась реальная угроза установления французской власти в Кохинхине. Кольцо партизанской блокады вокруг Сайгона и Тёлона было столь мощным, что ее итогом в 1862 г. стал голод, начавшийся в политическом и торговом центрах французской колонии. Однако даже на пике партизанской борьбы 1862 г. решительной победы над французами патриотам в Намки достигнуть не удалось.

В апреле 1862 г. адмирал Бонар послал одного из своих офицеров в качестве полномочного представителя для подписания мирного договора с Дайнамом. Офицер приехал в порт Тхуанан, но не был допущен в столицу. В послании

французов говорилось о трех требованиях: выделить полномочных представителей Дайнама для заключения мирного договора, возместить Франции военные расходы, потраченные во Вьетнаме, и предоставить 100 000 куанов в качестве контрибуции. Теперь уже столичная элита, сильно обеспокоенная восстаниями в Бакки, настаивала на срочном мире с французами, полагая, что только таким образом можно спасти страну от распада.

Император позволил себя уговорить. В Намки в качестве послов были направлены сторонники заключения договора — Фан Тхань Зян и Лам Зюи Тхиеп. Однако в данных им правительственных инструкциях разрешалось пойти на уступки французам лишь по самым незначительным вопросам.

Вьетнамское правительство и особенно император находились в плену иллюзий. Они почему-то думали, что переговорная позиция европейцев будет более мягкой, чем до захвата Биенхоа и Виньлаунга. Поэтому столь сильными были их удивление, разочарование и негодование, когда они узнали, что 5 июня 1862 г. Фан Тхань Зян и Лам Зюи Тхиеп, подписав мирный договор с Францией, согласились разрешить французам и испанцам вести пропаганду христианства в Дайнаме, не прибегая к насильственным действиям; уступить в собственность Франции три провинции — Зядинь, Диньтыонг, Биенхоа — и о-в Кондао (Пуло-Кондор), а также разрешить коммерсантам и исследователям плавать по рекам Намки до Камбоджи; разрешить французам и испанцам свободно торговать в Дананге (Туране), Балате и Куангиене в обмен на аналогичное разрешение вьетнамским купцам торговать в метрополии и колониях Франции и Испании; не уступать без согласия Франции территории Дайнама какой-либо иной иностранной державе; уплатить Франции контрибуцию в сумме 4 млн. серебряных донгов (приблизительно 2,8 млн. серебряных лангов), или 20 млн. франков с рассрочкой на 10 лет; взаимно обменять пленных и предоставить им амнистию; взаимно выдавать преступников, совершивших преступление на территории одной из договаривающихся сторон и бежавших на территорию другой договаривающейся стороны; отозвать с захваченных французами территорий Зядини и Диньтыонга всех чиновников, руководящих партизанским движением, и прекратить антифранцузскую борьбу, после чего Франция обязуется вывести войска из пров. Виньлаунг; поручить своим представителям после заключения договора совместно обсуждать интересующие вопросы; установить срок ратификации этого договора и обмена ратификационными грамотами в течение одного года с момента подписания.

Изучив текст этого договора, высшие сановники двора и император после горьких раздумий приняли довольно странное решение, осуждающее Фан Тхань Зяна и Лам Зюи Тхиепа, возлагающее на них вину за заключение данного соглашения, но в то же время признающее его действие. Они поняли, что если не одобрить заключенного договора и попытаться изменить уже согласованные с европейцами условия, то военные действия возобновятся. А этого вьетнамские власти боялись больше всего.

Признав договор от 5 июня 1862 г., Зык Тонг назначил Фан Тхань Зяна генерал-губернатором Виньлаунга, а Лам Зюи Тхиепа — губернатором Тхуантхани-Кханьхоа, поручив им продолжить переговоры с французами и убедить интервентов смягчить выдвигаемые ими требования, содержащиеся в уже подписанном договоре, до его ратификации.

На Крайнем Севере продолжались ожесточенные столкновения правительственных войск и верных императору конфуцианских интеллигентов с повстанцами. В Хайзыонге правительственные войска терпели одно поражение за другим. В середине 1862 г. в Бакки была отозвана значительная часть войск из Намки. Партизанское движение на Крайнем Юге сначала было брошено правительством на произвол судьбы, а потом в полном соответствии с франко-испано-вьетнамским договором Хюэ начал оказывать борющимся с интервентами патриотам противодействие.

Отныне правительство сосредоточило все усилия на подавлении повстанческого движения в Бакки. По отношению к нему была выработана новая тактика: от основной массы повстанцев отделяли главарей, к которым применяли самые суровые меры, а простых инсургентов стремились превратить в «добрый и честный народ». В середине 1862 г. власти объявили о прощении и даже награждении повстанцев, сложивших оружие.

Восстание в Бакки между тем распространилось на Шонтай и Бакнинь. Единственной приятной для Хюэ новостью был хороший урожай в четырех провинциях Центра и двух провинциях Крайнего Севера, в том числе в Намдине.

Постепенно стало смягчаться отношение к христианам. В Центре были освобождены из тюрем и отпущены по домам старики, дети, юноши, женщины и девушки вне зависимости от того, бросили они исповедовать христианство или все еще продолжают верить во Христа, а также мужчины, которые прекратили придерживаться христианской веры. Всем им возвращались их поля, огороды и другое имущество, они освобождались от службы в армии и от трудовых повинностей сроком на один год. В тюрьмах остались лишь христиане-мужчины.

Позже были полностью отменены запреты христианской религии и освобождены из тюрьмы все христиане-мужчины, кроме тех, кто был уличен в непосредственных контактах с «мятежниками». В Намдине за период действия антихристианских законов было казнено 4800 человек.

Однако испанским проповедникам правительство под различными предлогами не разрешало официально христианизировать территорию к северу от Куангбиня. Одно известие о предоставлении испанцам возможности свободно пропагандировать христианство вызвало взрыв негодования «традиционалистов», особенно в Нгеане и Тханьхоа. В связи с этим там пришлось проводить специальную кампанию по убеждению населения в правильности новой религиозной политики правительства.

После подписания мирного договора с Францией и Испанией вьетнамские власти были обязаны помогать интервентам в борьбе с партизанским движением в Восточном Намки. Оно уже давно вышло из-под контроля официальных императорских властей и действовало по своим собственным правилам, устанавливаемым патриотическими лидерами, среди которых наиболее талантливым являлся Чыонг Конг Динь. Превратив Гонконг в неприступную крепость, он командовал оттуда партизанской войной во всем Намки. Опасаясь спровоцировать новую войну с французами, правительство приказало всем патриотам, в том числе Чыонг Конг Диню, распустить партизанские отряды и прекратить военные действия в Намки. А Чыонг Конг Диня Зык Тонг назначил на чиновничью должность в Центральный Вьетнам. Когда же тот отказался, император сделал его

командующим войсками пров. Анзянг, еще не занятой французами. Чыонг Конг Динь хотел подчиниться, но его не отпустили партизаны Зядини, Диньтыонга и Биенхоа, провозгласив «великим вождем». Военные действия Чыонг Конг Диня резко осложняли взаимоотношения императорского правительства с французской администрацией Намки. Возникла угроза срыва мирного договора. В конце концов император приказал оставить Чыонг Конг Диня в покое, решив, по-видимому, использовать фактор партизанской борьбы в Намки в качестве давления на французов.

На Севере самым опасным для Хюэ было антиправительственное движение католиков в Хайзыонге. Смягчение, а затем и отмена антихристианских законов лишь усилили накал борьбы католиков, надеявшихся на поддержку французов.

Во второй половине 1862 г. в Бакки появилась новая сила — *тайпины*, разбитые правительственными войсками в Китае и бежавшие на территорию Вьетнама. Эта повстанческая китайская армия, вместе с горными нунгами превышавшая 10 тыс. человек, захватила провинциальный центр Туиенкуанга и стала угрожать Шонтаю и Бакниню. Другие отряды *тайпинов* численностью в 2 тыс. человек захватили провинциальный центр Каобанга, и только пришедшие из Лангшона правительственные войска смогли его отбить.

К концу 1862 г. правительственные войска разблокировали осажденный повстанцами Хайзыонг и подчинили себе значительные территории этой провинции. Инсургенты стали рваться оттуда в Намдинь, но местные боевые дружины под руководством «традиционалистов» уничтожали их или отбрасывали обратно.

Постепенно улучшалась ситуация в Бакнии, где правительственные войска нанесли повстанцам поражение и заставили их отступить. Решительной победы над инсургентами Бакния добился Нгуен Чи Фыонг, при помощи сильных подкреплений нанеся перед этим мощный удар по группировке повстанцев в Хайзыонге. Взаимодействуя с военными чиновниками Ханоя и Шонтая, Нгуен Чи Фыонг снял осаду с провинциального центра Бакния и очистил от повстанцев дороги этой провинции.

Неожиданностью для Зык Тонга стало письмо губернатора Кохинхины Бонара, который сообщал, что оба европейских правителя, Франции и Испании, уже подписали мирный договор, после чего решили направить в конце 1862 г. одного посла в Хюэ, где этот посол должен был представить ратифицированные грамоты вьетнамскому императору и получить в обмен подписанные Зык Тонгом договорные документы. Император попытался оттянуть вступление договора в силу, все еще надеясь на усилия Фан Тхань Зяна и Лам Зюи Тхиепа, старавшихся в Сайгоне добиться смягчения условий договора. Но французы были настойчивы, и 16 апреля 1863 г. состоялась церемония обмена ратификационными грамотами. Зык Тонг официально признал утрату трех восточных провинций Намки и образование Французской Кохинхины.

После этого представители Дайнама должны были нанести ответные визиты вежливости императору Франции и королю Испании. Зык Тонг решил использовать поездку вьетнамского посольства в Европу для того, чтобы еще раз попытаться вернуть отторгнутые французами провинции Крайнего Юга. Момент для этого был чрезвычайно благоприятным. В политических и деловых кругах Франции в это время существовали разногласия относительно дальнейшей судьбы

захваченных французами территорий в Намки. Часть деловых кругов и большинство членов кабинета были озабочены огромными расходами на новоприобретенную колонию в условиях бюджетного дефицита Второй империи. «Умеренные» считали, что удержать столь удаленные от Франции территории в Южном Вьетнаме будет очень трудно. Им возражали предприниматели-«империалисты», активно поддерживаемые французскими военными, непосредственно участвовавшими в завоевании Намки. Они превозносили те экономические и политические выгоды, которые могла получить Франция от колонизации юго-восточной части Дайнама и внедрения французских капиталов в емкие рынки Индокитая и Южного Китая.

Возглавлять вьетнамское посольство, направленное в июне 1863 г. в Париж, Зык Тонг поручил Фан Тхань Зяну, несущему, по мнению императора, главную ответственность за подписание «позорного» сайгонского договора. Перед отъездом посольства французы выполнили один из пунктов договора — вывели свои войска из оккупированной провинции Виньлаунг.

Прибыв в Париж в сентябре 1863 г., Фан Тхань Зян в течение трех месяцев ожидал аудиенции у Наполеона III. Он был готов к значительным территориальным уступкам. Добившись долгожданной аудиенции, Зян встретил со стороны Наполеона III благожелательное отношение к идее выкупа Дайнамом у Франции захваченных провинций. Император заявил, что проект Фан Тхань Зяна требует дополнительного рассмотрения, после которого французская сторона представит свою версию нового франко-испано-вьетнамского договора. Готовить этот проект было поручено принимавшему участие в интервенции в Намки морскому офицеру Ж.Обаре, которому Фан Тхань Зян обещал за возвращение аннексированных провинций в Намки свободу торговли во всем Дайнаме и 40 млн. куанов контрибуции одновременно или 2–3 млн. куанов ежегодно. Обнадеженный Фан Тхань Зян посетил Испанию и в начале 1864 г. вернулся на родину.

Оставшийся в Париже Ж.Обаре предложил французскому правительству вернуть Дайнаму все занятые провинции, оставив за собой лишь Сайгон, Тёлон и порт Вунгтау. В принципе он получил одобрение своему проекту при том условии, что вьетнамцы признают права Франции еще и на Митхо. В июле 1864 г. Ж.Обаре приехал в Хюэ для ведения переговоров о заключении нового франко-вьетнамского договора. С вьетнамской стороны делегацию на переговорах возглавлял все тот же Фан Тхань Зян. Проект договора, привезенный Ж.Обаре, был вполне приемлемым для Хюэ: Дайнам возвращал себе три аннексированные провинции в обмен на предоставление Франции Сайгона, Тёлона, Вунгтау и Митхо; Дайнам выплачивал Франции контрибуцию в 4 млн. серебряных донгов; Франция учреждала консульства в Дананге, Балате и Куангиене; христиане получали свободу вероисповедания; французы и испанцы получали право селиться на всей территории Дайнама. Наиболее важным для Второй империи было предполагаемое установление французского протектората над всей Кохинхиной.

Проект соглашения Ж.Обаре был несравненно менее тяжелым для Дайнама, чем сайгонский договор. Поэтому Фан Тхань Зян сразу же ухватился за эти предложения и стал делать все возможное, чтобы поскорее подписать новый договор. Усилиями обеих сторон в максимально короткие сроки (21 июля 1864 г.) соглашение Обаре–Фана было подписано. Это была огромная удача «умерен-

ных» политических кругов Франции и Дайнама. Однако их радость была преждевременной.

С апреля 1864 г. в Париже активизировалась деятельность «империалистов» во главе с министром морского флота и колоний Шасселю-Лоба и адмиралом Шарнье. В истерическую кампанию были вовлечены влиятельные представители политической элиты Второй империи. «Империалисты», поддержанные католическими кругами, требовали расширения французских владений в Намки и дезавуирования переговоров Ж.Обаре с Фан Тхань Зяном. Когда же соглашение Обаре–Фана было подписано, они активно выступили против его утверждения. В январе 1865 г. французское правительство официально заявило о том, что отказывается признавать соглашение 1864 г. и будет придерживаться сайгонского договора 1862 г., мотивируя свое решение отсутствием у Ж.Обаре полномочий для подписания соглашения с Фан Тхань Зяном.

Партизанское движение на территории Французской Кохинхины было использовано колониальными властями в качестве предлога для захвата трех западных провинций Намки, население и власти которых обвинялись в пособничестве антифранцузской борьбе патриотов.

В октябре 1866 г. приехавший в Хюэ французский представитель предложил Зык Тонгу освободить Дайнам от уплаты контрибуции в обмен на передачу Франции провинций Виньлаунг, Анзянг и Хатиен. Хотя вьетнамская казна очень нуждалась в деньгах, Зык Тонг не пошел на сделку.

Тогда 17 июня 1867 г. французы начали наступление на крепость Виньлаунг. Фан Тхань Зян вынужден был сдать Виньлаунг без всяких условий. Более того, для предотвращения бесполезного кровопролития он отдал чиновникам Анзянга и Хатиена письменное распоряжение сдать крепости и беспрепятственно допустить интервентов во вьетнамские провинции западного Намки. В течение четырех дней, с 20 по 24 июня 1867 г., все три западные провинции Намки были захвачены французами.

Всю ответственность за сдачу Виньлаунга, Анзянга и Хатиена взял на себя Фан Тхань Зян. 5 июля 1867 г. он покончил с собой, приняв яд. Своим детям он завещал не служить французам, почитать предков и быть верными родине и императору. Зык Тонг расценил поведение Фан Тхань Зяна как измену и посмертно лишил его всех должностей и званий.

Аннексия Второй империей западных территорий Намки вызвала новый всплеск антифранцузской борьбы, который был слабее прежнего и продолжался около полугода. В сопротивлении принимало участие до 40 000 человек. Однако восстания в западных и восточных провинциях не были организационно едины.

Интервенты ускорили строительство фортов и крепостей в тех районах, которые контролировались партизанами. Эти меры оказались столь эффективными, что вскоре антифранцузское сопротивление в районе Бенче пошло на убыль. Добившись ослабления партизанского движения, французы разделили три западные провинции Намки на 28 районов, создав два отдельных района на островах. В каждом из этих районов была учреждена резиденция французского чиновника со своей администрацией и отрядом охраны.

Спад антифранцузских выступлений и стабилизация колониального режима были бы невозможными без проведения французской администрацией комплек-

са чрезвычайных и долгосрочных мероприятий, необходимых для улучшения жизни местного населения. Уже через пять дней после взятия Сайгона в марте 1859 г. Риго де Женуи издал указ о снижении подушных налогов на 50% и свободном экспорте и импорте риса. Затем последовало распоряжение сократить возраст податных с 60 до 55 лет. В 1862 г. французы резко усилили земельный оборот в Кохинхине. Земля подлежала конфискации, если она была бесхозная, если хозяева потеряли документы на владение и даже если она просто требовалась для нужд новой администрации. В последнем случае французы продолжали практику деспотической вьетнамской власти. Земля конфисковывалась под предлогом необходимости расширения городской территории, в центрах городов — для строительства административных помещений, за городом — для сдачи в наём или продажи французским колонистам, а также для создания новой дорожной инфраструктуры. Указ от 20 февраля 1862 г. о конфискации земли для продажи с торгов определял цену 1 кв. м в 1 су, т.е. 1 га стоил 500 франков. На самом деле земля в Кохинхине продавалась значительно дешевле.

В собственности государства переходили земли, покинутые участниками антифранцузских выступлений, а также необрабатываемые земли. Они были проданы с торгов французским чиновникам, военным, торговцам, а также лояльным по отношению к новой власти вьетнамским землевладельцам и богачам по смехотворным ценам в 10 золотых франков за 1 га. На этих землях французские колонисты и вьетнамские землевладельцы основывали крупные плантационные хозяйства. За пять лет, к 1867 г. посевная площадь увеличилась на 40%. Строились предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья — сайгонские рисорушки.

С 1861 г. оккупированные французами земли в Намки находились на положении колонии. Вплоть до 1879 г. Кохинхина управлялась военными губернаторами, непосредственно подчиненными французскому министерству военно-морского флота. Первым французским губернатором, как уже отмечалось, был адмирал Бонар. Он являлся сторонником косвенного управления, в соответствии с которым сохранялась местная административная структура, а французские колониальные власти должны были лишь контролировать деятельность вьетнамских чиновников.

Однако косвенное французское управление продержалось на юге Вьетнама недолго. На вьетнамских чиновников колонизаторы не могли положиться полностью. И уже в 1862 г. они заменили вьетнамскую администрацию своей собственной. Начиная с этого момента в Кохинхине действовало прямое французское управление, продлившееся вплоть до конца колониального господства. Французский колониальный аппарат сосредоточил в своих руках всю полноту административной, финансовой и юридической власти. В первые годы после захвата Намки французское управление осуществлялось профессиональными военными. По мере подавления антифранцузских выступлений и налаживания мирной жизни все более чувствовалась необходимость передачи власти гражданским кадрам. В связи с этим в 1873 г. в Сайгоне было создано первое учебное заведение по подготовке гражданских администраторов.

В состав новой элиты входили лояльные французским властям находящиеся на службе и отставные вьетнамские чиновники, лауреаты экзаменационных кон-

курсов, общинные и волостные старосты, крупные и средние землевладельцы. В них французы видели опору своего режима и потому создавали им экономические и социальные преимущества: наделяли землей, конфискованной у бежавших на север патриотов, предоставляли выгодные заказы на поставку необходимых властям местных продуктов, сырья и материалов, назначали на «хлебные» должности, предоставляли синекуры.

В провинциальной администрации вьетнамские чиновники являлись лишь помощниками и советниками французов. Однако жалование они получали довольно щедрое. В Намки имелся даже вьетнамский губернатор, но жил он не в Сайгоне, а в Митхо.

К каждому французскому резиденту в провинциях были прикреплены два вьетнамских чиновника, равных по чину французам. Они являлись связующим звеном между французской администрацией и вьетнамскими властями подчиненного уровня. Вьетнамская администрация сохранилась в уездах. На волостном уровне было полностью сохранено вьетнамское самоуправление. Общины управлялись советом общины и старостой, ответственным перед вышестоящими вьетнамскими и французскими властями. Старосты общин не получали государственного жалования. Вознаграждение им выплачивала община. Старосты были ответственны за сбор налогов, набор солдат в армию, мобилизацию рабочей силы для трудовых работ, охрану порядка в пределах своей общины.

При адмирале Бонаре были значительно увеличены налоговые взимания с населения. В 1864 г. французская администрация произвела перепись населения. Поземельный налог составлял теперь 5 франков за 1 мау пахотных земель во всех общинах. За 1 мау соляных полей в казну взималось 190 франков.

В первые годы завоевания основными налогами во французском Намки, как и при империи Дайнам, продолжали оставаться подушный и поземельный. Подушный налог уплачивался всеми лицами от 18 до 60 лет, внесенными в списки общины. В Сайгоне с «души» брали 2 пиастра в год, на всей остальной территории Намки — по 1 пиастру. Ремесленники и *хуацяо* (этнические китайцы) облагались налогом по более высоким ставкам, чем обычные вьетнамцы-налогоплательщики. Уже в первое десятилетие завоевания налогообложение было дифференцировано, в результате чего налоговые поступления увеличились. Кроме того, были введены косвенные налоги на ремесленную и промысловую деятельность, рыболовство, транспорт, услуги, заведения, предлагавшие опиум, алкоголь, организуемые азартные игры. Существенными были и поступления средств от таможен.

В Северном Вьетнаме императорские власти продолжали бороться с местными повстанцами и пришедшими из Южного Китая *тайпинами*. В апреле 1863 г. регулярные вьетнамские части нанесли удар по Бакниню и Тхайнгуиену, где сосредоточились вьетнамские повстанцы и отряды китайских *тайпинов*. В Туиенкуанге, Лаокае и Иенбае действовали отряды китайских «белых» и «желтых» флагов. Отдельные отряды *тайпинов*, подчинявшиеся лишь своим вождям, воевали в предгорьях Тхайнгуиена, Шонтая, Каобанга и Лангшона. Почти вся провинция Куангиен и часть провинции Хайнинь находились под контролем лидера католиков Ле Ван Фунга, выдававшего себя за Ле Зюи Миня, племянника последнего императора династии Ле.

В конце 1863 г. Ле Ван Фунг даже организовал морскую экспедицию для захвата столицы. Правда, эта экспедиция, попав в бурю, окончилась неудачей. Окончательно разгромить Ле Ван Фунга и захватить базу его морского флота в Хайнине удалось в середине 1865 г. войскам военного губернатора Северо-Запада Нгуен Чи Фыонга, действовавшим при поддержке регулярной китайской армии, расквартированной на пограничной с Вьетнамом территории. В октябре 1865 г. Ле Ван Фунг и его сподвижники были схвачены, отправлены в Хюэ и там казнены. Самое мощное католическое восстание в Бакки было подавлено.

В целях увеличения доходов казны в 1869 г. в Дайнаме было повышено налогообложение земель под рисом и соляных полей. Однако для покрытия все увеличивающихся государственных расходов этого не хватило. В итоге в 1871 г. Зык Тонгу пришлось разрешить продажу общинных земель частным лицам, пустив почти все получаемые доходы на вооружение армии. Только под воздействием суровой военной необходимости верховная власть пошла на то, чего так долго добивались от нее «реалисты». Но было уже поздно.

В 1869 г. Зык Тонг приказал всем умеющим изготовливать оружие и патроны собраться в военном ведомстве. По его приказу было начато строительство форта в Кюиньоне и крепости в пров. Биньдинь, установлены 330 пушек в столичном морском порту Тхуанан и отправлено 500 пушек и 2000 ружей в Нгеан. Неспособных и трусливых военных чиновников увольняли, из столицы в провинции направлялись специалисты, умеющие составлять планы обороны и правильно размещать на укреплениях пушки.

Постепенно вьетнамское правительство приходило к мысли о необходимости вывода страны из изоляции, налаживания предпринимательских и торговых контактов с европейцами и восприятия технических и культурных достижений западной цивилизации. Однако принятые в этом направлении меры были крайне робкими. При дворе сложилась группа реформаторов во главе с Нгуен Чыонг То и Нгуен Ван Диеном. Первый предлагал значительно более радикальные проекты, охватывающие широкий круг проблем. Не ставя под сомнение сакральные основы деспотической власти императора, он предлагал отделить законодательный аппарат от исполнительного, уменьшить численность чиновников и укрупнить местные административные структуры, комплектовать административные кадры на основе новой системы образования и просвещения. Вместо написаний сочинений на классические темы местные чиновники должны были сдавать экзамен на знание агрономии, землеустройства, защиты местности от стихийных бедствий и метеорологии. Вместо архаичного *вэньяня* предлагалось использовать тоже достаточно старую, но национальную вьетнамскую письменность — *тьином*. Предполагалось преподавать точные технические науки, астрономию и географию, агрономию и право, историю Вьетнама и западные языки. По мнению Нгуен Чыонг То, новая система образования и просвещения была невозможна без издания газет и журналов на европейских языках, а также без приглашения иностранных специалистов для чтения лекций.

Нгуен Чыонг То выступал за поддержание мирных отношений с Францией. Одновременно он требовал укрепления обороноспособности страны и реформирования армии по европейскому образцу.

В сфере сельского хозяйства главный упор он делал на просвещение крестьянства и обучение его современным европейским методам ведения хозяйства. Крестьян, работавших с повышенной производительностью труда и с применением новых технологий, Нгуен Чыонг То предлагал поощрять.

В сфере промышленности он обращал основное внимание на подготовку квалифицированных кадров. Нгуен Чыонг То настаивал на отправке молодых людей за границу для овладения специальными знаниями, предлагал открыть во Вьетнаме Институт промышленности, в котором должны были преподавать иностранные учителя, пропагандировать предприимчивость, умелое ведение дел.

В сфере внешней торговли Нгуен Чыонг То настаивал на закупке зарубежных пароходов, а также на создании своих судоверфей, на которых по образцу иностранных должны были строиться современные вьетнамские суда, при помощи которых можно было бы экспортировать отечественные товары. Он считал необходимым придерживаться политики протекционизма. Особо высокие пошлины он предлагал установить на импортируемые предметы роскоши. Нгуен Чыонг То выдвигал идею организации и поощрения развития акционерных торговых компаний.

В финансовой области, настаивая на контроле за сбором податей и четком следовании кадастрам, Нгуен Чыонг То добивался взимания налогов в соответствии с имущественной дифференциацией и условиями возделывания земли податных. Особо большими налогами должны были облагаться игорные дома, опиумокурильни, винные и табачные лавки.

Наконец, Нгуен Чыонг То предлагал существенно изменить облик вьетнамских городов. В соответствии с его планом все деревянные дома должны были быть снесены, оставлены только кирпичные; предполагалась планомерная городская застройка с прямыми улицами, по обеим сторонам которых в метре друг от друга сажались одинакового роста деревья; люди без определенных занятий не имели права жить в городе, а пришлые торговцы на ночь обязаны были покидать его пределы.

Существенно менее радикальными были идеи Нгуен Ван Диена. В его докладных записках наряду с реформаторскими мерами содержались и «традиционалистские» предложения: основывать новые военные поселения и административно поддерживать твердые цены в стране.

Значительная часть предложений реформаторов была отклонена правительством. Не было произведено никаких изменений в институционально-политической сфере: государственный аппарат остался прежним. Не была реформирована система образования и просвещения. Осталась прежней международная политика, ориентированная преимущественно на Китай. Не было коренных улучшений в военном деле. До сельского хозяйства руки вообще не дошли. В промышленности и торговле все свелось к закупке нескольких английских и немецких кораблей, современных ткацких станков, да к отправке части детей вьетнамских чиновников во Францию, Кохинхину и Гонконг для обучения у европейцев военному делу, изготовлению оружия и европейским языкам.

На Крайнем Севере в конце 60-х — начале 70-х годов ситуация стала очень напряженной. Восстания вспыхивали в тех ранее благополучных районах, где до того их не было, и длились они десятки лет. Самыми опасными для центральной

власти в это время стали действия на Крайнем Севере тайпинских «флагов», с которыми вьетнамское правительство так и не смогло справиться. В результате к концу 1871 г. почти весь север Бакки оказался в руках китайско-вьетнамских мятежников.

Наиболее сильной тайпинской группировкой в это время командовал вождь «черных флагов» Лю Юнфу, обосновавшийся в Лаокае. Вторыми по силе были «желтые флаги», державшие поначалу под контролем значительную часть Туенкуанга. Предводители *тайпинов*, принадлежавшие к разным группировкам «флагов», собирали налоги с населения и непрерывно воевали как с местными вьетнамскими властями, так и друг с другом.

В этой ситуации, характеризующейся крайней неустойчивостью власти в Северном Вьетнаме, начался новый этап французской экспансии в Индокитае.

Морской офицер Франсис Гарнье понял, что из Юньнани можно достичь залива Бакбо по Красной реке. Он заинтересовал этим проектом французского коммерсанта Жана Дюпюи, который, имея с 1859 г. опыт военных поставок как китайским властям, так и воюющим тайпинским военачальникам в Юньнани, на свои деньги нанял в Гонконге отряд из 200 человек и на четырех военных судах, везущих оружие, отправился из Гуанчжоу к дельте Красной реки. Не получив у управляющего пров. Куангиен Ле Туана разрешения на проход вверх по реке, Дюпюи самовольно вошел в дельту и доплыл до Ханоя. Подвергнув столицу Севера бомбардировке и получив поддержку китайского военного чиновника, представлявшего китайского коменданта Бакниня и Тхайнгуиена, и китайских купцов Ханоя, Дюпюи начал продвигаться на джонках выше по реке, оставив свои боевые корабли в Ханое.

Проплыв мимо территории, контролируемой «черными флагами», Дюпюи пересек вьетнамо-китайскую границу и 16 марта 1873 г. прибыл в Юньнань. Власти Юньнани, желая усилить свое военное присутствие в Бакки, собирались отправить с ним в обратный путь 10 тысячный военный эскорт. Французский предприниматель согласился лишь на двухтысячный отряд. Заинтересованные в поставках оружия и соли, генерал-губернатор Гуандуна–Гуанси и генерал-губернатор Юньнани потребовали от вьетнамского правительства разрешить Дюпюи свободный проезд с товарами и солдатами по Красной реке от китайско-вьетнамской границы до залива Бакбо.

Однако, прибыв 30 апреля 1873 г. в Ханой, Дюпюи вновь столкнулся с препятствиями со стороны вьетнамских чиновников в выдаче разрешения на проезд в залив Бакбо и на торговлю привезенными из Китая товарами. Конфликт между Дюпюи и вьетнамскими властями обострялся и несколько раз доходил до вооруженных столкновений.

Французский генерал-губернатор Кохинхины Дюпре занял в этом конфликте выжидательную позицию. Лишь в начале ноября он вызвал из Шанхая морского офицера Франсиса Гарнье и поручил ему «восстановить спокойствие в Бакки». 5 ноября Дюпюи и Гарнье были уже в Ханое. Поначалу вьетнамские власти восприняли Гарнье в качестве посланца мира, обязанного разрешить конфликт с Дюпюи. Однако, прибыв в Ханой, Гарнье расквартировал французский отряд в окрестностях города и, утверждая, что приехал для соблюдения условий договора 1862 г., сразу же заявил о своем стремлении принять участие в «уничтожении

бандитов», что предполагало силовое вмешательство французских солдат в вооруженную борьбу в Бакки, а также о намерении «облегчить условия торговли в Тонкине», что означало «открытие» Красной реки для свободной торговли.

Вьетнамские власти решительно отказались пересматривать «условия торговли» в Бакки, призвали Гарнье принять участие в совместной борьбе с «бандитами на суше и на море», но запретили вьетнамским купцам вступать с ним в деловые контакты.

Поскольку Нгуен Чи Фыонг продолжал требовать удаления из Тонкина Дюпюи, Гарнье предъявил вьетнамским чиновникам ультиматум: до 6 часов утра 20 ноября 1873 г. дать согласие на открытие Красной реки для свободной торговли, распустить гарнизон и сдать ханойскую крепость. После истечения срока Гарнье начал штурм цитадели. 212 французов с помощью 11 пушек разбили крепостные ворота и захватили мощную крепость, построенную по проектам военного архитектора Вобана и защищаемую 8-тысячным гарнизоном.

Часть гарнизона была уничтожена, некоторые бежали в Шонтай к полусамостоятельному правителю Хоанг Та Виему и отрядам «черных флагов». Нгуен Чи Фыонг был тяжело ранен в живот, взят в плен и помещен в больницу. Французы в течение месяца лечили его, но 20 декабря, раскаиваясь в сдаче Ханоя, Фыонг решил покончить счеты с жизнью. Не имея возможности достать яду, он сорвал бинты с кровоточащих ран и умер от потери крови.

В день взятия Ханоя Гарнье издал прокламацию, в которой оправдывал штурм города стремлением «открыть страну для торговли». Вину за ужасы штурма он возлагал на «чиновников Тонкина, не захотевших пересмотреть свои взгляды по вопросу открытия страны для торговли». Призывая к сотрудничеству, Гарнье обещал принимать на службу «всех чиновников, выражающих свою лояльность». Рекомендуя чиновникам «относиться к народу так же, как отец относится к детям», Гарнье пытался установить понятные вьетнамцам нормы социальных отношений. Он сразу же ввел монополию новой власти на вывоз соли из Бакки, учредил специальный налог на добычу соли и разрешил торговцам свободно экспортировать рис, которого в Бакки в это время и так не хватало.

Используя полную растерянность и недееспособность вьетнамских властей провинций значительной части Бакки, Гарнье захватил крепости Хынгьен, Фули, Ниньбинь, Хайзыонг, Намдинь. В завоеванных районах французы устанавливали администрацию из местных католиков.

На занятой территории стало разворачиваться сопротивление захватчикам. В пров. Шонтай отрядами добровольцев командовал примирившийся с правительством и назначенный главнокомандующим всех войск Бакки Хоанг Та Вием. В Лаокае положение контролировали китайские отряды «черных флагов».

21 декабря 1873 г. объединенные силы Хоанг Та Виема и «черных флагов» напали на Ханой. Во время ответной вылазки завлеченный в ловушку Гарнье был убит.

Смерть Гарнье вызвала подъем антифранцузских выступлений, охвативших весь Северный Вьетнам. Французы начали сдавать одну за другой завоеванные позиции. Ситуация изменилась настолько, что правящие круги Франции были вынуждены осудить действия Гарнье и организовать эвакуацию его войск из Северного Вьетнама. В достижении соглашения были заинтересованы и власти

Хюэ. Разгром французов привел бы не к восстановлению власти Центра на Севере, а к ее переходу в руки неуправляемых повстанцев, китайских «флагов» и ненадежного Хоанг Та Виема. Было достигнуто соглашение, согласно которому французы должны были уйти из занятых крепостей, передав власть представителям законного правительства в Хюэ. Затем стороны начали готовить новый франко-вьетнамский договор, окончательный текст которого был согласован уже в Сайгоне.

По договору от 15 марта 1874 г. между Францией и Аннамом устанавливались вечный мир, дружба и союз. Президент Франции подтверждал суверенитет императора Аннама и его неподчиненность какой-либо другой стране, обещал помощь и поддержку, предоставление по просьбе императора Аннама всего необходимого для поддержания спокойствия и порядка в государстве, для защиты от любых нападений и разгрома пиратов. Точно указывалось количество оружия, предоставляемого Аннам безвозмездно. Объявлялась полная амнистия лиц, участвовавших в боевых действиях с обеих сторон. Франция также прощала Аннам недоимки по контрибуции, обусловленной договором 1862 г., в размере 1 млн. серебряных донгов (вес каждого серебряного донга равен 7 донгам 2 канам).

За все эти французские «милости» император Аннама брал на себя обязательство «в ответ на дружескую помощь со стороны Франции согласовывать свою внешнюю политику с политикой Франции». Если Аннам хотел наладить торговый обмен и заключить торговый договор с каким-либо государством, то это можно было сделать в том случае, если этот договор не вступал в противоречие с установленным торговым договором между Францией и Аннамом.

Самым страшным для Вьетнама было официальное признание за Францией точной зафиксированной территории Французской Кохинхины в границах всего Намки.

Договор уравнивал католиков с прочим населением Вьетнама во всех правах и разрешал свободную проповедь христианства. В то же время на территории Кохинхины можно было свободно практиковать традиционную религию — культ предков. Для свободной торговли открывались порты Тхинь в пров. Биньдинь, Хайфонг в пров. Хайзыонг, а также г. Ханой. Европейцы получали там по 5 мау (1,8 га) земли, а также имели право покупать землю. Вьетнамские власти должны были обеспечивать свободный проезд по Красной реке от залива Бакбо до Юньнани. В открытых портах учреждались консульства, каждое из которых должен был охранять отряд численностью до 100 человек. Освобождая Аннам от немедленной уплаты контрибуции Испании, французы получали право в счет этой контрибуции, которую они затем передавали своему «союзнику», взимать половину торговых налогов с таможен в главных портах Вьетнама. Вторая половина таможенных сборов шла на выплату жалованья французским служащим и на благоустройство портов и таможен. Французы приняли также строгие меры против ввоза иностранными державами оружия во Вьетнам.

Новый франко-вьетнамский договор явился существенным этапом на пути превращения Вьетнама в зависимое от Франции государство.

В апреле 1875 г. он был ратифицирован в г. Хюэ, и вся южная часть страны — Кохинхина получила официальный статус колонии и должна была управляться гражданским губернатором. Однако первый гражданский губернатор — Ле Мир де Вилье — был назначен в Кохинхину только в 1879 г.

До этого единственным совещательным органом при губернаторе являлся Совет высших чиновников Кохинхины, образованный в 1869 г. В него входил сам губернатор, генеральный секретарь колонии, генеральный прокурор и его представитель, главы административных служб и четыре советника, избравшиеся из числа как французского, так и вьетнамского населения. Четыре советника назначались в Совет указом непосредственно президента Французской республики.

В 1880 г. французское правительство решило создать второй совещательный орган при губернаторе — полностью выборный Колониальный совет Кохинхины. Из 16 членов Колониального совета от тысячи французов избиралось 10 членов, а от 1,2 миллиона вьетнамцев — 6 членов, проходивших в Совет на основе всех существующих цензов и не имевших права выражать свое мнение по вопросам бюджета и налогов. Заседания Колониального совета, на которых председательствовал губернатор, проводились один раз в год. После учреждения в 1871 г. Третьей республики было разрешено избирать от Кохинхины одного представителя в Палату депутатов.

Во главе провинций Кохинхины, которых сначала было 20, а затем стало 22, стояли французские резиденты. Резидент являлся председателем Совета провинции, избиравшегося новой элитой южновьетнамского общества. С 1879 г. французских резидентов, как и губернатора всей Кохинхины, уже не назначали из числа военных, а выдвигали из числа выпускников административной школы. Началась подготовка административных кадров в кантонах (волостях) и общинах. Тогда же было решено создать в Кохинхине военные отряды из вьетнамцев численностью в 3000 человек. В армию брали с 15 лет.

Бюджет Кохинхины в значительной степени складывался из прямых налогов, которыми облагалось местное население. Но с течением времени все большую роль стали играть косвенные налоги и таможенные пошлины. Бюджетом свободно распоряжался Колониальный совет. Имея столь мощную материальную базу, Колониальный совет превратился в могущественный орган, ставший, несмотря на участие в нем шести лояльных вьетнамцев, оплотом консервативной части колонистов (колонов), рассматривавших себя в качестве полновластных хозяев Кохинхины и не желавших учитывать интересы местного населения. Колониальная администрация, не говоря уже о французах метрополии, была носителем значительно более либеральных взглядов и традиций, чем местные колонии.

С 1862 по 1882 г. бюджет Кохинхины вырос в 15 раз (с 1,3 млн. до 20 млн. франков). Поскольку бюджет был профицитным, то начиная с 1879 г. Кохинхина ежегодно выплачивала метрополии 2,2 млн. франков. На средства бюджета содержались штаты чиновников, проводились ирригационные работы, строились дороги, создавались условия для активного включения в местную экономику французских колонистов. Однако вплоть до 80-х годов XIX в. освоение французским капиталом хозяйства Кохинхины было минимальным.

С 1881 г. в трудовых работах должны были принимать участие все трудоспособные мужчины и женщины в возрасте от 18 до 55 лет в течение пяти дней в году. Каждый житель Кохинхины был взят на строгий учет и должен был постоянно носить при себе специальный документ, где кроме паспортных данных о владельце ставилась отметка об уплате налога. Этот документ ежегодно обновлялся, и его надо было предъявлять по первому требованию властей и при найме

на работу. Все это ожесточало местное население не только против французских колонизаторов, но и против общинной администрации. Поэтому выбор старост представлял, особенно в начале колониального правления, значительные трудности: честные патриоты не хотели служить колонизаторам, а лживым и вороватым коллаборационистам французские власти сами не могли доверять.

Довольно интенсивно проникал в Кохинхину французский банковский капитал. В 1875 г. в Сайгоне появился Индокитайский банк, образованный на базе шести французских банков. Директор этого банка назначался французским правительством. Обладая первоначальным капиталом в 8 млн. франков, Индокитайский банк при его создании получил право эмиссии индокитайского пиастра на серебряной валютной основе и монополию на выпуск бумажных денег. В 1876 г. банк выпустил новые денежные знаки — бумажные купюры в 100, 20, 5 и 1 пиастр. Они имели хождение не только в Кохинхине, но и в других азиатских французских владениях. Вскоре Индокитайский банк стал контролировать всю финансовую систему Кохинхины, а затем — всего Индокитайского союза.

С 1875 г. начались интенсивные поиски месторождений полезных ископаемых в Северном Вьетнаме, особенно в Куангиене и Хайнине.

Был увеличен экспорт риса. В 1881 г. французы собрали с шести провинций Намки 20 млн. куанов подушного налога. Ле Мир де Вилье стал снижать поземельный налог, поощряя лучшие методы землепользования и прибыльность хозяйствования крестьян. Снижение поземельного налога компенсировалось повышением косвенных налогов. Одним из основных косвенных налогов являлся налог на курение опиума. В 1880 г. прибыль от опиумной торговли составила 6,7 млн. франков — $\frac{1}{3}$ доходов всей Кохинхины. Вторым по значимости косвенным налогом был налог на водку. К 1883 г. де Вилье восстановил старые трудовые повинности: строительство дорог, каналов, дамб, мостов.

В начале 80-х годов Франция проявляла особенную активность в сфере экономического освоения Бакки, так как еще с конца 70-х годов у нее появились конкуренты. В 1878 г. Англия и Германия изъявили желание прислать своих военных представителей в Хайфонг. В связи с этим Франция выразила правительству в Хьюэ свой протест. В итоге испугавшийся Зык Тонг не разрешил военным представителям Англии и Германии въезд во Вьетнам. В 1880 г. Испания также прислала своих агентов для переговоров, но французы воспрепятствовали даже приему испанцев императором. По их требованию Зык Тонг в аудиенции испанцам отказал.

После захвата Ханоя Гарнье в 1873 г. весь Вьетнам разделился на два лагеря: антифранцузский и профранцузский. Подавляющее большинство составляло антифранцузский лагерь, который старался консолидироваться вокруг императора Зык Тонга. Полагая, что правительство полностью разделяет их ненависть к иностранцам и местным католикам, но не имеет возможности официально проводить прежнюю антифранцузскую политику и антихристианскую кампанию, радикальные патриоты сами решили осуществлять то, что еще недавно было сутью государственной политики: разжигание ксенофобии, преследование и убийство христиан. Ультрапатриоты осуществляли это в еще более жестоких и варварских формах, чем те, которые ранее использовало государство.

Ядром этого традиционалистского ксенофобского и антихристианского движения стала кузница конфуцианских и чиновничьих кадров — Нгеан. Так, в ян-

варе 1874 г. в районе Нгеана–Хатиня два лауреата экзаменационных конкурсов столичного уровня, организовавших общество «Бинь тай мат та» («Уничтожить европейцев, истребить христианство»), выпустили воззвание, в котором заявляли о том, что конфуцианцы не подчиняются заключенному императорским правительством мирному договору с французами и требуют сначала истребить христиан, а затем выгнать всех европейцев, чтобы сохранить свою собственную культуру «на вечные времена». Через месяц после организации этого общества и выпуска возвания антихристианское войско повстанцев в Нгеане–Хатини насчитывало уже 3000 человек.

Хотя, сжигая католические церкви и разрушая христианские деревни, ультрапатриоты прямо нарушали мирный франко-вьетнамский договор, и правительство в Хюэ и губернатор Нгеана снисходительно относились к действиям «традиционалистов». Губернатор сам был ярым врагом французов и поэтому не предпринимал против «традиционалистов» активных боевых операций. В результате им удалось захватить весь округ Зиентяу в Нгеане. Дальнейший рост этого движения, массовая поддержка, оказываемая ему населением Нгеана, Хатини и Куангбиня, стали очень опасными для Хюэ: все это могло не только испортить отношения правительства с французами, но и стать предлогом для нового французского вторжения и очередной аннексии тех территорий Дайнама, где убивали католиков и иностранцев. Поэтому Зык Тонг был вынужден вмешаться. Он поручил своим чиновникам, Нгуен Ван Тьонгу и Ле Ба Тхану, подавить антифранцузское движение. Приказ был исполнен: воевавшие с февраля по июнь 1874 г. с повстанцами императорские войска уничтожили вождей антифранцузского и антикатолического движения и вернули округ Зиентяу и другие территории под правительственный контроль.

В 1875 г. отряды «желтых флагов» заняли район Туенкуанга и распространились по всему Бакки. Императорское правительство вынуждено было просить о помощи не только китайские официальные власти, но и французский гарнизон в Ханое. С этого времени верховные власти Дайнама уже не могли самостоятельно, без помощи внешних вооруженных сил справиться с антиправительственными выступлениями *тайпинов*.

Зык Тонг пытался маневрировать, играя на противоречиях Англии и Франции. Лишь после того как император несколько раз использовал военную помощь регулярных войск Китая как своего сюзерена в борьбе против повстанцев Северного Вьетнама, а вьетнамские наместники привлекли вооруженные силы колонизаторов для подавления мятежников, одновременно пытаюсь противодействовать расширявшемуся вмешательству французов во внутренние дела Бакки, ситуация на Крайнем Севере к концу 1870-х годов временно стабилизировалась.

При дворе создалась группа «западников» — Нгуен Ло Чать, Нгуен Хиен, Фан Лиен, — предлагавших «открыть» страну для внешней торговли. Они считали, что, установив торговые связи и политические контакты с несколькими иностранными государствами Европы и с США, можно было играть на их взаимных противоречиях и тем самым препятствовать агрессивным устремлениям Франции. Практически для этого было необходимо открыть все морские порты для внешней торговли, активизировать изучение иностранных языков, обучать

технические кадры за границей и начать организацию акционерных обществ в сфере торговли и добычи полезных ископаемых.

С октября 1878 г. Зык Тонг начал выписывать и изучать еженедельную гонконгскую газету. Он искал там рекомендации по вопросам разработки полезных ископаемых, в области торговли, строительства современных кораблей, литья пушек, подготовки модернизированной армии, изучения иностранных языков. Был издан указ, предписывающий провинциальным чиновникам стимулировать торговую деятельность предпринимателей вне зависимости от их национальности, приобретать корабли и отправлять на них товары в Гонконг, а также открывать торговые акционерные общества.

Другой указ требовал искать во всех провинциях людей, желающих учиться. Приказано было тех чиновничьих детей, которые достигли 20 лет, умели читать и добровольно ходили в школу, направлять учиться в Гонконг на пять лет. Дорожные расходы им оплачивало государство. Вернувшись, молодые люди должны были сдавать не традиционные чисто «гуманитарные» конкурсные испытания, а держать экзамены по новым правилам: знание иностранных языков и овладение профессиями, в число которых входили: кораблевождение, оружейное дело, литье пушек, военная стратегия, горное дело. Выдержавшие различные виды новых экзаменов получали соответствующие чиновничьи должности.

Новая политика двора ознаменовалась некоторыми успехами. Стали разрабатываться богатые залежи антрацита в Донгчиеу. В Ханое были основаны мастерские по изготовлению бархата. Наиболее способные мастера получали чиновничьи ранги и назначались начальниками цехов. Кроме того, мастера различных профессиональных цехов посылались учиться в Механический институт в Тулоне, а также в Гонконг.

Правительство направляло чиновников на разведку месторождений золота и меди. В 1882 г. в Бакки было 100 действующих шахт, но на полную мощность работало всего лишь 30, т.е. чуть меньше $\frac{1}{3}$. При этом золото намывалось в основном в реках. Железные и свинцовые рудники находились в руках китайцев.

Чтобы сделать Красную реку удобной для судоходства, были начаты работы по ее расчистке. Значительно расширилась внешняя торговля. Только за 1876–1880 гг. стоимость импорта возросла в 12, а экспорта — в 29 раз. Портовый город Хайфонг превратился в крупнейший торговый центр Бакки, через него проходило $\frac{4}{5}$ товарооборота. Почти четверть объема внешней торговли приходилось на Китай, на втором месте стояли США. Франция занимала во внешнеторговом обороте Вьетнама лишь 5%.

Это совершенно не устраивало Третью республику. «Аннамский вопрос» стал одним из самых острых во внешней политике Франции.

В марте 1882 г. под предлогом необходимости обеспечить безопасность своих граждан в Северном Вьетнаме французские власти в Кохинхине по указанию правительства Франции послали под Ханой отряд в 230 человек во главе с Анри Ривьером. Это было нарушением договора 1874 г., по которому французам разрешалось содержать там отряд не более чем в 100 человек, но французы решили идти напролом.

25 апреля 1882 г. Ривьер предпринял штурм крепости Ханоя и после жестокого боя захватил город. Затем французы взяли Хонгтай с его богатейшими угольными месторождениями и административный центр плодороднейшей пров. Нам-

день. Китайское правительство расценило этот захват как покушение на сюзеренитет Китая над Вьетнамом и ввело на Север свои войска. Началась франко-китайская война.

Регулярные китайские войска и отряды «черных флагов» нанесли французам ряд поражений. В одном из боев под Ханоем Анри Ривьер был убит. Но вьетнамцы и китайцы не смогли воспользоваться сложившейся в этот момент благоприятной для них военной ситуацией. Французы подбросили в Бакки новые подкрепления и стали теснить вьетнамские и китайские войска.

В этот драматический момент в Хюэ скончался Зык Тонг. Собственных детей у покойного императора не было, но из трех усыновленных племянников он выбрал в качестве наследника взрослого Ынг Тяна, которому высшее столичное чиновничество дало процарствовать всего лишь три дня. В результате заговора Ынг Тянь был свергнут и посажен в тюрьму, где в конце 1884 г. его уморили голодом (в 1892 г. он получил посмертное имя Кунг Тонг).

Захвативший реальную власть в столице триумvirат «регентов» (*фу тьинь*) в составе Чан Тиен Тхана, Нгуен Ван Тьонга и Тон Тхат Тхуиета посадил на престол младшего брата Зык Тонга — Хонг Зата, известного под своим посмертным именем Фэ Дэ (Свергнутый император) и правившего под девизом Хиепхоа.

Фэ Дэ, понимая, что в сложившейся ситуации Вьетнам не имеет сил противостоять французской агрессии, 25 августа 1883 г. пошел на заключение договора о протекторате, лишаящего Дайнам государственной независимости, ликвидирующего политическую и экономическую самостоятельность Центрального и Северного Вьетнама.

Однако на этом борьба не закончилась. Договор вызвал бурю возмущения во всех социальных слоях вьетнамского общества. К осени 1883 г. активизировалось массовое движение сопротивления в Бакки. Там продолжали действовать регулярные вьетнамская и китайская армии, а также отряды «черных флагов» и нерегулярные вооруженные отряды самообороны. В вооруженную борьбу включились даже женщины, отряды которых численностью в 200–1000 человек действовали в Ханое, Хайзыонге и Хайфонге наряду с мужскими частями.

Подъемом антифранцузской борьбы воспользовалась «партия войны», лидерами которой были ветераны антифранцузского сопротивления — Тон Тхат Тхуиет и Нгуен Ван Тьонг.

Осенью 1883 г. они свергли и лишили жизни Фэ Дэ, а также убили одного из «регентов» — Чан Тиен Тхана, настоявшего на подписании договора о протекторате. На трон два регента возвели любимого племянника Зык Тонга — 13-летнего принца Ынг Данга (Ынг Хо), получившего посмертное имя Зян Тонг и царствовавшего под девизом правления Киенфыок.

Переворот в столице угрожал планам французов по подчинению Вьетнама, но они не вмешались, справедливо полагая, что судьба страны решается уже не в столице, а на Севере, где действуют силы, не подчиняющиеся Хюэ. Более того, насильственная смена французами власти в Хюэ могла вызвать всеобщую народную войну и в Центральном Вьетнаме, чего интервенты явно не желали. В конце 1883 г. Пекин, опиравшийся на тайную поддержку Англии, официально уведомил французского посла о том, что он не будет выводить из Бакки имеющиеся там китайские войска вплоть до восстановления прежнего независимого

статуса Дайнама. Французское военное командование активизировало военные действия в Северном Вьетнаме. В начале декабря 1883 г. туда прибыло четырехтысячное пополнение, после чего французы начали непосредственную подготовку к взятию укреплений провинциального центра Шонтай. Сражение за город продолжалось два дня, французы понесли большие потери, но все же вынудили защитников оставить город.

Следующий удар французы смогли нанести противнику только после прибытия во Вьетнам новых подкреплений. К марту 1884 г. общая численность французского экспедиционного корпуса достигла 16 500 человек. Наибольшую опасность для колонизаторов на тот момент представляла крепость провинциального центра Бакнинь, которая оборонялась наряду с местными, стихийно сформировавшимися силами самообороны также и регулярными китайскими императорскими войсками из Гуанси численностью в 10 000 человек — авангардом больших соединений китайских войск, расквартированных в провинциях Лангшон и Тхайнгуен. Овладев сначала расположенными на высотах фортами, французы к вечеру захватили и саму крепость. Китайцы не оказали наступающим столь же решительного сопротивления, как оборонявшиеся в Шонтае, а местные силы самообороны были слабы.

Развивая успех, французы двинулись в горные районы и в том же марте 1884 г. захватили крепость провинциального центра Тхайнгуен, обороняемую китайскими войсками. Но эта победа не была окончательной, и в течение последующих двух месяцев крепость переходила из одних рук в другие. В апреле французы захватили крепость провинциального центра Хынгхоа на западе, а в мае — укрепления далекого Туенкуанга. После отхода основных европейских военных сил отряды китайских «черных флагов» в течение девяти месяцев еще осаждали Туенкуанг, однако вернуть его под свой контроль так и не смогли.

В итоге к началу 1885 г. административные городские центры горного района Бакки перешли в руки французских войск. Поражения в Бакки, особенно сдача Шонтая и Бакниня, оказали большое влияние на позицию Пекина. 11 мая 1884 г. между Францией и Китаем, где по «аннамскому вопросу» верх одержала «мирная» группировка Ли Хунчжана, была заключена Тяньцзиньская конвенция (предварительное соглашение) о дружбе и добрососедских отношениях, в соответствии с которой Китай брал на себя обязательства вывести войска из Вьетнама, признавал установление французского протектората над Дайнамом, а также все договоры, заключенные между Вьетнамом и Францией, и открывал вьетнамско-китайскую границу для французской торговли.

6 июня 1884 г. правительство в Хьюэ, регенты-патриоты и несовершеннолетний император Зян Тонг вынуждены были подписать договор о протекторате, текст которого был выработан в Париже без согласования с вьетнамской стороной. Этот договор заменял соглашение от 25 августа 1883 г. По новому договору Дайнам терял независимость и государственный суверенитет, а также лишался права осуществлять самостоятельную внешнюю политику.

В соответствии с различной степенью французского присутствия и «проникновения» в отдельные части Дайнама в двух крупных исторических областях, или землях страны вводились различные формы французского управления, или протектората.

В Северном Вьетнаме (Бакки), который отныне получал название протекторат Тонкин, где сопротивление французским захватчикам было более жестким и где отсутствовала местная верховная власть, поскольку «законная» династия Ле была свергнута еще в конце XVIII в., устанавливался протекторат с более сильной формой французского контроля и большей степенью французского вмешательства во внутренние дела, чем в Центральном Вьетнаме (Чунки). В Тонкине, граничащем с Китаем и полыхавшем антифранцузскими восстаниями, резиденты назначались во все основные городские центры. Резиденты осуществляли полный контроль над деятельностью вьетнамских чиновников. Резидент имел право смещать этих чиновников в случае ненадлежащего исполнения ими их функций. Сбор и использование основных налогов находились в совместном ведении местной вьетнамской и французской администрации.

Внутренние таможи ликвидировались, а управление «внешних» таможен переходило полностью в руки французов. Провозглашалась свобода передвижения и свобода торгово-предпринимательской деятельности французских граждан в Тонкине. Иностранцы пользовались правами экстерриториальности.

В Центральном Вьетнаме, который сохранил название Аннам и где присутствие французов было до сих пор минимальным, основные функции управления провинциями продолжало исполнять вьетнамское чиновничество. Из их ведения в Аннаме изымались лишь управление таможами и организация общественных работ, которыми отныне ведали французы. Крупнейшие порты Аннама — Дананг (Туран) и Тхинай в Кюиньоне были открыты для свободной торговли. В стратегически важных для колонизаторов пунктах — в столице Хюэ, где располагалась штаб-квартира верховного резидента, а также в столичном морском порту Тхуанане — размещались французские войска.

В функции верховного резидента входил общий контроль над деятельностью столичного и провинциального административного аппарата, но без прямого вмешательства в дела местной администрации.

Стремясь привлечь функционеров вьетнамского государственного аппарата на свою сторону, сделать из них часть своей социальной базы, французы сохранили за традиционным чиновничеством все его прежние материальные привилегии.

Лишение Вьетнама суверенитета ознаменовалось торжественной церемонией, проведение которой было организовано в императорском тронном зале в Хюэ. На этой церемонии французы демонстративно уничтожили оловянную печать — инсигнии китайской инвеституры над Вьетнамом. Закончилась номинальная китайская и началась реальная французская зависимость Вьетнама.

Окрыленные успехами в деле приобретения новых территорий, французы решили продолжить войну с Китаем. Воспользовавшись в качестве предлога тем обстоятельством, что китайские власти еще не успели вывести из Вьетнама все свои войска, в связи с чем в июне 1884 г. произошел китайско-французский «вооруженный инцидент у Бакле», французы предъявили Пекину ультиматум с требованием выплаты Франции 50 млн. франков контрибуции в качестве возмещения убытков, понесенных в кровавых столкновениях, а затем перенесли военные действия и на территорию Китая.

Смерть императора Зян Тонга и возведение 31 июля 1884 г. на трон его родного 14-летнего брата — принца Ынг Литя, получившего впоследствии посмертно

ное имя Суат Де (Бежавший император) и царствовавшего под девизом правления Хамнги, усилили патриотические настроения в Хюэ. Доминирующее положение при новом императоре стал занимать регент Тон Тхат Тхуиет, известный своей ярко выраженной антифранцузской позицией, выступавший за отказ от протектората и за ведение военных действий с Францией. Лишение регента фактической власти и его конфликт с верховным резидентом Аннама, присваивающим себе реальные полномочия в стране, предопределили кровавую драму следующих трех лет.

В конце лета 1884 г. между Китаем и Францией развернулись военные действия на вьетнамской и китайской территориях. 23 августа 1884 г., воспользовавшись приливом, военный корабль «Триумфатор» поднялся на 20 миль вверх по течению р. Мин к рейду Фучжоу и прямой наводкой расстрелял 11 стоящих на рейде современных китайских военных судов и 12 джонок. В результате в течение 15 минут фуцзяньская эскадра перестала существовать. Затем французская судовая артиллерия превратила в развалины и фучжоуские доки. Через месяц с небольшим французы высадили десант из 2250 солдат морской пехоты в порту Цзилун на Тайване и вскоре объявили блокаду острова. Французский флот также блокировал о-ва Пэнху. Кроме того, французская эскадра перекрыла подвоз риса из южных китайских провинций в северные, и прежде всего — в столицу Пекин.

9 апреля 1885 г. был подписан Тяньцзиньский договор, в соответствии с которым Китай отказался от своего сюзеренитета над Вьетнамом и признал французский протекторат над ним. Франция получала также преимущества в торговле к северу от Лангшона и Лаокая, откуда французские товары начали проникать в Юньнань и Гуаньси по пониженному тарифу (4% вместо 5%).

Так закончилось завоевание Францией Вьетнама, длившееся 27 лет.

ФИЛИППИНЫ НА ПУТИ К НАЦИОНАЛЬНОМУ ОСВОБОЖДЕНИЮ, 1870-е — НАЧАЛО 1890-х ГОДОВ

Главным явлением в истории Филиппин в двадцатилетие, предшествующее антиколониальной революции 1896–1898 гг., было, безусловно, движение за национальное освобождение.

В социально-экономической сфере в 70–90-х годах продолжали набирать силу те тенденции и изменения, которые зародились еще в начале века. Втягивание Филиппин в систему мирового хозяйства приобретало все более прочный, необратимый характер. Показателем прогресса в товаризации колониальной экономики могут служить следующие данные: стоимость общего товарооборота Филиппин с 1825 по 1875 г. выросла в 15 раз (с 3 млн. до 45 млн. песо). На рубеже 60–70-х годов усилилась торговая экспансия США в филиппинское хозяйство, в ней участвовали ведущие компании и банки Бостона, Салема, ряда городов западного калифорнийского побережья. Американцы заняли первое место в экспорте абакки; кроме того, в значительных объемах закупали сахар, кофе, табак, индиго, древесину. К 70-м годам, потеснив Англию, США заняли преобладающие позиции в филиппинской экспортной торговле.

С политической точки зрения наиболее важной вехой рассматриваемого периода следует считать восстание в городе Кавите (1872 г.), положившее начало национальной консолидации филиппинцев. Кавитское восстание выходило за рамки локальных мятежей, вызванных очередным беззаконием испанской колониальной администрации или монахов. Его подняли рабочие местных артиллерийского и морского arsenалов в ответ на введение губернатором нового налога. Рабочих поддержали солдаты и, что немаловажно, офицеры — метисы и филиппинцы не только из Кавите, но и Манилы, попытавшиеся организовать антииспанский заговор. Властям удалось арестовать заговорщиков в столице, а стянутые в Кавите войска в течение двух дней жестоко расправлялись с мятежниками. Известия о репрессиях властей (13 казненных, в их числе популярные руководители местного духовенства, более 200 высланных в метрополию, на Каролинские и Маррианские о-ва) распространились по всей стране, вызвав рост антииспанских настроений. События 1872 г. оставили глубокий след в сознании подраставшего поколения *иллюстрадос*, будущих лидеров и участников национального движения, именно как символ национальной солидарности и протеста. Не случайно Хосе Рисаль (1861–1896), один из первых и самых ярких идеологов филиппинского национализма, назвал своих сверстников «поколением 72-го года». Оно вышло на общественную сцену в 80-х годах XIX в., в период формирования организованной либеральной оппозиции, сложившейся в метрополии в среде эмигрантов-филиппинцев.

Филиппинская эмигрантская община в Мадриде и Барселоне была довольно многочисленной. Она состояла частично из «неблагонадежных» лиц, высланных сюда еще в 70-х годах после событий в Кавите, частично из студентов, приехавших в Европу продолжать образование, и пополнялась новыми группами мигрантов из молодежи, покидавших родину из-за ужесточения политического режима на Филиппинах.

По социальному составу филиппинские эмигранты представляли имущие слои колониального общества, новую креольско-метисскую филиппинскую элиту. В их среде выделялись два течения. Первое было представлено старшим поколением эмигрантов, преимущественно креолами, которые придерживались умеренной программы своих предшественников-реформаторов 60-х: «ассимиляция», т.е. объединение, сближение островов с Испанией, представительство от Филиппин в Кортесах, некоторое расширение гражданских прав местных имущих верхов составляли их credo. Второе — молодыми эмигрантами, появившимися в Испании в основном в начале 80-х годов. Они также ратовали за «ассимиляцию» и демократические реформы, но одновременно выступали с критикой колониального режима, в особенности монашеского всевластия, и призывали к национальной консолидации. Это течение заняло ведущее положение в эмигрантской оппозиции. Его наиболее авторитетными лидерами были Хосе Рисаль, обладавший поистине многогранными талантами (просветитель, публицист, оратор, ученый-антирасист, врач, скульптор, поэт, писатель — основоположник филиппинской литературы), и Марсело дель Пилар (1850—1896), который ввел в политический оборот мгновенно ставший популярным и в колонии, и в метрополии термин «фраилократия» (от исп. fraile — брат, монах, член монашеского братства) для обозначения клерикально-бюрократического режима на Филиппинах. Филиппинские реформаторы осуждали «сепаратизм» (т.е. стремление противопоставить Филиппины Испании), революцию, насилие, любые радикальные формы борьбы. Умеренность их программы привлекала к ним часть испанских либералов-интеллектуалов, соответственно настроенные буржуазные круги, республиканцев-оппозиционеров, т.е. сторонников модернизации и либерализации методов колониального управления. Особую роль в истории филиппинского национального движения играли испанские либералы, республиканцы и антиклерикалы, которые придерживались импониовавших филиппинским оппозиционерам взглядов по колониальному вопросу. Они выступали за модернизацию колониальной политики, ограничение власти церкви в колониях, введение там демократических правопорядков.

Филиппинской оппозиции были предоставлены широкие возможности вести пропаганду на страницах испанской либеральной и республиканской прессы, в чем филиппинцы видели наиболее эффективное средство воздействия на общественное мнение в метрополии в пользу проведения реформ в колонии. Филиппинские реформаторы тесно сотрудничали с масонами, получали от них материальную помощь для организации пропагандистской кампании; испанские масонские ложи были открыты жителям колоний, в том числе филиппинцам. Увлеченные масонскими идеями способствовало формированию у филиппинских просветителей и реформаторов критического отношения к католицизму. Хосе Рисаль и его соратники были верующими католиками, они лишь выступали за освобож-

дение католической религии от «суеверий и извращений», которые, по их мнению, искажали сущность доктрины. Вполне понятно, что подобная критика и выступления реформаторов за отделение церкви от государства и свободу совести воспринимались официальной церковью как проявление атеизма и политического сепаратизма.

К концу 80-х годов большинство участников движения за реформы вступило в масонские организации. В 1888 г. в Мадриде была создана Испано-филиппинская ассоциация, а параллельно в Барселоне — организация «Ла Солидарidad» («Единство»), в составе которой, в отличие от Ассоциации, были только филиппинцы. Сам факт создания чисто филиппинской организации под лозунгом объединения национальных патриотических сил свидетельствовал об усилении националистического характера реформаторского движения. Ее главным рупором стала газета «Ла Солидарidad», бессменным редактором которой (1889–1895) был Марсело дель Пилар, а авторами и корреспондентами — блестящая плеяда филиппинских публицистов во главе с Х.Рисалем. Газете, нелегально доставлявшейся на Филиппины, принадлежала основная роль в налаживании контактов с оппозиционными силами на Архипелаге. В 1891 г. в Мадриде была открыта масонская ложа «Ла Солидарidad», филиппинская по составу.

С этого времени масонство широко распространилось и на Архипелаге. В 1891 г. в Маниле была открыта ложа «Нилад», в 1892 г. в стране насчитывалось уже 85 лож, а к началу революции 1896 г. на островах действовало более 200 масонских организаций. В отличие от элитарных масонских организаций метрополии, на Филиппинах они были намного демократичней. В их состав наряду с *иллюстрados* входили (а иной раз и преобладали) представители малоимущих слоев — разночинцы, студенчество, городские низы. В начале 90-х годов на Филиппинах появились условия для организованного общественного движения, социальная база которого была значительно шире, нежели в эмигрантских кругах в метрополии. Созрела необходимость в создании собственного национального центра. Вернувшийся в 1892 г. на родину Х.Рисаль взял на себя решение этой задачи, имея в виду реализацию идеи консолидации национальных сил и одновременно сдерживание явно обозначившейся тенденции к радикализации национального движения. В 1892 г. под руководством Х.Рисаля была основана Филиппинская лига — национальная политическая организация с либерально-реформаторской программой. Однако деятельность Х.Рисаля уже в самом начале была пресечена колониальными властями: летом 1892 г. он был арестован и выслан в глухой городок на о-в Минданао. Что касается пропагандистской кампании в метрополии, то с начала 90-х годов она пошла на убыль из-за тщетности усилий реформаторов привлечь внимание испанских властей к бедственному положению в колонии. В среде эмигрантов распространились настроения разочарованности.

В 80-е — начале 90-х годов рост национального самосознания филиппинцев проявлялся не только в политизации взглядов передовых образованных кругов и развитии либеральной общественной мысли, но и в своеобразном филиппинском «культурном ренессансе». Это были годы подъема во всех областях духовной жизни филиппинцев. Большинство литераторов и мастеров изобразительного искусства разделяли взгляды реформаторов или непосредственно участвовали в оппозиционном движении. Отсюда — гражданственный и обличительный пафос

литературных произведений. Лучшими образцами, ставшими хрестоматийными на Филиппинах, были социально-философские романы Х.Рисаля «Не прикасайся ко мне» (1887 г.) и «Флибустьеры» (1891 г.). Художники и скульпторы-филиппинцы (творчество живописцев Х.Луны и Ф.Идальго получило европейскую известность), овладев стилями современных западных школ, обращались к сюжетам из исторического прошлого своей страны, идеализированному изображению традиционной жизни простых филиппинцев в сельских баррио и пуэбло, красочной тропической природы. Культурный подъем носил общефилиппинский характер, но в нем, как и в политике, выделялась роль тагальской интеллигенции, представлявшей наиболее развитый этнос (границы расселения тагалов — Манила и прилегающие к столице провинции Центрального и Южного Лусона). Тагальская интеллигенция оказалась тем ядром, вокруг которого шла национальная и культурная консолидация филиппинского общества.

«МОРОЛЭНД»: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И ИСПАНСКАЯ ЭКСПАНСИЯ

К началу XIX в. политическая ситуация на мусульманском Юге выглядела следующим образом. На самом крупном острове Филиппинского архипелага — Минданао, а именно в его центральных и южных районах¹, заселенных в основном народностями маранао и магинданао, сложились два государства моро — султанаты Магинданао и Буайан.

Еще один султанат — Сулу со столицей в городе Холо был расположен на архипелаге Сулу (население — народности сулу, самалы, таусуги и др.), входящем в состав группы Филиппинских островов. Султанату Сулу принадлежал также ряд территорий на Северном Калимантане, в том числе Сандакан и Сабах. У филиппинских мусульман сохранялось традиционное общество, ориентированное на исламские ценности, что отделяло их от христианизированных районов центра и севера Филиппин. Тесные контакты султанат поддерживал с соседними малайско-индонезийскими мусульманскими общинами. Его хозяйство основывалось на торговле, добыче жемчуга, морских промыслах. Процветало морское пиратство как одна из форм длившихся два столетия «войн моро» — военных столкновений с испанцами, нападений и грабежа прибрежных районов христианских Филиппин, ответных карательных испанских экспедиций.

С расширением европейской колониальной экспансии в Азии положение султаната Сулу, непосредственно граничащего с Индонезией и находящегося на морских путях в Китай, стало привлекать повышенное внимание европейских держав. В завязавшихся вокруг независимых мусульманских районов Филиппин международных интригах сталкивались интересы Англии, Франции, Германии (в конце века) и, естественно, Испании, беспокоившейся о сохранности своих вла-

¹ Западные территории Минданао были колонизованы испанцами в XVII–XVIII вв. Здесь был выстроен город Замбанга — главный форпост в отражении нападений моро, размещены военный гарнизон и постоянно действующие католические миссии. Замбанга служила также центром по организации военных экспедиций в мусульманские районы Минданао.

дений на Архипелаге. Политика Англии на филиппинском юге обуславливалась ее планами по установлению контроля над торговыми путями к рынкам Восточной Азии и активизацией проникновения на индонезийские территории, не занятые голландцами. С 30-х годов XIX в. в Холо обосновались английские агенты, сделавшие поначалу неудачную ставку на договоренности с сулуанским султаном Пулалуном и затем переориентировавшиеся на создание сильной проанглийской группировки в столице из местных *дато* (феодалных правителей). В 1844 г. в Сулу прибыл английский корвет под командованием капитана Белчера, сумевшего подписать с проанглийски настроенной сулуанской знатью несколько договоров «о дружбе и торговле», обеспечивавших англичанам свободу коммерции.

В то же время в районе Сулу возросла активность французов, интерес которых к филиппинскому югу был связан с поисками удобного опорного пункта на пути в Китай. В отличие от своих английских соперников, французские агенты в 1843 г. заключили торговый договор непосредственно с султаном. В следующем же году резко обострились испано-французские противоречия, после того как самалы с о. Басилан напали на французское судно, убили офицера и захватили матросов в качестве заложников. Французская военная эскадра, игнорируя протесты испанского губернатора Замбоанги, блокировала о. Басилан. В 1845 г. Грене, представитель Франции в Китае, добился от султана Пулалуна согласия на продажу Басилана французам. Однако эта сделка не была одобрена правительством Франции, избегавшим втягивания в открытую конфронтацию с Испанией. Конфликт был погашен.

Тем не менее этот эпизод серьезно встревожил испанцев и послужил толчком к началу активной политики по завоеванию мусульманского юга. В 1846–1848 гг. испанцы организовали экспедицию по завоеванию о-вов Балангинги, расположенных между Басиланом и Сулу, с целью укрепить влияние в районе, который входил в сферу колониальных интересов европейских соперников Испании. Кроме того, испанцы были заинтересованы в покорении воинственных самалов, занимавшихся морским пиратством, от чего больше всего страдали Бисайские о-ва и Южный Лусон. Спротивление самалов было сломлено после прибытия из метрополии в 1848 г. трех паровых судов, которые блокировали центральный остров группы о-вов Балангинги. Самалы были почти поголовно истреблены, их крепости и селения разрушены, посевы уничтожены, вырублено несколько тысяч кокосовых пальм.

Между тем вокруг Сулу назревал серьезный испано-английский конфликт. В конце 40-х годов в Холо прибыл Дж. Брук, британский генеральный консул в Брунее, известный своими военно-политическими авантюрами по распространению английского влияния в Северном Калимантане. Обстановка в Сулу, где при дворе султана усилилась проанглийская группировка, а отношения с испанцами ухудшились из-за недавнего разгрома самалов, способствовала успеху миссии Брука. В 1849 г. им был подписан договор с султаном, согласно которому англичане получали права свободного въезда, поселения, приобретения собственности в султанате и привилегии наиболее благоприятствуемой нации в торговле. Из-за конфликта с Испанией, приобретавшего все более скандальный характер, договор не был ратифицирован Лондоном.

Финальный этап в истории «войн моро» характеризовался новыми операциями Испании по завоеванию мусульманского юга и включению его в состав испанской колонии. Первоочередную задачу испанцы видели в покорении султаната Сулу, ставшего объектом английских и французских притязаний. Обвинив султана в поддержке пиратских рейдов самалов, испанцы направили военную морскую экспедицию в Сулу. Моро оказали ожесточенное сопротивление, встретив испанскую флотилию мощным артиллерийским огнем и заставив испанцев отступить в Замбоангу. Укрепив флот паровыми судами, испанцы вновь подошли к столице султаната, одержав на этот раз победу в морском сражении. По мирному договору 1851 г. Сулу переходил под протекторат Испании. Англичане отказались признать договор и демонстративно продолжали контакты с султаном как с главой независимого государства.

Кампания 50–60-х годов по захвату мусульманских территорий на Минданао была успешной для испанцев. Пообещав свою помощь султану Магинданао в его борьбе с Буайаном и собственными феодалами, испанцы получили ряд территорий в центральной части острова, а в 1861 г. оккупировали Котабаты, один из главных городов султаната. В начале 60-х годов испанцы поделили захваченные мусульманские территории на шесть округов (пять — на Минданао, один — на Басилане), поставив их под контроль военной администрации. С конца 60-х годов внимание испанцев вновь переключилось на Сулу, где султан Джамаль-уль-Азам, сменивший Пулалуна, стал проводить независимую внешнюю политику вопреки договору 1851 г. Испанцы обстреляли Холо и прислали султану испанский флаг с требованием поднять его над столицей, но Джамаль-уль-Азам публично его сжег. Когда в Маниле стало известно о восстании в султанате, начались новые военные приготовления, сопровождавшиеся пропагандистской кампанией. Вдохновителями экспансии против моро были монахи, объявившие «священную войну в защиту христианской веры», они призывали к «огню и крови» и всячески разжигали антимусульманские настроения, и так достаточно сильные у филиппинцев-христиан. Среди 9 тыс. солдат на борту эскадры, направленной в феврале 1876 г. к Сулу, почти половину составляли волонтеры-филиппинцы.

Эскадрой (из 32 военных судов, включая 10 паровых) командовал генерал-губернатор Филиппин Хосе Малькампо. Несмотря на явный перевес сил в пользу испанской стороны, кампания по завоеванию Сулу оказалась чрезвычайно сложной и затянулась до 1878 г. Сразу же провалился план сухопутной операции по захвату Холо: солдаты не могли передвигаться по заболоченным джунглям под обстрелом мусульман. Город был взят лишь в результате атаки с моря, но султан сумел сохранить основные войска, отступив в горы и перейдя к партизанской войне. Завоеватели впервые столкнулись с вызывавшими у них панику *хурамен-тадо* — воинами моро, которые в состоянии религиозного экстаза нападали на врагов и сражались, пока сами не погибали. Только за счет наращивания морских и сухопутных сил и тактики беспощадного поголовного истребления населения испанцам удалось в 1878 г. подписать с султаном договор о капитуляции и признании сюзеренитета Испании.

В этот период в районе Сулу и Северного Калимантана активно действовали Англия и Германия, добившиеся в 1877 г. от Испании гарантий свободной торговли для их подданных. В начале 1878 г. англичане основали на Северном Ка-

лимантане британскую компанию «Северный Борнео», дополнительно арендовав у султана Сулу Сандакан и Сабах. Завоевание Сулу испанцами привело к обострению испано-английских и испано-германских противоречий. Наконец, в 1885 г. был подписан договор, по которому Англия и Германия признавали над Сулу суверенитет Испании, последняя же отказывалась от своих притязаний на Сандакан и Сабах, которые в 1888 г. перешли под протекторат Англии. Спор о принадлежности Сабаха вновь разгорелся уже в новейшее время между Филиппинами и Малайзией (Сабах входит в ее состав).

При завоевании мусульманских районов Минданао испанцы в середине 70-х годов столкнулись с сильным противником в лице буайанского *дато* Утто, объединившего под своей властью султанаты Буайан и Магинданао. В результате войны 1886–1887 гг. Утто был вынужден подписать мирный договор с испанцами, однако сохранил значительную самостоятельность: его владения оставались закрытыми для колониальных чиновников и католических миссионеров.

Основным районом действий экспедиции генерал-губернатора Вейлера (1888–1891) была местность на западном побережье Минданао у оз. Ланао, населенная маранао. Маранао уклонялись от крупных сражений, предпочитая изматывавшие противника методы партизанской войны и тактику хурамантадо. В итоге испанцам удалось закрепить лишь в порту Малабанг. Кампания 1894–1896 гг. против маранао была еще менее успешной. С началом антиколониальной революции на Филиппинах (1896 г.) военные силы испанцев были переброшены с юга в Манилу. Таким образом, процесс завоевания Минданао ко времени аннексии Филиппин США (1901 г.) не был завершен.

Американцы покончили с независимостью мусульман, интегрировав «Моролэнд» в состав всего колониального государства на Филиппинах. Американская политика в отношении мусульманского меньшинства, опиравшаяся на разные методы — от прямой военной агрессии до предоставления существенных привилегий султанам, а также «разбавления» мусульманского населения христианами-переселенцами, — позволяла поддерживать стабильность в южных районах. Но «проблема моро» не исчезла и была в полном объеме унаследована независимыми Филиппинами. Исторически сложившаяся отчужденность мусульман и христиан, ориентация филиппинского мусульманского населения на религиозные и духовные ценности ислама, культурная изоляция, традиционная социально-экономическая отсталость мусульманских южных районов по сравнению с христианскими центральными и северными — все это до сих пор создает почву для мусульманского сепаратизма, этносоциальных и этноконфессиональных конфликтов.

ЦИНСКИЙ КИТАЙ В 1870–1890-х ГОДАХ

В середине 70-х годов XIX в. завершился «цинский» цикл эволюции китайского феодализма (последняя четверть XVII — третья четверть XIX в.). Выйдя из его последней стадии (фаза катастрофы), Цинская империя вступила в первую стадию (фаза восстановления) очередного нового цикла. Для этой фазы были характерны два основных слагаемых. Во-первых, краткая полоса гражданского мира и внутреннего спокойствия: вся последняя четверть XIX в. практически прошла без крупных восстаний. Во-вторых, глубокая послевоенная хозяйственная разруха, превратившая Китай в «больного человека Азии». В период военных действий 50–70-х годов была заброшена значительная часть ранее возделанных земель. Обрабатываемые площади Китая в 1874 г., т.е. через шесть лет после окончания крестьянских войн, сократились до уровня 1831 г. Резко упали и налоговые сборы. Так, натуральные поступления от поземельного налога в том же, 1874 г. были почти вдвое меньше, чем в середине XVIII в.

В зоне военных действий особенно пострадали города. Множество уездных и окружных центров, областных городов, в первую очередь в наиболее развитых восточных и центральных провинциях, были частично или полностью разрушены. Погибли или просто прекратили свое существование тысячи мастерских и мануфактур. В ходе военных действий, грабежей и реквизиций огромный урон понесла торгово-ростовщическая среда. Разруха царила и на транспорте. К концу 60-х годов XIX в. наиболее разоренными оказались юг Цзянсу, север Чжэцзяна, Аньхуэй, север Цзянси и восточная часть Хубэя. На севере Китая особенно пострадали юго-восток Хэнани, юг Чжили и западные районы Шаньдуна. В целом же за период 1851–1865 гг. в зоне Тайпинского государства от карательных операций цинских войск и иных бедствий погибло около 20 млн. человек. Крайне пострадали регионы расселения национальных и религиозных меньшинств. Массовый голод 1876–1879 гг. из-за отсутствия дождей явился страшным ударом для Северного Китая. В Шаньси, Шэньси, Чжили, Хэнани и части Шаньдуна четыре года подряд выгорали хлеба. Массовый голод сопровождался эпидемиями, обочины дорог были усеяны трупами. Всего в ходе этой катастрофы погибло от 9 до 13 млн. человек.

В итоге полоса крестьянских войн и национальных восстаний 50–70-х годов, а также стихийные бедствия сократили население Цинской империи с 1851 по 1882 г. примерно на 50 млн. человек (с 431 млн. до 381 млн.). Выход из послевоенной разрухи оказался крайне трудным. Городская и сельская экономика лишь к 80–90 годам залечила наиболее страшные раны военных лет, но общие итоги были неутешительными. За 1873–1893 гг. обрабатываемые площади в целом по стране, не считая Маньчжурии, почти не увеличились, но тяжелый демографиче-

ский прессинг на пахотную площадь страны был снят. Даже в 1897 г. население 18 собственно китайских провинций оставалось почти на 30 млн. человек меньшим, нежели в 1850 г.

Во главе Китая по-прежнему оставалась не только старая господствующая чиновно-шэньшиско-помещичья элита, но и прежняя династия Цин. С 1875 г. продолжалось второе — после 1861–1873 гг. — регентство вдовствующей императрицы Цыси, во время которого 14 лет подряд, вплоть до 1889 г. она официально правила Цинской империей. При этом династия Цин принуждена была функционировать в новых, непривычных для традиционной власти условиях: при нараставшем воздействии внешнего фактора — мирового капиталистического рынка и агрессии западных держав.

ПОЛИТИКА «САМОУСИЛЕНИЯ»

«Ответом» на этот исторический «вызов» послужил первый этап реформ в Китае, известный как политика «самоусиления», заключавшаяся в «усвоении заморских дел» китайскими западниками, по мнению которых путь к могуществу Китая лежал через заимствование у Запада военной и иной техники. Здесь имело место не комплексное, а узко избирательное и утилитарное усвоение современных достижений. Большое внимание уделялось собственному производству новейших образцов орудий, винтовок, боеприпасов и пароходов, а также закупке машинного оборудования из стран Запада.

Продолжалось строительство казенных военных предприятий, а также фабрик для снабжения войск амуницией. Экономической стороной политики «самоусиления» являлся курс на «достижение богатства» (*цюфу, чжифу*). Он предполагал резкое расширение роли казенного сектора в промышленности, торговле и на транспорте. Это должно было, с одной стороны, уменьшить влияние иностранцев, а с другой — поставить развитие китайского капитала под контроль государства, дав последнему возможность использовать в своих целях частные инвестиции, которые привлекались в смешанные казенно-частные предприятия вне военной промышленности. Инициаторами создания подобных предприятий являлись крупные сановники, прежде всего Ли Хунчжан и Чжан Чжидун. Их акционерами, или пайщиками, были чиновники, *шэньши*, компрадоры, помещики и купцы.

На этих предприятиях сохранялось сильное влияние казенного начала, а сами они делились на две категории. Первая — *гуаньду шанбань* («казенный контроль и предпринимательство торговцев») — отличалась полным произволом властей. Вторая — *гуаньшан хэбань* («совместное предпринимательство казны и торговцев») — характеризовалась меньшей властью бюрократии.

Продолжалась подготовка специальных кадров для нужд политики «самоусиления». Всего с 1862 по 1898 г. было основано 17 учебных заведений нового типа. В них стала формироваться современная разночинная интеллигенция. Для «усвоения заморских дел» с помощью миссионеров осуществлялся перевод на китайский язык иностранных книг по естественным и общественным наукам. С 70-х го-

дов в «открытых» портах — Шанхае и Гуанчжоу — стали издаваться первые иностранные, а затем и китайские частные газеты.

Политика «самоусиления» явилась самой ранней стадией реформ в Китае и проводилась достаточно консервативными кругами, далекими от идей модернизации. Тем не менее объективно она была прогрессивна для тогдашнего Китая. Курс на «усвоение заморских дел» создал первые очаги крупного промышленного производства, вызвал начало модернизации вооруженных сил, подготовил дополнительные условия для экономического развития, социальной эволюции и обновления общественно-политической мысли передовых кругов *шэньши* и интеллигенции. Войска, вооруженные и обученные по-современному, в основном находились под командованием лидеров Аньхуэйской и Хунаньской группировок или их ставленников. Под прямым или косвенным контролем этих лидеров оставались самые крупные и важные арсеналы, пороховые заводы и верфи. Ведущую роль в этом плане играл Ли Хунчжан — глава Аньхуэйской группировки. Он решал важнейшие вопросы вооружения и снабжения армии и флота, прежде всего закупки оружия, боеприпасов, техники и снаряжения. Так, по инициативе Ли Хунчжана с середины 70-х годов в Европе стали размещаться заказы на постройку броненосцев и других военных судов. Вокруг Ли Хунчжана сложилась своеобразная «империя» из современных смешанных предприятий типа *гуаньдун шанбань*, созданных им самим или людьми из его окружения. Сам он всячески укреплял эту «империю» за счет привлечения государственных средств и частных капиталов, предоставления монопольных прав, налоговых послаблений и казенных дотаций. Будучи наместником Чжили, Ли Хунчжан сконцентрировал в своих руках огромную власть. Его сорокатысячная Хуайская (Аньхуэйская) армия контролировала столичную провинцию. В ведении Ли Хунчжана находились оборона и внешняя торговля Северного Китая и Маньчжурии, в том числе создававшаяся Северная (Бэйянская) эскадра современного военно-морского флота. Он решал наиболее крупные внешнеполитические вопросы и продолжал контролировать ряд крупных арсеналов и военных заводов на Севере и в Цзянсу. В итоге к середине 80-х годов вооруженные силы Северного Китая, прежде всего Хуайская армия и Бэйянский флот, оказались оснащенными намного лучше, нежели Сянская армия и Наньянский флот с Фуцзяньской эскадрой.

Это обострило вражду между «хунаньцами» и «аньхуэйцами». Ли Хунчжан был кумиром *шэньши* и помещиков Северного Китая. Он служил ключевым звеном в шатком равновесии и временном примирении Китая и западных держав. Для последних Ли Хунчжан являлся наиболее приемлемым политиком. Его именovali «китайским Бисмарком». Цинская империя все еще претендовала на старую роль лидера традиционной международной системы «Поднебесная–данники», тогда как стране уже была навязана новая функция эксплуатируемого компонента мировой системы «метрополи–колонии–полуколонии».

Ли Хунчжан и *Цзунли ямэнь* проводили гибкую политику в отношении «заморских варваров». Несмотря на совместные боевые действия против повстанцев в Китае 1861–1867 гг., устойчивого союза между династией Цин и державами не получилось. Обе стороны продолжали быть антагонистами в борьбе за господство над Китаем. Для правителей Китая «заморские варвары» оставались явным

злом. Они несли с собой войны, требовали контрибуций, все новых уступок, разлагали устои конфуцианской системы, разрушали престиж Поднебесной империи в глазах ее «данников», отрывали их от Пекина, подвергали неслыханным доселе унижениям самого Сына Неба. Династии Цин и ее верным слугам, в первую очередь Ли Хунчжану, приходилось терпеть все это, лицемерить и идти на новые уступки.

После разгрома тайпинов и няньцзюней главным препятствием на пути Запада к китайскому рынку оставался цинский режим — архаичный, коррумпированный, консервативный и ксенофобный. Иностранцы презирали эту прогнившую власть и готовились к нанесению новых ударов по «маньчжурскому дракону».

ИЛИЙСКИЙ КРИЗИС

Царская Россия намеревалась оставить за собой часть Илийского (Кульджийского) края — его западный район, долину р. Текес и перевал Муз-Арт. По Ливадийскому договору 1879 г. Россия получила эти ценные приращения к своим владениям в Средней Азии, что вызвало в Пекине взрыв негодования и отказ ратифицировать договор. Так возник Илийский кризис 1879–1881 гг.

Этим воспользовалась Хунаньская группировка, и в первую очередь Цзю Цзунтан. Начиная еще с 1876 г. он ратовал за «поход на Россию», т.е. за вторжение в Среднюю Азию. В феврале 1881 г. конфликтующие стороны подписали в Петербурге новый русско-китайский договор. По условиям этого договора Россия вернула Китаю Илийский край и лишь небольшую его часть оставила за собой. Данная территория предназначалась для расселения тех жителей Илийского края, которые не хотели оставаться подданными династии Цин. Не веря в милосердие последней, множество уйгуров и дунган переселились в русское Семиречье. По завершении Илийского кризиса Пекин в 1884 г. осуществил частичную реорганизацию административной и политической структуры Синьцзяна.

Если в 40–60-е годы XIX в. колониальная экспансия в Азии выражалась в борьбе за доступ на китайский рынок, то в 70-е годы наступил новый этап — подчинение соседей Китая, в первую очередь Кореи и Вьетнама. Постепенная аннексия Кореи Японией и Вьетнама Францией создали для Пекина два параллельно развивавшихся внешнеполитических кризиса. В 1879 г. Япония фактически аннексировала о-ва Люцю, ликвидировала «данническое» княжество и превратила его в свою префектуру Окинава. Скованная Илийским кризисом династия Цин проглотила это унижение. Еще раньше Япония приступила к поэтапному подчинению Кореи — другого «данника» Китая. В 1876 г. она пригрозила Пекину войной и вынудила его согласиться на подписание Сеулом неравноправного договора с Токио. Кабальный Канхваский японо-корейский договор 1876 г. не признавал «даннического» статуса Страны утренней свежести по отношению к Срединной империи. Более того, уже в 1879–1881 гг. Япония пыталась, правда безуспешно, навязать неравноправный договор и самому Китаю.

КОРЕЙСКИЙ КРИЗИС 1882–1884 гг.

Едва цинское правительство вышло из Илийского кризиса, как разразился первый Корейский кризис (1882–1884). О нем будет подробно рассказано в следующей главе, посвященной истории Кореи. События 1882–1885 гг. показали неизбежность войны с Японией из-за Кореи. Понимая это, Ли Хунчжан ускорил перевооружение сухопутных и морских сил. В 1883 г. началось создание большого военно-морского флота. Стоимость программы составляла 30 млн. лянов. Однако после того как в Англии и Германии было закуплено более 20 кораблей, остальные средства Цыси пустила на создание своего загородного дворца Ихэюань и парка вокруг него. Модернизация флота была приостановлена в тот момент, когда назревало военное столкновение с Францией из-за другого «данника» — Вьетнама.

ВЬЕТНАМСКИЙ КРИЗИС
И ФРАНКО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА 1884–1885 гг.

Весной 1882 г. здесь начался новый этап французской экспансии: военная экспедиция полковника А.Ривьера с боем захватила крепость Тханглаунга (Ханоя). Одновременно в Северный Вьетнам вошли китайские войска из южных провинций. Так для Китая начался Вьетнамский кризис 1882–1883 гг. В Пекине были озабочены конфликтом в Корее и пошли навстречу Франции в поисках компромисса за счет раздела Северного Вьетнама. В декабре 1882 г. в китайской столице был подготовлен текст такого соглашения (Ли Хунчжан–Ф.Бурэ). Однако вскоре Париж отказался делить добычу с дряхлеющей «больной» азиатской империей и сорвал его подписание.

Французская экспансия в Северном Вьетнаме вызвала в 1880–1883 гг. антимиссионерские и антииностранные выступления в Гуандуне, Гуанси, Юньнани и Фуцзяни. Население поджигало церкви, избивало и изгоняло миссионеров и китайцев-христиан.

В Северный Вьетнам на соединение с отрядами «черного знамени» в конце 1883 г. были посланы войска из Юньнани и Гуанси, а также оружие и боеприпасы для антифранцузских сил. Так без формального объявления Вьетнамский кризис 1882–1883 гг. перерос во франко-китайскую войну 1884–1885 гг. В марте–апреле французам удалось захватить г. Бакнинь, который обороняли гуансийские войска. Этим поражением мгновенно воспользовалась Цыси для разгрома группировки великого князя Гуна. В ходе этого частичного переворота из правительства были удалены видные сторонники «самоусиления» и «усвоения заморских дел». Зато резко усилилось влияние противников нововведений. Между тем не объявленная ни той ни другой стороной война в Северном Вьетнаме затягивалась.

Боясь дальнейшего обострения вооруженного конфликта, Ли Хунчжан поспешил подписать в Тяньцзине в мае 1884 г. мирную конвенцию с Францией (соглашение Ли–Фурнье). Китай обязался отвести свои войска из Вьетнама и открыть южные провинции для французской торговли. Взамен Париж гарантировал не-

прикосновенность границ Южного Китая. Между тем соглашение Ли–Фурнье так и не вступило в силу. Не зная о перемирии, китайские солдаты в июне 1884 г. отразили огнем наступление французского отряда, подошедшего к деревне Бакле под Лангшоном. Война возобновилась.

С лета 1884 г. для французского командования стала ясной бесперспективность затяжной сухопутной войны в Северном Вьетнаме. В связи с этим было решено нанести удары по территории самого Китая с моря. Обороной Южного Китая руководил один из лидеров Хунаньской группировки, Цзэн Гоцюань. Военно-морские силы Китая были разобщены и не имели единого командования, фактически же они были поделены между Аньхуэйской и Хунаньской группировками. Первый удар французского флота планировался по Цзилуну (на севере Тайваня), где предстояло захватить угольные копи — для снабжения кораблей топливом. В начале августа 1884 г. эскадра адмирала С.Леспеса атаковала Цзилун, разрушила огнем орудий его форт и высадила десант для захвата шахт. Однако руководивший обороной Лю Минчжуань успел затопить копи. Французы закрепились на прибрежной полосе.

23 августа эскадра адмирала А.Курбэ у берегов Фуцзяни вошла на рейд гавани Мавэй (в устье р. Миньцзян) и огнем корабельной артиллерии в течение 12 минут уничтожила фуцзяньскую эскадру. На дно пошли 11 современных кораблей, 12 джонок, много мелких судов и катеров. Затем французы бомбардировали и превратили в руины Фучжоуский арсенал, а также его доки и береговые батареи. При этом было убито до 3 тыс. китайцев. Вызванный этим поражением взрыв массового негодования заставил Цыси 26 августа 1884 г. официально объявить войну Франции. Последняя же так и не удосужилась ответить тем же, продолжая считать военные действия простыми «репрессалиями» в отношении Пекина.

Нападение Франции на Китай вызвало новую волну антииностранных и антимиссионерских выступлений в Гуандуне, Фуцзяни, Чжэцзяне и других провинциях. Уничтожались иностранные товары. Осенью 1884 г. антифранцузский бойкот начался в Гонконге. Волна патриотизма захватила все слои общества Южного Китая. Во главе движения стояли *шэньши*. Они организовали сбор крупных средств на продолжение войны. На свои деньги и на пожертвования купцов *шэньши* создавали и вооружали отряды добровольцев и флотилии морских военных джонок для борьбы с французским флотом. В это движение активно включились китайские эмигранты (*хуацяо*) за рубежом. Антимиссионерские выступления прошли в Сычуани, Юньнани, Шэньси и других провинциях.

Напуганное размахом «беспорядков», цинское правительство начало тайно искать пути к возобновлению переговоров с французами и к заключению мира. Однако, боясь дискредитировать себя в глазах народа, династия Цин была вынуждена формально возглавить патриотическое движение, продолжить отправку подкреплений, оружия и боеприпасов во Вьетнам и издавать указы об организации защиты китайского побережья от ударов с моря. Вместе с тем война с Францией вызвала пик контрреформаторского движения «*цинъи*» («чистое мнение»). Теоретики и практики конфуцианского (чжусианского) консерватизма в 1884 г. обрушили к подножию трона лавину меморандумов и докладных записок с критикой политики «усвоения заморских дел» и деятельности правительства. По-

чувствовал опасность на этот раз справа, Цыси нанесла упреждающий удар. В январе 1885 г. она официально отменила практику подачи таких меморандумов (*яньлу*), а доктрину «чистого мнения» подвергла осуждению. Таким образом, нанеся в 1884–1885 гг. удары и налево и направо, Цыси ослабила как сторонников нововведений, так и контрреформаторов, соответственно укрепив и обезопасив свою личную власть.

В начале октября эскадра Курбэ подвергла Цзилун на Тайване второму мощному обстрелу, а затем и г. Даньшуй. Французскому десанту удалось овладеть Цзилуном, после чего Курбэ начал блокаду Тайваня. Успешно руководивший его обороной Лю Минчжуань получал подкрепления с материка. Понимая, что захват Тайваня не удался, французы поспешили в начале апреля 1885 г. оккупировать архипелаг Пэнху в Тайваньском проливе.

В начале 1885 г. в Северном Вьетнаме французский экспедиционный корпус перешел в новое наступление. Начались ожесточенные бои у Лангшона. Здесь сражались и новые подкрепления, пришедшие из Китая. Уже в марте в результате яростных китайских атак французы были разбиты у Донгданга и в панике бежали из взятого ими Лангшона, бросив оружие и воинскую казну. Это поражение привело к падению министерства Ж.Ферри.

Победы китайских войск во Вьетнаме вызвали подъем массового народного движения в Китае и тем самым усилили опасения маньчжуров за свою судьбу. Кроме того, в Пекине боялись возможной войны на два фронта — и с Францией, и с Японией. Поэтому Ли Хунчжан спешил договориться с обоими противниками Китая. 6 апреля 1885 г. в Париже было заключено перемирие, а 9 июня в Тяньцзине подписан мирный договор. Он предусматривал отказ Китая от роли «гегемона» в отношении Вьетнама и открытие южной границы Цинской империи для французской торговли. Пекин признавал протекторат Парижа над Северным Вьетнамом и Аннамом, а также выводил свои войска с вьетнамской территории. Взамен французы эвакуировали свои силы из северной части Тайваня и с архипелага Пэнху. Странный исход войны и условия Тяньцзиньского договора, неадекватные положению на фронтах, вызвали досаду и разочарование в стане китайских патриотов. Горечь «поражения» 1885 г. стала отправным моментом формирования будущих китайских революционеров.

Война с Францией крайне ослабила Наньянский флот, потерявший помимо всего прочего всю Фуцзяньскую эскадру. Тем самым позиции Хунаньской группировки оказались подорванными. Однако уже в следующем году Цыси вновь стала расходовать «корабельные деньги» на создание своего летнего дворца. Последний раз боевые суда были закуплены в 1888 г., а через полтора года прекратилась и закупка боеприпасов для флота. В результате флот оказался не подготовленным к новой войне. Ли Хунчжан и цинский двор продолжали преимущественно вооружать и укреплять фактически тот же Северный флот и Хуайскую армию, получившую наименование Бэйянской. Начиная с 1880 г. Ли Хунчжан усиленно превращал Люйшунь (Порт-Артур) и Далянь (на южной оконечности п-ова Ляодун), а также Вэйхайвэй (на северо-востоке п-ова Шаньдун) в военноморские крепости. Они обороняли вход из Желтого моря в Бохайский (Чжилейский) залив. В составе Северного флота насчитывалось 25 боевых и вспомогательных судов, купленных за границей. На крепости и флот были затрачены ги-

гантские суммы. Одни из современных военных кораблей Китая были куплены в Англии и Германии, а другие построены на верфях Цзяннаньского арсенала в Шанхае. В целом Китаю удалось качественно восполнить потери во флоте, понесенные с гибелью Фуцзяньской эскадры в августе 1884 г.

В 1886 г. император Цзайтянь достиг совершеннолетия, и Цыси предстояло передать ему власть. Дабы избежать этого, императрица организовала коллективную «просьбу» маньчжурской знати и придворных сановников об установлении «политической опеки» над молодым богдоханом. Цыси «прислушалась к мнению народа» и тем самым фактически продлила свое регентство еще на три года. Лишь весной 1889 г. она была вынуждена уступить власть своему племяннику и формально отошла от дел. Тем не менее все главные нити управления государством фактически остались в руках Цыси и отчасти верного ей Ли Хунчжана. Царствование молодого богдохана приобрело номинальный характер.

ВКЛЮЧЕНИЕ КИТАЯ В МИРОВОЙ РЫНОК

Вторжение иностранного капитала и постепенное включение в систему мирового хозяйства породили кризис общественно-политического строя Китая. Началась полоса болезненного напластования друг на друга двух типов общественно-экономического развития. Один был представлен спонтанным старым феодальным циклическим типом, т.е. медленной средневековой эволюцией. Другой был привнесён извне и являл собой новый для Цинской империи буржуазный линейный вариант развития западного типа. Переплетение этих двух начал породило кризис, а затем и постепенное угасание феодализма в Китае с крайне затяжным и болезненным течением этого процесса. К концу XIX в. все экономически наиболее важные регионы Цинской империи оказались в той или иной мере связанными с мировой экономикой. В 1879 и 1881 гг. вошли в действие первые в Китае телеграфные линии. Вместе с иностранной почтой они облегчили доступ английским и другим коммерсантам на китайский рынок. Европейцы и американцы с 1860 г. имели право свободного передвижения по всему Китаю. К 1894 г. для иностранной торговли было открыто 34 морских и речных порта, в том числе города во внутренних районах Цинской империи. В каждом «открытом» порту находился инспектор морских таможен — иностранец. В основном это были англичане, контролировавшие не только доходы от таможен, но и поступления от соляного налога и некоторые другие важные статьи бюджета Китая. За три десятилетия (1864–1894) объем внешней торговли Китая увеличился почти в три раза, а иностранный импорт — более чем втрое. До конца 80-х годов в импорте главная роль принадлежала опиуму. Его ввозом из Индии оплачивались две трети экспорта китайского шелка и чая. Китай все больше превращался в источник сырья и рынок фабричной продукции. Устойчивым явлением стал вывоз за границу чернорабочих — *кули*, своего рода «желтых рабов». К концу XIX в. за пределами Цинской империи уже находилось свыше 3 млн. китайцев-эмигрантов (*хуацяо*). Торговля была основной формой экономической привязки Китая к мировому

рынку и главной сферой деятельности иностранного капитала. Британская империя играла главенствующую роль во внешней торговле Китая.

Первой в Китае в 40–50-е годы XIX в. возникла не национальная, а иностранная фабричная промышленность. Это были английские судоремонтные доки, верфи, типографии, предприятия пищевой и коммунальной промышленности. Затем появились фабрики по переработке местного сырья. Росло влияние английских банков. К 1890 г. число их отделений в «открытых» портах возросло до 30. С конца 80-х годов в Китае начали действовать французские, германские и японские финансовые учреждения. Иностранные банки занимались кредитованием внешней торговли, валютными операциями, финансированием фирм своих стран и своих компрадоров. С середины 70-х годов и до 1894 г. иностранные частные банки и фирмы предоставили цинскому правительству ряд займов. Эти займы были невелики, и Пекин легко погасил свою задолженность. Ввоз капитала в Китай в этот период еще играл второстепенную роль, не идя ни в какое сравнение с чисто коммерческой деятельностью и судоходством. На последнее — вначале парусное, а к концу века преимущественно паровое — приходилась значительная часть иностранных капиталовложений. Росло иностранное каботажное и речное судоходство, главным образом британское. К 1895 г. в Шанхае и Гонконге было основано около 20 иностранных пароходств, преимущественно английских. Вся промышленность и недвижимое иностранного сектора была расположена на территории договорных селтльментов и концессий, так как до Симоносекского договора 1895 г. державы не имели права строить свои предприятия на остальной территории Цинской империи. Была запрещена для иностранцев и разработка горных богатств.

Другим важным слагаемым эволюции явилось национальное грюндерство. Продолжался, хотя и медленнее, рост современной военной промышленности. В гражданских отраслях шло создание механизированных предприятий — фабрик, заводов и шахт. Появились первые пароходные компании, железные дороги малой протяженности и телеграфные линии. Большинство этих компаний и предприятий были смешанными, т.е. казенно-частными. С середины 80-х годов начался заметный рост частных механизированных предприятий, в основном мелких шелкомотальных и шелкопрядильных фабрик. Из примерно 180 машинных предприятий, существовавших в Китае к 1894 г., более 100 были национальными, включая все казенные, смешанные и частные, а остальные — менее 80 объектов — принадлежали иностранному капиталу. В стране насчитывалось всего около 100 тыс. фабричных рабочих. К концу XIX в. в Китае появились новые для традиционного конфуцианского общества, хотя пока еще крайне слабые социальные слои и классы — национальная буржуазия с очень влиятельной компрадорской фракцией, фабричный пролетариат и новая интеллигенция. Росло и традиционное предпринимательство, а с ним мануфактурная и домануфактурная предбуржуазия с массой старого предпролетариата — работников мастерских, мануфактур и надомников на сдельщине. В результате к концу 80-х — началу 90-х годов в Китае стал складываться национальный сектор капиталистического уклада.

Однако к 70-м годам XIX в. произошло лишь оздоровление социально-экономической сферы, а общественно-политические отношения остались старыми, т.е.

сохранились прежние династия и бюрократия, не произошло и обновления шэньшиской элиты. Старая цинская бюрократия быстро возвращалась к нравам и практике, существовавшим в период, предшествовавший социально-политической катастрофе 50–70-х годов XIX в. Набирал силу процесс разложения чиновничества. Расхищение казенных средств, отпущенных на ремонт ирригационных сооружений и защитных дамб, увеличивало разрушительную силу стихийных бедствий, которые наносили тяжелый урон экономике страны. В 1888 г. сильнейшее наводнение поразило Шаньдун, где р. Хуанхэ прорвала давно не отремонтированные дамбы. Погибло около 2 млн. человек, миллионы людей остались без крова. На следующий год в этой провинции была сильная засуха, что вызвало массовый голод. Наводнения поразили в 1893 г. провинцию Шаньси. Голод 1892–1894 гг. в северных провинциях унес около 1 млн. человеческих жизней.

В начале 90-х годов резко активизировались тайные общества (*хуэйдан*) и религиозные секты. Приняв деятельное участие в антимиссионерском и антииностранным движении, они рассчитывали вызвать войну между династией Цин и «заморскими варварами», чтобы в ходе конфликта свергнуть маньчжурское иго. Новый подъем антииностранных выступлений начался весной 1890 г. и охватил провинции бассейна Янцзы. Их население, руководимое тайным обществом «Старшие братья» («Гэлао») и местными *шэньши*, тем самым протестовало против открытия для иностранцев Чунцина. Весной 1891 г. движение достигло своего пика. Волнения в Янчжоу и антииностранный бунт в Уху были подавлены войсками. Выступления против «заморских дьяволов» той же весной прошли в Аньцине, Нанкине, Ханьяне и других городах. Большую роль здесь играли *шэньши*, издававшие прокламации и листовки. Для подавления этого движения в Ханчжоу были направлены дополнительные войска, в Уху — канонерки, а в Ханькоу и Цзюцзян — иностранные и китайские военные корабли. Осенью 1891 г. антииностранный восстание вспыхнуло в Ичане (Хубэй), и с еще большим размахом оно повторилось осенью следующего года. Из бассейна Янцзы движение перекинулось в приморские провинции и Северный Китай, сойдя на нет лишь к 1893 г.

КОРЕЙСКИЙ КРИЗИС 1893–1894 гг. И ЯПОНО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА

События, разворачивавшиеся в Корее в 1893–1894 гг., можно назвать Вторым корейским политическим кризисом. О событиях в самой Корее будет рассказано в соответствующей главе. Здесь следует остановиться на событиях японо-китайской войны, вызванной этим кризисом.

25 июля у входа в Асанский залив японская эскадра без объявления войны внезапно атаковала китайский морской конвой. В ходе пятнадцатого боя цинские силы потеряли два корабля. Кроме того, на дно пошел транспорт — английский пароход с двумя батальонами хуайских войск и 14 полевыми пушками. Так началась японо-китайская война 1894–1895 гг. 29 июля произошло сражение у Сонхвана (так называемый бой при Асане), окончившееся поражением китайцев.

В этом бою лучшие хуайские части Не Шичэна были разбиты, а остальные во главе с Е Чжичао кружным путем двинулись на север — к Пхеньяну, дабы избежать разгрома и плена. После этого 1 августа Япония объявила войну Китаю.

Из Южной Маньчжурии в район Пхеньяна двинулись четыре крупных соединения хуайских войск. В конце августа сюда наконец подошел со своими поредевшими батальонами Е Чжичао, назначенный командующим этой армией. Тем временем к Пхеньяну спешили крупные японские силы генерала Нодзу. 15 сентября произошло решающее для корейского театра военных действий сражение под стенами Пхеньяна. Почти 30-тысячная армия Е Чжичао потерпела сокрушительное поражение. Более половины ее состава попало в плен, было убито или ранено. Ночью 16 сентября цинские войска оставили свои позиции и в беспорядке отступили к китайской границе. Корея была потеряна для Цинской империи.

Исход борьбы на море решило сражение в Западно-Корейском заливе у побережья Маньчжурии. Здесь 17 сентября к югу от устья р. Даянхэ в ожесточенном бою сошлись Бэйянский флот под командованием адмирала Дин Жучана и японская объединенная эскадра вице-адмирала Ито Сукэясу. Каждая из сторон имела по десять боевых кораблей. Сражение длилось пять часов. Быстроходные новейшие японские крейсера возобладали над старыми и неповоротливыми китайскими броненосцами.

Между тем в Пекине усиленно готовились к празднованию 60-летия Цыси. На неслыханное по роскоши торжество было отпущено из казны 10 млн. лянов. Поражения Хуайской армии и Бэйянского флота явились жестоким ударом по положению Ли Хунчжана и престижу Аньхуэйской группировки. Срочно была предпринята попытка остановить неприятеля на границе. Здесь в устье р. Ялу была спешно создана линия обороны и сконцентрировано 24 тыс. солдат Хуайской армии. 25 октября началось наступление 1-й японской армии генерала Ямагата. После упорного сопротивления цинские войска начали отход. Форсировав р. Ялу, наступавшие вторглись в Южную Маньчжурию и перенесли военные действия на территорию самой Цинской империи. Японцы заняли юго-восточную часть пров. Шэнцзин (Фэнтянь), но холодная зима остановила их продвижение.

Сковав основные силы Хуайской армии в центральной части пров. Фэнтянь, японская Главная ставка сформировала 2-ю армию под командованием генерала Ояма и в октябре высадил ее на Ляодунском п-ове. Комендант Люйшуня, многие офицеры и чиновники, прихватив все ценное, заранее бежали из крепости, где начались беспорядки среди солдат. В рядах оставшегося офицерства оказалось немало изменников. Дисциплина в крепости рухнула, начались грабежи и беспорядки. Генералы, не желая рисковать жизнью, не организовали отпора неприятелю. 21 ноября японцы начали штурм и еще до полудня почти без сопротивления заняли форты, защищавшие Люйшунь с суши, а вечером овладели и восточными береговыми батареями. Цинский гарнизон обратился в бегство.

Падение Люйшуня произвело в Пекине переполох. Снимая с себя ответственность, Цыси ради самосохранения была вынуждена пожертвовать Ли Хунчжаном, сделав его, хотя и в мягкой форме, «козлом отпущения». В октябре она не воспротивилась назначению опального и оппозиционного ей великого князя Гунна главой Цзунли ямэня. Не желая принимать на себя позор военных неудач, Цыси намеренно отошла в тень. С ноября 1894 г. великий князь Гун и Ли Хун-

чжан стали готовить мирные переговоры с Японией, а в январе 1895 г. туда была послана официальная делегация. Поскольку Япония еще не захватила всего, на что рассчитывала, включая Вэйхайвэй и Бэйянский флот, японское правительство в одностороннем порядке сорвало переговоры, начавшиеся было в Хиросиме.

До конца 1894 г. эта война фактически представляла собой схватку Хуайской армии и Бэйянского флота с вооруженными силами всей Японской империи, войну последней с Северным Китаем и Аньхуэйской группировкой. Здесь сказались скрытая феодальная раздробленность Цинской империи. Так, несмотря на то что японская армия позднее начала боевые действия в пров. Шаньдун, ее военный губернатор Ли Бинхэн фактически сохранял нейтралитет. Наместник Лянгуана прямо заявил, что пров. Гуандун не воюет с Японией. По воле Хунаньской группировки Наньянский флот не пришел на помощь Бэйянскому. Поднявшись вверх по Янцзы, он затаился там и не выходил из своего укрытия.

Между тем в Токио решили главный удар направить на Вэйхайвэй и застрявший там Бэйянский флот. Сильнейшие повреждения, невозможность ремонта и недостаток боеприпасов не позволяли ему вновь вступить в бой с японскими кораблями. В конце января с п-ова Ляодун морем под Вэйхайвэй была переброшена половина 2-й армии японцев под командованием генерала Ояма. С моря крепость блокировала объединенная эскадра вице-адмирала Ито. Провинциальные китайские войска отступили от крепости. 30 января наступавшие почти без боя заняли береговые форты южного, а на следующие сутки и северного крыла. Завладев их батареями, противник начал обстрел последних очагов обороны — батарей о-вов Люгун и Жидао, а также Бэйянского флота в составе 24 боевых кораблей различных классов. В течение девяти суток эти силы как могли отражали натиск врага. Вскоре на кораблях и в фортах Люгуна вспыхнул мятеж. Командиры кораблей и иностранные инструкторы вышли из повиновения и отказались пойти на прорыв окружения, чтобы затем потопить флот. Бунт разрастался — офицеры, моряки и солдаты требовали капитуляции. Начальник штаба Лю Бучуань взорвал свой броненосец «Динъюань» и покончил с собой. Согласившись на капитуляцию, адмирал Дин Жучан принял яд. Были выработаны условия капитуляции, и 16 февраля флот и батареи Люгуна сдались неприятелю.

Тем не менее в Пекине еще не считали войну окончательно проигранной. Цинский двор сделал ставку на Сянскую армию и Хунаньскую группировку. До конца 1894 г. последняя вела себя весьма двусмысленно, полагая, что война Аньхуэйской группировки с японцами ее не касается. Теперь же на театр военных действий были срочно переброшены Сянская (Хунаньская) и Хубэйская армии. Вместе с Хэнаньской и Хуайской армиями, а также с «мукденскими войсками» они были поставлены под начало наместника Лянцзяна Лю Куньши. Тем самым была создана более чем 60-тысячная группировка войск с задачей остановить японское продвижение на рубеже р. Ляохэ.

В конце февраля 1895 г. японцы под командованием генерала Нодзу перешли в наступление. В первой декаде марта они разбили и обратили в бегство Сянскую и все остальные армии. Пали Нючжуан и Инкоу. Наступавшие захватили богатые трофеи — до 70 пушек и громадные военные склады. Враг оказался на подступах к столичной провинции Чжили. В Пекине началась паника, цинский двор готовился к бегству.

Верх окончательно взяла «партия мира» — великий князь Гун, Ли Хунчжан и др. 30 марта было объявлено 20-дневное перемирие в Маньчжурии и Северном Китае. Япония была заинтересована в затягивании войны, чтобы захватить Тайвань и архипелаг Пэнху. Переговоры начались в марте в японском городе Симоносеки. Почти одновременно на архипелаге Пэнху высадился японский десант. Умышленно затягивая переговоры, премьер-министр граф Ито Хиробуми выдвинул невероятные и оскорбительные требования — выплата 750 млн. лянов контрибуции и передача японским войскам Тяньцзиня, Дагу и Шаньхайгуаня. Когда же Ли Хунчжан отклонил их, на него было организовано покушение, и раненый посол на десять дней выбыл из переговорного процесса. За это время Япония успела захватить архипелаг Пэнху — ключ к Тайваню. К этому моменту и сама Япония хотела окончания войны, ибо ее военная машина «работала» на пределе возможностей, а финансовое и экономическое положение оказалось очень напряженным.

17 апреля Ли Хунчжан был вынужден подписать Симоносекский договор. Китай признал полную независимость Кореи, т.е. переход ее под верховенство Токио. К Японии отходили Тайвань, Пэнху и Ляодунский п-ов. Победленные выплачивали 200 млн. лянов в качестве военной контрибуции. Япония должна была получить все права и привилегии, включая право наибольшего благоприятствования, которыми пользовались в Китае все остальные державы. Японцы получали право создавать в «открытых» портах любые промышленные предприятия и ввозить для них любое оборудование. «Открытыми» портами объявлялись еще четыре города — Шаши и Чунцин на Янцзы, а также Сучжоу и Ханчжоу.

Западные державы в целом весьма положительно отнеслись к Симоносекскому договору. Последний открывал дорогу и к территориальному разделу Китая, уже по сути начатому Японией, и к импорту в эту страну производственного капитала. Во время переговоров в Симоносеки Ли Хунчжан заручился поддержкой России и Франции и добился смягчения ряда японских требований. Передача Ляодунского п-ова Японии была ударом по интересам царской России, уже считавшей всю Маньчжурию своей предстоящей добычей. В этом вопросе Петербург обеспечил себе поддержку Парижа и Берлина. Незадолго до ратификации Симоносекского договора эти три державы «рекомендовали» Токио отказаться от Ляодунского п-ова. Этот «дружеский совет» был подкреплен посылкой союзных флотов к берегам Японии. Последней пришлось уступить. Пекинское соглашение с Китаем от 8 ноября 1895 г. зафиксировало отказ Токио от Ляодуна, компенсированный добавочной контрибуцией в 30 млн. лянов.

Японо-китайская война закончилась, но не завершились боевые действия в Китае. Началось японское завоевание Тайваня. В мае 1895 г. эдиктом императора с Тайваня отзывалась цинская администрация, а в июне на борту японского корабля состоялась церемония формальной передачи острова победителям. В действительности, не желая отдавать Тайвань врагу, Пекин решил создать на острове «самостоятельное государство». Следуя этому плану, чиновничество, а также местные *шэньши* 23 мая в Тайбэе провозгласили остров независимой республикой (Тайвань миньчжу го) во главе с президентом. Им стал губернатор провинции Тан Цзинсун. В Тайбэе цинский аппарат был преобразован в «республиканское» правительство. Во главе тайваньских «республиканцев» встал известный

поэт *цзиньши* Цю Фэнцзя — руководитель отрядов добровольцев (*ичжун*), созданных для отпора японцам. Был утвержден государственный флаг — желтый лев на синем поле. Однако эта республика провозгласила «вечную верность династии Цин».

В конце мая на севере острова высадился японский десант численностью 12 тыс. человек. Так началась семилетняя эпопея завоевания Тайваня. В начале июня японцы без боя вошли в Тайбэй. Тан Цзинсун сбежал, а «республиканцы» отступили на юг. Столицей государства был объявлен г. Тайнань, а новым президентом провозглашен герой франко-китайской войны Лю Юнфу, чьи батальоны с августа 1894 г. обороняли юг острова. Первоначальная паника и деморализация войск уступили место стойкому сопротивлению захватчикам. Упорные бои за район г. Синьчжу велись в течение почти двух месяцев. В центральной части острова борьбу возглавил начальник округа (*даотай*) Ли Цзинсун, скоординировавший действия отступивших с севера хубэйских батальонов и отрядов местных добровольцев. Создавались отряды партизан (*иминь*) во главе с *шэньши*. Ожесточенные бои в центральной части острова продолжались до конца августа 1895 г. Японцы несли большие потери. Из-за крайне влажного субтропического климата в армии свирепствовали болезни.

В Тайване под руководством Цю Фэнцзя были созданы парламентский исполнительный комитет и штаб обороны, во всем помогавшие президенту Лю Юнфу. Последний, однако, оставался верноподданным династии Цин и своим бездействием способствовал ослаблению обороны Юга. Положение патриотов оказалось критическим, начался голод. В октябре японцы перешли в генеральное наступление с севера, а флот из 50 боевых и транспортных кораблей высадил два крупных десанта в тылу войск Лю Юнфу. Последний бросил свои войска и бежал. Однако в течение последующих десяти дней его голодающие батальоны продолжали борьбу. 21 октября неприятель вступил в Тайнань. Так после пяти месяцев сопротивления пало «Тайванское государство народного правления» — первая «республика» в истории Китая.

Часть «республиканских» войск не сдалась и отступила в горы. Начался этап партизанской войны и периодических восстаний. Первое из них вспыхнуло в декабре 1895 г. и охватило всю северную часть острова. Среди его вождей выделялись Линь Дабэй и Линь Личэн. Повстанцы угрожали Тайбэю и провозгласили Линь Личэна третьим президентом республики. Японские каратели в феврале 1896 г. подавили эту «вторую Тайваньскую республику». Тем не менее ряд крупных отрядов вновь ушли в горы и продолжали сражаться.

С конца 1895 г. развернулась партизанская борьба в центральной части Тайваня. В июне 1896 г. японцы обрушили на местное население невиданные репрессии — сожгли около 70 селений и перебили несколько тысяч человек. В ответ на эти зверства восстание охватило новые районы. К октябрю отряды патриотов во главе с Хуан Чоу и Цзянь И очистили от неприятеля большую территорию. Японцы стянули сюда крупные силы, и с ноября здесь развернулись ожесточенные бои. Повстанцы были разбиты, но борьба не затухала. С осени 1896 г. она разгорелась на юге острова, разрозненные восстания здесь длились весь следующий год и продолжались в 1898 г. Партизанская война и восстания не прекращались вплоть до 1902 г. Только ценой большой крови Тайвань вошел в состав Японской империи.

Война с Японией явилась беспощадной проверкой результатов политики «самоусиления». Сокрушительное поражение и Симоносекский мир означали крах курса на «усвоение заморских дел» и «достижение богатства». Тем не менее военное поражение 1894–1895 гг. не ликвидировало того положительного, что политика «самоусиления» принесла Китаю. В наследство от курса «усвоения заморских дел» остались военная и гражданская фабричная промышленность, первые железные дороги, пароходство и телеграф, частично модернизированные вооруженные силы, новые специальные учебные заведения, первые отряды новой интеллигенции и начальное восприятие достижений западной общественно-политической мысли. Все это являлось реальной базой и одной из предпосылок для перехода от куцых, односторонних нововведений 60–90-х годов к новому этапу реформирования цинского общества.

ДУХОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ 1890-х ГОДОВ

Поражения 1894–1895 гг. и Симоносекский договор произвели внутри Китая бурю возмущения и всплеск политической активности *шэньши*, интеллигенции и части помещиков. Патриотический подъем середины 90-х годов оказался во много раз более сильным и продолжительным, нежели подобное брожение в ходе франко-китайской войны 1884–1885 гг. Унизительные для Китая условия Симоносекского договора вызвали взрыв негодования в Пекине, куда весной 1895 г. носители средней ученой степени (*цзюйжэнь*) съехались со всей страны для участия в столичных экзаменах на высшую степень (*цзиньши*). 30 апреля и 1 мая прошли бурные собрания, в них участвовало более 1,2 тыс. *цзюйжэней* из различных провинций. Председательствующим стал ученый и политик уроженец Гуандуна Кан Ювэй. Он создал теорию «Великого Единения» («Датун») — утопического коммунизма с ликвидацией частной собственности и организацией общественного производства. Кан Ювэй использовал авторитет Конфуция для обоснования необходимости модернизации Китая. Он обосновывал полезность и необходимость реформ на примере деятельности Петра I в России, «возрождения Мэйдзи» в Японии, Великой французской революции, а также преобразований в Англии, Франции и Германии. На печальном опыте Польши и Турции он доказывал пагубность запоздания и нерешительности в деле модернизации общества.

В конце апреля Кан Ювэй и его ученики Лян Цичао и Май Мэнхуа составили одобренный собраниями меморандум императору. В этом Коллективном меморандуме содержался целый ряд требований и предложений. Кан Ювэй и его сторонники учли слабые стороны «самоусиления» и добивались многостороннего, комплексного обновления Китая. Цинское правительство проигнорировало Коллективный меморандум. Тем не менее он положил начало общественному движению за реформы 1895–1898 гг. Кан Ювэй и его сторонники в том же, 1895 г. стали издавать в Пекине свою ежедневную газету «Усиление государства» («Цянсюэбао») и создали своеобразный клуб сторонников реформ под названием «Ассоциация усиления государства» («Цянсюэхуэй»).

Их главная цель состояла не в создании буржуазного общества, а в возрождении могучей конфуцианской империи. По мнению Кан Ювэя, через десять лет после осуществления его программы реформ Китай смог бы завоевать гегемонию над остальными странами. Последователи Кан Ювэя отражали настроения широких патриотических кругов, готовых в этой экстремальной ситуации на все ради «спасения государства». Однако в декабре 1895 г. под нажимом реакционных столичных сановников и Цыси богдохан Цзайтянь был вынужден своим указом запретить деятельность Ассоциации и ее филиалов, а также закрыть газету реформаторов.

Между тем разъехавшиеся из Пекина по родным местам сторонники Кан Ювэя стали создавать там различные организации реформаторского толка — общества, клубы, научные ассоциации и школы. Кроме того, патриотический подъем вызвал к жизни множество газет, журналов и публицистической литературы либерального направления. Само движение за реформы не было однородным. На его правом фланге стояли вчерашние приверженцы политики «самоусиления» во главе с Чжан Чжидуном, а также ряд столичных и провинциальных сановников, в том числе цензоров. Наиболее многочисленным был центр движения — столичные и провинциальные *шэньши* и преподаватели во главе с Кан Ювэем и Лян Ци-чао. Неизмеримо слабее и малочисленнее было левое крыло реформаторского движения, возглавляемое Тань Сытуном и Тан Цайчаном. Эти хунаньские радикалы стояли за ликвидацию монархии и создание демократической республики, поддерживая связь с тайными обществами и патриотически настроенными офицерами.

Параллельно шло формирование революционно-демократического лагеря. Зачинателем революционного движения стал представитель новой интеллигенции Сунь Ятсен, получивший европейское медицинское образование. В ноябре 1894 г. в Гонолулу на Гавайях им был создан «Союз возрождения Китая» («Синчжунхуэй»). В январе следующего года в Гонконге возникло его главное отделение, а затем и филиал в Гуанчжоу. Они объединяли несколько сотен человек, поклявшихся «изгнать маньчжуров и возродить Китай». Революционерами двигали общенациональная идея спасения родины и ханьский национализм.

Реформаторов и сторонников Сунь Ятсена разделяло многое. Способ возрождения великого и процветающего Китая они видели по-разному. Для последователей Кан Ювэя это были легальные методы — пропаганда идей и мирные требования ради сохранения маньчжурского режима и превращения Китая в процветающую монархию. Постепенная модернизация общества ими мыслилась с опорой на старый строй при оздоровлении династии Цин за счет принятия ею улучшенных форм правления. Если сторонники реформ намеревались использовать опыт Европы, США и Японии для сохранения монархии и династии Цин, то революционеры хотели применить этот опыт для свержения маньчжурского режима и создания республиканского строя. Если их социальной средой являлись *шэньши*, старая интеллигенция и бюрократия, то последователи Сунь Ятсена рекрутировались из мелкобуржуазных слоев и новой интеллигенции. Это были торговцы, служащие, приказчики, врачи, адвокаты, преподаватели и эмигранты (*хуацяо*). К спасению родины революционеры шли через конспирацию, подпольную деятельность и подготовку восстаний с опорой на тайные общества (*хуэйдан*). Эти ханьские националисты планировали упразднить монархию, учредить

республику и создать демократическое правительство. Затем предстояло провести реформы в целях модернизации Китая.

Крайне малочисленные, но героически настроенные революционеры вступили в неравную схватку. В 1895 г. под руководством Сунь Ятсена готовилось восстание в Гуанчжоу. Однако в конце октября власти раскрыли подпольную организацию и предотвратили намечавшееся выступление. В августе 1900 г. «Союз возрождения Китая» совместно с тайным обществом «Триада» («Саньхэ») организовал восстание в приморских уездах вокруг Гуанчжоу под руководством Чжэн Шиляна. Под знаменами местных *хуэйданов* за оружие взялись 20 тыс. человек. Однако через месяц после начала боевых действий из-за недостатка продовольствия восстание захлебнулось. Одновременно сорвалось подготовленное Тан Цайчаном вооруженное выступление левого крыла реформаторов в Хунани. Штаб подпольной «Армии независимости» («Цзыли цзюнь») в Ханькоу был разгромлен властями, а его руководство казнено.

РАЗДЕЛ КИТАЯ НА «СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ»

Военное поражение Пекина в войне с Японией послужило для держав сигналом к началу дележа китайских территорий. Еще в апреле 1895 г. Николай II и кайзер Вильгельм договорились о планах раздела Китая. Добившись отказа Японии от захвата Ляодунского п-ова, русский царизм по сути отстоял Маньчжурию на будущее для себя. Между тем антияпонский демарш трех держав — России, Германии и Франции и возвращение Китаю Ляодунского п-ова произвели в Пекине огромное впечатление. Поскольку Англия выступила как закулисная союзница Японии, Ли Хунчжан и Аньхуэйская группировка в ходе войны стали искать помощи со стороны России. Хунаньская группировка, прежде всего Чжан Чжидун и Лю Кунь, также сменили свою ориентацию с Лондона на Петербург. Эти настроения еще более усилились после русско-французского займа Пекину в июле 1895 г. После коронации Николая II в Москве в мае 1896 г. С.Ю.Вите и Ли Хунчжан подписали секретный договор, оформлявший русско-китайский военный союз, направленный против Токио. Армии и флоты обоих государств в случае войны с Японией должны были сражаться совместно, а русские военные корабли могли заходить в любой порт Китая. Петербург получил право строительства железной дороги через провинции Хэйлунцзян и Цзилинь (КВЖД). Вслед за этим в августе 1896 г. был подписан официальный контракт на постройку дороги. Ее строительство должен был финансировать Китайско-русский банк, а все дела вести «Общество КВЖД», т.е. русская казна. Тем самым Маньчжурия становилась зоной преимущественного влияния царизма и русского капитала.

После заключения Симоносекского мира началось финансовое закабаление Китая империалистическими державами.

Внешний долг Пекина рос как снежный ком. За предшествовавшие 30 лет (1865–1894) Пекин получил всего шесть займов на сумму примерно в 40 млн. лянов (вместе с процентами задолженность составила 57 млн. лянов). Затем за пять последующих лет (1895–1899) Китай взял семь займов на общую сумму в

370 млн. лянгов. Из них 250 млн. ушло на выплату контрибуции Японии. Остальные 120 млн. составили предварительные удержания, комиссионные и проценты, а также расходы на содержание чиновников, на военные и административные нужды. В конечном счете внешний долг Китая в четыре раза превысил ежегодный доход казны.

В отличие от предшествующего периода основным средством экономического натиска 1895–1901 гг. стали внешние займы и железнодорожные концессии. Поскольку раздел мира между державами подходил к концу, встал вопрос о судьбе Цинской империи. В новых условиях внешние займы и железнодорожные концессии явились важными инструментами раздела Китая на «сферы влияния», «зоны монопольных интересов», «сферы особых привилегий» и средством захвата арендных территорий.

Уже в июне 1895 г. Китай заключил конвенцию с Францией, предоставлявшую последней права судоходства, открытия рудников и строительства железных дорог. Вслед за этим цинское правительство в 1895–1899 гг. было вынуждено подписать или официально признать около десятка других аналогичных документов и дипломатических представлений, открывавших дорогу экспансии держав в большинство собственно китайских провинций и Маньчжурию. «Битва за концессии» стала на время одним из основных узлов межимпериалистических противоречий в Китае. Острота этих противоречий побудила державы прийти к соглашению за счет Пекина. В итоге возникла серия двусторонних соглашений, деливших территорию Цинской империи на «сферы железнодорожных интересов». В общей сложности за 1896–1898 гг. цинское правительство вынуждено было подписать соглашения на строительство железных дорог протяженностью в 10 тыс. км. Эта система соглашений практически оформила в 1897–1898 гг. раздел Цинской империи на «сферы влияния». К Англии отошел почти весь бассейн Янцзы и значительная часть юго-западных провинций. Население английской «зоны» насчитывало 180 млн. человек. Зоной «особых интересов» Франции стали Юньнань, Гуанси, западная часть Гуандуна и о-в Хайнань. Царская Россия закрепила за собой Маньчжурию. В «зону» русского влияния входили также Монголия и Синьцзян. Германия стала хозяйничать в Шаньдуне. Япония превратила Фуцзянь в «сферу» своего влияния. Даже Италия, правда неудачно, пыталась сделать то же самое с Чжэцзяном. США не приняли участия в территориальном разделе Цинской империи. В 1899 г. они провозгласили принцип «открытых дверей» («доктрина Хей»), обосновывая свое право действовать в Китае без учета «сфер влияния».

В «сферах влияния» создавались военно-морские базы держав. Бухты и прилегающие районы выводились из-под юрисдикции Китая и становились иностранными анклавами на территории Цинской империи. Такие захваты оформлялись договорами об «аренде». В 1887 г., воспользовавшись убийством двух немецких миссионеров, кайзер Вильгельм послал военную эскадру для захвата бухты и порта Цзяочжоу на юге Шаньдунского п-ова. В марте следующего года по договору с Пекином Германия получала в «аренду» территорию вокруг бухты Цзяочжоу на 99 лет, право построить в Шаньдуне две железнодорожные линии и вести разработку рудных богатств в полосе этого строительства. Воспользовавшись захватом Цзяочжоу Германией, Николай II в 1897 г. послал военную эскадру для

занятия Люйшуня (Порт-Артур) и Даляня (Дальний). На следующий год домогательства Петербурга были оформлены договором: в марте 1898 г. Россия получила в аренду сроком на 25 лет Порт-Артур в качестве закрытой военной базы, Дальний как торговый порт и южную оконечность п-ова Ляодун. Царское правительство добилось права соединить железнодорожной линией Порт-Артур и Дальний с КВЖД.

В создавшейся ситуации Лондон и Париж сочли себя обделенными сторонами, что якобы давало им право на аналогичные действия. В мае 1898 г. Франция потребовала от Китая передачи ей бухты Гуанчжоувань и части п-ова Лэйчжоу на юге Гуандуна. Эти владения с прилегающими островами передавались Франции в аренду на 99 лет для создания военной базы. В мае того же года Англия получила в аренду Вэйхайвэй в качестве военной базы сроком на 25 лет как противовес русским форпостам — Порт-Артуру и Дальнему. При этом Лондон признал Шаньдун сферой влияния Германии. Кроме того, в противовес захватченному Францией Гуанчжоуваню Лондон добился в июне 1898 г. аренды части п-ова Цзюлун к северу от Гонконга сроком на 99 лет. В эти «Новые территории» английской колонии вошли также ближайшие бухты и острова.

С 1895 по 1901 г. цинское правительство было вынуждено подписать 16 различных договоров, конвенций и соглашений, дававших иностранному капиталу право производить угольные и рудные разработки. Началось создание как смешанных китайско-иностраннных шахт и рудников, так и целиком иностранных добывающих компаний. В те же годы в иностранном секторе наступила пора грюндерства в обрабатывающей промышленности. Она началась сразу же после отмены в числе прочих преград запрета на ввоз хлопкопрядильных машин. В 1896–1899 гг. наступил первый подъем фабричного предпринимательства в Китае. Появился ряд новых пароходных компаний.

Резко расширился доступ «варварских» товаров на китайский рынок. С 1896 по 1899 г. для внешней торговли были открыты 11 новых городов и портов. В их числе были такие крупные центры, как Ханчжоу, Нанкин, Сучжоу, Шаши и Юэян. Летом 1898 г. под давлением держав Цинская империя на всех своих реках и озерах предоставила свободу иностранному судоходству. В итоге с 1895 по 1901 г. объем внешней торговли Китая увеличился почти на 40%. Несмотря на неуклонный абсолютный рост, торговая экспансия постепенно отступала на второй план, уступая ведущую роль в деле подчинения Китая экспорту капитала. В 1897 г. в Китае насчитывалось около 600 иностранных фирм и компаний.

«СТО ДНЕЙ РЕФОРМ»

После Симоносекского мира вдовствующая императрица Цыси вновь должна была отойти в тень и вернуть официальное руководство страной богдохану Цзайтяню. По окончании войны правительство в очередной раз принялось за модернизацию вооруженных сил. В лагере хуайских войск в Сяочжане под Тяньцзинем был сформирован «учебный корпус» под командованием Юань Шикая и его помощников — военачальников Хуайской армии. «Учебный корпус» был снабжен современным оружием, его подготовкой руководили немецкие офице-

ры. Сяочжаньский лагерь стал базой для создаваемой новой армии. Вскоре корпус был переименован в «Новую полевую армию» и стал пополняться новыми офицерскими и унтер-офицерскими кадрами из специально для этого открытой сети военных школ и училищ. Главным среди них было обновленное Бэйянское военное училище (академия) в Тяньцзине. В итоге в районе Тяньцзиня стала складываться Сяочжаньская генеральско-офицерская группировка — зародыш будущей Бэйянской милитаристской клики во главе с «отцом новой армии» — Юань Шикаем. Тем самым династия Цин снова, как и после поражения в войне 1884–1885 гг., возвращалась к односторонней практике «усвоения заморских дел» и готовила «второе издание» политики «самоусиления».

Видя это, передовая часть *шэньши* и старой интеллигенции все настойчивее требовала реформ. Одно за другим возникали «научные ассоциации» для изучения экономических и научных достижений стран Запада. Эти клубы строились по земляческому признаку — уроженцы той или иной провинции объединялись в свои ассоциации. К апрелю 1898 г. в Пекине возникло восемь таких организаций. Кроме того, было создано патриотическое общество «Союз познавших позор». В середине апреля 1898 г. Кан Ювэй и его окружение основали в Пекине всекитайское общество патриотов и сторонников реформ — «Союз защиты государства» («Баогохуэй»). В Пекине и Шанхае находились центральные органы Союза, а во всех провинциях и округах — его отделения. Эти умеренные реформаторы все свои надежды возлагали на 28-летнего императора Цзайтяня. Кан Ювэй продолжал направлять во дворец все новые меморандумы с призывами приступить к осуществлению реформ и с критикой существующего положения. Сторонники реформ намеревались соединить традиционную бюрократическую основу общества с «обновленным» конфуцианством. Они полагали, что восстановления международного престижа Китая и укрепления страны можно достигнуть путем проведения императором политики протекционизма и поощрения национального капитала и просвещения.

Тем не менее даже это крайне умеренное и верноподданническое движение патриотически настроенных *шэньши* и честных чиновников натолкнулось на сильное противодействие «партии императрицы». В начале июня 1898 г. умер великий князь Гун, что открыло сторонникам реформ доступ во дворец. Там царил растерянность. Реакционная цинская бюрократия ничего конструктивного предложить не могла. Богдохан прислушался к советам Кан Ювэя. С проведением реформ Цзайтянь связывал и свои честолюбивые замыслы — стать спасителем государства, укрепить династию Цин и отобрать реальную власть у Цыси.

11 июня 1898 г. был издан императорский указ, возвещавший о новом курсе государственной политики. Начался краткий период преобразований, или «сто дней реформ» (*усюй бяньфа*). В этой перемене внутривластного курса Цыси увидела опасность ослабления собственной власти и стала спланировать силы противников реформ. Зная о настроениях императрицы, Цзайтянь побоялся назначить Кан Ювэя на руководящую должность. Тем не менее богдохан создал при себе своего рода «внутренний кабинет» по проведению новой политики. В качестве особо доверенных сановников в него вошли четыре видных представителя движения реформаторов, в том числе Тянь Сытун. Фактически их деятельностью руководил Кан Ювэй, получивший второстепенную должность в Цзунли ямэне.

Через «внутренний кабинет» стали проходить все документы, направляемые во дворец. Его члены готовили докладные записки и проекты императорских эдиктов. В течение 103 дней — с 11 июня по 21 сентября 1898 г. — Цзайтянь по инициативе реформаторов издал несколько десятков указов, направленных на «искоренение старого и распространение нового». В них шла речь об устранении второстепенных, но уже явно бесполезных звеньев государственной бюрократической системы. В равной мере в них привносились столь же далекие от радикализма новшества. В сфере экономики прокламировалось всяческое поощрение развития и усовершенствования земледелия, промышленности, в том числе горнодобывающей, а также транспорта, ремесла и торговли. Купцам была обещана защита от незаконных поборов со стороны чиновников.

Ряд реформаторских указов касался просвещения. В Пекине планировалось открытие университета и медицинского института, а также подготовительных школ для поступающих в эти вузы. Всячески поощрялось создание частных школ. Особое внимание уделялось изучению «западных наук», включенных в школьные программы. Для этого предполагалось переводить и издавать иностранные книги и учебники. Кроме того, предполагалось развитие новых типов школ — «западных наук», переводчиков и с ускоренной программой. Планировалось открытие специальных учебных заведений — горнорудных, железнодорожных, мореходных и агротехнических училищ. В старой и новой системах образования отменялись традиционные архаичные «восьмичленные сочинения» на школьных и уездных экзаменах. Поощрялось открытие новых газет.

Большое внимание уделялось реорганизации армии по западному образцу и оснащению ее современным оружием, в том числе переобучению и перевооружению пекинского гарнизона. Началось обновление госаппарата. Упразднялись ненужные и архаичные учреждения в Пекине, ликвидировались некоторые должности и сокращались чиновные штаты. Менялась система государственных экзаменов на получение ученого звания и затем чиновничьей должности. Здесь также были отменены «восьмичленные сочинения», вводились экзамены по современной политике и экономике. Было объявлено о реформе системы военных экзаменов и отмене придворных экзаменов. Всем чиновникам, *изъыми* и лицам других сословий разрешалось подавать меморандумы императору. Планировалось создание местной полиции и современной почты, а также развитие телеграфной сети. Предполагалось разрабатывать и публиковать государственный бюджет, а также исполнять его.

Как видим, «партия реформ» осмелилась лишь на весьма безобидные практические мероприятия в областях экономики, просвещения и госуправления. Она не решилась пойти на крупные политические перемены. «Обновление» конфуцианства лишь только предполагалось. Могущество реакционного лагеря было столь велико, что Цзайтянь и его «внутренний кабинет» не торопились начать реформу государственного строя империи. Реформы 1898 г. были направлены не на разрушение традиционного строя, а на его омоложение за счет устранения наиболее одиозной, уже нетерпимой архаики. Привнесение в старое общество технических и организационных элементов, заимствованных у Запада носило инструментальный характер в деле возвращения Срединной империи былого величия. Движение за реформы 1895–1898 гг. не имело прочной социальной базы и было обречено.

Сторонники Кан Ювэя не могли опереться на китайскую буржуазию. Последняя едва только возникла, была еще крайне малочисленна и предельно слаба. Ее младенческое состояние, в свою очередь, предопределило тот факт, что реформаторы еще не могли быть выразителями ее интересов. Тем не менее реформы в целом были встречены в штыки традиционалистской массой бюрократии и военных, особенно придворными и «восьмизнаменными». Против нововведений было настроено подавляющее большинство *шэньши* и интеллигенции старого склада. Ожесточенное сопротивление этих феодальных сил сделало невозможным осуществление большинства начинаний Кан Ювэя и Цзайтяня. Цзайтянь был вынужден издать более 20 указов с угрозами и строгими предупреждениями в адрес противников реформ. Когда это не подействовало, богдохан уволил со службы некоторых из высокопоставленных саботажников, в том числе Ли Хунчжана. Более того, Цзайтянь просил у Цыси разрешения на проведение чистки в среде сановников-реакционеров.

Ситуация в Пекине предельно обострилась. Цыси, наместник столичной провинции Жунлу, князь Цин и другие лидеры «партии императрицы» начали готовить государственный переворот с целью свержения богдохана и реформаторского «кабинета». Операцию планировалось осуществить в октябре, когда весь двор должен был собраться в Тяньцзине на показательные маневры «новых войск» Юань Шикая под Сяочжанем. Для поддержки переворота сюда перебрасывалась армия Не Шичэна, а из Ганьсу были вызваны войска Дун Фусяна, славившиеся своей жестокостью. Положение реформаторов и Цзайтяня оказалось настолько шатким, что они, в свою очередь, решили использовать против своих противников войска. По плану Тань Сытуна и Цзайтяня при помощи офицеров и солдат «учебного корпуса» Юань Шикая во время маневров надлежало арестовать Цыси, Жунлу и прочих реакционеров. Реформаторы и Цзайтянь решающую роль доверили Юань Шикаю. Этот лицемер и карьерист разыгрывал из себя преданного реформатора, был обласкан богдоханом и получил сановную должность. Однако в самый решающий момент он выдал замыслы «партии императора» своему непосредственному начальнику Жунлу, а тот императрице.

Ночью 21 сентября Цыси силами дворцовой гвардии осуществила государственный переворот. Цзайтянь был арестован и посажен под домашний арест. Его приближенные были казнены. Цыси от имени богдохана издала указ о передаче ей всей верховной власти в стране. В Пекине прошли обыски и аресты реформаторов. В том числе были схвачены Тань Сытун и еще пять видных последователей Кан Ювэя. Однако последнему и Лян Цичао при помощи иностранцев удалось бежать. Спасаясь от ареста, многие реформаторы тайно покинули Пекин. 28 сентября Тань Сытун и пять других реформаторов были казнены без суда и следствия. Еще раньше оказались распущенными «Союз защиты государства» и другие ассоциации сторонников нововведений. Большинство указов Цзайтяня, изданных в течение «ста дней реформ», было отменено. Цыси намеревалась отправить арестованного императора, но разногласия по вопросу престолонаследия, противодействие со стороны ряда сановников и отрицательная реакция держав на дворцовый переворот сохранили ему жизнь.

Из крупных начинаний сторонников Кан Ювэя Цыси сохранила лишь программу военной реформы. В октябре 1898 г. началось формирование четырех

модернизированных армейских корпусов. Кроме того, в декабре 1898 г. Цыси демонстративно открыла задуманный реформаторами Пекинский университет.

После сентябрьского переворота реформаторское движение в самом Китае фактически прекратилось. Оно сохранилось только в эмигрантской среде с центром в Японии. Летом 1899 г. Кан Ювэй с рядом своих последователей создал здесь реформаторский «Союз защиты императора» («Баохуанхуэй»), или «Партию защиты императора» («Баохуандан»). Новая организация ставила своей целью вернуть реальную власть Цзайтяню, свергнуть господство «партии императрицы» и развернуть новую полосу умеренных реформ. Кан Ювэй и Лян Цичао оставались главными идеологами оппозиционно настроенных *шэньши* и интеллигенции Китая.

ВОССТАНИЕ ИХЭТУАНЕЙ

Переворот 1898 г. знаменовал собой откат в прошлое — ответную реакцию на «европеизацию» Китая. Борьба против «варваров» и «заморских» машин резко расширилась и приняла наиболее острые формы, особенно на севере — в Чжили, Шаньдуне и Маньчжурии. Здесь иностранное проникновение было новым и непривычным явлением, вызывавшим поэтому крайне болезненную реакцию населения. К концу XIX в. в экономике этого региона произошли резкие изменения. В результате импорта фабричных товаров, интенсивного строительства железных дорог, развития морского пароходства, падения объема перевозок по Великому каналу, появления современной почты и телеграфа лишились работы, дополнительного заработка и разорились несколько миллионов человек, в одном только Чжили — более миллиона. Потеряли работу многочисленные труженики традиционных видов транспорта и связи. Это были лодочники, возчики, *кули* — носильщики и грузчики, погонщики, охранники и гонцы. В итоге на севере Китая в конце 90-х годов назрел крупный социальный взрыв, направленный в первую очередь против «заморских дьяволов». Назревание антииностранного взрыва было ускорено катастрофическим ухудшением уровня жизни крестьянства северных провинций в результате ряда засушливых лет. В 1898 г. к ним добавилось крупное наводнение в долине Хуанхэ, после чего река ежегодно прорывала дамбы. Особенно страдали юго-восток Чжили и зона Великого канала в Шаньдуне. В результате с 1899 г. большинство областей страдало от голода. Весной 1900 г. север Китая поразила особенно сильная засуха, только в Шэньси голодало 4 млн. человек. Засуха вызвала эпидемию холеры и других инфекционных болезней. Население обвиняло во всем «заморских дьяволов». Люди верили, что, уничтожив иностранцев, можно покончить с голодом.

Организаторами антииностранной борьбы в Шаньдуне и Чжили стало несколько тайных обществ, практиковавших даосские физические упражнения (*цюань*). Они напоминали кулачный бой, что и побудило иностранцев назвать их членов «боксерами». Это же отразилось и в названии главного общества — «Ихэцюань» («Кулак во имя справедливости и мира»). Конгломерат этих тайных обществ чаще всего именовался «Ихэтуань» («Отряды справедливости и мира»).

Последнее дало название всему движению, а его участники чаще всего именовались *туань* («отряды») и *цюань* («кулаки»). Сами же *ихэтуани* именовали себя «священными воинами», «справедливыми людьми» и «священными отрядами». Поклоняясь традиционным божествам, святым и духам, они отдавали предпочтение богу войны Гуаньди. *Туани* верили, что даоская гимнастика, заклинания и амулеты делали их бессмертными и неуязвимыми для «варварских» пуль и снарядов. Для этого они проходили специальную усиленную подготовку у своих «алтарей» под руководством особых наставников, а затем объединялись в отряды. В их среде процветали мистицизм и черная магия, а также разного рода суеверия.

Движение «Ихэтуань» возникло как реакция низов средневекового общества на иностранную экспансию, как крайне консервативное и обскурантистское движение средневекового типа. Его идеологическими знаменами были конфуцианство, феодальный патриотизм и ярая ксенофобия, оно было крайне далеко от сознательного антиимпериализма. Идеология *ихэтуаней* своими темными сторонами — мистицизмом и суевериями — была близка к взглядам и психологии «партии императрицы». Ксенофобия *туаней*, отсталость и стихийность крестьянской массы, ее стремление к разрушению и конфуцианская ортодоксальность впоследствии содействовали союзу *туаней* с наиболее реакционными силами китайской деспотии. Даже в период репрессий местных властей против «смутьянов» *цюани* афишировали свои верноподданнические чувства. Их угрозы относились лишь к тем, кто осуществлял нововведения и контакты с Западом. Сама же династия и особенно императрица Цыси оставались вне критики.

Наиболее остро ненависть к «заморским дьяволам» проявлялась в Шаньдуне, где с поразительной наглостью стали хозяйничать немцы — военные, чиновники, концессионеры, предприниматели и миссионеры. Движение *ихэтуаней* началось весной 1898 г. на границе Шаньдуна и Чжили. Той же осенью «священные воины» выступили и на юго-востоке Чжили. Основным их лозунгом был клич «Поддержим Цин, смерть иностранцам!». *Туани* беспощадно уничтожали все «варварское» — иностранцев, христианские церкви, школы и библиотеки, миссионеров и китайцев-христиан, а также их жилища. Они разрушали железные дороги, телеграф и оборудование, уничтожали любые импортные товары, жгли европейские книги. Движение «Ихэтуань» объединило под своими знаменами самые консервативные силы Китая. Этот взрыв отчаяния маргинальных слоев общества в Северном Китае был ответом на принудительное насаждение извне современных форм жизни. *Туани* не выступали сколько-нибудь серьезно ни против чиновников, ни против местных *шэньши*, ни против помещиков, ни против маньчжурского господства и самой династии Цин. Они боролись за укрепление всего режима в целом, за сохранение конфуцианского «порядка» против его разрушителей — «заморских дьяволов», будучи весьма благонамеренными подданными, а отнюдь не повстанцами.

Основная масса бюрократии, придворных и *шэньши* практически выступала с *ихэтуанями* заодно, хотя для правительства они были еще какое-то время «смутьянами» и «бандитами». Цыси, маньчжурская верхушка и китайские сановники поначалу враждебно отнеслись к движению «Ихэтуань», увидев в нем, как и в любом массовом вооруженном выступлении, «бунт», направленный против существующего порядка. Между тем угроза реального раздела Китая заставляла им-

ператорский двор внять антииностранным лозунгам *туаней* и попытаться использовать «священные отряды» для изгнания из Поднебесной наглых пришельцев.

Таким образом, в правящем лагере не было единства по этому вопросу. Довольно сильная группировка ярых ксенофобов и крайних реакционеров во главе с князем Дуанем, Цзайланем и Ганьи требовала использовать *ихэтуаней* против внешнего врага. Против поддержки *цюаней* и обострения отношений с державами выступала другая группировка сановников. Вдовствующая императрица не могла сочувствовать народному движению, но в то же время наказывала и отстраняла наиболее ретивых генералов-карателей. В конечном счете Цыси сохранила «священные отряды» для двойного удара — по «заморским варварам» и по сторонникам модернизации Китая. *Ихэтуани* считали предателями родины и деятелями «самоусиления» и реформаторов.

Присоединение шаньдунских «священных отрядов» к чжилийским увеличило размах движения. Двумя колоннами *туани* начали поход на север. Первая двинулась вдоль Великого канала на Тяньцзинь, а вторая пошла на Пекин. И той и другой пришлось вести бои с правительственными войсками. После ряда военных успехов численность «священных воинов» в мае–июне 1900 г. возросла до 100 тыс. бойцов. Лидеры *туаней* не создали единого командования и действовали разобщенно. Среди вожakov выделялись шэньсиец Ли Лайчжун, бывший лодочник Чжан Дэчэн и люмпен Цао Футянь. Среди их вождей было много бедняков и пауперов, а особым женским отрядом командовала проститутка Хуан Лянь.

В конце мая 1900 г. «справедливые люди» начали разбирать рельсы, сжигать железнодорожные станции, валить телеграфные столбы и уничтожать всевозможное «заморское» оборудование. *Ихэтуани* разрушали все здания европейского типа и даже уничтожали трофейное оружие западного образца. *Туани* громили отечественные торговые и финансовые предприятия и учреждения с такой же яростью, как и собственность иностранного капитала.

Новые успехи движения встревожили западные державы. С весны 1900 г. их представители в Пекине требовали от правительства скорейших мер по подавлению восстания «боксеров». В начале июня державы сосредоточили на рейде в Дагу более 20 военных кораблей и усилили охрану посольского квартала в Пекине, а также иностранных селтльментов в Тяньцзине. В Тангу высадился крупный десант из воинских частей Англии, Германии, России и Франции. К ним присоединились отряды США, Италии, Японии и Австро-Венгрии. Во главе этих объединенных сил общей численностью более 2 тыс. человек был поставлен английский вице-адмирал Э.Сеймур. Он должен был пробиться в Пекин и взять под охрану посольский квартал. В трех захваченных китайских железнодорожных составах 10 июня экспедиция двинулась из Тяньцзиня к столице. Однако на полпути она была остановлена *ихэтуанями*. Начались бои на станциях Лофа и Лянфан. Веря в свою неуязвимость и бессмертие, *цюани* бесстрашно бросались в атаки, массами гибли под огнем пулеметов, орудий и винтовок, но вновь и вновь кидались в схватку. Кроме того, они разобрали железную дорогу в тылу войск Сеймура. Экспедиция попала в ловушку. Отступая вдоль Великого канала, отбиваясь от наседавших «священных отрядов» и правительственных войск, она с большим трудом в конце июня вернулась в Тяньцзинь.

Скопление иностранных эскадр с десантом у Дагу побудило Цыси сделать выбор. В ее окружении верх одержала группировка князя Дуаня и Ганъи. На секретном совещании в начале июня было решено прекратить карательные операции против *ихэтуаней*. Для установления союза с ними в район их наибольшего сосредоточения в Чжочжоу направлялась специальная миссия во главе с Ганъи. В Пекин срочно была введена известная своей ксенофобией армия Дун Фусяна. Несколько десятков тысяч *ихэтуаней* во главе с Ли Лайчжуном двинулись к Пекину, где их уже ждали. Маньчжурские князья открыли им крепостные ворота, и с 11 июня «священные отряды» начали постепенно вступать в столицу. От поджогов церквей, построек миссионеров и домов христиан *туани* перешли к поголовному уничтожению всех христиан, а также лиц, хоть как-то связанных с иностранцами, в том числе имевших «заморские» товары, бытовые изделия или одежду. Затем пришельцы приступили к грабежу и поджогам богатых лавок, зданий фирм и жилых домов. Три дня горел разграбленный ими богатейший торговый район Пекина, где сгорело более 4 тыс. зданий. Убийства и грабежи начались даже в Запретном городе. Войска Дун Фусяна и *ихэтуани* приступили к осаде посольского квартала. Так начались «56 дней пекинского сидения» иностранцев. Еще раньше началась 63-дневная осада католического храма на Сишику, где укрылись многие европейцы и около 3 тыс. китайцев-христиан.

Правительственные войска в Пекине не только не мешали «справедливым людям» убивать, грабить и устраивать пожары, но и сами карали «заморских дьяволов». Именно от их рук погибли японский дипломат Сугияма Хин и германский посланник К.Кеттелер. Большинство солдат армии Дун Фусяна вступило в общество «Ихэтуань». Наместник Чжили заключил союз с *цюанями*, и в середине июня они вошли в Тяньцзинь и блокировали территорию иностранных концессий. В самом городе и вокруг него сконцентрировалось до 30 тыс. повстанцев во главе с Чжан Дэчэном, Цао Футянем и другими вожаками.

Неудача экспедиции Сеймура побудила державы приступить к подготовке большого похода в Китай, а для этого им нужен был надежный плацдарм в устье Байхэ. Дабы обрести его, командующие иностранных эскадр потребовали сдать им форты Дагу. 17 июня, после семичасового артобстрела и ожесточенного штурма, иностранные десанты овладели укреплениями Дагу. 21 июня Цыси официально объявила войну державам и пошла на открытый союз с обществом «Ихэтуань». Последнее получило легальный статус и императорское поощрение. Цинские войска в войне с «варварами» должны были взаимодействовать с отрядами «братьев-*ихэтуаней*», которых правительство попыталось поставить под свой контроль.

Большой остроты движение достигло в ряде городов Маньчжурии и в полосе строительства южной линии КВЖД в Фэнтяни, откуда изгонялись русские строители и охранные отряды. Собрав 18 тыс. солдат и сильную артиллерию, губернатор Хэйлунцзяна Шоу Шань организовал 19-дневный обстрел Благовещенска и русских пароходов на Амуре, а также осаду русского селтльмента в Харбине. После артобстрела селтльмента и ряда атак цинские войска готовились к его решительному штурму, но он был остановлен подошедшими русскими войсками.

Локальные очаги движения образовались во многих провинциях собственно Китая. Однако в Восточном и Южном Китае бюрократия решительно отмежевалась от этого движения и убеждала правительство разгромить *ихэтуаней*. В своих

наместничествах и провинциях здешние сановники сделали все, чтобы не допустить его опасного развития. Наместники Хугуана, Лянцзяна и Лянгуана боялись «смуты» в своих регионах. Они сделали максимум возможного для ограждения иностранцев и христиан от антииностранных выступлений. В этих вопросах наместники взаимодействовали с представителями держав, а в конце июня совместно с их консулами выработали сепаратное соглашение — «Правила совместной обороны Юго-Восточных провинций». Этим документом наместники гарантировали мир и порядок в долине Янцзы и южнее ее, а консулы — в сэттльменте Шанхая.

После падения Дагу сюда стали прибывать свежие подкрепления из Германии, России, Англии, США и Японии. В середине июля союзники начали бои за овладение Тяньцзинем. Огонь иностранных орудий, пулеметов и винтовок косил ряды *цюаней*, шедших впереди правительственных войск, а те стреляли им в спину, если атака захлебывалась. 13 июля последовал генеральный штурм. Цинские войска и *туани* потерпели поражение и оставили город. На следующий день победители вступили в Тяньцзинь. Цао Футянь попал в их руки и был распят, а вскоре окрестные помещики расправились с Чжан Дээном. Свою победу интервенты ознаменовали массовыми расстрелами мирных жителей, которых они принимали за *ихэтуаней*.

Войска союзников скапливались в Тяньцзине и готовились к походу на Пекин. В их числе находились 10 тыс. японцев, 4 тыс. русских, 3 тыс. индусов-сипаев под командой англичан и 2,5 тыс. американцев. Остальные страны были представлены небольшими или символическими подразделениями. Всего карательная армия насчитывала 21 тыс. человек. Главнокомандующим был назначен немецкий фельдмаршал А. Вальдерзее.

Еще до его прибытия в Китай союзная армия восьми государств 4 августа 1900 г. двинулась вдоль Великого канала к столице империи. В походе участвовало 15 тыс. иностранных солдат и офицеров. Между Тяньцзинем и Пекином им противостояли не менее 50 тыс. цинских солдат, не имевших поддержки со стороны *ихэтуаней*, так как их тяньцзиньская группировка распалась, а пекинские отряды остались оборонять столицу.

После поражений цинских войск у Бэйцана, Янцуня и Хэсиу в Пекине началась паника. 14 августа через пролом во взорванной городской стене японские и русские части ворвались в Пекин, подавляя отчаянное сопротивление цинских войск и последних отрядов *туаней*. На рассвете следующего дня Цыси, император Цзайтянь, маньчжурские князья и высшие сановники тайком бежали из Пекина, когда в столице еще продолжались последние уличные бои. После этого Пекин капитулировал. Цинские войска прекратили боевые действия. Только лишь части Дун Фусяна, отступая к Шэньси, продолжали оказывать сопротивление союзным войскам.

Одновременно с походом на Пекин началось наступление в Маньчжурии. В начале августа русские войска форсировали Амур. Здесь они устроили кровавую бойню, известную как «благовещенская резня». Вслед за тем последовало продвижение русских войск на юг. В конце августа пал Цицикар, в конце сентября капитулировал Гирин, а в начале октября наступавшие вошли в Мукден. Навстречу им двигались подкрепления из Порт-Артура. В течение двух месяцев вся Маньчжурия была оккупирована, и началось восстановление разрушенных участков железных дорог.

Цыси обосновалась в Сиане. В начале сентября императорским указом *ихэтуани* были объявлены виновниками всех бед и подлежали беспощадному искоренению.

Войдя в Пекин, интервенты устроили здесь массовые грабежи. Громили все — храмы, библиотеки, магазины и частные жилища. Императорские и княжеские дворцы были дочиста разграблены. Из столицы в Тяньцзинь шли целые железнодорожные составы, груженные награбленным добром, в том числе драгоценностями, произведениями искусства и антиквариатом. Победители казнили всех, кого считали скрытыми *ихэтуанями*. Особенно зверствовали японская военщина и германские части. Издевательства над населением и насильование китайцев были обычным явлением.

После падения Пекина часть *ихэтуаньских* отрядов еще продолжали борьбу в Чжили, Шаньси и Маньчжурии. Против них действовали как цинские войска, так и союзные части. В сентябре в Китай с 22-тысячным германским корпусом прибыл Вальдерзее и с небывалым рвением развернул карательные акции. Подозреваемых в причастности к *туаням* казнили, их дома и целые деревни сжигались.

Россия стремилась поскорее вывести свои войска из Чжили. Все свое внимание Петербург сосредоточил на укреплении позиций в Маньчжурии, для чего велись сепаратные переговоры с Ли Хунчжаном.

В конце октября 1900 г. в Пекине начались переговоры между уполномоченными держав и Китая. Пекинская конференция продолжалась почти год и в конце концов выработала свой «Заключительный протокол». Согласно ему, Китай должен был выплатить в качестве контрибуции 450 млн. ляннов с рассрочкой на 39 лет плюс 4% годовых, т.е. в итоге около 1 млрд. ляннов. Форты Дагу и все укрепления между Тяньцзинем и Пекином подлежали уничтожению. Войска держав могли занимать 12 пунктов по железной дороге Пекин–Тяньцзинь «для поддержания свободного сообщения между столицей и морем». В Пекине создавался укрепленный посольский квартал — своего рода «государство в государстве». Каждое посольство могло иметь здесь свою вооруженную охрану с пулеметами и орудиями. Цинское правительство обязывалось наказывать своих подданных смертной казнью за антииностранные выступления. Китай обязался убрать последние формальные препятствия для освоения своего внутреннего рынка иностранным капиталом. 7 сентября 1901 г. Ли Хунчжан и князь Цин подписали «Заключительный протокол».

Ихэтуаньская («боксерская») контрибуция, выплата которой растянулась вплоть до Второй мировой войны, вчетверо превышала контрибуцию Японии по Симоносекскому договору. *Ихэтуани* вызвали к жизни нечто вроде «единого фронта» держав против Китая. До 1899 г. единства среди них не наблюдалось, и Пекин тогда еще мог играть на противоречиях между ними. В итоге движение «Ихэтуань» не только не покончило с колониальным закабалением Китая, а наоборот, невольно ускорило этот процесс. Раздел Китая на «зоны монопольных интересов» полностью сохранился. Более того, провинция Чжили фактически превратилась в своего рода «коллективную сферу влияния» держав с правом последних иметь там свои войска и вводить новые. Речь теперь шла не о разделе, а о переделе «зон монопольных интересов». Движение *ихэтуаней* усугубило и политическое и экономическое закабаление Китая, привело к серьезному ухудшению его статуса, существенно ослабило способности страны сопротивляться усилившейся экспансии Запада.

«НОВАЯ ПОЛИТИКА» ЦИНОВ
В МОНГОЛИИ

Активизация действий китайских торговцев на рубеже XIX–XX вв. была связана с коренным изменением международного положения Цинской империи и ее монгольской окраины в результате краха политики изоляции Китая, вторжения в страну иностранного капитала, ее раздела на сферы влияния между западными державами. В этом заключается причина разрастания компраторских функций китайских фирм, превращения их в проводников влияния и, в определенной степени, агентуру англо-американских и частично японских и германских фирм, что открывало империалистическим державам дополнительные возможности для проникновения в глубь Азии. Наплыв дешевой европейской, американской и японской фабричной продукции в Китай и последующий ввоз ее в Монголию, в частности текстиля, под видом весьма популярных у монголов якобы «китайских» сортов тканей — *далембы*, *жецуембы*, — укрепляли позиции китайцев в обострившейся конкурентной борьбе за сохранение их господства на монгольском рынке, угроза которому неуклонно нарастала со стороны торгово-промышленных кругов России.

Так, согласно Кульджийскому трактату от 1851 г., Айгуньскому и Тяньцзиньскому от 1858 г. и особенно Пекинскому от 1860 г. договорам между Российской и Цинской империями, вдоль вновь уточненных границ между Россией и Монголией, а также между Россией и Маньчжурией, Баргой и Синьцзяном устанавливалась полоса в 50 верст по обе стороны от демаркационной линии, где разрешалась беспошлинная торговля. А правила сухопутной торговли между Россией и Китаем, подписанные 20 февраля 1862 г. в дополнение к Пекинскому договору и расширенные в 1869 г., распространили это право для русских купцов на всю территорию Внешней Монголии.

Помимо торговых привилегий Россия добилась от Пекина и политических уступок. В 1861 г. в Урге впервые было открыто русское консульство, а по Петербургскому договору от 1881 г. русские консульства учреждались также в Кобдо (открыто в 1905 г.) и Улясутае (в 1911 г.).

Следует отметить, что, несмотря на все эти договоры и соглашения, а вероятно благодаря им, общая антироссийская направленность маньчжурской политики в Монголии во второй половине XIX в. не только не ослабла, но и усилилась.

По-прежнему цинское правительство главное острие своей северной политики направляло против России, стремясь сохранить Монголию в качестве военного форпоста и барьера между Россией и Китаем; оно оказывало сопротивление всему новому, что шло в страну из России и через нее.

Тем не менее, получив к 80-м годам XIX в. полный карт-бланш для своего развития, русская торговля в Монголии к 1900 г. увеличила свои обороты почти в 80 раз по сравнению с 1861 г. (с 218 тыс. до 16 900 тыс. золотых рублей).

Рост торговли, открытие многочисленных купеческих контор в Урге, Улясу-тае, Кобдо, Улангоме и торговых факторий в сельской местности, предоставление им частного и государственного кредита, создание в 1902 г. акционерного Общества рудного дела Тушетуханского и Цеценханского *аймаков* — «Монголора» с участием 29 крупных промышленников России и получение им концессии на добычу золота, притязание на предоставление России монопольного права на промышленное и железнодорожное строительство на монгольской территории — все это в условиях продолжавшегося фактического раздела цинского Китая свидетельствовало о постепенном претворении в жизнь планов самодержавия в отношении Монголии, разработанных еще в период тайпинского восстания. Их суть была сформулирована министром иностранных дел А.М.Горчаковым и заключалась в том, чтобы «держатъ монголов в мирных и самых дружеских к нам отношениях и всеми мерами (отнюдь не насильственными) стараться подчинить их нашему влиянию». Эта установка стала основополагающей в действиях царского правительства в Монголии, особенно активизировавшихся после поражения России в войне с Японией в 1905 г. и заключения тайного соглашения с Японией о разделе сфер влияния в регионе Восточной Азии от 30 июня 1907 г.

Укрепление экономических позиций России в Монголии (в 1909 г. оттуда вывозили 12% кожевенного сырья, покупаемого за рубежом, от 10,5% до 25% разных пород скота, 13% шерсти и более 34% пушнины) проходило в острой конкуренции не только с китайскими фирмами, но и с рядом японских, немецких, английских и американских компаний, все активнее, начиная с 1904 г., проникавших в страну. Причем неизменный пассив русской торговли в стране, составивший, например, в 1907 г. 4 млн. руб., говорил о том, что русские товары — сукна, юфть, металлические изделия и проч. — не выдерживали конкуренции. Это потребовало от правительства России совместно с купечеством и промышленниками проведения в конце первого десятилетия XX в. серии мероприятий, направленных на защиту российских экономических интересов и политического влияния.

Таким образом, процесс вовлечения Монголии в систему мировых экономических связей, начавшийся во второй половине XIX в., происходил как через Китай (особенно после открытия китайских портов для иностранцев), так и Россию, чему весьма способствовало завершение строительства в 1899 г. Транссибирской магистрали.

Этот процесс, конечно, стимулировал развитие товарно-денежных отношений в стране, рост числа местных торговцев-*панзачинов* (только в Урге в конце XIX в. их насчитывалось до 3 тыс. человек), оживление охотничьего, кустарного и извозного промыслов (последний целиком находился в руках монголов и приносил до 2 млн. руб. дохода в год). В стране появилось примерно 20 оседлых и полуоседлых поселений, превратившихся в торговые центры, в которых, по некоторым данным, проживало уже до 20% населения страны и где появилась местная торгово-предпринимательская прослойка и наблюдалось зарождение элементов новых укладов.

Эти прогрессивные сами по себе изменения в экономическом облике Монголии в условиях маньчжурского господства, сохранения позиций владельческой аристократии и расцвета торгово-ростовщического капитала носили зародышевый характер и, вытесняя натуральное хозяйство, вели главным образом к изменению традиционных связей и отношений.

В том же направлении шло воздействие на Монголию иностранного капитала, вызвавшего из страны скот и сырье на основе неэквивалентного обмена, который превращал страну в рынок сбыта промышленных товаров, в арену борьбы за сферы влияния и объект эксплуатации ее естественных богатств.

Достаточно сказать, что к 1911 г. 80% скота, принадлежавшего аратским хозяйствам в западных и свыше 50% в восточных районах Халхи, отошло к китайским и другим иностранным фирмам. Кроме того, к этому времени 20% исконных пастбищных территорий было отчуждено для нужд китайской земельной колонизации — одного из главных, если не главного направления так называемой новой политики Цинов в отношении Монголии, проводившейся в противовес России и в силу общего изменения положения в Китае и международной обстановки в регионе. Эта политика была тесно связана с серией внутренних верхушечных административно-управленческих реформ в Китае, начало которым было положено указами императора Гуансюя (1875–1908) от 30 августа 1900 г. и января 1901 г. и которые получили наименование *синь-чжэнь* («новая политика»).

В ходе реализации этой политики в 1906 г. в Пекине было сформировано Особое бюро по переселенческим делам Монголии, которое в 1909 г. провело учет всех пригодных для земледелия территорий во Внешней Монголии и вынудило монгольских князей подписать соглашение об их постепенной передаче цинскому правительству с уплатой 50% стоимости этих земель хошунным *дзасакам*. Тогда же был разработан План колонизации, согласно которому поощрялась массовая миграция китайских крестьян, особенно в пограничные с Россией районы, проводилась замена монгольских караулов китайскими и увеличение общей численности гарнизонов. Вместе с тем происходило усиление роли маньчжурской администрации и ограничение прав местных властей и готовилась реорганизация гражданского и военного управления в духе общей трансформации китайского государственного устройства. В частности, в 1907 г. был издан императорский указ об участии представителей Монголии в будущем китайском парламенте. Для осуществления реорганизации в начале 1911 г. в Ургу прибыл специальный уполномоченный Военного министерства полковник Тан с большой группой чиновников. Целью всех этих мероприятий было включение Монголии в состав Китая в качестве одной из его провинций. В июне 1911 г. в Пекине состоялось совещание, которое, рассмотрев ход выполнения Плана колонизации, пришло к выводу о том, что как Внешняя, так и Внутренняя Монголия готова к «единению» с Китаем.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА

«Новый курс» Цинов в Монголии, нацеленный на ее превращение в рядовую провинцию Китая, окончательно вверх страну в состояние глубокого социально-экономического и политического кризиса, поставил ее на грань национальной катастрофы.

Тяготы этого кризиса в той или иной степени испытывали на себе все слои монгольского общества. Не избежали разорения отдельные группы владельцев

и тем более невладетельных князей, бедствовали низшие и средние прослойки ламства. Однако самые тяжелые испытания выпали на долю аратов.

Разорялись целые *хошуны*, их население разбегалось. Но возможности миграции были крайне ограничены.

Промышленность как таковая отсутствовала, богатства, накопленные *нойонами*, шли на удовлетворение их личных нужд, а капитал иностранцев вывозился из страны. В итоге труд разоренных бесскотных *аратов* не находил производительного применения. Лишенные скота араты в конце XIX — начале XX в. пополняли в стране ряды нищих (*гуйлагачины*), бродяг (*цагаач, хэрмэль*), т.е. деклассированную прослойку без определенных занятий и средств к существованию.

В целом кризис, вызванный совокупностью вышеописанных факторов (феодалной эксплуатацией, ростовщической кабалой, империалистической экспансией, переходом к китаизации страны), принимал характер общенародного бедствия, что и явилось главной внутренней причиной стихийного подъема освободительного движения на рубеже двух веков. Оно развивалось также под влиянием восстаний *тайпинов* в 1851–1864 гг. и *ихэтуаней* в 1898–1901 гг. в Китае благодаря традиционным пограничным связям, а также революционных событий в Красноярске, Верхнеудинске, Троицкосовске и некоторых других городах и районах Сибири в период революции 1905 г. в России.

Немалую роль в этом подъеме сыграла вечно хранимая в национальном самосознании память о величии времен Чингис-хана и Монгольской империи, о герое антиманьчжурского восстания середины XVIII в. Амурсане. Широко распространенные легенды о мессианском возвращении Амурсаны помогли выходцу из Калмыкии Амурсанаеву, вошедшему в историю под именем Джа-ламы Лувсан Дамби Джанцана (1851 (61?)–1923), объявить себя его перерожденцем и возглавить в конце XIX в. выступления против маньчжуров и китайцев, а затем и сепаратистское движение на западе Монголии, в Кобдоском округе.

Большую значимость имели, естественно, традиции не прекращавшихся в течение XVIII и XIX вв. проявлений как пассивного сопротивления маньчжурским и местным властям — откочевки, укрытие скота от переписей, уход в «добрые молодцы» (*сайн эры*), т.е. разбойники, петиционные кампании, судебные тяжбы, — так и активного, например вооруженные выступления *аратов* в ряде *хошунов* в 1824–1842 гг.

Пробуждению национального самосознания, без сомнения, способствовали сдвиги в господствовавшей религиозной идеологии, появление в ней идеи возрождения единого монгольского государства, зарождение и развитие во второй половине XIX в. критических направлений в монгольской историографии и литературе, реформаторских, обновленческих и просветительских течений общественной мысли.

Особое значение имел рост народных симпатий к России в результате укрепления традиционных пограничных связей и прогрессивной хозяйственной и культурной деятельности русских людей в стране: ученых-востоковедов и монголоведов, путешественников, врачей, ветеринаров, строителей мостов, телеграфных линий, дорог, отдельных купцов и промышленников, дипломатов и, конечно, политэмигрантов, широко общавшихся с местным населением. Все это от-

крывало дополнительный канал для распространения антиманьчжурских настроений и во многом предопределило обращение князей за помощью к России.

Вместе с тем рассеянность малочисленного населения на огромной территории, обособленность и кочевой образ жизни обусловили сугубо локальный и эпизодический характер аратских выступлений, а глубокая религиозность масс, их культурная отсталость затрудняли формирование национального этнокультурного и политического сознания.

Народные выступления с начала XX в. развивались по возрастающей. В 1900 г. в г. Улясутае взбунтовались две тысячи монгольских *цириков*, мобилизованных для подавления восстания *ихэтуаней* в Китае и переданных хошунными властями в распоряжение маньчжурского гарнизона. Они разгромили купеческие конторы и лавки и затем разъехались по домам.

Почти одновременно крупное выступление против маньчжурских властей произошло в *хошуне* князя Сансарайдоржи Цэцэнханского *аймака* на востоке страны. *Араты* сжигали долговые книги, выгоняли китайских купцов и ростовщиков за пределы своего *хошуна*, громили их торговые фактории и помещения фирм.

В 1903 г. начались волнения на западе Монголии в Цэцэгнурском *сомоне хошуна* князя *дархан-бэйлэ* Манибазара (Дзасактуханский *аймак*). *Араты* отказались платить очередную *албу* в счет долгов хошунного князя, составили петицию — обращение из 44 пунктов к аймачному сейму с требованием справедливого налогообложения, изгнания из страны китайских торговцев и ростовщиков. Они образовали так называемый *Цэцэгнурский-дугуйлан*, т.е. орган народного самоуправления, состоявший из 12 человек во главе с *аратом* Аюши (1858–1939), не признававшим власти местного князя. Выражение *ардын дугуйлан* («народный круг») означало собрание, где все участники были равны: они сидели по кругу на равной высоте, дела решали сообща, все подписывались под решениями круга. Движение зародилось еще в 1852 г. в Ордосе, во Внутренней Монголии, как протест против маньчжурского и феодального гнета и вскоре перекинулось во Внешнюю Монголию. Дугуйланское движение под руководством Аюши, несмотря на репрессии властей и даже заключение в тюрьму на короткое время его руководителя, продолжалось до 1909 г., а затем снова вспыхнуло в 1911 г.

В 1906, 1907 и 1910 гг. имели место вспышки антиманьчжурских выступлений в Урге, в которых участвовали городская беднота, низшие ламы и чиновники, причем дело доходило до прямых уличных столкновений с китайскими купцами и полицией, которую возбужденная толпа, как правило, обращала в бегство. В 1910 г., например, вынужден был ретироваться под натиском толпы даже сам маньчжурский наместник в Урге *амбань* Сань Довэнь, которого забросали камнями и палками. А в Барге и Цэцэнханском *аймаке* в это время действовали уже целые аратские повстанческие отряды, возглавляемые *тайджи* Тогтохо. Они совершали налеты на китайские магазины, убивали ростовщиков и торговцев, осадили даже городок Санбэйсе (ныне — г. Чойбалсан), напали на княжеские ставки, вели бои с маньчжурскими карательными частями.

В освободительном движении в этот период принимают участие почти все слои монгольского общества, включая большую часть *нойонов*. На путь решительной борьбы с Цинами их выводит колонизация монгольских земель и огра-

ничения в управлении *хошунами*, китаизация и потери привилегий, а также нарастание недовольства масс существовавшими порядками. И, конечно, патристические чувства.

Нойоны не только участвуют, но и становятся во главе общенародного национально-освободительного движения, чему в значительной мере способствует их консолидация вокруг главной интегрирующей силы — ламаистской автокефальной церкви и ее главы — *богдо-гэгэна*, который становится своеобразным знаменем возрождения монгольской государственности, а его дворец в Урге — центром и штабом сопротивления маньчжурско-китайским властям. Так, именно там во время пребывания в Урге Далай-ламы XIII, спасавшегося в Монголии в 1904–1906 гг. от английской агрессии в Тибете, с его полного одобрения и при поощрении со стороны *богдо-гэгэна* и его окружения было принято «бесповоротное», по донесению подполковника Генштаба России А.Д.Хитрово, решение «отделиться от Китая в самостоятельное государство, совершив эту операцию под покровительством и при поддержке России, избежав при этом кровопролития».

В 1911 г. антиманьчжурские выступления, вспыхивавшие почти во всех *хошунах* не только Внешней, но и Внутренней Монголии под влиянием Синьхайской революции в Китае, фактически сливаются в единый общенациональный поток антиманьчжурского движения.

КОРЕЯ ПОСЛЕ «ОТКРЫТИЯ» СТРАНЫ

Установление договорных отношений с иностранными державами положило конец внешнеполитической изоляции страны, длившейся более двух с половиной веков. Начался новый этап в истории корейского общества. Традиционные связи, на которых зиждились социальные и общественно-экономические отношения в Корее, подверглись воздействию мирового рынка. После заключения торгового договора с Японией в Корее начали активно действовать японские купцы и банкиры, которые торговали не только отечественными, но и американскими и английскими товарами. Нарушая условия японо-корейского договора 1876 г., они проникали на рынки за пределами открытых портов. Иностранная продукция появилась на отдаленных рынках южных и даже центральных провинций. Корейские мелкие торговцы (*нопусаны*), а также скупщики (*кэкчу* и *эгэкчу*) перепродавали иноземную продукцию по более высоким ценам. Из этой группы постепенно формировалась корейская компрадорская буржуазия.

Сразу же после 1876 г. в Токио создали специальное Общество изучения и поощрения японо-корейской торговли, отделения которого были открыты в Инчхоне, Сеуле, Пусане, Вонсане. Члены этого общества получали значительные субсидии от японского Министерства земледелия и торговли. В результате подобной политики к 1886 г. в открытых портах уже насчитывалось 3500 японских купцов.

Правительство *микадо* серьезное значение придавало деятельности японских банков в Корее. Уже в 1878 г. было открыто отделение «Первого японского банка» в Пусане. Отделения этого банка действовали в 1880 г. в Вонсане, с 1883 г. — в Инчхоне, с 1888 г. — в Сеуле. Затем свои отделения в Корее открыли и многие другие японские банки. От простых операций по обмену денежных знаков отделения банков постепенно переходили к финансированию японских купцов, за покупке риса у корейских крестьян.

Появление дешевой фабричной импортной продукции на корейских рынках привело к тому, что многие провинции постепенно переходили на потребление английских товаров — тканей и пряжи. Корейское крестьянское домашнее ремесло и кустарные промыслы не могли с ними конкурировать. Наиболее развитые отрасли корейских ремесел — производство хлопчатобумажных тканей, шелка, керамики, бумаги — разрушались. За первые семь лет после «открытия» страны объем внешней торговли вырос в 14 раз, ввоз японских товаров — в 10 раз, американских и европейских — в 19 раз. В дальнейшем доля японского импорта в Корею росла еще более быстрыми темпами.

Японские купцы вывозили сельскохозяйственную продукцию (в 1877–1882 гг. — 59% экспорта). Они скупали ее в период сбора урожая, когда крестья-

не срочно нуждались в деньгах, чтобы заплатить налоги, и цены были самыми низкими. Японские купцы вывозили также золото и другие драгоценные металлы. Их экспорт в 1877–1882 гг. составлял 20% всего вывоза в Японию.

Вторжение иностранного капитала сопровождалось развитием товарно-денежных отношений. После появления на рынках импортной продукции местные власти и помещики перевели натуральные налоги в денежную форму, что создало дополнительные трудности для крестьян, мало связанных с рынком.

Развитие товарно-денежных отношений ускорило разрушение социальной структуры. Происходили, с одной стороны, обнищание крестьян, рост арендных отношений, разорение мелких ремесленников и, с другой стороны, обогащение торговцев, главным образом посредников, формирование торгового капитала, появление в деревне помещиков нового типа, тесно связанных с рынком.

Появление в стране иностранных купцов и наступившее вслед за этим ухудшение экономического положения самых разных социальных групп вызывали антииностранное настроение. Идеологи конфуцианства активно организовывали митинги, демонстрации протеста против контактов с чужеземцами. Их поддерживали провинциальное чиновничество, учащиеся конфуцианских училищ, которые прибывали в столицу, требуя прекратить отношения с Японией и западными государствами, бойкотировать иностранные товары, арестовать чиновников, подозреваемых в связях с иноземцами. Со всех концов страны во дворец поступали петиции с призывом «изгнать иностранцев из Кореи». Под петицией из южной провинции Кёнсан стояло 10 тыс. подписей. Негодование конфуцианцев вызвал отъезд на учебу в Японию первой группы молодежи из семей аристократии, что привело к новым петициям, шествиям ко дворцу *вана* Коджона.

В отличие от консервативно настроенного чиновничества в правительстве имела группа — незначительная по численности, — понимавшая необходимость курса на «самоусиление», т.е. оснащение страны современной западной техникой при сохранении чистоты конфуцианской морали. Число сторонников подобной политической позиции росло, особенно после 1880 г., когда из Японии привезли сочинение китайского реформатора Хуан Цзусяня под названием «Корейская стратегия», в котором пропагандировалась проводившаяся в то время в Китае политика «самоусиления». Однако в области внешней политики автор рекомендовал укреплять контакты только с Китаем. В 1881 г. по приказу *вана* Коджона книга Хуан Цзусяня была переведена на корейский язык. В эти же годы корейцы познакомились и с книгой другого китайского реформатора, Чжэн Гуаньина, «Важные предложения о спасении мира», где была описана парламентская система правления при конституционной монархии.

Подобные мысли были близки умонастроениям образованных чиновников, которые занимали видные посты в правительстве, способствовали расширению контактов с внешним миром, направляли студентов на учебу в Японию, миссии — в США. В 1876 г. в первой группе студентов в Японию отправился Ким Оккюн — будущий глава движения за реформы. Затем в 1884 г. туда же была направлена еще одна группа юношей. В Японии они проходили обучение в колледже известного просветителя Фукудзава Юкити, где знакомились с сочинениями Руссо, Спенсера, Мильтона. Но особое впечатление на них оказали труды самого Фукудзава Юкити «Описание Запада» (1866), «Все о странах мира»

(1864), в которых перед читателями предстала деятельность европейского парламента, организация экономики, армии в западных государствах.

Фукудзава и его соратники поддерживали планы корейских студентов по преобразованию родины. По возвращении корейские сторонники реформ пытались побудить власти внести изменения в области экономики и культуры. Значительное внимание они уделяли борьбе с преклонением перед Китаем, выступали против принижения национальной культуры, истории, ратовали за прекращение вассальной зависимости от цинского Китая.

Под влиянием Ким Оккюна и его сторонников правительство в начале 80-х годов приступило к реорганизации армии. Была открыта офицерская школа, в которую приняли 200 человек. Возникло новое ведомство, отвечавшее за ввоз иностранных машин и их эксплуатацию, а также освоение пустующих земель. Было начато строительство порохового завода и монетного двора, открыта показательная сельскохозяйственная ферма. Реформаторы основали бюро по переводу литературы с европейских языков на китайский и корейский и ее распространению, построили специальную типографию. Среди нововведений особое место занимало открытие почтового ведомства по европейскому образцу.

Ким Оккюн обращался к *вану* с петициями, протестуя против беззаконий *янбанов*, грабивших народ.

Реформаторы намеревались действовать наподобие лидеров революции Мэйдзи в Японии. Их активность вызвала решительное противодействие цинского правительства Китая, которое выступало против контактов Кореи с иностранными державами и попыток достижения полного суверенитета

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ 80-х ГОДОВ

Сложная внутривластная обстановка в стране усугублялась непрекращавшимися народными волнениями против феодального угнетения и проникновения иностранцев. Провинции Чолла, Кёнсан, Чхунчхон, Хванхэ, Хамгён, Пхёнан были охвачены крестьянскими восстаниями против помещиков, сборщиков налогов и местных провинциальных властей. Крестьяне жгли помещичьи усадьбы, государственные учреждения, склады. В открытых портах и в Сеуле население выступало против японских купцов. В 80-е годы отмечалось антимиссионерское движение.

Крупное народное восстание вспыхнуло в Сеуле в июле 1882 г. Его начали солдаты столичного гарнизона, выступавшие против издевательств интендантов, присваивавших их рисовые пайки. Солдаты, которым выдавали гнилой рис, смешанный с песком, 22 июля захватили арсенал, убили интенданта, изгнали офицеров. Многие из мятежников были арестованы. Но восстание уже охватило столицу и окрестные районы. К нескольким тысячам солдат присоединились городская беднота, крестьяне из ближайших деревень. Повстанцы организовали отряды по 200–300 человек, освободили заключенных из тюрьмы, захватили склады, учреждения, подожгли японскую миссию, убив восьмерых японцев. На домах в Сеуле появились лозунги, призывавшие изгнать «западных варваров и японцев».

Повстанческие отряды угрожали дворцу, намереваясь расправиться с временщиками Минами. Правительство обратилось за помощью к Китаю, который не замедлил направить около 3 тыс. солдат на подавление восстания. Власть в стране захватил отец правителя, носивший титул *тэвонгун*, которого поддерживали конфуцианские круги. Китайские и правительственные войска подавили восстание. *Тэвонгун* был схвачен и выслан в Китай.

Японское правительство использовало события 1882 г. для укрепления собственных позиций в Корее. Оно потребовало от *вана* Коджона компенсацию за причиненные в ходе восстания убытки и навязало так называемый Инчхонский договор, по которому Японии предоставлялось право ввести в Сеул солдат для охраны миссии. Японским подданным по этому договору разрешалось разъезжать в радиусе 53 км от открытых портов, а через два года эта территория была увеличена до 106 км. Посланник и служащие миссии получали право свободного передвижения по стране. Кроме компенсации за убытки в размере 500 тыс. иен корейское правительство обязалось открыть для японской торговли порт Янхваджин.

Усиление позиций Японии в Корее вызвало ответные акции со стороны цинского правительства, которое срочно расквартировало в Сеуле войско в 3 тыс. солдат и добилось подписания в сентябре 1882 г. корейско-китайского соглашения о морской и сухопутной торговле, предоставлявшего китайским купцам льготы, не распространявшиеся на купцов других держав. Им разрешалось селиться и торговать в четырех пунктах внутри страны, передвигаться по Корее с китайскими паспортами, перевозить иностранные товары из одного открытого порта в другой. Особый пункт этого соглашения подтверждал вассальную зависимость Кореи от Китая.

В ответ на акции Китая Япония и США отдали распоряжение своим представителям в Корее не признавать соглашения о льготной торговле для китайских купцов.

Однако Китай продолжал укреплять свои позиции. В Сеул был направлен китайский чиновник для контроля за деятельностью правительственных учреждений, а для реорганизации армии прибыли китайские офицеры. Немцу П.Г. фон Мёллендорфу, ставленнику Китая, было передано ведение внешнеполитических дел.

РАСШИРЕНИЕ РЕФОРМАТОРСКОГО ДВИЖЕНИЯ. ПОПЫТКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА В ДЕКАБРЕ 1884 г.

Одновременно с усилением борьбы за влияние в Корее между Китаем и Японией в различных слоях общества росло понимание необходимости преобразований.

После событий лета 1882 г. *ван* Коджон, следуя конфуцианской традиции, обратился к чиновникам с призывом высказать соображения по улучшению государственного управления. В ответ во дворец стали поступать петиции, в которых чиновники предлагали меры по укреплению обороны государства и выдвигали

принципы политики «самоусиления»: развитие торговли, промышленности, сельского хозяйства, а также восприятие достижений западных стран. «Назрела необходимость, — писали авторы петиций, — обновлять орудия, но не духовные начала», подчеркивая незыблемость конфуцианских догм.

В это же время реформаторы стали издавать газету «Сеульский еженедельник» («Хансон сунбо»), которую распространяли в столице и провинции. В «Хансон сунбо» печатали сообщения о борьбе народов Египта и Вьетнама за национальную независимость, о научных достижениях стран западного мира, знакомили с их историей и географией. На страницах этой газеты пропагандировали новые формы государственного управления по типу стран Европы.

Цинские власти пытались пресечь влияние реформаторов, преследовали чиновников и офицеров, разделявших их взгляды. Власть в стране полностью захватила клика Минов (отстранив *вана* Коджона), опиравшаяся на китайские войска. Положение реформаторов становилось критическим. В создавшейся обстановке участники движения за реформы перешли к решительным действиям.

О событиях, происшедших 4 декабря 1884 г., американский поверенный в делах сообщал в государственный департамент как о «политической революции». В этот день реформаторы, возглавляемые Ким Оккюном, совершили государственный переворот. *Ван* Коджон и его супруга Мин Мёнсон были арестованы, несколько крупных чиновников из клана Минов казнены. Ким Оккюн стал министром финансов. В правительство вошли активные участники движения за реформы — Пак Ёнхё, Со Гванбом, Хон Ёнстик и др.

Новое правительство опубликовало программу реформ — экономических, социальных, административных, в области культуры. Важнейшими пунктами этой программы были требования о прекращении вассальной зависимости от Китая, провозглашение равенства сословий, облегчение положения крестьян путем аннулирования их долгов государству (*хвангок*) и уменьшения земельного налога.

В этой программе отразилось влияние передовой общественной мысли предшествующих поколений — идей сирхакских ученых, просветителей Китая и Японии, а также просветительских идей Запада, с которыми корейские реформаторы были уже знакомы.

Реформаторы намеревались ввести однопалатный парламент, ограничивающий власть *вана*; вместо многочисленных центральных и провинциальных ведомств создать шесть крупных министерств; упразднить разрозненные воинские подразделения и создать единую армию. Они считали необходимым расширение контактов с иностранными государствами, восприятие их достижений, получение внешних займов для развития собственной экономики и культуры. Путь к претворению в жизнь своих замыслов они видели в просвещении масс, пропаганде знаний. Ким Оккюн выступил с проектом ликвидации конфуцианского учреждения Кюджангак — «Ванского храма изящной литературы», ведавшего печатным делом и книжной торговлей, — как препятствия для распространения современных знаний. Одновременно он предлагал основать управление по вопросам просвещения, а также увеличить число студентов, обучавшихся за границей.

Программа единомышленников Ким Оккюна не затрагивала основ социальных отношений, не включала реформу системы землевладения и землепользова-

ния. Однако, несмотря на историческую ограниченность воззрений, их деятельность отражала объективные потребности страны.

Цины и феодальные власти Кореи, объединив силы, нанесли удар по реформаторам, чье правительство просуществовало всего три дня.

7 декабря китайские войска ворвались во дворец и арестовали реформаторов. Одновременно в Сеуле вспыхнуло антияпонское восстание. Японская миссия была сожжена, посланник и его сотрудники спаслись бегством. Гнев населения был обращен и против реформаторов, которых правительство Минов заклеямило как пособников японцев. Ким Оккюн, Со Джэпхиль, Со Гванбом, Пак Ёнхё бежали в порт Инчхон, оттуда отплыли в Японию.

С этого времени Цины старались установить в Корее диктаторский режим. Они назначили Юань Шикая, командовавшего китайскими войсками, генеральным резидентом, управляющим дипломатическими и торговыми делами Кореи. Он был облечен неограниченной властью и диктовал свои решения корейскому правительству. Сотни корейских чиновников были уволены за антикитайские настроения.

Япония, обеспокоенная усилением власти Китая в Корее, направила туда два батальона войск. Под угрозой применения военной силы в январе 1885 г. правительство Японии вынудило Корею подписать договор об уплате 110 тыс. иен компенсации за убытки, которые она понесла во время восстания 1884 г. в Сеуле, а также построить новое здание миссии, казармы для японских солдат и принести официальные извинения правительству *микадо*.

В апреле того же года Япония добилась от Цинов подписания в Тяньцзине договора, по которому обе стороны обязались не посылать в Корею военных инструкторов и вывести оттуда свои войска. В случае возникновения в стране «беспорядков» Китай и Япония получали равное право направлять в Корею солдат, но при этом обязались предварительно уведомлять друг друга.

Тяньцзиньский договор явился крупной дипломатической победой Японии: Китай был вынужден признать за ней равные права на ввод войск в Корею.

ОБСТАНОВКА В СТРАНЕ В КОНЦЕ 80-х ГОДОВ

Подписание Тяньцзиньского договора привело к дальнейшему обострению борьбы между Японией и Китаем за преобладающее влияние в Корее.

Японские власти особое внимание уделяли установлению собственного монопольного господства в экономике страны. В результате подобной политики к концу 80-х годов тоннаж японских торговых судов составил 80% тоннажа всех судов, посещавших открытые порты Кореи. К 1885 году 97% японо-китайского ввоза через порты Инчхон, Пусан и Вонсан приходилось на долю Японии и лишь 3% — на долю Китая. Основными предметами вывоза из Кореи являлись сельскохозяйственные продукты (рис, бобы, горох, пшеница, ячмень, просо).

Японские бизнесмены основывали в Корее все новые банки. В 1888 г. в столице страны открылось отделение японского акционерного банка «Дайити гинко», в трех открытых портах заработали его отделения. К 1893 г. их было уже 13,

«18-й японский банк» открыл в Корее филиал и шесть отделений, «58-й банк» — филиал и пять отделений.

В Корее отделения японских банков финансировали купцов-соотечественников, скупали по низким ценам у местного населения золото и серебро. Японские банки постепенно путем предоставления займов поставили корейское правительство в финансовую зависимость. Между японским и корейским правительствами в 1892 г. было заключено соглашение, по которому доходы от таможенных пошлин в открытых портах поступали в отделения банков.

В 90-х годах XIX в. европейские и американские предприниматели также стремились захватить выгодные позиции в корейской экономике. Интерес предпринимателей США был сосредоточен в области природных богатств Кореи: месторождений корейского золота и железной руды. Разработка природных богатств началась ими еще в конце 80-х — начале 90-х годов. Американские предприниматели организовали регулярные пароходные рейсы по линии Нагасаки–Пусан, Шанхай–Инчхон, получили концессии на рубку леса, на строительные работы. Одновременно американцы вели переговоры о предоставлении займа, строительстве железных дорог.

Значительно усилились влияние и деятельность американских миссионеров, открывавших свои школы и больницы. Особое значение имел колледж «Пэдждэ», в котором учащиеся знакомились с идеями демократии, конституционной монархии, культурой европейского просвещения.

В 1891 г. все миссионеры, работавшие в Корее, — американцы, французы, англичане — объединились и создали общество по распространению религиозной литературы среди корейцев. Общество получало значительные субсидии от миссионерских организаций Англии и особенно США, имело собственную типографию.

В 1885 г. Англия попыталась вмешаться в корейские дела: захватила корейские о-ва Комундо и превратила их в свою военную базу. После решительного протеста правительства России Англия вынуждена была освободить эти острова.

Царское правительство проводило в Корее политику статус-кво. По договору с Кореей в 1884 г. в столицах обеих стран создавались дипломатические миссии. Договор открывал для русской торговли порты Инчхон, Вонсан, Пусан, Сеул и Яхваджин, русские могли покупать дома и землю. Они получали также право свободно передвигаться по Корее без паспорта на расстояние 100 корейских ли, а с паспортом — по всей территории Кореи.

В 1888 г. Россия подписала с Кореей Правила об установлении русско-корейской сухопутной торговли. В эти годы правительство России недоучитывало опасность японского проникновения. Оно усматривало угрозу интересам России в Корее только со стороны Китая и Англии.

В самой Корее в конце 80-х — начале 90-х годов экономическое положение ухудшилось. Уже явственно сказывались последствия колониальной экспансии капиталистических держав. Страна переживала тягчайшие финансовые трудности, связанные с уплатой контрибуции Японии. Крестьяне и кустари почувствовали не только тяготы конкуренции для их ремесленных продуктов, но и усиление феодальной эксплуатации. Постепенно нарастал кризис традиционной социальной структуры. Государственные земли, выданные в аренду крестьянам, захватывали *янбаны* — чиновники, становившиеся помещиками. Казна была разорена, так как значи-

тельно сократились пахотные площади, облагаемые государственным налогом, на которых работали государственные крестьяне. Так, к 1893 г. из 1 445 229 кель всей пахотной площади в Корее земли, облагаемые налогом, составляли 75 087 кель. Таким образом, шел процесс развития частной собственности на землю.

Развитие товарно-денежных отношений приводило к появлению новых социальных групп. Богатели скупщики товаров и посредники в японской торговле, появились первые группы будущей компрадорской буржуазии, и вместе с тем разорялись крестьяне, мелкие местные ремесленники, купцы, не связанные с оборотом иностранного капитала.

Протест различных социальных групп против феодального угнетения и иностранной экспансии выражался по-разному.

В эти годы положение в стране усугублялось неурожаем и, как следствие, голодом. Но японские купцы продолжали вывозить зерновые. С 1886 по 1891 г. вывоз риса возрос более чем в 100 раз. В 1886 и 1889 гг. власти были вынуждены запрещать вывоз зерновых.

Ремесленники, мелкие купцы, городская беднота выступали против японской местной администрации. Крестьяне бежали из деревень. Усилилась эмиграция в Маньчжурию и Приморье. Корейские власти были серьезно обеспокоены ростом эмиграции и заключили соглашение с русским правительством, по которому все корейцы, перешедшие границу после 1884 г., подлежали возвращению на родину. Но соглашение не возымело действия. Только в 1891 г. около 10 тыс. крестьян перешли границу.

Среди крестьян, городской бедноты, мелких ремесленников широкое хождение получили эсхатологические представления: предсказания конца света, гибели династии Ли, которая якобы должна наступить через 500 лет после ее воцарения, т.е. в 1892 г.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1893–1894 гг.

В начале 90-х годов среди народных масс большое распространение получила национальная религия *тонхак*, ставшая знаменем народного движения.

Тонхакские организации возникали почти в каждом уезде. Молитва *тонхак* отвечала чаяниям широких масс крестьянства, призывая к социальному равенству: «Человек — это бог». *Тонхаки* отвергали конфуцианскую догму, гласившую, что небесное веление предоставляет власть *вану*.

Народное движение охватило южные провинции Чолла и Чхунчон, где влияние этой религии было особенно сильным. Местная администрация преследовала членов тонхакских сект, но не могла воспрепятствовать их воздействию на умонастроения широких слоев населения.

Правительство *вана* Коджона начало новое наступление на тонхакское движение и 1 апреля 1893 г. издало указ, требуя отказа *тонхаков* от «вредного учения» и возврата на единственно правильный путь изучения конфуцианской мудрости. За декретом последовали массовые аресты *тонхаков*, находившихся в Сеуле и отказавшихся подчиниться властям. На стенах домов столицы появились призывы *тонхаков* изгнать иностранцев из страны.

К началу 1893 г. уезд Поын (пров. Чхунчхон) превратился в укрепленный лагерь. Здесь формировались отряды повстанцев, которые обращались к населению других уездов с призывами примкнуть к восстанию. Правительственные войска, посланные на подавление движения в пров. Чхунчхон, разгромили крестьянские отряды. Однако, несмотря на жестокие меры, волнения народа южных провинций продолжались. Весной 1893 г. к ним присоединились крестьяне и городская беднота центральных и северных районов.

Так началось общекорейское крестьянское восстание, центром которого стал уезд Кобу пров. Чолла. Возглавил восстание Чон Бонджун — глава местной секты *тонхак*, сын мелкого чиновника. Многочисленные народные сказания сохранили образ этого защитника народа как богатыря с громовым голосом. Отряды крестьян под его руководством заняли уездный центр. Повстанцы разбились на отряды, обучались военному делу, распространяли воззвания среди населения окрестных районов. В них говорилось: «Мы против гнета, за изгнание из страны западных варваров и японцев». По пути своего следования к столице пров. Чолла — г. Чхонджу повстанцы одерживали победы над правительственными войсками. К маю 1894 г. они заняли девять уездов.

При взятии Чхонджу повстанцы вели тяжелые кровопролитные бои с правительственными подразделениями. Город был взят штурмом. Одновременно часть отрядов восставших двинулась на Сеул. Правительство стягивало войска, чиновники и иностранные дипломаты вывозили из города свои семьи, японский посланник просил прислать военное судно, а Юань Шикай обратился к цинскому правительству с просьбой позаботиться о безопасности китайцев в Корее.

Между тем на юге страны, в пров. Чолла, восставшие заставили правительственные войска принять их требования и подписать соглашение из 12 пунктов. Это было своеобразное перемирие, поскольку правительственные войска не могли занять Чхонджу, а у повстанцев кончилось пропитание, и они были вынуждены прекратить военные действия.

Соглашение отражало социальные чаяния народных масс, их извечную мечту о равенстве. Пункты перемирия содержали требование равенства всех слоев общества, равного владения землей всем населением, смягчения и отмены косвенных налогов. Особое место занимало требование свободы проповеди *тонхак* и изгнания иностранцев, главным образом японцев, из страны.

Важным достижением восставших было введение на территории пров. Чолла новой административной системы. В 53 уездах местное управление перешло в руки тонхакских ячеек. Новые органы власти должны были претворить в жизнь соглашение о перемирии.

Чипкансо — так назывались тонхакские органы местного управления — были недолговечны. Правительство скоро заменило их прежними чиновниками. Однако сам факт появления народных органов власти способствовал пробуждению и развитию национального самосознания, росту активности широких масс.

После заключения перемирия крестьянская армия вышла из Чхонджу и направилась в районы Сунчхон и Намвон. В то же время в соседней провинции Чхунчхон крестьянские восстания охватили уезды Хведок и Чиллён. В центральных провинциях также происходили народные выступления.

КОРЕЯ В ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЕ

1894–1895 гг.

Корейское правительство, понимая, что не в состоянии собственными силами подавить восстание, обратилось за помощью к Китаю. Цинские власти не замедлили выслать войска, и 8 июня 1,5 тыс. китайских солдат высадились в районе Асана.

Япония обвинила китайские власти в нарушении Тяньцзиньского договора и направила в Корею 4,5 тыс. солдат. Затем предложила Китаю совместно провести в Корее реформы. Китай, считая себя государством-сюзереном Кореи, отверг эти предложения. Тогда японский отряд захватил дворец и объявил о создании нового прояпонского правительства. Фактическая правительница страны — жена *вана* Коджона Мин Мёнсон — и ее многочисленные родственники были схвачены и высланы на отдаленный остров.

25 июля японские военные суда без объявления войны напали в районе Асана на китайский транспорт с 1,3 тыс. солдат на борту. Официально правительство Японии объявило Китаю войну только лишь 1 августа. Так началась японо-китайская война, протекавшая в основном на территории Кореи, что принесло неисчислимые бедствия корейскому народу. Китайские и японские войска равно мародерствовали, превращая корейские деревни и города в пустыни.

Война протекала в обстановке общекорейского крестьянского восстания, власть прояпонского правительства не распространялась далее Сеула. Американский посланник доносил в Госдепартамент, что, по мнению большинства чиновников, «сейчас в Корее наблюдаются настроения ярко выраженного патриотизма. Все охвачены ненавистью к японцам».

В обстановке войны и восстания образованные слои корейского общества — реформаторы, чиновники, разделявшие идеи «самоусиления», — считали необходимым осуществить преобразования в области государственного управления и экономики. Японские оккупанты не препятствовали провозглашению программы реформ. Тем самым они рассчитывали привлечь всех сторонников реформ и успокоить народные волнения. В программу реформ, известных как «реформы года *кабо*», входили: отмена рабства, облегчение положения крестьян, ограничение налогообложения, отмена государственных экзаменов (*кwaго*), упорядочение денежной системы. В соответствии с программой правитель страны был ограничен в своей власти. Он должен был решать все дела только совместно с министрами, назначаемыми по согласованию с японцами. Серьезной реорганизации подлежало провинциальное управление. Расходы двора должны были быть отделены от государственных. «Реформы *кабо*» не были претворены в жизнь. Но их провозглашение оказало серьезное воздействие на национальное самосознание самых различных социальных слоев.

20 августа японские агрессоры навязали корейскому правительству договор, по которому реформы в Корее могли проводиться только после их одобрения. Японские предприниматели получали право на строительство железной дороги Сеул–Инчхон и Сеул–Пусан. В собственности правительства *микадо* переходили телеграфные линии Сеул–Инчхон и Сеул–Пусан, для торговли открывали порты провинции Чолла.

26 августа того же года японские милитаристы заставили корейцев подписать и договор о военном союзе, по которому Корея доверяла им изгнание китайских войск с ее территории. Уезды, деревни, где проходили японские и китайские войска, превратились в груды развалин. Города Чечхон, Вонсан, Пхеньян, Ыйджу, Кванджу, Сонджу были разрушены.

Указы прояпонского правительства население саботировало, отказывалось служить в японских войсках, снабжать их продовольствием.

Когда военные действия перешли на территорию Китая, штаб японской армии оставался в Пхеньяне, а в крупных городах было размещено 20 тыс. войск.

Между тем повстанческая армия, руководимая Чон Бонджуном, продолжала наступление на г. Конджу. Ряды восставших все время пополнялись выходцами из торгово-ремесленных слоев, мелких чиновников. В обращении к народу Чон Бонджун призывал очистить священную землю от японцев и других иностранцев.

Правительственные и японские войска в 20-х числах ноября разгромили повстанческие отряды. Чон Бонджун был казнен. В апреле 1895 г. победой Японии окончилась японо-китайская война. Особый пункт договора о мире ликвидировал вассальную зависимость Кореи от Китая.

Японское правительство намеревалось не только подчинить Корею экономически, но и превратить ее в плацдарм для наступления на Китай. В Сеуле и во всех крупных городах оставались японские оккупационные войска. Был сформирован новый прояпонский кабинет и создан совещательный орган — Государственный тайный совет. В корейскую армию назначались японские офицеры. В ответ по всей стране стали стихийно возникать партизанские отряды, объединявшие все слои населения, от крестьян до *янбанов*. Чиновничество группировалось во-круг жены *вана* Коджона — Мин Мёнсон. 8 октября 1895 г. по указу японского посланника Миура Горо Мин Мёнсон и ее родственники Мины были зверски убиты. *Ван* Коджон стал пленником японцев. Во главе нового правительства японцы поставили *тэвонгуна*.

КОРЕЯ ПОСЛЕ ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ

Убийство Мин Мёнсон вызвало подъем антияпонского движения по всей стране. Японское правительство было вынуждено отозвать Миура Горо и принести извинения *вану* Коджону. Одновременно они усилили в Корее военно-полицейский режим, введя новые войска. Марионеточное правительство Кореи издало по настоянию японского посланника указ об изменении мужских национальных причесок (стрижке традиционных волосяных шишек), запрещении курить трубки.

Колонизаторские акции Японии в Корее серьезно беспокоили российское правительство. Поэтому царские дипломаты ответили согласием на просьбу Коджона о предоставлении убежища. 11 февраля *ван* Коджон бежал из дворца в русскую миссию, а 12-го издал указ о роспуске прояпонского правительства и создании нового. Эти события происходили на фоне бушевавших по всей стране антияпонских восстаний.

В подобной обстановке Япония решила заключить соглашение с Россией по корейскому вопросу. Царская Россия, со своей стороны, опасаясь обострять отношения с Японией, а также располагая поддержкой Англии и США, приняла предложение.

14 мая 1896 г. в Сеуле было подписано первое русско-японское соглашение по Корее. Япония официально признавала корейское правительство, сформированное в русской миссии, и брало на себя обязательство совместно с Россией «давать советы *вану*». Особо важное значение имел четвертый пункт договора, ограничивавший численность японских войск, находящихся в Корее, до двух рот в Сеуле и по одной в Пусане и Вонсане (каждая — не более чем в 200 человек). Россия получала право в тех же городах содержать охрану, не превышающую число японских солдат.

Японское правительство было недовольно содержанием соглашения с Россией и настояло на заключении нового договора. 9 июня 1896 г. был подписан так называемый Московский протокол, состоявший из гласной и секретной частей. Однако и этот протокол устанавливал юридическое равенство сторон на территории Кореи, что вызвало недовольство среди дипломатических представителей Англии, Франции, США. Ван Коджон был вынужден возвратиться из русской миссии во дворец. Японское правительство, дабы заверить Коджона в «уважении», не препятствовало, когда 12 октября 1897 г. он был провозглашен императором. Но через год японские дипломаты в Сеуле добились пересмотра заключенных с Россией договоров. Токийский протокол Розен–Нисси от 25 апреля 1898 г. утверждал господствующее положение Японии в Корее. Россия отказывалась от экономических привилегий в Корее и обязывалась не препятствовать развитию торговых контактов Кореи с Японией.

Россия стремилась не осложнять отношений с Японией, поскольку интересы ее были уже сосредоточены в Маньчжурии, а широкому развитию торговых отношений с Кореей препятствовала отдаленность этой территории. В 1902 г. был заключен англо-японский договор, признававший особые интересы Англии в Китае, а Японии — в Корее.

Борьбу за усиление политических позиций в Корее Япония вела, не прекращая экономического проникновения в эту страну. После японо-китайской войны она проводила особенно активно протекционистскую политику в отношении японских предпринимателей, торговцев.

С этой целью еще в 1896 г. была создана Ассоциация для изучения и поощрения торговых операций японских купцов на местных рынках. Число японских купцов тогда уже достигло 1912, и они занимали преобладающие позиции в корейском импорте. К 1903 г. более чем в три раза возрос вывоз. Корейские рынки были наводнены дешевыми хлопчатобумажными тканями, спиртными напитками, табаком, керосином, мылом и другими ввозимыми японцами товарами, что наносило серьезный ущерб крестьянским домашним промыслам, ремесленному производству.

Широкую деятельность развернули в Корее японские банки, главным образом «Первый японский банк», отделения которого открылись в Мокпхо, Кунсане, Чиннампхо, Пхеньяне, Тэгу, Сонджине, Кэсоне. Японские денежные знаки оброчались на корейских рынках, банки выпускали собственные бумажные банкноты, в результате чего стоимость корейских монет падала.

Экономическая экспансия вызывала протест корейских предпринимателей. Купцы Сеула неоднократно обращались в Министерство иностранных дел, требуя прекратить хождение японских дензнаков.

Предпринимательская деятельность японского капитала развернулась в сфере строительства железных дорог. В 1899 г. было закончено проведение железнодорожной линии Сеул–Инчхон и начата прокладка железной дороги Сеул–Пусан. Заключен был договор и на проведение линии Сеул–Вонсан–Кёнхын. Японские предприниматели начали разработку золота в пров. Чолла. Они также стремились захватить право ловли рыбы в корейских водах. С этой целью в Пусане и других открытых портах было создано Японское рыболовное общество, которому с 1899 г. принадлежало 1330 рыболовных судов с 25 тыс. рыбаков. К началу XX в. уже около 30 тыс. японских колонистов образовали поселения на восточном побережье в пров. Канвон и в других местах, хотя покупка земли за пределами открытых портов запрещалась еще по договору 1876 г.

В конце XIX в. активизировали экономическую деятельность в Корее также и российские торговцы. В пров. Хамгён в 1896 г. была начата разработка золота купцом Нищенским, а владивостокский купец Ю.Бриннер основал концессию по лесозаготовкам в бассейне рек Туманган и Амноккан; в пров. Канвон была основана китобойная станция. В это же время русское правительство по просьбе *вана* Коджона направило в Корею финансового советника и военных инструкторов. Главным советником Министерства финансов, а затем и главным управляющим таможенным ведомством с 1897 г. стал К.Алексеев. По настоянию России порты Мокпхо и Чиннампхо были открыты для иностранной торговли. С 1 марта 1898 г. начал действовать русско-корейский банк, который должен был заменить два национальных банка.

Усиление как политического, так и экономического влияния России в Корее вызвало резкие протесты Японии, США, Англии, опасавшихся, что их собственным интересам будет нанесен ущерб. По требованию Японии, Англии и США русско-корейский банк вскоре был закрыт, финансовый советник и военные инструкторы отозваны из Кореи. Однако русские предприниматели добились концессий на рыболовство, проведение телеграфных линий. В 1903 г. было создано русское товарищество для разработки лесных богатств в долине реки Амноккан.

Англия, Франция и Соединенные Штаты в эти годы также проявляли серьезное стремление к проникновению в корейскую экономику. В 1896 г. американец Д.Морс заключил контракт на проведение железной дороги Сеул–Инчхон, французский синдикат «Фив-лиль» — на линию Сеул–Ыйджу. Американцы Кольбран и Ботвик заключили с корейским правительством соглашение о проведении трамвайных линий. В 1901 г. американо-английская компания начала разработку золотых приисков.

В эти годы экономика Кореи переживала ускоренное развитие товарно-денежных отношений, что наносило ущерб в первую очередь деревне, где преобладали крестьяне-арендаторы помещичьей и государственной земли. Чиновники произвольно взимали налоги с крестьян, как правило, вдвое превышая официально установленные ставки — шесть вон с одного кёль. Разорялись и крестьяне, которые были вынуждены прибегать к грабительским ссудам под проценты у местных ростовщиков либо японских финансово-кредитных контор. Налоги с земли

составили в 1899 г. 87% доходов, поступавших в казну. Правительство пыталось возместить потери, увеличивая налоги. С 1898 по 1902 г. общая сумма налогов возросла более чем в два раза. При этом правительство оказалось в кабальном долгу по внешним займам.

В конце XIX в. в корейском обществе происходил процесс высвобождения ремесел и торговли из-под государственного контроля. Появились мелкие мастерские и крупные мануфактуры с наемными рабочими. Эти предприятия располагались в Сеуле, в открытых портах и крупных провинциальных центрах. Действовали многочисленные скупщики готовой продукции крестьянских промыслов.

В 1896 г. несколько корейских мелких кожевенных мастерских объединились в крупное предприятие, которым руководили приглашенные из Японии специалисты. Тогда же были открыты табачные фабрики в Сеуле, Пусане, Инчхоне, продукция которых поступала на внутренний и внешний рынки. Появились крупные предприятия по переработке сои. Оружейные, стекольные, бумажные фабрики оснащались машинами, закупленными в Японии. В 1901 г. в г. Ёнсане открыли монетный двор, оборудование для которого было закуплено за границей. В открытых портах, главным образом в Пусане, появились совместные японо-корейские предприятия. Так, японская компания из Киото и купцы Вонсана создали объединение по электрическому освещению города. Хозяевами рисоочистительной фабрики были корейские и японские купцы.

С начала XX в. в Корее возросло число иностранных предприятий. Только в эти годы японские предприниматели основали 31 крупную компанию. В ноябре 1900 г. японский «Первый банк» открыл мастерскую по промыванию золота, которое добывали на американском руднике в Унсане. Рост производства, развитие товарно-денежных отношений способствовали формированию общекорейского национального рынка, основными центрами которого были Сеул, Пхеньян, Тэгу, Кэсон, а также открытые порты. Росло число корейских купцов, занимавшихся компрадорской торговлей. Одновременно корейские предприниматели создавали транспортные компании для перевозки грузов по морю и по рекам. Суда покупали либо брали в аренду у японских фирм. Немецкая компания «Мейер и К^о», открывшая отделения в Сеуле и Инчхоне, поставляла машинное оборудование.

В начале XX в. были созданы корейские компании по строительству железных дорог: компания «Енгашское железнодорожное общество» по проведению дороги Сеул–Кэсон и «Корейское железнодорожное общество», которое намеревалось строить дорогу Сеул–Йиджу. Однако слабая корейская национальная буржуазия не способна была противостоять натиску иностранного капитала, и вскоре владельцами этих компаний стали японские предприниматели.

В финансово-кредитной сфере также были сделаны попытки создать национальные объединения, банки. Однако и они не могли конкурировать с деятельностью японских банков в Корее.

В конце XIX в. страна была охвачена непрекращавшимся общекорейским стихийным движением протеста против военно-полицейского режима, установленного японскими оккупантами после японо-китайской войны. Народ продолжал возражать против наступления оккупантов на национальные традиции и обычаи, против присутствия японских войск.

По стране действовали многочисленные вооруженные отряды, состоявшие из крестьян, рабочих, солдат, охотников на тигров, мелких чиновников, торговко-купеческого люда, конфуцианских ученых. Их ряды постоянно росли. Численность отряда конфуцианца Ким Бэсона за короткий срок выросла с 300 человек до 5 тысяч. В рядах повстанцев были и корейцы-христиане. Как свидетельствуют очевидцы, они утром шли на молитву, а вечером — воевать с японцами. Боевики принимали клятву не предавать дело борьбы, отдавать ей все силы, доблестно сражаться с врагами. В пров. Канвон мелкие партизанские отряды объединились под руководством Ли Сочхуна и в пров. Кёнсан вели тяжелые кровопролитные бои с японскими частями. Наряду с освободительными повстанцы решали и социальные задачи — выступали против тягчайшей эксплуатации, расправляясь со сборщиками налогов. Правительство пыталось уменьшить размах народного негодования. Император Коджон издавал указы, аннулировавшие недоимки крестьян за прошлые годы.

В провинции Чхунчхон, Чолла, Канвон прибыли правительственные чиновники, чтобы ознакомить население с обращением Коджона и призвать жителей к спокойствию.

Еще 30 мая 1896 г. был издан указ о дополнительной мобилизации в армию и праве провинциальных властей создавать отряды «для охраны порядка». Из Японии прибывали свежие военные силы. (Японских солдат под видом *кули* доставляли на транспортных и почтовых пароходах.) Между тем освободительное движение ширилось. Центром народной борьбы в конце XIX в. были южные провинции, где партизаны заняли главный город пров. Чхунчхон — Чхонджу. На севере страны под лозунгом «Изгнать японцев из Кореи» повстанцы двигались на Пхеньян. Антииностранные волнения вспыхивали на приисках английских и американских владельцев. В 1899, 1900, 1902 гг. представители США и Англии неоднократно обращались к Коджону с требованием послать войска на рудники в уезде Унсан.

В начале 1900 г. в северные районы Кореи вторглись китайские отряды *ихэтуаней*. Их вожди распространяли в корейских провинциях листовки с призывом к объединению сил: «Японцы и европейцы вторглись в нашу страну. Это нарушило священный порядок; необходимо сплотить все силы народа и очистить страну от заморских дьяволов. Только тогда государство окрепнет и народ будет жить благополучно». К 1901 г. на севере Кореи находилось уже около 3 тыс. китайских повстанцев. *Ихэтуани* меньше всего думали о независимости Кореи, но ненависть к европейцам и японцам объединила их с корейскими боевиками. Китайские и корейские повстанцы в начале 1901 г. заняли г. Ыйджу. В апреле 1901 г. китайские отряды появились на севере пров. Хамгён, летом того же года они совместно с корейскими партизанами действовали в районе городов Пхеньян–Ыйджу.

Корейское правительство было серьезно обеспокоено событиями на северных границах. Еще в июне 1900 г. император Коджон созвал экстренное совещание министров и иностранных дипломатов, на котором просил военной помощи у иностранных держав для борьбы с партизанами. В мае 1901 г. в районы восстания, кроме правительственных войск были направлены новые японские войска.

Центром освободительной борьбы оставались южные провинции Чолла, Кёнсан, а также Чхунчхон и 52 острова вдоль восточного побережья. Особенно

крупные волнения против японских купцов и рыбаков происходили на о-ве Чечжудо. Для его подавления прибыли не только корейские, но и американские, английские, французские и японские войска.

Наряду с партизанами «Ыйбён» («Армии справедливости») по всей стране создавались отряды под выразительными названиями: «Партия помощи беднякам» («Хвальбиндан»), «Партия хлеба для бедных» («Паппиндан»), «Восстание бедняков» («Пхоктон пидо»).

3 августа 1903 г. на заседании кабинета министров обсуждали вопрос о мерах усиления полицейских частей в 64 районах страны, где активно действовали партизаны.

Вторжение иноземцев укрепляло традиционную веру в монарха, представителя Неба на земле, как спасителя от иноземцев. Уверенность в возможности создания царства равенства после удаления иноземцев и плохих чиновников сплотила представителей самых различных религиозных учений. Эта вера превращала их борьбу в священную войну против иноверцев, объединила воедино религиозных противников — конфуцианцев, *тонхаков*, буддистов. В ходе освободительного движения под «защитой истины» понимали уже не религиозные воззрения, а независимость государства.

РЕФОРМАТОРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Национализм в эти годы стал господствующим идейным выражением протеста против иностранного вторжения. Однако проявления этих настроений были различными у простого крестьянина и *янбана*. Идеалы бедноты города и деревни, их мечты о создании общества равенства выражались в конкретных требованиях уменьшения эксплуатации, контроля над сборщиками налогов. Это отталкивало конфуцианцев-чиновников — участников движения. Все же стремление к независимости и общий консерватизм воззрений, поиски идеалов в культуре древности объединяли различные социальные слои. Преобладали свойственные социальной психологии крестьянства вера в пришествие избавителя, ожидание мессии, эсхатологические предчувствия.

Одновременно развивалось и реформаторско-просветительское, буржуазно-националистическое по своей объективной направленности движение. Деятельность участников этого движения преследовала ту же цель — независимость родины. Однако просветители рассчитывали достичь независимости мирными методами, через просвещение широких масс и преобразование общественного строя.

Сторонники реформ в конце XIX в. продолжали развивать идеи своих предшественников — мыслителей *сирхак* и *кэхва ундон*. Новое просветительское движение возглавили представители интеллигенции, уже побывавшие в Японии, США, странах Западной Европы. Они возвратились на родину после японо-китайской войны, когда была уничтожена вековая зависимость Кореи от Китая. В 1896 г. они создали в Сеуле «Тоннип хёпхве» («Общество независимости») и

издавали газету «Тоннип» («Независимость») на корейском и английском языках. С 1898 г. начали выходить газеты «Хвансон синмун» («Столичная газета») и «Тэхан мэиль синмун» («Корейская ежедневная газета»), находившиеся под влиянием общества. На страницах газет печатались статьи о положении в стране, о необходимости экономических и социальных реформ для развития национальной промышленности, сельского хозяйства, культуры. В них содержались призывы к преобразованию государственной системы, созданию парламента, конституционной монархии. Общество «Тоннип хёпхве» проводило в столице массовые митинги (до 5 тыс. человек), в которых участвовали представители самых различных слоев населения. Филиалы «Тоннип хёпхве» открылись в других крупных провинциальных центрах — Пхеньяне, Сувоне, Кёнджу, Чонджу, в северных районах пров. Чолла. В столице были созданы молодежное патриотическое общество «Тэхан чхоннён эгук кукхве», а также женское общество и организация сеульских купцов для защиты их интересов от иностранных торговцев. Русский дипломат Н.Г.Матюнин доносил в октябре 1898 г. в Министерство иностранных дел России, что только в столице создано семь просветительских обществ. Американский миссионер Х.Хальберт сообщал из Сеула, что участники общества объединяло единственное кредо — независимость от Китая и Японии, другими словами, призыв — «Корея для корейцев». Все члены этих обществ были активными организаторами и участниками массовых митингов, демонстраций. Основные темы ораторов сводились к провозглашению национальной независимости, прекращению иностранного вмешательства. Они затрагивали проблемы социально-экономического состояния страны, предлагали пути развития сельского хозяйства, промышленности, изменения государственной структуры. Выступавшие знакомили слушателей с американской конституцией, теориями французских и английских просветителей (Руссо, Локка, Монтескье и др.). Лидеры «Тоннип хёпхве» организовывали частные школы и курсы для взрослых.

Однако уже в июне 1898 г. конфуцианская реакция перешла в наступление. По указу императора Коджона было учреждено «Хангук хёпхве» («Корейское общество»), членами которого стали *янбаны*, чиновники, богатые купцы, а также розничные торговцы. Главой Общества стал наследный принц. Члены «Хангук хёпхве» были направлены во все провинции страны, чтобы начать расправу над участниками оппозиционных народных собраний. 9 октября император издал указ, запрещающий собираться на улицах и публично критиковать деятельность министров. Однако решительный протест городского населения, вышедшего на митинги и демонстрации, заставил Коджона отменить прежний и издать новый указ, провозглашавший ряд реформ системы управления. Сбор налогов из ведения министерства двора переходил в Министерство финансов, разработку недр отдавали Министерству земледелия и промышленности. По указу все жители страны, пострадавшие от хищений чиновников, получали компенсацию. Официально была гарантирована свобода слова. Однако все эти обещания Коджона не были выполнены. Более того, 24 октября 1898 г. император издал указ о роспуске «Тоннип хёпхве». 17 руководителей общества были арестованы по обвинению «в подстрекательстве» населения Сеула к нарушению общественного порядка. В ответ на эти акции в столице стихийно возникали митинги протеста, а перед воротами дворца прошла сидячая забастовка. Оставшиеся на свободе лидеры «Тоннип

хёпхве» создали новое, «Народное общество» («Инмин хёпхве»). Правительство под напором населения Сеула было вынуждено освободить арестованных членов «Тоннип хёпхве» и дать обещание выполнить их требования.

В то же время власть направила против демонстрантов регулярные войска. В декабре 1898 г. в Сеул прибыли английские солдаты. Япония и США также намеревались прислать военные силы для подавления народного движения. В феврале 1899 г. правительственные войска окончательно подавили движение. Тем не менее эти события конца XIX в. оказали серьезное воздействие на формирование национального самосознания различных социальных слоев корейского общества.

В эти годы между Россией и Японией велись переговоры по вопросу о Корее и Маньчжурии. Однако в ночь на 8 февраля 1904 г. без объявления войны Япония напала на русский флот в Порт-Артуре. 23 февраля того же года японские представители навязали Корее японо-корейский протокол, по которому Япония получала право использовать территорию Кореи в качестве базы для военных действий против России и обе договаривающиеся стороны обязывались оказывать друг другу взаимную поддержку.

16 мая Япония при поддержке Англии заставила корейского императора издать указ об аннулировании всех договоров, заключенных между Кореей и Россией. (Между тем император Коджон тайно передал в Министерство иностранных дел России, что он всецело предан России и при первой возможности отменит указ, изданный им под давлением японцев.) Япония продолжала наступать и вынудила Корею подписать «Конвенцию о советниках», которая обязывала императора приглашать финансового, дипломатического и других советников по рекомендации из Токио. Таким образом, правительство *микадо* фактически установило контроль над внешней политикой Кореи и получило возможность беспрепятственно вмешиваться в ее внутренние дела.

Задолго до начала войны Япония тщательно готовилась к внезапному нападению на Россию. В январе 1904 г. в порту Масан высадились 12 тыс. японских солдат, в городах строили казармы, привезли вооружение, боеприпасы. Япония провела первое крупное сражение на территории Китая, которое закончилось поражением русских войск. Во время военных действий на территории Кореи население высказывало симпатии к русским войскам, оказывало им всяческую помощь. Летом 1904 г. Коджон отдал приказ не стрелять в русских солдат, а помогать им в поставке фуража и продовольствия.

В ходе русско-японской войны активизировалась и деятельность чиновников-японофилов. Многие из них искренне верили в демагогические заверения правительства Японии о том, что оно хочет лишь помочь Корее стать независимым государством. При содействии японцев эта часть чиновников и компрадорская буржуазия основали «Общество реставрации» («Юсинхве»), вскоре переименованное в «Ильчин хве» («Единое прогрессивное общество»), члены которого помогали японской армии.

Русско-японская война тяжело отражалась на Корее. Районы, по которым проходили японские войска, были разорены, поля оставлены незасеянными, крестьяне бежали в горы. Население сгоняли на строительство железных дорог, перевозку грузов. На линии Сеул–Ыйджу с октября 1904 г. по сентябрь 1905 г. рабо-

тало 149 тыс. человек, насильственно мобилизованных в провинциях Хванхэ и Пхёнан.

В сентябре 1905 г. русско-японская война закончилась победой Японии и заключением Портсмутского мирного договора, по которому Корея была признана сферой влияния победителя. Однако, по настоянию России, Япония обязывалась согласовывать с корейским правительством все акции, затрагивавшие суверенитет Кореи.

ЯПОНИЯ В ПЕРИОД МЭЙДЗИ

Провозглашение императора непосредственным источником и носителем власти не решило проблемы создания в Японии стабильной системы правления, способной сплотить общество перед лицом внешней угрозы. Свержение *сёгуна* и гражданская война, несмотря на ее непродолжительность, усилили независимость княжеств, многие из которых обладали значительной военной силой и были готовы защищать свои интересы. Центральное, императорское правительство в первые годы оказалось в сложном положении: чтобы противостоять внешней угрозе, было необходимо сохранить целостность страны, и правительству приходилось действовать против интересов определенных слоев населения и территорий, зачастую не имея для этого достаточных сил. Правительству пришлось использовать тактику «интриг и хитрости», пока его целенаправленными усилиями не была создана авторитарная политическая структура, с помощью которой была проведена модернизация страны, удалось добиться отмены неравноправных договоров и начать колониальную экспансию в Азии. Безусловно, события в стране определялись не только потребностями проведения модернизации и усиления страны на международной арене, но и столкновением сословных, групповых и личных интересов и амбиций.

Период Мэйдзи можно разделить на несколько **политических** этапов: от «Реставрации» и до окончания гражданской войны (1868–1869); от завершения гражданской войны до ликвидации княжеств и создания префектур (1869–1871); от начала движения за народные права до принятия конституции (1871–1889); от первых выборов до перехода к «партийным» кабинетам (1889–1901); от первого «партийного» кабинета до эпохи компромисса между бюрократией и *сэйюкай* (1905–1914). Во **внешнеполитическом** плане: от «Реставрации» до отмены неравноправных договоров (1868–1894), а затем период колониальной экспансии в Корею и Китае, войны с Китаем и Россией. В **экономическом** плане страна пережила период первоначального приспособления к новым экономическим условиям (1868–1884), затем начался этап современного экономического роста (1885–1914).

Свергнув *бакуфу*, новые лидеры Японии столкнулись с проблемами, которые требовали немедленного решения. Одной из наиболее острых была задача **урегулирования внешних отношений**. Ее острота была обусловлена тем, что борьба против *бакуфу* велась под предлогом неспособности *сёгуна* изгнать иностранцев, поэтому падение *бакуфу* было воспринято самураями различных княжеств как сигнал к активным действиям против иностранцев. В феврале–марте 1868 г. были совершены нападения на иностранцев в Хёго, Сакаи и Киото. Возникла угроза вмешательства западных держав в еще не закончившуюся борьбу внутри страны.

Обострение внешнеполитической ситуации вынудило императорский двор предпринять срочные шаги: в феврале 1868 г. двор дал обещание наказать самураев, совершивших нападение на иностранцев, а иностранным державам были принесены извинения. В то же время императорский двор сделал заявление о том, что некоторые пункты заключенных ранее договоров с западными странами нуждаются в пересмотре. Чуть позже двор, уступая давлению юго-западных княжеств, полностью отказался от политики изгнания иностранцев и провел императорскую аудиенцию для послов западных стран. Это позволило урегулировать отношения с западными странами, тем более что послы всех зарубежных стран, кроме Франции, были готовы признать любое правительство Японии, способное выполнить условия заключенных с ними договоров.

Другой неотложной задачей было создание нового государственного аппарата взамен упраздненных манифестом о восстановлении императорской власти постов регента, главного советника и правительства (*бакуфу*). В новых органах государственной власти ключевые позиции заняли *кугэ* и самураи, активно участвовавшие в свержении *бакуфу*. В первом императорском правительстве, образованном 3 января 1868 г. во главе с князем Арисугава, власть сосредоточилась в руках *кугэ* Ивакура Томоми и Сандзё Санэтоми, тесно связанных с самураями княжеств Тёсю и Сацума. По этому же принципу подбирались старшие советники (*гидзё*), в число которых наряду с членами императорской фамилии и *кугэ* вошли *даймё* княжеств Сацума, Тоса, Аки, Овари и Этидзэн. Представители этих же княжеств вошли в число младших советников (*санъё*). После получения официального прощения от императора к ним присоединились представители княжества Тёсю. Реально работа по выработке и проведению политики нового правительства легла на младших советников, среди которых выделялись Кидо Коин, Сайго Такамори, Окубо Тосимити, Гото Сёдзиро, Окума Сигэнобу.

Сфера полномочий имперского правительства была, однако, еще более ограничена, чем сфера полномочий *бакуфу*, поскольку оно в большей степени зависело от поддержки княжеств. Эта зависимость отчетливо проявилась в увеличении числа советников от тех княжеств, чья военная сила и политическая поддержка были необходимы для успешного завершения войны на северо-востоке Японии и установления полного контроля над страной. Последняя задача была весьма сложной, поскольку самураи многих княжеств, вдохновленные победами над *бакуфу*, стремились вернуть своим княжествам независимое от центрального правительства положение. Существовала мощная тенденция к децентрализации страны.

Стремясь преодолеть эту тенденцию, правительство проводило политику «общественного обсуждения». Она включала обещание императора создать консультативную ассамблею и вырабатывать политику страны «в соответствии с общественным мнением». Об этом было заявлено в императорской клятве, принесенной накануне штурма сёгунского замка в Эдо. Правительство остро нуждалось в поддержке всей нации, поскольку не имело ни собственных военных сил, ни достаточной финансовой базы: его расходы на 72% покрывались практически не обеспеченными бумажными деньгами, а остальная часть — займами купцов из Осака и Киото. В этой ситуации правительству было важно подчеркнуть наличие у него конструктивной программы или по крайней мере пообещать, как это и

было сделано в императорской клятве, позволить «всем военным и гражданским чинам и всему простому народу... осуществлять свои собственные стремления и развивать свою деятельность». Это заявление должно было также заложить основы для примирения с потерпевшими поражение сторонниками Токугава и его чиновниками, которые были необходимы для нормальной работы по управлению страной.

В июне 1868 г. была проведена реорганизация государственных органов. Был создан Государственный совет (*дадзёкан*), которому принадлежала распорядительная власть в стране. Ему подчинялись Консультативный совет (*гисэйкан*), управление председателя и пять административных департаментов: по делам религии синто, финансов, военных дел, иностранных дел и юстиции, между которыми была разделена законодательная, исполнительная и судебная власти. Консультативный совет обладал законодательной властью, департамент юстиции — судебной, а остальные департаменты — исполнительной властью. Но принципы разделения властей сводились на нет тем, что на деле одни и те же лица руководили работой и законодательных и исполнительных органов.

Консультативный совет состоял из верхней и нижней палат. В первую вошли старшие и младшие советники из предыдущего состава правительства. Их число было резко сокращено. В основном это были самураи средних рангов из княжеств Сацума, Тёсю, Тоса, Хидзэн, Хиросима, Фукуи и Кумамото. Вторая палата включала представителей княжеств и имперских территорий, образованных из конфискованных у *бакуфу* земель. Правом решать обладала верхняя палата, а нижняя была лишь совещательным органом. Ее работа была призвана создать впечатление учета мнения всех княжеств в ходе принятия решений. Во главе Государственного совета был поставлен *кугэ* Сандзё Санэтоми. Основные департаменты формально возглавляли представители высшей знати, но реально ими руководили вице-министры, назначавшиеся из числа младших советников, соединявших в своих руках функции законодательной и исполнительной власти.

В августе 1869 г., после окончания боевых действий на о. Хоккайдо, система органов государственной власти была вновь изменена. Властные полномочия сосредоточились в руках Государственного совета, ключевые посты в котором заняла небольшая группа самураев из Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн, а самураи других княжеств были удалены со всех важных постов. Государственные деятели этого периода образовали небольшую олигархическую группу, пользовавшуюся доверием и поддержкой императора и достаточно самостоятельно определявшую курс развития страны. Первое поколение лидеров буржуазной Японии принято называть «олигархи Мэйдзи». Представители этой группы оставались у власти до начала 20-х годов XX в., обеспечивая преемственность и последовательность проведения политики модернизации Японии.

Радикальные реформы в стране, многие из которых намечались еще при последнем *сёгуне* Токугава Ёсинобу, нельзя было откладывать. Главными задачами стали объединение страны, проведение военной и аграрной реформ, которые были настолько взаимосвязаны, что их можно было осуществить только параллельно.

Наиболее сложной была **задача объединения страны**. До окончания боевых действий на северо-востоке правительство не решалось предпринимать активные действия в этом направлении, опасаясь нарушить хрупкий баланс сил, позволяв-

ший представителям Сацума, Тёсю и Тоса управлять страной от имени юного императора. Тем не менее императорский двор в 1868 г. подтвердил некоторые ограничения на деятельность *даймё*, существовавшие в токугавский период, в частности запрет на чеканку собственной монеты. Но нужны были кардинальные меры. В начале 1868 г. Кидо Коин выдвинул идею добровольного возвращения князьями своих владений императору, но она показалась слишком радикальной даже его соратникам. Эту идею поддержал Ито Хиробуми, предложивший механизм ликвидации княжеств, приемлемый для них. Он предполагал значительную компенсацию за отказ князей от прежних полномочий. Эти меры включали провозглашение *даймё* высшим сословием — *кадзоку*, сохранение за ними стипендий, прав занимать любой пост, соответствующий их компетенции, предоставление самураям возможности занимать посты в армии, государственном аппарате, а также сохранение за ними стипендий. Добившись поддержки своего плана в Тёсю, Кидо Коин и Ито Хиробуми обратились за поддержкой к самураям княжеств Сацума, Тоса и Хидзэн. Главным аргументом в пользу объединения страны был довод о том, что отсутствие внутреннего единства не позволит Японии изменить ее положение в мире.

Потребовались месяцы осторожных маневров, прежде чем главы княжеств Тёсю, Сацума, Тоса и Хидзэн подали 2 марта 1869 г. петицию с предложением издать указ о возвращении своих земель императору, чтобы завершить процесс объединения страны. Их примеру поспешило последовать большинство других князей.

В этот период начался отход от политики «общественного обсуждения и общественного мнения»: некоторые члены правительства стали активно и настойчиво требовать проведения политики «принятия самостоятельных решений и действий по собственному усмотрению». Усиление авторитарной тенденции было объективно необходимо, поскольку процесс децентрализации страны подошел к опасному рубежу, когда потребовалась сильная исполнительная власть, чтобы остановить нарастание хаоса.

Решение этой задачи для императорского правительства облегчалось тем, что во многих княжествах обстановка выходила из-под контроля местных властей, участились случаи насилия со стороны самурайских отрядов и крестьянские выступления под лозунгом «за улучшение жизни». Требовалось вмешательство центральной власти для их подавления. Кроме того, в декабре 1868 г. была проведена унификация аппарата управления княжеств. По императорскому указу, были установлены посты управителя (*сиссэй*) и советника (*сансэй*) для «осуществления императорской политики и помощи главе княжества», служебные дела княжества были отделены от семейных и личных дел его главы. Должности управителей и советников, как правило, занимали те местные деятели, которые сумели заручиться поддержкой самураев в своих княжествах и имели хорошие отношения с центром.

Процесс централизации страны принял форму возвращения князьями земель императору. Он вступил в завершающую фазу 17 июля 1869 г. после одобрения императорским декретом действий князей Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн. В декрете предписывалось всем *даймё*, еще не передавшим свои владения императору, последовать примеру глав этих княжеств. Первоначально территории, переданные императору, не перешли под непосредственный контроль центрального пра-

вительства, а остались под управлением бывших *даймё*, которые были назначены наследственными губернаторами с правами, не многим меньшими, чем те, которыми они обладали ранее. Им был определен годовой оклад, составлявший одну десятую годового дохода их княжеств, но при этом они освобождались от всех расходов по управлению княжествами и от обязательств по выплате стипендий самураям. Кроме того, была проведена реорганизация княжеств. Она включала отмену сложной системы рангов княжеств. Устанавливалось деление на крупные, средние и мелкие в зависимости от дохода. Размер жалования губернаторам, военные расходы, расходы на администрацию княжества и оплату стипендий самураям устанавливались пропорционально реальному сбору риса в каждом княжестве. Княжества впервые стали подотчетными центральному правительству. Кроме того, стипендии самураям, за исключением тех, кто принимал непосредственное участие в свержении династии Токугава, были сокращены в среднем на 40%.

Одновременно было изменено сословное деление общества: придворные и феодальная знать стали членами единого сословия высшего дворянства (*кадзюку*), их подданные стали дворянством (*сидзюку*), низшие по рангу самураи были объединены в сословие *соцу* (отмененное в начале 1872 г.), остальное население было отнесено к простому народу (*хэймин*). Несмотря на сохранение сословных различий, были созданы условия для формирования чувства национального единства, поскольку были сняты многие вертикальные перегородки. Это подготовило условия для ликвидации княжеств.

Однако действия правительства подверглись критике со стороны части самураев, в том числе и в княжествах Тёсю и Сацума, чья поддержка была жизненно важна для правительства. В обоих княжествах не только самураи, но и сами *даймё* были враждебно настроены к происходящим переменам. Это замедлило процесс централизации страны, поскольку пришлось восстанавливать единство в стане самих реформаторов. Это удалось сделать в марте–апреле 1871 г. Реформаторам также удалось усилить свои позиции в правительстве: Сайго Такамори и Кидо Коин были возведены в ранг государственных советников (*сангу*), Окубо Тосимити стал министром финансов. Позже советниками стали также Итагаки Тайсукэ и Окума Сигэнобу. Все *куэ* и *даймё*, кроме Сандзё Санэтоми и Ивакура Томоми, были удалены с ответственных постов.

После этих непростых маневров император 29 августа 1871 г. созвал всех губернаторов и объявил им о ликвидации княжеств и передаче всех земель в непосредственное распоряжение императора. Эти события произвели впечатление нового государственного переворота. В стране вместо княжеств были образованы 72 префектуры (*кэн*) и три столичные префектуры (*фу*). В конце 1871 г. было покончено с остатками княжеской администрации. Князьям приказали постоянно проживать в Токио, княжеские армии были распущены. Губернаторов стало назначать Министерство внутренних дел.

Эти действия увенчались успехом во многом благодаря компромиссу между князьями и центральной властью, которая фактически откупила от них, взяв на себя выплату громадных по тем временам долгов княжеств, составлявших 78,1 млн. иен. Для многих княжеств такой оборот дел был наиболее благоприятным выходом из крайне тяжелого экономического положения.

Одним из важнейших условий успеха политики централизации страны было создание центральным императорским правительством в апреле 1871 г. **собственных вооруженных формирований** численностью более 10 тыс. человек. Правительству также удалось существенно ослабить военную мощь княжеств, вначале ограничив их право иметь собственные армии, а затем упразднив воинские формирования в княжествах. Создание армии центрального правительства стало гарантией успеха политических преобразований. В декабре 1872 г. была введена всеобщая воинская повинность, которая позволила создать регулярную армию численностью 36 тыс. человек в мирное время. С этого момента правительство получило базу для проведения независимой жесткой политики.

Призыву на семилетнюю (три года срочной службы и четыре — в резерве) военную службу подлежали все мужчины в возрасте 20 лет. Это было и кардинальной социально-политической реформой, поскольку было покончено с привилегией самураев на выполнение воинских обязанностей. Принятие новой системы комплектования вооруженных сил усилило расхождение между консервативным крылом в правительстве, которое выступало за сохранение и самураями статуса военной и политической элиты, и теми, кто считал такое положение вещей несовместимым с созданием мощного современного государства. Армия являлась не только инструментом проведения правительственной политики, она также стала местом идеологической обработки молодого поколения японцев, которым внушались идеи, призванные узаконить и возвысить новые институты Японии.

Решению этой задачи должно было послужить и **введение** в сентябре 1872 г. **обязательного начального образования**. Новая система школьного образования разрушила прежнюю сословную систему образования, которая была ориентирована на самураев и обеспеченные городские слои. Наряду с созданием новой школьной системы по западным образцам была создана система среднего и высшего образования. Система образования была полностью подчинена правительству, которое наполняло его новым содержанием. Однако обязательное обучение в начальных школах было платным, что вызывало протесты трудящихся, для которых эта ноша была чрезвычайно тяжелой.

Были приняты меры к развитию **системы транспорта и связи**, которые проводились под наблюдением департамента общественных работ. К 1870 г. телеграф был введен в действие в районе Токио—Иокогама, а в 1871 г. Япония была связана телеграфным кабелем с Владивостоком и Шанхаем. В 1871—1872 гг. была создана государственная почтовая служба. В 1872 г. завершилось строительство железных дорог Токио—Иокогама и Токио—Кобэ. Это позволило центральному правительству лучше контролировать положение в стране и способствовало преодолению территориальной разобщенности.

Важнейшим шагом к овладению ситуацией в стране стало **проведение земельной реформы**. Она была тем более необходима, что в связи с естественным ослаблением давления на крестьянство со стороны властей княжеств, усложнением экономической ситуации в стране и ростом крестьянских протестов (отмечено 343 выступления в 1868—1872 гг.) поступления от поземельного налога уменьшались из года в год. Крестьяне были недовольны тем, что, несмотря на ликвидацию *бакуфу* и обещанное в январе 1868 г. 50-процентное снижение нало-

гов на его территориях, сохранялся прежний налоговый гнет. Кроме того, три первых пореформенных года, начиная с 1867 г., были неурожайными. Это ухудшало и без того бедственное финансовое положение правительства, чьи бюджетные доходы не покрывали и 15–25% его расходов. Дефицит бюджета покрывался частично внешними займами, которые правительство брало крайне неохотно, но в основном путем выпуска бумажных денег, что усиливало инфляцию в стране.

Не располагая достаточными силами для административного контроля за крестьянством, правительство встало на путь использования экономических рычагов. В сентябре 1871 г. был разрешен свободный выбор сельскохозяйственных культур для посевов, в феврале 1872 г. была признана частная собственность крестьян на землю, которой они фактически владели, и был отменен запрет на продажу земли, в августе 1872 г. было разрешено одновременно заниматься сельским хозяйством и торговлей. Была проведена перепись земель. Одновременно с признанием прав крестьянина или любого другого лица на землю и выдачей ему свидетельства на право владения землей (*тикан*) устанавливалась сумма налога в зависимости от стоимости земли.

Унификация налогообложения была произведена 28 июля 1873 г., когда была введена единая ставка налога на землю в размере 3% ее рыночной стоимости, хотя потребовалось еще несколько лет, чтобы распространить ее по всей стране. Этот подход был значительно удобнее для правительства, чем способы исчисления ставки налога, применявшиеся ранее и основывавшиеся на ежегодной или средней за ряд лет оценке урожая, поскольку он позволял рассчитывать на определенный размер поступлений и не зависел от величины урожая. Кроме того, он вносился непосредственно владельцем земли в денежной форме и не был подвержен резким колебаниям от района к району. Однако такой размер поземельного налога для крестьянина означал, что основная часть урожая будет уходить на выплату налога. Естественно, что это решение не могло удовлетворить крестьянство, которое ответило на него многочисленными выступлениями. Правда, они, как правило, носили мирный характер. В 1873 г. в связи с налоговой реформой прошли крестьянские волнения в префектурах Ибараки, Миэ, Айти, Иватэ, Токусима и др. (99 выступлений сельских жителей в 1874–1881 гг.). Это было нелегким испытанием для правительства, но страна получила современную систему налогообложения. Правительство под давлением крестьянских выступлений несколько ослабило налоговый гнет, пересмотрев земельный кадастр в сторону снижения рыночной цены земельных участков, уменьшив ставку налога, а также налоговые выплаты в случае стихийных бедствий, если неурожай составлял более 50% от средней нормы, и разрешив жителям удаленных деревень вносить налог в продуктовой форме.

Поземельный налог в первое десятилетие периода Мэйдзи обеспечивал 80% бюджетных поступлений. Значение поземельного налога определялось тем, что в сельском хозяйстве было занято 75–80% производительного населения, там производилось 65% внутреннего национального продукта Японии. Продукция сельского хозяйства составляла свыше 80% японского экспорта.

В сложной внутривластной обстановке, когда резко понизился социальный и политический статус военного сословия, отношение к целям внешней политики было далеко не однозначным. Протесты самураев с самого начала приня-

ли форму вооруженных выступлений, направленных на смещение правительства. Особенно ускорился процесс упадка военного сословия после ликвидации феодальных владений в 1871 г. Стремление удержать самурайство от деградации подталкивало его лидеров к выдвиганию предложений о возврате к прежним нормам распределения урожая в деревне и о том, чтобы обязать промышленников обеспечить выплату стипендий всем самураям с доходом менее 100 коку рика. Другой формой поддержки военного сословия они считали агрессию на материке, тем более что цели внешней экспансии казались вполне достижимыми.

По мере овладения положением в стране правительство решило направить в США и Европу компетентную дипломатическую миссию во главе с Ивакура Томоми с целью пересмотра неравноправных договоров. Особенно нетерпимым было наличие в открытых портах иностранных поселений (сеттльментов), пользовавшихся правами экстерриториальности, а также лишение Японии таможенной автономии. Несмотря на уважительный прием в столицах США, Великобритании и Германии, продолжительная поездка этой миссии (1872–1873) показала, что попытка пересмотра договоров предпринята преждевременно. Условием установления равноправных отношений было проведение реформ, в том числе пересмотр судебной системы, а главное — такое усиление Японии, которое позволило бы ей на равных вести переговоры с западными странами.

Летом 1873 г. в Японии произошли события, которые поставили под вопрос ее дальнейшее продвижение по пути реформ. Опасность возникла в результате того, что влиятельные силы внутри правительства выступили за военный поход против Кореи в связи с отказом последней признать новое правительство Японии в качестве своего сюзерена и ее непочтительным отношением к японской дипломатической миссии. Главной причиной чрезмерной агрессивности японской стороны было стремление найти возможность применения военного сословия, значительная часть которого в случае успеха военной кампании в Корее могла бы получить новые земли. В победе лидеры самураев не сомневались, явно недооценивая влияние западных держав, которые вряд ли позволили бы Японии воспользоваться победой, даже если бы ее удалось одержать.

В поддержке похода против Кореи сомкнулись интересы разных политических группировок. По разным причинам это решение поддерживали Сайго Такамори, Итагаки Тайсукэ, Создзима Танэоми, Это Симпэй, занимавшие ведущие позиции в государственном аппарате. Осуществлению этого плана помешало возвращение в Японию основных членов миссии Ивакура. Наиболее активную роль в срыве планов военного похода в Корею сыграли Ивакура и Окубо, опасавшиеся китайской или российской интервенции, если Япония решится вторгнуться в Корею. Это решение привело к глубокому расколу в рядах правящей группировки. Из состава правительства вышли Сайго, Создзима, Это, Гото и Итагаки, а также их сторонники, занимавшие менее значительные должности в государственном аппарате и армии. Они были крайне враждебно настроены по отношению к правительству, и почти все они возглавили те или иные антиправительственные выступления или движения.

Выход из правящей группировки столь влиятельных фигур имел далеко идущие последствия для японской истории и ролей главных действующих лиц на ближайшие десятилетия. Во-первых, уход части влиятельных деятелей Мэйдзи

привел к сплочению оставшихся. Их лидерами стали Окубо Тосимити, занявший пост министра внутренних дел, Ито Хиробуми, назначенный советником и занявший пост министра общественных работ, а также Окума Сигэнобу, получивший пост министра финансов. Правительство наметило программу действий по модернизации страны. Во-вторых, вокруг Сайго Такамори сплотились самураи, недовольные падением своего престижа и социальной значимости. Особенно опасным было то, что недовольство самурайского сословия локализовалось в княжестве Сацума, сыгравшем решающую роль в свержении *бакуфу*. В-третьих, выход из правительственной группировки Итагаки отражал недовольство многих чрезмерным засильем выходцев из Сацума и Тёсю в новой государственной власти. В 1874 г. Итагаки и Гото обратились к императору с просьбой создать выборную ассамблею. Получив отказ, эти политические деятели обратились за поддержкой к народу, положив начало Движению за свободу и народные права. В этом движении активно участвовали самураи. Но постепенно к нему стали активно присоединяться богатые фермеры и горожане. Правительство было вынуждено считаться с возникшей оппозицией, предпринимая иногда демонстративные, а порой и реальные шаги навстречу ей, чтобы снизить накал антиправительственной активности. В 1875 г. был издан императорский рескрипт о постепенном введении конституционной формы правления.

Самураи были активными участниками всех движений этого периода, поскольку модернизация страны затрагивала их жизненные интересы. Правительство проводило меры, направленные на ликвидацию привилегий этого сословия: в 1872 г. самураям было разрешено заниматься производственной и торговой деятельностью, в 1876 г. им было запрещено ношение оружия. Каждое из этих решений правительства вызывало бурные протесты со стороны самураев. Их активность проявлялась в участии в Движении за свободу и народные права, а также в многочисленных террористических актах, направленных в первую очередь против деятелей правительства. Многие члены правительства Мэйдзи погибли от рук недовольных самураев.

Во многом ответом на давление со стороны самурайской оппозиции были и действия в отношении Кореи (сентябрь 1875 — январь 1876 г.). Одним из таких шагов была также экспедиция на Тайвань (апрель 1874 г.), основными участниками которой стали самураи княжества Сацума. После спровоцированного самими японцами инцидента на о-ве Канхва к берегам Кореи была направлена японская флотилия, которая вынудила Корею подписать с Японией неравноправный договор, открывший путь вмешательству во внутреннюю политику этой страны.

Однако правительство не смогло предотвратить давно уже назревавшего вооруженного выступления самураев в Сацума (февраль–сентябрь 1877 г.), которое увенчало серию антиправительственных выступлений самураев в других княжествах в середине 70-х годов. Первым в этом ряду было восстание в Сага (преф. Хидзэн) в феврале 1874 г. под руководством Это Симпэй. Восстание продолжалось около двух недель и было сравнительно немногочисленным. Опасность восстания в Сацума, разразившегося в 1877 г., заключалась не только в многочисленности самураев в префектуре, но и в том, что практически все чиновники префектуры разделяли антиправительственные настроения Сайго Такамори, практически игнорируя указания из Токио. Сайго — герой «Реставрации», бывший

военный министр — пользовался огромным харизматическим влиянием, и под его знамена могли встать многие самураи по всей стране. Когда в феврале 1877 г. Сайго во главе большого отряда (под его командованием находилось 14 тыс. самураев) начал движение на Токио, правительство сделало все, чтобы остановить восставших. Интенсивность боевых действий была выше, чем при свержении *бакуфу*: из 65 тыс. солдат, участвовавших в боевых действиях, 6 тыс. человек погибли в бою, 10 тыс. было ранено, а финансовые расходы составили 42 млн. иен. Но перевес сил был на стороне правительства, которое располагало 46-ти тысячной регулярной армией, организованной на основе всеобщей воинской повинности. Кроме того, правительству удалось изолировать район восстания, а само самурайство Сацума не пользовалось поддержкой крестьянства. 23 сентября 1877 г. Сайго, отказавшись сдаться, совершил *харакири*.

Благоприятную роль сыграло и то обстоятельство, что после крупных выступлений крестьянства в префектурах Ибараки, Миэ и других правительство в январе 1877 г. понизило земельный налог до 2,5% от кадастровой стоимости земли, что привело к уменьшению числа крестьянских выступлений в столь напряженный момент. В целом восстания самураев показали, что реформы, проводимые правительством, переросли те рамки, в которых они начинались.

Иной характер носила деятельность самураев, возглавляемых Итагаки Тайсукэ, Гото Сёдзиро (княжество Тоса) и Создзима Танэоми (княжество Хидзэн). Они не были противниками модернизации, но видели путь к успеху этой политики в создании представительных органов власти, в которых участвовали бы представители всех территорий и которые могли бы завершить процесс политических преобразований. Безусловно, деятельность этой группы самураев, называвших себя партией патриотов (*айкокукото*), не принесла бы столь заметных результатов, если бы она не была поддержана различными слоями японского общества, которые по разным причинам были недовольны деятельностью правительства. Выступление Итагаки, Гото, Создзима с петицией о создании выборного законодательного органа в январе 1874 г. положило начало Движению за свободу и народные права (*дзю минкэн ундо*). По своему характеру и составу участников это движение было буржуазно-демократическим, а требования введения представительных институтов преследовали цель ограничения власти не императора, а его советников (выходцев из княжеств Тёсю и Сацума) и в основном мотивировались необходимостью сохранения страны перед лицом западных держав.

Безусловно, противоречие между Окубо, а после его смерти между Ито Хиробуми, с одной стороны, и Итагаки Тайсукэ — с другой, было не только противоречием между политическими деятелями, речь шла о разных вариантах развития страны. Причем, как ни странно, предложения Итагаки и его последователей были более органичны, более традиционны, чем тот путь, который выбрал Окубо, но только последний выводил Японию в число ведущих держав мира, а для этого предстояло реализовать лозунг «Богатая страна, сильная армия». Именно принципиальные расхождения по поводу того, как достичь этой цели — общей для всех трех групп, — и были причиной их расхождения и последующих столкновений. Но если Сайго Такомори возглавлял направление феодальной реакции, которое было необходимо ликвидировать, то два других направления были взаимодополняющими: широкое Движение за свободу и народные права удерживало

жесткую авторитарную структуру от превращения в тоталитарную, в то же время авторитарная власть позволяла проводить целенаправленную политику договняющего развития.

Наиболее ярко это проявилось в таком важном процессе, как разработка и принятие конституции Японии. Интерес к конституционному опыту западных стран зародился в Японии достаточно давно. В 1843 г. *даймё* княжества Этидзэн заказал перевод текста голландской конституции. Затем в созданном *бакуфу* Бюро переводов (Бансё сирабадокоро) переводились и изучались материалы по конституционной форме правления в западных странах. Лидеры княжеств Сацума и Тёсю также проявляли интерес к западной политической теории, но после «Рестаурации» они были вынуждены усвоить прагматический подход к проблемам управления страной, который делал введение конституции весьма отдаленной целью. Тем не менее в 1869 г. был создан специальный комитет во главе с Это Симпэй для изучения конституций западных стран.

Первым из ведущих политических деятелей к выводу, что правительство должно действовать на основе писаной конституции, пришел Кидо Коин после поездки в 1871 г. в Европу и США. Его предложения активизировали работу в этом направлении. Но мощный толчок подготовке конституции был дан поездкой по США и Европе миссии Ивакура. После ее возвращения в 1873 г. Ито Хиробуми и Тэрадзима Мунэнори было поручено заняться изучением вопросов конституционного правления, хотя речь не шла о его немедленном введении. Против этого предупреждал Кидо, к этому склонялся и Окубо, которого больше привлекали прусская государственная система и пример Бисмарка. По мнению Окубо, абсолютистское правительство, возглавляемое талантливым политиком, в большей мере, чем демократическое правительство, отвечало и японским традициям, и обстановке переходного периода. Ито Хиробуми, находившийся под влиянием Окубо, полностью поддерживал это мнение.

После смерти Кидо (май 1877 г.) и гибели Окубо (май 1878 г.) задача создания конституции легла на Ивакура Томоми, Окума Сигэнбу, Ито Хиробуми и Ямагата Аритомо. В начале 80-х годов подготовка конституции была осложнена борьбой за влияние в правительстве между Ито и Окума. Окума, ориентируясь на набирающее силу Движение за свободу и народные права, в марте 1881 г. выступил с предложением о введении конституции, которая предполагала бы формирование партийных кабинетов, ответственных перед парламентом по английскому образцу. Более того, он настаивал на резком ускорении этого процесса: 1881 г. — составление конституции, 1882 г. — провозглашение конституции и 1883 г. — первые выборы. Это была попытка изменить соотношение сил в правительстве в свою пользу. Естественно, что она натолкнулась на согласованное противодействие со стороны Ито, Ямагата, Ивакура, которые не собирались уступать свои позиции и выступали за постепенное введение такой парламентской системы, которая бы еще в течение ряда лет не угрожала их праву от имени императора управлять страной. В результате в июне 1881 г. предложения Окума были отвергнуты, а сам он после попытки публичной критики правительства в октябре 1881 г. был выведен из его состава.

Раскол в правительстве ускорил возникновение политических партий. Политическая борьба в стране усилилась. 12 октября 1881 г., чтобы снизить накал по-

литической борьбы, был обнародован императорский указ с обещанием в 1889 г. даровать народу конституцию, а в 1890 г. созвать парламент. Однако сбить политический подъем не удалось: 29 октября 1881 г. была создана первая политическая партия Японии — Дзююто (Конституционная либеральная партия) во главе с Итагаки Тайсукэ. 14 марта 1882 г. появилась Кайсинто (Партия конституционных реформ), которую возглавил Окума. Обе партии отражали интересы городской и сельской буржуазии, но они не встретили поддержки со стороны правительства, которое попыталось создать альтернативную проправительственную партию — Тэйсэйто (Конституционная императорская партия). Последняя, однако, была малочисленной и не играла сколько-нибудь значительной роли в политической жизни.

Партии оппозиции ставили главной целью своей деятельности участие в разработке конституции и готовились к тому моменту, когда она будет введена в действие. Правительство, стремившееся подавить оппозицию, действовало полицейскими методами, широко применяя репрессивный закон о печати (1875 г.), жестокий в июле 1877 г. В апреле 1880 г. был усилен полицейский контроль за проведением политическими организациями митингов и собраний, было запрещено устанавливать связи с аналогичными организациями в других районах страны. Несмотря на принимаемые меры, первая половина 80-х годов оказалась нелегким временем для правительства.

Особенно сильное влияние на ситуацию в стране оказывала нарастающая инфляция, во многом обусловленная огромными государственными расходами. Если в начале 70-х годов их высокий уровень был связан с созданием армии и подавлением восстания в Сацума, то затем началась подготовка к большой войне на азиатском материке. Численность армии была доведена до 73 тыс. в мирное и до 200 тыс. человек в военное время. Развивалась военная промышленность, производившая стрелковое, артиллерийское вооружение, боеприпасы, обмундирование для армии. Непрерывно рос военно-морской флот: в 1872 г. он насчитывал 17 кораблей, к 1878 г. флот увеличился до 22 кораблей. Новые корабли строились в Японии и за рубежом. К началу войны с Китаем японский флот насчитывал 28 современных кораблей общим водоизмещением 57 тыс. т. Военные расходы составляли треть государственного бюджета. Так, в бюджете 1892 г., составлявшем 84 млн. иен, военные расходы достигли 34,5 млн. иен. Но помимо вооруженных сил на службе в аппарате центрального правительства находилось 37 тыс. человек, на содержание которых также требовались большие средства.

Участие правительства в экономике не ограничивалось только военной промышленностью. Оно взяло на себя эксплуатацию тех предприятий, которые перешли ему по наследству от *бакуфу*, а также создало ряд так называемых образцовых предприятий в различных отраслях: хлопкопрядильные фабрики в префектурах Айти и Хиросима, шелкомотальные фабрики в Маэбаси и Томиока, предприятия по производству черепицы, цемента, шерстяных тканей, соды, хлорной извести. Часть предприятий создавались для развития определенных районов. Например, комиссия по развитию о. Хоккайдо построила там пивной и сахарный заводы. В 70-е годы практически все предприятия, использовавшие западную технологию, создавались с участием правительства. В результате в 1880 г. в собственности правительства находились 3 кораблестроительные верфи,

51 торговый корабль, 5 военных заводов, 52 различные фабрики, 10 шахт, 75 миль железных дорог, телеграф, связывавший все основные города страны. Кроме того, правительство субсидировало почтовую службу и предпринимало шаги по развитию о. Хоккайдо и поощрению эмиграции на этот слабозаселенный остров. Однако это требовало значительных капиталовложений, которые достигали в 1868–1880 гг. более 5% бюджетных поступлений. Создавая эти предприятия, правительство преследовало не только экономические, но и политические цели. В частности, оно пыталось найти новые виды занятости для самураев. Правительственные предприятия позволяли дать им навыки, необходимые для организации собственных предприятий, или профессию. Причем правительство делало это не только для того, чтобы понизить напряженность в этом социальном слое, но и потому что справедливо считало, что самураи по своему характеру способны внести большой вклад в развитие страны.

Однако такая экономическая политика правительства вела к росту инфляции: в декабре 1880 г. правительство имело 7 млн. иен в валюте для обеспечения 159 366 млн. иен неоплаченных банкнот, а бумажные деньги обменивались на серебро в половину их нарицательной стоимости. В результате цены на рис подскочили с 5,7 иены за коку в 1877 г. до 9,4 иены — в 1879 г. и до 12,2 иены — в 1880 г. Такая динамика цен была выгодна крестьянам. Но она негативно сказывалась на положении правительства, чьи реальные поступления от поземельного налога сократились. Кроме того, инфляция угрожала доходам бывших самураев от облигаций займов, полученных ими взамен стипендий, и усиливала их недовольство правительством.

Ситуация усугублялась дефицитом внешней торговли, существенно выросшим после «Реставрации». За 1868–1881 гг. суммарный дефицит внешней торговли, на 94–95% находившейся в руках иностранных торговых компаний, составил почти 79 млн. иен. Он был частично покрыт двумя займами, полученными в Лондоне, и краткосрочными частными капиталовложениями зарубежных инвесторов, но главным образом экспортом серебряной монеты, объем которого в 1872–1881 гг. составил более 70 млн. иен.

Выходом из ситуации стала антиинфляционная политика, проводившаяся в 1882–1887 гг. министром финансов графом Мацуката Масаёси (1835–1924). Ее основными целями были выкуп неконвертируемых бумажных денег и создание золотого резервного фонда для обеспечения новых конвертируемых банкнот. Благодаря введению новых косвенных налогов (акцизные налоги возросли в пять раз), переложению части своих расходов на местные органы власти и распродаже государственных предприятий правительству удалось в течение 4–5 лет выкупить значительную часть бумажных банкнот. Однако полный паритет между массой денежных средств и серебром был достигнут только к 1894 г.

1881 год стал водоразделом в государственной экономической политике: если до этого государство выступало лидером промышленного развития, то в последующий период инициатива перешла в частные руки, главным образом в руки акционерных обществ. Правительство взяло на себя задачу обеспечить благоприятные условия для предпринимательской деятельности, создав прежде всего современную банковскую систему, что стало важнейшим звеном финансовой реформы. В 1882 г. был учрежден Японский банк, на который были возложены

задачи центрального банка, координирующего финансовую деятельность государства и других банков. Самой первой задачей банка стал выкуп неконвертируемых банкнот и выпуск новых, обеспеченных серебром и золотом. Следующим шагом стало предание в 1887 г. специальному валютному Июкогамскому банку статуса главного банка, осуществлявшего операции с валютой. Такой банк был чрезвычайно важен для проведения политики правительства по наращиванию военной мощи. Эта политика предполагала импорт вооружений и оборудования для военного и связанных с ним производств.

Одним из важнейших компонентов финансовой системы стало созданное в 1877 г. при министерстве финансов Бюро вкладов, которое получало на хранение сбережения мелких вкладчиков, в основном крестьян. В 1885 г. было 300 тыс. вкладчиков и сумма вкладов составляла 9 млн. иен, в 1896 г. — 1,25 млн. вкладчиков и 28 млн. иен, в 1914 г. — 12 млн. человек и 189 млн. иен. Средства мелких вкладчиков направлялись в государственные ценные бумаги, а также предоставлялись в качестве займов крупным компаниям, что позволяло использовать средства, накапливавшиеся у мелкой и средней буржуазии, для финансирования крупномасштабных производств. Эти же задачи решали небольшие местные независимые банки. К 1901 г. их число достигло 2359, а сумма вкладов — 516 млн. иен, из них менее 940 банков имели капитал свыше 100 тыс. иен и капитал только 78 банков превышал 1 млн. иен.

Существовала необходимость в крупных инвестиционных банках, которые взяли бы на себя финансирование крупномасштабных предприятий в Японии, а позже и на подвластных ей территориях. В связи с этим в 1896 г. был создан Ипотечный банк Японии, а в 1900 г. — Промышленный банк, предназначенный главным образом для финансирования промышленности. Последний позже стал важным каналом получения иностранных капиталовложений путем размещения японских ценных бумаг на Западе.

Успех антиинфляционной политики Мацуката привел к падению цен, в том числе и на рис. Так, индекс цен на рис с 1881 по 1887 г. упал с 221 до 103 (цена 1873 г. = 100). Если брать рыночные цены, то цена на рис снизилась с 14,4 иены за коку риса в 1881 г. до 4,61 иены в январе 1884 г. Упали цены на шелк. Это повысило реальные поступления в казну от поземельного налога, но выплата налога стала более тяжелой для крестьян, что ускорило разорение мелких крестьян-собственников, поскольку если в 1877 г. на уплату налогов уходило в среднем 16% урожая, то в 1884 г. эта доля составляла 33%. В 1883–1885 гг. из-за невозможности уплатить налоги и погасить долги земли лишились более 212 тыс. крестьян, усилился отток населения из деревни в город. Увеличилась доля земли, обрабатываемой арендаторами (к 1890 г. она составляла около 40% всей земли). Происходила концентрация земельной собственности. Естественно, что этот процесс сопровождался ростом социальной напряженности в деревне. Возникали самодеятельные «партии должников», «партии бедных людей», которые требовали освобождения от выплаты долгов, отсрочки выплаты процентов по долгам или их реструктуризации. Это движение развивалось независимо от Движения за свободу и народные права.

Шел процесс концентрации производства в промышленности. Этому способствовала также продажа государственных предприятий. Передача государствен-

ных предприятий немногим частным компаниям стала важным фактором формирования концернов — *дайбацу*, которые в дальнейшем господствовали в современном секторе японской экономики. Первые концерны появляются именно в первой половине 80-х годов. Среди них компания Мицубиси, купившая у правительства верфи в Нагасаки, дом Мицуи, купивший шелкомотальную фабрику в Томиока, компании Асано и Фурукава и некоторые другие крупнейшие компании.

Проведенные реформы способствовали ускорению экономического роста. Этому благоприятствовал высокий уровень развития традиционного сельского хозяйства (средняя плотность населения 87 человек на кв. км), что позволяло без каких-либо потрясений и насилия направлять часть населения в город, в то же время развитие промышленности, внешней торговли повысило спрос на многие коммерческие культуры (шелк, хлопок и т.д.), что привело к росту денежных доходов в сельском хозяйстве и способствовало расширению внутреннего рынка. Например, годовое производство шелка-сырца, спрос на который был высок в связи с болезнью шелковичных червей в Европе в 1860-е годы, выросло с 278 тыс. кип в 1868 г. до 457 тыс. в 1883 г., а в 1900 г. превысило 1 млн. кип. В 1889–1893 гг. экспорт шелка давал в среднем 27 млн. иен в год, т.е. около трети стоимости японского экспорта. Немаловажным был рост урожайности всех сельскохозяйственных культур, в том числе и риса. Сбор риса увеличился на 30% между 1880 и 1894 гг., частично за счет расширения обрабатываемых площадей, но главным образом благодаря новым методам ведения хозяйства. Это не только поддержало рост населения, которого страна не знала с середины XVIII в., но и позволило увеличить потребление риса на душу населения.

Определенной удачей для страны было то, что на начальном этапе создания хлопкопрядильной промышленности (до 1887 г.) она была обеспечена собственным сырьем. В 90-е годы конкуренция индийского хлопка привела к падению производства хлопка в Японии. Тогда же происходит упадок деревенской промышленности, связанной с переработкой хлопка.

В целом сельское хозяйство развивалось успешно и стало важнейшим фактором стабильного социально-экономического и политического развития Японии. Оно обеспечило большую часть накоплений и явилось основным источником частных и государственных инвестиций в промышленность; кроме того, экспорт сельхозпродукции (шелк, чай) позволил оплатить значительную часть закупок техники и материалов за границей. В частности, шелк приносил до 40% валютных поступлений страны.

В промышленности в 1892 г. начался выпуск электрического оборудования, в этом же году появился первый японский локомотив, к 1895 г. добыча угля составила 5 млн. т, а его потребление японскими фабриками превысило 1 млн. т, производство пряжи составило 100 млн. фунтов. Объем внешней торговли в 1882–1893 гг. был менее 80 млн. иен, причем экспорт впервые превысил импорт. В структуре экспорта и импорта произошли существенные перемены: закупки готовых изделий сократились с 48,6% в 1878–1882 гг. до 35,1% в 1893–1897 гг., а импорт сырья за тот же период возрос с 3,5 до 22,7% (главным образом благодаря импорту хлопка), а также вырос объем экспорта готовых изделий с 7,2 до 26,2%. Япония уверенно встала на путь промышленного развития, а отношения, складывавшиеся в промышленности, выступали залогом будущего всех других форм.

По-прежнему сложным вопросом оставались **отношения с западными странами**. Большой проблемой оказалось восстановление суверенитета Японии. Несмотря на согласие США предоставить Японии таможенную самостоятельность, Великобритания в 1878–1879 гг. заблокировала возвращение Японии этих прав. В 1882 г. она вновь не уступила в вопросе об отмене права экстерриториальности поселений иностранцев. Однако правительство Японии, подстегиваемое оппозицией и общественным мнением, продолжало искать решение проблемы.

В 1886 г. оно было готово пойти на создание смешанных судов с участием иностранных судей, но протесты внутри страны привели к отказу от этого плана. Попытка Окума, в то время министра иностранных дел, возобновить переговоры, несмотря на то что он добился отмены экстерриториальности в обмен на согласие иметь смешанные апелляционные суды, имела печальные последствия: соглашение не состоялось, сам Окума был ранен террористом, а правительство было вынуждено уйти в отставку.

Начало работы парламента в 1890 г. существенно изменило политическую обстановку в стране, поскольку нельзя было уже в прежней степени игнорировать настроения народа, тем более что оппозиция использовала любой предлог, чтобы ослабить позиции правящей олигархии. Вновь особую остроту приобрел вопрос о внешних отношениях. Летом 1893 г. министр иностранных дел Муцу Мунэмицу возобновил переговоры в Лондоне. Ссылаясь на общественное мнение, которое не приемлет иного исхода, как полная отмена экстерриториальности, и предлагая определенные торговые преимущества, он смог добиться успеха: экстерриториальность подлежала отмене с принятием Японией нового гражданского кодекса (окончательно это произошло в 1899 г.), взамен иностранным купцам предоставлялась возможность ведения торговли и в других частях Японии помимо открытых портов. Соглашение было подписано в июле 1894 г.; буквально накануне китайско-японской войны.

Китайско-японские противоречия нарастали с середины 70-х годов, когда Япония угрозой применения силы навязала Корее договор об установлении отношений и открытии портов. Этот договор вызвал возражения у Китая, который считал, что Корея являлась зависимым от него государством и не имела права заключать такой договор самостоятельно. Соперничество Китая и Японии в Корее привело к борьбе группировок внутри двора *вана* в Корее, а затем к военным столкновениям в стране. В июле 1882 г. в ходе восстания солдат сеульского гарнизона были перебиты японские офицеры-инструкторы и сожжено здание японской дипломатической миссии. В ответ Япония силой оружия добилась компенсации ущерба и права держать войска в Сеуле для охраны своей миссии. В декабре 1884 г. корейские реформаторы в расчете на поддержку Японии попытались совершить государственный переворот. Но свергнутое ими правительство Кореи с помощью китайских войск восстановило прежнее положение. Разгрому вновь подверглась японская миссия, были убиты несколько японских офицеров и солдат. Под угрозой применения силы корейско-японские отношения были восстановлены, но потребовались прямые переговоры между представителями Китая и Японии, чтобы урегулировать вопрос. 18 апреля 1885 г. был подписан Тяньцзиньский договор, по которому Китай и Япония обязались отозвать свои войска из Кореи и в дальнейшем посылать их туда только в случае возникнове-

ния беспорядков и после предварительного уведомления друг друга. Договор означал признание Китаем равенства своих позиций в Корее с Японией. Исход столкновения за Корею был для Японии не только делом принципа, но и имел крайне важное экономическое значение. В Японию поступало до 90% всего корейского экспорта, а в Корею шли не только японские товары (они составляли только 11,5% всего экспорта), но и реэкспорт западных товаров.

В 1893 г. в Корее началось восстание *тонхаков*, направленное против западного влияния. Правительственные войска не смогли быстро подавить восстание, и *ван*, подтверждая свою вассальную зависимость, обратился за помощью к Китаю. Китай уведомил Японию о целях введения своих войск, но японская сторона расценила одностороннее введение китайских войск в Корею как нарушение договора 1885 г., поэтому также направила свои войска в Корею. Восстание *тонхаков* было подавлено без привлечения иностранных войск, а центр тяжести сместился на японо-китайское противоборство, тем более что остроте столкновения этих стран способствовали позиции обеих сторон. Китай, сфера влияния которого постоянно сокращалась под давлением Англии и Франции, был настроен защищать свои позиции в Корее против Японии. Правительство Японии, в свою очередь, создав мощную армию и флот, решив наиболее острые финансовые проблемы, а также опасавшееся критики со стороны оппозиции в случае, если оно уступит Китаю, было тоже настроено решительно.

Китай обратился к Японии с предложением о немедленном и одновременном отводе войск из Кореи. Но японское правительство заявило о своих намерениях продлить пребывание своих войск в Корее до тех пор, пока правительство последней не проведет серию реформ. Такое решение было неприемлемо для Китая. Обе стороны начали увеличивать численность своих войск в Корее. 23 июля 1894 г. японские войска захватили дворец *вана* в Сеуле и свергли правительство, Китаю было направлено предупреждение не посылать больше войска в Корею.

25 июля 1894 г. японский флот потопил английский транспорт «Гаошень», перевозивший китайские войска на Корейский полуостров. Боевые действия начались и на территории Кореи. Официально война была объявлена 1 августа 1894 г. Китай не был готов к серьезной войне, и его войска не смогли оказать реального сопротивления японской армии. К концу сентября японцы захватили Корейский полуостров, а их флот господствовал в Желтом море. Боевые действия начались на территории Маньчжурии: в октябре две дивизии под командованием Ямагата вошли в Южную Маньчжурию, а три другие во главе с Ояма Ивао приступили к захвату Ляодунского п-ва. Действуя на этом направлении, японские войска в ноябре захватили Ляюшунькоу (Порт-Артур), а в феврале 1895 г. порт Вэйхайвэй. Дорога на Пекин была открыта.

Китай был вынужден пойти на переговоры на японских условиях. Подписанный 17 апреля 1895 г. в Симоносеки мирный договор был грабительским: помимо признания независимости Кореи он предусматривал передачу Японии о. Тайвань, Ляодунского полуострова, включая Ляюшунькоу, открытия дополнительно четырех китайских городов для торговли, а также выплату в течение семи лет 200 млн. лянов (300 млн. иен) контрибуции. Однако успех Японии повлек за собой вмешательство в конфликт трех великих держав: Россия, Германия и Франция рекомендовали Японии возвратить Ляодунский полуостров Китаю. Япония

не сочла возможным для себя игнорировать это требование. Этот шаг был частично компенсирован ей увеличением суммы контрибуции до 230 млн. лянов.

Китай обязался заключить торговый договор (подписан в Пекине 21 июля 1896 г.), обеспечивавший Японии все права и привилегии, которыми пользовались западные державы в этой стране. Кроме того, Япония получила право строить и эксплуатировать в Китае промышленные предприятия, чего долго и безуспешно добивались другие капиталистические государства.

Лишение Японии части ее военных трофеев дало толчок новому усилению вооруженных сил, поскольку стало ясно, что дальнейшее продвижение в Китае приведет к столкновению с великими державами. В результате в 1896 г. сухопутные войска были пополнены шестью дивизиями, их общее число достигло 13. В 1896 г. были созданы отдельные кавалерийские и артиллерийские бригады. Значительные усилия прилагались к совершенствованию артиллерийско-стрелкового вооружения, в основном производившегося в Японии. К 1904 г. Япония полностью обеспечивала себя этими видами вооружений. Параллельно началась реализация программы строительства военно-морского флота, предусматривавшей строительство четырех линейных кораблей, 16 крейсеров, 23 эсминцев и большого числа вспомогательных судов. Число боевых кораблей достигло в 1903 г. 76 с общим водоизмещением 258 тыс. т.

Стоимость военных программ была огромной. Расходы на сухопутные войска выросли с 15 млн. иен в 1893 г. до 53 млн. иен в 1896 г. и оставались на этом уровне до русско-японской войны. Расходы на военно-морской флот возросли с 13 млн. иен в 1895 г. до 50 млн. иен в 1898 г., а затем сократились до 28 млн. иен в 1903 г. Общие военные расходы составляли 24 млн. иен перед войной, 73 млн. в 1876 г. и 110 млн. в 1897 г. Частично они были оплачены из контрибуции, частично за счет повышения налоговых поступлений, а также введения государственных монополий на камфору и табак. Правительство также получило два внешних займа.

Расходы правительства на вооружение дополнялись расходами на **финансирование базовых отраслей промышленности**, особенно тех, которые были необходимы для наращивания военного потенциала. В частности, в 1896 г. правительство решило построить металлургический завод в Явата (Китакою). Он произвел первую продукцию в 1901 г., а к 1913 г. во многом благодаря этому предприятию ежегодное производство чугуна в Японии достигло 243 тыс. т, а стали — 255 тыс. т. Добыча угля также росла очень быстро и достигла 13 млн. т в 1905 г., причем большая часть угля потреблялась собственной промышленностью. Быстро рос тоннаж японского торгового флота: в 1903 г. 35% судов, входивших в японские порты, были японскими по сравнению с 13% в 1893 г. Но особенно быстро росло военное производство, где число занятых увеличилось с 13,4 тыс. до 127,9 тыс. человек, а мощность двигателей — с 3 тыс. до 128,8 тыс. л.с.

В то же время следует отметить, что, несмотря на усиленное развитие тяжелой промышленности, ведущую роль в экономике Японии в тот период играла легкая, прежде всего текстильная промышленность. Особенно высокие темпы роста она демонстрировала со второй половины 80-х годов, когда в ходе преодоления экономической депрессии возникли первые концерны. Показательна динамика развития хлопкопрядения, где в 1886 г. насчитывалось менее 90 тыс. ве-

ретен, в 1897 г. — 971 тыс., а в 1913 г. уже 2,4 млн. веретен. Причем значительную роль в этом росте сыграла возможность экспорта продукции на корейский и китайский рынки. К 1913 г. ³/₅ занятых по найму составляли рабочие текстильной промышленности, которая давала 45% ВВП. В свою очередь, структура ВВП текстильной промышленности была следующей: 28% составляли шелк-сырец и шелковая пряжа, более 10% — шелковые ткани, 53% — хлопковая пряжа и хлопчатобумажные ткани. Продукция текстильной промышленности составляла основу японского экспорта.

В начале 70-х годов Япония предприняла усилия, чтобы демаркировать границу с Россией, которая расширяла свои владения на Дальнем Востоке: в 1860 г. она получила права на Приморье, в 1863 г. был основан Владивосток. В 1874 г. Япония приняла решение эвакуировать своих подданных с Сахалина. В 1875 г. по Петербургскому договору Сахалин перешел под российскую юрисдикцию, а Курильские острова были переданы Японии. В дальнейшем отношения между двумя странами складывались благоприятно.

С 80-х годов начинается новый этап колониальной экспансии европейских стран. Обостряется борьба и на Дальнем Востоке. Поражение Китая в войне с Японией положило начало новому этапу проникновения европейских держав в Китай. Процесс раздела Китая на «сферы влияния» изложен в главе, посвященной Китаю. Япония в тот период добилась лишь обещания, что в сферу влияния других стран не попадет пров. Фукиэн напротив Тайваня, а в остальном ей оставалось лишь наблюдать за действиями великих держав, рассчитывая, что случай воспрепятствует полному расчленению Китая без ее участия.

Эта позиция определялась также изменившейся ситуацией внутри страны, связанной с кризисом, предшествовавшим переходу к партийным кабинетам. После войны в трудную ситуацию попало правительство Ито Хиробуми, для нападков на которое оппозиция использовала и вынужденный отказ Японии от Ляодунского полуострова и другие уступки в Китае и Корее в основном в пользу России. Чтобы укрепить свое положение, Ито пошел на соглашение с либеральной партией (Дзиюто), имевшей 108 мест в парламенте, и предоставил Итагаки пост министра внутренних дел. Однако созданная Окума Прогрессивная партия (Симпото) набрала почти равное количество мест и уравнилась с Дзиюто. Против правительства выступала также крайне правая партия «Кокумин кёкай». Правительство было вынуждено уйти в отставку.

Кабинет премьер-министра Мацуката с Окума Сигэнобу в качестве министра иностранных дел не смог удержаться у власти. Следующий за ним кабинет Ито (январь–июнь 1898 г.), попытавшийся поднять ставку поземельного налога, столкнувшись с оппозицией Дзиюто, был вынужден уйти в отставку. Это открыло путь первому партийному кабинету министров, созданному 30 июня 1898 г. Окума Сигэнобу и Итагаки Тайсукэ, опиравшихся на Конституционную партию (Кэнсэйто), образовавшуюся в результате объединения Дзиюто и Симпото. Борьба развернулась между кабинетом и олигархами, в результате обострились отношения внутри Кэнсэйто, и «партийный» кабинет пал 31 октября 1898 г., не проведя ни одной парламентской сессии. Последующие годы были осложнены борьбой группировок Ито и Ямагата, которая отражала их личные противоречия, расхождения в направлении внешней политики, а

также борьбу военных и гражданских интересов внутри руководства страны.

В ноябре 1898 г. был сформирован кабинет Ямагата, опиравшийся на поддержку новой Кэнсэйто, что позволило провести через парламент проект закона об увеличении налогов, в том числе и поземельного. Более активную политику проводил этот кабинет в Китае, где началось восстание *ихэтуаней*. Япония быстро направила свои войска (около 22 тыс. человек) в район конфликта. Сыграв главную роль в подавлении восстания, Япония смогла принять участие в урегулировании положения в Китае и получить значительную долю контрибуции. Россия, защищая свои интересы, оккупировала Маньчжурию, что привело к обострению русско-японских отношений, поскольку продвижение России в Маньчжурию угрожало проникновению Японии в Китай, а также ее позициям в Корее.

Стремление остановить экспансию России на Дальнем Востоке стало причиной **сближения Японии с Великобританией**, которая опасалась усиления российского влияния в Китае. В стране к этому времени сложилась группа влиятельных политиков, лидером которых был Окума Сигэнобу, заинтересованных в тесном союзе с Великобританией. Основой этого соглашения было взаимное стремление обеих стран не допустить аннексии Маньчжурии Россией. В то же время обе страны не были склонны брать на себя обязательства друг перед другом там, где это не отвечало напрямую их интересам. Основные положения соглашения были подготовлены в ноябре 1901 г., но его заключению помешала активная позиция Ито, настаивавшего на продолжении переговоров с Россией. Однако его поездка в Санкт-Петербург не дала желаемых результатов, хотя Россия была готова пойти на некоторые уступки Японии в Корее. Более того, возобновление во время его пребывания в Санкт-Петербурге японо-английских переговоров лишило Ито возможности искать компромисс. Договор с Великобританией был подписан 30 января 1902 г. Он признавал японские интересы в Китае и Корее, но не предусматривал автоматического предоставления помощи Японии в случае ее войны с Россией. Обе страны должны были соблюдать нейтралитет, пока одна из них не подвергнется нападению двух стран и более. Союз с Великобританией был большим успехом для Японии, которая выступила в качестве партнера одной из великих держав, а также значительно усилила свои позиции в борьбе за Корею.

В апреле 1902 г. Россия согласилась на вывод своих войск из Маньчжурии. Часть войск была отведена, но в апреле 1903 г., не завершив вывод войск, Россия продемонстрировала стремление вновь закрепиться в Маньчжурии. В июне 1903 г. Япония попыталась урегулировать отношения с Россией в этом районе, предложив взаимное признание целостности Китая и Кореи с одновременным признанием железнодорожных прав России в Маньчжурии и японских экономических и политических интересов в Корее. Однако Россия в октябре 1903 г. ответила такими контрпредложениями, которые фактически полностью игнорировали англо-японский союз. Они включали требования гарантии территориальной целостности только для Кореи, не касаясь Китая, в том числе и Маньчжурии, обещания не строить береговых батарей на побережье Кореи и признания того, что Маньчжурия не входит в сферу японских интересов. Японское правительство не могло принять требования России и в январе 1904 г. ответило отказом в резкой форме.

10 февраля 1904 г. **Япония объявила войну** России, тогда как дипломатические отношения были прерваны 5 февраля, а боевые действия начались без предупреждения в ночь с 8 на 9 февраля, когда японский флот атаковал русскую эскадру в Порт-Артуре.

На начальном этапе войны для японской стороны важнейшей задачей было установить контроль над Корейским проливом, чтобы перебросить свои войска на материк и обеспечить их всем необходимым для ведения боевых действий. Эту задачу ей удалось выполнить 13 апреля, когда было нанесено поражение российскому флоту на подходе к Порт-Артуру, после чего русская эскадра оказалась запертой в Порт-Артуре. Это позволило Японии перебросить свои войска в Корею, захватить Сеул и выйти к р. Ялу. 29 апреля — 1 мая японцы нанесли первое поражение русской армии (Тюренческий бой). Затем 1-я японская армия, перейдя р. Ялу, быстро двинулась на юг Маньчжурии. В это же время 2-я армия была высажена на Ляодунский полуостров. Несколькими днями позже 3-я армия под командованием генерала Ноги окружила Порт-Артур и начала его осаду. Попытка эскадры, запертой в Порт-Артуре, 10 августа прорвать блокаду была неудачной. 29 августа — 3 сентября 1904 г. русским войскам было нанесено поражение при Ляояне, после чего они отступили к Мукдену. 2 января 1905 г. пал Порт-Артур, а позднее, 10 марта 1905 г. русская армия потерпела поражение в решающем сражении под Мукденом. Разгром эскадры адмирала Рожественского японским флотом под командованием адмирала Того в Цусимском проливе 27 мая 1905 г. довершил военную катастрофу России.

Ведение войны с Россией, несмотря на то что основные ресурсы последней были сосредоточены в европейской части страны, было для Японии серьезнейшим испытанием. Безусловно, разгром русского флота снял угрозу непосредственно территории Японии, тем не менее ее силы были истощены: за период войны в армию было мобилизовано 1185 тыс. человек (около 2% населения страны), военные издержки составили свыше 1,5 млрд. иен, которые покрывались в основном за счет внешних займов (около 800 тыс. иен) и налогов (за годы войны в виде налогов было дополнительно выплачено 213 млн. иен), государственный долг по сравнению с довоенным вырос в 4 раза. Резко ухудшилось положение народных масс, поскольку цены к концу 1904 г. поднялись в среднем на 12%, а к концу войны — на 19,5% по сравнению с предвоенными годами, выросла безработица за счет свертывания производства в невоенных областях, уменьшилось производство основных сельскохозяйственных культур. Это обусловило стремление Японии выйти из войны.

В начале марта 1905 г. Япония обратилась к США за посредничеством в заключении мирного договора. Мирные переговоры начались 9 августа в Портсмуте (штат Нью-Хэмпшир, США), поскольку Россия также стремилась выйти из войны в связи с начавшейся революцией. Чтобы заручиться поддержкой США и Великобритании в установлении протектората над Кореей, Япония заключила секретное соглашение с США, в котором она заявляла, что не имеет претензий в отношении Филиппин. 12 августа 1905 г. с Великобританией был заключен новый союзный договор, действие которого распространялось на Восточную Азию и Индию. Данный договор обязывал стороны оказывать друг другу военную помощь в случае войны, а также санкционировал протекторат Японии над Кореей.

На переговорах с Россией Япония выдвинула жесткие требования, в том числе признать доминирование Японии в Корее, передать Японии русские права в Маньчжурии, отказаться в пользу Японии от Сахалина, уплатить огромную контрибуцию (1 млн. 200 тыс. иен). Русская делегация во главе с графом Витте отклонила часть японских претензий; и хотя это не отвечало намерениям Японии, последняя была не способна продолжать войну, поэтому отказалась от части своих требований.

5 сентября 1905 г. был подписан мирный договор. Россия признавала Корею японской «сферой влияния», уступила ей аренду Квантунской области с Порт-Артуром и Дальним, южную ветку КВЖД и южную половину Сахалина, признала право Японии вести рыбную ловлю в русских дальневосточных водах.

В Японии, где готовность народа терпеть экономические трудности поддерживалась шовинистической пропагандой и обещаниями значительных территориальных приобретений, условия мирного договора были расценены как недостаточные и вызвали волнения, для подавления которых правительство ввело в Токио и его окрестностях военное положение и использовало силу. Однако в политических кругах Портсмутский договор был расценен как несомненный успех, поскольку он решил в пользу Японии корейско-маньчжурский вопрос и открыл перспективу создания собственной континентальной империи. Япония достигла цели, получив статус великой державы. Добившись победы в войне с крупнейшей мировой державой, она доказала, что ей удалось преодолеть отставание в военной области.

Обретение собственных колониальных владений задало направление последующему развитию страны. 17 ноября 1905 г. Япония силой навязала Корее договор, установивший японский протекторат над ней. Целью Японии было установление контроля над Маньчжурией, но здесь ее интересы столкнулись с интересами США, поскольку американские промышленники имели свои планы на этот район. Ими была сделана попытка создать синдикат по совместной с Японией эксплуатации южноманьчжурской железной дороги. Однако она оказалась неудачной. Более того, Япония фактически закрыла маньчжурский рынок для других стран, установив различные привилегии для японских предпринимателей. Усилилась японская конкуренция на рынках Китая. Если во время китайско-японской войны японский экспорт составлял около 62 млн. амер. долл., из которых лишь 8,4% приходилось на Китай, то к Первой мировой войне он возрос до 355 млн. долл. (1912–1916), из которых 25% направлялось в Китай. Доля Японии в иностранных капиталовложениях в Китае достигла 13,4% в 1914 г., хотя она была ничтожна еще в начале столетия. Это привело к резкому ухудшению японо-американских отношений, и в конце 1907 — начале 1908 г. страны стояли перед угрозой начала войны.

Первые годы после русско-японской войны были сложными для русско-японских отношений. Обе стороны не доверяли друг другу, опасность возникновения новой войны сохранялась. Однако отношения с США продолжали ухудшаться. Росло недовольство японским присутствием в Корее, что проявилось в попытке правительства Кореи обратиться к международной конференции в Гааге с жалобой на захватническую политику Японии. Это заставило последнюю пойти на соглашение с Россией. 30 июля 1907 г. была подписана русско-японская общеполитическая конвенция, секретная часть которой разделила сферы влияния двух

стран на Дальнем Востоке: сферой влияния России признавалась Северная Маньчжурия, а Японии — Южная, также были признаны особые права Японии в Корее и специальные интересы царской России во Внешней Монголии.

Сложность внешнеполитической обстановки и стремление Японии расширять свои позиции в Китае обусловили дальнейшее наращивание ее вооруженных сил: предусматривалось создание трех новых дивизий дополнительно к имевшимся шестнадцати, ускоренными темпами велось строительство военно-морского флота. Это означало увеличение военных расходов. Чтобы покрыть их, правительство провело закон о дальнейшем взимании налогов военного времени.

Несмотря на то что Япония стремилась к максимальному извлечению прибылей из своих новых владений, главным источником наращивания военной мощи была жестокая эксплуатация японских трудящихся, большинство из которых составляли женщины. Ответом на угнетение были забастовки, пик которых приходится на 1907 г. Для разгона забастовок власти использовали полицию и войска. В этот период предпринимаются попытки возродить профсоюзы, а в феврале 1906 г. создается Японская социалистическая партия. Под влиянием острой классовой борьбы в партии произошел раскол на два крыла: реформистско-парламентское во главе с Тадзое и анархо-синдикалистское во главе с Котоку Дзэн-дзиро. Рост революционных настроений среди рабочих вызвал опасения в правительстве, запретившем 22 февраля 1907 г. социалистическую партию под предлогом того, что она «наносит ущерб общественному спокойствию и порядку».

Выход из столь сложной ситуации Япония смогла найти благодаря экономическому подъему, последовавшему после завершения русско-японской войны, давшей толчок развитию тяжелой промышленности. Только за первый послевоенный год в Японии возникло более 180 новых промышленных и торговых акционерных компаний с капиталом в 250 млн. иен. В 1906 г. новые капиталовложения оценивались в 1 млрд. иен. Мощные стимулы к развитию получила тяжелая промышленность: тоннаж спущенных на воду судов увеличился более чем вдвое — с 32 тыс. т в 1905 г. до 66 тыс. т в 1907 г. Немалую роль в финансировании промышленного развития Японии сыграли внешние займы: в течение 1907–1913 гг. Япония получила четыре займа на общую сумму в 150 млн. иен. В целом инвестиции за 1905–1912 гг. составили около 3,8 млрд. иен, большая часть которых была направлена на новое строительство.

Успешно развивались и другие области: из 7 млн. детей школьного возраста 97% посещали школу в 1907 г., когда срок обязательного обучения был увеличен с 4 до 6 лет. В средней школе обучалось 150 тыс. человек, действовало пять университетов, которые формировали новое поколение чиновников.

Экономический подъем 1905–1907 гг. сменился кризисом 1907–1908 гг., который Япония впервые пережила одновременно с другими капиталистическими странами. Мировой кризис оказал влияние на динамику экономического роста Японии, поскольку резко сократился вывоз текстиля и шелка-сырца, которые были ведущими статьями ее экспорта. Однако спад производства был непродолжительным, за ним последовал новый подъем, который продолжался почти до Первой мировой войны.

В стране росли объемы производства сельскохозяйственной и промышленной продукции. Сбор риса, составлявший в 1880–1884 гг. 30 млн. коку в год, в 1890–

1894 г. — 40 млн., в 1900–1904 г. — 45 млн., достиг в 1910–1914 г. 51 млн. в год. Этот процесс проходил в основном за счет повышения урожайности и роста производительности труда. Еще более быстрыми темпами росли объемы производства шелка-сырца, который успешно вытеснял китайский с мирового рынка. Важно было то, что это производство не было конкурентом растениеводству, а успешно дополняло его, используя площади, непригодные для выращивания риса, и создавая условия для дополнительной занятости крестьянства, тем более, что и операции по размотке шелка проводились в основном в деревнях. В 1913 г. доля Японии в мировом производстве шелка-сырца достигла 43,1%, а стоимость его экспорта в 1914 г. составила 144 млн. иен. С 1904 по 1914 г. производство этого продукта в стране практически удвоилось (с 16,5 млн. фунтов до 31 млн.).

Расширялся внутренний рынок. Большое влияние на него оказывал существенный рост населения (в среднем около 1% в год), который в основном был обусловлен расширением занятости населения в городах. При стабильной численности сельского населения (на уровне 14 млн. человек) на 3–4% ежегодно возрастала занятость в несельскохозяйственных сферах. Увеличивалась доля городского населения. Так, в 1893 г. в городах с населением более 10 тыс. жителей проживало 16% населения Японии, в 1903 г. — 21, в 1913 г. — 28%. В стране наряду с гигантами — Токио (2 млн. человек), Осака (свыше 1 млн. человек), Киото, Иокогама, Нагоя, Кобэ (от 250 до 400 тыс. жителей) насчитывалось 19 городов с населением в 50 тыс. человек. Быстро росла численность фабричных рабочих: в 1900 г. их было 420 тыс. человек, а в 1910 г. уже вдвое больше.

Рост населения страны (1875 г. — 35,6 млн. человек, 1906 г. — 47,3 млн., 1919 г. — 55,4 млн.) можно объяснить не только возросшей эффективностью сельскохозяйственного производства, но и расширившимися возможностями страны по импорту продовольствия. В 1890 г. Япония стала нетто-импортером риса, а в 1904 г. его ввоз, главным образом из Кореи и Тайваня, составил около 3 млн. коку. В целом потребление продовольствия на душу населения несколько возросло.

Развитие промышленности характеризуется следующими показателями. Производство фабрично-заводской продукции увеличилось с 780 млн. иен в 1909 г. до 1372 млн. иен в 1914 г. (в текущих ценах). Выросла доля тяжелой промышленности, а также производство продукции базовых отраслей: добыча угля составила в 1913 г. 21 млн. т по сравнению с 5 млн. т в 1900 г., выплавка стали достигла 283 тыс. т в 1914 г. по сравнению с 103 тыс. т в 1909 г. Аналогичный рост наблюдался и в производстве чугуна. Производство стали и чугуна удовлетворяло потребности страны на 30–50%. С 1900 г. началось производство электроэнергии, к 1913 г. мощность электростанций составила 0,5 млн. кВт.

Особенно высокими были темпы роста легкой, прежде всего хлопчатобумажной промышленности: производство пряжи с 1893 по 1913 г. увеличилось с 116 млн. до 650 млн. фунтов. К концу периода около 30–40% пряжи направлялось на экспорт. Значительная часть пряжи, остававшейся в стране, шла на изготовление текстильных изделий, затем также поступавших на экспорт. Стоимость экспорта текстиля достигла в 1913 г. 33 млн. иен по сравнению в 5,7 млн. иен в 1900 г.

Продолжался процесс концентрации производства. На крупных предприятиях ценовой фабрично-заводской промышленности, имевших более 500 рабочих, в

1909 г. было занято более 20%, а в 1914 г. — более 25% всех рабочих. Высокой была и степень централизации капитала: в 1913 г. из 1983 млн. иен оплаченного капитала всех акционерных обществ 38% приходилось на долю крупных компаний (с капиталом свыше 5 млн. иен), составлявших всего 0,4% общего числа компаний. Господствующие позиции в экономике страны занимали концерны Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда, Сибудзава, Окура, Асано, контролировавшие важнейшие отрасли экономики Японии. Особенно интенсивно процесс концентрации капитала пошел после 1900 г., когда закончился этап первоначального расширения, связанный с освоением рынка. В частности, в хлопчатопрядильной промышленности число корпораций сократилось с 54 в 1903 г. до 31 в 1912 г.

Изменения в структуре хозяйства привели к существенным изменениям в финансовой базе правительства. В поступлениях в бюджет постоянно снижалась доля поземельного налога. Если в первое десятилетие периода Мэйдзи он обеспечивал от 80 до 66% всех бюджетных поступлений, то в 1890 г. его доля составила уже 38%, в 1900 г. — 25%, а в 1911 г. — около 15%.

Важно подчеркнуть, что до 1911 г. Япония не имела таможенной автономии, что ставило ее предпринимателей в менее благоприятное положение по сравнению с их конкурентами: в 1901–1902 гг. импорт в Японию облагался таможенным сбором в размере 5,6% от объявленной ценности, тогда как в России таможенный сбор составлял 42% (1901 г.), в Германии — 17 (1900 г.), США — 29,3% (1899 г.). В этих условиях в развитии национальной промышленности большую роль сыграли следующие факторы. Во-первых, государственные, прежде всего военные (в течение 1884–1912 гг. военные расходы составили 4,7 млрд. иен) заказы создали внутренний рынок для многих отраслей промышленности. Кроме того, государство непосредственно участвовало в создании промышленных предприятий, обеспечивая около 45% от всего объема капиталовложений в 1908–1917 гг., а на начальном этапе его роль была еще выше. Во-вторых, личное потребление японцев сохраняло в основном традиционный характер, что позволяло многим мелким предприятиям не опасаться конкуренции иностранных товаров. В-третьих, в современных отраслях промышленности отсутствие защитных тарифов стимулировало внедрение современных технологий и монополистических форм организации производства. В-четвертых, сравнительная дешевизна рабочей силы, особенно в текстильной промышленности, основная масса которой вербовалась за бесценок в деревне, позволяла японским товарам выдерживать иностранную конкуренцию. При этом важно отметить, что благодаря системе финансовых институтов большая часть накоплений, осуществлявшаяся массой мелких предпринимателей, инвестировалась в современный сектор экономики.

В политическом плане период после русско-японской войны отмечен **успешной борьбой оппозиционных партий** против бюрократии. Наиболее влиятельной из них была Партия (Общество) друзей конституционной политики (Сэйюкай), образованная в сентябре 1900 г. Ито Хиробуми на базе Дзюто. С формированием этой партии закончился почти десятилетний период (1890–1900) после образования парламента, в течение которого политические партии доказали, что функционирование политической системы без них невозможно. Сотрудничество оппозиционных партий с руководящими деятелями правящей группировки, в свою очередь, означало отказ от тактики тотальной оппозиции. Это открывало доступ

в партию людям с опытом административной работы, крупным предпринимателям. Усиление влияния политических партий свидетельствовало также о смене поколения политических деятелей: на смену самураям из Сацума, Тёсю и некоторых других княжеств начали приходить выпускники университетов, отличавшиеся не только образованием и жизненным опытом, но и происхождением. Партии были необходимы, чтобы защитить интересы крупной буржуазии, сложившейся как класс после Мэйдзи исин. Сэйюкай была тесно связана с Мицуи, Сумитомо и другими концернами. Усиление влияния нереволюционных политических партий свидетельствовало, что в Японии подходил к завершению переходный период, содержанием которого была модернизация политической системы общества. Однако понадобилось еще 18 лет, прежде чем Сэйюкай сформирует первый действительно партийный кабинет.

В то же время партиям приходилось действовать в непростой политической обстановке, связанной с ограниченной численностью избирателей, составлявших всего лишь 1–3% от общей численности населения (поскольку право голоса предоставлялось только мужчинам старше 25 лет, уплачивающим не менее 10 иен прямого налога), низкой политической культурой большинства населения, особенностями системы высших органов власти, в частности наличием неизбираемой и нераспускаемой палаты пэров, неподотчетностью парламенту кабинета министров, назначавшегося императором, исключительным правом Тайного совета давать свои рекомендации императору и т.д. Кроме того, стремясь предупредить усиление политических партий, Ямагата в мае 1900 г. добился того, чтобы на посты военного и морского министров назначались только генералы и адмиралы, находящиеся на действительной военной службе.

В конце сентября 1900 г. Ито сформировал кабинет, составленный из членов Сэйюкай. Однако этот кабинет просуществовал всего семь месяцев. Его отставки добились милитаристские круги, недовольные линией Ито на компромиссное разрешение противоречий с Россией в Корее и Маньчжурии. На смену кабинету Ито пришел кабинет Кацура Таро, сторонника политической линии Ямагата, опиравшегося на поддержку бюрократии и верхней палаты парламента. Это был первый кабинет, в состав которого не вошел ни один *гэнро*. Но кабинет Кацура не мог действовать самостоятельно, поэтому пошел на соглашение с Сэйюкай, без чьей поддержки он не мог добиться утверждения парламентом бюджета и других важных законопроектов.

Кабинет Кацура просуществовал четыре года и семь месяцев. Этот период отмечен заключением англо-японского договора (1902 г.) и русско-японской войной (1904–1905). Его заменил кабинет Сэйюкай (январь 1908 — июль 1908 г.) во главе с Сайондзи Киммоти, который стал лидером партии после ухода с этого поста Ито. Затем кабинеты, представлявшие жесткую линию бюрократии, сменялись кабинетами партии Сэйюкай. Однако обе стороны стремились усилить свои позиции: Кацура желал завоевать позиции в нижней палате парламента, а Хара Такахаси — реальный лидер Сэйюкай — настойчиво укреплял свои позиции в бюрократических кругах и палате пэров. Смерть императора Мацухито и восшествие на престол его наследника Ёсихито (1912–1925) создавали благоприятные условия для изменения положения в высшем эшелоне политической власти Японии.

В декабре 1912 г. Кацура попытался воспользоваться этой ситуацией, чтобы ослабить свою зависимость как от Сэйюкай, создав себе опору в нижней палате, так и от Ямагата, оперевшись непосредственно на авторитет императора Ёсихито. Но Кацура просчитался: ему не удалось преодолеть ни сопротивления оппозиции, поддержанной массовыми выступлениями населения, ни противодействия клики Ямагата. Кацура был вынужден уйти в отставку. В отставку ушел также лидер Сэйюкай Сайондзи, его место занял Хара, который реально был одним из архитекторов политики компромисса.

Кризис начала эры Тайсё (1912–1926) открыл период, когда политические партии стали играть решающую роль в определении курса Японии. Но, добившись отставки Кацура, Сэйюкай не сразу получила возможность сформировать свое собственное правительство. На пост премьер-министра бюрократия навязала адмирала Ямамото, который, однако, был вынужден признать программу и политическую линию Сэйюкай.

Часть IV

Пробуждение Азии

Глава 1

СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ФОРМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ НА ВОСТОКЕ

Вторая половина XIX века — начало XX столетия стали эпохой, значительно трансформировавшей страны Востока. Происходившие там изменения определялись мощным и многообразным влиянием Европы. Одним из показателей этих изменений было становление первоначальных форм современного политического процесса. Речь идет о действительно новом явлении, отличавшемся от традиционных политических взаимоотношений, выстроенных по типу власть—толпа и вписанных в привычную для восточного общества систему социальной иерархии. Однако вновь возникавшие в странах Востока формы политического процесса были во многом далеки от европейских моделей как с точки зрения временной протяженности своего развития, так и порождавшего их общественного и исторического контекста.

Иными словами, европейское влияние едва ли может рассматриваться в качестве единственной предпосылки становления в афро-азиатском регионе феномена современного политического процесса. Оно сыграло лишь роль импульса, необходимого для начала его формирования. В самой Европе этот процесс возникал как итог последовательных и длительных перемен в сфере хозяйственных связей и порождавшейся ими трансформации социальных отношений и ценностных ориентиров личности. Ему способствовали постепенное избавление общественной мысли от опеки государственной власти и церкви, последовательная дифференциация разных ее направлений и появление основанных на различных течениях этой мысли общественных движений. Восток не знал столь длительной истории становления сферы политики, как это было в Европе. Она появлялась как производное от осуществлявшихся государством или администрацией метрополии (самый яркий пример — Британская Индия) модернизационных реформ. Тем не менее политический процесс в странах Востока становился аналогом европейского политического процесса потому, что, как и в Европе, его возникновение определялось огромным воздействием причин внутреннего

характера, приведших в конечном счете к формированию нового общественного строя.

Несмотря на цивилизационную многоликость стран Востока, разный уровень их политического, социального и экономического развития, а также различия форм их зависимости от европейских держав, можно выявить некоторые общие импульсы эндогенного характера, определившие в конечном счете становление нового политического процесса и его наиболее существенные контуры. Европейская экспансия способствовала модернизации обществ Востока. Разумеется, степень этой модернизации была различна (едва ли стоит сравнивать здесь Османскую империю и Японию). Более того, модернизационный процесс не ограничивался лишь рамками новой истории, он в немалой мере продолжается и до сего дня. Однако инициатором модернизационных начинаний на Востоке выступало государство (или нуждавшаяся в этих начинаниях метрополия). Но их итогом, как и в Европе, становилось создание новых, менявших социум общественных страт. В процессе осуществления этих начинаний корректировалась система государственного управления, обретавшая все более четко выраженные черты централизованной буржуазного типа. Не менее существенный результат этих начинаний следует видеть в развитии объединяющих территориальное пространство стран Востока внутризкономических связей и установлении все более тесных хозяйственных контактов между этими странами и рынками европейских государств.

В результате этих процессов начались изменения в социальной структуре общества: уже в начале европейской экспансии в сторону Востока там возникала необходимая для появления современного политического процесса социальная страта. Ею была прежде всего интеллигенция, знакомившийся с европейской наукой и культурой «образованный класс». Это является принципиально важным итогом и показателем реально происходивших в социуме Востока и определявшихся действиями государства модернизационных изменений.

Появление «образованного класса» означало, что вызванные европейским импульсом экономические процессы и осуществлявшиеся сверху государственные реформы подвергли эрозии казавшуюся ранее незыблемой систему социальной иерархии. Восточное общество вступило в этап **структурной** перестройки, хотя и осуществлявшейся разными темпами и с различной глубиной. Сословно-статусная система социальных связей все более уступала место отношениям сословного характера, в рамках которых возникали более консолидированные общественные страты и слои, и прежде всего объединенное сходным социально-правовым положением и общими интересами «третье сословие». Это сословие было представлено собственниками-индивидуумами, еще далекими от политического равноправия, но уже действовавшими в обстановке провозглашавшегося государством лозунга всеобщего равенства подданных, воплощавшегося на практике во введении светского суда и гражданского кодекса. Более того, все те же хозяйственные процессы и реформы в беспрецедентных для восточного социума масштабах расширяли это сословие. Инициировавшее создание промышленных предприятий государство нуждалось в техниках и организаторах производства, создание новых властных институтов предполагало появление поновому образованного чиновничества, новая школа требовала знавших достиже-

ния европейской научной мысли учителей. Наконец, оснащавшаяся европейской техникой и оружием и трансформировавшаяся на европейский манер армия нуждалась в новом корпусе офицеров, способных командовать ее частями и подразделениями. Восточный социум обретал способность к внутренней мобильности, подвергаясь серьезной социальной трансформации.

«Образованный класс» Востока был вызван к жизни государством (включая и созданную метрополией администрацию), существование и деятельность которого становились принципиально важной основой легитимации этого «класса». Но, возникнув, интеллигенция, в свою очередь, изменяла ранее привычный уклад общественно-политической жизни. С появлением этой страты в прошлое (хотя этот процесс не закончился еще и сегодня) постепенно уходили замкнутые формы жизни традиционного сословно-статусного общества. Своей деятельностью «образованный класс» наносил (по крайней мере объективно) удар по сложившемуся ранее и основанному на государственном послушании миропорядку. Он создавал новое информационное поле, становившееся возможным благодаря появлению подражавшей европейским образцам прессы на национальных языках, выдвигал новые жизненные идеалы. Распространению этих идеалов содействовали вновь появлявшиеся литература и театр, а также отвечавшие потребностям нового времени реформированные языки.

В сфере же политики «образованный класс» Востока оказывался далек от инициирования массовых движений, подобных городским бунтам и сельским мятежам прошлых эпох. Восстания простонародья крупных городов Востока, являвшиеся неременным атрибутом жизни Османской империи на всем протяжении XVIII и начала XIX столетия, а в провинциях Британской Индии — вплоть до конца XIX века, ни в коей мере не созидали это новое сообщество, прежде всего потому, что с помощью таких восстаний традиционные социальные структуры стремились к самовоспроизведению. Бунты и мятежи были попыткой восстановления привычных, но последовательно деградировавших под воздействием европейского вызова норм традиционной общественной жизни и связанного с ними мироощущения человека домодернизационной эпохи. Кроме того, они, как правило, оставались событиями местного значения (даже если их ареной и была столица) и слишком часто принимали форму межрелигиозных или межнациональных распрей. Восстания простонародья не были способны раскрыть потенциальные возможности новых методов хозяйствования и социальной структуры, но, напротив, стремясь к справедливости, понимаемой как восстановление или сохранение привычных форм общественного устройства, были направлены против этих методов.

Это демонстрировали и народные движения, распространявшиеся на большие территории, — бабидское движение в Иране, тайпинская война в Китае, «движение в защиту императора» во Вьетнаме или махдистское государство на территории современного Судана. Цивилизационные различия между странами и территориями, в пределах которых разыгрывалась эта социально-политическая драма, не могли скрыть главного — их участники обращались к идее «золотого века» справедливости и естественного хода миропорядка. Они жертвовали собой ради возвращения в «идеальное» прошлое, восстанавливали его «незыблемость» и становились героями уже прожитой истории, но не все еще оставшегося не-

познанным будущего. Их жертвы не только не сдерживали последовательное наступление Европы на еще остававшиеся вне пределов ее политической и экономической гегемонии территории Востока, но, напротив, придавали этому наступлению новые и куда как более мощные импульсы. Эти движения могли, апеллируя к «золотому веку» далекого от европейской «ереси» и стабильного миропорядка, лишь воскрешать прежние формы сословно-статусной корпоративности и ограничивать появившиеся возможности социальной мобильности.

Создавая новые группы давления на государственную власть, «образованный класс» стремился обрести прежде всего политические привилегии, а в дальнейшем и преимущества в области хозяйственной деятельности. Он мог это сделать, добиваясь обретения собственного места в государственной иерархии и, конечно же, ведя борьбу за то, чтобы это место, постоянно расширяясь, соответствовало бы его **новаторским** чаяниям и начинаниям. Так на Востоке возникало поле действительно аналогичного европейским образцам нового политического процесса, главным двигателем которого становился «образованный класс» с его идеалами последовательного реформирования национального общества и государства. Однако осуществить свои идеалы (в отличие от европейской ситуации) он мог лишь при опоре на государство.

С другой стороны, была ли интеллигенция Востока той стратой общества, которую можно было бы квалифицировать как носителя европейской образованности, как безусловного поборника европейских общественно-политических и экономических идеалов, как, в конечном счете, сторонника безусловной вестернизации собственного общества и государства? Однозначно положительный ответ на этот вопрос должен быть исключен.

«Образованный класс» Востока не мог быть таким поборником прежде всего с точки зрения своего генезиса. Он был слишком социально пестр и разнороден. Его ряды пополняли не только новые предприниматели, выступавшие в роли коммерческих посредников между европейцами и собственными соотечественниками, все еще остававшимися членами традиционного деревенского социума, не только чиновники вновь создававшихся государственных структур, преподаватели средней и высшей школы, офицеры, журналисты и литераторы. Этот «класс» был в равной мере представлен служителями как автохтонных верований, так и распространявшихся европейцами религиозных систем, выходцами из переживавших упадок групп прежних военных и гражданских сословий, а также активно внедрявшимися в хозяйственную жизнь городов сельскими землевладельцами. Но даже тот слой восточного «образованного класса», который, казалось бы, мог оцениваться в качестве безусловного порождения европейского влияния, оказывался полутрадиционным. Его представители, еще недавно члены замкнутых сословно-статусных образований прошлого, несли в себе определявший их действия огромный заряд патриархальных представлений, связывавших их с эпохой, идеалы которой они формально стремились отринуть. Да и, кроме того, они часто оказывались представителями тех групп социума (немусульманские *миллеты* Османской империи, непрестижные касты Британской Индии или низшие, презираемые статусные группы Китая и Японии), которые с точки зрения традиционных представлений о социальном

статусе не могли рассматриваться в качестве выразителей интересов собственного общества.

Кроме того, иным был **исторический контекст** условий его возникновения. Этот «класс» формировался в ходе догоняющей Европу модернизации и был одним из итогов этого вынужденного для Востока процесса, определявшегося последствиями или опасностью европейской экспансии. Новаторский реформизм интеллигенции вытекал из необходимости заимствования чужих достижений и способов мышления. Дихотомия «своего» и «чужого» определяла ее собственную линию поведения, заставляла обращаться к тому, что эта интеллигенция рассматривала как «непревзойденные образцы» своей культуры, созданные в прошлом. С самого начала этот новаторский реформизм «образованного класса» Востока заключался не столько в стремлении к уподоблению Европе, сколько был поиском пути к такой мобилизации сил собственного социума, которая способствовала бы обретению самоощущения (включавшего в себя элемент дистанцирования, если не противостояния субъекту внешнего влияния) равновеликости и тождественности Европе. При этом обрести это самоощущение Восток должен был в предельно короткие сроки. Поэтому модернизация требовала использования не всего европейского опыта хозяйственного и социально-политического реформирования, но его сведения к некоему концентрированному минимуму.

Трансформация восточного социума не могла идти путем плавного перехода из одного качественного состояния общества в другое, соответствующее уровню, уже достигнутому западным социумом. В реальности всего несколько десятилетий второй половины XIX — начала XX столетия стали для Востока эпохой перехода от отношений добуржуазного характера к отношениям, пока лишь приближавшимся к буржуазным.

Содействуя обретению восточным обществом ощущения своей равновеликости Европе, «образованный класс» Востока вырабатывал тем самым основы легитимации той социальной мобильности, итогом которой было и его собственное возникновение. Речь шла в первую очередь о выдвигавшейся интеллигенцией совокупности воззрений, связанных с просвещением народа и проведением реформ, направленных на создание **объединенного национальными узами общества**.

Центральным звеном этих воззрений была, конечно же, идея **национального возрождения**. Эта внутренне амбивалентная идея предусматривала едва ли не разрыв с предшествовавшими ей способами внутренней организации восточных обществ и основами их жизнедеятельности. Действительно, речь шла о придании этим обществам иного структурного оформления. Если в пределах государственных образований и подчиненных западным метрополиям территорий Востока должно было возникнуть спаянное и ориентированное на некие национальные идеалы человеческое сообщество, то оно виделось как адекватное нациям Запада. Однако процесс создания этого сообщества имел естественный ограничитель. Европейская экспансия в самых различных формах своего проявления выступала в качестве силы, воздействие которой на социум Востока оказывалось не только неопровержимым, но и разрушительным. Задача преодоления ее деструктивного воздействия выдвигалась в качестве наиболее действенного направления мобилизации, призванного стать национальным знаменем социума. Политический

процесс на Востоке неизбежно принимал двуликую форму: конструирование национального сообщества желательно было совместить с защитой основ его бытия, включая и ту почву сословно-статусных иерархических связей, без которых это бытие оказывалось бы обреченным на окончательное разрушение и деградацию.

Новые, порождавшиеся европейским вызовом социальные слои и страты в городах Востока пока только стремились найти свое место в рамках старой социальной структуры. Выдвигавший национальную идею «образованный класс», будучи крайне тонкой количественно и размытой качественно частью социальной структуры, действовал не столько в направлении претворения в жизнь этой национальной идеи, сколько стремился придать законность своему существованию и статусу. В контексте этой социально пестрой страты национальная идея получала естественную многовариантность своих оттенков: от жесткого **почвенничества**, отрицавшего саму возможность и необходимость контактов с Европой, до столь же четко выраженного **западничества**, призывавшего к коренной перестройке национального сообщества. Однако при этом оба этих крайних полюса многовариантности оказывались взаимозаменяемыми, когда переход на те или иные позиции зависел лишь от политической конъюнктуры и политической целесообразности, что позволяло бесконечно варьировать разнообразие политических альянсов и союзов между, казалось бы, радикально противоположными фракциями интеллигенции.

Но важно и другое обстоятельство: гетерогенность «образованного класса» приводила к ранее немислимому обмену идеями, взаимодействию и взаимопроникновению, взаимодополнению и взаимовлиянию составлявших его групп. Выдвигая идею национального возрождения, все группы интеллигенции Востока в итоге осознали, что усвоение западных ценностей требует активного поиска не только способов конструирования национального единства, но одновременно гибкого реформирования традиционных принципов его жизнедеятельности. Возникновение в восточных странах новых политических институтов (парламентские учреждения, органы исполнительной и судебной власти, ориентированные на соответствующие европейские образцы) и их конституционное оформление рассматривались местным «образованным классом» как этап завершения под-держиваемой государством модернизации.

В связи с тем, что западные ценности, связанные со сферой политических отношений, не могли бы быть успешно укоренены в почву восточного общества, если в этой почве не были бы найдены их аналоги или по крайней мере некоторые ее элементы не были бы интерпретированы в качестве таких аналогов, сразу же возникало немало действительно серьезных проблем, и, быть может, сам процесс оформления этих аналогов становился наиболее существенным.

Любая из культур Востока, в которую было необходимо внести западные ценности, рассматривалась ее носителями — конечно, и интеллигенцией — в качестве самодостаточной. Это вовсе не означало, однако, что эта культура была закрыта для внешнего воздействия. Любая цивилизационная традиция Востока, вне зависимости от того, идет ли речь о странах распространения ислама, буддизма или конфуцианства, возникала в результате усвоения других, порой далеких от места их нового укоренения цивилизационных ценностей, но ценностей

однопорядковых в силу своего средневекового, традиционного содержания. При этом каждый раз, когда это происходило, усваивавшиеся ею ценности становились способом реформирования и самой культуры, и основанной на ней жизнедеятельности того или иного человеческого сообщества. Но могло ли это в равной мере относиться и к западным политическим ценностям? Здесь ситуация оказывалась иной.

Начав знакомить своих соотечественников с наиболее значительными достижениями европейской мысли в области общественного и государственного устройства, интеллигенция Востока сталкивалась с основополагающими политическими понятиями, в ряду которых присутствовали, в частности, «государство», «парламент», «партия», «народ», «республика», «демократия» и, наконец, «революция», «общество» и «гражданин». Эти понятия требовалось истолковать, потому что традиционная для Востока система взаимоотношений власти и подданных не могла предложить каких-либо реальных и, в силу этого, адекватных этим понятиям образцов поведения и, соответственно, описывающих их терминов. Но само это истолкование должно было тем не менее отталкиваться от традиции национальной культуры, ради того чтобы в ней найти необходимые аналоги заимствовавшихся в западном мире ценностных установок.

Движение в этом направлении было, по сути дела, одинаково даже в столь цивилизационно различных социумах, как общества Китая и Османской империи. В обеих странах «образованный класс» начинал осмыслять идею «демократии» в терминах **народ-хозяин** или **власть народа**, воплощением которой должен был стать «парламент» — совет избранных этого народа. Местная интеллигенция трансформировала понятие «общество» в **человеческое единство**, предполагающее, что некая аморфная людская масса обладает независимой от ее правителей волей и суверенной способностью к совершению основывающихся на «велении сердца и разума» поступков. И однако же это единство отнюдь не обязательно должно было конструировать себя на основе полного совпадения присутствующих всем его элементам целеположенных устремлений. В воззрениях тех, кто заимствовал европейские идеи и европейские понятия, вновь возникавшее единство сохраняло тем не менее внутреннее разнообразие своих частей, становившихся в итоге, хотя пока еще в теории, партиями. В свою очередь, народ переставал быть совокупностью бунтовщиков и мятежников, требовавших восстановления попиравшейся властью справедливости, и постепенно становился общностью граждан, объединенных одной родиной. Для интеллигенции обеих стран смысл идеи гражданства состоял отныне в том, насколько прочными узами житель страны связан с нею. Однако степень этой прочности зависела от того, в какой мере сама страна перестает быть «уделом» правителя, трансформируясь в место хозяйствования ее обитателей. Наконец, «государство» — европейское *Etat* или *State* — обретало контуры состояния взаимоотношений между его гражданами и властью. Неудовлетворенность характером этих отношений давала право народу-хозяину совершать оправдываемую его суверенной волей (а вовсе не требовавшим постоянного контроля бунтарским началом) «революцию» — *Revolution* — переворот, — но ради восстановления всеобщего блага и справедливости.

Казалось бы, в культуру стран Востока окончательно входили понятия, несшие в себе современное содержание. Однако если обратиться к интерпретации

понятия «переворот», то станет очевидным, что это понятие возникало из традиции почти всех религиозно-политических систем традиционного общества, в которых неизменно присутствовала идея устранения несправедного или неспособного исполнять свои обязанности правителя. Равным образом движение по пути модернизации и реформирования социума и государства все так же обрамлялось отсылкой к традиции, ею становилось толкование «революции» как восстание, реставрация (японское Мэйдзи) возможности продолжения пути к желанному общественному благоденствию, и вовсе не обязательно с помощью методов насилия и кровопролития. Стремление оформить процесс приближения к современности с помощью терминов, заимствованных из Корана или текстов древних дальневосточных мыслителей, позволяло придать оттенок необходимой законности вызванному Западом процессу модернизации. Одновременно обращение к традиции актуализировало и радикализировало саму эту традицию, превращая ее в неисчерпаемый источник возможных методов легитимации практики западничества или почвенничества.

Положение об обоснованном суверенной волей народа перевороте в качестве способа коррекции ошибок на пути движения к всеобщему благоденствию и обусловило необходимость выдвигания «образованным классом» Востока **социальной идеи** в качестве второго элемента его воззрений. Это было естественно. Конструирование национального единства требовало активных действий, способствующих просвещению народа, понимавшихся как широкий комплекс мер, включающих и реформирование социальных условий бытия этого народа. В силу этого социальная идея, вновь выражавшаяся с помощью неологизмов, изобретенных или почерпнутых из традиционных текстов, представляла как **сотрудничество, содружество, солидарность** всех составлявших восточное общество страт, слоев и общественных групп. Внутреннее содержание этой идеи лишь условно и приблизительно соотносилось с европейским понятием «социализм». Однако вплоть до времени Первой мировой войны и революционных изменений в России социальная идея на Востоке оставалась тем элементом взглядов местного «образованного класса», который не имел сколько-нибудь самостоятельного значения вне связи с идеей национального возрождения. Это относилось даже к тем политическим формированиям национальной интеллигенции Востока, которые уже в конце XIX — начале XX в. устанавливали тесные контакты с европейским социалистическим движением, отвергая вместе с тем казавшиеся им «крайними» воззрения тех его фракций, которые выступали в качестве последовательных сторонников всеобъемлющего социального переворота.

Социальная идея провозглашалась этими формированиями как способ созидания национальной государственности, решения задачи национального возрождения, немислимого в ситуации разжигания противостояния между классами, но, напротив, возможного в условиях социальной солидарности и содружества. Партии **национального дела** — армянские Гнчак и Дашнакцутюн, еврейский Поалей-Цион, переносивший свою деятельность в начале XX в. на территорию Палестины, наконец, «социалистически» ориентированные группы в египетской Национальной партии, Индийском национальном конгрессе и Гоминьдане — были тому не единственными, но, быть может, наиболее яркими примерами. Вместе с тем если в идеологических построениях этих политических формиро-

ваний и присутствовали элементы апелляции к этатизму (впрочем, они содержались в идеологии любой политической организации Востока того времени), то они также ни в коей мере не соотносились с идеей европейского социализма, а вытекали из особенностей политического развития афро-азиатского региона той эпохи. Речь шла о противостоянии европейскому экономическому проникновению или его ограничении, что полностью отвечало линии государственного реформирования восточных стран. В свою очередь, в армянском или еврейско-палестинском случаях эти этатистские элементы были не чем иным, как призывом и практикой создания способного сплотить национальное сообщество государства.

Воззрения «образованного класса» содержали, кроме того, и третий — **цивилизационный** — элемент. Он так же, как и социальная идея, был инструментом реализации главной задачи — **национального возрождения**. Однако провозглашение народа **суверенным** означало, что он обладает жизнеспособной и равноценной западной **цивилизационной матрицей**, на основе которой развивается его жизнедеятельность. Если на Западе такой матрицей было греко-римское прошлое Европы, то на Востоке, естественно, ею становилось наследие местной культуры, истолковывавшееся, подобно Европе, как источник великого гуманистического вдохновения. Для мира Ближнего и Среднего Востока это наследие ассоциировалось с цивилизацией ислама. Для мира Индии, Индокитая, Китая и Японии оно было связано с традиционными религиями и философскими системами — индуизмом, буддизмом, синтоизмом и конфуцианством. Это наследие было необходимо очистить от искажений прошлых веков, которые в эпоху европейской экспансии квалифицировались как время застоя и упадка. Наиболее яркие поборники религиозного реформаторства в огромной мере расширяли сферу деятельности восточного «образованного класса», становясь вместе с представителями его светского крыла активными участниками формирования нового политического процесса на территории своих стран. Обновленное религиозное верование должно было стать едва ли не наиболее фундаментальным выражением конструировавшегося интеллигенцией и основанного на великом наследии **национального духа**.

В тех странах Востока, где процесс национального возрождения осуществлялся в светских формах, первоначально имевших мало видимых точек соприкосновения с деятельностью религиозных реформаторов, он тем не менее имел тенденцию к внутренней трансформации в сторону осознания религии в качестве одной из матриц национальной жизни. Подтверждением тому может служить Сирия в ее исторических границах, где выдвижение светской национальной идеи, призванной объединить и религиозное мусульманское большинство, и христианские меньшинства, инициировалось выходцами из местных христианских общин. Однако эта национальная идея включала в себя признание исламского наследия в качестве основополагающей ценности жизни местного общества. Не менее существенным подтверждением тому, что религия становилась одной из основ национальной консолидации, были североафриканская и российская (вариант *джадидизма*) ситуации. В этих двух случаях сама возможность арабской или (понимаемой в широком смысле) тюркоязычной национальной жизни становилась реальностью благодаря целенаправленному обращению к **нацио-**

нальной религии — исламу, рассматривавшемуся в качестве антитезы французскому и испанскому католицизму или русскому православию. В свою очередь, провозглашение основателями Поалей-Цион Палестины «исторической родиной» еврейского народа, в пределах которой должно быть воссоздано **национальное сообщество и государство**, было признанием недостаточности только светского обоснования их деятельности.

Утверждая себя в качестве создателя нации, «образованный класс» Востока говорил о просвещении всего народа, теоретически определяя новые очертания социума как объединенного общими усилиями сообщества. Идеи, выдвигавшиеся им, можно было бы назвать «протоидеологией», необходимой для обоснования процесса модернизации восточных стран. В конечном счете появление протоидеологии было повторением практики европейского возрожденчества, также как и принципиально важным обстоятельством, инициирующим развитие политического процесса. Но и совпадение общих контуров эволюции западного и неевропейского миров, и появление на Востоке идеи возрожденческой модернизации предполагали учет главного — международного контекста модернизации Востока, когда в центре исторического процесса уже находился Запад, а огромное пространство Азии и Африки оказывалось его периферией. В этих условиях «образованному классу» предстояло впервые найти путь претворения в жизнь уже созданной им протоидеологии.

Политически реализация идеи национального возрождения предполагала преодоление линий разлома в социуме Востока, облегчавших экспансию и установление гегемонии западных держав. Задача эта понималась как создание инструмента, способного объединить и консолидировать разнонаправленные конфессиональные и национальные устремления, идеалы и предпочтения, придав им единство поступков и помыслов. Иными словами, превратить еще теоретическую конструкцию национального единства в практическую реальность. С помощью этого инструмента стало бы возможным либо защитить самостоятельность национального государства и существовавшей в нем системы политических институтов, либо, сохраняя единство уже созданного метрополией территориального пространства, смягчить гегемонию внешней европейской силы и в дальнейшем придать этому пространству статус суверенного политического образования. Таким инструментом были создававшееся «образованным классом» Востока во второй половине XIX — начале XX столетия общественные и политические организации.

Их формы были многочисленны и многообразны — от движений религиозной направленности до масонских лож, — но в любом случае они создавались для решения вопросов, связанных как с конструированием национального социума, так и с его модернизацией и реформированием. Реальная ситуация Востока ни в коей мере не предполагала разделения этих задач или по крайней мере придания той или иной из них какого-либо оттенка приоритетности. Отсюда и вытекала внутренняя гетерогенность создававшихся «образованным классом» Востока первых общественно-политических организаций. Однако не менее существенна и другая характеристика этих групп общественно-политического действия — с их помощью та или иная фракция интеллигенции стремилась обеспечить себе центральное место в будущем национальном сообществе.

Для стран Востока, многонациональных и поликонфессиональных, с разным уровнем хозяйственного и социально-политического развития их территорий, это означало, что процесс становления организаций «образованного класса» должен был пройти по крайней мере два этапа. Если первый предполагал появление значительного числа политических организаций, строившихся только по принципу религиозной, земляческой или клановой принадлежности, то на втором этапе предпринимались попытки их объединения и создания более или менее долговременных и общенациональных (но наследовавших у прошлого всю ту же религиозную и кланово-земляческую основу) партий-конгломератов. Гоминьдан или филиппинская Национальная партия служат примерами таких объединений. В зависимости от обстоятельств становления государственности организационно-политические структуры, свойственные обоим этим этапам, могли сохраняться и до сегодняшнего дня. Наконец, способы создания партий-конгломератов могли нести в себе унаследованную от первого этапа тенденцию конфессионализма или землячества, заранее обрекавшую целые сегменты населения той или иной страны на положение маргиналов или нежелательных элементов в рамках провозглашаемого единым национальным сообществом.

Индия была едва ли не наиболее ярким примером становления прежде всего религиозных и регионалистских организаций местного «образованного класса». Предпринимавшиеся лидерами Индийского национального конгресса уже в преддверии Первой мировой войны попытки достижения компромисса с руководителями Мусульманской лиги и создания на этой основе общенациональной партийной структуры, призванной сохранить единство территории Британской Индии, оказались в конечном счете безуспешными. Устремления обеих групп индийской элиты — индуистской и мусульманской, каждая из которых видела себя центральным звеном национального социума, — оказывались несовместимыми. Их разделяли методы и способы легитимации и конструирования этого социума. Однако и Индийский национальный конгресс, и Мусульманская лига становились для, соответственно, индуистских или мусульманских регионов Индии искомыми общенациональными партиями-конгломератами.

Османская империя также была примером безуспешных попыток решения вопроса об объединении национально-регионалистских клубов, обществ, ассоциаций, партий и движений. Как и в случае с Индией, точка зрения выразителей интересов национального большинства — «новых османов», или, впоследствии, партии «Единение и прогресс», видевших свою задачу в сохранении ведущего положения турок в рамках предлагавшегося ими наднационального «османского» социума, оказывалась несовместимой с устремлениями славяно-балканских, арабских и армянских националистов. В свою очередь, разнообразные варианты идеи децентрализации государства, призванные обеспечить господство политических организаций нетурецких групп населения там, где эти группы численно доминировали, не были приемлемы для турецких националистов, ибо в конечном счете эти варианты привели бы к неизбежному крушению единства государства. Но, как и в случае с Индией, не только турецкие группы политического действия, но и их аналоги в инациональных средах Османской империи становились партиями-конгломератами, содействовавшими сплочению соответствующих групп населения страны.

Тем не менее появление организационно оформленных политических структур того или иного типа вовсе не было правилом для всего Востока. Их становление определялось уровнем развития той или иной страны или территории, зависевшим в конечном счете от степени воздействия европейской экспансии и вовлеченности местного населения в модернизационный процесс. В Японии эти структуры могли успешно заменяться государством. Более того, все те же структуры могли становиться реальностью многих стран Азии только в новейшую эпоху их развития (что лишь означало условность принятой исторической периодизации для многих стран Востока), обретая, в частности, ярко выраженный «социальный» характер и провозглашая себя организациями коммунистов.

Наконец, все тот же азиатский регион Востока мог демонстрировать и попытки превращения корпоративно-сословной страты духовенства в объединяющую общество партийную структуру. Иран, где шиитские богословы «благословляли» во время революционных событий 1905–1907 гг. создание парламента и принятую им конституцию, превращаясь во многом в их ведущую силу, не может быть здесь проигнорирован. В свою очередь, эта сила жестко демонстрировала свое стремление вывести за пределы национального социума его экономически и политически наиболее активные, но иноконфессиональные и инациональные группы населения.

Вместе с тем Иран интересен не только с этой точки зрения. Эта страна во многом демонстрировала существование общей для всего Востока тенденции. Суть этой тенденции состояла в том, что, вне зависимости от степени социально-экономического развития и уровня зрелости «образованного класса» той или иной страны, любые попытки предпринимаемой им политической модернизации должны были сопрягаться с традицией. Традиция должна была освящать политическую модернизацию. Модернизация могла обрести статус законного начинания только при поддержке носителей традиции. Иными словами, сама идея противопоставления и противостояния на Востоке групп **прогрессистов-модернизаторов** и **консерваторов-охранителей** не кажется ни продуктивной, ни реалистичной.

Более того, светский характер любой политической структуры Востока или, шире, неевропейского мира оказывался формален (тем более в ситуации, когда эта структура считала необходимым сплотить конфессионально гетерогенный социум). Ради оправдания собственных действий она должна была обращаться к **традиции**. На ней зиждилось палестинофильство Поалей-Цион, что предопределяло для этой партии возможность быть участником коалиций, членами которых становились и апеллировавшие к ценностям иудаизма еврейские партии. Это обращение вытекало прежде всего из двойственности задачи, которую были призваны решать лидеры национальных движений. С одной стороны, своими действиями они должны были ускорять реформы, благодаря которым, как они предполагали, общества Востока могли достичь уровня развития Европы, но, с другой — те же их действия были призваны охранять устои этих обществ от «разлагающего» воздействия той же Европы. Порой наиболее яркие выходцы из рядов «образованного класса» Востока могли менять свои религиозные убеждения, становясь последователями привносимых Западом религиозных доктрин, или формировали свои убеждения в эмиграции, за пределами давшего им жизнь

национального сообщества. Тем не менее, действуя в сфере политики, они продолжали обращаться к наследию этого сообщества. Сунь Ятсен как лидер Гоминьдана был конфуцианцем в той же мере, что и М.К.Ганди индустом в качестве главы Индийского национального конгресса.

Но и фигуры восточных традиционалистов были так же двойственны, как и личности «великих обновителей» Азии. В рядах гетерогенного «образованного класса» Востока второй половины XIX — начала XX в. не существовало двух четко очерченных лагерей, представленных соответствующими им двумя типами сознания. Если «великие обновители» были далеки от того, чтобы стремиться в ходе реформы национального социума сузить воздействие религиозной веры на своих сограждан, то и формально противостоявшие им сторонники придания вере статуса всеобъемлющего знаменателя общественной жизни использовали в процессе собственной политической деятельности иные элементы протоидеологии первоначальной модернизации. Напротив, само стремление расширить сферу традиционной веры предполагало обращение к тем сторонам ее риторики и догматики, которые ранее пребывали в качестве маргинальных. Вера **национализировалась**, и это был шаг к тому, чтобы превратить ее в орудие доказательств самодостаточности и равновеликости цивилизации Запада и одновременно охраны основ национального бытия. Но, становясь национальной, все та же вера не могла более игнорировать свое **социальное** начало, она, напротив, содействовала его превращению в абсолютную и непререкаемую данность. Мир ислама в его шиитском и суннитском вариантах подтверждал это появлением своих, вроде бы, традиционалистов. Джемаль ад-Дин аль-Афгани, «отвечая материалистам», пропагандировал социальную идею сотрудничества, призывая к духовному возрождению мусульман. Но столь же ощутимо происходила и трансформация взглядов традиционалистов в ареалах распространения индуизма и буддизма, обычно рассматриваемых в качестве индифферентных к национальным и социально-политическим проблемам.

Первые политические организации Востока с их широким спектром участников были, вне сомнения, партиями-конгломератами. Любой список первых политических партий и движений стран и территорий Востока станет весомым доказательством их внутренней гетерогенности и, в силу этого, способности после обретения или сохранения независимости породить иные, организационно менее громоздкие структуры. В этом списке должны, конечно же, присутствовать египетская Национальная партия, турецкая «Единение и прогресс», Индийский национальный конгресс, «Союз возрождения Китая», основанный Сунь Ятсеном, или общемусульманский российский «Иттифак аль-муслимин». Генезис такого рода политических структур, да и практика их действия могут рассматриваться в качестве едва ли не основного **политического** показателя завершенности для той или иной страны предшествовавшей эпохи и окончательного вступления этой страны в мир современности, в эру всемирной новейшей истории.

Многие страны Востока даже в начале прошлого столетия оказывались далеки от того, чтобы там мог появиться относительно современный, представленный выходцами из среды национального большинства, социально и политически значимый «образованный класс». Так было не только в большинстве английских, французских и португальских владений в Африке, но и, например, в Иране. От-

сутствие или слабость этого «класса» становились причиной отсутствия и собственных ему орудий политического действия. В свою очередь, способность государства — японский вариант эволюции после «Реставрации Мэйдзи» — адекватно ответить на европейский вызов ограничивала возможности превращения интеллигенции, вступавшей на этап просветительства, в относительно самостоятельную общественно-политическую силу, способную в дальнейшем создать местный аналог партии-конгломерата.

Появление первых партийных структур в странах и на территориях Востока было лишь частью политической деятельности местного «образованного класса». Эта деятельность включала в себя и внесение в жизнь стран Востока элементов политико-правовой системы, которыми становились как первые конституционные акты, так и выраставшие на их основе институты парламентаризма. Иницируя в своих странах и на своих территориях современный политический процесс, «образованный класс» Востока уже на этапе своей просветительской деятельности выступал в качестве ведущего борца за введение в жизнь норм европейского конституционного права и создание органов законодательной власти, ограничивающих власть монархов или функции представлявших европейские метрополии чиновников. Это было естественно, ибо иные методы вхождения этого «класса» во власть, обеспечения его участия в управлении и принятия политического решения отсутствовали. Поскольку он видел себя центральным звеном национально ориентированного социума, постольку лишь от степени его присутствия в системе государственных структур зависела в конечном счете сама возможность возникновения этого социума. Выражая все многообразие его разновекторных интересов, отталкиваясь от собственной идеи социального сотрудничества, интеллигенция Востока становилась не только провозвестницей построенного на правовых основах государства, но и стремилась принять активное участие в его формировании.

По сути дела, эти идеи становились основополагающими как для деятелей арабской Нахды, так и для турецких «младоосманов». Они находились в центре внимания аморфных групп иранской интеллигенции времени революционных событий начала XX в., младоафганских сторонников реформ или их японских единомышленников кануна «Реставрации Мэйдзи». Но в равной степени это относилось и к группировавшимся вокруг Кан Ювэя реформаторам в конце XIX столетия в Китае или группам индийских просветителей того же времени, настойчиво пытавшихся соединить традиционную индуистскую и мусульманскую риторику и лозунги расширения участия местного «образованного класса» в управлении страной.

Но эта позиция была все так же амбивалентна. Ее двойственность заключалась в том, что возможность проведения конституционно-правовых преобразований в той или иной стране Востока зависела от собственного государства или метрополии. Выступая же с этим требованием, местный «образованный класс» и его общественно-политические организации, экономически и политически зависевшие от традиционной элиты — **правящего класса** — той или иной страны и связанные с ней социально, становились, по крайней мере на первый взгляд, группой контрэлитарного действия. Поверхностное прочтение вновь возникавшей ситуации действительно создавало иллюзию противостояния двух «классов»

восточного социума — «правлящего» и «образованного», едва ли не «классовой борьбы», в которую они оба оказывались втянутыми.

События как времени пробуждения Азии, так и предшествующие ему, казались бы, служат тому объективным подтверждением. Пример жесткого противостояния китайских реформаторов и императорской династии в 90-х годах XIX в., а также революционных событий 1911–1912 гг. в Китае, ознаменовавшихся падением Цинской династии, провозглашением республики и выдвижением сторонников Сунь Ятсена к вершинам государственной власти, едва ли не наиболее веское доказательство идеи этой «классовой борьбы». И эти примеры не единичны. Тенденции обращения к методам насильственного низвержения чужеземной гегемонии, связанные с именем Б.Г.Тилака, были реальным фактом эволюции Индийского Национального конгресса в начале XX столетия. Наконец, турецкая партия «Единение и прогресс», пережив этап правительственных антиреформаторских гонений и опираясь на действенную помощь армейского офицерского корпуса, смогла стать во главе страны, превратив монархию в своего «младшего» союзника.

Турецкий пример (впрочем, во многом это относится и к Китаю) доказывает, однако, хрупкость начинаний «образованного класса» Востока. Инициаторовавшая им «классовая борьба» рано или поздно ставила под вопрос существование единого пространства государства, вызывая к жизни региональные трения, межконфессиональные и межнациональные распри. В ходе своего движения к власти интеллигенция была вынуждена опираться на поддержку куда как более внутренне сплоченных и жестко структурированных социальных страт, превращавших созданные ею политические образования в орудие собственного действия, а их идейные воззрения — в орудие легитимации своего всевластия. Более того, деформировалась внутренняя логика конструирования этих воззрений. Составлявшие их элементы — национальная цель и обрамлявшие ее цивилизационные и социальные детерминанты — расщеплялись, превращаясь в самостоятельные средства придания законности политическому действию. Наконец, внутри партий-конгломератов усиливались изначально заложенные в них центробежные тенденции, когда их сторонники, подхватывая элементы расщеплявшейся протоидеологии прошлого и создавая новые основы их будущего структурирования, выходили на авансцену политической жизни. Изменившаяся после Первой мировой войны конфигурация, определившая появление новых мировых «центров силы», лишь усиливала эти тенденции.

Политический процесс на Востоке менял свои очертания, становясь, как с точки зрения состава своих участников, инструментов действия, так и риторики их идейного обоснования, иным. Но менялся и международный контекст его эволюции. Мир, как и его теперь уже интегральный элемент — Восток, входил в этап своей новейшей истории.

МЛАДОТУРЕЦКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И МЛАДОТУРЕЦКИЙ РЕЖИМ

Революционный взрыв, ликвидировавший деспотический феодально-абсолютистский режим Зулума и восстановивший в правах конституцию 1876 г., вошел в историю Турции под названием «младотурецкая революция». В первой половине 1908 г. Македония стала тем районом страны, где социальные и национальные противоречия, типичные для всей Османской империи, проявлялись с особой остротой. В 1902–1903 гг. в Македонии не раз происходили крестьянские восстания. Порта справлялась с ними с большим трудом, а великие державы под предлогом «умиротворения» делали очередной шаг к укреплению своих позиций и влияния в империи Османов. В июне 1908 г. в Ревеле состоялось свидание русского царя с английским королем, во время которого было достигнуто соглашение о вводе в Македонию иностранных войск в целях «поддержания порядка» в этом крае. Возникла не только реальная угроза иностранного вмешательства в события в Македонии, но и опасность отторжения этого района от Османской империи.

В такой обстановке руководители младотурецкого движения решили перейти к немедленной подготовке антиправительственного выступления армии, силой добиться восстановления конституции и воспрепятствовать иностранному вмешательству в дела империи. В феврале–марте 1908 г. парижский центр младотурок в циркулярных письмах, направляемых своим сторонникам в Турции, настоятельно рекомендовал расширить вербовку сторонников движения в армии, среди молодежи, создать из них тайные группы. Был разработан даже специальный устав, определявший правила деятельности внутри страны. Среди его положений была рекомендация об организации специальных боевых групп.

Основным центром деятельности младотурок в этот период стал город Салоники. Действовавший здесь внутренний центр общества «Единение и прогресс» резко усилил пропаганду в армии. Она имела значительный успех среди солдат, младших и средних офицеров турецких войск, расквартированных в Македонии, среди гражданского населения. Младотурецкие агитаторы побуждали крестьян к неповиновению властям, старались привлечь на свою сторону солдат. В результате в частях, расположенных в Македонии, все чаще происходили выступления солдат и младших офицеров, требовавших либо задержанного жалованья, либо скорейшей демобилизации. В марте 1908 г. в Эдирне взбунтовались даже два полка столь верной султану иррегулярной конницы. К ним примкнуло несколько сотен солдат пехотных частей. Подавление бунта в данной ситуации было столь опасно, что Порта не решилась прибегнуть к силе. Было частично выплачено задержанное жалованье, издан приказ об увольнении из армии нижних чинов, отслуживших положенный срок.

Весной 1908 г. младотурки направили консулам держав меморандум, в котором содержался протест против вмешательства иностранных держав во внутренние дела Македонии. Сразу же после Ревельского свидания английского короля и русского царя младотурецкие комитеты направили иностранным консулам в различных городах Македонии резкие ноты протеста против принятых в Ревеле решений.

Султан в начале июня попытался сбить растущую волну революционных настроений. Он произвел кадровые перемены в руководстве частями в Македонии, приказал провести аресты среди офицеров войск салоницкого гарнизона. Однако ответом было еще большее усиление антиправительственных настроений в армейских частях. К младотуркам в Македонии примкнуло немало чиновников местной администрации. По некоторым данным, к июлю 1908 г. младотурецкие организации в Македонии имели в своих рядах около 15 тыс. человек.

В конце июня Ниязи-бей — офицер гарнизона в Ресне, руководитель одной из конспиративных групп младотурок — организовал повстанческий отряд. 3 июля отряд в 200 человек ушел из казарм в горы, захватив оружие и деньги из кассы гарнизона. К восставшим быстро присоединялись офицеры с отрядами солдат-повстанцев из других гарнизонов. Штаб-квартирой повстанцев стал один из отдаленных районов Монастырского *вилаята* — Охрид. Султан попытался двинуть против повстанцев верные ему части, но они не выполнили приказ, поддавшись пропаганде младотурок.

Одним из наиболее существенных факторов, определивших быстрый и почти бескровный ход дальнейших событий, было присоединение к восставшим офицерам и солдатам нетурецкого населения Македонии. Руководители македонских и албанских национальных организаций решительно поддержали восставших младотурок.

Все попытки султана и правительства ликвидировать очаги начавшегося восстания окончились неудачей. Армейские части стали одна за другой открыто присоединяться к повстанцам. Когда Абдул-Хамид II решил перебросить в Македонию войска из Анатолии, все части отказались выступить против восставших воинских соединений и повстанческих отрядов. Масштабы восстания росли день ото дня. В Салоницком *вилаете* появились силы повстанцев под руководством майора Энвер-бея. В середине июля к повстанцам присоединилось около 30 тыс. вооруженных албанцев, руководители которых поддержали конституционные лозунги младотурок. В Салониках деятельность султанских властей была практически парализована.

23 июля повстанческие отряды и присоединившиеся к ним воинские подразделения повсеместно начали брать в свои руки власть в административных центрах Македонии — Салониках, Монастыре, Ускюбе и других крупных городах. Монастыр был занят 22 июля двухтысячным отрядом Ниязи-бея. Монастырский комитет младотурок направил султану телеграмму с требованием немедленно восстановить конституцию и созвать палату депутатов; во многих городах Македонии взявшие власть в свои руки младотурецкие комитеты сами провозглашали восстановление конституции 1876 г.

Султан и правительство вынуждены были принять требование восставших. 24 июля был опубликован султанский указ о восстановлении конституции 1876 г.

В указе содержалось обещание созыва палаты депутатов. Во многих городах страны в эти дни проходили массовые митинги в поддержку конституции. На митингах братались представители различных национальностей и вероисповеданий. Повсеместно из тюрем освобождали политзаключенных. Несколько дней шли грандиозные манифестации и митинги в столице.

В первые же недели после революции на смену революционным лозунгам пришли призывы младотурок к порядку и спокойствию. Так, когда в Бурсе население после манифестации и освобождения политзаключенных начало расправляться с ненавистными проявлениями режима Зулума (самосуд над начальником местной тайной полиции, разгром типографии газеты, постоянно восхвалявшей Абдул-Хамида II, и т.д.), в город немедленно прибыли из Салоник видные деятели младотурецкого комитета. Они добились прекращения подобной инициативы масс. В ряде районов Анатолии крестьяне, воспринявшие восстановление конституции как избавление от произвола чиновников и непосильных налогов, стали отказываться от уплаты налогов. Тогда местные комитеты младотурок пустили в ход жандармерию, принуждая налогоплательщиков к обычным выплатам. В июле-августе младотурки с помощью войск прекратили забастовки грузчиков угля в Стамбуле, железнодорожников Измита и Эскишехира, портовых рабочих Измира.

Хотя младотурки обладали реальной политической властью, комитет «Единение и прогресс» предпочел пока не брать официально управление страной в свои руки. Весь центральный и провинциальный аппарат управления был сохранен без серьезных изменений. Младотурки настояли на удалении из кабинета некоторых особенно скомпрометировавших себя администраторов абдул-хамидовского режима. Между тем самого султана, личность которого для эмигрантов-младотурок еще недавно была олицетворением всех бед страны, победившие младотурки с готовностью стали представлять некой жертвой интриг сановников и придворных. Но лидеры младотурок, опираясь на армию, не доверяли на деле султану. Они сохранили Салоники в качестве резиденции комитета «Единение и прогресс», ибо Стамбул — место дислокации войск, сохранивших в какой-то мере преданность султану и его правительству, — казался им ненадежным местом.

В этот период младотурки весьма энергично укрепляли организационную основу своего влияния на все дела страны. Во многих городах империи были созданы филиалы партии младотурок, сеть которых была весьма разветвленной. Стремясь поставить под свой контроль общественное мнение, младотурки быстро наладили издание своих печатных органов, использовали реальное влияние на политическую жизнь страны с тем, чтобы ликвидировать султанскую тайную полицию. Многие видные сановники, в особенности ненавистные народу представители дворцовой камарильи, были арестованы.

С 5 по 25 октября 1908 г. состоялся конгресс общества «Единение и прогресс», который принял решение о преобразовании общества в политическую партию. Конгресс принял программу партии в духе основных программных установок младотурок: ограничение прав султана и расширение полномочий парламента, ответственность министров перед парламентом, право депутатов на внесение законопроектов, снижение возрастного избирательного ценза до 21 года, изъятие дополнения к ст. 113 конституции о праве султана на высылку неугод-

ных ему лиц. Программа провозглашала свободу слова, печати и собраний. Она обошла аграрный вопрос, ограничившись обещанием замены *ашара* денежным налогом. К национальному вопросу программа подходила в духе доктрины османизма.

В октябре произошли внешнеполитические события, усложнившие положение младотурок. Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину. Днем позже последовало объявление Болгарией независимости. Руководители младотурок выступили против агрессии Австро-Венгрии, организовали бойкот австрийских товаров и начали готовить расквартированные в европейской Турции воинские части к возможной войне. Повсеместно в городах страны проходили митинги протеста против действий Австро-Венгрии и Германии. В газетах публиковались статьи, в которых эти державы расценивались как провоцирующие войну с целью вызвать в стране антиконституционное движение. В таких условиях реакционные силы начали нагнетать антимиладотурецкие настроения, обвиняя комитет младотурок в том, что именно он создал ситуацию, удобную для проведения аннексии Боснии и Герцеговины и столь независимого поведения Болгарии.

В таких условиях происходили выборы в палату депутатов, которая начала работу 15 ноября 1908 г. Младотурки были на этих выборах практически единственной организованной политической силой. Оппозиционная младотуркам политическая группировка — созданная рядом сторонников Сабахедина партия «Ахрар» («Либералы») возникла лишь в середине 1909 г. В результате младотуркам удалось провести в палату всех выдвинутых ими кандидатов. Из 230 депутатских мест депутаты-младотурки заняли 150. Председателем палаты стал возвратившийся из эмиграции идеолог младотурок Ахмед Риза-бей.

Борьба между младотурками и реакционными силами нарастала постепенно в течение зимы 1908/09 г. Ареной политических столкновений много раз становилась палата депутатов. Когда, например, великий везир Кямил-паша в нарушение конституционной процедуры произвел направленные против младотурок изменения в составе правительства, палата депутатов энергично выступила против великого везира. Палату поддержали офицеры кораблей военного флота, стоявших на якоре в водах Босфора.

Между тем социальная база и политическое влияние партии «Единение и прогресс» после революции отнюдь не расширились. Не ставя задачу проведения сколь-нибудь значительных социальных преобразований, выступая против социальных устремлений народных масс, младотурки постепенно растеряли свою популярность, приобретенную в дни июльского восстания. Еще быстрее утратили они поддержку нетурецких народов империи, показав на практике, что все национальные проблемы страны они намерены решить только на основе великодержавной доктрины османизма.

Все это облегчило желанное для ультраправой реакции выступление против младотурок. Нужен был только предлог. И он был скоро найден. В Стамбуле одетый в офицерскую форму неизвестный 6 апреля убил выстрелом из пистолета политического противника младотурок журналиста Хасана Фехми-бея — редактора органа партии «Ахрар» газеты «Сербест» («Свобода»). Похороны Фехми-бея 10 апреля 1909 г. превратились в стотысячную демонстрацию протеста стам-

бульцев против младотурок. Страсти накалились быстро, тем более что многие части гарнизона уже были готовы к выступлению против младотурок.

Мятеж начался в ночь с 12 на 13 апреля 1909 г. Его подняли солдаты стамбульского гарнизона. Среди мятежников сразу же появилось много *улемов* с зелеными знаменами ислама, а также офицеры, уволенные из армии младотурками. Число мятежников быстро достигло 30 тысяч. Началась расправа с офицерами, считавшимися приверженцами младотурок. Телеграфная связь столицы с другими городами империи была прервана мятежниками. Восставшие двинулись к парламенту, ввязавшись по дороге в перестрелку с воинскими подразделениями, оставшимися верными младотуркам. Была объявлена охота на лидеров младотурок, но они успели бежать в Салоники. Вскоре на стороне мятежников оказались почти все сухопутные и кавалерийские части гарнизона столицы. Моряки тоже поддержали бунтовщиков. Мятежники разгромили стамбульский центр партии «Единение и прогресс» и редакции ее газет. Их войска заняли все правительственные здания. Утром 13 апреля пятитысячная толпа взбунтовавшихся солдат устроила митинг у здания парламента, требуя неуклонно соблюдать *шариат*, уволить в отставку великого везира и военного министра, выслать из страны председателя палаты депутатов Ахмеда Риза-бея и ряд других видных младотурок. Султан незамедлительно принял приятные ему требования мятежников и тут же объявил об амнистии всем бунтовщикам. Партия «Ахрар» поддержала действия мятежников и решения султана.

Младотурки потерпели временную неудачу. Укрывшись в своем опорном пункте — Салониках, лидеры младотурок начали готовить ответные меры против реакции. Было решено немедленно подготовить мощный удар по силам мятежников. Салоникский и Адрианопольский армейские корпуса составили 100-тысячную «Армию действия», верную младотуркам. В условиях серьезной угрозы завоевания июльской революции 1908 г. навстречу младотуркам вновь пошли македонские и албанские революционные группы, в частности Яне Санданский. Хотя эти нетурецкие антидеспотические силы и были по праву недовольны действиями самих младотурок, угроза отмены конституции была угрозой для всех участников революции 1908 г.

Абдул-Хамид II, понимая всю опасность мер, предпринятых младотурками, пытался начать переговоры, но на этот раз младотурки были настроены наступательно. 16 апреля «Армия действия» начала движение на Стамбул. Когда главные силы «Армии действия» подошли к окрестностям столицы, султан вновь попытался начать с младотурками переговоры, представив события 13 апреля как «недоразумение». Но руководство «Армии действия» ответило на это требованием гарантировать соблюдение конституции и свободу деятельности парламента. Армия младотурок остановилась у стен Стамбула. Столица была окружена не только с суши, но и с моря. 22 апреля флот перешел на сторону «Армии действия». 23 апреля «Армия действия» четырьмя колоннами начала наступление на столицу. Сражение 24 апреля длилось несколько часов. Соппротивление мятежников было весьма упорным, но 26 апреля Стамбул полностью перешел под контроль «Армии действия». В назидание реакционерам на площадях города были повешены многие мятежники. Около 10 тыс. участников мятежа было выслано из Стамбула. В столице было введено военное положение. 27 апреля на

совместном заседании палаты депутатов и сената была зачитана традиционная *фетва шейх-уль-ислама*, содержащая обоснование низложения Абдул-Хамида II и лишения его сана *халифа*. Так закончился контрреволюционный мятеж.

После апрельских событий 1909 г. комитет «Единение и прогресс» определял и направлял всю деятельность правительства нового султана Мехмеда V, человека, явно не обладавшего способностями к управлению. Позиции феодально-клерикальной реакции после низложения Абдул-Хамида значительно ослабели.

Первые действия младотурок после подавления мятежа носили, правда, прогрессивный характер. Они конфисковали личные средства султана Абдул-Хамида II в пользу государства, а его печально знаменитый дворец Йылдыз решили превратить в музей. Летом 1909 г., во время сессии парламента они провели в палате депутатов ряд важных изменений конституции 1876 г. Султан был лишен права назначать и увольнять министров, распускать и созывать парламент, высылать из страны неугодных ему лиц. Изменения, произведенные в конституции, значительно расширили права парламента. Вместе с тем в период этой же сессии парламент принял закон о печати, ставивший практически всю прессу под полный контроль правительства, а также закон об ассоциациях, по которому вся деятельность общественно-политических организаций оказалась под гласным надзором полиции.

В области внутренней политики младотурки осуществили ряд реформ. Они провели реорганизацию армии, внедрив в нее германскую военную систему. Военная реформа была проведена по рекомендациям и под наблюдением германского генерала фон дер Гольца и офицеров его военной миссии в Стамбуле. Новейшее оружие начали поставлять турецкой армии германские фирмы. Младотурки провели реорганизацию жандармерии и полиции, сделав репрессивные органы своей опорой.

Когда младотурки вели борьбу против деспотии Абдул-Хамида, они обещали улучшить положение крестьянских масс, заявляли о своем намерении ликвидировать натуральный налог — десятину (*ашар*) и избавить крестьян от ненавистной им откупной системы. Но после победы революции они так и не выполнили свои обещания. При них полностью сохранились крупное феодально-помещичье землевладение и жестокая эксплуатация крестьянских масс. Младотурки провели лишь ряд частичных реформ, призванных обеспечить некоторое развитие капитализма в сельском хозяйстве страны. В 1913–1914 гг. были приняты законы о переписи земельных участков, о владении недвижимым имуществом, упорядочении владения государственными и вакуфными землями.

Принятие 9 августа 1909 г. закона о забастовках, практически их запрещавшего, показало, как младотурки намерены относиться к рабочему движению. Вскоре они подтвердили свой курс, санкционировав издание закона об обществах, лишившего рабочих права создавать свои профсоюзы. Тем не менее в годы правления младотурок рабочее движение не прекратилось. В начале 1911 г. крупные забастовки имели место в Стамбуле и Салониках. В эту пору в стране зародилось социалистическое движение. В сентябре 1910 г. в Стамбуле была основана Османская социалистическая партия, которая выступала с рядом прогрессивных экономических и политических требований, издавала свою газету и журнал. В декабре 1910 г. партия подверглась репрессиям, ряд ее руководителей были

сосланы, другие эмигрировали за границу. Но в 1912 г. в Стамбуле возникло несколько профсоюзов и был организован рабочий клуб.

Острейшей проблемой страны продолжал оставаться национальный вопрос. Младотурки, начавшие в свое время с призывов к «единению» и «братству» всех народов империи, оказавшись у власти, быстро скатились на позиции жестокого подавления национально-освободительных движений. В их идеологии место османизма, утопичность которого стала совершенно очевидной, постепенно заняли крайне реакционные концепции пантюркизма и панисламизма.

Позиции младотурок в национальном вопросе проявились в их борьбе против арабских национальных общественных и политических организаций, сопровождавшейся арестами, закрытием оппозиционных газет и журналов. Отряды турецких войск, посланные на усмирение курдов в 1910–1914 гг., не раз жестоко расправлялись с курдскими повстанцами в районах Дерсима, Битлиса, Иракского Курдистана. Как каратели вели себя младотурки и в Албании, где с весны 1909 г. до начала 1912 г. население с оружием в руках боролось за идею национального освобождения. Порта несколько раз направляла в Албанию крупные карательные экспедиции. Что касается армянского вопроса, то младотурки не допустили проведения давно ожидавшихся реформ, направленных на регулирование административных, экономических и культурных проблем в районах с армянским населением. Продолжая политику Абдул-Хамида II, они обостряли в этих районах межнациональные отношения, в особенности разжигая вражду между курдами и армянами.

Младотурецкая держава испытала серьезные потрясения в результате триполитанской и балканских войн. Их возникновение в немалой степени было предопределено политической нестабильностью внутри самой Османской империи. За весь десятилетний период правления младотурок в стране сменилось 14 правительств. Политическая ситуация осложнялась постоянной внутрипартийной борьбой в стане младотурок. В результате страна оказалась совершенно неподготовленной к войне, начавшейся в результате итальянской агрессии против Триполитании осенью 1911 г. Итальянские власти провели тщательную военную и дипломатическую подготовку к захвату Триполитании и Киренаики — двух африканских провинций Османской империи. Италию поддержали державы Антанты. Превосходящие силы итальянской армии нанесли турецким гарнизонам ряд поражений. Итальянский флот господствовал в Средиземном море. Стремясь принудить противника пойти на заключение мира, Италия подвергла бомбардировке с моря ряд портов Османской империи. Итальянские войска оккупировали острова Додеканес, бомбардировали турецкие укрепления в районе Дарданелл.

В такой обстановке политические противники младотурок совершили в июле 1912 г. переворот. Его возглавила созданная в ноябре 1911 г. партия «Хюрриет ве итиляф» («Свобода и согласие»). Новую партию поддерживали представители многих национальных меньшинств, которым ее лидеры обещали провести в жизнь принцип автономии национальных областей при сохранении политической целостности страны. Итиляфисты добились создания кабинета министров, который находился под их очевидным контролем. В августе 1912 г. они добились и роспуска парламента, в котором большинство принадлежало младотуркам. Последние, потерпев поражение, начали готовиться к борьбе в новых условиях. Они

провели в августе 1912 г. очередной съезд партии в Стамбуле, а затем руководство младотурок вновь перебралось в Салоники.

Между тем итало-турецкая война продолжалась — бесславно для турецкого оружия. 18 октября 1912 г. был подписан мирный договор, по которому Триполитания и Киренаика стали колонией Италии (под названием Ливия). Заключение итало-турецкого мира совпало с началом новой войны, начавшейся 18 октября на Балканах. Ее начала против Османской империи коалиция балканских государств — Болгария, Греция, Сербия и Черногория. Поводом к началу этой войны стал отказ султанского правительства предоставить автономию Македонии и Фракии.

Турецкие войска потерпели ряд крупных поражений в сражениях с болгарскими, сербскими и греческими соединениями. Союзники двигались на Стамбул, болгарские части были остановлены только у Чатылджи. Сотни тысяч людей покидали районы боев. 3 ноября 1912 г. Порты попросила державы о посредничестве при заключении мира. Переговоры длились долго и были для султанского правительства очень трудными. Державы и страны-победительницы требовали ряда уступок, в частности предоставления автономии Албании и ликвидации турецкого владычества на островах в Эгейском море. Эти предложения турецкая делегация на мирной конференции в Лондоне отклонила. Однако 22 января правительство Кямиль-паши, уступая нажиму держав, согласилось передать Болгарии Эдирне (Адрианополь).

Такое развитие событий вызвало бурные протесты в столице и провинциях. Ситуация немедленно была использована комитетом «Единение и прогресс» для осуществления нового государственного переворота. 23 января 1913 г. около двухсот офицеров-младотурок во главе с лидерами младотурок-иттихадистов Энвер-беем и Талаат-беем окружили здание Высокой Порты, ворвались в зал, где шло заседание кабинета, убили военного министра, арестовали великого везира, *шейх-уль-ислама*, министра внутренних дел и министра финансов. По требованию путчистов великий везир Кямиль-паша немедленно подал в отставку. Было сформировано новое правительство, целиком состоявшее из младотурок.

Захватив власть, младотурки сделали попытку добиться успеха в военных действиях против Болгарии, но обеспечить военный перевес в свою пользу они не смогли. В результате Порты вынуждена была пойти на подписание в мае 1913 г. Лондонского мира, по которому почти все европейские территории Османской империи оказались разделенными между странами-победительницами. Албания стала самостоятельным княжеством. После подписания Лондонского мира на Балканах не воцарился мир, ибо бывшие страны-союзницы вскоре начали новую — вторую балканскую — войну, стремясь переделить возвращенные в войне с Османской империей земли. Эта ситуация позволила младотуркам восстановить власть Турции над Эдирне.

Между тем оппозиция младотуркам внутри страны продолжала оставаться весьма серьезной. Дело дошло до организованного итиляфистами покушения на великого везира — ставленника младотурок Махмуда Шевкет-пашу. Он был убит 11 июня 1913 г. в своем автомобиле на пути в резиденцию правительства. Это убийство позволило младотуркам начать кампанию кровавого террора против своих политических противников. Они объявили вне закона все политиче-

ские партии. Около трехсот деятелей оппозиционных партий и групп были сосланы в Синопскую крепость.

С конца 1913 г. все бразды правления были сконцентрированы в руках трех видных деятелей младотурецкой партии — Энвера, Талаата и Джемала, составивших триумvirат, фактически правивший страной.

Энвер, ставший военным министром и практически главой триумvirата, ориентировался исключительно на Германию. При нем немецкая военная миссия генерала Лимана фон Сандерса установила полный контроль над султанской армией и военным ведомством. Правительство Вильгельма II вынашивало в ту пору планы создания «Великого германского рейха», которые предусматривали и контроль над Османской империей.

Диктатура триумvirата принесла стране дальнейшее ухудшение ее экономического положения. В период младотурецкого правления резко возросла экономическая зависимость страны от империалистических держав. За период с 1909 по 1914 г. Османская империя прибегла к внешним займам, общая сумма которых превышала сумму аналогичных займов за 20 лет, предшествовавших революции 1908 г. Сохранялся огромный дефицит государственного бюджета и баланса внешней торговли. Младотурки не сумели разрешить ни одну из серьезных экономических проблем страны. Засилье иностранного капитала, крайняя нестабильность внутривластной ситуации, произвол младотурецкой диктатуры тормозили развитие сельского хозяйства, торговли и промышленности.

АРАБСКИЕ СТРАНЫ В ПЕРИОД ПРОБУЖДЕНИЯ АЗИИ

ЕГИПЕТ В УСЛОВИЯХ АНГЛИЙСКОЙ ОККУПАЦИИ

Английская оккупация нарушила естественно-исторический процесс развития Египта. Становление капитализма не было прервано, однако его развитие пошло по пути, характерному для большинства стран Азии и Африки. Экономика страны была полностью поставлена в зависимость от иностранного, и прежде всего английского, капитала. Египет превратился в страну монокультуры хлопка, рынок для продукции Ланкашира.

В период с 1888 по 1914 г. иностранный капитал почти полностью подчинил себе сферы торговли, промышленности и обслуживания. Капитал акционерных обществ (исключая активы морской компании Суэцкого канала) составлял в 1907 г. 86,7 млн. ф. ст., спустя семь лет он уже равнялся 116 млн. Из 85 крупнейших компаний по экспорту хлопка только одна являлась египетской.

Пик иностранных капиталовложений падает на 1890-е — 1907 г. Наибольшей активностью отличались английский, французский и бельгийский капиталы. Именно в этот период возникли многочисленные компании — земельные, строительные, транспортные, промышленные и коммерческие. Вместе с тем значительная доля капитала (29 млн. на 1914 г.) принадлежала также местной инонациональной, или компрадорской, буржуазии, среди которой наиболее известными были торговые и банкирские дома братьев Карвер, Меначе, Суарес и проч., что свидетельствует о той исключительной роли, которую играли в социально-экономической жизни Египта рассматриваемого периода представители местных меньшинств — греки, итальянцы, евреи и другие, ранее эмигрировавшие в Египет. К ним же примыкала большая часть ливанско-сирийских эмигрантов, пользовавшихся протекцией европейских держав. В 1880-х годах они оформились в небольшие культурно-политические островки со своими школами, газетами и клубами.

Естественно, европейцы, проживавшие в Египте, не были однородны по своему социальному составу; тем не менее все они принадлежали к наиболее привилегированной части египетского общества. В 1897 г. их численность возросла до 112 574 человек.

Помимо того что иностранцы занимали доминирующее положение в различных сферах предпринимательской деятельности, они (всего 6021 человек) владели седьмой частью обрабатываемой земли, т.е. 655 226 *федданами*, по данным на 1907 г. Из приблизительно 8 тыс. инженеров, архитекторов, адвокатов, клерков, фармацевтов, ветеринаров и врачей-терапевтов, насчитывавшихся в 1907 г., половину составляли специалисты иностранного происхождения.

Только небольшая группа крупных египетских торговцев смогла выжить в крайне неблагоприятных условиях иностранного экономического и политического господства — торговые дома Аккадов, Мувайлихи, Мадкуров и Сийюфи. Некоторые из них в 1881–1882 гг. представляли Каир и Александрию в Палате депутатов. Вплоть до Первой мировой войны богатые египтяне (в основном помещики и торговая буржуазия) использовали свои накопления для покупки земельных участков и строительства домов в городе. Только в отдельных случаях они вкладывали капитал в промышленную сферу, и прежде всего в строительство небольших хлопкоочистительных (около 40 в начале XX в.) и сахарных заводов, маслобоен, кожевенных мастерских и т.д. Еще реже египетский капитал прибегал к приобретению акций иностранных компаний и предприятий, принадлежащих, как правило, компрадорской инонациональной буржуазии. Иностранные банки (в 1914 г. их насчитывалось девять) категорически отказывались финансировать египетских предпринимателей. Засилье иностранного капитала подталкивало последних к известной консолидации.

Накануне Первой мировой войны национальной торговой буржуазии удалось создать Египетскую торговую палату, имевшую свои представительства в различных провинциальных городах. Во главе исполнительного комитета торговой палаты стоял будущий основатель национального банка «Мыср» Талаат Харб.

Из всех классов и групп египетского общества наиболее удачно к экономической конъюнктуре капитализма колониального типа приспособились помещики. Особенно большие прибыли им приносил хлопковый бум.

Несмотря на известную общность интересов крупных землевладельцев и компрадорской буржуазии, между ними существовали определенные противоречия. Дело в том, что в то время как представители местных иностранных меньшинств, находившиеся под защитой капитуляционных привилегий, были освобождены от уплаты налогов, собственно египетские имущие классы испытывали определенную тяжесть налогового бремени. Особенно сильно свое зависимое положение египетские помещики ощутили в период мирового экономического кризиса 1907 г., когда кредитные банки потребовали от них срочно погасить имевшуюся задолженность.

Важным явлением в расстановке социальных сил внутри египетского общества стало постепенное выдвигание на передний план мелкой буржуазии. Она была исключительно многослойна, представляя собой конгломерат различных социальных групп: «старых», традиционных слоев общества — ремесленников, базарных торговцев, низшего духовенства, и «новых» — части европеизированной интеллигенции, мелких служащих и др. Эту многочисленную мелкобуржуазную прослойку объединяла с городскими средними слоями известная общность социальной психологии, отрицательное отношение, а то и плохо скрытая ненависть к иностранцам, компрадорской буржуазии и земельной аристократии. Ввоз иностранных фабричных изделий губительным образом сказывался на развитии местной промышленности и ремесел.

К началу XX в. большинство крестьян превратились во владельцев крохотных участков площадью менее одного *феддана*, пополнив многочисленную армию кабальных арендаторов и сельскохозяйственных рабочих, которые стали основными фигурами египетского землевладения. По данным переписи 1907 г., из

2204 тыс. человек, занятых в сельском хозяйстве, арендаторы составляли 908 тыс., а сельскохозяйственные рабочие — 808 тыс. Численный рост сельскохозяйственных рабочих наблюдался и в последующие годы, достигнув в 1917 г. 1200 тыс. В условиях экономической и политической зависимости разорявшиеся крестьяне практически не имели возможности превратиться в подлинно сельскохозяйственный пролетариат. С другой стороны, «европейский» сектор экономики был не настолько развит, чтобы способствовать оттоку рабочих рук из деревни в город. В результате земельный голод крестьян, скрытая безработица и аграрное перенаселение при сохранении самых варварских полуфеодальных методов эксплуатации на долгое время сковали развитие производительных сил, непосредственно обусловили нищенское существование большей части египетского населения.

Колониальные власти не благоприятствовали духовному развитию египетского общества. Правительственные ассигнования на нужды просвещения составляли в 1882–1890 гг. мизерную сумму — 82–89 тыс. ег. ф., хотя и чуть большую, чем в 1875 г. (75 тыс. ег. ф.). По уровню элементарной грамотности Египет был отброшен на уровень 60-х годов XIX в., многие ранее созданные учебные заведения были закрыты. Среднее и в особенности высшее образование было привилегией высших слоев египетского общества. Впрочем, постепенно проявилась тенденция количественного роста интеллигенции за счет выходцев из средних слоев и мелкобуржуазной среды.

Наблюдалась устойчивая тенденция роста численности городского рабочего класса. В 1907 г. он составлял почти 130 тыс. Правда, число рабочих, трудившихся на фабричных предприятиях, не превышало в начале XX в. 40–45 тыс. Низкая заработная плата и длинный рабочий день (до 17 часов в сутки) — вот наиболее отличительные признаки капиталистической эксплуатации египетских рабочих. Рабочие-иностранцы находились в значительно лучшем положении.

Подавив антиколониальное восстание Ораби-паши, Англия установила в Египте режим «временной» оккупации. В политической жизни страны наступило относительное затишье.

Вплоть до начала 1890-х годов внутренней оппозиции колониальному режиму не существовало. Лидеры орабистского движения были арестованы и осуждены или высланы за пределы Египта. Национальную армию англичане предельно сократили (до 10 тыс.), высшие офицерские посты в армии и полиции заняли англичане. Армия надолго перестала быть фактором политической жизни.

Этой общей оценки не меняет образование весной 1883 г. тайного патриотического «Общества отмщения» с целью подготовки вооруженного выступления против английских оккупантов. Оно скорее являлось последним и в общем-то незначительным отзвуком восстания Ораби-паши, нежели провозвестником нового этапа антиколониальной борьбы.

Признаки оживления в национальном движении стали заметны лишь в 1890-х годах. К этому времени среди египетской интеллигенции, общественных и религиозных деятелей уже обозначались два противоположных течения, которые можно определить как западническое и исламофильское. Западники, сотрудничавшие с режимом Кромера, ратовали за преобразование Египта по европейскому образцу. Исламофилы отстаивали жизненность ислама как религиозно-социальной системы, выступали с критикой колониализма и стояли за самобытный путь развития Египта.

Оба лагеря были пестры и многослойны как в социальном, так и в национальном отношении. В особенности это относится к западникам. Вокруг газет «аль-Ахрам» («Пирамиды»), «аль-Муктатаф» («Сборник») и «аль-Мукаттам» (название горы возле Каира) группировались христианские писатели и журналисты ливано-сирийского происхождения, выступавшие за полную «европеизацию» египетского общества и безусловное присутствие в стране английских колонизаторов. Для них этот режим был альтернативой султанской деспотической власти, против которой они боролись, пользуясь благосклонным отношением англичан.

Вторую группу составляли западники более умеренного толка во главе с Мухаммедом Абдо. В нее входили собственно египетские либералы, которые, выражая взгляды египетской национальной буржуазии, мусульманской интеллигенции и либерально настроенной аристократии, надеялись, что англичане помогут превратить Египет в современное государство. Под влиянием религиозно-обновленческих идей Абдо находились известные общественно-политические деятели Египта — Фатхи Заглул, Саад Заглул, Ахмед Лютфи ас-Сайид, Касим Амин и др.

В еще большей степени были разобщены исламофилы, хотя их объединяло нетерпимое отношение к колониальному режиму. Начало исламофильству как идейному и политическому течению, тесно смыкавшемуся с панисламизмом, было положено Джемаль ад-Дином аль-Афгани и, как ни парадоксально, упоминавшимся выше Мухаммедом Абдо. В 1884 г. они основали в Париже панисламистскую газету «Неразрывная связь» («аль-Урва аль-вуска»), со страниц которой они призывали возвратиться к первоначальной чистоте ислама, в котором видели силу, способную обеспечить «неразрывную связь» между мусульманскими народами и сплотить их на борьбу против европейских колонизаторов. Газета нелегально переправлялась в Египет и другие арабские страны. Вышло всего 18 номеров, но этого оказалось достаточно для того, чтобы положить начало мусульманскому фундаментализму, панисламизму и исламофильству.

Возвратившись в 1888 г. после длительного изгнания на родину, М. Абдо отказался от многих прежних своих убеждений, всецело отдавшись идеям религиозного обновленчества и социальной реформы, которые должны были заложить основы политической независимости страны.

Пресса в это время была едва ли не единственным организационным центром, вокруг которого концентрировались различные противоборствующие группировки.

Сторонниками британского господства стали известные ливанские эмигранты, журналисты и писатели Якуб Сарруф, Фарис Нимр и Шахин Макариус, эмигрировавшие в Египет в середине 80-х годов, спасаясь от гнета османской цензуры эпохи Зулюма. В 1885–1889 гг. они основали общественно-литературные журналы «аль-Муктатаф» и «ат-Таиф» и одно из наиболее известных и влиятельных проанглийских изданий — газету «аль-Мукаттам». Эти газеты, а также «аль-Ватан» («Родина»), «аль-Иттихад аль-мисрийя» («Египетское единство») и «ан-Нил» выступали за независимый от Турции (но не от Англии) статус Египта. Они всячески прославляли реформы и нововведения в условиях иностранной оккупации. Лозунг «Египет для египтян» в этот период лишился того патриотического содержания, который он имел в 1879–1882 гг. Критическое острие «левантийской» прессы было обращено против режима Абдул-Хамида II.

Газета «аз-Заман», издававшаяся Александром Сурафьяном, даже призывала англичан к оккупации Турции.

Такая позиция вполне совпадала с английскими интересами. Дело в том, что с середины 80-х годов обострилась дипломатическая борьба между Англией и Турцией из-за Египта. Порта настойчиво, хотя и безрезультатно, напоминала англичанам об их неоднократных обещаниях вывести оккупационные войска из долины Нила. Для давления на египетское общественное мнение султанское правительство также использовало политическую журналистику, основанную сирийцами мусульманского вероисповедания. В 1885 г. из Стамбула в Каир прибыл Салим Фарис аш-Шидийяк (сын издателя «аль-Джаваиб» Ахмеда Фариса аш-Шидийяка), который стал выполнять обязанности пресс-атташе при османском резиденте Мухтар-паше. Рупором резиденции стала газета «аль-Кахира» (с 1886 г. «аль-Кахира аль-хурра» — «Свободный Каир»), распространявшаяся среди турецко-черкесской аристократии. В том же году к изданию еще одной проосманской газеты, «аль-Фаллах» («Крестьянин»), приступил Салим-паша Хамави, а в следующем году Амин-бек Насир (ливанец) основал с помощью Мухтар-паши газету «ас-Садик» («Правдивый»).

Постоянные столкновения между этими двумя лагерями, вошедшие в историю под названием «газетной войны», составили основное содержание идейно-политической борьбы 80-х годов. Голоса подлинного Египта тогда еще не было слышно. Только в 1889 г. талантливый египетский журналист шейх Али Юсеф основал газету «аль-Муайид» («Поддерживаемая Аллахом»), которая впервые потребовала эвакуации английских войск из Египта. Эта газета возглавила исламофильское направление в идейно-политической борьбе. Но, призывая к «исламскому единению», она отнюдь не считала необходимым его осуществление под эгидой османского халифата. Али Юсеф воспринимал лишь религиозный аспект доктрины панисламизма. Газета, хотя и выступала против раздела Османской империи, прежде всего обращала внимание на ее неспособность противостоять европейской экспансии, резко критиковала деспотический режим султана Абдул-Хамида II.

При внешней мелочности «газетной войны», продолженной и в начале 90-х годов, она тем не менее явилась своеобразным прологом к образованию политических партий и организаций египетского национально-освободительного движения в эпоху «пробуждения Азии».

Антианглийские настроения получили скрытую поддержку со стороны *хедива* Аббаса Хильми II, пришедшего к власти в январе 1892 г. Авторитарные черты характера 18-летнего *хедива* помешали ему найти общий язык с Кромером. Годы «хедивской фронды» (1892–1907) наполнены многочисленными интригами законного правителя против фактического и наоборот. Это постоянное противоборство отразилось на развитии национально-освободительного движения. Стремясь утвердиться у власти, новый *хедив* искал опоры и популярности. Он не замедлил воспользоваться ростом оппозиционных настроений среди различных кругов египетского общества и почти сразу поставил под свой контроль деятельность шейха Али Юсефа.

Али Юсеф в наиболее концентрированной форме отражал умонастроения традиционной мусульманской интеллигенции (духовенства), мелкого и среднего чиновничества, мелкобуржуазных кругов городского населения, тяготевших к

традиционному образу жизни и ненавидевших английских оккупантов, которые нарушили освященный исламом уклад жизни.

Вслед за газетой «аль-Муайид» вывода английских оккупационных войск потребовала газета «аль-Устаз» («Наставник»), основанная в 1892 г. Абдаллахом Надимом, который был амнистирован по указу *хедива*. Надим выступил с призывом к национальному единству мусульман, коптов и иудеев. У Абдаллаха Надима лозунг «Египет для египтян» вновь обретает свое первоначальное значение. Глубокий патриотизм Надима оказал сильное влияние на будущего вождя антиколониального движения — Мустафу Камиля.

Летом 1893 г. Аббас Хильми II посетил турецкого султана в надежде найти у него поддержку своей позиции в противоборстве с Кромером. Одновременно Стамбул посетила делегация каирских улемов и вручила Абдул-Хамиду II петицию с просьбой избавить Египет от английского ярма. И хедив и делегация вернулись, так и не получив явной поддержки.

Англофобские настроения *хедива* не могли не передаться представителям феодально-помещичьего класса — крупным египетским помещикам. Их недовольство, хотя и робкое, с позиции лояльного сотрудничества с оккупационными властями имело свой выход в форме квазипредставительных органов — Генеральной ассамблеи и Консультативного собрания, созданных колонизаторами в соответствии с «конституцией» лорда Дафферина 1883 г.

Но не только крупные газеты или хедивский двор были центром формирования действовавших в 1890-е годы политических группировок. Ими по праву можно считать клубы, или салоны, высшего каирского общества, через которые прошли видные политические деятели и лидеры национально-освободительного движения. Современникам было известно несколько таких салонов. Наибольшей популярностью пользовался политический салон принцессы Назли Фадиль, некогда симпатизировавшей антиколониальному восстанию Ораби-паши. У нее собирались представители реформаторской школы Мухаммеда Абдо («партия имама»). Среди участников были Саад Заглул, Амин Касим и др.

В салоне Али Мубарака, известного политического деятеля, западника и либерала, бывшего в свое время посредником между Ораби-пашой и *хедивом* Тауфиком, частым гостем был студент юридического колледжа Мустафа Камиль. Оба салона были близки по духу и политической ориентации. Здесь собирались западники, далекие от исламофильства и проосманских настроений.

Что же касается салона Рияд-паши, то над ним витал дух исламофильства. В доме бывшего друга англичан, словно по иронии судьбы, собирались *улемы*, консервативно настроенные, но враждебно относившиеся к оккупационным властям представители мусульманской интеллигенции. Именно в этом салоне впервые объявился шейх Али Юсеф.

Оппозиционно настроенные элементы, происходившие в основном из среднего городского класса, в 1890-е годы стали на путь создания тайных патриотических обществ, кружков и формирований. Одним из лидеров в этом движении стал молодой юрист Мустафа Камиль, последователь известного просветителя Али Мубарака, сильное влияние на формирование антиколониального мировоззрения которого оказал Абдаллах Надим. В 1894 г. Мустафа Камиль примкнул к тайному обществу, которое было создано в 1893 г. участником антиколониаль-

ного восстания Латифом Салимом и в память о революционных событиях 1879–1882 гг. названо «Национальной партией».

Постепенно вокруг Мустафы Камиля сложилась группа патриотически настроенной молодежи. Ее деятельность почти сразу попала в поле зрения хедивского двора. Аббас Хильми II, всячески поощрявший антианглийские настроения, не преминул воспользоваться случаем и в своих целях поддерживал молодых патриотов. В свою очередь, Мустафа Камиль понимал, что достижение главной цели — независимости Египта — вряд ли возможно без союза с *хедивом* и султанской Портой. Он также рассчитывал на поддержку египетского антианглийского движения Францией.

При покровительстве *хедива* Мустафа Камиль создает не позже 1895 г. тайную организацию под названием «Общество национального возрождения», в состав которого наряду с молодыми патриотами вошли представители хедивского двора и правительственные чиновники. В 1896 г. членом общества стал будущий крупный общественно-политический деятель умеренно-либеральной Партии народа Ахмед Лютфи ас-Сайид. Группировавшаяся вокруг Мустафы Камиля патриотически настроенная молодежь (Мухаммед Фарид, Мухаммед Осман, Лабиб Мухаррем, Саид аш-Шими) приняла решение о преобразовании общества в Национальную партию. Однако оно как было, так и осталось тайной организацией, которая контролировалась *хедивом*.

Первоначально деятельность группы Камиля сводилась к патриотическим выступлениям в прессе, пропагандистским вояжам в Европу и настойчивым, но безнадежно наивным обращениям за помощью к правящим кругам Франции, Германии и других стран. Но англо-французское соглашение 1904 г. о разделе «сфер влияния» в Северной Африке подорвало их веру в получение поддержки извне.

Мустафе Камилю не удалось установить контакты с французскими официальными кругами, но его идеи нашли отклик в среде прогрессивной французской общественности, симпатизировавшей младоегиптянам, как называли в то время молодых египетских патриотов. Решающую роль здесь сыграла известная французская писательница и журналистка Жюльета Адам. В 1900 г. Мустафа Камиль начал издавать газету «аль-Лива», пользовавшуюся огромной популярностью среди учащейся молодежи и разночинной интеллигенции. Он регулярно выезжает в столицы европейских держав, публикует там статьи и памфлеты, выступает с речами перед европейской аудиторией, призывая европейцев поддержать идею эвакуации английских войск из Египта, убеждая их в стремлении египтян к усвоению основ западноевропейской цивилизации, доказывая, что Египет готов к самоуправлению.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ 1906–1910 гг. В ЕГИПТЕ

Относительное затишье в национальном движении было взорвано столкновением между Турцией и Англией из-за Синайского полуострова (инцидент Таба) и деншавайскими событиями 1906 г.

Как известно, султанский *фирман* 1841 г. специально оговаривал принадлежность Синая Египту. Однако в *фирмане* 1892 г. эта территория не была упомяну-

та, что не без оснований расценивалось англичанами как намерение оторвать Синайский полуостров от Египта. В начале XX в. внимание к Синаю возросло еще больше в связи с проектом строительства Хиджазской железной дороги. В январе 1906 г. Турция захватила местечко Таба, расположенное близ порта Акаба, и объявила о присоединении Синая к Хиджазу. И только решительное вмешательство Англии заставило Турцию вывести свои войска из Табы.

Инцидент в Табе дал новый импульс росту исламофильских настроений. Во время ожидаемого ответа Порты на английский ультиматум по Каиру прошли слухи о будто бы готовившейся во всем Египте резне христиан. В своем отношении к англо-турецкому столкновению египетские националисты разделились на два неравнозначных лагеря.

Проосманское направление возглавил Мустафа Камиль. В статьях, опубликованных в «аль-Лива» весной 1906 г., он безоговорочно защищал права турецкого султана на Синайский полуостров. Именно в это время стал особенно заметным панисламистский оттенок в его высказываниях. Позицию лидера египетских националистов поддержала по существу вся египетская (не проанглийская) пресса.

На волне исламофильских настроений Камиль призвал учащуюся молодежь в знак протеста объявить забастовку. В феврале 1906 г. произошла первая в истории Египта забастовка студентов. Призыву Камилля вняли учащиеся юридического колледжа.

Иную позицию во время инцидента в Табе заняли «образованные классы» — либерально настроенные помещики, представители европеизированной интеллигенции, западники. Они не поддерживали турецкого султана. Им были чужды проосманские исламофильские настроения младоегиптян.

Еще большее влияние на внутривнутриполитическую обстановку в стране оказали деншавайские события, когда крестьяне деревни Деншавай, защищая свою честь и достоинство, избили группу распоясавшихся английских офицеров. Это были те самые египетские феллахи, которые никогда не воспринимались колонизаторами в качестве силы, способной к сопротивлению. Приговор колониального суда, на котором председательствовал египтянин Бутрос Гали, был суров. Четверых деншавайцев казнили, остальных приговорили к пожизненному заключению.

Столь бесчеловечный приговор вызвал компанию бурного протеста, привел в состояние крайнего возбуждения различные круги египетского общества. В еще большей степени активизировались мелкобуржуазные элементы во главе с Мустафой Камилем. Дыхание революционных событий, получивших название «Пробуждение Азии», непосредственно отразилось на характере и содержании его политической деятельности. Под влиянием конституционных экспериментов в России, Персии и Турции он потребовал со страниц своей газеты введения конституции как гарантии процветания и независимости Египта. Многие египетские патриоты восприняли его агитацию как открытый призыв к революционному действию.

В условиях подъема антиколониального движения в нем самом происходили качественные изменения. Различные оппозиционные группировки стали организовываться в политические партии. На протяжении одного только 1907 года официально объявили о своем существовании ряд организаций.

22 октября 1907 г. на всеобщей конференции Мустафа Камиль провозгласил создание уже фактически существовавшей Национальной партии. В сдержанном

тоне он изложил программу (предоставление Египту независимости под эгидой турецкого султана), сделав акцент на внутренних делах и социальных реформах, чего как раз и не хватало в его предыдущих многочисленных речах, заявлениях и публикациях. На конференции Мустафа Камиль, уже безнадежно больной, был избран пожизненным председателем партии.

Провозглашению Национальной партии предшествовало создание еще двух политических организаций: Партии реформы на конституционной основе (апрель 1907 г.) и Партии народа (октябрь 1907 г.).

Партия реформы, которую возглавлял Али Юсеф, объединяла представителей чиновничьей бюрократии и всецело ориентировалась на *хедива*. В период политики «Согласия» с англичанами *хедив* использовал ее с тем, чтобы не допустить опасного для него сближения между Национальной партией и Партией народа.

Что же касается Партии народа, то, несмотря на малочисленность, эта умеренно-либеральная партия стала заметным явлением в политической жизни страны. Ее ядро составили представители той части либеральной интеллигенции, которая восточному деспотизму *хедива* предпочитала европейскую цивилизацию и мирилась тем самым с фактом оккупации. Среди членов и сторонников партии были братья Саад и Фатхи Заглул, Абд аль-Азиз Фахми, Талаат Харб, Али Шаарави, Мухаммед Махмуд, Хамад аль-Басил, которые позже возглавят крупнейшую буржуазно-помещичью партию дореволюционного Египта — Вафд.

Помимо Национальной партии, Партии народа и Партии реформы на протяжении нескольких лет в Египте конституировалось еще несколько политических формирований, которые официально провозгласили себя партиями, однако именно эти три дают представление об основном раскладе политических сил в египетском обществе накануне Первой мировой войны.

ОСМАНСКАЯ СИРИЯ ОТ МЛАДОТУРЕЦКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1908–1914)

Сообщения о восстановлении османской конституции в июле 1908 г. были встречены в крупных городах Сирии с энтузиазмом и надеждой. Митинги и манифестации, организованные перешедшими на легальное положение местными младотурецкими комитетами, прошли в Халебе, Дамаске, Бейруте, Иерусалиме. Правда, для подавляющего большинства населения сущность переворота 23 июля 1908 г. оставалась непонятной, а для многих неизвестной была даже та руководящая роль, которую сыграл в событиях комитет «Единение и прогресс». На местах изменение политической системы страны сопровождалось чисткой аппарата администрации. Представители арабских кланов, пользовавшиеся особым расположением Абдул-Хамида II, в своем большинстве лишились выгодных постов и должностей.

Недолгий период «революционной весны» (1908–1909) был ознаменован в османской Сирии формированием новой политической культуры: в условиях

временной ликвидации цензуры были учреждены десятки новых газет и журналов общественно-политической направленности, созданы первые легальные арабские патриотические организации, обычной практикой стали массовые митинги и политические диспуты. Однако вскоре стало ясно, что перемены носят весьма ограниченный характер. Устранив от власти своих политических противников из числа сторонников султана, младотурки фактически оставили без изменения методы провинциального управления. Более того, в предвоенный период полномочия *вали* провинций, полностью подконтрольных комитету «Единение и прогресс», даже постепенно расширились в ущерб полномочиям *меджлисов*. Избирательная система была поставлена полностью на службу новой правящей элите. Нужных кандидатов нередко просто назначали. Как и при прежнем султানে, новые младотурецкие правители империи стремились опираться на консервативно настроенную крупную землевладельческую знать, подконтрольное чиновничество и *улемов*. Стремление сохранить свои экономические позиции и авторитет толкало сирийскую провинциальную знать к выражению полной лояльности новому младотурецкому режиму, подобно тому, как они это делали по отношению к самовластному султану Абдул-Хамиду.

Лишь часть горожан Сирии находилась под влиянием либеральной и патриотической арабской печати. Для большинства же, особенно для сельских жителей, оторванных от общественной жизни города, идеи конституционных свобод и «национальный вопрос» оставались пустым звуком. Имевшие место в 1910 г. массовые выступления крестьян и бедуинов в труднодоступной горной области Джебель-эд-Друз и в *санджаке* эль-Керак носили традиционный характер реакции на воинские наборы, разоружение и упорядочение сбора налогов. Эпизодическими и разрозненными были первые забастовки в городах. В то же время некоторые из них, как, например, стачка рабочих-текстильщиков в Халебе осенью 1913 г., становились предметом дискуссий в местной прессе, приобретая тем самым общественно-политический резонанс.

Формирование новой политической культуры было наиболее ощутимо в среде молодой сирийской интеллигенции, ряд представителей которой получили образование не только у себя на родине, но и в Стамбуле и Западной Европе. Именно выходцы из Сирии (в их числе Абд аль-Керим Кассем аль-Халиль, Сейфаддин аль-Хатыб, Абд аль-Хамид аз-Захрави) составили большинство активистов образованного в 1909 г. в Стамбуле Литературного клуба, явившегося первой легальной общественно-политической организацией, стоящей на позициях арабского патриотизма. В дальнейшем сирийцы будут преобладать в таких видных национальных политических организациях, как «Молодая Аравия» (образована в 1911 г. в Париже, ее руководителями были Ауни Абд аль-Хади, Мухаммед Рустум Хейдар, Ахмед Кадри) и Османская партия административной децентрализации (основана в 1912 г., руководители: Рафик-бей аль-Азм, Шибли аш-Шмейль, Мухибаддин аль-Хатыб). На протяжении ряда лет сирийские арабские националисты безуспешно пытались достичь компромисса с правящей младотурецкой верхушкой, отстаивая идею единства арабских подданных империи и предлагая свою программу административных преобразований, в случае реализации которой Османская империя фактически должна была превратиться в двуединое турецко-арабское государство.

Иных взглядов придерживались члены образованной в конце 1909 г. в Горном Ливане организации ливанских христианских партикуляристов — Общества ливанского возрождения. В отличие от большинства своих политически активных соотечественников, не ставивших под сомнение территориальную целостность Османской империи и пытавшихся сочетать идеи арабского национализма и османства, руководители Общества ливанского возрождения из числа маронитов — Халиль Зейнийе, Шукри Ганем, Ризкалла Аркаш и другие, — апеллируя к идее создания «Великого Ливана», практически не скрывали своей профранцузской ориентации.

Однако социально-политическая база арабских патриотов-националистов всех направлений оставалась достаточно узкой. Активисты не обладали реальными возможностями для вовлечения в свою политическую борьбу широких масс населения, для которых программные лозунги националистов оставались малопонятными, а сама деятельность патриотических организаций и партий зачастую малоизвестной. Ситуация не изменилась даже после создания в 1913 г. новых центров деятельности «Молодой Аравии» и Османской партии административной децентрализации непосредственно в сирийских городах.

В целом предвоенные годы для Сирии были ознаменованы дальнейшим укреплением административно-политических связей *вилаяетов* со Стамбулом и доминированием отстаиваемых правящей партией «Единение и прогресс» принципов унификации управления на основе конституционно закрепленных идей османства, при все более явном стремлении правящего режима противодействовать развитию арабского национализма.

ЕВРЕЙСКАЯ ИММИГРАЦИЯ В ПАЛЕСТИНУ И СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Восстановление еврейской общины Палестины (*ишув*) после изгнания в эпоху римского владычества началось только в период Арабского халифата и продолжалось на протяжении всего периода мусульманского (арабского, а затем османского) владычества на Ближнем Востоке. *Ишув* этого периода формировался в основном из глубоко набожных людей, приезжавших в Святую Землю, по преданию предназначенную евреям Богом, для того чтобы посвятить себя религиозному служению. Подавляющее большинство этих евреев не занимались никаким производительным трудом, живя на благотворительные пожертвования евреев из других стран. Все попытки влиятельных еврейских филантропов из Европы «сделать *ишув* продуктивным» путем внедрения и распространения ремесел, сельского хозяйства, светского и профессионального образования активно отторгались.

Радикальный поворот в жизненном укладе общины относится к 1880-м годам. Он был вызван зарождением в России раннесионистского движения «Хиббат Цион» («Любовь к Сиону») и началом массового въезда в Палестину евреев, движимых не религиозными, а социально-экономическими и национально-политическими мотивами. В этот период, отмеченный в Европе ростом антисемитизма и резким ухудшением положения евреев в Российской империи, на востоке Евро-

пы, а также во Франции в связи с «делом Дрейфуса» (1894–1906) среди европейского еврейства начала распространяться идея национального возрождения еврейского народа в Палестине. К концу XIX в. эта идея нашла свое оформление в виде политического сионизма — движения, провозгласившего своей целью создание в Палестине еврейского национального государства. Так было положено начало «новой» еврейской иммиграции в Палестину (получившей название *алия* — от ивритского «подъем», «восхождение»). Всего с начала 1880-х годов и до начала Второй мировой войны насчитывается пять волн еврейской иммиграции в Палестину, две из которых пришлись на новое время — первая *алия* в 1882–1903 гг. и вторая *алия* в 1904–1914 гг. Каждая имела свои социальные и политические особенности.

В результате первой *алии* еврейское население Палестины практически удвоилось (с 25 до 50 тыс. человек). Новые иммигранты, многие из которых исповедовали — в значительной степени под влиянием русских народников — идею национального возрождения через труд на земле, положили начало развитию сети еврейских сельскохозяйственных поселений, а также современного светского образования. В этот период в Палестину приезжает, в числе прочих, Элиезер Бен-Иегуда (Перельман), посвятивший свою жизнь возрождению языка иврит как современного литературного и разговорного языка, приспособлению его словаря к нуждам повседневного общения, прессы и образования. С иммигрантами первой *алии* в Палестину впервые проникают носители радикальной социалистической идеологии, создававшие первые поселения-коммуны. Все это ознаменовало начало социальной, идейно-политической и культурной революции в еврейской общине Палестины.

Новые поселенцы в Палестине попадали в непривычную для них среду — неблагоприятные почвенно-климатические условия, эпидемии местных болезней и т.п. Они не имели необходимых знаний и подготовки для ведения сельского хозяйства, страдали от катастрофической нехватки финансовых средств и, кроме того, испытывали негативное отношение со стороны местных властей и населения, в том числе и евреев «старого *ишува*», не желавших признавать вновь прибывших «настоящими» евреями и считавших их безбожниками. Лишь благодаря финансовой поддержке барона Э. де Ротшильда было положено начало формированию новых социально-экономических реалий в еврейской общине Палестины, в том числе развитию еврейских сельскохозяйственных поселений и системы светского и профессионального образования. Тем не менее около половины новых поселений были покинуты, в оставшихся 22-х обосновалось около 5 тыс. человек, или 20% всех иммигрантов. Остальные пополнили население еврейских кварталов крупных городов, прежде всего Иерусалима, Яффы и Хайфы.

Вторая *алия*, в отличие от первой, происходила уже после того, как в 1897 г. оформилась Всемирная сионистская организация (ВСО). В 1903 г. в результате дипломатических усилий ее создателя и первого председателя Теодора Герцля в Хайфе при поддержке британских властей открылся филиал Еврейского колониального треста, созданного ВСО с целью покупки земель и финансирования еврейских поселений в Палестине. Этот филиал действовал сначала под названием «Англо-палестинская компания», а затем — «Англо-палестинский банк». После младотурецкой революции ВСО смогла открыть в Яффе свое официальное отде-

ление. С этого времени развитие еврейской общины происходит в тесной связи с развитием организованного сионистского движения. В частности, это находит свое выражение в формировании местных ячеек и отделений сионистских политических партий и движений, на которые начинает постепенно разделяться сионистское движение. Наиболее активную деятельность в *ишув* разворачивают представители левого, социалистического течения, считавшие, что решение всех социально-экономических проблем евреев возможно только путем развития коллективистских форм экономики (прежде всего в сельском хозяйстве) и создания социалистического еврейского государства. Среди иммигрантов второй *алии* были видные деятели социал-сионистского движения (Д. Бен-Гурион, М. Шарет и Л. Эшкол), занимавшие впоследствии высшие государственные посты в Израиле.

Сионисты социалистического толка дали новый импульс развитию еврейских сельскохозяйственных поселений в Палестине. В период второй *алии* здесь получает широкое распространение идея «пионерства» (*хе-халуц*), провозглашавшего в качестве основных ценностей и путей возрождения еврейства на его исторической родине смелость, самоотверженный труд и коллективизм. Эта идея ложится в основу движения за «завоевание труда» (или «еврейский труд на еврейской земле»), т. е. за отказ от использования наемных арабских рабочих и выполнение всех работ исключительно силами самих поселенцев. Халуцианская идея находит свое выражение в развитии нового типа сельскохозяйственных поселений-коммун (*киббуцев*), начало которому было положено в 1909 г. созданием *киббуца* Дегания, а также в формировании еврейских отрядов самообороны (*ха-шомер*), взявших на себя охрану еврейских поселений вместо наемных охранников из числа арабов и черкесов.

К началу Первой мировой войны, положившей конец второй *алие*, еврейское население Палестины достигало 85 тыс. человек, составляя 12% всего населения. Взаимоотношения еврейских поселенцев с арабским населением складывались довольно сложно и неоднозначно. Иммиграция евреев, сопровождавшаяся ростом капиталовложений и развитием некоторых отраслей экономики, принесла всему населению социально-экономические выгоды, в том числе новые рабочие места с относительно высокой по местным меркам заработной платой для крестьян-арендаторов, терявших свои наделы с продажей поместий арабскими землевладельцами. Зажиточные арабские феллахи могли арендовать у евреев соседних поселений современную сельскохозяйственную технику. Въезд в Палестину значительного числа евреев-врачей способствовал повышению уровня медицинского обслуживания, оказываемого также арабам. Вместе с тем происходил процесс обезземеливания арабского крестьянства. Часть арабской элиты, прежде всего интеллектуальной, среди которой активно распространялись идеи арабского национального возрождения, поддержанная арабскими торгово-ремесленными кругами, пострадавшими от конкуренции со стороны еврейских иммигрантов, начала активно выступать за ограничение еврейской иммиграции и активное противодействие плану создания в Палестине «еврейского национального очага», провозглашенному в 1897 г. в Базельской программе Всемирной сионистской организации. Но пока евреи оставались лишь незначительным меньшинством среди палестинского населения, антиеврейские настроения не получили сре-

ди арабов широкого распространения, хотя отдельные выступления арабов и стычки с еврейскими поселенцами имели место с 1890-х годов.

После младотурецкой революции 1908 г., когда начался процесс активного идейно-организационного оформления и становления арабского национального движения, сионисты рассчитывали дипломатическим путем добиться от арабских лидеров согласия на создание еврейского национального очага на части арабских территорий. Арабские националисты, со своей стороны, рассматривали подобные притязания как незаконные и необоснованные, однако были готовы к сотрудничеству с сионистами в борьбе против османского господства. К лету 1914 г. была достигнута принципиальная договоренность о проведении представительной арабо-еврейской конференции, на которой предполагалось обсудить проблемы и перспективы взаимоотношений двух народов, но созыв конференции был сорван начавшейся мировой войной.

МАРОККО В 1900–1914 гг.

Последняя треть XIX столетия в Марокко ознаменовалась усилением европейского проникновения во внутреннюю жизнь этой самобытной окраины мусульманского мира. Формальное сохранение суверенитета шерифской династии Алауитов над Дальним Магрибом не могло воспрепятствовать его постепенному превращению в полуколонию ведущих держав Запада. В 60–80-х годах XIX в. торгово-промышленные компании Испании, Португалии, Франции, Великобритании заметно расширили свои позиции на марокканском рынке. В эти годы таможенные барьеры султаната были окончательно разрушены в результате заключения неравноправных договоров с европейскими державами. Наибольших успехов на этом поприще добилась Франция, правящие круги которой считали Марокко «естественно» относящимся к зоне французских интересов в Северной Африке. Добившись права налогового и юридического иммунитета для «протеже» (марокканцев, находившихся на службе у французских резидентов), французы к концу XIX столетия создали в Дальнем Магрибе разветвленную сеть туземной агентуры, фактически неподвластной алауитскому двору. Политика «открытия» Марокко нашла свое высшее выражение в Мадридской конвенции 1880 г., юридически согласовавшей претензии европейских держав и США на капитуляционные права в шерифском государстве.

В конце XIX в. беспрестанная угроза единству и суверенитету Марокко, исходившая от христианского мира, все чаще вынуждала шерифских монархов отступать от традиционной политики самоизоляции. Стремясь адаптировать страну и общество к новым условиям существования и желая организовать отпор нажиму Запада, султаны Сиди Мухаммед ибн Абд ар-Рахман (1859–1873) и Мулай Хасан (1873–1894) провели ряд административных, военных и финансово-экономических реформ. Общая направленность их усилий напоминала идеи египетского паши Мухаммеда Али. Подобно ему, марокканские султаны стремились достичь эффективности государственного управления, упорядочить сбор налогов, усилить дисциплину в государственном аппарате.

Например, при Мулай Хасане 18 крупных административно-территориальных единиц (*каудатов*) были разделены на 330 мелких с целью ослабить амбиции их руководителей — племенных вождей и мусульманских святых-*мурабитов*.

Другим ударом по патриархальным традициям шерифского государства стали военные реформы, предусматривавшие набор новых подразделений в городах. Эти реформы сократили обычное для Марокко влияние воинственных племен (*зиш*) на политику двора. Обновленная часть султанского войска оснащалась по европейскому образцу — для нее закупалось вооружение, приглашались европейские инструкторы, а молодые офицеры обучались в Европе тактике, строевому, инженерному и артиллерийскому делу.

Наряду с военно-технической модернизацией Сиди Мухаммед ибн Абд ар-Рахман и Мулай Хасан уделяли внимание развитию экономики. В марокканском правительстве (*махзене*) были подготовлены проекты улучшения дорожной сети, строительства мостов и портовых сооружений, создания государственных плантаций хлопка и сахарного тростника, а на их основе — хлопкоочистительного и сахарного производств, разработки месторождений угля, железных, свинцовых и медных руд.

Стремясь упорядочить денежное обращение в султанате, Мулай Хасан начал чеканку новой унифицированной монеты (*риал хасани*).

Несмотря на масштабность планов этих двух монархов, большинство их реформ были ограничены и имели лишь краткосрочные последствия. Высокая стоимость нововведений и нестабильность марокканской денежной системы сводили на нет большинство их усилий. Отсутствие у них воли к новой политической организации государства с неизбежностью привело к воспроизводству в их реформах традиционной для Марокко модели «кочующего двора» — мобильного, но рудиментарного правительства, сопровождавшего монарха в его разъездах по стране. Даже достижение ими некоторых успехов не смогло приостановить развитие главной тенденции марокканской истории на стыке XIX и XX вв. — растущего вмешательства европейских держав во внутренние дела султаната.

Увязка судеб шерифского государства с веяниями в мировой экономике, политике и дипломатии в целом совпала с правлением преемника Мулай Хасана — юного Мулай Абд аль-Азиза (1894–1908). Новая волна интереса Европы к Марокко была обусловлена англо-французским соглашением 1904 г., положившим начало Антанте. «Разменяв» право вмешательства в дела Египта и Марокко, две ведущие державы Европы фактически спланировали раздел территории шерифского государства: север Марокко, по их договоренности, отходил к Испании, прочие территории — к Франции, а Танжер признавался международной зоной. Неопытность Мулай Абд аль-Азиза в дипломатических делах и его разорительные пристрастия к европейским техническим новшествам позволяли французским колониальным кругам надеяться на скорое присоединение ослабевшего марокканского султаната к владениям Франции в Магрибе.

Вместе с тем перспектива превращения Марокко в подобие французского протектората вызвала сильное противодействие как внутри страны, так и в Европе. 31 марта 1905 г. кайзер Германии Вильгельм II неожиданно посетил Танжер, где решительно заявил о намерении отстаивать германские интересы в Марокко. Напряженная дипломатическая борьба вокруг германских притязаний вылилась

в первый «марокканский кризис», частично разрешенный на международной Альхесирасской конференции (январь–март 1906 г.). По окончании длительных переговоров Германия вынуждена была признать, по существу, французский план «освоения» султаната. Хотя формально Генеральный акт Альхесирасской конференции декларировал независимость и целостность Шерифской империи, уже в 1907 г. французские войска, а затем и испанская армия приступили к прямой оккупации марокканской территории.

Высадка европейских войск на атлантическом и средиземноморском побережьях Марокко вызвала крайне болезненную реакцию у большинства мусульманского населения страны. В августе 1907 г. один из братьев султана, Мулай Хафид, провозгласил себя повелителем правоверных марокканцев и лидером *джихада*. После годового соперничества с правительством Абд аль-Азиза племени, поддержавшие Хафида, смогли разгромить сторонников султана, которого не без оснований считали виновником бедствий, постигших страну. Тем временем новое обострение германо-французских противоречий из-за Марокко привело ко второму «марокканскому кризису». Полагая, что действия Франции в этой стране нарушают положение Альхесирасского Генерального акта, германское правительство в июне 1911 г. направило к берегам Марокко канонерку «Пантера» якобы для защиты интересов немецких граждан. «Прыжок „Пантеры“» едва не стал поводом для начала мировой войны. Только уступка части владений Франции в Конго побудили Берлин к компромиссу и оформлению франко-германского соглашения о судьбе шерифского государства.

Нейтрализовав германских конкурентов, французские власти приступили к оформлению протектората над Марокко. Договор о протекторате, подписанный 30 марта 1912 г. в Фесе султаном Мулай Хафидом под нажимом представителей Франции, сохранял за султаном трон и внешние атрибуты власти, однако его правление приобрело чисто номинальный характер. В «испанской зоне» на севере страны наместник султана (*халифа*) подчинялся испанскому верховному комиссару. Но большая часть Марокко была подчинена генеральному резиденту Франции, осуществлявшему контроль за внешней политикой, вооруженными силами и финансовой системой страны. Генеральный резидент сочетал две должности: верховного колониального чиновника в Марокко и министра иностранных дел шерифского правительства. Его основной задачей было проведение финансовой реорганизации в султанате и различных административных, судебных, образовательных, экономических, военных реформ.

Первым генеральным резидентом Франции в Марокко был назначен генерал Л.Ю.Лиотэ — опытный колониальный администратор, по праву считающийся «строителем» французского Марокко. Его последовательный курс, направленный на поиск и воспитание союзников французских властей из числа местных элит, вскоре привел его к конфликту с Мулай Хафидом, пытавшимся и в условиях протектората проводить самостоятельную политику. Уже в августе 1912 г. стараниями Лиотэ эта «неудобная» фигура была заменена младшим братом султана — Мулай Юсуфом.

Установление режима протектората и оккупация европейцами равнинных частей Марокко привели, по сути, к воспроизводству традиционной для этой страны политико-географической схемы — противостояния равнины, подчинен-

ной центральной власти (*бияд аль-махзен* — араб. «земля правительства»), с одной стороны, и вольных степей, а также горных массивов Рифа и Атласа (*бияд ас-сиба* — араб. «страна львов») — с другой. Однако это вековое разделение теперь наполнилось новым содержанием. Марокканское общество вынуждено было адаптироваться уже не к традиционным претензиям суверенного шерифского султана на духовный авторитет, сбор налогов и рекрутирование армии, но к владычеству могущественной христианской метрополии. Бурная волна переселенческой колонизации, развитие новых отраслей промышленности, рост городов, внедрение языка и бытовой культуры Франции — все эти обстоятельства имели глубокие последствия для общественно-экономического и духовно-политического развития Дальнего Магриба.

ЛИВИЯ В 1878–1914 гг.

С 1888 г. страна была разделена на *вилаyet* Триполи, с входившей в него областью Феццан, и санджак Киренаика, имевшие разное управление. Сенуситы полностью господствовали на востоке страны и были влиятельны на юге и западе, хотя в Триполитании османы поддерживали другое братство — Маданий. Шейхи *завий* руководили *хванами* («братьями») и с их помощью влияли на *мунтасибов* («примкнувших»). В распоряжении братства находились до 200 тыс. га пахотных земель, ремесленные мастерские и тысячи рабов (в начале XX в. с юга в Киренаику ежегодно ввозили до 10 тыс. рабов). Главной опорой сенуситов были восемь свободных племен, с чьей помощью они заставляли всех прочих жителей нести регулярную трудовую повинность, платить подати и вносить «пожертвования» натурой, деньгами или товарами. К концу XX в. Сенусийя имела 94 *завии* по стране и еще 52 в Тунисе, Египте, Судане и Аравии. Некоторые реформы в рамках Танзимата (открытие школ и типографий, издание первой газеты «Тараблус аль-Гарб», упразднение рабства) были малоэффективны, так как не оказывали никакого влияния на страну за пределами прибрежных городов (в частности, работоторговля велась до 1929 г.). К тому же в период Зулума страна служила местом ссылки армянских, курдских и других оппозиционеров, на которых власти натравливали религиозных фанатиков.

В 1902 г. умершего Сеида аль-Махди сменил его племянник Ахмед аш-Шариф, еще более сблизившийся со Стамбулом, который стал тайно поддерживать войну сенуситов против войск Франции, с 1901 г. вторгшихся в африканские области Тибести, Борку, Эннеди и Каннем, входившие в сферу влияния братства. Страна в основном безучастно восприняла младотурецкую революцию 1908–1909 гг. Ей радовались лишь либералы Триполи, начавшие издавать 12 газет и журналов. Однако в них писали не столько о проблемах страны, сколько об угрозе со стороны Италии, с 1880 г. начавшей экономическое проникновение в Триполитанию, где к 1911 г. на тысячу местных итальянцев приходилось уже 13 итальянских школ и 6 газет.

В 1911 г. османы в союзе с сенуситами все же продвинулись в глубь Африки, в области Тибести, Борку и Эннеди, где и находились до 1914 г. Основные их силы тем временем были отвлечены на борьбу с агрессией Италии.

В сентябре 1911 г. Италия, считавшая себя «обделенной» при разделе колоний, решила захватить османские владения на севере Африки, к тому времени уже более 30 лет «осваивавшиеся» итальянским капиталом и буквально наводненные разведывательной агентурой Италии под видом торговцев, строителей, оружейников, финансистов, миссионеров, промышленников. Договорившись с Англией, Францией, Австро-Венгрией и Россией в ходе сложных переговоров в 1902–1909 гг., Италия объявила войну Османской империи, аргументировав это необходимостью реализовать «изменения, которые вызываются потребностями цивилизации». Итальянский флот блокировал побережье Триполитании и Киренаики, а 34-тысячная армия Италии, одолев не более 7 тыс. османских солдат, заняла в октябре 1911 г. все прибрежные города. Однако на помощь османам пришли сенуситы и добровольцы из других стран ислама, среди которых наиболее известны Азиз аль-Масри (впоследствии — начальник генштаба египетской армии) и сибирский татарин Габдерашит Ибрагимов, известный от Стамбула до Токио мусульманский просветитель, религиозный деятель и миссионер. Всего к началу 1913 г. с итальянцами сражалось до 16 тыс. добровольцев из Турции, Ирана, Ирака, Сирии, Египта, Аравии, Туниса, Алжира и Марокко. Они, как и созданные местными депутатами османского *меджлиса* Сулейманом аль-Баруни и Фархат-беом отряды народного ополчения, сыграли роль более значительную, чем малочисленные подразделения османской армии.

Османские власти, понимая невозможность противостоять европейской державе (и невыгодность этого противостояния с точки зрения интересов империи и перспектив пантюркизма), решили пойти на «временную утрату» своих африканских провинций, но — с тайной организацией «малой войны» местных арабов против Италии, дабы «выполнить моральный долг перед лицом мусульманского мира». С этой целью в октябре 1912 г. *фирманом* султана Мехмеда V Триполитании и Киренаике была дарована «автономия» (которую они поняли как право на независимость), но вторым *фирманом* они, будто бы по их желанию, передавались под управление Италии. Тогда же манифестом короля Италии была сохранена религиозная юрисдикция султана над уступаемыми Италии территориями. Италия объявила их своей колонией, но фактически контролировала только прибрежные части. Формальное завоевание явилось лишь началом длительной 20-летней (1912–1932) борьбы местного населения против итальянских захватчиков.

На первых порах итальянцам, разгромившим османские гарнизоны, везло. На их сторону открыто перешли знатные семейства Триполи, Бенгази и других городов. Стянув в Ливию до 100 тыс. солдат и 35 самолетов, итальянцы развернули наступление на берберскую область Джебель-Нефуса, где укрепился Сулейман аль-Баруни, создавший здесь в 1912 г. мини-государство с постоянной администрацией, армией, средствами связи. Однако бойцы аль-Баруни были разгромлены, а сам он бежал в Тунис в апреле 1913 г.

Успехи итальянцев во многом объяснялись их техническим превосходством: у них была горная и полевая артиллерия, радиотелеграф и прочие новинки. В боях под Триполи в октябре 1911 г. впервые в истории войн они использовали самолеты, корректировавшие огонь артиллерии. В дальнейшем авиация, а также аэростаты и дирижабли широко применялись итальянской армией.

Объявив об аннексии Триполитании и Киренаики, Италия объединила их в свою колонию Ливию, напомнив этим древним названием о владычестве здесь Древнего Рима. Однако арабские лидеры Триполитании и Киренаики, приняв всерьез *фирман* султана об автономии, и не думали подчиняться захватчикам. На западе итальянцы, вытеснив аль-Баруни и 20 тыс. его сторонников в Тунис, пытались продвинуться на юг, но вскоре вынуждены были отступить. А на востоке хозяевами положения оставались сенуситы, посылавшие свои отряды также на запад и в Сахару.

ИРАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1905–1911 гг.

В 1903–1905 гг. антиправительственные выступления в стране идут по нарастающей, завершившись волнениями в Тегеране в декабре 1905 г. Оказалось достаточным одного неосторожного шага властей — *фетрашами* губернатора были избиты несколько купцов, среди которых были сеиды, — и последовал взрыв. Закрылся базар и тысячи жителей Тегерана, предводительствуемые *моджтехедами* М.Табатабани и А.Бехбехани, засели в *бесте* в святом пригороде столицы Шах Абд оль-Азиме. Через несколько дней после консультации со своими единомышленниками в Тегеране мятежные муллы направили шаху послание с требованиями отставки *садр-азама* Айн од-Доуле и министра таможен бельгийца Г.Науса — ключевых фигур в правительстве Мозаффара ад-Дин-шаха — и учреждения в стране *адалят-хане* («домов справедливости»).

Полностью подчинивший своему влиянию апатичного и болезненного шаха, Айн од-Доуле еще в самом начале карьеры *садр-азама* восстановил против себя нескольких влиятельных духовных лиц. Не любили *атабека* и в Тегеране. Население столицы считало его одним из виновников роста цен на хлеб и мясо, что было, в сущности, близко к истине; пекари и мясники Тегерана ежедневно отдавали ему часть своих доходов. С 1904 г. имена каджарского принца Айна од-Доуле и министра-бельгийца, практически являвшегося распорядителем государственной казны, часто назывались вместе в связи с проведением непопулярной налоговой реформы.

Требование создать в стране *адалят-хане* было выдвинуто членами тегеранского «Анджоман-е махфи» («Тайного общества»), к которому принадлежали обосновавшиеся в *бесте улама*. После двух неудачных попыток подавить движение силой правительство было вынуждено поддержать «святое намерение почтенных *моджтехедов*». Но структура и полномочия *адалят-хане* в течение нескольких месяцев оставались объектом ожесточенных споров между двором и реформаторами. Последние настаивали на выборном характере «домов справедливости», в состав которых должны были войти представители духовенства, землевладельцев и купечества. Стремясь полнее очертить круг деятельности нового института, *моджтехед* М.Табатабани заявил: «Мы не желаем уничтожения шахской власти. Пусть она остается, но она должна быть закономерной (т.е. опираться на закон. — Т.К.). Необходим контроль над финансами». Такой поворот событий совершенно не устраивал шахское окружение. Двор заявил, что контроль над финансами — естественная прерогатива властей, а выборное начало в Иране следует понимать только как «по выбору шаха».

Весной 1906 г. политическая инициатива постепенно переходит к реформаторам светского направления, среди которых были и представители высшей бюрократии. Оппозиция усилила давление на власть, заявив о необходимости введения в стране конституции и создания *меджлиса* — парламента.

Радикализация политической программы реформаторов определила специфический характер революционного движения летом 1906 г., в котором, на первый взгляд, царила лозунговая разногласица. В прокламациях, распространявшихся в столице, в речах политических лидеров уживались требования создания *адалят-хане, анджоманов, меджлиса*; нередки и лексические гибриды вроде *меджлис-е адалят* («собрание справедливости»). Но пестрота словесного облика не отменяла их принципиального смыслового сходства. Речь во всех случаях шла о создании представительной структуры с широкими полномочиями. Ее общий контур был обозначен *моджтехедами*, а светские идеологи, «вкусившие от плодов европейской цивилизации», преобразовали первоначальный проект в программу конституционного характера.

Движение за реформы вступило в свою завершающую стадию в июле 1906 г. Духовенство и столичный базар вновь объявили бойкот правительству. Ограда усыпальницы святой Фатимы не смогла вместить толпы народа, хлынувшего в Кум. Оставшиеся в столице укрылись в *бесте*, организованном в саду английской миссии. Июльская забастовка в Тегеране, поддержанная крупными провинциальными центрами — Тебризом, Исфаганом, Ширазом, — заставила Мозаффара ад-Дин-шаха подписать 5 августа *дастхатт* (указ) о введении конституции. 9 сентября также под давлением «снизу» было утверждено положение о выборах в *меджлис*.

Фактором, во многом определившим начало и размах революционного движения, было участие шиитского духовенства, которое выделялось своей политической активностью еще на ранних стадиях антикаджарских выступлений. Независимое от монархии материально, оно являлось своего рода идейным оппонентом иранских правителей. Большую роль в формировании такой оппозиции сыграли догматические особенности шиизма, главным образом доктрина *имамата*, провозглашавшая принцип верховного руководства мусульманской общиной-государством со стороны шиитских идеологов. Разработка этой доктрины видными шиитскими богословами в течение XIX в. способствовала консолидации духовенства по такому важному вопросу, как вопрос о власти. Кроме того, высшее духовенство являлось единственной элитарной группой, связанной через своих многочисленных адептов со всеми слоями общества, включая низы. Взаимоотношения с ними поддерживались во время публичных выступлений *улама*, проповедей, выполнения религиозных ритуалов и функций судебного характера. Все это в сочетании с высоким общественным статусом и моральным авторитетом служителей религии обуславливало их роль как инициаторов и лидеров народных выступлений.

Не отрицая необходимости заимствования у европейцев «разумных» новшеств, высшее духовенство подчеркивало, что они должны изначально соответствовать или быть приведенными в соответствие с заповедями Пророка. «Вечные и справедливые», эти законы смогли бы от имени государства закрепить политические права духовенства, придать стабильную юридическую значимость его общественной деятельности. Претендуя на солидную долю участия в управлении государством, *улама* принимали модель конституционной монархии (принципы которой они декларативно отстаивали вместе со светскими реформатами) только в одном случае — при сохранении, а в идеале при усилении их политических и экономических позиций в обществе.

В отличие от представителей шиитского духовенства, их соратники из числа *фаранги моабов* («уподобляющихся европейцам») испытывали большее тяготение к принципам буржуазного парламентаризма. Признание подчинения будущих реформ «истинной» вере было у них, как правило, номинальным и являлось проявлением обычного ритуального благочестия. Но это, разумеется, не означало принципиального неприятия светскими реформаторами системы идей, характера связей, стандартов поведения, свойственных местной социально-культурной среде.

Так, назначенный на пост *садр-азам* в июле 1906 г. либерал Мошир од-Доуле сыграл немалую роль в деле упрочения конституционной монархии и был, пожалуй, единственным *садр-азамом*, «отставка которого в марте 1907 г. не сопровождалась всеобщей радостью и проклятиями». Но в то же время он нисколько не отступал от обычаев иранских вельмож, рассматривавших должность главным образом как средство личного обогащения, и с этой точки зрения мог также считать краткий период своего *садразамства* использованным весьма удачно.

Взятка, подарок, подношение (*тишкеш*) являлись в каджарском Иране основной функционирования общества на всех его уровнях и имели легальный статус. Характерно, что обсуждение *меджлис*ом закона, карающего лиц, уличенных во взяточничестве, прерывалось вопросами с мест, считать ли взяткой, а не просто знаком уважения начальствующих лиц, плату за назначение.

Но дань традиционным формам общественных отношений, материальный и политический расчет, лишь декорированный патриотическими заявлениями, не меняют того факта, что деятельность реформаторов светского направления открывала перед страной перспективы буржуазного развития. Отметим, что можно говорить именно о достаточно отдаленной перспективе, о самом начале капиталистической модернизации страны, коснувшейся только одной сферы бытия общества — политики.

7 октября 1906 г. первый иранский парламент открыл свои заседания. Закон о выборах, в соответствии с которым избиратели распределялись по шести куриям, был явно ориентирован на Тегеран. *Меджлис* имел право начать работу сразу по завершению выборов в столице, не дожидаясь приезда провинциальных депутатов. В противном случае дело угрожало затянуться на неопределенный срок. Кроме того, не было уверенности, что провинция, за исключением Тебриза, отзовется на политические инициативы тегеранского корпуса.

Движение в поддержку парламента создавалось в столице ремесленниками и торговцами, связанными с местным рынком, низшим духовенством, учащими медресе, городскими низами. Все они получили первые уроки политической грамоты во время проповедей духовенства, адаптировавшего идеи «образованного меньшинства» к уровню представлений этой традиционной, быстро политизировавшейся массы. Но борьба за симпатии «улицы» только начиналась.

Открытие парламента вызвало сильное контрдвижение, организованное и негласно возглавленное близким к шаху тегеранским *имамом джом'е*. На антипарламентских митингах возле Бахаристанского дворца, где заседал *меджлис*, раздавались призывы к разгону этого «скопища бабидов и оплота еретиков». Ущербным был и юридический статус новой власти. В течение 1906 г. *меджлис* не имел своего устава и существовал лишь на основе шахского указа о введении

конституции. В этой сложной обстановке высшее духовенство столицы много сделало для поддержания авторитета народного собрания. Являясь его членами как бы *honoris causa* (баллотироваться в *меджлис* они отказались), *моджтехеды* пропагандировали решения парламента в мечетях; по поручению депутатов была даже написана брошюра для народа, призванная подчеркнуть туземный характер новой власти, вдохновленной словом Пророка.

Но, пожалуй, наиболее уязвим был парламент в решении вопросов, которые не зависели от исхода той или иной пропагандистской акции. В перечне неотложных практических задач первое место, безусловно, занимала финансовая, ибо, как заявляли сами депутаты, «деньги — ключ к дверям, за которыми сокрыты прогресс и счастье народа». Увеличить доходы казны пробовали, обращаясь к опыту реформ Амира Кабира. Парламент добился принятия закона об отмене *тиулов*, сокращении пенсий членам каджарской фамилии и расходов двора, начал составление поземельного кадастра. Но предлагались и новые рецепты. Еще в ноябре 1906 г. депутаты отказались утвердить очередной англо-русский заём правительства и выдвинули проект создания Национального банка, от участия в делах которого отстранялись бы иностранцы. Но волна патриотического ажиотажа в парламенте скоро спала. Учредители банка не торопились вносить на его счет обещанные внушительные суммы и ограничивались лишь заверениями в симпатии к этому проекту. Из запланированных 15 млн. туманов уставного капитала было собрано всего лишь 5 тыс.

Провал попытки создания Национального банка был вызван, в первую очередь, слабостью местного капитала, игравшего роль младшего компаньона при европейских партнерах. Экономическая нестабильность, сопутствующая любой революции, отсутствие до 7 октября 1907 г. закона, гарантирующего право собственности, и, наконец, недоверие соучредителей друг к другу лишь довершили дело. Финансовую проблему в результате попробовали решить стандартным путем — заключением нового займа и приглашением «незаинтересованного» финансового советника, которым должен был стать француз Бизо.

Весной–летом 1907 г. парламент работал над составлением и редактированием Дополнений к Основному закону, которые были подписаны шахом 7 октября. Подготовка этого документа являлась для депутатов делом принципиальной важности, так как Основной закон, утвержденный Мозаффаром ад-Дин-шахом 30 декабря 1906 г., определял лишь права и обязанности *меджлиса*.

Между тем к этому времени в лагере конституционалистов наметились первые признаки раскола. Раздражение, вызываемое политическими амбициями *моджтехедов*, взаимная настороженность при малейших попытках коснуться вероисповедного вопроса способствовали осознанному обособлению политических позиций реформаторов и явились благоприятным фоном для налаживания контактов религиозных лидеров с правительством. Первые шаги в этом направлении сделал Мохаммад Али-шах Каджар. Новый правитель, сменивший на троне своего предшественника в январе 1907 г., неоднократно предостерегал *моджтехедов* от опасного союза с теми, «кто понимает свободу в превратном смысле», заявлял об общности интересов людей религии и правительства.

Используя самые разнообразные методы воздействия на депутатов — агитацию оппозиционных групп, посылку проекта конституции на утверждение духо-

венству *атабата*¹, поддержку правительства и личную заинтересованность шаха, — *улама* добились от парламента утверждения своей редакции текста.

Конституция объявляла всех жителей Ирана, независимо от вероисповедания, равными перед законом, гарантировала неприкосновенность жизни и собственности граждан; в разделе о государственном устройстве наряду с провозглашением конституционной монархии декларировались принципы независимости законодательной, исполнительной и судебной властей, оговаривались права их субъектов. Но в то же время свобода слова существенно стеснялась духовной цензурой, запрещались организации, наносящие вред «чистой» религии, и т.д. Кроме того, *меджлис*, являвшийся вместе с шахом высшей законодательной инстанцией, был подчинен особому совету из пяти или более авторитетных духовных лиц. Эта коллегия обладала исключительным правом отмены любого постановления парламента, если оно, по ее мнению, не отвечало требованиям *шарииата*. Такой совет не был создан, но включение пункта о нем в текст конституции свидетельствовало о громадном влиянии ислама и его служителей, сумевших не только вовремя предьявить свои права, но и в полной мере использовать новые возможности для удержания в своих руках политической инициативы.

Принятие Дополнений к Основному закону стало рубежом в развитии революции. Иранские либералы считали ее законченной и, связав свою политическую судьбу с монархией, рассматривали союз шаха и *меджлиса* как единственный способ проведения реформ в жизнь.

Но нападки на конституционную власть не прекратились. В декабре 1907 г. Мохаммад Али-шах попытался произвести контрпереворот, и хотя обстоятельства сложились не в его пользу, конфликт разрешился взаимными уверениями сторон в лояльности и клятвами на Коране. Но примирение носило внешний характер. Властный и решительный, «настоящий хозяин на троне», Мохаммад Али-шах через полгода сумел одержать победу над парламентом. 23 июня здание *меджлиса* по приказу шаха атаковала персидская казачья бригада во главе с полковником Ляховым, а сопротивление ополченцев-добровольцев было подавлено артиллерийским огнем.

На защиту парламента, распущенного шахом, встали *анджоманы* и *моджахедские*² отряды, возникшие в начале революции. Первый анджоман был создан в сентябре 1906 г. в столице Иранского Азербайджана Тебризе для наблюдений за выборами в парламента. Попытка закрыть *анджоман* после окончания выборной кампании обернулась бунтом против властей. Население города было готово защищать «свой *меджлис*» с оружием в руках и потребовало от наместника провинции Мохаммада Али-мирзы указом подтвердить законность его дальнейшего существования. Напуганный решимостью толпы, наследник престола обязал местную администрацию оказывать всемерное содействие избранныкам народа.

С 1907 г. тебризский *анджоман* фактически управлял городом, оттеснив на второй план официальные губернские власти. Инициатива тебризцев была подержана в городах Азербайджана и других *эйялетов* страны.

¹ *Атабат* — священные центры шиизма Неджеф, Кербела, Казимейн и Самарра, расположенные на территории современного Ирака.

² *Моджахед* — ревностный борец.

Тебризский *анджоман*, «к голосу которого прислушивались все депутаты *меджлиса*», в январе 1907 г. начал настоящую телеграфную войну с правительством. На отказ Мохаммада Али-шаха признать конституционный характер власти и расширить права парламента Тебриз ответил восстанием. Его штабом стало местное телеграфное агентство, над зданием которого развевался красный флаг. Телеграфные депеши говорили с правительством языком ультиматумов и угрожали отделением провинции.

Столь же решительно повел себя Тебриз и во время декабрьского 1907 г. столкновения шаха и парламента. В телеграммах, адресованных *меджлису* и иностранным представительствам в Иране, *анджоман* заявлял, что не признает более Мохаммада Али-шаха своим правителем, и призывал начать выборы нового шаха. К телеграфной атаке Тебриза присоединились и *анджоманы* Решта, Мешхеда, Казвина и Шираза, обещая парламенту свою вооруженную помощь.

Кроме *анджоманов*-муниципалитетов по всей стране действовали так называемые народные *анджоманы* — землячества и клубы. Они могли объединять лиц одной профессии³, жителей городского квартала (в единичных случаях — деревни), представителей этнорелигиозных групп, сторонников местных политических лидеров. В одном Тегеране их было около 140. Свои *анджоманы* имели *муллы*, *сеиды* и *пишнамазы*, каджарские принцы и землевладельцы, ткачи шалей, хранители обуви гробницы имама Резы в Мешхеде и рабы. В столице существовал и женский *анджоман*.

В деятельности этих обществ отразился весь спектр народных представлений о целях и задачах революции: от всемерной защиты, вплоть до вооруженного выступления, главного ее завоевания — парламента — до приверженности религиозным лидерам, имевшим репутацию конституционалистов только потому, что они ратовали за отказ от покупки иностранных товаров.

14 апреля 1907 г. парламент, обеспокоенный излишней самостоятельностью *анджоманов* в решении политических проблем, принял закон, заметно стеснявший «анархические» действия «местных *меджлисов*». Скорректированный летом 1907 г., он ограничивал сферу их компетенции решением местных вопросов хозяйственного значения, хотя и вынужден был признать сам факт их существования как новой формы организации тех слоев населения, которые ранее были практически отстранены от участия в общественной жизни.

В годы революции в Иране начинается оформление первых политических организаций, самой левой из которых являлась «Джамият-е эджтемаюн-е амиюн» (букв. «Общество народных социалистов»), или, как ее чаще называют, «Социал-демократическая партия (Моджахед)». Она была создана в 1905–1906 гг. усилиями закавказских большевиков, которые вели социал-демократическую пропаганду среди иранских отходников в Баку и Тифлисе.

В конце 1906 г. первый филиал «Джамият-е эджтемаюн-е амиюн» возникает в Тебризе. Небольшая организация, ядро которой составлял «Тайный центр» из 12 местных «социал-демократов», начинает создание отрядов вооруженных ополченцев — *моджахедов*. Источником оружия и боеприпасов стал для народ-

³ На базе таких *анджоманов* позднее сложились первые профессиональные союзы.

ной гвардии тебризский арсенал, разграбленный во время первого политического кризиса в январе–феврале 1907 г.

Необычайная популярность моджахедского движения, распространившегося по всему Ирану, помогает объяснить факт двойного названия общества «Джамият-е эджтемаюн-е амиюн (Моджахед)», стоявшего у истоков этого начинания. Движение *моджахедов* быстро набирало силу; в городах северного и центрального Ирана создаются нелегальные организации, называвшие себе моджахедскими и использовавшие общую символику.

Внутренняя жизнь этих местных филиалов свидетельствует о приверженности иранских «социалистов» стереотипам, унаследованным от религиозно-политических движений прошлого. Структура подразделения выстраивалась по принципу иерархической последовательности и подкреплялась системой наказаний от словесного порицания до смертной казни. Отдавалось должное и религиозно-бытовым установлениям: ораторам на митингах платили как *роузе-ханам* — проповедникам, приглашаемым в состоятельные дома в дни религиозных бедствий.

Деятельность организаций была окутана покровом таинственности. Центральное управление и особое собрание, возглавлявшее местное отделение, были абсолютно анонимны, и любая попытка *моджахедов* «разведывать о них» каралась. Обаяние тайны, конечно же, привлекало молодых иранцев в отряды *федаетов*, готовых жертвовать жизнью ради святого дела.

Пунктирность связей между отдельными организациями, отсутствие общей программы и устава не позволяют рассматривать их как местные филиалы единой централизованной структуры, а употребление в отношении «Эджтемаюн-е амиюн» таких неравнозначных терминов, как «кружок», «группа», «общество», «партия», подчас произвольно и не отражает динамику ее постепенного становления как политической организации.

Иранцы (за исключением малочисленных, в 10–30 человек, групп, ориентированных на ведение «чистой» социал-демократической работы) оставались глухи к пропаганде большевистских эмиссаров, но охотно перенимали у своих наставников практические навыки по изготовлению и метанию бомб и тактику уличных боев.

Являясь социал-демократической лишь номинально, «Эджтемаюн-е амиюн» стремилась объединить в своих рядах всех, кто поддерживал борьбу за «увечивание священного народного собрания и конституции». Нейтральность ее социальной программы создавала условия для сотрудничества *моджахедов* с представителями крупного торгово-ростовщического капитала, связанного с землевладением. Подавляющее большинство моджахедских организаций прекратило свое существование в 1909 г. Их преемницей на политической арене стала Демократическая партия, сплотившаяся на принципах буржуазного национализма.

В деятельности «Джамият-е эджтемаюн-е амиюн», самой массовой в Иране политической организации, наиболее ярко отразились особенности процесса укоренения новации в традиционном обществе. Помещенная в контекст привычного, она подпитывается силой и энергией традиции, видоизменяется под ее влиянием, но, обретая самостоятельное бытование, сохраняет ядро нового каче-

ства. Так, религиозный в своей основе энтузиазм *моджахедов* и *федаев* был направлен в иное русло и вдохновлялся мирскими лозунгами. Подобную трансформацию пережила и идея *меджлиса*, пройдя в массовом сознании путь от «домов справедливости», воплощавших народную мечту о праведном суде, до представительной структуры европейского типа.

Июньские события в столице стали прологом к началу вооруженного конфликта между сторонниками и противниками конституции в Тебризе. Город оказался разделенным на две части, сообщение между которыми отсутствовало. Стремительно менялся городской пейзаж: на пересечениях дорог, поворотах улиц возводились укрепления-баррикады или ворота, наглухо закрытые даже днем. С июля к Тебризу стали подтягиваться шахские войска и кочевые подразделения. Они должны были нанести удар по основным базам *федаев* на юго-востоке и севере, которые защищал отряд Саттар-хана, ставшего вождем Тебризского восстания.

Биография Саттар-хана противоречива — контрабандист и рабочий на нефтепромыслах Баку; прилежный ученик социал-демократов; «частный разбойник», ведший во главе небольшого отряда борьбу с властями; солдат конвоя наместника Азербайджана... Трудно отделить вымысел от реальности. Но, думается, не в этом суть. Имя «персидского Гарибальди» и «азербайджанского Пугачева» на родине сопровождала иная легенда. В глазах соотечественников *сардар-е мелли* («полководец, вождь народа» — этим почетным званием наградил Саттара тебризский *анджоман*) был истинным *лутти*.

Лутти — это не просто лихой удалец с ножом, порождение бедных кварталов, каким его часто изображали европейцы. Для иранца *лутти* прежде всего силач, богатырь-*пехлеван*, вызывающий уважение своей физической силой. Она приобреталась и оттачивалась в *зурхане* («дом силы») под руководством опытного *муршида*, бывшего для своих подопечных и духовным наставником. В городах *лутти* «держали кварталы» и являлись надежной защитой жизни и имущества их обитателей. Своему *лутти* можно было без опасения доверить опеку семьи на время отсутствия хозяина или передать на хранение капитал. В разговорном языке *лутти* означает «великодушный и благородный человек».

В кварталах, контролируемых Саттаром, пресекались грабежи, в то время как население по другую сторону баррикад было деморализовано мародерством и насилиями шахских войск. В октябре 1908 г. *сардару-е мелли* и его соратникам удалось превратить разрозненные отряды *федаев* в повстанческую армию, которая после четырех месяцев уличных боев и двух штурмов извне полностью подчинила себе Тебриз. За несколько дней в городе наладилось естественное течение жизни, начали работу судебная и налоговая палаты. Местный *анджоман* заявил иностранным представителям, что принимает на себя функции *меджлиса* до тех пор, пока он не будет восстановлен в Тегеране.

Но в феврале 1909 г. войскам центра удалось блокировать дороги, ведущие в город. В Тебризе начался голод. Полагаться на поддержку жителей, «беспомощно роптавших» и против шаха, и против революционеров, становилось все труднее. И хотя очередной штурм был отбит *федаями*, Саттар-хан начал переговоры. Повстанцы требовали восстановления конституции и *меджлиса*, полной политической амнистии и отвода шахских войск от города. Правитель, рассчитывавший

на то, что голод делает Тебриз сговорчивее, сначала отказался принять их условия, потом согласился на подписание недельного перемирия, которое сам же и нарушил. В результате в ход была пущена дипломатическая интрига. Заручившись «сердечным одобрением» Англии, Россия под предлогом защиты иностранных подданных в осажденном городе ввела свои войска на территорию Ирана. Появление передовых русских частей под Тебризом означало конец восстания, но одновременно оно спасало жителей от угрозы погрома, который учинили бы в городе шахские войска. По разблокированной джюльфинской дороге в Тебриз пошло продовольствие.

Русское командование в Тебризе вело себя корректно, настаивая только на аресте и репатриации кавказских *моджахедов*, которых в столице Иранского Азербайджана насчитывалось несколько сотен. Искусные взрывники и бомбисты, они составляли элитные подразделения федайской армии Саттара. Большинство кавказцев были вынуждены оставить город. Часть их, тайно переправившись через Аракс, вернулись в Россию, другие сумели добраться до Решта, где уже в феврале 1909 г. к власти пришли революционеры, начавшие подготовку к военному походу на Тегеран. Их поддержали бахтиарские ханы, занявшие Исфган под лозунгом спасения конституции. До 1909 г. бахтиары оставались лояльными к режиму. Вместе с шахсевенами и курдами в составе шахской армии они осаждали Тебриз, и только честолюбие популярного вождя бахтиар Самсама ос-Солтане заставило их начать борьбу с тронем. Отряды гилянских *федаев* и бахтиарская конница соединились под Тегераном и в середине июля захватили город. Мохаммад Али-шах был низложен, а чрезвычайный верховный совет возвел на престол его 14-летнего сына.

В ноябре 1909 г. начал работу *меджлис* 2-го созыва, в стенах которого развернулась ожесточенная борьба между «умеренными», составлявшими парламентское большинство, и «крайними», или демократами. Последние требовали установления контроля над вакфами, настаивали на расширении представительства религиозных меньшинств в *меджлисе*, изменении закона о выборах. Конфликт подогревался присутствием в столице вооруженных *федаев*, штурмовавших город в июле 1909 г., из которых и умеренные и демократы вербовали добровольцев для совершения террористических актов.

Не совпадали взгляды фракций и по внешнеполитическим вопросам. Если умеренные не возражали против продолжения привычного курса, рассчитывая поправить финансовые дела правительства за счет нового англо-русского займа, то их противники были заняты энергичными поисками третьей силы.

В августе 1910 г. правительство демократа Мостоуфи оль-Мамалека внесло в *меджлис* представление о приглашении в страну группы иностранных советников. Финансовые ведомства должны были курировать французы, а министерство внутренних дел, полицию и жандармерию — итальянцы и шведы. В конце концов выбор остановили на специалистах из США, чиновниках колониальной администрации на Кубе и Филиппинах.

Закон о реорганизации финансового ведомства, утвержденный *меджлисом* 13 июня 1911 г., был составлен так, что позволял главе миссии Моргану Шустеру пользоваться «гораздо большими правами, чем права не только министра финансов, но и всего кабинета министров». Главный казначей не только контролировал

все финансовые и денежные операции правительства, отвечал за составление государственного бюджета и поступление налогов в казну. Он единолично вел переговоры о займах и концессиях, организовал собственную тайную полицию с широкой сетью осведомителей, начал создание особых воинских частей — финансовой жандармерии, для которой закупал оружие. Подготовленный им проект нового займа у банкирского дома Зелигмана был нацелен на установление долговременного экономического «сотрудничества» США и Ирана.

В *меджлисе* Шустер установил тесные контакты с демократами, которые приветствовали решительные шаги советника. Импонировало им и откровенное третирование Шустером правительства их политических конкурентов, возглавляемого одним из лидеров умеренных — крупным землевладельцем Сепакдаром.

В ноябре 1911 г. Россия, поддержанная Великобританией, потребовала уволить Шустера, чья деятельность ущемляла позиции русского капитала в стране и угрожала нарушить то относительное равновесие интересов обеих держав, которое обеспечивалось англо-русским соглашением 1907 г. о разделе Ирана на «сферы влияния». Ультиматум был подкреплён общим военным маршем: войска союзников начали оккупацию страны. Давление России и Англии позволило правительству под формальным предлогом, опираясь на отряды бахтиар, распустить парламент, проголосовавший за отклонение этих требований.

Революция 1905–1911 гг. стала важным рубежом в политической истории Ирана XX в. Ее стремительное развитие, масштаб событий были непредсказуемы. К грузу прежних проблем в то время добавились новые, решить которые конституционная власть, испытывавшая сильное давление извне, не смогла. Правительство и *меджлис*, дезорганизованные борьбой личных и групповых амбиций, противостоянием старой и нарождавшейся новой политических элит, оказались практически недееспособными. В обществе усилились противоречия между секулярными и религиозными силами, подогреваемые политическими убийствами и казнями. Повешенные в июле 1909 г. по приговору революционного суда *аятолла* Ф.Нури и влиятельный *моджтехед* А.Бехбехани стали для многих шахидами — мучениками, принявшими смерть от «любителей парижской свободы».

В годы революции упал престиж центральной власти, заметно окрепли сепаратистские настроения. Их выразителем стал азербайджанский провинциальный *анджоман*, не раз открыто заявлявший об отделении провинции. Но гораздо большую опасность представлял усилившийся сепаратизм племен. Составлявшие около трети населения страны, племена по-разному отозвались на события новой политической смуты: туркмены и шахсевены твердо держали сторону трона, бахтиары и значительная часть курдов объединились с конституционными силами. Но этот союз оказался непрочным. Ради достижения собственных целей (расширения территорий, контролируемых племенем, основания новой «кочевой» династии после низложения Каджаров и т.д.) племенные вожди легко меняли политические баррикады, выступая то в роли защитников конституции, то ее гонителей. Верные только своим ханам, племенные армии помышляли лишь о беспрепятственном грабеже «чужих равнин» независимо от того, под каким флагом они действовали.

Участие в работе правительства начиная с 1909 г. (бахтиары, например, входили в состав всех кабинетов) и расширение представительства от племен в пар-

ламенте заметно повлияли на тонус буржуазных преобразований в период второго *меджлиса*.

Войска интервентов, начавшие подавление революции, так и не были полностью эвакуированы до начала Первой мировой войны. Их присутствие ускорило утверждение иранским правительством англо-русского соглашения 1907 г. и стало впоследствии одной из причин превращения нейтрального Ирана в арену вооруженных столкновений сил Антанты и Тройственного союза.

КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ЗАКАВКАЗЬЯ.
РЕВОЛЮЦИЯ 1905–1907 гг.

В XIX в. в культурном и политическом развитии Кавказа произошел перелом. В годы Кавказской войны тесные связи региона с мусульманским Востоком, характерные для него начиная с раннего средневековья, были нарушены. Время от времени закрывались границы России с Османской империей и Ираном. Даже *хадж* для кавказских мусульман неоднократно запрещался сначала по политическим соображениям, а в 90-е годы — из-за боязни распространения радикальных религиозных течений, а также эпидемий. С другой стороны, укреплялись связи с Россией. Вместо Ирана и Турции Кавказ в культурном и политическом отношении все больше стал ориентироваться на Россию и Западную Европу.

Молодежь с Кавказа все чаще отправлялась завершать свое образование в университеты России и даже Западной Европы. Прежде всего это новое культурное движение охватило христиан Закавказья. Грузины и особенно армяне потянулись в Москву и Петербург и другие университетские центры России. Дерптский (ныне Тартуский) университет окончил армянский писатель и просветитель Хачатур Абовян (1809–1848). В Московском и Петербургском университетах учился известный армянский публицист Микаэл Налбандян (1829–1866). Мусульмане Закавказья и Северного Кавказа также стали получать современное европейское образование в России и за рубежом. Из них в первую очередь следует назвать одного из основателей российского академического востоковедения ученого из Дербента М.М. Казем-бека (ум. 1870), профессора Казанского университета и первого декана Восточного факультета Петербургского университета. Выпускником Московского университета был известный азербайджанский публицист Гасан-бек Меликов (Зардаби) (1837–1907).

К началу XX в. в крупнейших городах Закавказья — Тифлисе, Баку, Елизаветполе появляется своя интеллигенция, включавшая представителей как христианских, так и мусульманских народов региона. Она начала вытеснять мусульманских ученых (*улама*) прошлой эпохи. На Северном Кавказе, особенно в Дагестане, все еще господствовали старая мусульманская школа и наука. Однако и здесь появились сторонники модернизации системы образования, так называемые *джадиды*, которые выступали за обновление методов и программ начального и среднего образования с использованием научных достижений западной цивилизации, введением в круг изучаемых предметов естественных наук. Среди представителей этого течения заслуживают упоминания дагестанские преподаватели Абу-Суфьян Акаев (1870–1931) из кумыкского селения Нижнее Казанище и Али Каяев (1878–1943) из лакского селения Кумух. Они открыли в Дагестанской и Терской областях первые новометодные школы.

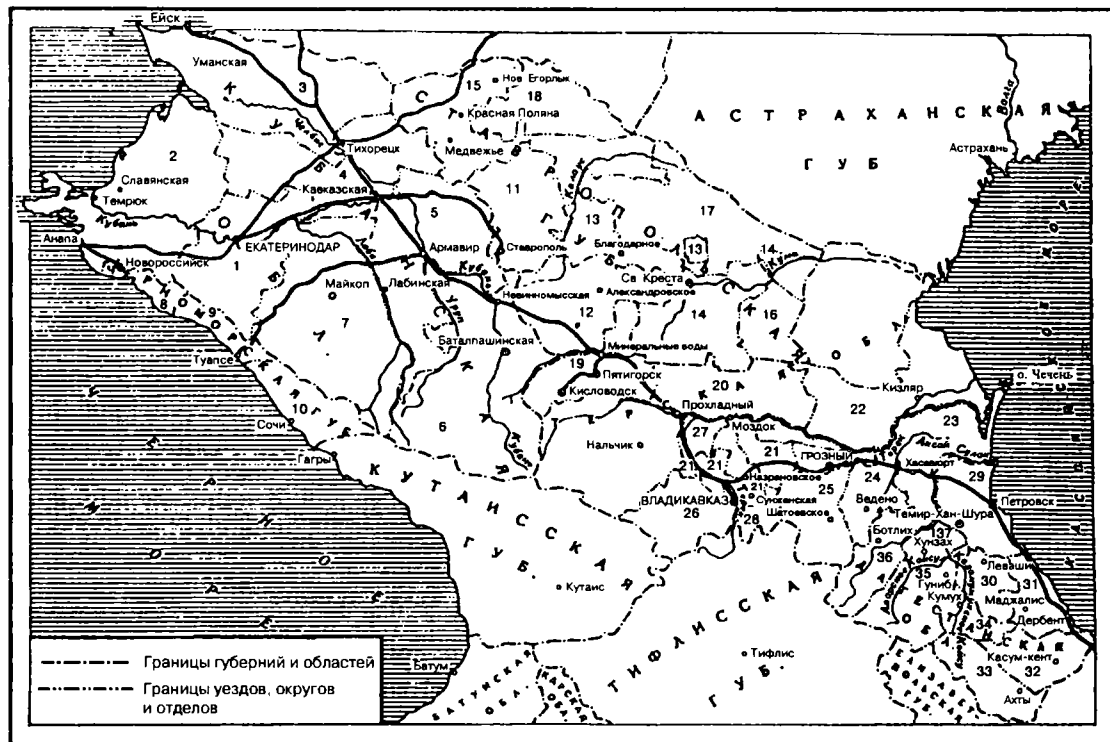
Наряду с реформой школы значительное влияние на культурную жизнь Кавказа оказала периодика на русском и кавказских языках, начало которой было положено еще при генерале П.Д.Цицианове. С 1819 г. при А.П.Ермолове в Тифлисе стала издаваться «Газета Грузии», первая литературно-политическая газета на грузинском языке. С 1828 г. по инициативе А.С.Грибоедова была создана первая в Закавказье газета на русском языке — «Тифлисские ведомости». Армянские публицисты печатали в Тифлисе сначала газету «Кавказ» (1846–1847), затем «Арагат» (1850–1851), а начиная с 1868 г. одноименный журнал в Эчмиадзине. В 1854–1864 гг. в Москве издавался просветительский армянский журнал «Юсупайл» («Северное Сияние»). В 1875 г. Ф.Ахундов основал первую азербайджанскую газету «Акинчи» («Пахарь»). В конце XIX — начале XX в. появились регулярные периодические издания, публиковавшиеся в окружных и областных центрах Северного Кавказа. Некоторые из них выходили на кавказских, тюркских или арабском языках, как, например «Джаридат Дагистан» (араб. «Газета Дагестана»), издававшаяся в 1913–1918 гг. в Темир-Хан-Шуре Обществом просвещения туземцев-мусульман.

Зарождение в регионе светской культуры и средств массовой информации стало возможным в первую очередь благодаря росту городов, развитию здесь путей сообщения, промышленности и торговли. В 1818 г. начала строиться имевшая стратегическое значение Военно-Грузинская дорога. Войска прокладывали шоссе в горах. В 1857 г. было учреждено Русское общество пароходства и торговли: по Черному морю начались регулярные рейсы между Одессой, побережьем Крыма и Поти. В 1865–1871 гг. силами армии была построена железная дорога от порта Поти к Тифлису. Вскоре были проложены ветки до Кутаиса и Чиатуры. После присоединения к России в 1878 г. Батума железную дорогу провели и туда. В 80-е годы линия была продолжена через Армению и Азербайджан до Баку. На Северном Кавказе первая ветка железной дороги связала в 1875 г. Ростов и Владикавказ. В конце 80-х — 90-х годах дорогу продолжили через Петровск–Дербент до Баку (1899 г.), а чуть раньше — на Екатеринодар, Новороссийск и Ставрополь.

Со второй половины XIX в. быстро развиваются экономические и торговые связи региона с Центральной и Южной Россией. Российских и западных промышленников Кавказ привлекал своими нефтяными и горнорудными запасами. К началу XX в. развернули деятельность крупные компании братьев Нобель, Ротшильда, Вишау, Англо-русское нефтяное общество, Северо-Кавказское нефтяное общество и др. Наряду с ними в регионе появились и местные нефтепромышленники — Тагиев, Гукасовы, Мирзоевы и др. Кроме Баку они разрабатывали месторождения Грозного, Майкопа, Петровска. Нефтяной бум способствовал урбанизации Закавказья. Особенно стремительно росло городское население Бакинской губернии, где к началу XX столетия оно достигло 20%. Согласно первой переписи 1897 г., в целом по Кавказу насчитывалось 10,9% горожан. Кавказ все еще оставался по преимуществу аграрной областью, где от 79% до 85,7% населения было занято сельским трудом. В горских областях процент сельского населения был еще выше: 94% — в Дагестане и 96% — в Адыгее.

В XIX в. между Кавказом и Россией установились тесные политические контакты. Молодая интеллигенция Закавказья увлекалась идеями западников, модными в образованном российском обществе второй трети столетия.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ КАВКАЗСКОГО КРАЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1860–1917)

Цифрами на карте обозначены:

Кубанская область (с 1860 г.): 1 — Екатеринодарский отдел; 2 — Таманский отдел; 3 — Ейский отдел; 4 — Кавказский отдел; 5 — Лабинский отдел; 6 — Баталашинский отдел; 7 — Майкопский отдел. Черноморская губерния (с 1896 г.): 8 — Новороссийский округ; 9 — Туапсинский округ; 10 — Сочинский округ. Ставропольская губерния (с 1847 г.): 11 — Ставропольский уезд; 12 — Александровский уезд; 13 — Благодаринский уезд; 14 — Святкрестовский уезд; 15 — Медвеженский уезд; 16 — Ачикулакское приставство; 17 — Трухменское приставство; 18 — Большедербетовский улус (приставство). Терская область (с 1860 г.): 19 — Пятигорский отдел; 20 — Моздокский отдел; 21 — Сунженский отдел; 22 — Кизлярский отдел; 23 — Хасавюртовский округ; 24 — Веленский округ; 25 — Грозненский округ; 26 — Владикавказский округ; 27 — Нальчикский округ; 28 — Назрановский округ. Дагестанская область (с 1860 г.): 29 — Темир-Хан-Шуриный округ; 30 — Даргинский округ; 31 — Кайтаго-Табасаранский округ; 32 — Кюринский округ; 33 — Самурский округ; 34 — Кази-Кумухский округ; 35 — Гунибский округ; 36 — Андийский округ; 37 — Аварский округ

Особые симпатии у нее вызывала публицистика Чернышевского, Герцена, Бакунина, призывавшая к революционному свержению самодержавия и социальному освобождению народных масс. С другой стороны, среди молодежи Закавказья были популярны идеи национального освобождения и самоопределения. Их любимыми героями были Джузеппе Гарибальди и польские инсургенты, боровшиеся против порабощения своих народов иноземными завоевателями. Еще в 60-е годы Степанос Назарян и Григор Арцруни создали движение, выступавшее за объединение армян России, Турции и Ирана в единое независимое государство Великая Армения. В 1872 г. Арцруни основал в Тифлисе газету «Мшак» («Работник»). В конце XIX в. в Азербайджане начало складываться движение «Мусават», боровшееся за национальное объединение тюркских народов Кавказа. В его формировании немаловажную роль сыграли идеи распространявшегося тогда в Османской империи и среди ее соседей пантюркизма.

В конце столетия в Западной Европе сложилась кавказская революционная эмиграция, появились первые политические партии. Микаэл Налбандян лично познакомился с Герценом в Лондоне, участвовал в распространении его запрещенного в России журнала «Колокол». Основанная в 1887 г. в Женеве армянская националистическая партия была названа в честь этого издания «Гнчак» («Колокол»). Подобно русским революционерам-народникам партия считала террор основным средством революционной борьбы. При помощи терактов и организации восстаний в турецкой части Западной Армении она намеревалась добиться создания Великой Армении. За самостоятельное армянское государство на Кавказе выступала также созданная тогда же партия «Дашнакцутюн» («Союз»). Однако особого успеха политическая деятельность армянских националистов не имела. Организованные ими демонстрации и теракты в Стамбуле лишь спровоцировали массовую резню армян по всей Османской империи в 1895–1896 гг.

Под влиянием российских революционеров в Закавказье появились партии социального направления. Наряду с армянской диаспорой Тифлиса и Баку в их создании активно участвовала грузинская интеллигенция. В 70-е годы XIX в. в Грузии возникли нелегальные народнические кружки, пытавшиеся вести революционную пропаганду в деревне. В 1889–1892 гг. революционные народники нелегально печатали в Тифлисе журналы «Муша» («Рабочий»), «Гантиади» («Рассвет»), «Синагле» («Свет»), предназначенные для распространения среди рабочих. Легальные народники издавали в 1881–1883 гг. в Тифлисе журнал «Имеди» («Надежда») и газету «Шрома» («Труд») в Кутаиси.

Для грузинской интеллигенции идеи социального освобождения трудящихся и демократизации общества были неразрывно связаны с национальным возрождением Грузии. Еще в 1863 г. известный поэт и писатель Илья Чавчавадзе основал культурно-политическое движение «Пирвели даси» («Первая группа»). Печатным органом движения был сначала журнал «Сакартвелос моамбе» («Вестник Грузии»), а с 1877 г. — газета «Иверия». Чавчавадзе связывал возрождение края с просветительской деятельностью дворянской молодежи. Более радикально были настроены Георгий Церетели, Серно Месхи, Нико Николаидзе и другие грузинские национальные деятели, создавшие в 1866 г. «Вторую группу» («Меоре даси»). Они выступали за социальное переустройство города и деревни, уничтожение сословных привилегий дворянства. «Меоре даси» пропагандировала свои

взгляды через газету «Дроеба» («Время»), а с 1871 г. — со страниц журнала «Кребули» («Сборник»).

В начале 90-х годов в Закавказье проник марксизм, появились первые группы социал-демократов. В 1892–1893 гг. журналист Ноэ Жордания (1869–1953) создал в Тифлисе социал-демократическую «Третью группу» («Месаме даси»). В нее вошел целый ряд членов «Меоре даси». В программе организации Н.Жордания попытался соединить взгляды умеренного крыла немецких социал-демократов Э.Бернштейна и Карла Каутского с идеями сторонников национального возрождения Грузии. Его идеалом была европеизация Грузии с сохранением национальной самобытности народа. Жордания выступал против революции в Закавказье.

В 1901 г. группа радикалов, включая будущего руководителя Советской России И.В.Сталина (члена «Месаме даси» с 1898 г.), откололась от «Второй группы», образовав Группу революционеров социал-демократов, издававшую газету «Брдзола» («Борьба»). В следующем году в Тифлисе по инициативе С.Г.Шаумяна, Б.М.Кнунянца и А.Зурабяна был образован Союз армянских социал-демократов, подпольно выпускавший газету «Пролетариат» на армянском языке. Наряду с возникновением местной социал-демократии следует отметить проникновение в города Закавказья партий социал-демократов Центральной России. В 1901 г. были образованы Тифлисский, Бакинский и Батумский комитеты РСДРП, имевшие свои подпольные типографии, на Кавказе начала распространяться выпускавшаяся РСДРП газета «Искра». В марте 1903 г. в Тифлисе состоялся первый съезд кавказских социал-демократических организаций. На нем был создан Кавказский союз РСДРП, ознаменовавший подчинение армянской и грузинской социал-демократии Закавказья российскому «большевистскому» центру этой антиправительственной организации.

Однако вплоть до 1900-х годов ни социал-демократы, ни националистические партии не оказывали особого влияния на политическое развитие Закавказья. Они не определяли общественного мнения городов, а в деревне их вообще не знали. Ситуация резко изменилась в годы первой русской революции (1905–1907). Революция пришла в кавказские города из Центральной России. Ее быстрые успехи в значительной мере объясняются тем, что после русско-японской войны (1904–1905) владычество Российской империи в регионе было поколеблено. Большая часть русских войск с Кавказа была отправлена на фронт в Маньчжурию. Большие города Закавказья впервые испытали тогда ужасы безвластия и политического террора.

В отличие от России основная масса населения Кавказа приняла революцию холодно, не возлагая на нее серьезных надежд. Революционная анархия парализовала нормальную жизнь в городах на юге края. Отдельные митинги и стачки проходили летом 1905 г. на Владикавказской железной дороге. Летом 1906 г. прошла всеобщая забастовка на грозненских нефтяных промыслах. Пользуясь ослаблением государства, крестьяне повсеместно отказывались платить налоги и выполнять повинности в пользу казны. В Восточном Закавказье в 1905 г. начались кровавые армянские погромы и резня в Баку, Шуше, Нахичевани, Ереване, Елизаветполе и других местах со смешанным христиано-мусульманским населением. В ответ на насилия мусульман горцы-армяне Карабаха, в свою очередь,

поголовно вырезали азербайджанские селения. Столкновения эти продолжались до 1906 г.

Не охваченные революционным движением горцы-мусульмане Северного Кавказа помогали властям в осуществлении карательных экспедиций в городах Центральной России. В 1905–1907 гг. в Дагестанской, Кубанской и Терской областях формировались отряды конной стражи, которых наряду с полицией и казаками использовали для разгона демонстраций. В то же время на Северном Кавказе в 1905–1913 гг. наблюдалось оживление банд профессиональных разбойников-*абреков*. На это время приходится деятельность наиболее известных на Кавказе *абреков* — Зелимхана Гушмазукаева из чеченского селения Харачой и Саламбака Гараводжева из ингушского села Сагопш в Терской области, Бубы из лезгинского селения Икра на юге Дагестанской области, Ших-заде и Дали Али из Северного Азербайджана. Власти вынуждены были держать в районах действия *абреков* значительные отряды регулярных войск и иррегулярной горской милиции. В 1913 г. всех наиболее известных *абреков* удалось истребить физически. К началу Первой мировой войны Кавказ был вновь, но ненадолго замирен. Уже чувствовалось приближение второй русской революции.

ПРОБУЖДЕНИЕ ИНДИИ
И КОНСОЛИДАЦИЯ КОЛОНИАЛЬНОГО РЕЖИМА

В начале XX в. подходило к концу «славное правление» королевы Виктории, в течение которого Великобритания превратилась в неоспоримую ведущую мировую державу. Владения английской королевы, где «никогда не заходило солнце», включали обширные территории на всех континентах. Казалось, что и Индийская империя, составлявшая часть Британской, прочно удерживается в руках колонизаторов как вооруженной силой, так и экономической зависимостью.

Результаты развития Индии в XIX в. были довольно впечатляющими. **Аграрные отношения** претерпели значительные изменения. В результате введения систем постоянного и временного *заминдарства*, а также систем *райятвари* на Юге и *махалвари* на Севере повсюду возникла юридически оформленная частная собственность на землю. Первоначально она была ограничена необходимостью уплачивать высокий поземельный налог и некоторыми другими правилами. Но после Сипайского восстания англичане отказались от попыток серьезных пересмотров ставок налога, и он стал реально уменьшаться благодаря некоторому развитию хозяйства и росту цен в результате падения стоимости серебра. В конце XIX в. земельный налог в районах постоянного обложения (Бенгалия, Бихар, Орисса) охватывал 5–6% сельскохозяйственного продукта, в Соединенных провинциях — 8–10%, в Мадрасской провинции — 6–10%. Стремясь сохранить поддержку созданной ими же земельной аристократии, колонизаторы не облагали ее также и иными налогами. Так, доходы, получаемые от сельского хозяйства, были освобождены от подоходного налога, введенного в 1886 г., который был невысок сам по себе (не более 5%).

Правда, низкое обложение сельского хозяйства не повлекло за собой бурного развития этой отрасли. Индийские помещики использовали остававшиеся у них средства не на развитие производства, а на разного рода непроизводительные траты. Отношения аренды на помещичьих землях оставались по существу феодальными.

Осознав это, англичане стали принимать законы, расширявшие права арендаторов. Постоянные арендаторы получали права «защищенной аренды»: арендная плата с них могла быть повышена только в том случае, если повышался налог с помещика, и только по решению суда. (Об этих законах см. предыдущую главу по Индии.) Отметим лишь, что категория «защищенных арендаторов» росла, а это ограничивало гнет помещиков. По постановлениям 1902 и 1905 гг. помещикам запрещалось произвольно повышать ренты и с остальных категорий арендаторов, не имевших юридических прав. В начале XX в. стали создаваться кооперативные кредитные общества сельских хозяев. Однако все эти законы и мероприятия не привели к созданию в Индии прослойки состоятельных фермеров.

Безземельные и мелкое нищее крестьянство составляли подавляющую часть сельского населения. Соответственно, повышение производительности труда в сельском хозяйстве происходило крайне медленно.

Англичане предпринимали и другие меры с целью повышения объема производства сельскохозяйственной продукции. С конца XIX в. развернулась обширная программа ирригационного строительства. Были орошены значительные площади в Соединенных провинциях, Панджабе, Синде и некоторых районах Южной Индии.

К концу XIX в. англичане поняли также, что следует препятствовать концентрации земли в руках торгово-ростовщических слоев, поскольку это не сулило никакого прогресса производства. В ряде провинций были приняты законы, запрещавшие покупку земли членами торговых каст.

Еще один урок, который англичане долго не могли усвоить, заключался в том, что в Индии надо предпринимать специальные меры по борьбе с голодом, случавшимся регулярно в той или иной провинции. В 1900 г., когда разразился голод в Гуджарате, лорд Керзон создал специальную комиссию по борьбе с голодом. В XX в. эта комиссия сумела улучшить положение при очередном бедствии.

В развитии индийской национальной промышленности англичане были совершенно не заинтересованы. Они хотели превратить Индию в сырьевой придаток английской индустрии. Однако, во-первых, этого сделать не удалось, а во-вторых, многие меры англичан, продиктованные самыми эгоистическими мотивами, приводили к нежелательному для них развитию промышленности в Индии. Так, первые прядильные фабрики появились в Индии в расчете на китайский рынок после того, как англичане открыли его в результате так называемых опиумных войн. Увеличение производства хлопка в Индии в 1860-е годы, вызванное требованиями манчестерских фабрикантов, переставших получать хлопок из Америки во время Гражданской войны в США, привело, после того как война закончилась, к перепроизводству хлопка в Индии, к падению цены пряжи и к увеличению конкурентоспособности индийских фабричных тканей. В 1901–1902 гг. местные ткани (фабричные и ручного производства) составили 37,3% местного потребления, и затем этот процент продолжал повышаться. Уже в это время начался процесс вытеснения английских тканей с индийского рынка.

Усилия по развитию транспорта имели целью прежде всего освоение индийского внутреннего рынка английскими фабрикантами и торговцами. К 1905 г. в Индии было построено 6 тыс. миль железных дорог. Но этими дорогами пользовались также и индийские предприниматели, что снижало их транспортные расходы.

Внешняя торговля Индии была тесно привязана к европейским рынкам. К концу XIX в. 60% экспорта и 80% импорта страны приходились на Европу и США. Однако следует учитывать, что индийская экономика оставалась в целом замкнутой, самодостаточной. Внешняя торговля не играла в ней серьезной роли: размер экспорта на душу населения в Индии в 1900 г. составлял 1,2 долл., импорта — 0,8 долл. (Для сравнения, доля экспорта и импорта на душу населения Великобритании составляла 47 и 74 долл. соответственно.) Так что нельзя утверждать, что колонизаторам удалось превратить Индию в сельскохозяйственный и сырьевой придаток метрополии.

В течение первых десятилетий XX в. англичане продолжали бороться за индийский рынок. Этой цели служила, в частности, денежная реформа, проведенная в 1899 г. Рупия была жестко привязана к фунту стерлингов (падение стоимости серебра перестало оказывать на нее влияние); ее курс был искусственно завышен и установлен в размере 1 шиллинг 4 пенса. Этот курс стимулировал ввоз товаров в Индию из Англии и был невыгоден для экспорта индийских товаров.

Однако тот же курс сокращал возможности для вложения иностранного капитала. Вопрос, почему английский капитал не добился для себя более выгодных условий инвестирования, требует изучения. Но суть заключается в том, что привлекательность Индии для английского капитала оставалась низкой. Доля Индии в английских зарубежных инвестициях с 1870 по 1914 г. упала с 20 до 10%.

Власть в стране находилась в руках английской бюрократии, организованной в иерархическую структуру Индийской гражданской службы. В конце XIX в. в ее рядах стали появляться индийцы. Сдача экзаменов на чин была затруднена тем, что экзамены должны были приниматься только в Лондоне и только у лиц до 19 лет. Под влиянием просьб Индийского национального конгресса в 1892 г. возраст экзаменуемых был повышен (не ранее 21 года и не позже 23 лет), а в 1905 г. повышен еще раз (не ранее 22 и не позже 24 лет). Но сдавать экзамены все равно можно было только в Лондоне.

Несмотря на все препоны, образованные индийцы находили возможность сдавать эти экзамены и получали видные должности в администрации. В 1903–1904 гг. 6,7% высших служащих были индийцы. Чуть большая доля индийцев находилась на службе в провинциальных управлениях.

Складывалась национальная индийская интеллигенция, получавшая образование европейского типа. К началу XX в. сформировалась система образовательных учреждений, дававших начальное (на местных языках), среднее и высшее (на английском) образование. Уже в 1887–1888 гг. в Индии было 4 млн. студентов, обучавшихся на английском языке. Университеты пользовались довольно широкой автономией. С 1880 г. пресса была свободна от цензуры. Формально индийцы и англичане имели абсолютно равные права при разборе их уголовных дел. Индийские судьи имели право судить англичан. Реально, конечно, продолжалась дискриминация, когда преступления, совершенные англичанами, оставались безнаказанными.

Образованные индийцы имели мало возможностей для карьеры. Набор в административный аппарат, как видим, был ограничен. Шире были возможности в адвокатуре и суде. Даже медицинская карьера была для них закрыта. В среде интеллигенции начала расти безработица. Неудивительно, что среди лиц, имеющих образование, нарастало недовольство. Именно эти круги стали средой, в которой распространялись идеи самоуправления Индии, ограничения авторитарности режима.

Однако англичане вводили нечто вроде **представительных учреждений** крайне робко. В 1892 г. под влиянием петиций Индийского национального конгресса был принят новый закон об Индийских советах при генерал-губернаторе и при губернаторах провинций. По этому закону число членов законодательных советов, не являющихся чиновниками, было расширено. Их должно было быть от 10 до 16. Все они назначались, но, если место в совете оказывалось вакантным,

- Границы британских владений
- Провинции Британской Индии
- Другие территории, находящиеся под прямым управлением англичан
- Вассальные княжества и группы княжеств (агентства)
- Железные дороги

его мог занять член, избранный муниципалитетом Калькутты, Бомбея или Мадраса. Советы получили право выражать свое мнение о бюджете (хотя и не утверждать его) и подавать запросы правительству.

Этот закон не удовлетворил индийских либералов, возглавлявших Индийский национальный конгресс. Они хотели гораздо больших прав для представителей индийского общественного мнения. Однако видные члены Конгресса, такие, как Гопал Кришна Гокхале, Асутош Мукхерджи, Раш Бехари Гхош, Сурендранатх Банерджи, не отказались, когда их в эти советы назначили.

Индийский национальный конгресс (ИНК) подошел к началу XX в. внутренне расколотым на либеральное большинство и радикальное меньшинство («умеренных» и «экстремистов», как их называли) и потерявшим в значительной степени завоеванный им было авторитет. Он все еще был просто ежегодным съездом, не имевшим членства и сколько-нибудь разветвленной организации. Его методы воздействия на власти (петиции и резолюции) оказались малодейственными. Англичане делали некоторые уступки, вроде бы идя навстречу Конгрессу, однако каждый раз эти уступки отставали от требований конгрессистов и вызывали не удовлетворение со стороны даже наиболее умеренных либералов, а разочарование и раздражение.

Колониальные власти проявили близорукость, не увидев в лице индийцев, составлявших умеренное крыло Конгресса и воспитанных на идеалах европейской демократии, своих союзников и партнеров по управлению Индией (последние в то время на больше не претендовали). Если в свое время Конгресс возник при молчаливой поддержке администрации, то впоследствии его деятельность вызывала все большее раздражение властей.

Министр по делам Индии лорд Хамилтон в письме вице-королю лорду Эднину 16 сентября 1897 г. утверждал: «Если мы сможем удержать расположение воинственных племен и высших слоев индийского общества, мы сможем игнорировать нелюбовь и отчуждение интеллектуальных невоинственных классов, *бабу*¹, студентов и адвокатов». Он же 5 января 1900 г. писал другому вице-королю, лорду Дж.Н.Керзону: «Ввиду значительных трудностей в выдвижении каких-либо свежих мер, которые согласовывались бы с ожиданиями „молодой Индии“, было бы наиболее желательно любыми способами поддержать „старую Индию“. Прежние гражданские служащие Ост-Индской компании управляли страной через знатных людей и джентльменов на местах».

Основатели ИНК часто апеллировали в своих речах и резолюциях к положениям Акта 1833 г. и Прокламации 1858 г. о запрещении дискриминации по национальному или расовому признаку при формировании индийской администрации. Тот же министр в письмах к вице-королям позволял себе критиковать Прокламацию королевы и, по существу, советовал ее игнорировать: «Я не думаю, что мы должны очень уж выдвигать Прокламацию королевы 1858 года. Как образец английского языка она прекрасна. Но 40-летний опыт показал, что исключительно опасно претворять в жизнь академическую формулировку о равенстве рас... Одна из величайших ошибок, которая когда-либо была совершена, — это

¹ *Бабу* — уважительное и вместе с тем ироническое обозначение образованного человека или мелкого чиновника в Бенгалии.

включение в Прокламацию об аннексии Индии принципа необходимости полного равенства европейцев и туземцев при назначении на посты».

Отсутствие взаимопонимания между колониальными властями и умеренными националистами привело к тому, что более радикальное направление набирало силу. Признанным вождем «крайних» был Бал Гангадхар Тилак (1856–1920). В отличие от западников-либералов он склонялся к опоре на национальные традиции, в отличие от секуляристов — считал необходимым использовать религию в национальной борьбе. Такая позиция обеспечивала ему влияние в самых широких массах. Это обычно расценивается как его вклад в пробуждение Индии: он придал движению большую массовость. Но эта тактика имела и свои издержки: таким образом разжигались ксенофобия, мракобесие, не говоря уже о том, что подобная тактика означала бесповоротное отсечение от движения мусульман.

Тилак проводил массовые квазирелигиозные праздники в честь бога Ганеши (с 1893 г.) и национального героя маратхского народа Шиваджи, который сражался за независимость Махараштры против империи Великих Моголов. В ходе таких празднеств устраивались демонстрации и митинги, на которых звучали призывы к защите религии и освобождению родины от иноземцев, т.е. они превращались в антиколониальные мероприятия. Все это пробуждало националистические и свободолюбивые чувства среди индусов, способствовало их сплочению и вовлечению в национально-освободительную борьбу. Но многих такие празднества и отталкивали. В 1893 г. в Бомбее произошла страшная индуско-мусульманская резня, спровоцированная сторонниками Тилака. Арестовано было 1500 человек.

Ненависть Тилака к англичанам и ко всему английскому доходила до того, что он, например, выступал против решения, принятого Советом при вице-короле в 1891 г., повышающего брачный возраст для девочек с 10 до 12 лет, так как считал это вмешательством колониальных властей в вековые обычаи индийцев. Когда в Махараштре вспыхнула эпидемия холеры и англичане стали посылать по деревням медицинские отряды для проведения профилактических мероприятий, Тилак настолько резко высказался против этого «насилия», что фактически по его призыву были убиты коллектор округа Пуна и сопровождавший его офицер. Тилака судили за подстрекательство к убийству, приговорили к одному году тюрьмы (он отбыл его в 1897–1898 гг.), но это не остудило его темперамента.

Серьезным недостатком деятелей Конгресса следует признать их игнорирование проблемы индуско-мусульманских взаимоотношений. Задуман был Конгресс как общеиндийский форум. Помимо индусов в нем принимали участие и парсы, и мусульмане. Отцы-основатели ИНК были уверены, что представляют весь индийский народ. Между тем многие мусульмане вовсе не считали их своими представителями. Среди требований Конгресса до Первой мировой войны не было и речи о защите прав религиозных меньшинств, а некоторые его действия, как увидим ниже, показали, что он и не собирался учитывать интересы меньшинств.

Возникло несколько центров, ставивших целью развитие образования и культурное возрождение мусульман, противопоставлявших себя Конгрессу и находившихся на еще более лояльных позициях в отношении англичан, чем Конгресс.

Крайне негативную роль в процессе отчуждения индусов и мусульман сыграли организации, считавшие своей задачей «защиту» индуизма от угроз, исходящих для него будто бы от ислама. Начавшие возникать еще в последние десятилетия XIX в., в 1900 г. они объединились в «Хинду махамандал» («Индусский великий круг»), преобразованную позже в «Хинду сабха» («Индусское собрание»). Эта организация считала, что она «призвана упорно и бдительно защищать интересы всей индусской общины, в какой бы сфере общественной жизни они ни проявлялись».

В 1899 г. вице-королем Индии был назначен лорд Джордж Натаниэль Керзон (1859–1925) — энергичный защитник имперских интересов, довольно широко понимавший свои задачи как правителя Индии. Презируя индийскую интеллигенцию, он считал, что именно английская власть наилучшим образом выражает интересы индийского народа. Керзон назначил комиссию по борьбе с голодом, основал первые кредитные кооперативные общества, активизировал работу Археологической службы и потратил много сил и средств на охрану древних и средневековых архитектурных памятников, снизил налог на соль и подоходный налог. Он, пожалуй, был единственным вице-королем, который пытался наказывать англичан за жестокое обращение с индийцами. Он прекратил непосредственное вмешательство Британской Индии в дела Афганистана, требовал, и иногда добивался того, чтобы индийские войска, используемые вне Индии, оплачивались не из индийского бюджета, а за счет имперской казны (надо отметить, что это было одним из требований Конгресса с 1891 г.), резко возражал против увеличения жалованья английским офицерам за счет Индии, требовал защиты прав индийцев в Южной Африке.

Но керзоновская политика запоздала лет на 100. В начале XIX в. индийская интеллектуальная элита еще испытывала чувство благодарности к колонизаторам за то, что они прекратили политический хаос и установили порядок, и не ощущала в себе способности управлять самостоятельно. Но в конце XIX в. ситуация изменилась кардинально. Блага английского правления уже воспринимались как само собой разумеющиеся, а новая элита считала, что она вполне созрела для управления, хотя бы и под эгидой англичан. Убедить интеллектуалов в том, что английский вице-король лучше выражает их интересы, чем они сами, было уже невозможно, тем более что англичане давали достаточно доказательств тому, что они всегда преследуют **свои** собственные интересы.

Тот же Керзон ввел цензуру в газетах, ограничил автономию университетов, сократил представительство индийцев в муниципалитете Калькутты, имел обыкновение нелестно отзываться о лидерах национального движения. Наконец, уже собираясь в отставку, он объявил о разделе Бенгалии на две провинции — Восточную и Западную.

Этот раздел, возможно довольно разумный с чисто административной точки зрения (провинция Бенгалия в то время охватывала современные штаты Индии Бихар, Джаркханд, Ориссу, Западную Бенгалию, все северо-восточные штаты, а также государство Бангладеш и становилась неуправляемой), предусматривал расчленение территории, населенной бенгальцами, на индусскую и мусульманскую части и был расценен как попытка противопоставить друг другу индусов и мусульман. Эти раздел и борьба за его отмену представляют собой важный этап индийской истории, знаменуя собой, с одной стороны, начало массового нацио-

нального движения, а с другой — возникновение политического противостояния индусов и мусульман.

Г.К.Гокхале на сессии Конгресса в 1905 г. значительную часть своего доклада посвятил оценке деятельности лорда Керзона. Он отметил все те позитивные результаты его правления, о которых говорилось выше, но обвинил его в непонимании индийского народа, в результате чего его деятельность не укрепила, а ослабила британскую власть в Индии. По словам современного исследователя, политика Керзона «практически убила партию умеренных» в Конгрессе и способствовала радикализации национально-освободительного движения.

Возмущение разделом Бенгалии усиливалось еще и слухами о том, что это лишь первый шаг к отмене постоянного налогообложения. *Заминдары*-индусы, владевшие почти всей землей в восточной, мусульманской части Бенгалии на условиях уплаты почти символического налога, выступили против раздела не столько из националистических чувств, сколько защищая свои материальные интересы. В позиции Национального конгресса отразилось то, что большинство его лидеров были выходцами именно из среды *заминдаров*.

На сессии в декабре 1905 г. Конгресс призвал к борьбе против раздела Бенгалии. В качестве метода борьбы был избран бойкот английских товаров, выраженный лозунгом *свадешти* («отечественный», имелась в виду пропаганда исключительно отечественных товаров). Радикализация политических требований выразилась в новом лозунге — *сварадж* («самоуправление»). Это был серьезный шаг вперед в эволюции националистического самосознания. До этого Конгресс ставил вопрос лишь о расширении участия индийцев в английской системе власти. Лозунг *сварадж* означал в этот момент предоставление прав доминиона, т.е. фактической независимости, хотя и при формальном членстве в Британской империи. Именно к этому времени Великобритания впервые стала предоставлять подобные права своим бывшим колониям (в 1869 г. — Канаде, в 1904 г. — Австралии).

«Экстремисты» во главе с Тилаком призывали развернуть бойкот по всей стране, однако это предложение было нереальным, поскольку Конгресс в то время еще не имел партийной организации и не смог бы обеспечить выполнение этого лозунга. Подобный призыв оказался бы пустым звуком. Была принята более умеренная резолюция — объявить бойкот и проводить демонстрации протеста только на территории Бенгалии. Они прошли достаточно массово. Призывы Конгресса встретили довольно широкий отклик. Начались митинги протеста, демонстрации, забастовки на железных дорогах, хлопчатобумажных и джутовых фабриках. Наибольший размах движение имело, конечно, в Бенгалии. На территории этой провинции Конгресс призвал организовать бойкот лавок, торгующих английскими товарами. Были созданы отряды волонтеров, пикетирующих лавки и принуждавших их владельцев снимать с продажи английские ткани.

В декабре 1906 г. Конгресс подтвердил выдвинутые лозунги и четко сформулировал, что под *свараджем* понимаются права доминиона. Были предприняты меры по превращению Конгресса из серии съездов в политическую партию. В провинциях были созданы постоянно действующие комитеты Конгресса, начали создаваться также комитеты в ряде дистриктов. Движение ширилось. Можно отметить даже некоторые его успехи: за 1907 г. цены на английские ткани упали на 25%, на индийские поднялись на 8%.

Однако движение стало, видимо, выдыхаться, потому что уже на следующей сессии, в декабре 1907 г. в Сурате, умеренное крыло Конгресса, вновь провозгласив целью достижение *свараджа*, решило тем не менее движение прекратить. Это вызвало раскол Конгресса. Тилак увел своих сторонников с заседания. В своих газетах он продолжал публиковать еще более настойчивые призывы бороться с англичанами. Это дало властям основание снова обвинить его в пропаганде насилия. Состоялся суд, который приговорил Тилака в июле 1908 г. к шести годам тюрьмы. Решение суда вызвало всеобщую забастовку в Бомбее, однако движение уже шло на спад. Англичанам удалось справиться с этим первым подъемом национально-освободительной борьбы.

Борьба против раздела Бенгалии имела противоречивые последствия. С одной стороны, она ознаменовала принципиальный разрыв даже «умеренных» национальных лидеров с колониальной властью. Лояльность по отношению к англичанам в среде конгрессистов практически исчезла. Было четко осознано, что интересы индийцев и англичан расходятся. В движение впервые включились довольно широкие слои индийского городского населения. Произошло «пробуждение Индии», каким бы ни было оно тогда ограниченным.

С другой стороны, та же борьба проложила грань, которая оказалась впоследствии непроходимой, между основными религиозными общинами Индии. Раздел Бенгалии, вызвавший столь эмоциональный и активный протест со стороны индусской общины, мусульманами, особенно бенгальскими, воспринимался иначе. Они увидели в создании «мусульманской» провинции шанс усиления своей политической роли, развития своей культуры и даже улучшения материального положения. Дело в том, что в Восточной Бенгалии помещиками были индусы, а их арендаторами — главным образом мусульмане. Угроза положению *заминдаров*, проглядывавшая в акте раздела, могла только радовать крестьянские мусульманские массы. Национальный конгресс, отстаивая единство Бенгалии, вольно или невольно встал на сторону индусских *заминдаров* против крестьян. Мусульмане осознали, что для ИНК интересы *заминдаров* ближе, чем интересы мусульман. Причем индусская интеллигенция, считавшая себя *общиндийской*, этого даже не заметила. Индийские мыслители начала XX в. совсем не были настроены против мусульман. Они просто не придавали им значения. Современный историк пишет, что кампания против раздела Бенгалии «в конечном счете нанесла ущерб общенациональным интересам». Считается, что раздел Бенгалии был задуман англичанами для того, чтобы расколоть национальное движение по конфессиональной линии. Если это и так, то следует признать, что наиболее негативную роль сыграл в этом отношении не сам по себе раздел, а борьба против него.

Мусульманская интеллигенция спешила воспользоваться возможностями, которые ей предоставило создание новой провинции. В ней увеличился прием мусульман на административную службу. В 1906 г. в Дакке, столице Восточной Бенгалии, была создана Мусульманская лига — партия, занявшая в тот момент отчетливую верноподданническую позицию. Первоначально она представляла собой верхушечную организацию мусульманской, главным образом традиционной элиты во главе с духовным вождем секты исмаилитов Ага-ханом. Основные пункты программы новой партии формулировались так:

- 1) развивать среди мусульман Индии чувство лояльности в отношении британского правительства;

- 2) защищать и развивать политические права мусульман;
- 3) предотвращать возникновение у мусульман Индии каких-либо враждебных чувств в отношении иных общин без ущерба другим целям Лиги.

Последний пункт показывает, что на первых порах конфронтация с индусами не входила в планы создателей Мусульманской лиги. Сотрудничество между политическими движениями различных конфессиональных общин было вполне возможным, что и показали последующие события.

Однако для наиболее ортодоксально настроенных индусских деятелей само появление самостоятельного мусульманского политического движения представлялось угрозой. В ответ на него стало развиваться индусское коммуналистское движение. В декабре 1906 г. возникла фундаменталистская индусская организация «Шри Бхарат Дхарма Мандал» («Круг дхармы благородной Индии»), а затем более массовая политическая организация «Хинду Махасабха» («Великое собрание индусов»), которая стала претендовать на роль политической партии, отражающей интересы индусов. Тогда же возникла «Ананда Марг» («Дорога радости») — сектантская организация, провозгласившая целью защиту интересов индусов всеми средствами, включая насильственные. Результатом деятельности этих организаций стали кровавые индусско-мусульманские столкновения в 1907 г.

С конца XIX в. в Индии стали появляться подпольные революционные организации, ставившие своей целью вооруженную борьбу с колониальным режимом. Подъем национального движения в 1905–1908 гг. создал благоприятную обстановку для усиления их активности. В Бенгалии действовали общества «Анушилон шомити» (вскоре расколовшееся на западнобенгальское с центром в Калькутте и восточнобенгальское с центром в Дакке) и «Джугантар» («Новая эра»). Видными революционерами в Бенгалии были Ауробиндо Гхош (1872–1950) и Бхупендранатх Датта (брат Вивекананды). В Панджабе во главе группы террористов стоял Хар Дайял. В Бомбейской провинции действовала организация братьев Саваркаров «Абхинав Бхарат» («Молодая Индия»). Наиболее известным стал впоследствии младший из братьев, Винаяк Дамодар.

Общества требовали от своих членов полного самопожертвования в борьбе за свободу и строжайшей дисциплины. Они рассматривали свою деятельность как религиозную и нередко понимали *сварадж* не как независимость, а как возврат к древнему величию Индии. Члены «Анушилон шомити» давали клятву верности организации, стоя перед статуей богини Кали с «Бхагават-гитой» в одной руке и револьвером — в другой. В подпольных организациях принимали участие в основном выходцы из высших каст. Так, из 186 революционеров, осужденных английскими судами за период с 1907 по 1917 г., 152 человека принадлежали к кастам брахманов и каястхов. Организаций было много, они поддерживали между собою связь, но действовали несогласованно. Основным методом их борьбы был индивидуальный террор против «изменников» и некоторых английских чиновников. Большинство их акций заканчивались неудачно. После 1908 г. колонизаторам удалось подавить подпольное террористическое движение. Участники террористических организаций, в том числе В.Д.Саваркар, получили суровые приговоры. Создание волонтерских организаций Национального конгресса было запрещено. В 1910 г. произошло ужесточение закона о контроле за печатью.

Наряду с репрессиями колонизаторы использовали также метод уступок. В августе 1907 г. два индийца, индус и мусульманин, были введены в состав совета при министре по делам Индии в Лондоне. В 1909 г. был принят новый Закон об управлении Индией, который в литературе получил название реформы Морли–Минто. По этому закону при генерал-губернаторе создавался Имперский законодательный совет из 68 членов, из них лишь 25 попадали туда в результате процедуры, напоминавшей выборы. Избираемая часть Совета состояла из 12 делегатов от провинциальных законодательных советов: 6 — от курии землевладельцев, 4 — от торговых палат и по одному — от муниципалитетов Калькутты, Бомбея и Мадраса. Среди избираемых депутатов не менее шести должны были быть мусульмане. Совет получил право обсуждать бюджет и принимать резолюции по нему и другим вопросам, за исключением вопросов, касающихся армии, внешних сношений и вассальных княжеств. Эти резолюции не были обязательными для исполнения правительством, а носили характер рекомендаций. Индус (Сатьендра Прасанна Синха) был назначен в центральное правительство, были введены также по одному индийцу в правительства Бенгалии, Мадраса и Бомбея.

Законодательные выборы в провинциях также были расширены, и в них вводилось большинство избираемых членов. Все выборы были не прямыми, а двух-трехступенчатыми. Высокие имущественные и образовательные цензы ограничивали число избирателей 5–6 тысячами.

Таким образом, реформы Морли–Минто «демократизировали» лишь фасад автократического колониального режима. Вся власть оставалась в руках британского правительства и бюрократии, преимущественно английской по составу.

Наиболее серьезным и противоречивым по последствиям новшеством стало введение куриальной системы, обеспечивавшей некоторые преимущества для мусульманской верхушки. Имущественный ценз для избирателей-мусульман был установлен более низкий, чем для индусов. Это объяснялось тем, что в общем мусульмане обладали меньшими капиталами, чем индусы. Для мусульман были зарезервированы 10,7% мест в Панджабе и 25% — в Бенгалии. Это было меньше, чем доля мусульман в населении двух провинций, но больше, чем они смогли бы получить в случае прямых выборов.

В период подготовки реформы конгрессисты приветствовали ее как «великий шаг вперед», однако после принятия закона они испытали разочарование. Вопреки их ожиданиям, не было введено избираемое большинство в Имперском совете, он не получил права контроля за бюджетом, выборы не были прямыми. Введение куриальной системы особенно возмутило либералов, которые рассматривали ее как уступку реакционным мусульманским кругам и попытку расколоть национальное движение. Не удовлетворила реформа и тех мусульман, которые к тому времени вошли в политическую жизнь в составе Мусульманской лиги. Они требовали резервирования за ними процента мест, равного доли мусульман в населении провинций.

Все же реформа, как и репрессивные меры, привела к установлению определенного спокойствия. Годы между 1908-м и началом Первой мировой войны можно рассматривать как период консолидации колониального режима. Казалось, что англичане справились с основными проблемами и их власть незыблема как никогда.

Демонстрацией незыблемости стал визит в Индию (впервые в истории) английского короля (одновременно — императора Индии) Георга V в 1911 г. В этом последнем качестве он был коронован в Дели на пышном съезде всех вассальных князей (*дарбаре*). На приеме он объявил, что столица Британской Индии переносится из Калькутты в Дели и что раздел Бенгалии отменяется. На месте провинций Западная и Восточная Бенгалия учреждались три: Бихар-Орисса, Бенгалия и Ассам. Вскоре индийским офицерам было облегчено продвижение по службе, им разрешили получать английские военные награды и ордена.

Вице-король лорд Хардинг провозгласил «политику умиротворения». Он вернулся к «керзоновской» тактике «защиты индийских интересов» в Британской империи. Так, он публично критиковал Закон об иммиграции, принятый южноафриканским правительством и имевший антииндийскую направленность, и выражал сочувствие движению против этого закона под руководством М.К.Ганди. Он настоял на включении индийцев в комиссию по расследованию действия этого закона и, когда закон был отменен, стяжал лавры защитника индийцев. Его популярность в Индии и уверенность англичан в прочности своей власти были столь велики, что во время Первой мировой войны они вывели из страны и отправили на фронт почти все английские и значительную часть сипайских войск.

Однако подспудно происходила такая перегруппировка сил, которая вскоре после войны поставила колонизаторов перед практически неразрешимыми проблемами. Если покушение на Хардинга в 1912 г., когда он официально въезжал в новую столицу, Дели, можно считать случайным эпизодом, то процессы в политических партиях были гораздо серьезнее.

Прежде всего, англичане стали терять свои позиции среди мусульман. Если справедливо мнение, что англичане проводили в Индии политику «разделяй и властвуй», то следует признать, что в 1911–1914 гг. они потеряли все плоды этой политики. Отмену раздела Бенгалии можно рассматривать как победу ИНК и тем самым национально-освободительного движения в целом. Конгресс именно так это и расценил. Но для мусульман подобное решение было «самой позорной изменой в истории индийской [британской] политики», как выразился один из видных лидеров ИНК Мухаммед Али (1878–1931). В целом политика Великобритании на Востоке, недружественная в отношении мусульманских стран, производила на мусульман отталкивающее впечатление. Увидев, что мусульмане не могут положиться на англичан, Лига стала дрейфовать в лагерь национально-освободительного движения, записав в свою программу в 1912 г. пункт о «стремлении добиться конституционными средствами решительного реформирования существующей системы управления». К руководству в Лиге пришли новые люди, некоторые из них были одновременно членами Конгресса. В 1913 г. Лига конкретизировала, какого именно «изменения системы управления» она хотела бы: был выдвинут лозунг предоставления Индии статуса доминиона. Таким образом, программные установки Конгресса и Лиги стали по существу идентичными.

Консолидировался и Конгресс. Начали восстанавливаться связи между «умеренными» и «крайними». «Крайние» стали отказываться от насильственных методов борьбы, а «умеренные» усвоили уроки массовых движений. В 1912 г. был принят новый устав Конгресса. Впервые были разработаны правила избрания делегатов

на ежегодные сессии. Целью было провозглашено «достижение самоуправления в составе Британской империи конституционными средствами».

Начало XX в. ознаменовалось дальнейшим развитием индийской промышленности. В 1914 г. в Индии было уже 260 текстильных фабрик с 6 млн. веретен и 100 тыс. ткацких станков. К 1911–1912 гг. местные ткани заняли 46% в потреблении. Во время Первой мировой войны, в 1916–1917 гг. стоимость проданных на рынке местных тканей впервые превысила стоимость импортных. Протяженность индийских железных дорог составляла в 1911–1913 гг. 26,2 тыс. миль. Создавались и другие отрасли промышленности. За 1900–1914 гг. число акционерных компаний, зарегистрированных в Индии, выросло с 1360 до 2552. Их оплаченный капитал увеличился с 362 млн. до 721 млн. рупий. Появились и частные коммерческие банки, принадлежавшие индийцам. Знаковым стало основание Джамшетджи Татой, вопреки сопротивлению колониальных властей и бойкоту со стороны английского капитала, металлургического завода в Джамшедпуре в 1911 г. В 1915 г. он же построил первую гидроэлектростанцию.

К началу Первой мировой войны численность наемных рабочих в ценовой промышленности достигла 1 млн. человек.

Укрепление позиций национальной буржуазии в экономике страны и количественный рост рабочего класса сыграли свою роль в последующем подъеме национально-освободительного движения.

В период правления премьер-министра Бира Шамшера (1885–1901) Непал, ослабленный борьбой внутри правящего семейства, полностью превратился в полуколонию Великобритании. Раздоры в среде Рана позволяли вмешиваться во внутренние дела страны и закреплять проанглийскую ориентацию ее правящих кругов, от которых английские покровители требовали избегать кровопролития в ходе дворцовой борьбы.

Непал интересовал англичан как источник пополнения колониальной армии. В начале XX в. в англо-индийской армии имелось 10 гуркхских полков общей численностью около 25 тыс. человек. Ежегодно в них набиралось 1500 новобранцев. Гуркхи участвовали во всех войнах, которые вела Британская империя, а также в подавлении восстаний в ее колониях. Колониальные власти Индии были заинтересованы в Непале также в качестве поставщика сырья, в первую очередь леса. В связи с открытием торгового пути из Индии в Тибет через Сикким Непал потерял роль торгового посредника. Со своей стороны, Шамшеры рассматривали колониальную администрацию Индии в качестве основной опоры своей власти. Непал демонстрировал полную поддержку политики Англии в Азии, в частности, проявлял понимание озабоченности англичан «русской угрозой». В 1904 г. Непал полностью поддержал английскую военную экспедицию в Тибет.

После 1885 г. проявились признаки стагнации непальского общества. Некоторые историки справедливо говорят о «загнивании непальского феодализма», в силу конкретных исторических причин достигшего предела своего развития. В конце XIX — начале XX в. не происходило качественных изменений в сельском хозяйстве. Ремесло переживало упадок, вызванный конкуренцией с импортными товарами. Отсутствовали какие-либо признаки развития собственной промышленности. Не было условий для первоначального накопления капитала и формирования торгово-промышленного городского слоя, города приходили в упадок. Все большую роль в торговле играли индийские торговцы — *марвари* и *агравала*. В этот период руками индийских переселенцев происходило освоение тераев. В связи с активным железнодорожным строительством в Индии возросла потребность в шпалах, поэтому индийские подрядчики организовали в Непале заготовку и вывоз леса. За счет экспорта терайского риса и леса в 90-х годах Непал имел положительное сальдо в торговле с Индией. Однако большая часть экспортных доходов шла на личное потребление Рана. Значительную часть импорта составляли предметы роскоши.

До 1885 г. в Непале проявлялись две противоречивые тенденции: первая — постепенное превращение земельных наделов в частную собственность, вторая — усиление государственного контроля над всеми видами собственности.

После 1885 г. обе тенденции слились в одну, поскольку владельцы прав на землю, все более приобретающих черты частной собственности, были представителями семьи, не только управлявшей, но и владевшей всем государством как частной собственностью. Рана непосредственно владели огромным земельным фондом на правах *бирта*. Кроме этого, они получали доход от монополии на торговлю некоторыми видами товаров и от различных поборов и подношений. Из годового бюджета страны в 40 млн. рупий 30 млн. шло непосредственно на содержание членов правящего семейства. Имея огромные средства, Рана не вкладывали их в развитие страны, а переводили в иностранные банки или тратили на поддержание роскошного образа жизни.

Вокруг Рана постепенно складывался слой клиентских семей. Патронатно-семейные отношения, носившие наследственный характер, именовались *чакари*. Высокопоставленный патрон набирал чиновников в подведомственный департамент из числа клиентуры. Клиенты часто становились откупщиками. Иногда они назначались главами административных единиц, границы и названия которых периодически менялись.

В конце XIX — начале XX в. страна переживала глубокий экономический кризис. Это выразилось в сокращении населения. С 1911 г., когда была проведена первая перепись, по 1920 г. население страны уменьшилось на 64 960 человек при общей численности около 6,5 млн. Отчасти депопуляция может быть объяснена потерями в Первой мировой войне. Однако известно, что многие гуркхи после отставки оставались в Индии в расчете найти какую-нибудь работу. Убыль населения отмечалась и в последующие годы. Во многом она объясняется переселением непальцев в Индию, Сикким и Бутан. Основной поток переселенцев, как и в предшествующие столетия, направлялся с запада на восток. В начале XX в. в Восточной Индии, Сиккиме и Бутане проживало 2 млн. непальцев. Дарджилинг стал одним из важных культурных и политических центров индийских непальцев.

В связи с ростом числа членов правящего семейства (в начале XX в. Рана насчитывали 70 семей) в период правления Чандра Шамшера (1901–1929) все Рана были разделены на три класса: А, В и С. В основу деления был положен принцип родовитости. В класс А включались Рана, породнившиеся с родом Шах. Рана классов В и С являлись потомками от браков Рана с чхетри и представительницами племен, а также незаконнорожденные. Рана А, в свою очередь, распались на несколько семейных групп. В рамках Рана воспроизводились кастовые стереотипы, свойственные непальской кастовой системе. Рана А могли занимать высшие государственные посты, в том числе пост премьер-министра. Рана В и С считались «провинциальными господами», они могли назначаться губернаторами дистриктов, начальниками местных гарнизонов и чиновниками среднего уровня. Деление Рана на три класса вносило определенный порядок во взаимоотношения внутри семейства, однако таило угрозу раскола и изоляции правящей группировки. Несмотря на паразитизм и непрерывную борьбу за власть, Рана вплоть до Первой мировой войны пользовались поддержкой большинства непальских феодалов и крестьянства. Недовольство накапливалось в среде некоторых местных элит и крестьянства тераев. В жесткой оппозиции правительству Рана находились представители господствующего класса, лишённые земель и

РАССЕЛЕНИЕ НАРОДОВ НЕПАЛА НА РУБЕЖЕ XIX и XX в.

постов, жившие в эмиграции и не имевшие связи с родиной. В стране же не отмечалось каких-либо антиранистских выступлений.

Правление Рана ознаменовалось застоєм в области образования, поэтому режим Рана стал для непальцев синонимом обскурантизма. Строгая самоизоляция страны, направленная на предотвращение проникновения в Непал свободомыслия, сдерживала развитие культуры. В стране практически отсутствовали школы и больницы, в то же время Рана тратили огромные средства на строительство роскошных дворцов. В их декоре проявилась свойственная непальской элите склонность к подражательству и эклектике.

Рана не заботились о сохранении культурного наследия. Например, были утрачены богатые и самобытные традиции непальской архитектуры. XIX век стал плодотворным для непальской поэзии, большинство поэтов были *брахманами*. Творчество Бханубхакты Ачарьи (1814—1868) стало важным этапом в развитии непальской литературы и в становлении литературного языка непали (он прославился прежде всего поэтическим переложением «Рамаяны» на язык непали). Название «непали» утвердилось в начале XX в., до этого старый непали именовался «кхас-кура», «горкхали» или «парбате». Примерно в это же время за общенепальским государством окончательно утвердилось название «Непал». В конце XIX в. среди немногочисленных образованных непальцев появились ростки национального самосознания.

Несмотря на преследование любого инакомыслия, в Непале и в еще большей степени среди непальских эмигрантов в Индии стали распространяться идеи просветительства, несшие определенный антиранистский и антифеодальный заряд. Непальское просветительство возникло под влиянием индийской общественной мысли. В 1896 г. М.Р.Джоши создал непальское отделение индийского общества «Арья Самадж». В начале XX в. Д.П.Сапкота начал издавать в Бенаресе журналы «Горкхали» («Гуркх») и «Джанмабхуми» («Родина»). В Непале и Индии началось издание и других журналов просветительской направленности. На страницах изданий, выходивших в Непале, критика Рана обретала формы причудливых и сложных иносказаний. В изданиях, выходивших в Индии, протест приобретал более конкретный характер. Количество изданий и тиражи были невелики. Круг авторов, как и круг читателей, — узок.

Идеи просвещения и прогресса не были чужды некоторым представителям Рана. Среди них были меценаты и сторонники реальных реформ. Склонность к гуманитарным реформам проявил Дев Шамшер (правил несколько месяцев в 1901 г.). Бир Шамшер начал строительство водопровода в Долине Катманду, основал библиотеку, разрешил проведение археологических исследований в Лумбини, предполагаемом месте рождения Будды. В начале XX в. была проведена подготовка к отмене рабства (оно было отменено в 1924 г.). Началось издание газеты «Горкхпатра». В Непале появились первые небольшие гидроэлектростанции и первый синемаграф. Однако Непал оставался отсталым, изолированным государством, его правящая элита тормозила развитие страны.

После получения известия о начале Первой мировой войны премьер-министр Чандра Шамшер посетил британскую резиденцию и заявил о готовности предоставить в распоряжение Англии все военные ресурсы Непала. Официально Непал

не принимал участия в войне. Однако в составе англо-индийской армии на разных фронтах воевало 200 тыс. непальских гуркхов, 20 тыс. из них погибли. Более 16 тыс. солдат регулярной непальской армии в период войны несли гарнизонную службу в Индии. Первая мировая война дала толчок к идеологическому и организационному оформлению антиранистского движения.

ЦЕЙЛОН В ЭПОХУ
ПРОБУЖДЕНИЯ АЗИИ

В первое десятилетие XX в. стоимость экспорта цейлонского чая возросла до 163 млн. ф. ст. в год. Ключевые позиции в его производстве и экспорте продолжал занимать английский капитал. С конца XIX в. на Цейлоне стали развиваться каучуковые плантации, в 10-е годы XX в. занимавшие площади в 148 тыс. акров, при объеме экспорта 49 млн. ф. ст., а также плантации кокосовой пальмы, общая площадь которых равнялась 413 тыс. акров. В начале XX в. продукты кокосовой пальмы составляли 24% общего объема экспорта по стоимости. Часть кокосовых и каучуковых плантаций принадлежала местному капиталу. Его представители делали инвестиции в производство так называемых второстепенных экспортных культур, таких, как арековая пальма, табак, шоколадное дерево, цитронелла. Такая же иерархия соблюдалась и в обрабатывающей промышленности: фабрики по переработке чая и других важнейших плантационных культур находились в руках английских предпринимателей, местные же капиталы вкладывались, как правило, в мелкие текстильные и пищевые предприятия, в добычу графита и драгоценных камней.

В отличие от британских плантаторов, предпочитавших нанимать на свои плантации сезонников-иммигрантов из Южной Индии, цейлонские плантаторы использовали местную рабочую силу. Экономические «сферы влияния» британского и местного капитала были разграничены, и нарушение установившихся границ редко имело место. К началу XX в. доля трех важнейших плантационных культур — чая, каучука и продуктов кокосовой пальмы — во всем экспорте страны составила около 90%. Узкая специализация экономики на производстве нескольких видов сельскохозяйственной продукции прочно привязывала Цейлон к мировому рынку, обуславливая зависимость его развития от колебания цен на важнейшие экспортные и импортные товары.

Многоукладная структура колониального цейлонского общества обусловила многообразие движений социально-политического протеста. Так, для цейлонского крестьянства, а также оппозиционно настроенных представителей традиционной кандийской землевладельческой знати наиболее характерной формой общественного протеста явились вооруженные восстания, направленные на восстановление власти кандийских царей. Представители местной пробританской элиты, заинтересованные в получении максимальных прибылей в условиях британского правления, возглавили так называемое движение за конституционные реформы, получившее распространение в наиболее развитых в политическом и экономическом отношениях западных и юго-западных районах Цейлона. Вплоть до последней четверти XIX в. движение носило верхушечный характер и идейно вдохновлялось либерально настроенными английскими плантаторами и группой

цейлонцев из среды бюргеров (лиц смешанного европейско-цейлонского происхождения) и европеизированной прослойки цейлонской элиты.

Торгово-предпринимательская сингальская, тамильская и мусульманская прослойка приняла активное участие в движениях религиозно-общественного протеста под лозунгами возрождения буддизма, индуизма и ислама. Эти движения носили антиколониальный и антихристианский характер и обладали общей тенденцией к приспособлению религий к условиям современности. Их отличал культурно-просветительский характер. Движение в защиту индуизма получило распространение в Северной провинции, где сосредоточивалась основная часть тамильского населения. Мусульманское движение локализовалось на востоке и северо-востоке, где проживало большинство мавров, а также частично в районе Коломбо. Буддийское движение, наиболее массовое и организованное, охватило практически все районы острова. Представители буддийского духовенства приняли в нем активнейшее участие.

Религиозно-националистические движения сыграли заметную роль в становлении национального образования, прессы, литературы, росте грамотности, создании общественного мнения. Методы, бравшиеся на вооружение религиозными реформаторами и просветителями (дебаты, митинги, публичные лекции, в ходе которых вырабатывался разговорный язык, доступный массам), были использованы на дальнейших этапах развития национально-освободительной борьбы и становления партийно-политической системы.

Несмотря на обособленность этих трех движений, в последней четверти XIX в. намечается тенденция к их сближению. За мирные отношения между различными этноконфессиональными общинами выступали поначалу практически все крупные представители сингало-буддийского национализма. Некоторые тамилы-индуисты вкладывали свои средства в движение буддийского протеста. Когда цейлонской образованной элите было предоставлено право посылать собственного представителя в Законодательный совет (место «образованного цейлонца»), его занял тамил.

Однако рост просингальских и протамильских националистических настроений на острове в последней четверти XIX в. возобладали. Влияние религии способствовало замедленному восприятию современных национально-освободительных идей. Процесс объединения буддийского, индуистского и мусульманского движений протеста в единое общецейлонское был сложным, медленным и остался незавершенным.

Сингальские националисты противопоставляли буддистов индуистам и мусульманам. В тяжелом положении сингальского народа обвиняли не только колонизаторов, но и другие народы, населявшие остров. Сингальские лидеры претендовали на ведущее положение в цейлонском национально-освободительном движении и объявляли буддизм главной религией Цейлона на том основании, что сингалы являются самыми первыми поселенцами острова и составляют большинство населения. Изначально свойственная буддизму «открытость» в отношении других религиозных систем сменилась их неприятием. Борьба с христианскими миссионерами и проводимой колониальными властями политикой христианизации трансформируется в борьбу с местной христианской общиной, представленной не только принявшими христианство неофитами — сингалами и

тамилами, — но и этническими группами бюргеров и евразийцев, возникшими за период длительного колониального господства европейских держав, для нескольких поколений которых христианство стало «родной» религией.

Усилению этноконфессиональной конфронтации способствовала и дифференцированная политика британской администрации в отношении различных религиозных общин, приводившая к их разобщению. Как и в соседней Индии, где развитие национально-освободительного движения привело в конечном счете к усилению противоречий между индусами и мусульманами и к конфессионализации общественного сознания, так и на Цейлоне противостояние двух ведущих этноконфессиональных групп — сингалов-буддистов и тамиллов-индуистов — имело тенденцию к последовательному возрастанию.

Религиозная мотивация формирующегося движения за независимость привнесла элемент этноконфессиональной конфронтации и в возникающую партийно-политическую систему. Антифоринистские выступления перекликались с националистическими утверждениями о том, что только сингалы являются детьми Ланки. Религиозная форма явилась наиболее удобной для выражения национальной розни, скрывающей истинные корни конфликта, кроющегося в социально-экономических противоречиях между различными этническими группами (деление населения Цейлона по религиозному признаку почти полностью соответствует этническому составу). Мусульмане-мавры, занимавшиеся в основном торгово-ростовщической деятельностью и наживавшиеся за счет поднятия цен на продовольственные товары, вызывали недовольство населения, зависевшего от них, а также сингалских торговцев и лавочников, видевших в них своих более удачливых конкурентов. Сингалские городские и плантационные рабочие были резко настроены против тамильских сезонных рабочих, которых хозяева предпочитали как более дешевую рабочую силу, и не раз открыто выражали свой протест. Буддийские торгово-предпринимательские слои были враждебны как британскому капиталу, так и капиталу национальных меньшинств.

Растущие шовинистические настроения сингалских националистов, среди которых было немало представителей различных подразделений буддийской сангхи, привели к возникновению на рубеже XX в. крайне националистического движения под руководством Мунидасы Кумаратунги, направленного на создание «чисто сингалского общества» на Цейлоне и явившегося основой для позднейшего оформления таких просингалских партий, как «Синхала бхаша перамуна» («Сингалский языковой фронт»), «Эксат бхиккху перамуна» («Объединенный фронт бхиккху»), «Джатика вимукти перамуна» («Национальный освободительный фронт») и др.

Рост коммунизма, поддерживаемого английскими властями, находил выражение в частых столкновениях между сингалами и тамилами и между сингалами и маврами. Конфликт между буддистами и мусульманами привел к тому, что мусульманская буржуазия открыто стала на сторону колониальных властей и выступила против передачи власти в руки цейлонцев. Лишь в 40-е годы XX в. мусульманские лидеры поддержали общецейлонское требование предоставления стране самоуправления. Обострение противоречий между сингалами и тамилами способствовало созданию в Джафне самостоятельной тамильской организации «Тамил махаджана сабха» («Собрание великих тамиллов»), основным требовани-

ем которой стало сохранение принципа общинного представительства и увеличения числа тамильских мест в Законодательном совете. В последней четверти XIX в. усиливаются разногласия и между тамилами и маврами. Последние выступают с требованием выделения отдельного места в Законодательном совете цейлонским маврам и прекращения существовавшей практики представительства их интересов в этом органе государственной власти тамилами.

В 80-е годы XIX в. на острове развернулась бурная дискуссия о происхождении мавров, как называли всех мусульман Цейлона. Часть представителей мусульманской общины отстаивала точку зрения об арабском происхождении цейлонских мавров, которые будто бы являются потомками хашимитов, покинувших Аравию в VII в. и частично осевших на Цейлоне. Другая же ее часть стояла на позициях южноиндийского происхождения мавров, которые, согласно этой версии, представляли собой выходцев из Тамилнада, принявших ислам. Эта дискуссия не была умозрительной, а носила сугубо практический характер. В основе поисков «арабских корней» происхождения цейлонских мавров лежало их стремление обособить себя от тамильской общины острова.

Созданный в 1833 г. Законодательный совет не включал отдельного представителя мусульманской общины. Британские колониальные власти сочли достаточным, чтобы интересы мусульманской общины в высшем законодательном органе власти представлял тамил. Только в 1889 г. Законодательный совет был реорганизован, и в него был введен представитель мусульман. Сингальские националистические круги участвовали в дискуссии, поддерживая версию арабского происхождения мавров. Сингало-буддийская община была заинтересована в такой позиции для ослабления своих основных антагонистов — тамиллов. Радикально настроенные сингальские лидеры использовали ее также для обоснования требований депортации мусульман с острова, как не имеющих никаких генетических связей с народами Южной Азии.

На рубеже XIX–XX вв. на Цейлоне возник ряд политических организаций, представлявших интересы капитализирующихся слоев. В 1905 г. была создана Цейлонская лига социальных реформ под руководством Ананды Кумарасвами. Требования этой организации носили умеренный характер и сводились к увеличению представительства цейлонцев в Законодательном совете и замене назначения неофициальных членов по общинному принципу их выборностью на территориальной основе. Цейлонская лига социальных реформ, объединявшая как мирских активистов буддийского движения, так и монахов, была нацелена на разработку новых форм социальной организации, которые способствовали бы развитию цейлонского общества на основе традиционных институтов, модернизированных в соответствии с требованиями времени. Современное общество должно было базироваться на общинной организации, социальном равенстве и имущественном равноправии, воспроизводя структуру ранней буддийской общины, «воплощения идеи демократии». В программе общества отчетливо проявились не только антиколониальные, но и антикапиталистические тенденции, нашедшие отражение в идее Ананды Кумарасвами о создании общества мелких производителей, свободных от гнета крупного капитала. Система крупного капиталистического предпринимательства была несовместима, по его представлению, с буддийскими идеалами.

Опыт современной Европы играл заметную роль в процессе становления идеологии буддийского национализма и выработки политической программы. Идеологи движения в защиту буддизма были знакомы с работами европейских ученых, мыслителей, политиков. Многие из них, например Анагарика Дхармапала, неоднократно бывали в Европе и Америке, и полученные там впечатления непосредственно отразились на их взглядах и мировосприятии. Политическая и общественная практика Европы и США не могла не оказать влияние на формирование представлений о государственном устройстве общества и политических идеалах. Однако идеологи буддийского национализма в большей степени опирались на традиционные представления, трансформированные ими применительно к новым условиям. В силу антиколониальной направленности движения и стремления к выработке языка, способного выразить современные понятия и доступного массам, они старались свои взгляды и концепции, во многом сформированные под воздействием западного опыта, обосновывать буддийской исторической традицией.

Стремясь породить у местной буржуазии иллюзию участия в управлении страной, английские власти пошли на ряд политических уступок. В 1910 г. была осуществлена реформа Законодательного совета (реформа Маккаллума), закрепленная конституцией 1912 г. Согласно реформе, число членов совета было увеличено до 21 человека с сохранением большинства за официальными членами (11 против 10 неофициальных). Шесть официальных членов (2 равнинных сингала, 2 тамила, 1 кандийский сингал, 1 мавр) назначались генерал-губернатором, сохранявшим всю полноту власти, 4 — избирались на основе высокого имущественного и образовательного ценза. В число избираемых членов входили 2 европейца, 1 бюргер и 1 «образованный цейлонец».

Сохранение принципа общинного представительства в Законодательном совете привело к тому, что дальнейшее развитие движения за конституционные реформы пошло по пути борьбы различных этнических, конфессиональных и кастовых групп за увеличение своего представительства в этом органе государственной власти. Вступление Цейлона в XX век было отмечено обострением межобщинной розни среди сингалов, тамиллов и мавров.

Сингалские политические организации также не были едиными. Внутри них кипела борьба между равнинными и кандийскими сингалами, а также между гоигамой и представителями среднестатусных кастовых групп. В целом антиколониальные движения на Цейлоне были разобщены и незрелы. К началу XX в. тенденция к преодолению межобщинной розни не возобладала, а межгрупповые противоречия препятствовали осознанию единства интересов цейлонского общества.

В первое десятилетие XX в. в антиколониальном движении все более отчетливо стали проявляться центробежные тенденции. Рост так называемого среднего класса (за счет втягивания в капиталистическое предпринимательство все новых слоев населения) и усиление его позиций приводили как к обострению конкуренции между различными религиозными, кастовыми и этническими группами внутри его, так и к возникновению трений между средними слоями, стоявшими на позициях религиозного возрожденчества, и пробританской элитой, участвовавшей в движении за конституционные реформы.

Оба движения — за конституционные реформы и в защиту буддизма, — носившие антиколониальный характер, были в то же время направлены друг против друга: прозападная элита стремилась сохранить свое привилегированное положение, новая буддийская — оттеснить ее с некогда прочных позиций. Соперничество цейлонских элит приняло религиозное и кастовое направление (религиозное — между представителями различных этнических групп, кастовое — между сингалами). Большинство ассоциаций политического характера, возникших на рубеже XIX–XX вв., не представляли интересы всех цейлонцев, а строились по этноконфессиональному или кастовому признаку. Так, основной задачей Цейлонской национальной ассоциации, во главе которой стоял один из крупнейших предпринимателей из касты карава, была борьба не за увеличение общего представительства цейлонцев в Законодательном совете, а за включение в него представителя этой касты. Эта борьба продолжалась вплоть до 1912 г., когда была разрушена монополия гоигама в высшем органе государственной власти и карава получили там самостоятельное место. В 1910 г., когда администрация выделила место в Законодательном совете для «образованного цейлонца», все сингалы-гоигама, входившие в него, предпочли отдать свои голоса за тамила П.Раманатхана, провалив кандидатуру представителя карава М.Фернандо: кастовая рознь оказалась сильнее этнических и конфессиональных разногласий.

Сохранение принципа общинного представительства в Законодательном совете привело к тому, что дальнейшее развитие как борьбы за независимость, так и партийно-политической системы пошло по пути противостояния различных этнических (сингалы, тамилы, мавры, бюргеры), конфессиональных (буддисты, индуисты, мусульмане, христиане) и кастовых групп (гоигама, карава, салагама, дурава — у сингалов).

К рубежу XIX–XX вв. относится зарождение в стране рабочего движения. Основной группой цейлонского рабочего класса были плантационные рабочие тамильского происхождения. Значительная часть портовых и железнодорожных рабочих также была представлена выходцами из Южной Индии. Первые выступления портовых, железнодорожных, муниципальных рабочих, печатников, возчиков произошли в Коломбо в 90-е годы. Незрелость капиталистических отношений, слабость и малочисленность рабочего класса на Цейлоне, его разобщенность национальными, религиозными и кастовыми перегородками, а также тесная связь с буржуазно-националистическими движениями обусловили специфику рабочего движения, носившего не антикапиталистический, а антиколониальный характер, выступавшего под буржуазно-националистическими лозунгами.

В годы Первой мировой войны усилилась эксплуатация Цейлона английским капиталом. После объявления Цейлона воюющей стороной члены Законодательного совета единогласно проголосовали за предоставление дополнительных финансовых средств метрополии. Рост цен на продовольствие и предметы первой необходимости, острая нехватка продуктов питания, прежде всего риса, земельный голод в цейлонской деревне вели к усилению недовольства политикой британских властей, с одной стороны, и к нарастанию противоречий между различными социальными, этническими и конфессиональными группами — с другой. Эти настроения нашли выражение в восстании 1915 г., подытожившем развитие

Цейлона в новое время. В ходе восстания с одинаковой силой прозвучали антиколониальные призывы к объединению представителей всех национальных, религиозных, социальных и кастовых групп острова для борьбы с иностранным господством и одновременно проявилось стремление отдельных общинных группировок использовать восстание в своих узкокорыстных целях, добившись у колониальной администрации экономических и политических уступок за счет общенациональных интересов.

СИАМ В КАНУН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(1905–1914)

По оценкам европейских специалистов, работавших в Сиаме в первое десятилетие XX в., страна по темпам экономического развития обогнала Японию. Она втягивалась в мировое хозяйство благодаря процессу подчинения экономики Таиланда интересам иностранных держав, превращавших страну в экспортера риса, олова, каучука и других товаров, а также за счет маргинального социального слоя предпринимателей и рабочих, формировавшегося китайской иммиграцией, численность которой в первые десятилетия стремительно росла.

Проводя политику адаптации страны к мировому рынку, правительство Сиам в начале XIX в. прибегло к реформам. В частности, в 1908 г. была проведена финансовая реформа — валютная система страны была перестроена по индийскому образцу. Чеканка серебряной монеты — *тикаля* — была прекращена по указу 1902 г., а с 1908 г. был введен твердый золотой стандарт; тикаль был привязан к английскому фунту. Финансовая реформа сопровождалась падением цен на рис внутри страны. «Время, выбранное для перевода на золотую валюту, было самое неудачное, — сообщал из Бангкока в Петербург русский дипломатический представитель. — Торговый баланс не в пользу Сиам, ввоз и вывоз за последние два года уменьшился, а также двухлетний неурожай, все это повело к падению тикаля... соразмерно с падением тикаля цены на жизненные предметы поднялись настолько, что это вредно отозвалось на нищем классе населения... воровство и бродяжничество усилились».

Финансовая реформа открыла дорогу для английских инвестиций в Сиам — в первую очередь в виде займов для сооружения железных дорог. Инвестиции английского капитала были сделаны в лесоразработки тика, в оловодобывающую промышленность. Английский капитал финансировал внешнюю торговлю страны, объем которой после финансовой реформы стал возрастать. 80–85% экспорта из Таиланда шло в страны Британской империи, оттуда же поступало 79% импорта.

Конкурентом Англии в Сиаме в первом десятилетии XX в. стала Германия — особенно в импорте машин и промышленного оборудования, а также хлопчатобумажных тканей. Эффективно выступила Германия в области судоходства: из общего тоннажа иностранных судов, заходивших в порт Бангкок в 1908 г., на английские суда приходилось 19%, на германские — 47%. Значительным стало число германских граждан на постах в управлении железными дорогами, телеграфом и телефоном.

Сказались эти перемены и во внешнеэкономической ориентации тех групп правящего класса, которые контактировали с монархическими режимами Западной Европы. Поскольку позиции России на Дальнем Востоке после поражения в войне с Японией в 1905 г. ослабли, в некотором смысле можно говорить о пере-

ориентации Сиам на Германию. В эту страну направлялось все большее число тайландских граждан для получения военного образования. Как бы демонстрируя новые приоритеты внешней политики, правитель Чулалонгкорн отправился в Европу для участия во второй Гаагской конференции 1907 г. на германском военном суде.

Воспользовалась ослаблением позиций России в Сиаме и Франция: по договору от 23 марта 1907 г. она получила от Сиам камбоджийские провинции Баттамбанг, Сиам-Реап и Сисофон. (Но право экстерриториальности для французских подданных в Сиаме было отменено.) Успехи Франции в Индокитае активизировали английскую дипломатию: по договору 1909 г. к английским владениям в Малайе присоединились султанаты Келантан, Тренггану, Кедах. Общая их площадь составила 40,5 тыс. кв. км с населением 270 тыс. человек.

Надежды на возможность отстоять суверенитет страны возлагались не только на внешнеполитическое маневрирование, но и на распространение идей патриотизма и национализма, приверженцами которых стали молодежь из придворной аристократии и подключившееся к ней буддийское духовенство. «Буддийское духовенство Лаоса, — писал в 1904 г. журнал „Ази франсез“, — изображает правительство Бангкока как вождя и руководителя тайской расы, призванного руководить последней в ее борьбе против европейцев. Мало-помалу правительство Сиама приобщает духовно лао к сиамскому национальному сознанию...»

Идею единой надэтнической нации, включающей и местных китайцев, развивал и правитель Сиам Чулалонгкорн. Он призывал народ не презирать свою культуру, восхищаясь иностранным опытом, но заимствовать из последнего то, что может пригодиться в условиях страны.

Антиколониальная направленность местного национализма была подмечена французской колониальной печатью. «Нам остается надеяться, что пробуждение национального сознания не будет агрессивным», — писал журнал «Ази франсез».

После победы Японии в русско-японской войне местный национализм выразился в том, что, по словам русского дипломатического представителя в Бангкоке, «за исключением короля и двух принцев Сиам поголовно сделался японофилом».

В 1906 г. главнокомандующий тайландским флотом принц Након-Чайси посетил поля сражения в Маньчжурии, после чего в Японии был принят в качестве почетного гостя *микадо*. Однако подписание японо-французского соглашения 1907 г. о взаимной гарантии колониальных владений Японии и Франции в Азии охладило отношение Бангкока к Японии. «...сиамцы относятся теперь к японцам с большим недоверием», — сообщил русский дипломатический представитель.

Движение монархических кругов за отмену неравноправных договоров вдохновлялось «необыкновенно способным и даровитым», по словам русского дипломата, принцем Тагсе. Это движение стимулировалось не только политическим наступлением капиталистических держав, но и быстрым превращением страны в сырьевую пулоколонию.

Под влиянием финансовой реформы произошли важные сдвиги в аграрной сфере: за период 1905–1919 гг. посевные площади по всей стране росли в три раза быстрее, чем население. Активно осваивался под земледелие фонд земель в тех провинциях, через которые прошли железные дороги, проложенные на север

в Чиенгмай и северо-восток страны. В практику вошла сдача земли в аренду для товарного производства фруктов (ананасов) и овощей; овощеводство сочеталось со свиноводством. К 1910 г. в товарном земледелии вокруг Бангкока было занято несколько тысяч сельскохозяйственных рабочих. Граница монокультурного рисоводства и денежные отношения продвигались в новые районы вместе с китайскими скупщиками риса. Однако в деревне не было отмечено роста богатства, появления зажиточных, а тем более богатых крестьянских хозяйств. По словам европейских авторов, наблюдавших жизнь тайской деревни в рассматриваемый период, «средний годовой доход крестьянского хозяйства всего в 300 тикалей, из которых должны быть уплачены налоги, арендная плата и т.п., не может обеспечить рядовому владельцу лучшего положения, чем то, в котором живет в этой стране кули».

После включения в систему мирового хозяйства Сиам превратился в полуколониальную страну с низким уровнем национального дохода. Ее основные товаропроизводящие районы образовывали локальные рынки, включенные в мировое капиталистическое хозяйство. Все возрастающая доля продукции земледелия — в первую очередь риса — уходила на внешний рынок, почти не участвуя во внутреннем обмене. Увеличение производительности крестьянского хозяйства мало изменило его потребительский характер. Денежные доходы — особенно значительные в хозяйствах крестьян центральной равнины — складывались за счет экспорта риса. Товаризация земледельческого рисопроизводящего хозяйства в Таиланде не стала товаризацией производства; земледелие оставалось прежде всего способом существования населения. Поэтому процессы внутренней дезинтеграции перевешивали процессы интеграционные. Дезинтеграция давала себя знать в отсутствии межотраслевых связей, слабом взаимодействии отраслей хозяйства, обслуживавших внутреннее потребление. В земледелии складывалась особая полупатриархальная разновидность мелкотоварного уклада, включенного в мировое капиталистическое хозяйство через посредство ряда промежуточных звеньев — торговых, административно-финансовых, миграционных. А это сказывалось на типе развития мелкотоварного хозяйства — основы локально-земледельческой формы капитализма, которая достраивалась благодаря китайским иммигрантам до национальной его формы.

Иммиграция китайцев в Таиланд шла с территории южных провинций Китая. К 1910 г. она достигла пика: увеличение китайского населения в Таиланде превышало прирост местного населения. В 1910 г. был повышен подушный налог с китайцев, и их иммиграция стала сокращаться, но доля китайцев в населении продолжала увеличиваться за счет детей от смешанных браков — *лук чин*. Китайское население, распадавшееся на несколько диалектных групп, концентрировалось в околостоличном районе, на юге и юго-востоке страны, где складывалось плантационное хозяйство по производству технических культур (каучук) и пряностей (перец). По мере сооружения железных дорог китайское население продвигалось в глубь страны. Дальше других в глубинные районы продвинулись хайнаньцы: они создали местные рынки на самых труднодоступных территориях, построили мелкие судоверфи, ввели в обиход деньги там, где они еще редко употреблялись. В столице, где требовались квалифицированные рабочие, преобладали китайцы из диалектной группы кантонцев. Никогда не покидали морские

порты хэцзяньцы — торговцы, владельцы судов, матросы. Скупка, переработка, экспорт местной продукции стали делом китайских деловых общин. Западные торговые фирмы выбирали богатый китайский торговый дом, знакомый с европейскими методами ведения торговли, для выполнения посреднических операций. Вокруг таких домов местными китайцами создавались торговые объединения — *конги*, в которые входило пять-шесть торговых домов, владевших пароходными линиями, множеством лавок и складов. Налаживалась разветвленная торговая сеть, для каждого звена которой были обеспечены прибыль и быстрая оборачиваемость капитала. Финансировали торговые операции китайские банки. Китайские общины Бангкока оказались владельцами многих торговых домов, банков и крупнейших рисоружек. Главы общин получали местные титулы, иногда занимали посты в государственном аппарате, демонстрируя традиционную норму — единство богатства, морали и власти. Потомки знатных китайских семей и сейчас находятся в числе тайландской элиты, близкой ко двору. Деятельность китайской деловой общины вносила в сиамское общество понятие бизнеса, в том числе концепцию частной собственности. Конфуцианская этика, требовавшая от китайского клана накопления материального достатка, легко приспособилась к буржуазным нормам.

К 1910 г. в Бангкоке, насчитывавшем 700 тыс. жителей, возник пригород Сампенг, населенный по преимуществу китайцами. Здесь размещались магазины китайских торговых фирм, банки, мастерские, строительные конторы, рисоружки, лесопильные предприятия. Китайский капитал из сферы торговли переходил в обрабатывающую промышленность.

Экономический подъем первого десятилетия XX в. — «период грюндерства» — сказался на государственном бюджете Сиам, дал возможность увеличить его доходную часть. На этой основе была закончена реформа в армии: к 1910 г. в ней насчитывалось 10 дивизий, для вооружения были закуплены винтовки системы «Маузер» и горные пушки фирмы Круппа. Руководили реорганизацией армии принц Чира, получивший военное образование в Дании, и принц Питсанулок, прошедший военную подготовку в России. Французская пресса отзывалась о последнем как об очень знающем человеке. В 1911 г. в Сиаме появился первый самолет, доставленный из Франции, куда были направлены три тайских офицера для обучения летному делу.

Развитие местного предпринимательства благоприятствовало укреплению бюрократической структуры, ее модернизации, не приводя к развитию национального капитализма, что сказалось на политическом поведении местных социальных групп. Китайская буржуазия в Таиланде, как и рабочий класс, ощущала себя частью Китая. Проживая в Таиланде, китайцы оставались подданными китайской империи: в соответствии с указом императорского двора в Пекине 1909 г., ребенок, родившийся вне пределов Китая, но имеющий отцом китайца, считался китайцем. Китайская буржуазия Сиам с начала XX в. активно участвовала в антиимпериалистической борьбе, застрельщиком которой выступала буржуазно-помещичья оппозиция в самом Китае. Проводимые в Бангкоке кампании бойкота товаров европейских и японских фирм поражали современников отличной организованностью. В 1905–1906 гг. в Бангкоке был проведен антиамериканский бойкот, в Сингапур и Гонконг было направлено требование не

ввозить в Сиам товары американского производства. «Нигде так ясно, как в Бангкоке, — сообщал в Петербург глава русской миссии, — не проглядывает политическая подкладка всех подобных движений китайских масс. Живя свободно под покровительством азиатского правительства, вдали от давлений пекинской политики и мандаринов, здешние китайцы всегда представляли из себя очаг всех патриотических революционных брожений».

С китайской общиной в Бангкоке была связана деятельность Тунмэнхуэя (Китайского революционного объединенного союза), созданного Сунь Ятсеном в Токио в 1905 г. Союз поддерживали видные лидеры местной китайской общины. С 1906 г. в Бангкоке стала выходить газета «Менам Синбао» («Менамский еженедельник»), поддерживавшая революционные идеи Сунь Ятсена. Правда, затем газета изменила свою ориентацию и стала выступать в защиту маньчжурской династии. С 1907 г. стал выходить другой печатный орган на тайском и китайском языках, пропагандировавший идеи Сунь Ятсена, помогший основать в Бангкоке отделения Тунмэнхуэя. Зимой 1908 г. в Бангкоке побывал Сунь Ятсен, торжественно встреченный местной китайской общиной, открывшей сбор средств в поддержку Союза. В 1908–1911 гг. отделения Союза были созданы в провинциальных городах Сиама. С деятельностью Союза связано основание китайских школ. Китайская буржуазия в Бангкоке оказывала существенную финансовую помощь китайским революционерам в 1909–1911 гг., когда готовилась Синьхайская революция.

Сиам в эти годы стал пристанищем и для вьетнамских революционеров. Их лидер Фан Бой Тяу (1867–1940) эмигрировал в эту страну в 1908 г., здесь он вел большую политическую работу среди вьетнамских и китайских эмигрантов, поддерживал отношения с местным отделением Тунмэнхуэя.

Победа Синьхайской революции была встречена с ликованием местной китайской общиной. В декабре 1911 г. в Гуандун прибыла группа революционеров из Таиланда и Вьетнама, посетившая позднее Нанкин. Она получила заверения в поддержке со стороны временного революционного правительства Сунь Ятсена.

За ходом и успехами революции в Китае следила значительная по численности прослойка *лук чин*, из членов которой формировались низшая бюрократия и интеллигенция. Будущий основатель Народной партии Приди Паномионг, родившийся в 1901 г. в провинции Аюттия в семье торговца из диалектной группы чаочжоуцев, по его словам, «в детстве внимательно следил за событиями Синьхайской революции 1911–1912 гг., возглавляемой доктором Сунь Ятсеном, и особенно за сражениями между императорской и республиканской армиями».

Из этой интеллектуально-профессиональной среды вышли первые местные революционеры, выдвинувшие идею преобразования монархии в Таиланде в республику. Их выступление приурочивалось к 1910 г., когда на трон должен был вступить новый монарх. Готовившая революционный переворот организация руководствовалась радикальными западными идеями, вступавшими в резкий конфликт как с конфуцианством, так и с буддизмом. Число приверженцев новых идей было невелико, и после неудачной попытки переворота в 1912 г. имена революционеров были вычеркнуты из памяти народа официальной пропагандой монархического национализма.

Последний представлял сплав буддийско-конфуцианских и западных консервативных идей. Его идеологом был сам правитель Таиланда — Вачировут (1910–1925). Первым из тайландских принцев он был в 1893 г. направлен для получения образования в Англию, обучался в Оксфорде, служил в британской армии. В период учебы побывал в ряде европейских стран (Франция, Италия, Испания). Был хорошо знаком с европейской литературой, переводил на язык тай произведения У.Шекспира, увлекался театром. В Бангкоке он создал при дворе театральную труппу, в которой сам участвовал. Идеям революционного преобразования общества он противопоставил национализм и патриотизм, разработав понятие нации. Как верховный покровитель буддизма он выступил в защиту освободительных войн. В 1911–1912 гг. — в период Синхайской революции — опубликовал серию статей, в которых доказывал, что революционные пути общественных преобразований не подходят для азиатских стран, им чужды понятия демократии и конституционной формы правления. В предвоенные годы создал много песен, поэм, пьес патриотического содержания. Высоко ценил японский кодекс чести — *бусидо*, основал бойскаутские организации и военизированные организации «диких тигров», через них стремясь поднять воинский дух для борьбы «азиатской расы» с колониализмом.

По словам западных исследователей, Вачировут был странной и противоречивой фигурой. Он впервые сформулировал идеи объединения правителя, религии и нации. Право последней на существование он оправдывал прогрессом и усвоением западных норм жизни. В его позиции нашло отражение опасение перед той ролью, которую играли в жизни страны китайские иммигранты. Он выступил за ассимиляцию последних тайским обществом, осудив революционные идеи, привносимые китайцами, как опасные для существующего порядка. Заслон для «развращающего влияния» Запада он видел в буддизме. Постепенно идеи монархической национальной консолидации становились массовой идеологией, вытесняя на окраины государства миллениаристские концепции и социальные утопии буддийского мессианства.

После начала Первой мировой войны правительство Таиланда, основываясь на III Гаагской конвенции, выступило с декларацией о нейтралитете.

КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ
ЛАОСА ФРАНЦИЕЙ
(1900–1914)

В первые десятилетия XX в. французские власти в Индокитае продолжали корректировать границы Лаоса и его административную структуру. В 1904 г. Франция и Сиа́м подписали договор, по которому к французским владениям в Лаосе были присоединены части Луангпхабанга и Тямпассака, находившиеся на западном берегу р. Меконг. (За это Франция отказывалась от права экстерриториальности для своих подданных в Сиаме.) Так на юге возникла провинция Бассак, губернатором которой в 1905 г. стал потомок правившей в начале XIX в. в Тямпассаке династии. По новому франко-сиамскому договору 1907 г. граница провинции Бассак на западе стала проходить по хребту Дангрек.

Французская администрация Лаоса сосредоточила в своих руках всю судебную власть. Главой судебной администрации Лаоса стал верховный резидент, он назначал судей из числа лаосских чиновников. В провинциях были созданы суды первой и второй инстанций для разбора гражданских и уголовных дел, их председателями стали начальники провинций — французские резиденты. Во Вьентьяне находился верховный суд, председателем которого назначался юрист, а членами — начальник канцелярии верховного резидента и один из высших лаосских чиновников. Однако судебные кодексы были изданы только в 1927 г. Так была ликвидирована традиционная система судопроизводства, основанная на обычном праве и отправлении правосудия местной властью.

В период 1904–1905 гг. окончательно решилась судьба династии Луангпхабанга: править стал принц Сисавангвонг (1905–1959). Столичная знать поддерживала другого претендента на трон — принца Пхетсалата из рода *махаупахатов*. В этой группе знати были очень сильны антифранцузские настроения; чтобы нейтрализовать их, колонизаторы передали Пхетсалату пост премьер-министра, одновременно признав его *чао мыанга* Вьентьяна (1914–1920). Местная администрация стала комплектоваться людьми, лично ему преданными.

В 1915 г. была упразднена королевская казна; в соответствии с конвенцией 1917 г. во владении короля были сохранены дворец с принадлежащими ему службами, земля под дворцом, ритуальные слоны и некоторые леса. По «цивильному листу» в бюджете, который начал составляться с 1915 г. французскими колониальными властями, учитывались расходы королевской семьи: представительства короля, ритуальные праздники, ремонт дворца; общая сумма бюджета равнялась 50 тыс. индокитайских пиастров. Такие же «цивильные листы» имели *махаупахат* (6 тыс. пиастров), *латсавонг* и *латсабут* (по 3 тыс. пиастров).

Французы «упорядочили» финансы Лаоса: с 1914 г. все население с 18 до 60 лет обязано было платить подушный налог в размере от 15 до 20 пиастров

(освобождались *тасэнги*, *найбаны* и солдаты). На Лаос распространили единые для Французского Индокитая налоги: поземельный (с частных земель и плантаций), подоходный, с патентов — на право заниматься торговлей и промышленной деятельностью, косвенные налоги — с торговли опиумом, солью, алкогольными напитками. Лаос являлся крупнейшим поставщиком опиума, торговля им была очень прибыльна, принося колонизаторам огромные доходы. Облагались налогом и владельцы слонов.

Собираемые налоги поступали в общеколонияльный бюджет и частично в бюджет протектората Лаоса. Небольшая доля поступлений выделялась в провинциальные и муниципальные бюджеты.

В 1900–1914 гг. Франция пыталась создать условия для привлечения частных инвестиций в свои колониальные владения. Хотя приток капиталов в Лаос не был широкомасштабным, были заложены кофейные плантации, начато сооружение дорог и портов с использованием труда местного населения, по традиции обязанного выполнять трудовую повинность в пользу государства. Община из органа социальной защиты земледельческого населения долин и горских народов была искусственно превращена в орган мобилизации населения на работы в пользу государства колонизаторов. С использованием такой традиционной формы труда в Лаосе были построены дороги, в их числе дорога от Куанг-Чи до Саваннакета для вывоза оловянной руды. Недра, богатые полезными ископаемыми, стали собственностью французского капитала. Для привлечения в колонии инвесторов организовывались выставки, издавались газеты и журналы, создавались общества по изучению страны, которые знакомили с ее богатствами. Средства на финансирование строительных работ и освоение недр частично покрывались за счет бюджетов Индокитая и протектората.

В начале XX в. Лаос использовался в качестве рынка сбыта промышленных товаров. Во внешней торговле он был привязан к метрополии, так как другие страны не допускались на лаосский рынок. Французские товары продавались в Лаосе по цене на 15–20% выше мировых. Завозимые товары, хотя и низкого качества, подрывали местное ремесленное производство. Использовался Лаос и как источник дешевого производства сельскохозяйственных и естественных продуктов и сырья. Вывозились рис, кукуруза, скот, шкуры, ценные породы дерева — тик, железное, сандаловое, а также лекарственные растения, бензойная смола, кардамон и др.

Французские торговые фирмы в Лаосе были филиалами более крупных объединений, утвердившихся во Вьетнаме. Часть французских капиталов в Лаосе была вложена в речное судоходство, электрификацию и электроснабжение городов.

Колониальные власти вели небольшое капитальное строительство в городах. Лаос был окраиной французских колониальных владений в Индокитае, и его освоению уделялось мало внимания; тем не менее проникновение французского капитала в эту страну нарушило традиционный уклад, в первую очередь горских народов, и вызвало, начиная с первых лет XX в., их противостояние. В 1901 г. начались выступления горцев против принудительных работ и роста налогов. Они охватили провинции Саваннакет, Такек и Сараван, вызвав панику во Вьентьяне. Против восставших, вооруженных примитивным оружием, были двинуты части регулярной армии. В долинных районах восстание было довольно быстро подавлено, но продолжалось в горных районах вплоть до 1907 г.

В 1910 г. на плато Боловент вспыхнуло восстание, в котором приняли участие народности, населявшие горные склоны. Поводом послужили поборы с племен. Руководил восстанием вождь племени лавен Онг Кео, ведущий войну партизанскими методами, т.е. заманивая отряды французских войск в джунгли и там с ними расправляясь, перехватывая обозы с продовольствием и оружием. Блокада французами районов восстания не дала результатов; тогда командование французских отрядов пошло на вероломство: Онг Кео пригласили на «переговоры», во время которых его убили. Но восстание возглавил брат убитого, Онг Каммадан, создавший новые базы сопротивления. Он призвал членов своего племени и других племен, населявших горные склоны, не платить налоги, уклоняться от мобилизации на принудительные работы и службу в армии. Французское командование вынуждено было бросить на борьбу с повстанцами крупные силы и даже авиацию. Лишь в 1936 г. восстание было подавлено.

Одновременно с этим восстанием, в 1914–1916 гг., наблюдалось движение против французов на севере Лаоса (антифранцузские выступления начались в северных районах еще в 80-е годы XIX в.). Руководил восстанием принц из *мыанга* Сингха, после подавления движения бежавший в Китай; его владение было превращено французскими властями в округ.

В 1918 г. началось новое восстание племен в горах Северного Лаоса. Его причиной стала мобилизация населения на выполнение трудовой повинности. Это восстание вскоре перестало носить местный характер и вылилось в общую борьбу с колонизаторами на всей территории Верхнего Лаоса. Для подавления восстания колониальные власти вызвали подкрепления из Ханоя и Сайгона и к 1922 г. сумели его задуть.

В долинах земледельцы, не обращая внимания на приватизацию земли колониальными властями, сохранили архаичный способ свободной заимки земли. Поэтому колониальный Лаос не знал аренды земли крестьянами и крестьянского безземелья. Все это смягчало положение земледельцев, к тому же сохранивших отношения патернализма с местной элитой, выступавшей с националистических позиций; последняя была поддержана буддийским духовенством.

Французская колониальная администрация не развивала в Лаосе системы образования, ограничившись направлением в страну вьетнамских чиновников и специалистов.

Европейское влияние с конца XIX в. сказывалось в архитектуре и искусстве Лаоса. В Луангхабанге и заново отстраивавшемся Вьентьяне появились европейского типа здания вдоль прямых улиц, с магазинами на нижних этажах.

КАМБОДЖА В СОСТАВЕ
ИНДОКИТАЙСКОГО СОЮЗА
(1887–1914)

Камбоджа была включена в состав Французского Индокитая (Индокитайский союз) как протекторат, организация которого была завершена указами 1889–1898 гг. У власти в Камбодже оставался правитель, он издавал законы, которые приобретали силу после утверждения их французским верховным резидентом. Правитель, будучи как бы на службе у французских властей, получал жалованье из доходов протектората. Доходы складывались из налогов, таможенных сборов, государственных монополий.

Правителю подчинялся совет министров из пяти человек, его председателем в соответствии с указом 1897 г. был французский резидент; при последнем создавался совет из высших чиновников протектората. Административный аппарат Камбоджи подчинялся резиденту, последний — губернатору, выполняя все его решения.

К началу XX в. Камбоджа была разделена на 14 провинций, во главе которых также стояли резиденты; им подчинялась местная администрация, состоявшая из большого штата чиновников. Резидент в числе прочих мер устанавливал налоги в своей провинции, следил за их поступлением.

Административно-политические меры, проводившиеся Францией в конце XIX в. в Камбодже, постепенно создававшие колониальное государство, имели целью экспроприацию природных богатств страны — в первую очередь земли и ее недр — у бывших собственников, передачу их французским капиталистам. Но для привлечения в Камбоджу крупных инвестиций требовалось провести ряд экономических мероприятий, открывавших путь в страну французским капиталам. К числу этих мер относилось — помимо экспроприации собственности — создание развитого внутреннего рынка, и прежде всего рынка рабочей силы.

Экспроприация земли в Камбодже была проведена путем захвата колониальной администрацией «свободных» земель, пустошей, а также общинных земель. Экспроприированная земля после проведения кадастра сдавалась в аренду общинникам и могла быть продана новым собственникам. К 1900 г. в Камбодже уже было 15 французских земельных владений, в них обрабатывалось 235 га земли. Это были крупные хозяйства по производству различных сельскохозяйственных культур. Земля новых собственников освобождалась от налогов на первые пять лет.

Становление в Камбодже буржуазных отношений проходило очень медленно. В стране сохранялась традиционная натуральная экономика, постепенно разрушавшаяся товарно-денежными связями. По мере распада общины крестьянин становился единоличным собственником земли, обязанным вносить за нее налог

в денежной форме. Это заставляло крестьян переходить на производство экспортных культур, расширять посевы риса и кукурузы. Местное крестьянство становится зависимым от китайского, индийского, вьетнамского торгово-посреднического капитала.

Отношения собственности на землю постепенно изменялись с помощью тех договоров, которые заключала французская администрация Камбоджи с правителем Нородомом, а затем Сисоватом (1904–1924).

Так, циркуляр от 29 декабря 1897 г. закрепил за правительством Камбоджи право «продажи или бесплатной уступки всех земель королевства с целью окончательно сделать эти земли собственностью их владельцев, а также для того, чтобы создать благоприятные условия для обработки максимального количества земли под посевы риса, постепенно увеличивая богатство земельных собственников, поскольку громадные земельные площади в стране остаются неиспользованными и свободными».

Утверждая в Камбодже права буржуазной частной собственности на землю, французская администрация поставила целью проведение кадастра. 25 апреля 1902 г. был издан указ правителя Нородома, требовавший вывесить в каждой деревне списки владельцев земли с указанием ее количества. Этот указ был проведен в жизнь лишь в окрестностях столицы и в тех районах, где появились европейские земельные концессии. Составление кадастра продолжалось на протяжении всего периода протектората.

В 1904 г. под рисом было занято 300 тыс. га. В результате проводимой колониальными властями аграрной политики к началу Первой мировой войны площадь под рисом возросла и составила 500 тыс. га. Производством риса занимались крупные земельные собственники-плантаторы, а также арендаторы. Вывозилось 100–150 тыс. т риса.

Процесс концентрации земли, шедший с начала XX в., все же не привел к массовому обезземеливанию крестьянства в силу наличия большого массива свободных земель, освоение которых было не под силу небольшим земледельческим коллективам — семьям или союзам родственных семей. Развивалось мелкое крестьянское хозяйство на участках менее 1 га, причем оно не было товарным. Владельцами участков более крупных размеров была сельская администрация. Мелкое крестьянское хозяйство продолжало подвергаться эксплуатации со стороны сельских хозяев традиционными методами, к ним прибавилось ростовщичество.

На целинных землях формировались крупные земельные владения (свыше 20 га), их владельцами были члены правящей семьи, выходцы из среды традиционного и «нового» чиновничества, а также концессионеры из числа торговцев-ростовщиков и поселившихся здесь французов.

В 1913 г. размеры земельных концессий были ограничены колониальной администрацией: их площадь не должна была превышать 300 га.

Ввоз французских капиталов в Камбоджу был меньше по объему, чем во Вьетнам, из-за узости рынка рабочей силы, отсутствия крупных источников минерального сырья. Несколько десятков французских компаний принимали участие в создании в стране плантационного хозяйства, транспорта, промышленных предприятий (по первичной обработке сельскохозяйственного сырья), в город-

ском строительстве. Деятельность французских компаний находилась под контролем Индокитайского банка.

Посредниками между местными производителями и французскими компаниями становятся китайский, в меньшей мере вьетнамский капитал. Китайцам и вьетнамцам принадлежали рисорушки, деревообрабатывающие заводы, производство строительных материалов. Докапиталистические формы эксплуатации, распространенные в деревне, процветали и в местной промышленности, и в появившемся плантационном хозяйстве.

Французские власти с начала века начали работы в области городского строительства, в частности в Пномпене, в котором в 1902 г. появились электричество, телефон и телеграф, больницы. Проводились прививки против чумы и оспы.

По указу правителя Сисовата открывались начальные школы при буддийских монастырях. В 1911 г. было 30 таких школ. Обучение велось на родном языке, изучался также французский. Программу обучения в этих школах контролировала французская администрация. Помимо монастырских, были открыты светские начальные школы, обучение в которых велось на французском языке. В 1911 г. в Камбодже был открыт коллеж Сисовата с пятилетним сроком обучения. В Пномпене была создана школа по подготовке кадров квалифицированных рабочих.

Большую роль в подготовке кадров национальной кхмерской интеллигенции сыграла школа по изучению языка пали, открытая в Пномпене в 1914 г.

Названные выше учебные заведения готовили кадры для местной администрации. Часть учащихся в целях более совершенной подготовки отправляли в Сайгон и Ханой, где готовились кадры не только для административной системы Вьетнама, но и для Камбоджи из тех вьетнамцев, которые в предвоенные годы занимали должности секретарей, помощников в центральном управлении, в службах общественных работ, финансов, на таможне. В этой среде пышным цветом расцвели коррупция и взяточничество. Гнет чиновничества, сливаясь с пережитками докапиталистических форм эксплуатации, заставлял местное население искать защиты у короля.

Известны выступления населения против колониальной эксплуатации в 1907 г. под руководством Визес Нхиеу, восстание крестьян 1909 г. в районе г. Кампот. В этот же период на границе с Кохинхиной действовал отряд местных жителей, разрушавший линии связи. Движение кхмерских народных масс усилилось в годы Первой мировой войны.

Движения были малочисленны, плохо организованы, проходили под девизом защиты «своей» монархии. Интеллигенция в начале XX в. находилась в самом начальном периоде становления; не было, да и не могло быть условий для зарождения концепции «кхмерская нация».

МАЛАЙЯ, СИНГАПУР И СЕВЕРНЫЙ КАЛИМАНТАН С НАЧАЛА XX в. ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СЕВЕРОМАЛАЙСКИХ СУЛТАНАТОВ И СИСТЕМА КОЛОНИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В МАЛАЙЕ

В начале XX в. Англия присоединила к своим владениям четыре султаната Северной Малайи, находившихся в номинальной зависимости от Сиам. В 1896 г. Франция и Англия договорились о том, что Сиам останется буфером между их владениями на Индокитайском п-ове, а в 1904 г. разделили Сиам на «сферы влияния». После этого Франция по договорам 1904 и 1907 гг. присоединила к своей колонии Камбодже входившие тогда в состав Сиам провинции Баттамбанг и Сием-Реап, а Великобритания захватила северомалайские княжества — Кедах, Перлис, Келантан и Тренггану.

Власти Стрейтс Сеттлментс на протяжении почти всего XIX века рассматривали Северную Малайю как зону своих политических интересов. Внимание к этому району резко возросло в конце века в связи с англо-французским соперничеством в Сиаме и восстанием 90-х годов XIX в. в Паханге. Для своего утверждения англичане использовали стремление малайских султанатов освободиться от сиамского контроля. В 1900 г. бывший английский полицейский офицер Р.У.Дафф, создавший акционерное общество и получивший концессию от султана Келантана, подтвержденную правительством Бангкока, распространил свою фактическую власть (включая сбор налогов) почти на половину территории султаната. В 1902 г. Англия добилась от Сиам подписания специальной декларации о Келантане и Тренггану, побудив сиамское правительство заключить с этими княжествами соглашения, по которым Бангкок обязался не вмешиваться в дела их внутреннего управления, утверждал все концессии, которые были предоставлены в княжествах иностранцам, и разрешал иностранным компаниям строить там железные дороги. Одновременно Бангкок назначил английского чиновника сиамским резидентом в Келантане.

В 1909 г. Англия подписала с Сиамом договор, по которому в обмен на отмену прав экстерриториальности для английских подданных в Сиаме последний уступал Англии все права на Келантан, Тренггану, Кедах и Перлис. В 1910 г. княжества Северной Малайи подписали соглашения, превратившие их в английские колонии. Туда были назначены английские советники. Англия брала на себя контроль над военными и полицейскими силами султанатов. В северомалайских княжествах появились английские дельцы и авантюристы, захватившие земельные участки под плантации и рудники. Первое место принадлежало все той же «Дафф девелопмент К^о», которая в 1912 г., получив при посредстве английского

советника от султана Келантана 300 тыс. ф. ст., «уступила» ему 50 тыс. акров концессионной земли, добившись взамен ряда привилегий (право арендовать земельные участки, концессию на строительство железной дороги, возможность разрабатывать минеральные богатства на территории прежней концессии без уплаты ренты в течение трех лет). В первое десятилетие XX в. выросло число плантаций, особенно каучуковых, расширились торговые связи со Стрейтс Сеттльментс. Малайская знать в северных султанатах сохранила большие права, и ее участие в управлении было более значительным: в частности, роль государственных советов была несколько большей, чем в западных княжествах. Тем не менее существенных различий в характере и структуре колониальной системы не существовало: реальная власть повсюду находилась в руках английской администрации.

Джохор также был окончательно включен в колониальную систему. В 1895 г. султан Джохора Абу Бакар ввел составленную англичанами конституцию, по которой в Джохоре учреждались Совет министров и Государственный совет, а в 1912 г. в княжестве был создан исполнительный совет по образцу такого же органа в Стрейтс Сеттльментс. Хотя английский генеральный советник с функциями, аналогичными функциям резидентом, был назначен в Джохор лишь в 1914 г., на деле управление княжеством перешло в руки англичан задолго до этого. Во главе почти всех ведомств Джохора стояли англичане; хотя комиссарами дистриктов были малайцы, при каждом из них состоял английский помощник генерального советника. Как и в других княжествах, все дела управления, взимание налогов, распоряжение землей и ее недрами находились в руках английских властей. В Джохоре, экономика которого имела большое сходство с экономикой развитых районов западного побережья, участие англичан в аппарате управления было значительнее, чем в аграрных Тренггану, Келантане, Кедахе и Перлисе.

Стремясь обеспечить максимальный контроль над политической жизнью и экономикой Малайи, англичане 1 июля 1896 г. создали Федерацию четырех малайских султанатов, куда вошли Перак, Селангор, Негри-Сембилан и Паханг. Были образованы центральные департаменты во главе с английскими чиновниками: судебный, сельскохозяйственный, образования и др. Эта администрация подчинялась генеральному резиденту, местопребыванием которого стал Куала-Лумпур. Значение государственных советов в княжествах уменьшилось, а создание в 1909 г. Федерального совета свело их роль к минимуму.

Реформа управления Федерацией, проведенная губернатором Стрейтс Сеттльментс Джоном Андерсоном в 1909 г., означала дальнейшее усиление бюрократического колониального аппарата. Вывоз английского капитала в Малайю, развитие оловодобывающей промышленности, превращение Малайи в страну плантационных культур, роль Малайи в мировой торговле — все это толкало колониальные власти на дальнейшее усиление аппарата управления, на создание максимально благоприятного для них политического режима.

В Федеральном совете председательствовал верховный комиссар Федерации (он же губернатор Стрейтс Сеттльментс), членами совета являлись генеральный резидент, четыре резидента, султаны и четыре недолжностных лица (европейцы), назначаемые верховным комиссаром. Последний имел право увеличивать число членов совета, включая в его состав глав департаментов и одновременно увели-

чивая число недолжностных членов. Совет утверждал бюджеты княжеств и принимал законы. Отныне государственные советы могли издавать лишь такие распоряжения, которые не противоречили постановлениям федерального совета. В ведении государственных советов остались фактически только дела, связанные с мусульманской религией и местными обычаями.

В то же время формальное сохранение султанской власти, наличие государственных советов, назначение малайцев чиновниками в низшие (а иногда и в средние) звенья аппарата, сохранение религиозных судов — все это давало англичанам возможность в течение многих лет поддерживать в малайском крестьянстве иллюзию реальности власти султанов и местной знати, которые превратились в буфер между колониальными властями и населением. Малайский крестьянин практически не сталкивался с английскими чиновниками, которые не занимали должностей ниже помощника главы дистрикта, а по-прежнему соприкасался с *пенгулу* и *кетуа*, ставшими чиновниками английской администрации. Чтобы придать вес султанам в глазах малайского населения, англичане созвали в 1897 г. в Куала-Кангсаре (Перак) *дарбар* (совещание) малайских правителей, на который прибыл верховный комиссар. Этот *дарбар*, как и второй, состоявшийся в 1903 г. в Куала-Лумпуре, носил чисто показательный характер: никакие вопросы на нем не обсуждались, правители лишь демонстрировали свою верность британской короне. Робкие просьбы султана Перака предоставить малайской аристократии более значительное участие в центральном управлении остались незамеченными.

Перед Первой мировой войной в Малайе сложились, таким образом, три типа колониальных владений:

1. Стрейтс Сеттлментс — колония короны, куда входили Сингапур, Пинанг, Малакка, провинция Уэлсли, о-ва Диндинг у перакского побережья (с 1874 по 1934 г.), о-в Лабуан у побережья Калимантана (с 1906 по 1946 г.), Кокосовые о-ва, или о-ва Килинг (с 1886 по 1955 г.), и о-в Рождества (с 1900 по 1958 г.) в Индийском океане.

2. Федерация малайских княжеств, объединявшая Перак, Селангор, Негри-Сембилан и Паханг.

3. Нефедерированные княжества, находившиеся под английским протекторатом, — Кедах, Перлис, Келантан, Тренггану и Джохор.

Все эти владения вместе составляли колонию Британская Малайя, административным центром которой был Сингапур. Во главе колонии стоял губернатор Стрейтс Сеттлментс, фактически являвшийся высшей властью во всей Британской Малайе. Административными делами колонии короны ведал колониальный секретарь; Пинанг и Малакка возглавлялись подчинявшимися губернатору резидентами-советниками. Исполнительный совет во главе с губернатором обсуждал вопросы, касающиеся повседневного управления. В его состав входили командующий войсками, колониальный секретарь, резиденты-советники, генеральный прокурор, казначей, два должностных члена и три недолжностных (из которых один был китаец), назначавшиеся губернатором и утверждавшиеся министерством колоний. Законодательный совет более широкого состава, куда входили должностные и недолжностные (до 1924 г. их было меньше, чем должностных) члены, также назначаемые губернатором, обсуждал бюджет колонии и законода-

тельные акты, предлагаемые губернатором. Оба совета имели чисто совещательные функции, большинство в них принадлежало чинам колониальной администрации (при разделении мнений в законодательном совете губернатор имел решающий голос), представители местного населения назначались той же колониальной администрацией. Все дела вершились узким кругом бюрократов и английских предпринимателей, с которыми была тесно связана верхушка богатой местной компрадорской (в основном китайской) буржуазии Стрейтс Сеттльментс.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И АНГЛИЙСКИЙ КАПИТАЛ В МАЛАЙЕ

Приток английского капитала в Британскую Малайю начался в конце XIX — начале XX в. Именно с этого времени страна стала превращаться в сферу приложения капитала и источник сырья для английских монополий, именно тогда были заложены основы ее колониальной эксплуатации.

Главными орудиями эксплуатации Малайи английским капиталом стали управляющие агентства и банки. Управляющие агентства возникали главным образом на базе старых торгово-посреднических фирм Стрейтс Сеттльментс, в основном сингапурских, некоторые из них — на основе каучуковых плантаций. Крупнейшими управляющими агентствами были «Гутри энд К^о», «Боустэд энд К^о», «Харрисонс энд Кроссфилд».

Отделения крупных английских банков, связанных с Востоком, появились в Сингапуре и на Пинанге еще в 40–70-х годах XIX в. В конце XIX — начале XX в. «Чартэд бэнк оф Индия, Острелиэн энд Чайна», «Меркантайл бэнк оф Индия, Лондон энд Чайна», «Гонконг энд Шанхай бэнкинг корпорейшн» открыли свои отделения в Селангоре, Пераке, Паханге, Келантане и Тренгану.

Основной сферой приложения английского капитала стало плантационное хозяйство. Главной плантационной культурой стал каучук, в начале XX в. вытеснивший другие культуры, разведением которых пытались заниматься в 70–90-х годах европейские плантаторы. Первые сеянцы бразильской гевеи были доставлены в Сингапур еще в 1877 г. Некоторые из них были высажены в ботаническом саду Сингапура, а другие посадил в саду резидентства в Куала-Кангсаре резидент Перака Хью Лоу. Другим энтузиастом, пророчески предвосхитившим роль гевеи в развитии Малайи, был директор (с 1888 г.) ботанического сада в Сингапуре Генри Ридли. Он экспериментировал с каучуконосами, объезжал страну, убеждая «кофейных» и «сахарных» плантаторов заняться «продуктом будущего» (по его словам). За свою эксцентричность и одержимость идеей разведения бразильской гевеи он снискал среди европейских плантаторов и чиновников прозвища «Тронутый Ридли» и «Ридли каучуковый». В 90-х годах некоторые английские плантаторы начали сажать каучуконосы, чтобы возместить ущерб от падения цен на кофе. В конце XIX — начале XX в. начался бурный рост потребления каучука, связанный с возникновением автомобильной и развитием химической и электротехнической промышленности. Администрация Малайи быстро прореагировала: плантаторам по низким ценам стали предлагаться земельные участки по 1000 акров

для выращивания каучуковых деревьев. Первым предпринимателем в каучуковом бизнесе стал китаец-перанакан Тан Чэян, создавший в 1895 г. плантацию в окрестностях Малакки. Затем и европейцы стали вкладывать капиталы в разведение гевеи: в Малайе имелись в наличии свободные земли с плодородной почвой, благоприятные для разведения каучуконосов климатические условия и огромные резервы дешевой рабочей силы. В 1902 г. площади под гевеей составили 16 тыс. акров. В 1905 г. из Малайи были вывезены первые 104 т каучука, а в 1914 г. вывоз составил 196 тыс. т (53% мирового производства). К 1915 г. в Малайе действовали 176 английских каучуковых компаний с капиталом свыше 38,5 млн. ф. ст., причем 121 компания с капиталом 28,4 млн. ф. ст. возникла в период «каучукового бума» 1906–1910 гг.

Если в сельском хозяйстве Малайи накануне Первой мировой войны преобладающее значение имела культура каучука, то ее промышленное развитие оказалось ориентировано также на производство одного вида сырья — олова. Добыча олова в Малайе возросла с 19,6 тыс. т в 1900 г. до 51,4 тыс. т в 1913 г. Но до конца Первой мировой войны английский капитал не занимал ведущих позиций в оловодобыче: большая часть олова добывалась китайскими предпринимателями. Тем не менее процесс внедрения английских монополий в оловодобычу начался еще до войны.

В руках англичан находилась и оловоплавильная промышленность. В 1887 г. возникла «Стрейтс Трейдинг К^о», которая построила оловоплавильный завод на островке Пулау-Брани близ Сингапура. В 1907–1911 гг. возникла вторая оловоплавильная компания — «Истерн смелтинг К^о», построившая завод на Пинанге. Эти компании монополизировали выплавку олова не только в Малайе, но и в соседних странах, откуда руда поступала в Сингапур и на Пинанг.

Бурными темпами продолжалось строительство дорог. В 1896 г. половина бюджета Федерации была выделена на строительство и другие общественные работы. Такая же ситуация наблюдалась на протяжении 1900–1912 гг. В 1903 г. было окончено строительство железнодорожной линии, связавшей Пинанг с Куала-Лумпуром и Серембаном, а вслед за тем началось сооружение железной дороги от Серембана в Джохор. В 1913 г. джохорская ветка была продолжена до Сингапура. Общая протяженность железных дорог составила к 1920 г. 1632 км. Железные дороги строились в Западной Малайе, т.е. там, где находились основные центры добычи олова и каучуковые плантации.

Колониальные власти проводили выгодную английским предпринимателям аграрную политику. В Стрейтс Сеттлментс верховным собственником земли считалась английская корона, а в княжествах — султаны. В действительности и в княжествах землей полновластно распоряжались колониальные власти.

Участки, которыми владели малайские крестьяне, были закреплены за ними на условиях вечной аренды. Крестьяне получили право владения лишь поверхностью земли, в случае обнаружения в ее недрах полезных ископаемых крестьянина можно было на «законном» основании согнать с его участка. Крестьянин мог также потерять землю в случае неуплаты земельного налога.

Чтобы создать себе социальную опору, английские колонизаторы не только предоставляли малайской знати различные должности в колониальном аппарате и выплачивали ей пенсии, но и сохранили за ней значительные земельные угодья,

право на безвозмездный труд крестьян в течение нескольких дней в году (*керах*) и на взимание различных поборов. Такая политика обусловила сохранение феодальных пережитков в аграрном строе Малайи, особенно ее северных и восточных районов.

Поскольку малайское население в конце XIX — начале XX в. было немногочисленно, то английская колониальная администрация получила в свое распоряжение огромные незаселенные земельные массивы, которые немедленно стали раздаваться на льготных условиях плантаторам. Земля сдавалась английским компаниям, занимавшимся разведением каучука и добычей олова, в аренду на долгий срок (до 100 лет) по чрезвычайно низким ценам. В результате очень быстро значительная часть земель, особенно в Западной и Южной Малайе, не говоря уже о Стрейтс Сеттлментс, оказалась захваченной иностранным капиталом.

Внедрение иностранного капитала и переход к взиманию налогов в денежной форме нанесли удар по малайскому крестьянскому натуральному хозяйству, способствовали вовлечению крестьян в товарно-денежные отношения, повысили роль торговцев-посредников и ростовщиков в малайской деревне. Конечно, не следует преувеличивать масштабы разрушения натурального крестьянского хозяйства и его товаризацию в Малайе до Первой мировой войны. Но также несомненно, что этот процесс начался с первых лет утверждения английской власти. Наиболее заметен он был в Западной Малайе — районе оловодобычи и производства каучука, тогда как в северных и восточных областях страны он шел гораздо медленнее.

Внедрению в Малайю английского капитала способствовала также финансовая, налоговая, бюджетная и внешнеторговая политика колониальных властей.

В начале XX в. была произведена реформа денежной системы. Малайский доллар был окончательно привязан к фунту стерлингов¹. Его курс был занижен, чтобы поощрить капиталовложения в Малайю и способствовать привлечению туда рабочей силы.

Возрастал бюджет колонии, что было связано прежде всего с увеличением эксплуатации природных богатств страны и ростом населения. Доходы княжеств, вошедших в Федерацию, выросли с 24 481 тыс. мал. долл. в 1895 г. до почти 44 333 тыс. в 1913 г. Самой значительной статьёй в доходной части бюджета были поступления от опиумной монополии. Главными потребителями опиума были низшие слои китайского населения. Опиум в больших количествах вывозился из Китая в Сингапур, откуда расходился по всей Малайе. В Британской Малайе от опиума в 1898 г. поступило 45,9% доходов, в 1904 г. — 59,1, в 1913 г. — 53,3%. Создание в 1907 г. следственной комиссии по вопросу об опиумной монополии не изменило положения: указ 1910 г. оставил эту монополию в руках английской администрации и лишь повысил цены на опиум. Только в 30-х годах XX в. под давлением международной и местной общественности колониальные власти начали принимать меры к ограничению опиумокурения, которое официально было запрещено лишь после Второй мировой войны. Значительную часть доходов бюджета составляли поступления от пошлин на табак, спиртные напитки, ткани и керосин, т.е. предметы широкого потребления. Пошлины на олово и каучук

¹ Малайский доллар стал равен двум шиллингам и четырем пенсам.

составляли непропорционально малую величину в доходной части бюджета. Такая политика была выгодна монополиям, внедрившимся в экономику страны.

Огромная часть бюджета шла на строительство железных и шоссейных дорог, на содержание гарнизона в Сингапуре, полиции и аппарата колониальной администрации, на выплату пенсий малайской знати. На образование и здравоохранение расходовались сравнительно незначительные суммы.

Колониальные власти проводили таможенную политику, отвечавшую интересам английского капитала. Так, когда американские монополии попытались наладить в США выплавку олова из малайской руды, губернатор Ф. Суиттенхэм в 1903 г. издал указ о повышении пошлины на вывозимую оловянную руду, оставив выплавку олова в руках английских компаний, действовавших в Малайе.

К началу XX в. определилась структура внешней торговли колонии, отражавшая ее положение источника сырья и рынка сбыта для Англии. Экспорт состоял в основном из олова и каучука. В 1916 г. из общей суммы экспорта Федерации (162 млн. мал. долл.) олово давало 61 млн., а каучук — 93 млн. мал. долл. Главными товарами, ввозимыми в страну, были потребительские: рис, опиум, табак, ткани.

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ КЛАССОВ И СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ

Развитие экспортного колониального хозяйства Малайи было связано с появлением нового, иммиграционного населения, за счет которого в основном формировались новые классы и слои малайского общества. И раньше значительный процент населения Стрейтс Сеттльментс и Западной Малайи составляли китайцы и индийцы; после же превращения всей страны в английскую колонию приток иммигрантов резко возрос. Малайское крестьянство, сравнительно немногочисленное, прикованное к земле, связанное узами личной зависимости от феодалов, не могло служить реальным источником рабочей силы, потребность в которой резко возросла в связи с развитием оловодобычи и производства каучука. Таким источником стало китайское и индийское (в меньшей степени индонезийское) население, устремившееся в поисках заработка в Малайю. Если раньше подавляющее большинство китайских и индийских иммигрантов составляли торговцы, ремесленники, ростовщики, то с начала XX в. возросло число *кули*, работавших на оловянных рудниках и каучуковых плантациях.

С 1901 по 1911 г. китайское население в Стрейтс Сеттльментс и княжествах увеличилось с 301,5 тыс. человек до 916,6 тыс., составив 34,2% всего населения в 1911 г. В основном прирост шел за счет иммигрантов: в первом десятилетии XX в. ежегодное число китайцев, прибывших в Сингапур, колебалось между 150 тыс. и 220 тыс. человек. Возросло и индийское население — более 267 тыс. человек (10,1% населения) в 1911 г. Поток китайских иммигрантов направлялся в оловодобычу, а индийцы, большинство которых составляли тамилы, в основном работали на плантациях. В 1913 г. из 917 тыс. китайского населения на оловянных рудниках работало свыше 225 тыс. человек, а индийские *кули* на плантациях

в Федерации составляли в 1908 г. 43,5 тыс. из 57 тыс. плантационных рабочих. Вначале вывоз кули шел через специальных вербовщиков, применявших самые грязные и незаконные методы. В XIX в. система контрактации потеряла свое значение, а в начале XX в. исчезла, уступив место свободному проезду китайцев и вербовке индийцев непосредственно плантаторами.

К началу Первой мировой войны в Малайе сложился рабочий класс, в основном китайский и индийский по национальному составу. Его отличительной чертой была текучесть, поскольку многие иммигранты уезжали на родину, а им на смену прибывали новые. Особенности формирования рабочего класса, зависимость от вербовщиков, разобщенность по религиям, национальностям и кастам (для индийцев), по тайным обществам, диалектным землячествам и профессиональным гильдиям (для китайцев) — все это задерживало складывание современного пролетариата и становление организованного рабочего движения.

Местная буржуазия Малайи, как и рабочий класс, также складывалась как китайская и индийская, т.е. по национальной принадлежности. Ее основу составила торговая буржуазия Стрейтс Сеттлментс, которая со второй половины XIX в. стала вкладывать капиталы в оловодобычу в западных султанатах Малайи. Английское завоевание Малайи открыло на первых порах возможности для торговло-посреднической, ростовщической и предпринимательской деятельности этой буржуазии. Особенно заметными были успехи китайских предпринимателей в оловодобыче: в 1910 г. на китайских рудниках добывалось 78% олова. Еще до Первой мировой войны в колонии появились предприятия легкой промышленности, принадлежавшие местному капиталу.

По мере становления местной буржуазии и внедрения английского капитала в экономику страны обнаруживалось противоречие ее интересов с колониализмом. Иностраный импорт создавал непреодолимую конкуренцию местным предпринимателям в области промышленности. Началось постепенное вытеснение китайского капитала из оловодобычи. В то же время существовала известная общность интересов колониального режима и местной буржуазии, выступавшей в значительной мере как компрадорская, тесно связанная с английским капиталом. Зависимость местной буржуазии от английских колонизаторов определялась также ее инонациональным характером. Вместе с тем эта особенность делала ее восприимчивой к идеям национализма, имевшим хождение в Китае и Индии.

В конце XIX — начале XX в. в Малайе были заложены основы мультинационального общества. На его становление оказали влияние не только экономические последствия превращения Малайи в британскую колонию, но и воздействие английской политики.

Британские власти сознательно уготовили основной массе малайского населения судьбу быть крестьянами или аристократами, оградив его от вовлечения в современную экономику. Именно такая политика проводилась до Второй мировой войны. Британские власти закрывали доступ малайскому населению в иные сферы экономики, нежели сельское хозяйство. Но даже здесь его вынуждали выращивать преимущественно рис, в то время как в производстве товарных культур поощрялась деятельность других этнических групп — китайцев и индийцев. Самым ярким глашатаем такой политики был Фрэнк А. Суиттенхэм, прошедший в колониальной администрации Британской Малайи путь от помощника резидента

(1873 г.) до губернатора Стрейтс Сеттльментс и верховного комиссара Федерации (1903–1906), а после своей отставки оказавший своими достаточно талантливыми книгами, статьями и публичными выступлениями влияние на формирование британского общественного мнения в отношении Малайи.

Сходной была и политика в области образования. Ф.Суйттенхэм писал: «Из малайских детей лучше делать крестьян, чем предлагать им более широкие возможности. Чем дальше малаец будет находиться вне воздействия цивилизации, тем лучше для него». Обучение для массы малайских детей на малайском языке (для китайцев и индийцев существовали английские школы, хотя и в небольшом количестве) было ограничено чтением, азами арифметики и религиозными наставлениями.

В результате, используя бóльшую мобильность китайских и индийских иммигрантов, их предприимчивость, необходимость приспособливаться к новым условиям, колониальные власти сознательно взяли курс на отведение каждой этнической группе своей экономической, политической и территориальной ниши. Стало создаваться общество с серьезными противоречиями, в полной мере сказавшимися после обретения независимости: между городскими, населенными в основном иммигрантами, тесно связанными с современной экономикой, развивающимися, и сельскими районами, населенными малайцами, традиционными, отрезанными от разработки богатств Полуострова; между западным и восточным побережьями, где городские районы были нацелены на создание современной инфраструктуры, а сельские были неразвитыми и отсталыми. Колониальная политика способствовала развитию антагонистических отношений между коренным и иммигрантским населением, а также закреплению разделения внутри этносов: у малайцев — на знать и крестьянскую массу, у индийцев — на плантационных рабочих и обитателей городов (торговцев, мелких служащих, прислугу), у китайцев — на предпринимателей и интеллигенцию и предпролетариат и пролетариат.

КУЛЬТУРА И ЗАРОЖДЕНИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ИДЕЙ

Возникновение капиталистических отношений в Стрейтс Сеттльментс, широкий приток нового населения — все это способствовало появлению новых идей, повлиявших на развитие духовной жизни и культуры Малайи. Особенностью развития Малайи было крайне медленное изменение традиционной социально-экономической структуры и системы духовных ценностей в малайских султана-тах, а также раздельное (в экономической и культурной сфере) существование основных этнических групп.

Первая половина XIX в. выдвинула одну из наиболее ярких фигур в истории малайской литературы и общественной мысли. Абдуллах бин Абдулкадир Мунши (1796–1854) родился в Малакке от отца-араба и матери-малайки. В молодости Абдуллах встречался с Т.С.Раффлзом, преклонение перед ученостью и талантами которого он сохранил на всю жизнь. Затем Абдуллах в качестве переводчика много лет сотрудничал с протестантскими миссионерами в Сингапуре и

Малакке. Предтеча современной малайской литературы, создатель первых литературных произведений, по форме и содержанию значительно отличавшихся от традиционных литературных жанров, Абдуллах в своих произведениях («Автобиография», «Повествование о плавании Абдуллаха бин Абдулкадира из Сингапура в Келантан») предстает горячим патриотом, скорбевшим о несправии крестьян в княжествах, обличающим бесчинства и насилия раджей, возлагающим надежды на просвещение малайцев, которое позволит им встать вровень с более развитыми народами. Однако Абдуллах, рационалист и просветитель, остался, в сущности, одинокой фигурой в истории Малайи середины XIX в.

Абдуллах был горячим поборником просвещения, в котором он видел панацею от отсталости и невежества, причем главные надежды он возлагал на англичан. Стремясь к совершенствованию малайского языка, он издал типографским способом классический средневековый памятник «Седжарах Мелау» («Малайские родословия»), язык которых он считал образцовым. Скорбя о безразличии малайской элиты к судьбе родного языка, Абдуллах писал в предисловии к этому изданию: «Великим народом может стать лишь народ, который пестует свой язык, народы же, которые... пренебрегают родным языком, пребудут в невежестве и, словно мальки, будут проглочены большими рыбами».

Другим значительным писателем традиционного направления был раджа Али Хаджи бин Ахмад — внук знаменитого раджи Хаджи, борца за независимость конца XVIII в. Он создал традиционные, украшенные стихотворными вставками «Родословия малайцев и бугов», рассказывающие о бугских (по отцовской линии он был бугом) княжествах на Калимантане, Риау и в Малайе до 1773 г. Самым же известным произведением Али Хаджи стал «Тухфат ал-Нафис» («Драгоценный дар»), начатый в 1865 г., — история Сингапура, Малакки и Джохора, доведенная до 60-х годов XIX в. Хотя «Тухфат ал-Нафис» относится к традиционному жанру малайской исторической прозы, в нем значительно сильнее выражен интерес к реальным фактам и подлинным событиям. Али Хаджи создал также первую малайскую грамматику («Бустан алкатибин») и первый словарь малайского языка («Катиб пенгетауан бахаса»).

После завоевания Малайи, по мере того как традиционная знать стала утрачивать свои позиции, среди слоев малайского общества, возникших в ходе модернизации (хотя и медленной) страны, стали распространяться новые идеи. В XIX в. сначала в Стрейтс Сеттлментс, а затем в княжествах западного побережья появились европейские школы, где обучались преимущественно дети китайцев и индийцев, а в начале XX в. — модернизированные религиозные школы, где преподавался арабский и иногда английский языки. В последней четверти XIX в. в Сингапуре и на Пинанге в результате усилий богатой и образованной группы *джави-перанакан* (метисы от браков арабов и индийцев-мусульман с малайскими женщинами) возникла малайская пресса.

Начало XX в. — время проникновения в Малайю идей мусульманского просветительства. Их распространение было связано с сингапурским журналом «аль-Имам» («Вождь»), существовавшим с 1906 по 1908 г. Его основателем был суматранец Мохаммад Тахир бин Джалалуддин аль-Азахари, обучавшийся в Каире и познакомившийся с идеями египетского реформатора ислама Мухаммеда Абдо. Другими идеологами малайского мусульманского просветительства

были Хаджи Абас бин Мохаммад Таха и родоначальник современной малайской литературы Саид Шейх бин Ахмад аль-Хади.

«Аль-Имам» выступал с позиций мусульманского реформаторства, рационалистической трактовки догматов ислама, осуждая слепое следование авторитетам. Идеи раскрепощения личности и равенства, признание за женщиной права принимать участие в общественной жизни, призывы к просвещению малайской нации — все это вызвало, несмотря на осторожность журнала, не выступавшего с открытой критикой колониального режима и феодальных порядков, недовольство со стороны малайской аристократии. Приверженцы традиционного направления в исламе, *кау м туа* («старики»), развернули ожесточенную борьбу против *кау муда* («молодых») — сторонников реформаторского направления, выдвинувших принцип единства Малайи благодаря общей религии в противовес господствовавшей обособленности отдельных султанатов. Как и в Индонезии, начало национального пробуждения в Малайе оказалось связанным с идеями просветительства и модернизации ислама. Но если в Индонезии религиозно-реформаторское движение скоро оказалось оттесненным на второй план, то в Малайе ввиду меньшей развитости общества и сохранения традиционной структуры в султанатах оно надолго заняло ведущее положение.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ КИТАЙСКОГО И ИНДИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В МАЛАЙЕ

К началу XX в. в Малайе, особенно в Стрейтс Сеттльментс и султанатах западного побережья, образовалось значительное иммигрантское — китайское и индийское — население. Наряду с постоянно приезжающими и уезжающими *кули* существовало китайское население, уже родившееся в Малайе. Богатая и влиятельная прослойка китайцев в Стрейтс Сеттльментс, являвшихся английскими подданными, выступила инициатором создания китайских и английских миссионерских школ. В 1900 г. была основана Британско-китайская ассоциация Пролитов, объединившая европейски образованных состоятельных китайцев Стрейтс Сеттльментс, выступавших за сотрудничество с колониальной администрацией.

Процесс национального пробуждения Китая затронул и заморских китайцев (*хуацяо*), преимущественно их буржуазные слои, оказавшие поддержку реформаторам и революционерам. В 1899 г. Ху Сеок Вэнь, один из крупнейших торговцев Сингапура, основал отделение партии Кан Ювэя и собрал свыше тысячи подписей среди торговцев Сингапура под петицией протеста против переворота Цыси, в результате которого реформаторы во главе с Кан Ювэем были отстранены от власти. В 1900 г. Кан Ювэй посетил Сингапур и собрал деньги на подготовку антимаഞ്чжурского восстания в Ханькоу.

В 1900–1901 и 1908–1910 гг. Кан Ювэй жил на Пинанге, где развернул активную деятельность по развитию современного образования среди китайского населения в Малайе. Результатом стало открытие первых современных китайских школ в Куала-Лумпуре (1900), на Пинанге (1904), в Ипехе (1906), в Серембане (1910); в Сингапуре в 1906 г. уже функционировало шесть современных китай-

ских школ. В 1905 г. на деньги местных китайцев был открыт медицинский колледж в Сингапуре. Идеи реформаторства, проповедуемые Кан Ювэем, нашли отражение и в китайской прессе Стрейтс Сеттлментс.

Еще большее влияние оказали Сунь Ятсен и руководимые им организации. В 1906 г. Сунь Ятсен основал в Сингапуре отделение Тунмэнхуэя, а затем совершил пропагандистскую поездку по Западной Малайе. В результате были открыты отделения Тунмэнхуэя и в других городах Малайи, и китайское население страны оказало значительную денежную поддержку революционной деятельности Сунь Ятсена в Китае. В декабре 1912 г. в Сингапуре возникло отделение Гоминьдана, созданное приверженцами Сунь Ятсена во главе с Лим Бункеном, Лим Нисунем и Тан Чэяном.

С начала XX в. в связи с ростом числа индийских иммигрантов в Малайе стали появляться и тамильские школы. Иммигранты внимательно следили за событиями на родине и принимали участие в индийском национально-освободительном движении.

По-видимому, в Сингапуре еще до Первой мировой войны действовали индийские националистические организации радикального толка, которые вели пропаганду среди индийского населения и индийских военнослужащих. С деятельностью этих организаций было связано антиколониальное выступление в Британской Малайе во время Первой мировой войны — сингапурское восстание 1915 г. Индийские национальные организации вне Индии, пытавшиеся использовать войну для антианглийского восстания, сосредоточили основное внимание на антиколониальной пропаганде и организации заговоров в индийских воинских частях. Восстание в Сингапуре было самым значительным выступлением подобного рода.

СИНГАПУР В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

С превращением Стрейтс Сеттлментс в колонию короны и активизацией английской политики в Малайе и Восточной Азии значимость Сингапура возросла и он получил новые стимулы для своего развития.

Открытие Суэцкого канала и усиление европейской колониальной экспансии в ЮВА совпало с резким усилением роли парового флота в морской торговле. Сингапур превратился в одну из главных угольных станций на пути из Европы на Дальний Восток, что оказало серьезное влияние на его экономическое развитие. С 1873 по 1913 г. объем торговли Сингапура вырос в восемь раз; если в начале XIX в. из Сингапура поступали местные, экзотические товары, то в начале следующего, XX в. основная масса приходилась на олово, каучук, нефть, сахар и копру. На построенный в 1890 г. оловоплавильный завод на о-ве Пулау-Брани, близ Сингапура, в начале XX в. стала поступать руда не только из малайских княжеств и с о-вов Банка и Биллитон в голландских владениях (у берегов Восточной Суматры), но и из Сиамы, Австралии, Аляски и Южной Африки.

Перед Первой мировой войной из Сингапура вывозилась и большая часть малайского каучука. На острове появились каучуковые плантации (1907 г.), а в

1908 г. английские фирмы начали продавать каучук в Сингапуре, несмотря на протесты Лондона. В 1911 г. Сингапурская торговая палата учредила Каучуковую ассоциацию, которая стала организовывать аукционы в Сингапуре, превратившемся в важный международный центр торговли этим продуктом.

В конце XIX в. сингапурская «Сайм энд К^о» построила нефтехранилище на о-ве Пулау-Букум, которое к 1902 г. превратилось в главный центр снабжения нефтью для ЮВА и Дальнего Востока.

К началу XX в. банковское дело в основном было сосредоточено в руках трех английских банков: «Чартеред бэнк оф Индия, Острелиа энд Чайна», «Гонконг энд Шанхай бэнкинг корпорейшн» и «Меркантайл бэнк оф Индия». Первый американский банк открыл свое отделение в Сингапуре в 1902 г., китайский — в 1903 г., а французский — в 1905 г.

Развивались связь и транспорт. В 1870 г. европейская телеграфная линия достигла Сингапура (из Индии), а в 80-е годы XIX в. телеграф связал Сингапур с западными малайскими княжествами. В 1879 г. в Сингапуре появилась телефонная служба, а в 1882 г. она распространила свою деятельность и на Джохор. К 80-м годам XIX в. Сингапур стал крупным центром деятельности английских пароходных компаний, с которыми успешно конкурировал «Северогерманский Ллойд»; к концу века в городе появились офисы французских, голландских, итальянских и скандинавских пароходных компаний.

Постоянно расширялся портовый район Сингапура, улучшались подъездные пути. Были сооружены новые доки и верфи; возникла гигантская «Танджонг Пагар док К^о», поглотившая к концу века более слабых конкурентов. Модернизация порта ускорила в начале XX в. На базе частной «Танджонг Пагар док К^о» в 1905 г. была создана правительственная компания, которая перестроила старые верфи, соорудила новые склады, проложила подъездные пути, провела в порт электричество. К 1913 г. модернизация порта была завершена. Грузовики заменили повозки, запряженные быками; в 1909 г. железная дорога соединила город и порт Сингапур с Кранджи, расположенным напротив Джохор-Бару, на противоположной стороне пролива, отделяющего Сингапур от Малайи.

Быстро росло население Сингапура, увеличившееся на 40% между 1881 и 1911 гг. главным образом за счет иммигрантов. В 1911 г. там проживало более 185 тыс. человек, три четверти которых составляли китайцы. Хотя большинство их родилось в Китае, возросло число тех, чьей родиной стал Стрейтс Сеттлментс, в основном Сингапур, — 10% в 1901 г. и 25% в 1911 г. Хотя Сингапур в начале XX в. продолжал оставаться «городом мужчин», женская иммиграция несколько увеличилась. Китайская община по-прежнему возглавлялась *баба* — потомками первых поселенцев на острове, вступивших в браки с малайскими женщинами. *Баба* становились членами Законодательного совета, Китайской совещательной палаты, мировыми судьями, неизменно сохраняя глубокую лояльность по отношению к британской короне. Среди них к началу XX в. появились лица с европейским университетским образованием: упоминавшийся выше врач Лим Бункен, адвокат Сон Онсиан и др. Китайцы немногочисленного верхнего слоя — местные уроженцы — принимали христианство (главным образом в форме протестантизма), создавали спортивные клубы (по образцу британских), отпращивали детей в английские сингапурские школы и британские университеты.

Вместе с тем в этот период укреплялись связи сингапурских китайцев с Китаем. Они стали чаще посещать родину предков, выдавать дочерей за вновь прибывавших иммигрантов, искать жен для своих сыновей в Китае, отправлять туда детей учиться и т.п. Реформаторы во главе с Лим Бункеном ратовали за обучение в китайских школах на пекинском диалекте (официальном языке Китая), а не на южных вариантах китайского языка, на которых говорило большинство населения Сингапура, выступали за право на образование для женщин, боролись с опиумокурением и ношением косичек.

В начале XX в. более заметной стала роль богатой прослойки китайских иммигрантов, начавших оседать в Сингапуре. *Баба* объединялись вокруг Британско-китайской ассоциации Проливов, оплотом же нуворишей-иммигрантов стала Сингапурская торговая палата. Если *баба* формировали европейски образованный, принимавший участие в муниципальной жизни и ориентированный на вестернизацию слой, то богатые торговцы — недавние выходцы из Китая мало контактировали с английской администрацией, чему мешало слабое знание ими английского языка, и предпочитали сосредоточиваться на интересах собственно китайской общины. Самой заметной фигурой среди них стал Тан Каки, прибывший в Сингапур 17-летним нищим юношей в начале 90-х годов XIX в., а к началу Первой мировой войны создавший первую китайскую компанию в Сингапуре, чья деятельность вышла за пределы острова и охватила Малайю, Сиам и Китай.

Вплоть до 1903 г. индийцы в Малайю прибывали исключительно через Пинанг. Сингапур занимал лишь третье (после Пинанга и Порт-Суиттенхэма) место в иммиграционном потоке из Индии и с Цейлона. Хотя в последние годы XIX в. торговая индийская община в Сингапуре увеличилась по численности, большинство индийцев лелеяли мысль о возвращении домой. Индийское население было менее сплочено, нежели китайское, разделяясь по национальностям (тамилы, сингалы, пенджабцы, гуджаратцы и др.), религиям (индуисты, мусульмане, сикхи, христиане) и кастам. Основными сферами деятельности индийцев в Сингапуре были: мелкая торговля, транспорт (лодочники, портовые кули, погонщики быков), служба в офисах (на вспомогательных ролях). Экономическая и политическая роль индийской общины была несравненно меньше, чем китайской.

В последней четверти XIX в. Сингапур становится одним из экономических центров малайско-исламского мира в ЮВА и базой индонезийской иммиграции в Малайю. В 1886–1889 гг. 21 тыс. яванцев подписали в Сингапуре контракты на работу в Малайе, а в конце XIX в. их число в связи с возникновением каучуковых плантаций резко возросло. С развитием парового флота Сингапур стал превращаться в центр транспортировки паломников Архипелага и Полуострова, совершавших *хадж*, чему способствовала более либеральная, чем голландцев в Нидерландской Ост-Индии, политика британских колониальных властей. Многие паломники проводили в Сингапуре месяцы, а иногда годы, чтобы накопить деньги на путешествие в Мекку. В 1901 г. малайско-индонезийское (и вообще мусульманское) население Сингапура составляло более 36 тыс. человек: 23 тыс. малайцев Полуострова, более 12 тыс. иммигрантов с архипелага Риау, Суматры, Явы, Бавеана и Сулавеси, около тысячи арабов и 600 *джави-перанакан*. Выходцы из Индонезии легко адаптировались в местной малайской среде и, в отличие от индийцев и китайцев, редко возвращались на родину. Процветали лишь не-

многие. Выходец из семьи бугов Хаджи Эмбок Сулох стал крупной фигурой, он владел недвижимостью в Сингапуре, перечными плантациями на Суматре и Калимантане и собственными судами. Некоторые *минангкабау* с Суматры достигали успеха в торговле. Но большинство малайцев, родившихся в Сингапуре или переселившихся сюда с Полуострова и Архипелага, работали сторожами, садовниками и домашними слугами.

Малайско-мусульманская община возглавлялась выходцами из *джави-перанакан*, получившими европейское образование, и богатыми арабами, число которых возросло в последней четверти XIX в. и которые начали конкурировать с китайскими и европейскими предпринимателями и торговцами. Богатые семьи арабской общины, пополнившейся в конце XIX в. иммигрантами из Хадрамаута, значительную часть которых составляли религиозно образованные люди, контролировали перевозку паломников в Мекку, заметную часть внутреннего парусного судоходства на Архипелаге, владели чайными и перечными плантациями, приобретали земельные участки на о-ве Сингапур. Небольшая община *джави-перанакан* резко активизировалась в начале XX в. *Джави-перанакан* преуспевали в торговле, пополняли ряды клерков, учителей, переводчиков, некоторые стали заниматься журналистикой и издательским делом. В 1900 г. арабы и *джави-перанакан* основали Персекутуан ислам Сингапура (Сингапурскую исламскую ассоциацию), вслед за которой стали возникать различные (небольшие) клубы и общества, сосредоточившие внимание на образовании, развитии малайского языка и сохранении обычаев.

Город стал менять свой облик, особенно с созданием в 1887 г. муниципалитета. Стали перестраиваться улицы, возводиться новые здания (городской совет, театр), прокладываться дороги. Возникла пожарная служба (1888 г.), появился трамвай и электрическое освещение на главных улицах (1906 г.). Медицина и образование находились вне сферы первостепенных забот колониальных властей. Комиссия 1896 г. под председательством Лим Бункена установила, что масса населения живет в ужасающих условиях; смертность выше, чем в Гонконге, на Цейлоне и в Индии; жители страдают от бери-бери, туберкулеза, малярии и дизентерии, причинами которых являются бедность, отвратительные жилищные условия, недоедание и антисанитария; одна из главных причин такого состояния — потребление опиума бедными слоями населения.

В 1906 г. генеральный консул Китая в Сингапуре при поддержке Лим Бункена и его немногочисленных сторонников, а также европейских миссионеров создал Сингапурское антиопиумное общество, деятельность которого сразу же натолкнулась на сопротивление большинства европейских и китайских торговцев и англоязычной прессы. Созданная в 1907 г. комиссия установила, что опиумокурение наносит ущерб главным образом бедным слоям населения, причем особенно страдают рикши, доживающие вследствие потребления опиума лишь до 35–40 лет. Попытки губернатора Джона Андерсона ввести подходящий налог вместо лицензий на торговлю опиумом встретили резкую критику недолжностных членов Законодательного совета (богатых европейских и азиатских торговцев). В качестве полумеры администрация в 1910 г. монополизировала производство опиума, улучшив его качество, и вплоть до середины 20-х годов опиум продолжал приносить в бюджет Сингапура почти половину поступлений.

На протяжении всего XIX века администрация Сингапура практически не занималась проблемами образования, предоставив это миссионерам или меценатам. В 1902 г. был введен в действие Закон об образовании, а в 1909 г. создан Совет по образованию. Администрация взяла курс на создание английских начальных школ, число которых с 1904 по 1911 г. удвоилось. Под давлением местных китайских предпринимателей, собравших необходимую сумму, администрация открыла в 1905 г. медицинскую школу, названную в 1912 г. Медицинской школой имени короля Эдуарда VII (с 1920 г. — колледж).

Образовательная политика начала XX в. способствовала дальнейшей стратификации сингапурского общества: английское образование открывало путь в широкий бизнес и на государственную службу, в то время как те, кто учился в китайских школах, могли продвигаться лишь в китайском секторе, а окончившие начальные малайские и тамильские школы, если они не продолжали образование на английском, вообще оказывались в тунике.

Этот период отмечен становлением сингапурской журналистики.

В 1887 г. возобновилось издание англоязычной газеты «Сингапур фри пресс», потерпевшей банкротство в 1869 г. С этого времени в Сингапуре выходили две англоязычные ежедневные газеты: утренняя — «Сингапур фри пресс» и вечерняя — «Стрейтс таймс», старейшая сингапурская газета.

С 1876 г. стала выходить газета «Джави перанакан» на малайском языке — первое издание подобного рода в Нусантаре. До 1888 г. ее главным редактором был Мохаммед Саид бин Дада Мохиддин, происходивший из малайско-индийской семьи. Просуществовавшая до 1896 г. газета была лояльной по отношению к властям. Публиковавшиеся в ней материалы состояли в основном из коммерческой информации, перепечаток из местных английских газет и египетской прессы. Оригинальные статьи были посвящены проблемам малайского образования, языка и преодолению отставания малайской общины. Заметный след в малайской журналистике Сингапура оставил уже упоминавшийся «аль-Имам» и вышедший в 1894–1895 гг. журнал «Бинтанг Тимур» («Звезда Востока»), использовавший латинизированный малайский шрифт.

Малайская пресса Сингапура обязана своим развитием «отцу малайской журналистики» *минангкабау* с Суматры Мохаммеду Юносу бин Абдуллаху, который с 1907 г. стал издавать газету «Утусан Мелаю» в качестве малайской версии «Сингапур фри пресс», которая стала первой общемалайской газетой светского направления, предназначенной для городских жителей. Она выходила три раза в неделю (на шрифте джави и на латинизированном малайском для *баба*), а в 1915 г. стала ежедневной. В 1914 г. Мохаммед Юнос бин Абдуллах стал издавать «Лембага Мелаю», малайскую версию новой английской газеты «Малайя трибюн». Как и «Утусан Мелаю», «Лембага Мелаю» занимала либерально-умеренные позиции, сохраняя лояльность, но критикуя иногда те или иные мероприятия администрации.

Выражавшая интересы небольшой (менее 3 тыс. человек в 1881 г.) евразийской общины газета «Сингапур еуроэзн адвокат» (на английском) выходила в 1888–1891 гг., а вторая подобная же газета просуществовала лишь в течение нескольких месяцев в 1900 г. В 1888 г. появилась и первая тамильская газета — «Сингай несан».

Первая китайская газета в Сингапуре, «Лай Пау», была основана *баба Си Эу Лэем*, связанным с Гонконг-шанхайским банком и ориентирующимся на культурные связи с Китаем. Это была консервативная газета, поддерживающая императорский режим в Китае, ратующая за сохранение традиций (в частности, она выступала за ношение косичек — проблема, разделившая китайскую общину Сингапура в конце 90-х годов XIX в.), практически не касающаяся сингапурских событий (кроме коммерческой информации). В 1907 г. появилась и китайская газета реформаторского направления — «Юнион таймс».

САБАХ И САРАВАК

«Бритиш Норт Борнео К^о», как и саравакские раджи братья Бруки, немедленно стала расширять свою территорию за счет Брунея. Уже первый губернатор У.Тричер захватил острова у берегов Сабаха, включая Баламбанган, а также ряд пунктов на западном побережье Сабаха. В дальнейшем владения Компании продолжали расширяться в юго-западном направлении. В 1889 г. к Сабаху был присоединен о. Лабуан, который в 1906 г., однако, снова стал отдельной колонией, а в 1907 г. вошел в состав Стрейтс Сеттльментс. В начале XX в. Компания захватила у Брунея еще несколько районов, и ее владения стали граничить с Сараваком.

Хотя Сабах принадлежал частной компании, фактически он был обычной английской колонией. В 1888 г. Англия установила и формальный протекторат над Сабахом. «Бритиш Норт Борнео К^о» очень мало занималась торговлей и вообще экономической деятельностью, выполняя главным образом административные, судебные и налоговые функции, которые и обеспечивали выплату дивидендов ее пайщикам. Губернаторы и другие высшие чиновники обычно приглашались из малайской гражданской службы, с которой администрация Сабаха поддерживала тесные связи. В начале XX в. Сабах состоял из четырех резидентств: Западный Берег, Восточный Берег (Сандакан), Тавау и Внутреннее резидентство. Центром вначале был Сандакан, а затем — Джесселтон на западном побережье. Резидентства делились на дистрикты, руководимые английскими служащими Компании.

В 1912 г. был создан Законодательный совет при губернаторе, в который вошли семь должностных и четыре недолжностных членов, представлявших европейских плантаторов и китайских предпринимателей.

Как и в Сараваке, английская администрация Сабаха стремилась найти опору среди местной знати, но, в отличие от Саравака, ей приходилось больше иметь дело с даякскими вождями, чем с малайскими феодалами. С самого начала Компания стала платить деревенским вождям — старостам, признавшим ее власть, — ежемесячные пособия. По образцу Стрейтс Сеттльментс в Сабахе был введен Закон о деревне. Согласно этому закону, староста назначался резидентом или главой дистрикта и утверждался в этой должности губернатором. Староста должен был уведомлять полицию о всех происшествиях, появлении подозрительных лиц, преступлениях, он мог вершить суд по уголовным делам (кроме дел об убийствах и грабежах); он же распределял земельные участки среди жителей своей деревни, наблюдал за постройкой домов и т.д.

В 1912 г. местные вожди были разделены на два (позже три) ранга, и каждому из них выдавались специальный знак и грамота в подтверждение его сана. Вожди первого ранга стали получать жалование в размере не менее 25 мал. долл. в месяц. Английская администрация запретила в начале XX в. рабовладение, начала борьбу с охотой за головами.

В отличие от Саравака, английский и другой иностранный капитал с самого начала был широко допущен в Сабах. «Бритиш Норт Борнео К^о» рассчитывала тем самым увеличить свои доходы за счет таможенных пошлин, концессионных сборов и т.п. С целью привлечения частного капитала Компания пошла на сооружение телефонной линии, связавшей в 1897 г. Сандакан с Джесселтоном и Лабуаном, и на строительство дорогостоящей железной дороги вдоль западного побережья Сабаха (вступила в строй в 1905 г.).

В первые годы Компания всячески поощряла торговлю традиционными продуктами Сабаха — птичьими гнездами, ратангом, гуттаперчей, камфарой, слоновой костью. В середине 80-х годов XIX в. возникла лесная промышленность, и лес превратился в основной экспортный продукт Сабаха, сбывавшийся главным образом в Китай и Австралию. В начале XX в. экспортом леса занимались четыре крупные компании, из которых решающую роль играла основанная в 1890 г. «Борнео трейдинг К^о», владевшая в 1916 г. 14 концессиями общей площадью около 200 тыс. га. Вывоз леса непрерывно возрастал: в 1890 г. стоимость экспортируемого леса составила 44,6 тыс. мал. долл., в 1895 г. — 375 тыс., в 1910 г. — 6443 тыс. Хищнические методы хозяйствования очень скоро привели к угрозе для лесов Сабаха, и администрация накануне Первой мировой войны создала лесной департамент, который попытался (правда, без особых тогда результатов) установить контроль над вырубкой леса.

В конце XIX — начале XX в. в Сабахе развернули активную деятельность различные горнодобывающие и нефтяные компании, но промышленная добыча полезных ископаемых (кроме угля на Лабуане) до конца Первой мировой войны так и не была налажена.

Гораздо успешнее развивалось плантационное хозяйство. Вначале в Сабахе возникли табачные плантации, и табак в конце XIX — начале XX в. занимал по стоимости первое место в его экспорте: 396 тыс. — в 1890 г., 1176 тыс. — в 1895 г. и 2918 тыс. мал. долл. — в 1902 г. Но затем началось падение цен на мировом рынке, сокращение спроса на табак для сигар, что вызвало резкое падение производства табака в Сабахе, где в 1912 г. осталось лишь 12 табачных плантаций.

Каучуковые плантации оказались в более выгодном положении. Правление «Бритиш Норт Борнео К^о» после начала каучукового бума предоставило большие льготы всем компаниям, производящим каучук. Это вызвало бурный рост каучуковых плантаций. Непрерывно росли доходы «Бритиш Норт Борнео К^о», увеличившей дивиденды своих пайщиков с 2–2,5% в 90-х годах XIX в. до 5% в 1909–1914 гг.

Как и в Малайе, внедрение английского капитала в экономику страны вызвало китайскую иммиграцию в Сабах. Китайцы занимались торговлей, ремеслами, работали на плантациях и в горной промышленности.

Несмотря на то что наиболее мощные очаги антианглийского сопротивления в Сараваке были подавлены еще при Джеймсе Бруке, во внутренних областях

вплоть до Первой мировой войны спорадически возникали вспышки недовольства колониальным управлением. Самой значительной из них было восстание даяков под руководством Бантинга и Нгумбанга в 1893 г. Экспедиция 1894 г., возглавленная раджей Чарлзом Бруком, потерпела неудачу. В 1902 г. он снарядил еще одну экспедицию против Бантинга, который упорно продолжал не признавать власть «белых раджей». Вспышка холеры и сопротивление повстанцев обрекли на полную неудачу и эту экспедицию. В последующие годы войска и полиция Бруков совершали бесконечные рейды на мятежные территории, сжигая деревни, уничтожая посевы и т.п., но лишь в 1908 г. Бантинг признал власть Бруков и прекратил сопротивление.

В 1908–1909 гг. и 1915 г. в Сараваке произошли новые волнения среди даяков.

«Бритиш Норт Борнео К^о» устанавливала свою власть в Сабахе, как и Бруки в Сараваке, опираясь на военную силу. В 80-х — начале 90-х годов XIX в. полиция Сабаха устраивала постоянные набеги на различные даякские племена, не останавливаясь перед истреблением жителей целых селений. Племенная рознь и вражда между даяками и малайцами облегчали Компанию закрепление во внутренних районах.

В последнем десятилетии XIX в. в Сабахе вспыхнуло восстание, явившееся одним из самых значительных проявлений антиколониального движения на Северном Калимантане в период английского господства. Главной причиной восстания стали злоупотребления сборщиков подушевого налога, которые появились во внутренних районах Сабаха. Восстание, начавшееся в конце 1894 г., возглавил деревенский староста Мат Саллех. В 1897 г. он разгромил английское поселение на о-ве Гайя, после чего к нему присоединились сотни дусунов, баджау и сулуков. Вслед за тем он сжег резидентство в Амбонге и укрепился в селекции Ранау, ставшем его штаб-квартирой. После неудачного нападения на Ранау власти были вынуждены просить помощи у английского флота. Канонерки поднялись по реке и артиллерийским огнем уничтожили укрепление Мат Саллеха.

Но Мат Саллех не прекратил борьбы. Он обосновался в долине р. Тамбанан, куда к нему стекались все недовольные английским господством, развернул партизанскую борьбу на Западном берегу. В феврале 1900 г. в случайной стычке Мат Саллех был убит, но восстание продолжалось. Партизанская война в джунглях шла до 1903 г., когда были убиты или сдались помощники Саллеха. Кроме восстания Мат Саллеха в Сабахе в конце XIX — начале XX в. происходили и другие выступления против английской власти.

Таким образом, к началу Первой мировой войны Северный Калимантан (Саравак, Сабах и Бруней) был окончательно превращен в английскую колонию: была создана система колониального управления и подавлено сопротивление местного населения.

ИНДОНЕЗИЯ В НАЧАЛЕ XX в.

Основные тенденции, наметившиеся в социально-экономическом развитии Индонезии в предшествующий период ее истории, т.е. с 70-х годов XIX в., продолжали сохраняться и в начале XX в., с той лишь разницей, что темпы экономических сдвигов и формирования новых общественных слоев явно ускорились. Окончательно сложилась территория Нидерландской Ост-Индии, ставшей позже современной Индонезией. Начались перемены во внутренней колониальной политике. И наконец, именно тогда в Индонезии возникает организованное национально-освободительное движение современного типа, тесно связанное с культурно-психологическими переменами в индонезийском обществе.

Особенностью экономического развития стал достаточно резкий переход от системы государственной монополии к ведущей роли частного крупного капитала. Если в 1900 г. семь банков во главе с Нидерландским торговым обществом вложили в сельскохозяйственное производство Индонезии 72,1 млн. гульденов, то к 1915 г. эта сумма возросла почти в два раза — до 139,1 млн. гульденов. Как уже отмечалось, с конца XIX в. в Индонезии стали возникать колониальные монополии, которые, вкладывая капиталы в основном в плантационное хозяйство и горнодобывающую промышленность, активно привязывали Индонезию к мировому рынку, превращая ее в поставщика сельскохозяйственной продукции и минерального сырья. С 1900 по 1915 г. производство сахара выросло почти в два раза (с 744 тыс. до 1348 тыс. т), чая — в шесть (с 6,6 тыс. до 40,8 тыс. т), табака — в полтора раза (56,9 тыс. т в 1915 г.), производство каучука (не существовавшее в 1900 г.) достигло в 1915 г. 15,8 тыс. т.

Резко увеличилось число плантационных хозяйств во Внешних провинциях. Если общий экспорт сельскохозяйственной продукции Нидерландской Индии с 1898 по 1913 г. вырос более чем в два раза (со 153 млн. до 389 млн. гульденов), то Внешних провинций — почти в четыре раза (с 33 млн. до 125 млн. гульденов). Головокружительными темпами росла добыча нефти (1 тыс. т в 1890 г. и 1525 тыс. т в 1913 г.) и каменного угля (8 тыс. т в 1890 г. и 567 тыс. т в 1913 г.).

Особенностью эксплуатации Индонезии стало широкое участие международного капитала. Слабая Голландия, проводя политику «открытых дверей», уменьшала тем самым угрозу вторжения на Архипелаг более мощных держав. Общая сумма иностранных инвестиций с 1900 по 1914 г. более чем удвоилась, достигнув почти 750 млн. ам. долл. Однако господствующие позиции занимал все же голландский капитал: на долю частного капитала метрополии до Первой мировой войны приходилось около $\frac{3}{4}$ иностранных инвестиций в Индонезию.

Баланс внешней торговли отразил те изменения, которые претерпела экономика страны. Если в 70–80-х годах XIX в. стоимость частного экспорта превышала стоимость импорта примерно на 50 млн. гульденов, то в 1913 г. — на

180 млн. Показательно, что доля Голландии во внешней торговле заметно сократилась: с 76,5% индонезийского экспорта и 40,5% импорта в 1870 г. до 28,1% и 33,3% соответственно в 1913 г. В том же, 1913 г. на долю Англии и ее владений приходилось около 40% экспорта Нидерландской Индии и более 4% импорта. Из других стран заметное место во внешней торговле Индонезии накануне Первой мировой войны занимали Германия, США, Франция, Япония.

Расширялась транспортная система: 5432 км железных дорог в 1913 г. Развивалось и судоходство — в 1913 г. на нидерландско-индонезийских линиях плавало 179 голландских пароходов (более 50% пароходов метрополии), на внутриостровных — 80, принадлежавших Королевскому почтовому пароходству.

Значительную роль в экономике Нидерландской Индии продолжало играть государство. Оно контролировало земельный фонд и леса, осуществляло добычу соли, угля и большей части олова, владело почтой и телеграфом, крупными ирригационными сооружениями, плантациями, промышленными предприятиями и железными дорогами.

Главные доходы колониальная администрация получала от налогов. Так, с 1897 по 1913 г. сумма налогов выросла с 53 млн. гульденов до 103 млн., составив 54% всех поступлений в казну. Основными прямыми налогами были земельный и подушный. На втором месте в доходной части бюджета стояли поступления от правительственных монополий (соль, опиум, ломбарды), которые сдавались на откуп китайскому капиталу. Основная тяжесть налогового гнета падала на местное население, тогда как европейские предприниматели получали различные налоговые льготы.

«ЭТИЧЕСКИЙ КУРС» И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

В конце XIX в. стали сказываться те последствия деятельности частного иностранного капитала в Индонезии, которые вынудили наиболее дальновидных политических деятелей в Нидерландах приступить к выработке нового курса в колониальной политике. Резкое падение жизненного уровня местного населения, особенно крестьянства, потребность иностранных предприятий и государственного аппарата в грамотных «туземных» служащих, необходимость создать систему хотя бы элементарного медицинского обслуживания для увеличивающегося европейского населения колонии и обеспечения предприятий (особенно плантаций) здоровой рабочей силой, а главное — стремление смягчить нарастающие противоречия между индонезийским населением и голландской властью заставили правящие круги Нидерландов начать изменение курса. В этом же направлении толкала их долголетняя традиция эксплуатации колонии под надзором метрополии и ее вмешательства, которое, строго говоря, не прекращалось даже в годы «либерального курса», наступившего после «системы культур». И наконец, следует иметь в виду, что либеральное и демократическое общественное мнение восприняло новый курс как продолжение гуманистических традиций В. ван Хювелла и Мультиатули.

Впервые заговорил о необходимости изменения колониальной политики министр колоний (1891–1894) либерального правительства барон В.К. ван Дедем. Основной же эффект произвела статья К.Т. ван Девентера «Долг чести», опубликованная в 1899 г. Ван Девентер обвинил либералов в систематическом ограблении Индонезии и потребовал возвращения «долга чести» — 187 млн. гульденов, переведенных на бюджет метрополии из колонии с 1867 по 1898 г. Другими активными пропагандистами «моральной ответственности» Нидерландов перед Индонезией, оказавшими большое влияние на общественное мнение, были социал-демократ Г. ван Коль и либеральный журналист из Семаранга П.Броосхофт, которому принадлежал и сам термин «этический курс».

После парламентских выборов 1901 г. в Нидерландах, на которых победила «Христианская коалиция» — союз религиозных партий, противостоявших либералам, «этический курс» стал официальной политикой в колонии. Инициаторы и проводники «этического курса» (премьер-министр А.Кюйпер, министр колоний, а затем генерал-губернатор Александр В.Ф.Иденбюрг, директор департамента образования Нидерландской Индии Ж.Х.Абенданон, исламовед К.Снук Хюргронье и др.) декларировали три основные задачи: подъем благосостояния населения, децентрализация управления, развитие образования и здравоохранения.

«Этический курс», несомненно, принес определенные результаты и перемены. В 1905 г. Голландия «простила» своей колонии долг в 49 млн. гульденов, из которых 10,3 млн. были использованы на экономическое развитие Явы и Мадурь. Были предприняты меры по подъему благосостояния местного населения: развитие ирригации, создание сети кредитных учреждений в деревнях («банки народного кредита»), поощрение ремесла, организация переселения из Явы на Внешние острова. Правда, средства были недостаточны и многие мероприятия не слишком эффективными. Тем не менее, по данным правительственных комиссий, жизненный уровень яванского крестьянства в 1904–1913 гг. стабилизировался.

В 1903 г., после издания Акта о децентрализации, были созданы советы в городах (1905 г.), а также в регентствах и резидентствах (1907 г.) Явы, а с 1917 г. советы в крупных городах стали создаваться и во Внешних провинциях. Члены резидентских советов и неевропейские члены городских (муниципальных) советов назначались властями, избирались только европейские члены городских советов. «Децентрализация» до Первой мировой войны не дала никаких прав даже верхушке местного общества. А вот чиновничий аппарат вырос. Выросло число департаментов, а также количество экспертов и технических специалистов. Появились департамент сельского хозяйства, департамент государственных предприятий, управление банками народного кредита, службы здравоохранения, рыболовства, животноводства.

Несколько улучшилось санитарное состояние колонии, сократились эпидемии. Но в целом здравоохранение оставалось на низком уровне: в 1914 г. один врач приходился на 400 тыс. жителей. Особый упор программа «этического курса» делала на развитии образования. Но даже число начальных, или «туземных», школ оставалось незначительным. Количество индонезийцев, обучавшихся в неполных средних школах европейского типа, с 1900 по 1905 г. возросло с 1545 до 3725. Лишь один процент индонезийцев, окончивших такие школы, попадал в средние школы: 13 человек в 1900 г. и 36 человек в 1905 г. В отличие от Индии или Фи-

липпин в голландской колонии не было ни одного высшего учебного заведения. Появились, правда, средние специальные училища — медицинское (СТОВИА¹) в Батавии, шесть школ для подготовки местных чиновников, пять педагогических училищ, готовивших учителей для «туземных» школ, ветеринарное, сельскохозяйственное и юридическое училища. Доступ туда, как и в средние школы европейского типа, был открыт главным образом для детей служилой аристократии.

В конечном счете «этический курс», внеся определенные изменения, не решил и не мог решить проблему структурных изменений в колониальной экономике и в социально-политической системе. Не удался замысел, принадлежавший К.Снуку Хюргронье, создать «национальную и политическую ассоциацию всех голландских подданных», включая индонезийцев, на базе европейской культуры. Но в ходе реализации «этического курса» усилилась значимость новой индонезийской интеллигенции, которая, получив доступ к современному образованию и используя некоторую либерализацию политической и общественной жизни, отвергла «ассоциацию» с колониальным режимом, став идеологом и лидером национально-освободительного движения. Таким образом, «этический курс», задуманный как средство упрочения голландской власти в Индонезии, объективно способствовал развитию антиколониальной борьбы современного типа.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

В силу целого ряда социально-экономических (формирование общеиндонезийского рынка, возникновение новых классов и слоев, появление интеллигенции и объединений представителей разных народностей, усиление контактов между различными регионами), политических (объединение страны в одну колонию, общая борьба против иноземного господства), культурных (общность культурного наследия, превращение малайского языка в средство общеиндонезийского общения, родственность языков большинства народов Архипелага), религиозных (почти 90% населения — мусульмане), исторических (уходящие в глубокую древность связи и общность историко-культурного наследия) факторов в целом получила преобладание тенденция к растущей самоидентификации индонезийцев в рамках единой полиэтничной нации с единым языком, хотя наряду с этим шел и процесс становления этнонационального сознания целого ряда этнических образований на базе наиболее развитых народностей (яванцы, сунданцы, мадурцы, амбонцы, *минангкабау*, буги, ачехцы и др.).

Важную роль в этом процессе сыграли два фактора. Одним из них было возникновение в начале XX в. идеи общенационального индонезийского языка на базе малайского, который, несмотря на то что он является родным для 6–7% населения, со времен средневековья был языком межэтнического общения для всего

¹ Сокращение от голландского *School tot opleiding van inlandsche artsen* (Школа по подготовке туземных врачей).

Архипелага². Другим фактором было употребление, начиная с Первой мировой войны, в качестве названия страны возникшего в научной, преимущественно этнографической, литературе второй половины XIX в. слова «Индонезия» («Островная Индия») вместо «Нидерландская Индия» или «Нидерландская Ост-Индия».

Главной силой, формирующей пробуждавшееся национальное самосознание в Индонезии, стала новая интеллигенция, появившаяся на рубеже XIX–XX вв. Значительную роль в ее создании сыграл «этический курс», расширивший возможности получения западного образования индонезийцами. Большинство первых интеллигентов происходили из аристократической среды, главным образом яванской. Европейское образование получили некоторые *реген*ты и *патихи*: Раден Ранга Картавината — составитель первого голландско-сунданского словаря, *пангеран* (принц) Арьо Хаднинингат, Раден Мас Адипати Кусумо Утойо, *пангеран* Ахмед Джаядинингат и др. Аристократами по происхождению были создатели и активные участники первых национальных организаций Раден Сутомо, Суварди Сурьянингат (Ки Хаджар Деванторо), Тиртоадисурьо, Умар Саид Чокроаминото. Стали появляться интеллигенты из «разночинной» среды: сын деревенского старосты Вахидин Судирохусодо, сыновья яванского учителя Чипто и Гуаван Мангункусумо, дети богатых торговцев *минангкабау* Абдул Риваи, Абдул Муис и Хаджи Агус Салим.

В отличие от старшего поколения чиновников-интеллигентов, интегрировавшихся в колониальное общество, новое поколение остро реагировало на проявления колониального гнета и расовой дискриминации. Невозможность добиться соответствующего образованию служебного положения, тяжелые материальные условия способствовали радикализации интеллигенции³. Характерно, что многие интеллигенты предпочитали профессии врача и журналиста чиновничьей карьере, поскольку это делало их более независимыми.

Основная масса новой интеллигенции относилась к «мелкобуржуазным» («разночинным») слоям населения. Даже те, кто вышел из семей *прияи* (в большинстве своем обедневших), по своему социальному положению — врачи, клерки, учителя, журналисты — имели с аристократией мало общего. Эта особенность определила демократичность индонезийской интеллигенции и ее способность чутко реагировать на настроения народа. Новая интеллигенция формировалась главным образом на Яве, где находились основные центры образования и деловой жизни. Но хотя большинство ее (особенно в первое время) составляли яванцы, с самого начала идеология складывающегося национально-освободительного движения приобрела общеиндонезийскую окраску.

Предшественницей организованного национального движения явилась Раден Адженг Картини (1879–1904). Принадлежавшая к яванской аристократии (ее дед,

² Как ни парадоксально, этому способствовали и сами голландцы, на протяжении долгого времени запрещая «туземцам» пользоваться голландским языком и разговаривать с местным населением по-малайски.

³ Индонезийцу, получившему самые высокие оценки среди кандидатов трех средних школ, где большинство составляли дети европейцев, добивавшемуся стипендии для продолжения обучения в Нидерландах, было отказано в поездке в метрополию, и он был вынужден стать низкооплачиваемым клерком угледобывающей компании. Это разочарование стало для одного из главных деятелей раннего национально-освободительного движения, Агуса Салима, толчком к критическому отношению к идеям «этиков».

отец, дядя, брат и муж были регентами), Картини окончила голландскую начальную школу и занялась самообразованием, которое позволило ей познакомиться с современной художественной, политической и научной литературой. В своих письмах (она поддерживала обширную корреспонденцию), статьях и очерках Картини выступала с просветительско-демократических и патриотических позиций. Она осуждала феодальные порядки и нравы, резко выступала против телесных наказаний. Демократические взгляды Картини проявлялись и в осуждении привилегий знати и чванливости аристократии, и в стремлении общаться с простыми людьми, и в призывах трудиться на благо народа. Ключом к решению этих проблем просветительница считала образование, призывая своих соотечественников участвовать в просвещении народа, «в поднятии его морали на более высокую степень», чтобы «прийти к лучшим, более счастливым общественным порядкам». Картини была горячей поборницей женской эмансипации, рассматривая женское образование не как самоцель, а как средство для просвещения всего народа.

Достаточно сложным было отношение Картини к колониальному режиму. Общаясь и поддерживая дружеские отношения с «этиками» (Ж.Х.Абенданом и его семьей, лидером голландских правых социал-демократов Г. ван Кодем и его супругой), Картини, подходя к оценке властей с морально-этической точки зрения («хорошие» и «плохие» голландцы), порой идеализировала голландскую колониальную политику, верила в возможность «ассоциации» на базе синтеза культур и европейского образования для индонезийцев. Однако со временем в ее взглядах стало преобладать критическое начало. Она писала о презрении голландцев к местному населению, о грубом обращении чиновников, осуждала некоторые мероприятия администрации (сохранение опиумной монополии), критиковала налоговую и образовательную политику.

Ратуя за европейское образование, Картини оставалась горячей патриоткой, призывавшей не пренебрегать своим, национальным наследием. Этот патриотизм проявлялся и в ее интересе к яванской культуре, языку, народному искусству. Вместе с тем она уделяла внимание другим народам. Патриотизм Картини, любовь к своему народу, критика колониального режима, борьба за просвещение, демократизм — все это оказало большое влияние на формирование общеиндонезийского национального самосознания⁴.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОРГАНИЗОВАННОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Национально-освободительное движение современного типа в Индонезии появилось в эпоху «пробуждения Азии». В первую очередь резонанс в Индонезии получили такие события, как русско-японская война 1904–1905 гг. (воспринятая в колониальных странах как победа азиатской державы над европейской), младотурецкая революция 1908 г., Синьхайская революция в Китае (1911–1913) и подъем освободительной борьбы в Индии.

⁴ В независимой Индонезии день рождения Картини — 21 апреля — стал одним из национальных праздников.

Идея создания национальной организации зародилась у выпускников медицинского училища СТОВИА в Велтефредене, пригороде Батавии, большинство которых были детьми мелких *прияи* и деревенской верхушки. Инициатива принадлежала просветителю, известному на Яве врачу Вахидину Судирохусодо (ок. 1860 — 1916). 20 мая 1908 г. группа батавских студентов-медиков, возглавляемая Раденом Сутомо (1888–1938) и Гунаваном Мангункусумо, а также представители ряда других учебных заведений Явы провозгласили создание организации, получившей название «Буди Утомо» («Прекрасное, или высокое, стремление»). Отделения «Буди Утомо» стали возникать и в других городах Явы. К «Буди Утомо» примкнули многие аристократы старшего поколения. 3–5 октября 1908 г. в Джокьякарте состоялся первый конгресс этой организации, на котором выявились противоречия между демократическим крылом организации — представителями части учащейся молодежи, возглавляемыми Чипто Мангункусумо (1886–1934) и его братом Гунаваном, и умеренным, консервативным крылом, объединявшим чиновников-аристократов. «Разночинцы» стояли за превращение «Буди Утомо» в массовую политическую организацию, которая будет защищать интересы простого народа. Победили на конгрессе умеренные чиновники-аристократы, занявшие все ключевые посты в руководстве организации и принявшие программу лидера умеренной части студенчества Сутомо. Программа предусматривала содействие «гармоничному развитию страны и народа Явы и Мадур» посредством дозволенных законом средств. Особое внимание она уделяла развитию «туземных» торговли, промышленности, ремесел и сельского хозяйства, а также возрождению яванской культуры и распространению знаний из области коммерции. Один из ее основателей, Сутомо, призывал прививать аристократической молодежи вкус к торговле и предпринимательству.

Несмотря на победу умеренно консервативных элементов (первым председателем организации стал регент Арьо Тиртокусумо), на робость в постановке вопросов, касающихся отношений с властями, культурно-просветительский характер программы, эта состоящая в основном из аристократов и аристократической интеллигенции организация объективно выражала требования буржуазного развития Индонезии.

Хотя «Буди Утомо» возникла как организация «коренного населения Явы и Мадур», с самого начала было заметно стремление придать ей общеиндонезийский характер. Организации был чужд локальный национализм, официальным языком ее конгрессов, документов и прессы был объявлен малайский.

В последующие годы «Буди Утомо» занималась исключительно культурно-просветительской деятельностью — организацией учебных курсов, учреждением стипендий, пропагандой технических, медицинских и сельскохозяйственных знаний, изучением истории, археологическими раскопками, поощрением народного искусства. Хотя представители левого крыла пытались превратить «Буди Утомо» в политическую партию, ведущую борьбу за общеиндонезийские интересы (они активно выступали на втором конгрессе в 1909 г., а в 1911 г. добились смены председателя организации — им стал не находящийся на колониальной службе принц Арьо Нотодироджо), но в массовую организацию «Буди Утомо» так и не превратилась, отличаясь умеренностью и лояльностью по отношению к властям. Вплоть до Первой мировой войны характер деятельности «Буди Утомо» опреде-

лялся умеренным аристократически-чиновным большинством. Но именно создание «Буди Утомо» означало начало национально-освободительного движения современного типа: она была первой индонезийской организацией с постоянным членством и членскими взносами, программой и уставом, выборным руководством, регулярными конгрессами⁵.

«Буди Утомо» получила поддержку «этиков» и умеренных кругов яванской аристократии, но консервативные *прияи*, основавшие еще в 1905 г. организацию «Пурнама» («Начало»), были недовольны слишком либеральной, по их мнению, организацией и создали в 1914 г. в Семаранге весьма реакционный и верноподданнический Союз регентов. Но даже в собственной среде обе эти организации серьезным влиянием не пользовались.

Под влиянием «Буди Утомо» возник еще ряд сходных организаций: «Индийское объединение» во главе с юристом Нотосурото, созданное в 1908 г. индонезийцами, обучавшимися в Голландии, «Путри Мердека» («Свободная женщина», 1912 г.), этнические союзы. Все эти объединения, как и «Буди Утомо», стоявшие на лояльных позициях, серьезного воздействия на национально-освободительное движение (кроме сунданского этнического союза «Пасундан») не оказали.

Если «Буди Утомо» была первой организацией современного национального движения вообще и его умеренного крыла в частности, то появление «Индийской партии» означало выдвижение на авансцену политической жизни радикального национализма.

«Индийская партия» была основана в сентябре 1912 г. Ведущую роль в ней играли индоевропейцы (в Индонезии их называли *индо*). Формально считаясь европейцами (в начале XX в. их насчитывалось более 60 тыс. человек), *индо* подвергались постоянной дискриминации, особенно низший слой этой группы, по своему социальному положению, быту, нравам и обычаям близкий к индонезийским разночинцам. Они основали культурно-просветительские организации «Индийский союз» (1898 г.) и «Инсулинде»⁶ (1907 г.).

Выразителем оппозиционных настроений *индо* выступил литератор и журналист Э.Ф.Э.Дауэс Деккер (1879–1950), внучатый племянник Мультиатули. Он критиковал в печати колониальные власти, их произвол и жестокость. Его ближайшими соратниками стали Суварди Сурьянинграт (1889–1959), потомок боковой ветви княжеского яванского дома Пакуалам, выпускник СТОВИА, потом — аптекарь, затем — журналист, и Чипто Мангункусумо, врач-разночинец, лидер левого крыла «Буди Утомо».

В декабре 1912 г. в Бандунге состоялся учредительный конгресс «Индийской партии», который принял программу и устав и избрал руководство (председатель Дауэс Деккер, вице-председатель Чипто Мангункусумо). Главная цель партии формулировалась следующим образом: «Вызвать у всех индийцев (т.е. индонезийцев. — *Авт.*) любовь к земле, которая их кормит, чтобы побудить их сотрудничать друг с другом на основе политического равноправия, добиться процветания их индийской родины и подготовить ее к независимому существованию».

⁵ Не случайно она вошла в историю как первая национальная организация Индонезии, а день ее создания — 20 мая — отмечается как День национального пробуждения.

⁶ Инсулинде (Островная Индия) — одно из неофициальных (как и Индонезия) названий Нидерландской Индии в тот период.

В качестве главного средства для достижения этой цели называлось «воспитание индийского национализма путем пропаганды идеи национального единства».

«Индийская партия» была первой в истории Индонезии организацией, открыто выдвинувшей политические требования как антиколониального, так и общедемократического характера (равноправие всех «индийцев», ликвидация расовой дискриминации, свобода печати и собраний, избирательное право и народное представительство).

Лидеры «Индийской партии» первыми сформулировали концепцию общендонезийского национализма. Их идеология была лишена расового характера: по их мнению, «индийская нация»⁷ включала всех жителей Архипелага, которые рассматривали «Индию» в качестве своего отечества.

Ведущую роль в партии играла мелкобуржуазная индоевропейская интеллигенция (из 7 тыс. ее членов около 5,5 тыс. были *индо*). Китайцев в ней было немного, а арабов и голландцев, видимо, не было совсем. Не входили в партию и простые индонезийцы, которые не понимали разницы между проколонизаторскими верхами и демократическими низами *индо*.

Идеология «Индийской партии» была эклектичной, синтезом современных западных и традиционных восточных идей. В программных документах партии и произведениях ее лидеров западные буржуазно-демократические требования и даже отдельные антикапиталистические формулировки сочетались с восхвалением восточных религий и философии при сравнении их с «западным материализмом».

Колониальные власти категорически отказались признать право «Индийской партии» на существование и вынудили ее самораспуститься в марте 1913 г. Ее лидеры были вскоре высланы из Индонезии в Голландию. «Индийская партия» просуществовала всего несколько месяцев, но выдвинутые ею лозунги независимости и создания единой общендонезийской нации оказали большое влияние на все дальнейшее развитие национально-освободительного движения в Индонезии.

«САРЕКАТ ИСЛАМ» (СИ) И МУСУЛЬМАНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Ни «Буди Утомо», ни «Индийская партия» не стали массовыми организациями. Ею стал «Сарекат Ислам» («Союз ислама»), апеллировавший к наиболее доступным и способным объединить широкие слои населения тогдашней Индонезии лозунгам — религиозно-исламским.

Предшественником «Сарекат Ислама» был «Сарекат Даганг Ислам» («Союз мусульманских торговцев»), созданный в 1911 г. в Суракарте (Соло) крупным торговцем батиком Хаджи Саманхуди и журналистом Тиртоадисурью. Организация появилась прежде всего как реакция индонезийской (и арабской) буржуазии на усиление позиций китайского капитала и активность китайской интеллигенции.

⁷ В понимании идеологов партии «индийская нация» включала все население Индонезии, кроме европейцев и части арабов и китайцев — иностранных подданных.

В начале XX в. в Индонезии возникло организованное движение китайского населения (ок. 600 тыс. человек в 1905 г.), основной целью которого было добиться равных прав с европейцами. С 1900 г. на Яве стали возникать китайские просветительские общества, а с 1906 г. — китайские торговые палаты. Наряду с этим движением, возглавляемым местной китайской буржуазией, среди индонезийских китайцев под влиянием деятельности Сунь Ятсена возникло движение революционно-демократического характера. В 1907 г. в Батавии было создано отделение Тунмынхуэя и стали появляться клубы-читальни, связанные с этой организацией. Под влиянием Синьхайской революции в Индонезии в 1912–1914 гг. произошел ряд выступлений китайского населения против колониальных властей и верхушки китайской общины.

10 сентября 1912 г. «Сарекат Даганг Ислам» был преобразован в «Сарекат Ислам» (СИ), главную роль в этом сыграл выходец из семьи обедневшего *прияи* журналист Умар Саид Чокроаминото (1882–1934), вскоре ставший вождем этой организации и одним из виднейших деятелей национального движения Индонезии.

Первая программа СИ, разработанная в 1912 г., еще не содержала политических требований, а лидеры Союза подчеркивали свою лояльность властям. Она предусматривала содействие материальному и духовному развитию индонезийцев и подъему их благосостояния, а также сплочению и взаимопомощи мусульман. Однако объективно деятельность СИ очень скоро приобрела политический и антиколониальный характер.

Численность СИ быстро возрастала: 66 тыс. человек — в августе 1912 г. («Сарекат Даганг Ислам»), 93 тыс. — в декабре 1912 г., 150 тыс. — в апреле 1913 г. и свыше 360 тыс. — в апреле 1914 г. Этот процесс отражал превращение СИ в антиколониальный блок, объединивший различные классы и слои общества. Руководство осуществлялось представителями радикальной интеллигенции — яванской (Чокроаминото, братья Сурьопраното и Суварди Сурьянинграта, Раден Гунаван) и минангкабауской (Абдул Муис, 1886–1954, Хаджи Агус Салим, 1884–1954). По мере превращения СИ в массовую антиколониальную организацию идея борьбы с китайским капиталом отступила на второй план.

Идейной платформой СИ стал мусульманский национализм. Лозунг единства мусульман в тогдашних условиях Индонезии означал призыв к объединению основной массы населения против поработителей-христиан и объективно носил не столько религиозный, сколько политический характер. Вообще период 1870–1900 гг. отмечен религиозным возрождением на Архипелаге, особенно на Яве. Это было связано, с одной стороны, с расширением контактов с Аравией и Османской империей (через паломников и приток арабских торговцев и богословов на Яву), а с другой — с политикой колониальных властей, неадекватно реагировавших на активность религиозных школ (*несантренов*) и религиозных проповедников. Среди широких масс населения лозунги исламского фундаментализма, проникавшие вместе с паломниками из Аравии, причудливо сливались с традиционными яванскими мифами о восстановлении национальной государственности и приходе Рату Адиля. Именно это сделало СИ массовой организацией.

На мусульманский национализм в Индонезии повлияли и модернистские направления в египетском и индийском исламе. Мусульманское реформаторство стало особенно популярным в среде яванской и минангкабауской торговой буржуазии.

В ноябре 1912 г. в Джокьякарте была создана религиозно-реформаторская организация «Мухаммадья» (основатель — видный богослов и богатый торговец Ахмад Дахлан). Деятельность ее постепенно распространилась на всю Яву и некоторые другие острова Архипелага. В Западной Суматре, среди минангкабау, аналогичную реформаторскую деятельность осуществляла основанная в 1914 г. «Суматра Тувалиб» во главе с богословом-модернистом Хаджи Абдул Каримом Амруллой. «Мухаммадья» сочетала религиозную деятельность и модернизацию мусульманского образования с благотворительностью (создание больниц, приютов и т.п.). Политикой ни она, ни реформаторы на Западной Суматре не занимались.

Хотя религиозно-реформаторские организации поддерживали тесные связи с «Сарекат Исламом», тон в последнем задавали радикально настроенные интеллигенты, стремившиеся придать исламским идеям националистическую и антиколониальную направленность.

Два первых конгресса СИ (1913 г.) определили его организационные основы, подчеркнув, что он действует на всей территории Индонезии и что его членами не могут быть неиндонезийцы, равно как и государственные служащие. СИ стал предпринимать шаги для защиты интересов трудящегося населения — бороться за снижение арендной платы и отмену принудительных работ, интересоваться положением кули на плантациях и т.п. Члены СИ возглавили первую из известных стачек промышленного пролетариата в Сурабае в 1913 г.

В связи с возникновением СИ голландцы оказались перед необходимостью выработать новый курс в религиозной политике. Обнаружилась несостоятельность надежд на мирную «ассоциацию» местного общества с европейским. И хотя сторонники «этического курса» не пошли на запрещение «Сарекат Ислама», как того требовала часть чиновничества Нидерландской Индии, генерал-губернатор А.В.Ф.Иденбюрг в июне 1913 г. отказался утвердить статус СИ как общендонезийской организации, но разрешил его существование на местном уровне. Одновременно колониальные власти пытались воздействовать на зародившееся национальное движение посредством мелких уступок: были упразднены унижительные для индонезийцев (особенно образованных) формы обращения к европейским чиновникам и *прияи*, правительственный циркуляр (август 1913 г.) предлагал проявлять больший такт по отношению к «туземной» интеллигенции и т.п.

КУЛЬТУРА ИНДОНЕЗИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Лишь в первой половине XIX в. под влиянием перемен в жизни общества и знакомства с европейскими идеями и культурой в Индонезии стали ощущаться новые веяния, появились ростки просветительских идей. Характерно, что этот процесс меньше затронул яванскую культуру, и предтечами просветительства стали в основном представители неяванских народностей.

Центрами традиционной яванской культуры оставались «самоуправляющиеся государства» Центральной Явы — Суракарта, Джокьякарта, Мангкунегаран и Пакуаламан. Вторая половина XVIII — начало XIX в. были «золотым веком»

княжеств, особенно Джокьякарты, где в правление энергичного султана Мангкубуми, или Хаменгкубувоно I (1749–1792), был кодифицирован *адат*, упорядочена система управления, процветали литература и искусство. Яванская культура и в XIX в. продолжала испытывать влияние новой волны традиционной литературы («яванского ренессанса»), начавшейся в последней четверти XVIII в. Крупнейшей фигурой позднего периода «яванского ренессанса» был Ронгговарсито (1802–1873)⁸.

Продолжали сохраняться традиции *ваянга* (театра теней), особенно при дворе правителя княжества Мангкунегаран. Видный яванский писатель князь Мангкунегара IV (1853–1881), создавший ряд моралистических и философских поэм, ввел новый вид *ваянга* — *ваянг мадья*.

Сохранилась традиция составления яванских исторических хроник (*бабадов*), а также сценариев на исторические темы, исполняемых в *ваянге*. Так, вождь национального восстания Дипонегоро, находясь в заключении, написал поэму-хронику «Серат бабад Дипонагаран», в которой речь шла об истории Джокьякарты и жизни самого автора, а Ронгговарсито на основе сценариев для *ваянга* («Серат канда») и других литературных и исторических сочинений создал грандиозную мифологическую историю Явы — «Пустака раджа» («Книга царей»).

Развивались традиционные литературные и исторические жанры у других народов Архипелага (малайцев, мадурцев, балийцев, сунданцев, ачехцев, минангкабау, бугов и др.), при повышении интереса к современным событиям и подлинным фактам.

История просветительства и отхода от традиционных жанров начинается в первой половине XIX в. У ее истоков стоит Абдуллах Мунши, писавший по-малайски и оказавший значительное влияние на становление современного индонезийского языка⁹.

Сходными были судьба и взгляды батака Вилема Искандера Муды (1838–1877), преподавателя голландской школы в Танобато, побывавшего в Европе. Писатель оставил аллегорические стихотворения, сборник нравоучительных рассказов «Берита намарагам» и книгу очерков о своем пребывании в Европе, в которой призывал к распространению просвещения и овладению научными и техническими достижениями европейцев.

Сунданский просветитель Раден Хаджи Мохаммад Муса (1822–1884) много сделал для модернизации родного языка и литературы. Он стремился реформировать сунданскую письменность (ввел пунктуацию, пытался использовать латинский алфавит). Будучи религиозным реформатором, Мохаммад Муса резко критиковал суеверия и призывал читателей верить в свои собственные силы и разум. Он создал четыре поэмы, шесть прозаических произведений, включая автобиографию «Алимухтар», обрабатывал сунданские фольклорные сюжеты, переводил с яванского и арабского языков.

Предтечи просветительства, реформируя язык, стремились способствовать распространению образования; их деятельность подготовила почву для последующего развития индонезийской культуры.

⁸ См.: История Востока. Т. III, гл. 31, с. 547.

⁹ См. о нем: глава «Малайя, Сингапур и Северный Калимантан с начала XX в. до Первой мировой войны».

Первым художником, который стал писать в европейской манере, был Раден Салех (1807–1880), происходивший из джокьякартской аристократической семьи. Почти четверть века он прожил в Европе, где учился живописи. Наибольшее влияние на манеру его письма оказали Э.Делакруа и О.Верне. Раден Салех писал пейзажи, сцены с животными («Между жизнью и смертью», «Схватка буйвола с тиграми»), портреты («Портрет султана Хаменгкубувоно VII», «Автопортрет»), картины на исторические сюжеты («Взятие в плен Дипонегоро»), романтические полотна («Потоп», «Лесной пожар»). Но своей школы этот незаурядный художник не создал и остался одиноким явлением в индонезийском изобразительном искусстве того времени.

Процесс становления новой культуры был связан с глубокими качественными изменениями в индонезийском обществе, пробуждением самосознания, возникновением и развитием национального движения. Формирование новых явлений культуры, прежде всего в области художественных форм и изобразительно-стилистических методов, происходило под заметным европейским влиянием. Вместе с тем литература и искусство не стали подражанием европейским образцам: возникавшая новая художественная культура стремилась опереться на классическое культурное наследие и выработать свой собственный почерк.

Многие деятели культуры выступали как просветители, ратуя за широкое приобщение индонезийцев к ценностям европейской науки и культуры. Новая культура сыграла значительную роль в формировании общеиндонезийского самосознания. В ней с нарастающей силой стали звучать тема национального возрождения и проявляться оппозиционное отношение к колониальному господству.

Хотя все эти процессы в культуре Индонезии колониальной эпохи с полной силой проявились уже после Первой мировой войны, особенно в 20-х — начале 40-х годов, первые шаги в этом направлении были сделаны уже в конце XIX — начале XX в., чему, несомненно, способствовали «этический курс», увеличение возможностей получения современного образования, а также расширение контактов с Европой, знакомство с европейской мыслью и культурой. Заметную роль играли журналистика и публицистика. В 1902 г. в Нидерландах стал выходить еженедельник «Бинтанг Хиндиа» («Звезда Индии») на голландском и малайском языках. Одним из его издателей был Абдул Риваи (1871–1933), первый индонезиец, получивший диплом врача в Европе, один из самых образованных людей колониальной Индонезии. Начав с поддержки «этического курса», журнал постепенно перешел на критические позиции в отношении колониального режима, что привело к его закрытию в 1907 г. Многие индонезийские интеллигенты в этот период сотрудничали во влиятельной либеральной семарангской газете «Локомотиф», издававшейся на голландском языке, публикуя там статьи критического содержания.

Импульсом для дальнейшего расцвета публицистики националистического направления стало празднование в 1913 г. столетия освобождения Нидерландов от наполеоновского господства; голландское правительство решило отметить эту дату и в Индонезии. Лидеры распущенной к тому времени Индийской партии создали Туземный комитет по празднованию столетия независимости Нидерландов (кратко — Комитет Бумипутра, т.е. Комитет коренных жителей), который развернул кампанию против официальных торжеств. Члены Комитета — Чипто

Мангункусумо, Суварди Сурьянинграт, Абдул Муис и другие — выступали в печати и на собраниях с требованиями изменения колониального статуса страны. Большой резонанс получила брошюра Суварди «Если бы я был голландцем» (на голландском и малайском языках), которая заканчивалась словами: «Нет, будь я голландцем, я бы никогда не отмечал такой юбилей в поработенной стране. Сперва надо дать поработенному народу свободу, а потом уже праздновать свою независимость!»

В первые десятилетия XX в. развиваются публицистика и литература на голландском языке (Картини, Дауэс Деккер Э.Ф.Э., писавший исторические романы под псевдонимом Сетиабуди, поэты Нотосурото и Сухарко), а также происходит обновление региональных литератур (яванцы Падмасусастра и Ясавидагдо, сунданцы Мохаммад Амбри и Мамед Састрохадиправа).

С конца XIX в. в городах Индонезии стала развиваться печать и литература на простонародном «низком» («базарном») малайском языке — средстве коммуникации различных групп и этносов индонезийского общества. Помимо переводов и переложений произведений европейской, китайской и яванской классической литератур появились оригинальные произведения, в которых начали обнаруживаться некоторые ноты социального протеста. Городская литература на «низком» малайском языке стала одной из предвестниц современной индонезийской литературы.

Во второй половине XIX в. появляются постройки неоклассического стиля (Медан, Макасар) и происходит эклектическое смешение архитектурных стилей — классицизма, модерна, китайского, арабского и местного зодчества. К числу таких построек относятся здания бывшего Яванского банка в нынешней Джакарте (Батавии), бывшего Колониального банка в Сурабае, административных служб в Батавии.

С начала XX в. в городской архитектуре стал широко распространяться функционализм, который в Индонезии приобрел облик «тропического», или «колониального», модерна: дома с галереями, лоджиями, навесами, решетками на окнах. Особенно большое строительство в этом стиле развернулось в Бандунге (отели) и Сурабае (железнодорожный вокзал). Голландские архитекторы стали шире использовать мотивы народного творчества. Так, Технологический институт в Бандунге был построен в стиле домов минангкабау.

В конце XIX — начале XX в. в Индонезии формировалась школа реалистической живописи, в первую очередь пейзажной. Жанр реалистического пейзажа, стиль которого в общем следовал манере европейских художников, связан с творчеством Абдуллаха Сурьо Суброто (Абдуллах Старший, 1878–1941), Маса Вакиди Пирнгади.

С начала XX в. произошли изменения в театральной и музыкальной жизни Индонезии. Наряду с классическим театром — *ваянг кулит* и *ваянг оранг* — стали возникать новые жанры драматического искусства. В городах распространился театр «Комеди Стамбул», в спектаклях которого рассказывалось о «тайнах турецкого двора» — отсюда и название.

ВЬЕТНАМ В СОСТАВЕ ИНДОКИТАЙСКОГО СОЮЗА (1885–1913)

Подписание вьетнамо-французского договора от 6 июня 1884 г., закрепленного военной победой Франции над династией Цин и китайско-французским Тяньцзиньским соглашением от 9 июня 1885 г., по которому Срединная империя отказывалась от сюзеренитета над государством Дайнам, превращало Вьетнам в три отдельные территории, имевшие различный правовой статус. Кохинхина продолжала оставаться французской колонией и находилась в ведении Министерства торговли и колоний. Аннам и Тонкин получали статус протекторатов, и взаимоотношения с ними должны были осуществляться по линии французского Министерства иностранных дел.

Колония Кохинхина управлялась французской администрацией во главе с губернатором. В Аннаме формально главой государства оставался император, правивший с помощью своего чиновничьего аппарата, из сферы компетенции которого изымались лишь управление таможнями и организация общественных работ. В провинциях от Биенхоа до Ниньбини вьетнамские чиновники провинциальных налоговых ведомств должны были взимать налоги в пользу правительства Аннама, и французские власти не должны были в это вмешиваться. В Хюэ располагалась штаб-квартира верховного резидента Аннама и Тонкина, который контролировал деятельность столичной и провинциальной вьетнамской администрации, прямо не вмешиваясь в ее функции. В Тонкине вьетнамскую администрацию должен был представлять управляющий всей территорией (*кинх лыок*), обладавший собственным штатом чиновников. Однако здесь устанавливался протекторат с более сильной формой французского контроля и большей степенью французского вмешательства во внутренние дела, чем в Аннаме. В Тонкине французские резиденты назначались во все основные городские центры. В функции резидентов входил полный контроль над деятельностью вьетнамских чиновников. Резидент имел право смещать этих чиновников в случае неправильного, с его точки зрения, исполнения ими своих функций. Сбор и использование основных налогов должны были находиться в совместном ведении местной вьетнамской и французской администраций: французские резиденты должны были собирать налоги совместно с вьетнамскими провинциальными налоговыми ведомствами, затем те же французские резиденты обязаны были рассчитать все необходимые расходы вместе с вьетнамскими чиновниками, и только оставшиеся после всех этих трат деньги должны были переводиться в столицу Хюэ.

Очень скоро французские власти и на территории Аннама стали забирать в свою пользу все мелкие и портовые налоги, устанавливаемые на морских таможнях и не подпадающие под действие договора 1884 г. А в Тонкине подушные и

поземельные налоги в провинциях французские власти стали взимать серебряными пиастрами в свою казну, не ставя вьетнамских провинциальных чиновников в известность о том, на что они их расходуют. Затем французы перевели все промысловые и ремесленные налоги в денежные и стали «недопоставлять» их в Хюэ. Вьетнамцы возмущались, но сделать ничего не могли.

Формальное признание правительствами Хюэ и Пекина протектората Франции над Чунгки и Бакки не привело к автоматическому установлению французского режима в Аннаме и Тонкине. Регент Тон Тхат Тхуиет, под влиянием которого находился 14-летний император Суат Дэ, «царствовавший» под девизом Хамнги, не собирался без боя сдавать свои позиции. Вокруг регента сплотились патриоты, в число которых входили представители высших слоев столичной администрации. Это насторожило французов. 3 июня 1885 г. около Хюэ появилась эскадра командующего де Курси. Опасаясь смещения регента и отстранения от власти действующего правительства, патриоты решили опередить адмирала.

В ночь на 5 июля по приказанию Тон Тхат Тхуиета вьетнамские войска напали на резиденцию французского представителя, а также на один из фортов, в котором размещался французский гарнизон. Однако захватить их вьетнамцы не сумели. Французы отбили нападение и ответной контратакой подавили восстание. Верные императору и регенту руководители восстания, в число которых входил практически весь двор, бежали из Хюэ на северо-запад. Они обосновались в Камло, в построенной Тон Тхат Тхуиетом горной крепости в провинции Куангчи, куда была также вывезена императорская казна.

Оставшийся в Хюэ Нгуен Ван Тыонг, занимавший примирительную позицию по отношению к французам, дабы «успокоить народ», стал добиваться возвращения из Куангчи трех старших женщин—членов императорской семьи, а затем вступил с интервентами в переговоры, обещая французам в двухмесячный срок привезти в Хюэ и самого императора. «Императриц» ему вернуть удалось. Но в это же время Тон Тхат Тхуиет от имени императора обратился ко всему населению Вьетнама с призывом братья за оружие. Патриотический клич положил начало движению *кан вьонг* («в поддержку правителя»). Полагаясь на верность своих сподвижников, император назначил региональных командующих этим движением на всей территории Дайнама. Знаменитый Хоанг Та Виет получил руководство в пределах всего Бакки, его заместитель Нгуен Динь Ньюан должен был командовать верными императору силами в Шонтае и Хынгхоа, Нгуен Куанг Бить — в северо-восточных районах Бакки, Нгуен Тхиен Тхуат — в центральной зоне Крайнего Севера, Та Хиен — в южных провинциях Тонкина.

В Чунгки всей вооруженной борьбой должен был руководить сам регент Тон Тхат Тхуиет, а после его отъезда в Китай — Чан Суан Шоан. В движение включились самые широкие слои вьетнамского населения, от крестьянства до чиновников. Восставшие нападали на французские форты, крепости, посты и патрули, сжигали христианские деревни и с особой жестокостью расправлялись с католическим населением.

Напрасно «императрицы» призывали императора в Хюэ. Вместо столицы Суат Дэ, спасаясь от преследователей, бежал на северо-запад Чунгки, в горные районы, пограничные с Лаосом. В пров. Хатинь вьетнамские чиновники двинули навстречу императору войска, но из-за недоверия к ним и в связи со слухами о

подходе французской армии Суат Дэ и Тон Тхат Тхуиет побоялись выходить из своих горных убежищ.

Разуверившись в способности Нгуен Ван Тьонга договориться с императором и его «регентом», французские власти в Хюэ отправили бесполезного «миротворца» вместе с двумя высшими столичными чиновниками сначала в Сайгон, а затем во Францию. Когда в дороге один из этих чиновников умер, его труп просто выкинули за борт. По приказу «императрицы» центральные провинции, от Кохинхины до Тханьхоа включительно, были переданы под контроль французских войск. Если учитывать, что в Бакки в это время тоже находились французские части, только что закончившие войну с Китаем, то вся страна оказалась под контролем колониальной армии.

В сентябре 1885 г. французы объявили Суат Дэ низложенным и возвели на императорский трон Дайнама его брата — императора Кань Тона, три года правившего под девизом Донгкань. Первыми актами нового императора были официальная благодарность французским властям и награждение кохинхинского губернатора и французского верховного резидента в Аннаме вьетнамскими титулами. Все три года Кань Тон и назначенное им правительство оставались послушными марионетками французских властей. За это французы предоставляли правительству Аннама крупные субсидии в деньгах и серебряных слитках.

Низложенный император и его «регент» продолжали сопротивление. Во второй половине 1885 г. по их приказу в горной и лесной местности западной части провинций Куангбинь и Хатинь были возведены многочисленные земляные укрепления. Этому примеру последовало местное чиновничество во многих провинциях Аннама. В Куангнаме патриоты во главе с чиновником Чан Ван Зы захватили провинциальный центр и удерживали его до подхода французских войск. В Фуиене, также захватив провинциальный центр, повстанцы арестовали либо прогнали лояльную французам администрацию. Но наиболее сильные позиции у патриотов были в Хатини. Там сын начальника провинциального налогового управления со своими сторонниками, захватив провинциальный центр, перебил высшее чиновничество, но вскоре умер от болезни. В горные районы Хатини приехал император Суат Дэ, после чего там началось строительство временной императорской резиденции.

Наиболее активным движением *кан вьонг* было в период 1885–1887 гг. Поначалу центр управления движением располагался в горной местности на границе провинций Хатинь и Куангбинь. Оттуда политическое руководство пытались осуществлять Тон Тхат Тхуиет и Суат Дэ, а военное командование взял на себя бывший начальник ханойского гарнизона Ле Чык. В конце 1885 г. французская армия нанесла удар по горным районам пров. Хатинь, что заставило Тон Тхат Тхуиета перевезти бывшего императора Суат Дэ в горные районы пров. Куангбинь. Нападение французской армии на горные районы Хатини имело тяжелые последствия. Часть разочаровавшихся в законном императоре патриотов вернулись домой, а часть — сдались интервентам. Кроме того, повстанцы сдали провинциальный центр Хатини. В конце 1887 г. французы поймали и убили действовавшего в пользу Суат Дэ в Нгеане повстанческого лидера Динь Конг Чанга. После этого руководство партизанским движением в Хатини, а затем и в Нгеане перешло к бывшему чиновнику Цензората Фан Динь Фунгу, разжалованному в

1883 г. из-за несогласия с правительством по поводу сопротивления интервентам и решительно не желавшему сотрудничать с французами и «предателями» в Хюэ. Основной зоной действий Фан Динь Фунга в Хатини был горный район Хьонгшон. В наиболее тяжелый для повстанческого движения период, после 1887 г. Фан Динь Фунг не сложил оружия, а оставив вместо себя в Хьонгшоне талантливого военачальника Као Танга, поехал на север, в Шонтай, где в 1887–1889 гг. пытался установить контакты с отрядами сопротивления в Бакки.

Оставив императора Суат Дэ в Куангбине, Тон Тхат Тхуиет вместе с повстанческим лидером Чан Суан Шоаном двинулись на север в Тханьхоа. Там весной 1886 г. Тон Тхат Тхуиет собрал командиров партизанских отрядов, чтобы объединить их в борьбе с французами. В результате в Тханьхоа, на территории трех близко расположенных деревень, была построена крепость, получившая название «Бадинь» («Три общинных дома»). Против нее французы вынуждены были бросить тогда большую часть своих войск.

В 1886 г. в Тханьхоа была создана и другая укрепленная база повстанцев в горном районе Макао, где движение *кан выонг* поддерживали все еще действовавшие там китайские «черные флаги» во главе с Хэ Вэньмао.

Очень мощный антиправительственный импульс в Тханьхоа несло в себе движение горных малочисленных народов. Вооруженные огнестрельным оружием отряды мыонгов и тхаев во главе с племенными вождями и горскими князьями наносили существенный ущерб интервентам. Это заставило французов осенью 1886 г. организовать карательную экспедицию из 500 солдат, снабженных полевой артиллерией, и в декабре 1886 г. начать осаду крепости Бадинь. В январе 1887 г. повстанцы сдали Бадинь, а в следующем месяце — Макао.

Организовав в 1886 г. антиправительственное движение в Тханьхоа, Тон Тхат Тхуиет в том же году выехал в Китай, рассчитывая заручиться поддержкой со стороны цинских властей. Ему удалось закупить в империи Цин оружие, переправить его во Вьетнам, договориться с местными властями о возможности, в случае разгрома, перехода вьетнамских отрядов из Бакки на территорию пограничных китайских провинций и даже об отправке в Тонкин китайских военных частей. Однако существенного влияния на партизанское движение в Бакки китайская военная помощь не оказала. Там французы в 1885 г. занимали лишь главнейшие административные центры, а сельская местность находилась в руках патриотов. В 1886–1887 гг. интервенты захватили главные города отдаленных провинций севера и северо-запада Бакки: Лангшона, Каобанга и Лаокая, а также разместили войска по рекам Красная, Ло, Да и вблизи китайской границы. Однако междуречья всецело находились под властью повстанческих отрядов.

В Тонкине основными центрами движения *кан выонг* в 1885–1887 гг. были район Байшая, расположенный к югу от Ханоя, и зона южного Бакки — провинции Намдинь и Тхайбинь. В конце 1885 г. французы двинули против восставших три военные колонны, которые разрушали укрепления и проводили карательные акции в деревнях, дававших приют повстанцам. Осенью 1886 г., несмотря на измену «главнокомандующего» всеми повстанческими силами в Бакки Хоанг Та Виема, который перешел на сторону французов и правительства в Хюэ, и неспособность заменившего его Нгуен Куанг Битя объединить силы повстанцев в рамках всего Бакки, патриоты вновь возобновили военные операции в южном Тон-

кине. В конце 1886 — начале 1887 г. французские власти ответили контрнаступлением. В результате основные отряды патриотов в 1887 г. были разгромлены или ушли в другие провинции.

На юге Тонкина, в провинциях Намдинь и Тхайбинь, антифранцузская борьба не прекращалась со времени войны 1884 г. и активизировалась осенью 1885 г. под руководством губернатора Та Хиена. В конце 1886 г. повстанцы юга Бакки соединились с байшайскими отрядами Нгуен Тхиен Тхуата и предприняли нападения на французские части в Хайзыонге и Хынгиене. Однако в начале 1887 г. патриотические силы Намдиня–Тхайбиня были разгромлены и рассеяны интервентами, а Та Хиен арестован и казнен.

Спад движения *кан выонг* дал возможность французским властям приступить к реформированию управления своих индокитайских владений.

Указ от 17 октября 1887 г. положил конец разнородности подчинения всех территорий Вьетнама различным французским ведомствам. Отныне все французские владения в Индокитае были объединены в единую колониальную «империю» Индокитайский союз. Хотя лишь одна из входивших в этот союз территория имела статус колонии, а все остальные были протекторатами, Индокитайский союз полностью находился в ведении Министерства колоний.

Во главе Индокитайского союза (в состав которого в 1899 г. был включен захваченный в 1893 г. Францией Лаос) был поставлен генерал-губернатор, который первоначально, до 1891 г., был лишь чиновником своего министерства и всецело зависел от него при принятии решений. Постепенно функции генерал-губернатора расширялись.

На политическую жизнь Вьетнама мало повлияла смерть императора Кань Тона, умершего в 1888 г. в возрасте 24 лет. Поскольку среди его шести сыновей не было взрослых наследников, то императором по указанию двух престарелых императриц — жен Хиен То и Зык Тонга — был назначен седьмой сын Ынг Тяна, царствовавшего в 1883 г. всего лишь три дня. Нового императора звали Быу Лан. Он царствовал вплоть до 1907 г. под девизом правления Тханьтхай. Быу Лан был человек умный, исполненный патриотических побуждений и в то же время стремящийся к модернизации страны. Лишенный реальной власти, он не мог мешать сотрудничеству своего правительства с французами. В связи со своими антифранцузскими настроениями он после почти двух десятилетий «царствования» был объявлен властями протектората «больным», принужден отречься от престола и сослан на мыс Сент-Жак на о-ве Реюньон.

В 1889 г. была ликвидирована должность единого верховного резидента Аннама и Тонкина, после чего обе эти части Вьетнама перешли в подчинение генерал-губернатора Индокитайского союза. В каждом из протекторатов, в Аннаме и Тонкине, французские администрации возглавлялись отдельными верховными резидентами. Верховные резиденты распоряжались также в Камбодже и Лаосе. Одна лишь колония Кохинхина управлялась губернатором.

По указу 1891 г., принятому парламентом Франции, генерал-губернатор Индокитайского союза получил значительно большую, чем раньше, самостоятельность. Отныне он являлся единственным представителем президента Французской Республики, сосредоточивал в своих руках всю полноту административной, финансовой, экономической и военной власти, мог издавать законы и указы, имеющие силу закона.

В Индокитае издавался официальный печатный орган Союза — «Журнал офисьель». Только после опубликования в нем принятые французским парламентом законы, касающиеся Индокитая, вступали в силу.

Генерал-губернатор являлся верховным главнокомандующим вооруженными силами Индокитая. Непосредственное руководство войсками принадлежало военным властям колонии и каждого из протекторатов. Генерал-губернатор Индокитая имел исключительное право официальной переписки с правительством метрополии. Заместителем генерал-губернатора являлся генеральный секретарь Индокитайского союза. Он непосредственно возглавлял административный аппарат Союза и управлял полицейскими органами.

В 1894 г. было учреждено Управление финансового контроля. Начальник этого управления обязан был регулярно докладывать министрам финансов и колоний о состоянии дел в финансовой сфере и о деятельности финансовых органов Индокитайского союза. Он и его заместитель контролировали деятельность Индокитайского банка.

Юридическую службу Индокитая при генерал-губернаторе возглавлял генеральный прокурор. Служба занималась административным аппаратом всех судебных органов Индокитая, их бюджетом и распорядком работы. Кроме того, она доводила до судебных органов распоряжения генерал-губернатора.

В судебной сфере вначале было введено особое судопроизводство по французским законам для французов, европейцев и ассимилированных лиц, т.е. местных жителей, получивших французское гражданство. Что же касается «туземцев», то по отношению к ним применялось традиционное законодательство. Однако постепенно, прежде всего в Кохинхине, а затем и в других частях Индокитайского Союза для местного населения также были введены кодексы уголовного и гражданского права, составленные на основе как французского законодательства, так и местных правовых норм.

Главным источником материальных ресурсов бюджета Индокитая было Управление таможен и государственных монополий — самая разветвленная центральная служба Индокитайского союза. До 1897 г. генеральный бюджет Индокитая существовал лишь на бумаге. Фактически он не выполнялся. Только Кохинхина оплачивала свои собственные траты. Более того, именно из кохинхинского бюджета покрывалась основная часть бюджетных расходов всего Индокитайского союза. Это вызывало недовольство французского населения колонии, прежде всего предпринимателей, за счет которых субсидировались остальные владения Франции в Индокитае.

В конце 1888 г. французам удалось поймать низложенного императора Суат Дэ и вывезти его в Алжир. Один за другим гибли или попадали в плен руководители повстанческих отрядов. Ожесточенное сопротивление продолжалось до 1897 г.

К северу от Бакниня появился крестьянский лидер Де Тхам, укрепившийся в районе Бакзянг–Иентхе. Он не стремился перейти границы родного округа, но отбивал все попытки французов вторгнуться в него. В 1893 г. интервенты заключили с Де Тхамом соглашение, признающее его права на управление четырьмя волостями, обещали ему освобождение от налогов на три года и денежную компенсацию в размере 15 тыс. серебряных пиастров. В конце 1895 г. французы предприняли новую попытку покорить Иентхе, но в конце концов оставили Де

Тхама в покое. По новому соглашению бывший батрак получил в управление волость Фонсьонг. После этого в Иентхе и во всем Тонкине на 11 лет воцарился мир.

С 1897 г. начался новый период колониальной истории Вьетнама. Этому способствовало прекращение во Вьетнаме голода: 1898–1901 годы были богаты урожаем.

Перед французским правительством уже давно стояла задача превращения Индокитайского союза из убыточного «владения» в рентабельное. Но только теперь для этого появились необходимые социальные и экономические условия. Период 1897–1913 гг. можно разделить на четыре этапа: 1897–1902 гг.; 1902–1908 гг.; 1908–1911 гг.; 1911–1913 гг. Каждый из этих этапов был связан с правлением вновь назначаемого генерал-губернатора и носил специфические черты проводимой им политической линии.

В новый период правления важнейшей проблемой для Французского Индокитайского союза было создание эффективно действующего административного аппарата в Кохинхине и четырех протекторатах (Тонкин, Аннам, Лаос и Камбоджа).

На первом этапе (1897–1902) главой Индокитайского союза был назначен энергичный и жесткий администратор Поль Думер. В задачу Думера входила ломка старого чиновничьего аппарата, саботировавшего указания французских властей, и создание реформированных административных структур. Свою задачу Думер выполнил с большим успехом. Правда, при этом ему пришлось нарушить некоторые договоренности о статусе протекторатов, но Думер считал это вполне допустимой издержкой эффективной административной реформы.

Декретом от 26 июля 1897 г. Думер отменил в Тонкине должность вьетнамского управляющего всей территории (*кинъ лыока*) и передал его функции верховному резиденту. Местная администрация перешла в непосредственное подчинение французских властей, что означало нарушение договора 1884 г. о протекторате Тонкина. Другой декрет, от 26 сентября 1897 г., фактически упразднил высшие традиционные органы императорской власти. Тайный совет (*Ко мат виен*) и Регентский совет были объединены в Совет министров, которым стал управлять французский резидент в Аннаме.

В провинциях протекторатов Тонкин и Аннам реальная власть сосредоточилась в руках французских резидентов. Для удобства управления количество провинций в Тонкине было сокращено с 23 до 13.

В том же году был создан Высший совет Индокитая — совещательный орган при генерал-губернаторе. Членами его становились верховные резиденты Аннама и Тонкина, губернатор Кохинхины, президент Колониального совета Кохинхины, главнокомандующие сухопутными и военно-морскими силами Индокитая, делегаты торговых и сельскохозяйственных палат Тонкина, Аннама, Кохинхины и Камбоджи, представители городов Сайгон, Ханой и Хайфонг. Кроме французов в Высший совет были допущены по одному представителю местной элиты от каждой из пяти территорий Союза — лояльные режиму чиновники высшего ранга, назначавшиеся генерал-губернатором по представлению французских властей. Председательствовал в Высшем совете генерал-губернатор, а в случае его отсутствия — генеральный секретарь. В 1898 г. при Высшем совете была учреж-

дена постоянная комиссия, в состав которой вошли высшие французские чиновники. Она заседала регулярно раз в две недели, в то время как Высший совет обычно собирался один раз в год, хотя возможны были и чрезвычайные заседания.

Несмотря на то что Высший совет Индокитая был совещательным органом, авторитет его был очень высок. Генерал-губернатор не мог не считаться с решениями по дискутируемым в Совете вопросам, основным из которых было обсуждение генерального бюджета Союза.

Поль Думер начал вестернизировать как высший, так и средний уровень аппарата управления, создавая консультативные и властные органы, отвечающие требованиям экономического развития и социальной трансформации протекторатов и колонии.

В течение 1898–1900 гг. Думер создал в Тонкине и Аннаме органы, имевшие целью снабжение центральных административных структур детальной экономической информацией, а также консультации этих структур при принятии важнейших решений. Эти органы целиком состояли из французов и назывались Советами протекторатов. Тем самым французские власти начали реально отстранять от управления высший слой вьетнамского чиновничества, фактически заменяя контроль и косвенное управление, предполагавшиеся по договору 1884 г., на столь любимое Францией и обычно практиковавшееся ею прямое управление завоеванной страной.

Прежде всего французы завладели финансами Индокитая. Одним из первых управлений, выполнявших функции отраслевых ведомств и объединенных в комплекс учреждений «Гражданские службы Индокитая», стало Ведомство финансового контроля и взимания налогов. Думер передал французской администрации функции взимания налогов и распоряжения финансами протекторатов. В связи с этим вьетнамские налоговые и финансовые чиновники были отстранены от своих прежних обязанностей, а их должности ликвидированы. Отныне жалование вьетнамским чиновникам и деньги на содержание императорского двора отчислялись из колониального и провинциальных бюджетов. Резко сократились случаи вымогательства налоговых чиновников, взяточничества и коррупции финансовых органов. Это облегчило положение основной массы налогоплательщиков, прежде всего крестьянства.

В число «Гражданских служб Индокитая» входило также Управление таможен и государственных монополий. Огромную роль играло и созданное в 1898 г. Управление общественных работ, организовывавшее, в частности, прокладку сети обычных и железных дорог, строительство зданий и сооружений, контролировавшее деятельность шахт и мелиоративные работы. Большое значение имело и управление сельского хозяйства и торговли, образованное в том же, 1898 г. Основной задачей этого Управления было устройство французских колонистов на землях Индокитая, анализ специфики экономики в различных частях Союза и выработка на этой основе рекомендаций для оптимального внедрения французских торговцев и предпринимателей в экономическую сферу колонии и четырех протекторатов. Управление должно было также контролировать государственные органы, взимающие сельскохозяйственные налоги, и предоставлять рекомендации генерал-губернатору в проводимой им аграрной политике. Кроме

этого, Управление сельского хозяйства и торговли обязано было проводить исследовательскую работу по определению лучших сортов риса и наиболее благоприятных условий его возделывания, самых продуктивных в местных климатических условиях пород скота и оптимальных садоводческих культур.

Служба почт и телеграфа, созданная в 1901 г., находилась в непосредственном подчинении генерал-губернатора и играла незаменимую роль в создании новой инфраструктуры Французского Индокитайского союза.

Кроме этих учреждений к «Гражданским службам Индокитая» относились Географическая служба, Центральная магнетическая и метеорологическая обсерватория, а также научный центр — знаменитая впоследствии Французская школа по изучению Дальнего Востока.

Комплектованием и кадровым составом французского административного аппарата в колонии и протекторатах ведала созданная в 1897 г. Служба по гражданским делам, переименованная в 1902 г. в Главный секретариат правительства.

Для развития и регулирования экономической деятельности в колонии и протекторатах было создано Экономическое бюро, в ведении которого находились тонкинская и кохинхинская Торговые палаты. Большинство членов этих палат состояло из представителей французских торгово-предпринимательских кругов. Под руководством того же Экономического бюро находились Сельскохозяйственные палаты Тонкина и Кохинхины, в которых вьетнамцев было больше, чем в Торговых палатах. В Аннаме, так же как и в Камбодже, экономическая деятельность была менее активной. Поэтому ведавшие ею органы были менее дифференцированы и представляли собой смешанные торгово-сельскохозяйственные палаты.

Все центральные управления и службы, выполнявшие функции центральных отраслевых ведомств, имели местные филиалы и отделения, которые, в свою очередь, были связаны с местными административными органами власти.

Местные органы власти колонии и четырех протекторатов в итоге многих преобразований стали включать в себя главную администрацию, казначейство, службу общественных работ, службу образования, гражданскую юридическую службу, полицию, тюремную службу, службу налогов, медицинскую службу, службу кадастра и бюджета.

В провинциях Тонкина, Аннама, Камбоджи и Лаоса, не говоря уже о колонии Кохинхина, реальная власть находилась в руках французских резидентов, возглавлявших каждую провинцию.

Высшие и средние звенья вьетнамского административного аппарата существовали лишь формально. Традиционным вьетнамским чиновникам оставили титулы, чины и даже жалованье, но это была компенсация за их лояльность новой власти и согласие не вмешиваться в реальное управление протекторатами.

Реально действующие вьетнамские чиновники остались работать на низшем уровне административной иерархии. В уездах и волостях вьетнамская администрация была сохранена полностью. В неприкосновенности осталась административная, социальная и экономическая структура вьетнамской общины.

После реформ Думера численность французских кадров в администрации Индокитайского союза резко увеличилась. В процентном отношении к численности населения французский аппарат в Индокитае во много раз превосходил анало-

гичный английский аппарат в Британской Индии. Такова была особенность «прямого управления» во французских колониях.

Важнейшей задачей Думера было превращение Индокитая в «рентабельное предприятие». Для этого необходимо было прежде всего сделать профицитным весь генеральный бюджет Индокитайского союза. В 1897 г. Думер учредил государственную монополию на производство и продажу алкогольных напитков, а также на продажу соли и опиума. В итоге в 1899 г. казна получила от продажи этих видов товаров 8 млн. пиастров. Довольно значительные доходы, хотя и меньшие, чем от алкоголя, поступали от введенной Думером монополии на продажу табака, спичек и пороха. Кроме того, существенные доходы приносили торговые пошлины, составлявшие 2% от цены товара. Уже в 1899 г. Думер получил от них доходы, сравнимые с доходами от монополии на водку, соль и опиум, — 7,3 млн. пиастров.

При реализации таможенной политики Думер придерживался характерного для Франции принципа протекционизма. При этом он всячески стремился переориентировать внешнеэкономические связи Вьетнама и Индокитайского союза с их исторических торговых партнеров — Китая и стран Юго-Восточной Азии — на метрополию.

В результате проведения налоговой и таможенной реформ доходы генерального бюджета Индокитая существенно пополнились и превысили расходы. Только поступления от трех введенных монополий (алкоголь, соль и опиум) давали до 80% от суммы общих бюджетных доходов. Положительное сальдо появилось и у местных бюджетов протекторатов — Тонкина, Аннама, Камбоджи и Лаоса. Отдельные бюджеты появились и у каждой из 72 провинций всех пяти частей Индокитайского союза.

Доходы местных бюджетов составлялись из поступлений от прямых налогов: подушного и поземельного. С июня 1899 г. ставки этих налогов были значительно повышены, в связи с чем сумма собранных в этом году налоговых поступлений в Тонкине в полтора раза превысила сборы предыдущего года.

В налогообложении появилось два новшества. Во-первых, оно стало дифференцированным; во-вторых, в число налогоплательщиков были включены не только «списочные» крестьяне, пользовавшиеся всеми общинными благами, но и «вне-списочные», не имевшие прав на общинные льготы, но в связи с этим и не облагавшиеся ранее налогами. Отныне все крестьяне, проживавшие на территории данной общины, платили налоги в соответствии с размерами своего имущества.

Подавляющую часть прямых налогов платили именно местные жители, а не французы. Последние из 4909 тыс. пиастров общих налоговых поступлений в 1897 г. в Тонкине платили лишь 9 тыс.

За пять лет своего правления Поль Думер собрал более чем 90 млн. франков налогов, тогда как за предыдущие 12 лет французские власти сумели получить с «туземцев» только 35 млн. франков. При этом увеличение почти в 3 раза налоговых сборов не вызвало народных восстаний, что свидетельствует о большей разумности и приспособленности новой фискальной системы к устройству местного вьетнамского и индокитайского общества. К концу правления Поля Думера в 1902 г. положительное сальдо бюджета Индокитайского союза достигло приблизительно 21 млн. франков.

Почти половину расходов генерального бюджета Индокитая (45%) составляли траты на содержание колониального аппарата, полиции, внутренних вооруженных сил и армии. Армия выполняла не только военные и полицейские функции, но и функции службы безопасности и пограничной охраны, и даже брала на себя мало свойственные ей таможенные обязанности.

Всего во Французском Индокитае были расквартированы две дивизии, одна отдельная бригада и артиллерийский дивизион из состава французских сухопутных сил. Основная часть сухопутных войск размещалась на севере Индокитайского союза. Кроме французских войск сухопутные силы включали местные воинские части, укомплектованные вьетнамцами, кхмерами и представителями малых народностей Индокитая. Их общая численность составляла около 20 тыс. человек. Главная часть военно-морских сил концентрировалась в Кохинхине, а штаб этих сил размещался в Сайгоне.

Поддержанием внутренней безопасности в армии занимался индокитайский корпус жандармов, разделенный на два самостоятельных подразделения: одно — в Тонкине и Аннаме, другое — в Кохинхине и Камбодже. Однако жандармерия не ограничивалась поддержанием порядка в армии. По указу Думера от 5 мая 1901 г. чины армейской жандармерии могли назначаться для исполнения ряда административных должностей в сфере тюремной охраны и гражданской полиции. Таким образом, сращивание военных и гражданских функций происходило и на уровне жандармерии.

На местах функций военизированной полиции выполняла местная вьетнамская и индокитайская стража, созданная с самого начала французской оккупации из лояльных новым властям местных жителей. Наибольшей численности местная стража достигала в Тонкине, меньшей — в Аннаме, еще менее — в Камбодже, менее всего — в Кохинхине.

На базе все тех же французских вооруженных сил была создана служба безопасности, которая наряду с функциями военной разведки выполняла специальные полицейские задачи по подавлению партизанского движения в стране. В основном же с партизанами в этот период боролась все та же армия.

Во всех частях Индокитайского союза полиция находилась в подчинении местной администрации, что давало возможность властям колонии и протекторатов гибко реагировать на региональную специфику правонарушений, социальных конфликтов и антиколониальной борьбы.

В целом стабилизация в Индокитайском союзе в военной, политической, административно-бюрократической, экономической и бюджетно-финансовой сферах в период управления Поля Думера была достигнута. Финансовая стабилизация позволила Думеру получить огромные займы, предоставленные как банками метрополии, так и местным Индокитайским банком, — 200 млн. франков. Большая часть полученных займов была использована Думером для развития инфраструктуры Индокитайского союза. Французские инвестиции шли прежде всего на строительство шоссейных и железных дорог. Среди последних выделялись два амбициозных проекта строительства трансиндокитайской железной дороги и железной дороги, ведущей в южнокитайскую провинцию Юньнань. Дорога из Северного Вьетнама в Юго-Западный Китай должна была стимулировать французские инвестиции в этот район и преградить доступ в Юньнань вековому

французскому сопернику — английскому капиталу. Каждый километр юньнаньской железной дороги обошелся индокитайским налогоплательщикам в 280 тыс. франков. Строительство было очень сложным: железная дорога пробивалась через горы и перекрывала стремительные горные реки. В связи с этим в горах было пробито 155 туннелей и построено 3422 моста, виадук и акведук.

Благодаря упорству, настойчивости и административному таланту Думера именно в период его правления была построена основная часть сети вьетнамских железных дорог, насчитывавших к началу Первой мировой войны полторы тысячи километров.

Кроме дорог власти Индокитая вкладывали большие средства в строительство и ремонт дамб, проведение ирригационных работ, рытье оросительных и судоходных каналов, особенно в дельте Меконга, развитие речного и морского судоходства. Проводилась перестройка крупнейших морских портов: Сайгона, Дананга, Хайфонге. Одновременно в этих портах велось современное городское строительство по европейскому образцу.

В начале XX в. средства колониальных займов начинают постепенно переориентироваться из сферы инфраструктуры в сферу промышленности.

Колониальные займы составляли лишь половину иностранных инвестиций в Индокитае. Вторая половина капиталовложений приходилась на частный акционерный капитал, вкладывавшийся непосредственно в промышленность.

В самом конце XIX в. в Тонкине и Лаосе появились первые французские акционерные компании, занимавшиеся разработкой минеральных ископаемых. Горнодобывающая промышленность была сосредоточена на добыче угля, которого в 1899 г. было произведено 260 тыс. т. В основном уголь разрабатывался на шахтах Хонггайского угольного бассейна в Тонкине, которые поставляли 80% всего объема индокитайского угля. В начале XX в. там было сосредоточено 3–4 тыс. рабочих.

Вьетнамские и китайские горнопромышленники, не выдерживая конкуренции с французскими капиталистами, обладавшими передовым оборудованием и современной технологией добычи угля, разорялись. Их шахты переходили в собственность французских конкурентов, начинавших осваивать более отдаленные богатые углем районы Тонкина, например Тхайнгуен.

Обрабатывающая промышленность была представлена почти исключительно легкой и пищевой отраслями. В 1900 г. во Вьетнаме были основаны две французские текстильные компании по производству шелковых и хлопчатобумажных тканей. Это привело к массовому разорению неспособных конкурировать с машинным производством вьетнамских ремесленников-ткачей. Местная ткацкая промышленность была практически уничтожена.

После введения монополии на алкоголь власти Индокитайского союза передали все права на его производство и продажу крупнейшей французской компании, которая получала колоссальные прибыли от реализации своей продукции, производимой на заводах в Тонкине и Кохинхине.

Начало строительства современных городов европейского типа дало толчок появлению совершенно новых отраслей промышленности, таких, как химическая, производство строительных материалов, типографское дело. В 1899 г. в Хайфонге была основана крупная компания по производству цемента. В Ханое,

Хайфонге и Сайгоне строились заводы, обрабатывающие ценнейшие экспортные сорта древесины.

Коммунальным обслуживанием городов занимались новые муниципальные органы, ведавшие подачей электроэнергии в Сайгон, производством и обслуживанием трамвайного парка в Сайгоне, Ханое и других крупных городах.

Шли французские капиталы и в сельское хозяйство, что было связано с повышением спроса на мировом рынке на основную экспортную культуру Индокитая — рис. Администрация Индокитайского союза предоставляла французскому капиталу различные льготы и привилегии, продавая по низким ценам тысячи гектаров земли, зачастую уже заселенной вьетнамцами — готовой рабочей силой. В итоге производство риса в основной житнице страны — Кохинхине с 1875 г. по начало XX в. возросло минимум в два раза. Существовавшие и прежде крупные частновладельческие хозяйства на юге Вьетнама только упрочивались. Возможность масштабного экспорта риса способствовала росту заинтересованности колонистов в приобретении земли.

С конца XIX в. в Индокитае стали активно производить второй важнейший после риса экспортный сельскохозяйственный товар — каучук. В 90-х годах XIX в. во Вьетнам впервые завезли семена культурной гевеи, а в 1899 г. в Ядини были основаны первые каучуковые плантации, давшие прекрасный урожай.

В конце XIX в. французские колонисты создали обширные чайные и кофейные плантации. Производство чая с 1897 по 1900 г. увеличилось в 18 раз (с 10 до 180 т).

На рубеже веков значительно активизировался и французский торговый капитал, постепенно вытесняя традиционных для Вьетнама и Индокитая крупных китайских купцов.

Индокитай на рубеже веков превратился в мощный рынок сбыта французских товаров, о чем свидетельствует значительное, более чем в два раза, превышение импорта над экспортом. Вьетнамский и индокитайский рынки были очень выгодны для Франции, которая торговала с Индокитайским союзом в два-три раза интенсивнее, чем с другими своими колониями.

Однако в думеровский период, связанный с жесткими административными мерами во всех сферах, в том числе и в экономике, для французской эксплуатации Индокитая было характерно преобладание налоговых и финансовых методов над вложением капитала в промышленность, сельское хозяйство и торговлю.

В определенной мере эта ситуация была исправлена при преемниках Поля Думера.

Назначенный в 1902 г. генерал-губернатором Индокитая Поль Бо (1902–1908) попытался несколько либерализовать административную политику. Он попробовал заменить силовые методы и административное «упорядочение» Поля Думера на политику приобщения местного населения к духовным и интеллектуальным ценностям Запада. Эта политика получила девиз «моральное завоевание».

Прежде всего Поль Бо попытался расширить внедрение европейской системы образования во Вьетнаме и Индокитае. Были созданы Главное управление по образованию и Совет по усовершенствованию местного обучения. В 1907 г. Бо открыл в Ханое университет, правда с программой обучения, значительно сокращенной по сравнению с программами высших учебных заведений метрополии. Стремясь найти опору колониальной власти среди новой вьетнамской ин-

теллигенции, Бо открыл доступ образованным вьетнамцам на низшие должности колониального аппарата, на которые до того времени не получал назначение ни один вьетнамец.

Поль Бо отменил режим *эндижената* (специальный административно-юридический кодекс для коренного населения), предусматривавший значительные ограничения прав «туземцев» стран протектората. Например, вьетнамцам запрещалось переезжать из Тонкина в Кохинхину без специального удостоверения личности, выдаваемого французской полицией.

С местного населения Кохинхины стали взимать меньший поземельный налог, чем в Аннаме и Тонкине. Население колонии без выкупа освобождалось от обязательных общественных работ; сроки службы в армии составляли для населения Кохинхины три года, тогда как для жителей Аннама и Тонкина — семь лет. В Кохинхине значительно раньше, чем в Аннаме и Тонкине, для местного населения стали применяться кодексы уголовного и гражданского права, разработанные на основе французского законодательства с учетом местных правовых норм.

Все это усугубляло различие Кохинхины, с одной стороны, и Тонкина с Аннамом, с другой стороны; усиливало разделение Вьетнама, к чему стремились французы и что было краеугольным камнем их политики не только во Вьетнаме, но и во всем Индокитайском союзе на протяжении всех лет колониального господства.

В целом реформы генерал-губернатора Бо не дали желаемого результата. Ощутимо возросший уровень экономической эксплуатации вьетнамского крестьянства, особенно на севере страны, стихийные бедствия, не прекращавшиеся в течение пяти лет, привели в 1908 г. к массовым крестьянским выступлениям, направленным против усиления налогового бремени. 1908 год стал своеобразным рубежом в колониальной политике Франции во Вьетнаме.

При Поле Бо, в первом десятилетии XX в., наряду с добычей угля, более половины которого вывозилось в Китай, Японию и Францию, появились первые французские компании по разработке рудников цветных металлов: цинка, олова, меди, золота, серебра. Большая часть этих металлов экспортировалась во Францию, меньшая — в другие страны Европы.

В общественной жизни Вьетнама появились два политических течения, во многом определившие поиски различными вьетнамскими социальными слоями путей выхода из кризиса и освобождения от колониальной зависимости. При этом только одно из этих течений имело устойчивые корни в традиции антиколониальной борьбы и было тесно связано с идеологией «традиционализма». Второе течение лишь отчасти было преемником идеологии Нгуен Чыонг То, привнося во вьетнамскую общественную и политическую мысль много нового.

Первое политическое течение, которое можно условно назвать «традиционалистско»-антиколониальным, было представлено сыном сельского учителя уроженцем Нгеана Фан Бой Тяу (1867–1940), в молодости боровшимся с французами под общим командованием Фан Динь Фунга.

Вдохновителем второго направления был видный просветитель и сторонник буржуазного пути развития Вьетнама, сын офицера и землевладельца уроженец Куангнама Фан Тю Чинь (1872–1926).

Своей опорой в борьбе за обретение независимости Вьетнама Фан Бой Тяу считал традиционалистское чиновничество, в то время как для Фан Тю Чиня именно оно было объектом самой суровой критики, и в борьбе с ним он не прочь был использовать французские власти.

Фан Бой Тяу еще в 1900 г. разработал программу антиколониальных действий, предполагающую объединение оставшихся участников движения *кан вьонг* и разрозненных партизанских отрядов в единое движение для борьбы с колонизаторами, выдвижение на роль главы этого движения одного из членов императорской семьи, отправку представителей движения на учебу за границу. Конечной целью Фан Бой Тяу было завоевание Вьетнамом независимости.

Объединяя остатки патриотов-повстанцев, Фан Бой Тяу встречался с руководителями уцелевших отрядов Фам Динь Фунга и в 1902 г. приехал в Иентхе на встречу с Де Тхамом. Подбирая вождя из членов императорского рода, он, будучи в этот период сторонником сохранения неограниченной монархии во Вьетнаме, установил контакты с принцем Кьонг Дэ, младшим братом сосланного французами в 1907 г. на о-в Реюньон императора Бьу Лана. Антифранцузский патриотизм Фан Бой Тяу переходил в ксенофобию и расизм, пробуждая во вьетнамцах вражду не только к французам, но и ко всем людям с белым цветом кожи.

Единственным средством обретения независимости Фан Бой Тяу считал вооруженную борьбу. Для организации этой борьбы Фан Бой Тяу в 1904 г. создал первую во Вьетнаме политическую организацию — «Общество обновления Вьетнама» (Вьетнам Зюи Тан хой, далее — «Зюи Тан»). Председателем организации был избран принц Кьонг Дэ. Все ее члены называли себя братьями и в целях конспирации не печатали никаких материалов о ее структуре и программе действий. Однако известно, что общество «Зюи Тан» выступало за восстановление независимой деспотической вьетнамской монархии и делилось на две секции: гражданскую и военную. Гражданская секция должна была создавать просветительские учреждения и торгово-предпринимательские общества для добычи материальных средств. Военная секция должна была готовить восстание. В сфере внешних сношений «Зюи Тан» ориентировалось на Японию, успешно воевавшую в это время с Россией. Решено было послать в Японию делегацию для установления контактов с японскими правящими кругами и закупки оружия. Затем в Японию должна была поехать вьетнамская молодежь.

Обеспокоенные французские власти летом 1904 г. запретили ввоз в Кохинхину и Тонкин японских и китайских периодических изданий, повествующих о русско-японской войне. 20 мая 1905 г. Фан Бой Тяу выехал в Японию. Он установил связь с политическими эмигрантами из Китая, Кореи, Индии, России и Филиппин. Особо тесные контакты Фан Бой Тяу установил с китайскими реформаторами Кан Ювзем и Лян Цичао. Несмотря на предупреждения Лян Цичао, Фан Бой Тяу все-таки обратился к японским политикам и предпринимателям за помощью. Но те, испугавшись войны с Францией, отказали ему.

Вернувшись летом 1905 г. во Вьетнам, Фан Бой Тяу развернул кампанию за отправку патриотической вьетнамской молодежи в Японию и организовал движение «Донг Зу» («Движение на Восток»), основной целью которого являлась подготовка в Японии антиколониальных кадров.

В январе 1906 г. филиал общества «Зюи Тан» был основан в Гуаньчжоу, откуда предполагалось наладить массовую отправку вьетнамской молодежи в Японию. В марте 1906 г. во главе первой такой группы в Японию выехали Фан Бой Тяу и принц Кыонг Дэ. За ними поехали другие вьетнамцы, обучавшиеся в различных японских учебных заведениях, находившихся под государственным контролем. Сначала вьетнамцы обучались в японских военных школах, а когда число студентов значительно возросло (к июню 1908 г. в Японии было уже 200 вьетнамских учащихся), была открыта специальная школа, в которой кроме военного дела шло обучение японскому языку, математике, физике, химии, истории.

Во Вьетнаме была развернута кампания по сбору средств для отправки молодежи за границу. Лян Цицао помогал вести эту кампанию Фан Бой Тяу. Под его воздействием, а также под влиянием Кан Ювэя Фан Бой Тяу с 1906 г. переходит на позиции сторонника конституционной монархии. В 1907 г. политические взгляды Фан Бой Тяу становятся еще более демократическими, но не выходят за рамки конституционного монархизма.

В октябре 1908 г. в Токио из числа политических эмигрантов создается Лига Восточной Азии, руководящее место в которой отводилось представителям Японии и Китая. В числе трех представителей от Вьетнама в нее входил и Фан Бой Тяу.

Во Вьетнаме сторонники Фан Бой Тяу организуют террористические акции и мятежи. Французские власти арестовывают множество активистов общества «Зюи Тан».

В сентябре 1908 г., в ходе подготовки соглашения, по которому Франция брала на себя обязательство уважать японские интересы в Китае, а японское правительство — интересы Франции в Китае и Индокитае, имперский кабинет Японии заверил Третью Республику в том, что отныне всякие антифранцузские действия на территории Японии будут решительно пресекаться. На основании этого соглашения всем вьетнамским студентам было предписано в кратчайшие сроки выехать из Японии на родину, где их ждала в лучшем случае тюрьма, в худшем — смертная казнь.

8 марта 1908 г. Фан Бой Тяу уехал из Токио в Гонконг. 30 октября из Японии уехал принц Кыонг Дэ. В 1909 г. Японию покинула большая часть вьетнамцев.

После этого Фан Бой Тяу разочаровался в японских властях и решил переориентироваться на китайских революционеров. Вместе с патриотами южных провинций Китая он создал союз Юньнань–Гуанси–Вьетнама, в связи с чем впоследствии общество «Зюи Тан» помогало китайским революционерам оружием.

Почти одновременно с «Донг Зу» во Вьетнаме под влиянием буржуазной идеологии Запада родилось вестернизированное, антитрадиционалистское либерально-демократическое направление общественной мысли, сторонники которого были поборниками технического прогресса, социальных и политических реформ. Возглавлял это течение Фан Тю Чинь, изложивший свое политическое кредо в письме Полю Бо от 15 августа 1906 г. Указывая на тяжелое материальное положение и низкий культурный уровень вьетнамского народа, Фан Тю Чинь видел причину этого прежде всего в преступлениях традиционного чиновничества, злоупотреблявшего своими полномочиями и развращавшего общественные

нравы. Он упрекал правительство Франции за то, что оно закрывает глаза на такое поведение чиновников, потакая тем самым процветанию коррупции и лицемерия. Выход из сложившейся ситуации Фан Тю Чинь поначалу видел в замене продажных чиновников честными. Второй упрек Фан Тю Чинь адресовал французским властям за то, что они считают вьетнамцев отсталыми дикарями, не способными воспринять достижения западной цивилизации. Это, по мнению Фан Тю Чиня, только отдаляло вьетнамцев от французов, расширяло существовавшую между ними пропасть и могло привести к полному непониманию двух народов. Решение проблемы Фан Тю Чинь видел в проведении социально-политической реформы, направленной на поддержку талантливых и способных людей, на привлечение их к управлению государством, на предоставление больших возможностей в общественной жизни широким народным слоям. Он ратовал за предоставление демократических свобод, прежде всего интеллигенции, за введение справедливого законодательства, за упразднение традиционной системы экзаменов, за открытие современных школ, библиотек, различного вида курсов по профессиональному обучению, за изменения в системе трудовых повинностей и в налоговой политике колониальных властей, за расширение политических прав наимущих слоев населения.

Письмо Фан Тю Чиня генерал-губернатору стало первым официальным документом представителя вестернизированной вьетнамской интеллигенции, содержащим конкретные предложения социальных реформ. Воспринявший идеи Руссо и Монтескье, Фан Тю Чинь в то же время не отвергал и конфуцианство, пытаясь синтезировать буржуазные учения Запада с моралью Востока. Фан Тю Чиня привлекал пример Японии, за короткое время превратившейся из закрытой и отсталой «феодальной» страны в развитое капиталистическое государство, не уступающее многим европейским странам. В то же время Фан Тю Чинь был против активного использования Японии, как и Китая, в антиколониальной борьбе, поскольку, во-первых, считал, что за японскую и китайскую помощь придется дорого платить, в том числе и отказом от национального суверенитета, во-вторых, рассматривал французский колониализм с точки зрения его «цивилизаторской» миссии, надеясь на проведение прогрессивных реформ именно при поддержке страны-метрополии, колыбели самой радикальной буржуазной революции. Во Франции Фан Тю Чинь видел не колониальную, а передовую европейскую державу, которая поможет Вьетнаму избавиться не только от отсталости, но и от самого колониализма. Фан Тю Чинь отвергал путь вооруженной борьбы, захват власти военным путем, скептически относился к возможности вьетнамского народа освободиться самостоятельно.

В его схеме не было места ни вьетнамской монархии, которую Фан Тю Чинь считал безнадежно устаревшей, ни вооруженной борьбе, ни японскому милитаризму.

Взгляды Фан Тю Чиня и его письмо Полю Бо вызвали глубокое недовольство Фан Бой Тяу. Создатель «Общества обновления Вьетнама», только что вместе с принцем Кьонг Дэ обратившийся к населению с призывом поддержать «Движение на Восток», направил Фан Тю Чиню специальное послание, в котором рекомендовал ему воздержаться от нападок на монархический режим и его опору — бюрократический аппарат. Личная встреча этих двух политических деятелей

произошла в 1906 г. в Японии. Дискуссия о путях достижения Вьетнамом независимости лишь углубила радикальные противоречия двух идеологов. Фан Тю Чинь требовал для обеспечения народовластия первоочередного свержения вьетнамской монархии, причем при помощи французов, а Фан Бой Тяу, наоборот, настаивал на немедленном изгнании французов и завоевании национальной независимости, используя при этом силы вьетнамской деспотии.

Уйдя в 1905 г. в отставку после трехлетней службы чиновником в Ведомстве обрядов, Фан Тю Чинь посвятил себя пропаганде собственных идей и взглядов, путешествуя по стране и выезжая за границу, ища единомышленников и дискутируя с оппонентами. В 1905 г., во время поездки на север Вьетнама он встретился с «независимым» правителем волости Фонсыонг Де Тхамом, а в 1906 г., как уже отмечалось, — в Японии с Фан Бой Тяу, а во время своей поездки на юг, в Фантхьет, Фан Тю Чинь вместе со своими единомышленниками создал торговое общество «Лиентхань» и школу «Зутхань» («Воспитание молодежи»), где преподавал молодой Нгуен Ай Куок, будущий Хо Ши Мин.

Считая французскую администрацию своим союзником, Фан Тю Чинь пытался активно воздействовать на колониальные власти. Но его критические замечания в адрес администрации вызвали ее острое недовольство. В 1908 г., когда он участвовал в движении против налогов, французские власти арестовали Фан Тю Чиня, а суд вынес ему смертный приговор, замененный пожизненной каторгой на о-ве Пуло-Кондор. Освободили Фан Тю Чиня в 1911 г., но не разрешили жить на родине и выслали во Францию. Там он встречался с вьетнамскими политическими эмигрантами, в том числе и Нгуен Ай Куоком, а также продолжал писать политические работы, призывая к «объединению Франции с новым Вьетнамом».

Большую роль в движении за социальные реформы, имеющие целью модернизацию Вьетнама, сыграла Тонкинская общественно-просветительская школа. Она была открыта в 1907 г. в Ханое с целью просвещения и обучения широких слоев населения новым знаниям и новой культуре. Эту бесплатную школу возглавлял известный вьетнамский литератор Лыонг Ван Кан (1857–1927). В школе имелись четыре отдела: просвещения, финансов, агитации и редакционный. Помимо основного преподавательского состава в школе работали еще и внештатные сотрудники, агитировавшие в пользу движения за модернизацию страны. Среди преподавателей были женщины, что являлось вызовом традиционной морали.

В Тонкинской общественно-просветительской школе преподавали латинизированную вьетнамскую письменность (*куок нгы*), географию, естественные науки, правила гигиены; пропагандировали «новый» образ жизни, отказ от старых обычаев, в частности ношения чиновничьей одежды и шиньона. В школе издавалась газета на *куок нгы*. Школьной библиотекой могли пользоваться не только члены ассоциации Тонкинской школы, но и все желающие. Агитационный отдел ассоциации организовывал лекции по всему Северному Вьетнаму. В восьми классах школы обучалось 500 учеников, среди которых были и дети и взрослые. Занятия проводились в дневное и вечернее время. Многие преподаватели работали бесплатно или за небольшую плату.

Тонкинская общественно-просветительская школа, имевшая множество сторонников среди интеллигенции, пропагандировала латинизированную письменность, ставшую впоследствии общенациональной, развивала вьетнамскую лите-

ратуру, распространяла учения западноевропейских философов-просветителей. Членами ассоциации были переведены работы Ж.-Ж.Руссо, Монтескье, Спенсера. Деятельность ассоциации не ограничивалась чисто просветительскими функциями. Ее члены активно участвовали в антиколониальной и социальной борьбе. Ассоциация просуществовала немногим более полугода (с марта по ноябрь 1907 г.).

В 1908 г. Поля Бо на посту генерал-губернатора сменил Клобуковски — сторонник жесткого политического курса. При нем были фактически сведены на нет все либеральные начинания его предшественника: был закрыт Ханойский университет, сокращено число вьетнамцев в колониальном административном аппарате.

Правление Клобуковски началось с мощных крестьянских выступлений против уплаты налогов в провинциях Куангнам, Куангнгай, Биньдинь, Фуиен, Тхыатхиен, Хатинь и Нгеан. На эти крестьянские выступления оказывала огромное воздействие, с одной стороны, антиколониальная пропаганда членов общества «Зюи Тан», с другой — антитрадиционалистская агитация сторонников движения за социальные реформы. Крестьянские выступления продолжались около трех месяцев, с марта по май 1908 г., охватили даже окрестности столицы Аннам и вызвали серьезное беспокойство колониальной администрации. Против повстанцев были брошены войска, жестоко подавившие крестьянские выступления. Многие крестьяне и интеллигенты были арестованы, сосланы на каторжные работы или казнены. Под предлогом борьбы с «бунтовщиками» власти расправились с неугодными политическими деятелями, сослав, например, как уже говорилось, Фан Тю Чиня. Репрессии были настолько жестокими, что в марте 1909 г. в палате депутатов в Париже был сделан запрос о событиях в Чунги.

Вслед за выступлениями крестьян в Чунги последовали теракты, подготовленные в июне 1908 г. сторонниками Фан Бой Тяу. Собираясь захватить Ханой и договорившись о поддержке с ветеранами Фан Динь Фунга, Фан Бой Тяу еще в конце 1906 г. сумел привлечь к антифранцузскому восстанию самого Де Тхама, обещав ему помощь оружием, продовольствием и боевиками движения «Зюи Тан». В заговоре участвовали также вьетнамские военные, в том числе и офицеры, служившие в ханойском гарнизоне. Штурм Ханоя был намечен на 27 июня 1908 г. Однако предательство в рядах заговорщиков помешало осуществлению этого плана. Единственное, что удалось сделать патриотам, — отравить во время банкета 200 французских солдат и офицеров. Процесс над отравителями привел на гильотину руководителей операции, а рядовые участники были сосланы на каторжные работы.

После этого Клобуковски решил ликвидировать «независимое» княжество Де Тхама. В январе 1909 г. французские войска вторглись в район Иентхе и в течение года, до декабря 1909 г., активно воевали против повстанческой армии Де Тхама. С этого времени в течение трех лет Де Тхам большей частью скрывался от колониальных властей, которые никак не могли его поймать. Наконец, в феврале 1913 г. они подослали к Де Тхаму трех наемных убийц-китайцев, которые вскоре принесли колонизаторам его отрубленную голову.

В 1907 г. французские власти решили сместить с трона императора Быу Лана. Сочувствующий патриотам умный император, стремившийся к модернизации страны и в то же время не разделявший политики своего правительства, предпо-

читавший во всем уступать французам, все больше и больше раздражал колониальные власти. Как уже говорилось, он был объявлен больным, отрекся от престола и был сослан. Место Бю Лана занял его сын Ван Шан, которому в 1907 г. было семь лет. Ван Шан избрал себе девиз правления Зюитан («Модернизация»). По мере взросления, будучи человеком сообразительным, Ван Шан стал осознавать унижительность собственного положения как императора без власти. Через некоторое время это привело его к решительным действиям.

Начало нового курса французской колониальной политики во Вьетнаме было положено декретами от 20 сентября 1911 г., которые были утверждены президентом Франции. Смысл декретов состоял в расширении автономии протекторатов и децентрализации власти. В преддверии надвигающейся мировой войны в целях смягчения социальных конфликтов в своих «заморских владениях» Франция вынуждена была вернуться к либеральному курсу в Индокитае. Осуществить на практике положения декретов 1911 г. было поручено депутату-радикалу Альберу Сарро, занимавшему пост генерал-губернатора Индокитая в 1911–1913 гг.

Реорганизуя высшие, центральные органы колониальной администрации, Сарро преобразовал Высший совет Индокитая в Правительственный совет Индокитая. Число представителей от местного населения в Правительственном совете было увеличено с двух до пяти человек — по одному от каждой территории Индокитайского союза. В Совете было 23 француза — высшие чиновники колониальной администрации. Эта реформа практически не увеличила степень участия местных жителей в управлении Союзом.

Реформы в Тонкине и Аннаме проходили под девизом «политики ассоциации и лояльного выполнения принципов протектората». Имелось в виду, что восстанавливались те принципы, которые были фактически ликвидированы реформами Поля Думера, полностью отстранившего вьетнамское чиновничество от управления страной. В 1913 г. в Тонкине была создана Туземная консультативная палата — выборный представительный орган, депутаты которого могли участвовать в обсуждении многих насущных проблем, исключая политические. Допуская к частичному управлению Бакки лишь вьетнамскую элиту, французы сделали выборы в Тонкинскую палату, как и в другие подобные представительные органы, основанными на ограниченном избирательном праве. При выборах действовали имущественный и образовательный цензы, а также ценз оседлости, учитывался род деятельности человека: сами выборы были многоступенчатыми. Один депутат представлял 40 тыс. избирателей. Результаты выборов подлежали утверждению генерал-губернатором, и его же решением Палата могла быть распущена.

В Аннаме консультативной палаты до Первой мировой войны так и не было создано. А впоследствии только часть ее состава была выборной, остальные члены назначались генерал-губернатором.

Все это свидетельствует о том, что, допуская местную элиту к частичному управлению страной, французские власти сохраняли возможность контролировать деятельность вьетнамских представительных органов.

В том же, 1913 г. были созданы провинциальные советы — консультативные выборные органы в провинциях Тонкина. В провинциальных советах обсуждались в основном бюджеты провинций. Советы состояли из представителей местной верхушки.

Накануне войны была начата крупнейшая реформа в области права и организации юстиции во Вьетнаме. В 1913 г. власти приступили к разработке проекта нового, более модернизированного законодательного кодекса для Тонкина, который был введен в действие сразу после окончания войны. В Аннаме продолжал действовать старый кодекс 1812 г., введенный императором Тхе То и базировавшийся на традиционных правовых нормах и законах. В Кохинхине старое вьетнамское судопроизводство было отменено колониальными властями еще в XIX в. Вьетнамские уроженцы Кохинхины подчинялись французскому законодательству, выработанному специально для населения «заморских территорий Франции», хотя они и не были уравнены в политических правах с французами. Законодательство и судопроизводство в этой части Вьетнама были наиболее совершенными.

Французские колониальные власти продолжали осуществлять различную экономическую, политическую и социальную политику в трех частях Вьетнама.

Большое значение Сарро придавал образовательной политике. Начавшаяся мировая война несколько задержала проведение реформ в этой области, но при Сарро вьетнамцам открылся доступ во французский лицей в Ханое. Официальной отменой традиционных трехгодичных литературных конкурсов (сначала в Тонкине, а затем в Аннаме), поставивших основной контингент управленческого аппарата доколониального Вьетнама, французские колониальные власти фактически упразднили старую традиционную систему образования, основанную на конфуцианских философских концепциях. Взамен они создали франко-вьетнамскую модернизованную систему образования. Преподавание в средних школах всех трех ступеней и в высших учебных заведениях Вьетнама стало вестись на французском языке, вьетнамские школьники изучали географию, историю и литературу Франции, но не своей страны. Созданная система образования не была рассчитана на массовость, в результате чего подавляющая часть населения оставалась неграмотной.

Многочисленные обещания А.Сарро расширить участие вьетнамцев в управлении были вызваны тем, что в результате укрепления своих экономических позиций вьетнамская элита все более заявляла о своих правах в политической области. Состоятельные вьетнамские слои требовали демократизации избирательной системы, улучшения систем судопроизводства, образования и здравоохранения, устранения дискриминации по отношению к дипломированным вьетнамцам и в конечном счете предоставления Вьетнаму более равноправного политического статуса.

Не получая этого, часть интеллектуальной и политической элиты продолжала радикализироваться. Синьхайская революция, свержение деспотического строя и провозглашение республики в Китае оказали огромное воздействие на революционеров Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, в том числе и Вьетнама. Фан Бой Тяу стал отходить от монархических позиций. Южный Китай превратился в центр политической эмиграции вьетнамских революционеров. В феврале 1912 г. в Гуандуне под руководством Фан Бой Тяу была создана политическая партия «Общество возрождения Вьетнама», в состав которой вошли многие члены общества «Зюн Тан». Председателем «Общества возрождения Вьетнама» был избран принц Кьонг Дэ, а генеральным секретарем — Фан Бой Тяу. Члены Об-

щества ставили своей целью изгнание французских колонизаторов, восстановление независимости страны и установление демократической республики. В отличие от «Зюи Тан», ориентировавшегося на Японию, Общество брало за эталон республиканский Китай, на материальную и финансовую помощь которого оно очень рассчитывало.

Одной из основных задач «Общества возрождения Вьетнама» было создание Армии возрождения, которая должна была быть сформирована из горцев, представителей малых народов, живших на китайско-вьетнамской границе, а также из вьетнамцев — жителей долин. Командиры этой армии должны были быть кадровыми военными, получившими образование в военных школах Китая. Руководство Общества приняло решение об учреждении нового государственного флага.

Организация армии продвигалась довольно туго, и руководство Общества приняло решение о проведении серии терактов: в 1912 г. была совершена попытка покушения на Альбера Сарро, в 1913 г. был убит бомбой губернатор Тхайбиня, произошли взрывы в ханойском отеле, стоившие жизни нескольким французским офицерам.

Власти ответили репрессиями. 254 человека были арестованы. Французы вынесли 14 смертных приговоров, из которых 7 — заочно (принцу Кыонг Дэ, Фан Бой Тяу и др.).

Поражение Синьхайской революции значительно ухудшило политический климат во вьетнамском обществе. Альбер Сарро договорился с китайскими властями об арестах руководителей «Общества возрождения Вьетнама». В декабре 1913 г. Фан Бой Тяу был схвачен и пробыл три года в китайской тюрьме.

Таким образом, накануне Первой мировой войны революционное движение во Вьетнаме находилось в упадке. Активизировалась деятельность тайных религиозных обществ, наиболее распространенных в Кохинхине. Деятельность этих обществ носила политический характер, так как была направлена против французов и имела целью обретение национальной независимости. Наиболее ярким было «Общество Неба и Земли», начало активной деятельности которого пришлось на 1911 г. «Общество Неба и Земли» поддерживало связь с принцем Кыонг Дэ и Фан Бой Тяу. В 1913 г. одновременно с террористическими актами, совершенными «Обществом возрождения Вьетнама», члены «Общества Неба и Земли» взорвали несколько бомб в Сайгоне–Тёлоне. Выступления террористов были жестоко подавлены французами. Диалог властей и вьетнамской элиты накануне Первой мировой войны так и не состоялся.

ФИЛИППИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1896–1898 гг.
И УСТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Филиппинская революция 1896–1898 гг., одна из первых национальных революций в Азии, произошла в отсталой колониальной стране, где, казалось бы, отсутствовала почва для такого раннего зарождения национально-освободительного движения. На самом же деле начавшийся в середине XIX в. процесс пробуждения национального самосознания подготавливался предшествующим опытом культурно-исторической эволюции филиппинского общества.

С экономической точки зрения Филиппины действительно представляли собой одну из самых бедных и отсталых европейских колоний в Азии, пребывавшую в течение двух веков почти в полной изоляции от внешнего мира, что вело к хозяйственному застою и консервации архаичных методов эксплуатации. В то же время Филиппины оказались единственной в регионе Восточной и Юго-Восточной Азии страной с христианским населением. Христианизация носила массовый характер и завершилась к 20-м годам XVII в. Страна подвергалась продолжительному и интенсивному воздействию культуры Запада. В результате образования субкультуры, общей для всех христианизированных народов, происходило сближение этносов Архипелага. Показательно, что на всех этапах антиколониального движения на Филиппинах тенденция к национальной консолидации общества опережала рост этнического самосознания отдельных народов.

В силу католического воспитания и культурной ассимиляции филиппинские *иллюстратос* с энтузиазмом воспринимали западные просветительские и демократические идеи, превратив их в идеологическое знамя освободительной борьбы. Очевидно, поэтому у филиппинской революции отсутствовала антизападная направленность. Борьба велась за национальное освобождение, против конкретных форм и проявлений испанского колониализма (всевластие монашеских орденов, расовая и политическая дискриминация и т.п.), но не против Запада как олицетворения всего враждебного и чуждого. Наоборот, следует особо выделить прозападную идеологическую ориентированность филиппинского национального движения.

В этой особенности усматривается сходство революции на Филиппинах с антиколониальными войнами начала XIX в. в испанских колониях в Латинской Америке. Филиппины вообще (в результате ранней колонизации и трансформации их доколониальной общественной структуры) по многим чертам социально-политического, культурного, экономического развития были ближе к американским владениям Испании, нежели к своим азиатским соседям. Филиппинская революция, оказавшись последним звеном в процессе распада испанской колониальной империи, в определенном смысле завершила серию антиколониальных войн на Американском континенте.

Конечно, филиппинские национальные лидеры и идеологи не воспринимали освободительное движение у себя на родине как продолжение латиноамериканских революций. Напротив, их ориентированность на общественные и духовные идеалы Запада сочеталась с ясно выраженными идеями восстановления разорванных колониализмом культурно-исторических связей с Востоком, самоидентификации филиппинцев как «азиатской нации».

К мысли о насильственном свержении колониальной власти филиппинцы, как известно, пришли не сразу.

Радикализации общественных настроений на Филиппинах с начала 90-х годов XIX в. способствовал кризис реформаторского движения, зашедшего к тому времени в тупик из-за нежелания и неспособности метрополии удовлетворить даже умеренные требования филиппинских реформаторов. Проявлением этого кризиса стал раскол в июле 1892 г. Филиппинской лиги, в результате которого из нее вышла группа радикалов во главе с Андресом Бонифасио, объединившихся в революционное общество «Катипунан».

Первоначально «Катипунан», выступивший инициатором антииспанского восстания, был организацией преимущественно манильских городских низов. В 1894 г. отделения «Катипунана» действовали во многих провинциях Центрального и Южного Лусона. Число его сторонников к началу восстания в августе 1896 г., знаменовавшего начало революции, превышало 200 тыс. Это были главным образом провинциальные касики, возглавлявшие секции организации на местах, и крестьяне, которые следовали за «своими» лидерами (из помещиков и местной бюрократии), связанные с последними традиционными патриархальными отношениями.

Развиваясь, революция набирала силу, вовлекая в свои ряды филиппинцев из всех сегментов общества, приобретая общенациональный характер.

Вплоть до вооруженного выступления в окрестностях Манилы в 1896 г. руководству «Катипунана» удавалось скрывать от испанцев подготовку к восстанию благодаря законспирированной структуре организации, созданной по типу масонских братств.

Основатели «Катипунана» заимствовали у масонов их ритуалы, символику, структуру братства, а также религиозно-этические принципы, которые получили отражение в написанных А.Бонифасио «Десяти заповедях сыновей народа», ориентировавших членов организации на добродетельное поведение и воспитание патриотизма. Популярность «Катипунана» среди филиппинцев во многом объяснялась скрытым, подпольным характером организации, сближавшим ее с тайными обществами и религиозными сектами — традиционными формами антииспанских выступлений на Филиппинах.

С августа 1896 г. восстание развивалось по восходящей линии. Репрессии (осенью 1896 г.), обрушенные испанцами на мирное население, лишь способствовали подъему повстанческой борьбы. Одной из самых жестоких акций властей была казнь (декабрь 1896 г.) Хосе Рисаля, убежденного сторонника ненасильственных методов протеста. Она вызвала взрыв общественного негодования, вовлекла в ряды повстанцев многих до того остававшихся нейтральными филиппинцев.

К началу 1897 г. (после ряда побед повстанческих отрядов) территориальные границы восстания заметно расширились, продвинулись из тагалских районов

Центрального и Южного Лусона на север (провинции Илокос, Пангасинан) и приблизились к Бисайским островам.

Несмотря на полиэтничный состав населения, на Филиппинах не возникало разногласий и конфликтов на этнонациональной почве (преобладала упоминавшаяся выше тенденция к общефилиппинской консолидации). Но традиционно существовало соперничество между столичным центром и провинциями, а в последних — между локальными группировками местных элит. Такие группировки, или кланы, состояли из влиятельных семейств касиков и объединявшихся вокруг них местных жителей, обладателей более низкого социального статуса.

Руководство «Катипунана» было не в состоянии преодолеть фракционность и нараставшие противоречия в революционных силах. А.Бонифасио и его соратники, как выходцы из столицы и представители городского плебса, не пользовались авторитетом у местных лидеров и командиров повстанческих отрядов. К концу 1896 г. противоречия вылились в борьбу за верховное лидерство в революции между А.Бонифасио и Эмилио Агинальдо, амбициозным, хорошо образованным руководителем восстания в пров. Кавите, выходцем из местных касиков. Претендуя на роль общефилиппинского лидера, Э.Агинальдо выступил с программой создания выборного временного правительства, рассчитывая одновременно сплотить повстанцев и устранить от власти «Катипунан». Этот план был реализован в марте 1897 г., когда на конференции представителей революционных сил была провозглашена независимая республика и президентом временного правительства избран Э.Агинальдо. А.Бонифасио, не признавший решений конференции, некоторое время с группой своих сторонников продолжал вооруженное сопротивление, но затем был взят в плен, обвинен в измене правительству Э.Агинальдо и расстрелян в мае 1897 г.

Э.Агинальдо недолго оставался на президентском посту. После ряда крупных поражений, понесенных революционной армией летом 1897 г., он пошел на мирные переговоры с испанцами. В ноябре 1897 г. в местечке Биак-на-Бато было подписано соглашение, которым фактически подтверждалась капитуляция повстанческих сил. Э.Агинальдо и его окружение, согласно договору, эмигрировали в Гонконг.

Биакнабатское соглашение завершило первый этап революции. Но повстанческое движение не прекратилось. Часть революционных командиров отказались сложить оружие и ушли в горы со своими отрядами, продолжая партизанскую войну.

Новому подъему повстанческого движения с весны 1898 г. благоприятствовала международная обстановка, связанная с началом испано-американской войны (апрель 1898 г.). Американские дипломаты установили контакты с находившимся в Гонконге Э.Агинальдо, обещая ему поддержку в случае возобновления антииспанского восстания на Филиппинах. 1 мая 1898 г., в морском сражении в Манильском заливе американцы разбили испанский флот, заблокировав филиппинскую столицу с моря. Вскоре на Филиппины на американском военном корабле был доставлен Э.Агинальдо.

12 июня 1898 г. в г. Кавите, освобожденном от испанцев, была вновь провозглашена независимая Филиппинская республика. Временное революционное правительство возглавил Э.Агинальдо, наделенный в качестве президента обшир-

ными, почти диктаторскими полномочиями. Его популярность росла на фоне военных успехов повстанцев. Им способствовал углублявшийся военно-политический кризис в Испании, которая с первых дней войны демонстрировала слабость и неспособность к сколько-нибудь эффективному противостоянию американским силам.

В течение лета и осени 1898 г. филиппинская повстанческая армия без особого напряжения очистила от испанских войск практически всю территорию Лусона и Бисайских островов, распространяя на освобожденные провинции власть революционного правительства. Вне его контроля оставался только район Манилы. Однако наступление филиппинской армии на столичные предместья в июле 1898 г. было остановлено американскими войсками, которые не допустили филиппинцев к боевым операциям. Американцы хотели превратить Манилу в основной плацдарм для собственной колонизации Филиппин. 13 августа 1898 г., согласно испано-американскому протоколу о мире (Вашингтонскому), американцы без боя вошли в Манилу, установив здесь военно-оккупационный режим.

Что касается внутреннего развития революции, то для ее второго этапа были характерны фракционность политических сил, сложное переплетение и дифференциация интересов различных общественных групп и их лидеров.

Э.Агинальдо умело маневрировал, блокируясь с той или иной фракцией, в зависимости от собственных интересов и целей. Ближайшим помощником и личным советником Э.Агинальдо был А.Мабини, идеолог радикального направления, выступавший за решительную, бескомпромиссную борьбу, за обретение полного национального суверенитета. При этом А.Мабини был сторонником сильной централизованной власти в условиях вооруженного восстания для мобилизации усилий всего общества. Такая позиция полностью устраивала Э.Агинальдо, лидера авторитарного типа, использовавшего популярность А.Мабини в интересах укрепления личной власти.

Борьба между сторонниками и противниками авторитаризма достигла своей кульминации на конгрессе в городе Малолосе (сентябрь 1898 — январь 1899 г.), в котором участвовали представители революционных сил из различных общественных групп и политических фракций. Он был созван для выработки и принятия конституции независимой Филиппинской республики. Сторонники авторитарной власти во главе с А.Мабини составляли меньшинство. Большинство же делегатов конгресса ратовали за немедленное принятие конституции, которая обеспечивала бы установление парламентско-демократической системы и содержала гарантии против диктатуры Э.Агинальдо. В подготовленной комиссией конституции 1898 г. были использованы передовые образцы демократического законодательства (США, Мексики, ряда европейских стран), в частности детальная разработка принципов правового положения личности и легитимного оформления института власти.

В конституции фиксировалось строгое разделение властей (законодательной, исполнительной, судебной), деятельность президента ставилась под контроль парламента. Подтверждалось установление демократического правопорядка, гарантировались права и свободы граждан республики, провозглашалось отделение церкви от государства, объявлялась свобода использования языков всех народов Архипелага.

По конституции предполагалось создание унитарного государства на всей территории Архипелага. Нерешенным оставался вопрос о южных мусульманских районах, которые лишь незадолго до начала революции были (не полностью) завоеваны испанцами. Попытки революционного руководства установить контакты с мусульманскими лидерами оказались безрезультатными. Правители султанатов проявляли враждебность в отношении филиппинского республиканского правительства, воспринимая его как преемника испанской колониальной администрации.

Работа Малолосского конгресса была прервана в декабре 1898 г. известием о подписании в Париже испано-американского договора, согласно которому Испания уступала Филиппины США. Такой поворот событий не был полной неожиданностью для филиппинцев, среди которых с момента оккупации Манилы американскими войсками росли сомнения в искренности политики американцев. В ответ на решение Парижской мирной конференции был сформирован кабинет во главе с А.Мабини, известным своими антиимпериалистическими взглядами, который предпринял ряд безуспешных попыток добиться официального международного признания Филиппинской республики. Ратификация Парижского договора сенатом США в феврале 1899 г. положила конец неопределенности в филиппино-американских отношениях. Спровоцированная американцами перестрелка в окрестностях Манилы между филиппинскими и американскими войсками вылилась в войну, которая продолжалась до 1901 г. при очевидном превосходстве США. Регулярная филиппинская армия была разгромлена к ноябрю 1899 г., после чего филиппинцы перешли к партизанской войне.

Американцы проводили на Филиппинах также и «примирительную» политику, направленную на привлечение филиппинцев к участию в создававшейся системе административного управления. Были приняты законы об амнистии повстанцев, начаты реформы образования и т.п. Это способствовало появлению в филиппинском обществе проамериканских настроений. Произошли изменения в составе республиканского правительства — А.Мабини вынужден был уйти в отставку (май 1899 г.), кабинет возглавил П.Патерно, сторонник политики соглашения с США. Э.Агинальдо некоторое время придерживался выжидательной тактики, скрываясь с партизанскими отрядами на севере Лусона. Весной 1901 г. он был взят в плен, после чего выступил с призывом прекратить вооруженное сопротивление и признать власть США. В июне 1901 г. первым гражданским губернатором Филиппин был назначен У.Тафт, чем официально подтверждалось установление американского контроля над Филиппинским архипелагом.

В памяти последующих поколений филиппинцев революция 1896–1898 гг. оставалась наиболее ярким, героическим событием национальной истории, идеи которой впитала общественная мысль Филиппин.

Существовало несомненное влияние психологической атмосферы в филиппинском обществе начала XX в. на выработку США, сменившими Испанию в качестве державы-метрополии, основ колониальной политики на Филиппинах. Американцы не могли не учитывать обостренные националистические чувства филиппинцев, укоренившуюся в сознании общества идею государственной независимости, наличие, пусть и слабой, конституционно-демократической традиции. Колониальная политика США существенно отличалась от традиционного европейско-

го колониализма своим либерализмом, использованием совокупности методов и средств, которые сами американцы обозначали как «обучение демократии» и подготовку к самоуправлению. В первом десятилетии после аннексии США осуществляли двуединый курс американизации и филиппинизации. Первая подразумевала широкое приобщение филиппинцев к системе американских культурных, духовных, политических ценностей, вторая — постепенно расширяющееся вовлечение филиппинцев в структуры государственно-административного управления. Филиппинизация затрагивала и создававшуюся американцами политическую систему, в которую впервые были введены принципы выборности и функционирования политических партий. С 1907 г. в течение всего колониального периода лидерство в политике удерживала Партия националистов, провозгласившая главным пунктом своей программы требование независимости Филиппин.

США пошли на уступку филиппинским националистическим силам, приняв в 1916 г. Закон Джонса, в котором официально обещали предоставление независимости Филиппинам после создания на Архипелаге стабильного правительства. Его принятие завершило начальный этап американской колонизации Филиппин.

С ее особенностями было связано зарождение среди филиппинцев проамериканизма, причем не только в элитарных кругах, но и в остальных сегментах общества. Обратной стороной данного явления было развитие антиамериканизма как конкретной формы радикального национализма.

Однако с помощью либеральной политики американцам удавалось сдерживать радикалистские тенденции в филиппинском национальном движении, направляя его в умеренное реформистское русло.

В целом именно на первом этапе становления на Архипелаге американской колониальной системы были заложены основы модели взаимодействия метрополия–колония, которая позднее стала обозначаться формулой «особых отношений» между США и Филиппинами, сохранявшихся в модифицированном виде и после обретения филиппинцами независимости вплоть до настоящего времени.

СВЕРЖЕНИЕ МОНАРХИИ В КИТАЕ

Становление переходного общества стало главным фактором развития Китая в начале XX в. В дополнение к восточно-феодальному, застойному типу развития был привнесен западный — динамичный. Начался этап сосуществования и взаимодействия старого и нового типов эволюции, хотя старое, циклическое начало прочно преобладало. В равной мере традиционные социальные силы — *шэньши*, бюрократия, землевладельцы, конфуцианская интеллигенция — имели явное преобладание в политике над современными, только что родившимися классами, прежде всего над крайне слабой буржуазией.

К 1910 г. в стране в целом сложилась предкризисная ситуация. Важнейший показатель социально-экономического состояния традиционного общества, а именно демографический потенциал страны, вплотную подошел к отметке 430 млн. человек. Тем самым он поднялся на уровень 1850 г. — начала полосы крестьянских войн. К критической отметке приблизились и два других важнейших показателя, а именно посевная площадь на душу населения и душевое производство зерна. Китай снова вошел в кризисную спираль, и очередная крестьянская война была не за горами. Налицо имелись и другие слагаемые циклического кризиса: резкое ослабление центрального правительства, оскудение казны, разложение правящей верхушки и вырождение старой династии. Следствием этой деградации стала череда безвластных императоров (Цзайчунь, Цзайтянь, Пуи), переход власти в женские руки (Цыси) и резкое возрастание роли евнухов во главе с Ли Лянъином.

Параллельно с этим шло развитие капитализма и превращение страны в полуконию. В первое десятилетие XX в. в стране возникли 386 фабрик, шахт и рудников с национальным капиталом. Расширился объем внешней торговли: стоимость экспорта возросла вдвое, а импорта — в полтора раза. Более чем вдвое увеличились иностранные инвестиции, и в такой же мере возрос внешний долг Китая. Количество иностранных фирм в ста портах, открытых для внешней торговли, утроилось. Во внешней торговле по-прежнему господствовала Англия, а сам Китай все больше превращался в поставщика дешевого сырья — хлопка, сои, шелка и чая.

В первое десятилетие китайские предприниматели и обуржуазившиеся помещики вложили значительные средства в промышленность, торговлю, железнодорожный транспорт и банки. Владельцами и совладельцами наиболее значительных предприятий были чиновники, *шэньши*, крупные землевладельцы и компрадоры. В целом же национальная буржуазия оставалась крайне слабой, страдая от высокого налогообложения, произвола властей и конкуренции иностранного сектора капиталистического уклада. В то же время чрезмерная денежная эмиссия, безудержная инфляция и волна банкротств в торгово-финансовых кругах привели в 1910–1911 гг. к резкому падению деловой активности. С развитием много-

укладного базиса на его основе формировался переходный социум с возраставшими социальными и политическими противоречиями. Все это ослабляло цинскую монархию. Если трансформация экономики и социума началась в середине XIX в., то обновление государственности отстало от этих процессов на полвека, что было чревато политическим кризисом.

Между тем острейший кризис власти начала XX в. был вызван в Китае не столько внутренними, сколько внешними факторами, т.е. насилием западных держав по отношению к Срединному государству. Превращение Китая из «страны-гегемона» в полуколонию, утрата им части своего суверенитета, серия проигранных войн, цепь унижений и выплаты контрибуций завершились разделом страны на «сферы влияния» западных держав. Ситуацию усугубляли контроль держав над налоговыми поступлениями цинской казны, ее задолженность по внешним займам, нахождение иностранных войск в Пекине и на других договорных территориях. Утрата части государственных прерогатив и функций снизила дееспособность и престиж маньчжурского режима, ограничила власть династии Цин в стране.

Все это беспокоило господствующие силы страны — часть бюрократии, *шэньши*, помещиков. Это же возмущало китайских патриотов и великоханьских шовинистов. В бедах Китая все больше винили маньчжуров. Правящая династия в силу своей архаичности и ксенофобии не могла установить благоприятный для иностранного проникновения режим, тогда как державы были заинтересованы в новом, более современном и прозападном политическом курсе в Пекине и на местах.

Русская оккупация Маньчжурии (1900–1905) крайне ослабляла престиж династии Цин, и так уже подорванный в глазах ее подданных ихэтуаньской катастрофой. Русско-японская война 1904–1905 гг. явилась очередным фактором позора и дальнейшего ослабления цинского режима. В третий раз после 1894 и 1900 гг. чужеземцы топтали землю Поднебесной и захватывали Маньчжурию: «домен» династии Цин и «священную родину» маньчжуров. Маньчжуры полностью признали волю победителя, т.е. Японии, согласившись со всеми условиями Портсмутского мира. Пекин предоставил Токио ряд исключительных прав и льгот в Южной Маньчжурии. Затем официальный Китай промолчал, когда Япония превратила Корею в свой протекторат. Все это еще раз продемонстрировало бессилие династии Цин, ее неспособность уберечь страну от внешней угрозы и защитить ее суверенитет.

События и исход войны 1904–1905 гг. оказали сильнейшее влияние на Китай. Здесь бурно приветствовали победу азиатского государства над одной из великих держав Запада. Триумф Японии вызвал в китайском обществе подъем не только националистических, но и оппозиционных настроений в отношении маньчжуров. Дальнейшее падение престижа династии оппозиция использовала для усиления натиска на нее, который резко усилился после японской аннексии Кореи в 1910 г. Данное событие вызвало настоящий шок в китайском обществе, увидевшего в этой трагедии аналогичную перспективу и для Поднебесной.

Патриотически настроенные верхи общества начали борьбу против экономической экспансии Запада. Во главе этого движения встали *шэньши* и кандидаты на чиновные должности. К ним примкнули купечество, обуржуазившиеся земле-

владельцы, предприниматели и интеллигенция. Борьба шла за оттеснение иностранного капитала и мобилизацию национальных капиталовложений. В 1905–1908 гг. прошло три массовых бойкота американских, японских и немецких товаров. Развернулось движение «За возвращение прав», т.е. за аннулирование горнорудных концессий иностранцев. Шла борьба против английского займа на постройку железной дороги Шанхай–Ханчжоу–Нинбо. В противовес иностранным инвесторам были созданы два акционерных общества для постройки Хугуанских железных дорог. В 1911 г. развернулось движение за отказ от внешних займов. Нарастала кампания «защиты железных дорог» от покушений «заморских варваров». Все эти движения объединяла их антиманьчжурская направленность.

Выплата ихэтуаньской контрибуции, «вознаграждений» пострадавшим от *ихэтуаней* европейским миссионерам и поиски средств для «новой политики», т.е. для реформ госаппарата, породили новое резкое увеличение налогов. «Фискальный взрыв» 1902–1910 гг. повлек за собой череду многочисленных локальных восстаний. Крупные бунты произошли в Сычуани, Чжэцзяне и Гуанси. Наиболее грозным стало восстание 1901–1902 гг. в Чжили. В 1906–1910 гг. по стране прокатилась волна «рисовых», т.е. «голодных», бунтов. Толпы народа громили амбары с зерном, нападали на транспорты с рисом. Голодающие крестьяне массами шли в города и присоединялись к этой борьбе. В те же годы в долине Янцзы развернулись «соляные бунты», направленные против соляного налога и государственной монополии на торговлю солью. Все это были симптомы приближавшейся «смуты». Однако эти стихийные и разрозненные выступления, равно как и локальные восстания тайных обществ (*хуэйдан*), были пока далеки от перерастания в общекитайскую крестьянскую войну и прямой опасности для династии Цин не представляли.

Наряду со старыми врагами — крестьянскими повстанцами и членами тайных обществ — у маньчжурского режима появился новый противник — революционеры. Поднявшись на волне антиманьчжурских национально-освободительных настроений, эти крайние радикалы взяли на вооружение лозунг «революционного изгнания маньчжуров». К середине 1905 г. в Китае и Японии действовали три заметные организации революционеров. Это был Союз возрождения Китая (Синчжунхуэй) во главе с Сунь Ятсеном, Союз возрождения славы Китая (Гуанфу) — организация подпольщиков Чжэцзяна и Цзянсу, а также Союз обновления Китая (Хуасинхуэй) во главе с хунаньцами Хуан Сином и Сун Цзяожэнем. С объединением этих трех организаций летом 1905 г. в Токио возник Китайский революционный объединенный союз (Тунмэнхуэй).

Его лидером стал Сунь Ятсен, выработавший основной программный документ Объединенного союза. В основу программы легли сформулированные Сунь Ятсеном «три народных принципа» (*саньминь чжэуи*) — национализм, народо-властие и народное благосостояние. Первый принцип расшифровывался как свержение власти маньчжуров, второй означал ликвидацию монархии и учреждение республики, а третий — постепенную национализацию земли путем установления на нее прогрессивного налога. Активным пропагандистом «трех народных принципов» стал журнал «Миньбао» — центральный орган Объединенного союза.

Идеологическими противниками революционеров выступали в эмиграции реформаторы, а в самом Китае — конституционалисты. Свою малочисленность и слабость революционеры пытались компенсировать опорой на тайные общества. При этом акцент делался на тактике узких заговоров и организации локальных восстаний с использованием *хуэйданов* в качестве послушных боевых дружин. В 1906–1908 гг. Объединенный союз организовал четыре таких восстания. Всех их постигла неудача, прежде всего, из-за разобщенности тайных обществ и соперничества их лидеров. Под влиянием этих поражений Объединенный союз раскололся. Из-за разногласий по поводу принципа уравнивания прав на землю в 1907 г. возник самостоятельный Союз всеобщего прогресса (Гунцинь), где было много представителей землевладельцев. В результате первого раскола Объединенного союза образовалось два организационных центра — хубэй-хунаньский и гуандунский. После поражения трех новых восстаний в 1908 г. в среде революционеров обострилась внутренняя борьба, и авторитет Сунь Ятсена упал еще ниже. В 1909 г. последовали второй раскол и дальнейшее ослабление союза.

Поскольку ставка на тайные союзы себя не оправдала, революционеры переориентировались на агитацию среди солдат и офицеров «новой армии» и внедрение в ее ряды своих сторонников. Если гуандунский центр Сунь Ятсена и Хуан Сина в своей работе с военными не пошел дальше уровня офицеров и унтер-офицеров, то хубэйским подпольщикам удалось проникнуть в солдатскую среду. Сунь Ятсен и Хуан Син продолжали подготовку мелких заговоров, на этот раз в военной среде. Однако два подготовленных Хуан Сином восстания в Гуанчжоу, в 1910 и 1911 гг., окончились поражением.

После ихэтуаньской катастрофы, подписания «Заключительного протокола» и вывода союзных войск из Чжили цинский двор во главе с Цыси в 1902 г. вернулся в Пекин. Цыси стала лицемерно заигрывать с «заморскими варварами» и восстанавливать свое богатство, разграбленное интервентами. Для этого она обложила наместников и губернаторов провинций тяжелой данью — ежегодными подношениями драгоценностей и серебра. Такого рода потери сановники возмещали за счет населения. Тем самым Цыси не только способствовала усилению налогового бремени, но и озлобила периферийную бюрократию. В итоге династия начала терять поддержку провинций.

Во главе правительства остался князь Цин (Икуан). Сосредоточив в своих руках все нити управления страной, он пользовался доверием Цыси и поддержкой держав. В свои казармы в Чжили из Шаньдуна вернулись «новые войска» Юань Шикая, а сам он стал наместником столичной провинции. После смерти Ли Хунчжана в 1901 г. к нему перешло руководство Хуайской (Аньхуэйской) группировкой. Последняя теперь стала называться Бэйянской, ибо она по сути срослась с руководимой им Бэйянской (Северной) армией и Сяочжаньской генеральской кликой. Помимо этого в его руках было сосредоточено проведение военной реформы, а также руководство транспортом и связью. Юань Шикай пользовался особой поддержкой со стороны держав, делавших ставку на него. Под его контроль попала полиция, создававшаяся в городах по японскому образцу. Правда, безрезультатно закончилась попытка Юань Шикая прибрать к рукам и сформированную Наньянскую (Южную) армию. Эту свою неудачу он компенсировал усилением Бэйянской армии за счет ее перевооружения и ввода в строй новых

частей. Ее командный состав — генералитет и офицерский корпус — формировался по принципу личной преданности «отцу новой армии». Видя его чрезмерное усиление, Цыси стала в противовес ему укреплять позиции Икуана. Поняв, что судьба династии теперь во многом зависит от «новой армии» и ее «отца», Цыси в 1907 г. лишила Юань Шикая поста главнокомандующего в надежде обезглавить и Бэйянскую группировку. Однако перевод генерала на гражданскую службу не лишил его лидерства в военной среде и контроля над «новой армией».

Цыси пришлось согласиться на проведение верхушечных реформ 1902–1910 гг., получивших название «новой политики». Создание «новой армии» и военная реформа стали одной из главных целей «новой политики», на что денег не жалели. К 1911 г. было сформировано 14 дивизий (в том числе 6 бэйянских) и 18 смешанных бригад общей численностью свыше 174 тыс. солдат и офицеров. В итоге возникла современная профессиональная армия по германскому образцу, с хорошей выучкой и дисциплиной. Все это повысило престиж офицерского корпуса. Военные стали новой политической силой в китайском обществе.

Другим главным направлением реформ стала модернизация госаппарата, а именно усиление его центрального звена. К проведению реформ подталкивало и давление со стороны держав, желавших покончить с ксенофобией в Пекине. Гарантию этого они видели в Юань Шикае и его Бэйянской армии. Под их давлением был ликвидирован Цзунли ямэнь, созданный в 1861 г., и вместо него основано Министерство иностранных дел. Итоги русско-японской войны, резкое усиление либеральной оппозиции и давление наместников вынудили Цыси пойти на уступки. В 1906 г. было объявлено о подготовке к введению конституции, а в 1907 г. — о скором создании Верховной совещательной палаты (предпарламента) и об учреждении совещательных комитетов в провинциях. Вместе с тем вся подготовительная работа растянулась до 1916 г. Кроме того, власть императора заранее объявлялась неподотчетной парламенту и конституции.

В 1905 г. был издан ряд указов о преобразованиях. Благодаря им создавались школы трех ступеней с современной программой. Студенты за казенный счет посылались на учебу за границу. Отменялись традиционные экзамены на получение ученых степеней и на занятие штатских и военных должностей. Право на получение чиновной должности было обещано выпускникам новых школ. Отменялись наиболее варварские методы судебного следствия и особо жестокие пытки. Были сделаны уступки купечеству и буржуазии. Так, вводились лицензии на занятие бизнесом, создавались торгово-промышленные палаты и торговые союзы, утверждались уставы акционерных обществ, жаловались почетные звания и чины за успехи в предпринимательстве. Тем самым режим намеревался привлечь торгово-предпринимательские круги на свою сторону.

Главный же упор делался на модернизацию госаппарата. Создавались современные министерства, ликвидировались некоторые архаичные учреждения и ряд синекур, сокращалась численность чиновников, создавалась городская полиция. Централизация госаппарата, усиление его столичного ядра сопровождалось ослаблением периферийных звеньев. Провинциальную бюрократию отстранили от решения многих военных и финансовых вопросов, а также от контроля над почтой и телеграфом. Все это передавалось в руки столичных маньчжуров, а китайское периферийное чиновничество теряло важнейшие рычаги контроля и источ-

ники дохода. Резко обострились противоречия между династией и китайской элитой. Вытеснение китайцев с ключевых постов на местах не укрепило маньчжурский режим, а наоборот, привело к изоляции цинской верхушки и ослаблению династии. К старым противоречиям добавились новые.

В ноябре 1908 г. умерла Цыси. Перед смертью она успела отравить номинального императора Цзайтяня и посадить на трон своего внучатого племянника — двухлетнего Пуи. Регентом при нем стал его отец князь Цзайфэн. Однако фактическим правителем остался Икуан. Он стоял за союз с Юань Шикаем и за дележ реальной власти с генералами Бэйянской группировки. Против этого выступило подавляющее большинство маньчжурских князей, боявшихся лишиться власти вообще. Их усилиями Юань Шикай в 1908 г. был снят со всех постов и отправлен в свое поместье.

Поскольку именно «новая армия» стала самым важным инструментом власти, династия поспешила захватить в свои руки руководство Бэйянской и Наньянской армиями. Однако целиком взять «новые войска» под свой контроль маньчжуры не смогли. Даже находясь в отставке, Юань Шикай оставался фактическим лидером генералитета и офицерского корпуса Бэйянской армии. Не удалось также создать противовес Северной армии в лице Наньянской (Южной) армии.

Единственной реальной силой, способной свергнуть династию Цин, стала «новая армия». В ее лице маньчжуры по сути создали вершителя своих судеб, а вместо своей опоры — скрытого и наиболее опасного противника, своего будущего могильщика.

Другим потенциальным противником династии Цин все явственнее становилась китайская периферийная бюрократия, по преимуществу номенклатура Южного Китая и провинций бассейна Янцзы. Уже в 1902 г. произошел конфликт династии с наместниками, отказавшимися увеличить ставки поземельного налога, чего требовал Пекин. За его спиной наместники и военные губернаторы провинций укрепили свои особые отношения с державами, обеспечив себе фактическую независимость от центра. До этого южные провинции уже дважды — в 1894–1895 гг. и в 1900 г. — по сути отделялись от Пекина, бросив маньчжурский режим на произвол судьбы во время войн Китая с державами.

Административные реформы 1906–1907 гг. вызвали глухое и жесткое сопротивление со стороны 30 тыс. местных чиновников. Молчаливая схватка 1906–1907 гг. формально закончилась вничью, а фактически — крупным поражением Пекина. Не добившись укрепления своих позиций, цинский режим во многом восстановил против себя провинциальную бюрократию и тем самым приблизил свое падение.

После смерти Цыси начался второй натиск маньчжурского «центра» на китайскую «периферию» в целях ее полного подчинения. Под лозунгом все той же модернизации госаппарата с 1909 г. маньчжурам передавался надзор над всеми, в том числе местными поступлениями в бюджет, хотя провинциальная бюрократия издавна считала местные финансы своей вотчиной. На этой почве из-за поступлений от налога на соль в 1910 г. между Пекином и провинциями возник так называемый соляной конфликт. Противостояние между двумя лагерями еще более усилилось после сокращения чиновного аппарата на местах и частей «зеленого знамени», после возложения на местные казначейства всех рас-

ходов по созданию и содержанию «новых войск» в бассейне Янцзы и Южном Китае.

Это нововведение привело к результату, противоположному намерениям правительства. Дивизии и бригады Наньянской армии, а также созданные тогда же «охранные войска» (*сюньфандуи*) оказались по сути в подчинении наместников и военных губернаторов провинций, а не маньчжуров. Таким образом, эта реформа ослабила центральную власть и усилила местных властителей в провинциях бассейна Янцзы и Южном Китае.

Конфликт между тронem и бюрократией находил соответствующий отклик в высших слоях китайского общества. Местные элиты стали сочувственно прислушиваться к лозунгам умеренной антицинской оппозиции. Провинциальная бюрократия с 1905 г. начала всячески поддерживать оппозицию в ее борьбе за введение конституции и парламента. Тем самым периферийные лидеры пытались перераспределить реальную власть в центре в свою пользу и покончить с монопольным господством здесь маньчжуров и остальных «восьмизнаменных». Пойдя на союз с конституционно-монархической оппозицией, периферийная бюрократия рассчитывала прийти к власти в Пекине и предотвратить уже начинавшуюся «смуту» в стране. Уже в 1908 г. губернаторы пяти провинций потребовали от династии скорейшего созыва парламента. Борьба между «центром» и «периферией» нарастала, и в мае 1911 г. маньчжуры нанесли ответный удар. Указом о создании кабинета министров периферийные властители из полунезависимых царьков в своих «уделах» превратились по сути в чиновников соответствующего министерства. Это означало конец их средневековой «вольности» и стало последней каплей, переполнившей чашу их терпения. В итоге провинциальная бюрократия по сути оказалась в одном лагере с оппозицией.

Либерально-конституционное течение составили прогрессивные *шэньши*, искатели ученых званий, педагоги, ученые, чиновники, кандидаты на государственные должности, новая интеллигенция, либеральные помещики, предприниматели, купцы, служащие и учащая молодежь. В свое время эти же круги служили опорой движения за реформы 1895–1898 гг., а теперь требовали введения конституции, созыва парламента и создания местного самоуправления. Лидеры этого течения, прежде всего крупнейший предприниматель и *шэньши* Чжан Цзянь, пытались склонить маньчжуров к проведению конституционных реформ. Для своего прихода к власти и «спасения Китая» от натиска «заморских дьяволов» оппозиция боролась за введение сословно-представительной, т.е. шэньшиской монархии. Лидеры оппозиции надеялись достичь своих целей мирным путем — за счет компромисса с маньчжурами. Огромное влияние на либеральную оппозицию оказали поражение царизма в ходе русско-японской войны и неспособность маньчжуров защитить суверенитет Китая. Триумф Японии привел к подъему националистических настроений в Китае и резкому росту рядов оппозиции, к ее организационному оформлению. Стараниями Чжан Цзяня в 1906 г. в Шанхае было создано «Объединенное общество по подготовке конституции», превратившееся в ведущий центр либеральной оппозиции. Такого же рода общества создавались в других провинциях при благожелательном отношении к ним периферийной бюрократии. Газеты и журналы оппозиции развернули пропаганду конституционализма и парламентаризма.

Власти в 1905 г. склонялись к компромиссу с оппозицией, но хотели затянуть созыв парламента до 1916 г. На эту тактику оппозиция ответила организацией петиционных кампаний за скорейшее введение конституции и созыв парламента. Первая такая кампания прошла в 1907–1908 гг. и приобрела всекитайский массовый характер. В виде уступки маньчжуры опубликовали в 1908 г. проект, отводивший конституции и парламентау сугубо декоративную функцию при сохранении всевластия династии Цин. После смерти Цыси была сделана еще одна уступка — в 1909 г. должны были состояться выборы в провинциальные совещательные комитеты для обсуждения сугубо местных вопросов. Комитеты формировались через двухступенчатые выборы в основном из числа *шэньши*, отставных чиновников, кандидатов на занятие официальных должностей и предпринимателей. Данной уступкой династия рассчитывала оттянуть время введения конституции и создания парламента, частично успокоить оппозицию и посорить ее с основным союзником — периферийной бюрократией.

На заседаниях совещательных комитетов осенью 1909 г. развернулась упорная борьба по экономическим вопросам. Депутаты требовали устранить все средневековые препоны развитию отечественного рынка и предпринимательства, защитить их от иностранной конкуренции и придать совещательным комитетам контрольные, законодательные и исполнительные функции. Надежды на благоприятный отклик на это требование не оправдались, поскольку периферийная бюрократия не захотела делиться властью с оппозицией, и последней пришлось отступить, дабы не посориться с мощным союзником. Тогда оппозиция сделала своим главным лозунгом скорейший — в 1911 г. — созыв парламента и создание ответственного перед ним правительства. По инициативе Чжан Цзяня представители 16 провинций собрались в Шанхае и направили в Пекин свою делегацию с коллективной петицией о созыве парламента в 1911 г. Князь-регент Цзайфэн отклонил петицию. В ответ на это была организована вторая петиционная кампания, проходившая с февраля по июнь 1910 г. Оппозиция опиралась не только на совещательные комитеты, но и на свою организацию «Союз единомышленников в борьбе за созыв парламента» и его местные филиалы. Тем не менее маньчжуры отклонили и вторую коллективную петицию.

Произшедшая в августе аннексия Кореи Японией еще более активизировала действия оппозиции. К ней на помощь пришла периферийная номенклатура, потребовавшая скорейшего созыва парламента, создания ответственного кабинета министров и поддержавшая третью петиционную кампанию осени 1910 г. Новой трибуной оппозиции стала открывшаяся тогда же в Пекине Верховная совещательная палата — своего рода «предпарламент». Тогда династия уступила в одном, пообещав созвать парламент в 1913 г. При этом она стремилась заранее и предельно ограничить его функции, не допустить создания ответственного перед ним кабинета министров. Для этого маньчжуры в мае 1911 г. произвели реорганизацию правительства. Ликвидировав явно архаические учреждения, они срочно создали «современный» кабинет министров, который состоял в основном из великих князей и других маньчжуров, забравших в свои руки все ключевые министерства. Будущий парламент не мог контролировать правительство. Зато его глава — Икуан становился полновластным начальником над наместниками и губернаторами провинций. Подобными решениями династия окончательно от-

толкнула от себя не только либерально-конституционную оппозицию, но и периферийную бюрократию, невольно укрепив союз этих двух сил.

Тогда же, в мае 1911 г., действуя в своих собственных интересах и в интересах иностранного банковского консорциума (в составе Англии, Франции, Германии и США), маньчжуры национализировали частную китайскую акционерную компанию по строительству Хугуанских железных дорог в провинциях Сычуань, Хубэй, Хунань и Гуандун. Этим династия не только ослабляла позиции периферийной номенклатуры долины Янцзы и Южного Китая, но и оппозиции. *Шэньши*, землевладельцы, купцы и предприниматели, вложившие основную долю капитала в эту компанию, теряли часть вложений. Мелкие акционеры, чьи выплаты по дополнительным налогам были оформлены как паевые взносы, теряли все свои акции. Это был удар по миллионам налогоплательщиков — крестьянам, ремесленникам и мелким торговцам.

Создание маньчжурского кабинета и Хугуанский кризис показали, что договориться с маньчжурами о мирном дележе власти невозможно. Оставался лишь силовой вариант развития событий. Встал вопрос о поддержке антиманьчжурского союза периферийной бюрократии и оппозиции штыками «новых войск». Чжан Цзянь установил тайные связи с опальным Юань Шикаем. Данной «триаде» — армия, бюрократия, оппозиция — династия Цин ничего противопоставить уже не могла. Майские указы 1911 г. — о кабинете министров и о национализации Хугуанских железных дорог — сделали династию Цин враждебной и ненужной для политически активной части имущих классов и сословия *шэньши* в долине Янцзы и Южном Китае.

С этого момента события развивались стремительно. В июне в обстановке нарастания Хугуанского кризиса руководимая совещательными комитетами оппозиция создала особые общества и развернула массовое движение протеста, которое наибольший размах приобрело в Сычуани. Сигналом к началу вооруженной борьбы послужил расстрел 7 сентября в Чэнду безоружной толпы, требовавшей освобождения арестованных руководителей движения. В ответ на это за оружие взялись жители ряда небольших городов, поддержанные отрядами тайных обществ. Так началось Сычуаньское восстание сентября–октября 1911 г.

Повстанческое войско было разбито наньянскими «новыми войсками», еще сохранившими верность династии, но Сычуаньское восстание вызвало своего рода цепную реакцию в виде вооруженных восстаний и политических акций в других провинциях.

Стали восставать отдельные подразделения Наньянской армии в Хубэе, находившиеся под влиянием местных революционных организаций. 10 октября восстали до 4 тыс. солдат под Учаном и захватили город. Затем поднялся гарнизон Ханькоу, а уже 12 октября все троюградье — Учан, Ханькоу и Ханьян — оказалось в руках восставших «новых войск». Новая власть объявила Китай республикой и призвала все население страны поддержать борьбу за свержение «варварской» династии Цин. Республиканское правительство просило державы соблюдать нейтралитет и не помогать маньчжурам, обещая за это уважать все ранее заключенные ими договоры с Китаем. В ответ на это державы поспешили провозгласить нейтралитет по отношению к борющимся сторонам. В республиканскую армию влилось несколько десятков тысяч добровольцев.

В середине октября восстание «новых войск» вспыхнуло в Ичане. Свергнув власть маньчжуров, ичанские батальоны сделали то же самое в Шаши и других городах Хубэя. Напуганные восстаниями наньянских войск, маньчжуры предложили опальному Юань Шикаю пост наместника Хугуана, надеясь его руками подавить «мятежников». После его отказа от роли карателя правительство попыталось опереться на срочно созванную 22 октября в Пекине Верховную совещательную палату. Однако этот «предпарламент» потребовал немедленного введения конституции и снятия императорской родни с ключевых постов.

Тем временем в одной провинции за другой начинались новые восстания частей Наньянской армии. 22 октября войска свергли цинскую власть в Чанше, на следующий день — в Цзюцзяне, а 24 октября — в Наньчане и Сиане. В итоге провинции Хунань и Шэньси провозгласили свою независимость от Пекина. В ответ на это все еще верные маньчжурам части Бэйянской армии после упорных боев 2 ноября овладели Ханькоу. Город был сожжен и разграблен, а многие его жители расстреляны. Однако эта акция устрашения привела к обратным результатам. На сторону республиканцев по сути перешел «предпарламент», к хубэйским повстанцам присоединилась цинская военная эскадра, а республиканцы укрепили оборону Ханьяна и Учана.

Обострявшаяся ситуация заставила князя-регента и Икуана совершить три срочные акции — обещать ввести конституцию, просить державы о предоставлении Пекину срочного и крупного займа для подавления «смуты» и вновь предложить Юань Шикаю возглавить подавление «бунта». Все эти три акции не дали результата. Ни республиканцы, ни державы, ни опальный генерал не протянули руку помощи гибнущей династии, ожидая окончательной развязки.

О ее приближении свидетельствовал и начавшийся 29 октября мятеж двух дивизий Бэйянской армии. Их командиры, грозя походом на Пекин, потребовали от династии прекращения военных действий и введения конституции. В тот же день против маньчжуров выступили «новые войска» в Тайюане, и провинция Шаньси присоединилась к республиканскому лагерю. Мятеж двух бэйяньских дивизий напугал не только маньчжуров, но и Юань Шикая. Его агенты убили одного из комдивов, и мятеж на время захлебнулся. Тем не менее развал Цинской империи уже стал необратимым.

В конце октября Гуандун провозгласил свою независимость от Пекина. 31 октября восстали наньянские части в Юньнани, и военные вывели провинцию из-под власти маньчжуров. 1 ноября о своей независимости объявила провинция Цзянси. Паника среди «знаменных» в Пекине переросла в их повальное бегство в Маньчжурию. Правительство оказалось парализованным.

Ввиду критической ситуации цинский двор капитулировал перед требованиями Юань Шикая. 2 ноября генерал получил посты премьер-министра и главнокомандующего всех вооруженных сил. Тем самым в его руки переходила вся Бэйянская армия, т.е. он становился сильнее всех в правящем лагере. Державы поддержали Юань Шикая как «сильного человека», способного покончить с «беспорядками». Для этих целей банковский консорциум четырех держав обещал будущему диктатору заём в 6 млн. ф. ст. Антицинские силы также приветствовали назначение Юань Шикая. Эти силы рассчитывали его руками свергнуть династию Цин, занять место маньчжуров на вершине власти и покончить с «анархией».

Между тем империя продолжала разваливаться. 4 ноября восстали наньянские батальоны в Гуйчжоу. В конце октября подняли восстание воинские части в Цзянсу в районе Нанкина, но были отброшены от города бэйянскими войсками. Восставшие части отступили в Чжэньцзян, куда стали стекаться другие батальоны и множество добровольцев. Восстание «новых войск» в Чжэцзяне завершилось победой 5 ноября. В начале ноября восстали наньянские войска в Гуандуне. 4 ноября против династии выступили «новые войска» в Шанхае, а на следующий день провинция Цзянсу провозгласила свою независимость от Пекина. 7 ноября от империи отложилась провинция Гуанси, где власть затем захватили восставшие воинские части. 8 ноября провинция Аньхуэй провозгласила независимость от Пекина. 9 ноября силами гарнизона Фучжоу провинция Фуцзянь сбросила власть маньчжуров. В середине месяца о своем нейтралитете объявили три провинции Северо-Востока — Фэнтянь, Цзилинь и Хэйлуцзян. Тем самым династия Цин лишилась Маньчжурии, т.е. своего тыла. С этого времени в Китае по сути стал действовать принцип «Винтовка рождает власть!».

Второй после армии реальной силой в стране стала оппозиция — возглавляемые местными *шэньши* и организованные в стенах совещательных комитетов конституционалисты и либералы. Оппозиция действовала в союзе с провинциальной бюрократией. Оба союзника своим главным методом борьбы против династии Цин избрали отделение своих провинций от Пекина. И хотя оппозиция и бюрократия разделяли монархические взгляды, власть маньчжурского богдохана стала для них уже неприемлемой. Единственным выходом из этой ситуации оставалось учреждение республики. Последняя становилась орудием уничтожения цинского режима и вынужденной мерой. Так вчерашним конституционным монархистам и цинским чиновникам пришлось на время принять лозунг ликвидации монархии.

Тем временем Юань Шикай в окружении 2 тыс. преданных ему офицеров и солдат прибыл в Пекин. Взяв под свой полный контроль Бэйянскую армию, он устранил от руководства военными делами маньчжуров, заменил их своими ставленниками, вывел из столицы дворцовую гвардию и стал вершителем судеб династии. 16 ноября генерал сформировал свое правительство и предложил сотрудничество республиканскому Югу. Балансируя между монархией и республикой, между реакционерами и либералами, Юань Шикай укреплял свою личную власть в обстановке дальнейшего распада Цинской империи. 1 декабря Монголия провозгласила свою независимость. Примерно в то же время рухнуло маньчжурское господство в Тибете.

Прежде чем устранить династию Цин, Юань Шикаю требовалось доказать свою готовность «покарать бунтовщиков» и принудить их к договоренности на его условиях. Для этого бэйянские дивизии после почти пятидневных кровопролитных боев за Ханьян 27 ноября захватили город. Однако роль кровавого палача-карателя могла бы погубить высокий авторитет генерала в глазах южан. Поэтому Юань Шикай приказал прекратить дальнейшее наступление. К тому же республиканский лагерь был нужен генералу как сильное средство давления на маньчжуров, для устранения которых и захвата верховной власти на Севере ему требовалось развязать себе руки на Юге. 3 декабря в Учане было заключено перемирие. По сути оно подтвердило раздел Китая на два государства. Пять про-

винций — Чжили, Шаньдун, Хэнань, Ганьсу и Синьцзян — остались под властью династии Цин. Остальные 17 провинций либо свергли маньчжурскую власть, либо отделились от Пекина, либо стали нейтральными. Здесь формально возобладали республиканская власть, хотя в ряде провинций она была таковой только по названию при сохранении старой бюрократии. Юань Шикай остался «своим человеком» как для монархистов, так и для республиканцев, «сильной личностью», способной объединить Север и Юг.

Спешно укрепляя свою личную власть, генерал освободился от контроля со стороны цинского двора. С помощью держав он ликвидировал регентство, устранил Цзайфэна и Икуана, заставил императорский клан и маньчжурскую знать «пожертвовать» огромные средства на нужды Бэйянской армии. Власть династии превратилась в фикцию. Став полновластным хозяином Севера, Юань Шикай начал переговоры с Югом. Здесь, в Шанхае, речь по сути шла об условиях будущего объединения Севера и Юга. Республиканцы предлагали генералу пост президента в обмен на ликвидацию им династии Цин, а он настаивал на конституционной монархии с безвластным богодоханом во главе. В ходе переговоров проявились единство Севера и разобщенность Юга. Первый был сцементирован железной рукой Юань Шикая, а второй был разобщен наличием 14 провинциальных правительств, противостоянием двух властных центров — в Учане и Шанхае.

Под давлением обстоятельств Юг был вынужден срочно объединиться и создать общие органы власти. С этой целью 30 ноября в Ханькоу открылась учредительная конференция. В начале декабря ее делегаты переехали в Нанкин и взяли на себя функции высшего законодательного органа республики. Пост президента был предложен Юань Шикаю. Поскольку торг с ним затягивался, южане решили надавить на генерала и в качестве противовеса ему выдвинуть политическую фигуру крайне левого толка. Таким человеком явился вернувшийся в Китай из-за границы Сунь Ятсен. 29 декабря Нанкинская конференция избрала его временным президентом с условием добровольной отставки в случае согласия Юань Шикая занять этот пост. Решения генерала с нетерпением ожидали все политические силы Юга.

Став «местоблюстителем» президентского кресла и временной фигурой, Сунь Ятсен не получил реальной власти. Созданное в Нанкине Временное правительство оказалось неработоспособным из-за бойкота его двумя третями министров. Отпущенное ему историей время — всего сорок дней — Сунь Ятсен использовал для укрепления республиканских начал. Руководимое им правительство выработало Временную конституцию — буржуазно-демократическую по своей сути. Впервые в истории Китая эта конституция провозгласила основные политические свободы, равноправие всех граждан, принцип разделения властей, избрание постоянного парламента и всеобщую воинскую повинность. Отменялись долговое рабство и пытки при допросах, запрещались бинтование ног девочкам, курение опиума и маньчжурская мужская прическа с косой. 28 января 1912 г. Нанкинская конференция представителей 17 провинций Юга преобразовалась во Временный сенат — высший законодательный орган республики. Тем не менее сохранились слабость правительства Сунь Ятсена и декоративный характер его президентства. Нанкинское правительство было лишено финансовых средств и собственных войск. Либеральные круги, конституционалисты, бюрократия, *шэньши* и старая интеллигенция его игнорировали.

Державы, объявив о своем нейтралитете, заняли выжидательную позицию и отказались от вооруженного вмешательства, хотя и сосредоточили в Китае крупные военные силы — гарнизоны, корабли и десантные части. Нейтралитет держав был явно враждебен в отношении республиканского Юга. Державы не признавали Нанкинское правительство, лишили его таможенных поступлений и препятствовали активности республиканских войск. Зато державы открыто давали понять, что их симпатии на стороне Юань Шикая. Именно ему тайно передавались таможенные сборы из «открытых» портов Юга.

Юань Шикай прервал переговоры с Югом в Шанхае и подтвердил свою приверженность конституционной монархии. Бэйянская армия в лице своих генералов высказалась против республики. В ответ на это Юг пригрозил походом своих войск на Пекин и объявлением гражданской войны. Но войны не хотели ни на Юге, ни на Севере. Для республиканцев она была чревата военным поражением, а для Юань Шикая — утратой авторитета в армии и в стране, ибо ему пришлось бы разгромить наньянские дивизии и бригады, а также пролить много крови новобранцев и добровольцев Юга. Обе стороны отступили от порога войны, вернулись за стол переговоров. В Нанкине они пришли к соглашению за счет маньчжуров, т.е. ликвидации монархии. Таким образом, генерал проявил «твердость», «спас» страну от гражданской войны и тем самым получил «моральное право» устранить династию Цин. Юань Шикай согласился на установление республики, на вступление в должность президента и тем самым на объединение страны под эгидой своей верховной власти.

Здесь же, в Нанкине, были выработаны условия отречения династии Цин. После того как маньчжурские князья отвергли саму возможность отречения династии от власти, 27 января Бэйянская армия устами 42 своих генералов потребовала введения республиканской формы правления. Тогда часть князей во главе с Икуаном пошла на сделку с Юань Шикаем, и в обмен на отречение богдохана получила гарантию в виде «Льготных условий для цинского двора». За Пуи сохранялся титул императора, ежегодный доход в 4 млн. лян серебра, основная часть дворцового комплекса Запретного города, летний дворец, весь их персонал и неприкосновенность имущества. 12 февраля 1912 г. было объявлено об отречении Пуи от верховной власти. Многие князья бежали из столицы или укрылись в посольском квартале. Так через 267 лет (1644–1912) после своего воцарения в Китае окончилось правление династии Цин, а вместе с ней прекратила существование более чем двухтысячелетняя Китайская империя. Поскольку это произошло в год *синьхай* по лунному календарю, переворот 1912 г. стали именовать Синьхайской революцией. Главная задача антиманьчжурской борьбы оказалась решенной, однако противостояние монархического Севера и республиканского Юга сохранилось, хотя и в другой форме.

После отречения Пуи Юань Шикай сформировал Временное правительство и стал временным президентом. Сунь Ятсен выполнил свою миссию и подал в отставку. 10 марта Временный сенат принял выработанную под руководством Сунь Ятсена Временную конституцию, согласно которой Китай признавался парламентской республикой и провозглашались нормы буржуазной демократии. Юань Шикаю пришлось для видимости согласиться с этим документом, как и с законом о двухпалатном парламенте, хотя китайский политический строй всего лишь

сменил монархические одежды на республиканские. Противостояние между монархическим Севером и республиканским Югом продолжалось.

Сразу же развернулась борьба за выбор столицы Китайской республики. Левые республиканцы выдвигали на эту роль Нанкин — один из своих оплотов. Юань Шикай, его генералы и реакционеры Севера отстаивали приоритет Пекина — цитадели монархизма. Президент организовал кампанию протеста против переезда правительства в Нанкин. В конце февраля, когда стало ясно, что кампания не оказала воздействия на оппозицию, Юань Шикай устроил серию военных «мятежей» в Чжили, в том числе в Пекине, Тяньцзине и Баодине. После ввода державами в Пекин дополнительных иностранных частей бэйянские генералы потребовали от южан отменить решение Временного сената о переносе столицы в Нанкин. Под военным нажимом северян Юг капитулировал в этом вопросе. Сам Временный сенат переехал из Нанкина в Пекин, где на базе сената и депутатов от Севера был создан временный парламент. Поражение южане потерпели и при формировании первого республиканского правительства, где они получили лишь второстепенные посты. Все ключевые должности попали в руки верных сторонников Юань Шикая. Сыграла свою роль и финансовая поддержка Юань Шикая державами. Банковский консорциум с апреля по август перечислял ему по 6 млн. юаней ежемесячно. Деньги эти шли на укрепление власти будущего диктатора, на Бэйянскую армию, на подкуп колеблющихся республиканцев, особенно командного состава войск южан, политиканов и депутатов парламента.

При выдаче огромного займа Юань Шикаю банковский консорциум выдвинул униженные и кабальные для Китая условия, которые вызвали на Юге волну негодования и патриотическое движение протеста, выразившиеся в многочисленных митингах. На этой почве возник острый правительственный кризис, и министры — левые республиканцы подали в отставку. Этим воспользовался Юань Шикай для создания нового кабинета только из угодных ему людей, что стало очередным поражением левых республиканцев Юга.

Позиции южан ослаблялись тем, что именно Юг стал ареной крестьянских волнений, вооруженных выступлений тайных обществ и борьбы рабочих. По городам прошла волна солдатских бунтов и восстаний. Наиболее крупные мятежи охватили войска пров. Хубэй. В феврале и июне 1912 г. в Учане произошли вооруженные выступления против главы провинциального правительства Ли Юаньхуна, жестоко расправившегося с бунтовщиками и заговорщиками. Дабы показать свою силу и приструнить левых республиканцев, Юань Шикай вызвал в Пекин, а затем расстрелял без суда и следствия двух видных военных из лагеря левых — генерала и полковника. Эта расправа вызвала бурю возмущения на Юге — новую волну митингов, собраний и демонстраций протеста. Президент спровоцировал тем самым очередную схватку с южанами левого толка. Начавшиеся переговоры привели к дезориентации левого лагеря и роспуску набранных в 1911 г. добровольческих частей и дивизий новобранцев. Вооруженные силы республиканского Юга были ослаблены.

Идя на уступки президенту, левые республиканцы делали ставку на предстоящие выборы в постоянный парламент, получение в нем большинства мест, создание ответственного перед парламентом кабинета министров из своих сто-

ронников. Республиканцы рассчитывали поставить Юань Шикая и Бэйянскую армию под свой контроль, перенести столицу из Пекина в Нанкин, сделать парламент главной силой в государстве и закрепить эту победу буржуазной демократии в постоянной конституции. Для борьбы за победу на выборах с этой программой ими на базе Объединенного союза в августе 1912 г. в Пекине была создана Национальная партия (Гоминьдан) во главе с Сун Цзяожэнем. Она объединила всех республиканцев, боровшихся против надвигавшейся диктатуры Юань Шикая и монархистов. Гоминьдан повел энергичную политическую кампанию за победу на выборах и перенесение столицы в Нанкин. В ответ в январе 1913 г. Юань Шикай отменил выборность высших должностных лиц в провинциях. Генералы, правившие в Юньнани, Гуанси, Гуйчжоу и Сычуани, фактически переметнулись на сторону Юань Шикая. В итоге вооруженные силы республиканцев оказались расколотыми, Гоминьдан очутился в изоляции, а на сторону президента перешли милитаристы Шаньси, Фэнтяни и Хубэя.

Всемерно наращивая мощь Бэйянской армии, Юань Шикай последовательно сокращал численность республиканских войск Юга. Так, к марту 1913 г. вооруженные силы провинций бассейна Янцзы потеряли 16 дивизий, правда, состоявших из необученных добровольцев, набранных в период борьбы против династии Цин. Вместе с тем левые республиканцы старались сохранить старые кадровые дивизии и бригады Наньянской армии. Политики левого толка и гоминьдановцы сохраняли посты военных губернаторов в Цзянси, Аньхуэе, Цзянсу и Гуандуне. К ним тяготели лидеры Хунани и Фуцзяни. В долине нижнего течения Янцзы противники Юань Шикая располагали несколькими десятками тысяч штыков. Именно эта структура служила теперь главным препятствием к установлению военной диктатуры. Между тем время работало на Юань Шикая. На его сторону окончательно перешли конституционалисты Юга. В итоге распался единый фронт либералов и левых республиканцев. Данный раскол в лагере южан изолировал Гоминьдан и резко ослабил его перед лицом быстро крепнувшего союза правых и монархических сил. Ослабленные и в военном, и в политическом плане, лидеры Гоминьдана — Сун Цзяожэнь, Хуан Син и Сунь Ятсен все еще разделяли парламентские иллюзии.

Самообман только усилился после победы Гоминьдана на парламентских выборах, завершившихся в феврале 1913 г. Все избиратели, недовольные властью Юань Шикая, повышением налогов, инфляцией и свертыванием политических свобод, отдали свои голоса Гоминьдану. Гоминьдановцы, получив явное большинство в верхней и преобладание в нижней палате, объявили о формировании своего однопартийного правительства во главе с Сун Цзяожэнем. Все прочие политические силы увидели в этом усиление «смуты» и, напуганные успехом левых, объединились против них, создав многочисленную Прогрессивную партию (Цзиньбудан). По негласному указанию президента в марте был убит Сун Цзяожэнь.

Для предстоящей войны с Югом Юань Шикай взял кабальный для Китая «реорганизационный» заём у банковского консорциума на 25 млн. ф. ст. и придвинул ударные бэйянские дивизии вплотную к силам гоминьдановцев. Спешить с разгромом последних президента подталкивало не только стремление экономически и политически господствующих сил покончить с «анархией» и «смутой», но и начавшееся отделение от Пекина национальных окраин.

Планомерно ведя дело к развязыванию гражданской войны, Юань Шикай спровоцировал левых выступить первыми. Для этого он лишил Хуан Сина звания генерала и снял трех гоминьдановцев с постов военных губернаторов провинций. Попав в безвыходное положение, левые были вынуждены начать нежелательную для них гражданскую войну. Столкновение бэйянских и гоминьдановских войск июля–сентября 1913 г. получило название «второй революции». Во второй половине июля шесть южных провинций — Цзянси, Аньхуэй, Цзянсу, Гуандун, Фуцзянь и Хунань — объявили о своей независимости от Пекина. Против 40 тыс. гоминьдановских солдат Юань Шикай бросил 60-тысячную армию. В считанные дни республиканский Юг рассыпался как картонный домик. Из борьбы выпали Аньхуэй, Гуандун, Хунань и Фуцзянь. Реальный и притом жесткий отпор бэйянским дивизиям оказали только три гоминьдановские армейские группировки — в районе Цзюцзяна, вокруг Нанкина и в Шанхае. Тем не менее очень скоро сказалось превосходство бэйянских сил. К 14 августа они выбили гоминьдановские части из всех опорных пунктов в Шанхае. В середине августа пал Наньчан. После десяти дней упорных боев за Нанкин республиканские части были вынуждены 2 сентября сдать ся северянам. С военными силами и политическими позициями республиканского Юга было покончено.

Военная победа над Гоминьданом открыла для Юань Шикая дорогу к установлению военной диктатуры. Свой первый удар он обрушил на свободную прессу, закрыв все газеты гоминьдановского толка. Затем Юань Шикай стал деятельно готовить свое законное избрание постоянным президентом Китая депутатами парламента. Для получения большинства их голосов он включил в правительство членов Прогрессивной партии и сколотил из подкупленных им депутатов свою «карманную» организацию — Гражданскую партию. Несмотря на все это, а также на тайный подкуп и открытое запугивание парламентариев, Юань Шикай только лишь в третьем туре голосования 13 октября 1913 г. был избран президентом. После этого главным препятствием на пути установления его диктатуры оказалось гоминьдановское большинство в парламенте. Президент обвинил эту часть депутатов в заговоре с целью установления диктатуры парламента. Получив полную поддержку военных и бюрократии, Юань Шикай 4 ноября объявил о роспуске Гоминьдана, а затем лишил гоминьдановцев парламентских мандатов. Выгнав их на улицу, он тем самым парализовал работу парламента, лишив его необходимого кворума. По сути это знаменовало начало государственного переворота, направленного на ликвидацию республиканского строя. Поскольку парламента уже не мог работать, диктатор срочно заменил его Центральным политическим советом. Этот свой «карманный» орган президент создал из провинциальной бюрократии, столичной номенклатуры и своих выдвиженцев. Вслед за тем 10 января 1914 г. Юань Шикай упразднил обе палаты парламента. В конце января он распустил за ненадобностью все органы самоуправления — провинциальные собрания депутатов и местные собрания. В феврале президент положил конец участию либералов и конституционалистов в правительстве. Сам же кабинет министров был заменен послушным президенту Государственным советом. Тем самым завершился государственный переворот ноября 1913 — февраля 1914 г.

Разрушив наиболее опасные для себя республиканские институты, Юань Шикай расчистил себе «политическое пространство» от обломков парламентской

демократии для построения военной диктатуры. В действительности сложился причудливый синтез азиатского деспотизма, милитаризма и современных политических форм. В марте 1914 г. Юань Шикай создал замену парламента — Законодательный совет. Сюда избирались лишь крупные сановники, высшая номенклатура, ученые и юристы.

Вслед за этим Юань Шикай потребовал отмены Временной конституции 1912 г. как чрезмерно левой и поэтому «опасной для республики». По его настоянию в апреле срочно была выработана новая Временная конституция 1914 г., которая превращала президента в полного хозяина страны. Теперь вся власть — исполнительная, законодательная и судебная — оказалась в руках Юань Шикая. По сути он становился некоронованным монархом, облеченным в президентские одежды. В июне президент голосами своих выдвиженцев продлил срок своих полномочий до десяти лет без новых выборов, а также право называть своего преемника. Все это открывало дорогу к императорскому трону и основанию новой династии — главной цели государственного переворота 1913–1914 гг. и развернувшейся затем широкой кампании «За возрождение старины», т.е. за восстановление монархии. В ходе этой кампании учреждениям и ведомствам возвращались названия периода Цин и восстанавливались прежние титулы. Штатская, в основном старая бюрократия снова вышла на первый план. Стремительно рос чиновничий аппарат со множеством sinecur и пышными мундирами, с разгулом служебных преступлений, восстановлением цинских чинов и рангов. Началось ослабление роли военных. Была восстановлена прежняя экзаменационная система. Юань Шикай копировал империю Цин до мельчайших деталей. Открыто проповедовалась идея реставрации монархии и непригодности республиканского строя.

Между тем еще больше усилился налоговый гнет. К дополнительным поборам добавились голод, наводнения, падение жизненного уровня населения и народные восстания. Наиболее крупным из них стало начавшееся в 1912 г. восстание в Хэнани под руководством крестьянина Бай Лана («Белый Волк»). Объявив себя борцом против диктатуры Юань Шикая, свое мобильное войско Бай Лан назвал «Армией народа». Движение переросло в маневренную крестьянскую войну, охватившую провинции Хэнань, Аньхуэй, Хубэй и Шэньси. Повстанцы совершали длительные переходы из одной провинции в другую. На их разгром президент бросил 200-тысячную армию, в том числе лучшие свои части. К осени 1914 г. «Армия народа» вернулась в родную Хэнань и распалась на разрозненные отряды, уничтоженные поодиночке. В середине августа погиб в бою и сам Бай Лан. Столь же сурово Юань Шикай расправился и с другими народными движениями. «Чистки» в деревнях, аресты, публичные казни и произвол карателей стали обычным явлением. В городах проводились репрессии против левых республиканцев, аресты членов Гоминьдана и казни противников режима. Был издан «драконовский» закон о печати, устанавливалась строжайшая цензура, и были введены телесные наказания. В стране воцарился политический произвол. Накануне Первой мировой войны Китай жил в атмосфере страха и слепого повиновения.

МОНГОЛИЯ. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ И ОБРАЗОВАНИЕ ТЕОКРАТИЧЕСКОЙ МОНАРХИИ

События, приведшие к провозглашению независимости Монголии, стали набирать стремительный оборот во второй половине 1911 г. Еще в июне богдо-гэгэн вел переговоры с рядом князей о созыве тайного совещания. Оно состоялось поблизости от Урги в июле, во время празднования древнего общемонгольского праздника — *надома*. В нем участвовало 18 человек: ургинский *хутухта*, наиболее влиятельные представители четырех *аймаков* Халхи и посланцы из Внутренней Монголии. На совещании было принято решение освободиться от власти цинского Китая, обратившись за помощью к России, для чего направить туда представительную делегацию. Российское консульство в Урге было поставлено в известность об этом решении, о чем оно 28 июля информировало МИД России.

2 августа 1911 г. монгольская делегация тайно выехала в Петербург. Ее возглавлял командующий войсками Тушетуханского *аймака*, родовитый и весьма просвещенный, умный и энергичный, по отзывам современников, *цинъ-ван* (князь первой степени) Хандорж.

Членами делегации были влиятельнейший и наиболее приближенный к богдо-гэгэну *да-лама* («большой лама») Цэрэнчимэд и представитель народности хархин Внутренней Монголии князь — *туше-гун* Хайсан. Все трое были сторонниками объединения монголов в единое независимое государство; впоследствии они стали видными государственными деятелями.

16 августа монгольская делегация была принята министром иностранных дел С. Д. Сазоновым, которому и передала письмо богдо-гэгэна от 30 июля. В письме *ханы* и князя объясняли, почему они полны решимости изгнать из пределов страны маньчжурских чиновников и китайских торговцев и образовать независимое и единое государство в составе Внешней и Внутренней Монголии. Вместе с тем в послании содержались предложение расширить русско-монгольские связи и просьба предоставить Монголии заём, а также осуществить поставки оружия. Наконец, в монгольском обращении высказывалось предложение российскому императору принять Монголию под свое покровительство.

Реакция правительства Николая II на это обращение была весьма сдержанной. Не следует забывать, что Россия была связана соглашениями с Японией о разделе сфер влияния в этом регионе.

17 августа особое совещание Совета министров под председательством П. А. Столыпина высказалось против поддержки планов объединения Внешней и Внутренней Монголии в единое государство и против полного отделения страны от Цинской империи. Однако совещание приняло решение о том, чтобы Россия

выступила посредницей между Ургой и Пекином и поддержала «дипломатическим путем стремление монголов сохранить свою самобытность».

В соответствии с этой резолюцией осенью 1911 г. русская дипломатия добилась от цинского правительства письменного обязательства не проводить во Внешней Монголии — зоне российских интересов — никаких гражданских и военных реформ без согласия русского правительства, отказаться от колонизации монгольских земель, не вводить туда свои войска и, в частности, не подвергать преследованию и репрессиям главу и членов монгольской делегации, ездивших в Санкт-Петербург. А для убедительного подкрепления дипломатических демаршей в Ургу под предлогом усиления охраны русского консульства были направлены батальон пехоты и две сотни казаков. Монголам же русские дипломаты настоятельно рекомендовали проявлять умеренность, добиваясь лишь широкой автономии в составе Китая. Русское правительство обещало оказать некоторую помощь оружием и рассмотреть вопрос о займе.

Иркутский военный округ вскоре получил приказ подготовить для отправки в Монголию 15 тыс. винтовок и 7,5 млн. патронов. Таким образом, Россия фактически встала на сторону монголов, что способствовало дальнейшему развитию «революционных» событий.

В середине октября 1911 г. Хандорж и его спутники вернулись в Ургу. Обсудив итоги переговоров и учитывая благоприятную обстановку в связи с вооруженным восстанием в Учане 10 октября 1911 г., положившим начало революции в Китае, *богдо-гэгэн* и его окружение приступили к решительным действиям. 18 ноября был образован комитет князей и высших лам в составе семи человек, так называемое Временное управление всеми делами халхаского *хурэн* (Урги). Оно разослало всем удельным князьям Внешней и Внутренней Монголии духовное послание *богдо-гэгэна* с призывом объединиться в самостоятельное государство, чтобы процветала религия и был положен конец страданиям под чужим гнетом.

28 ноября Управление вызвало в Ургу из ближайших *хошунов* монгольское ополчение, а 29 ноября потребовало от маньчжурского *амбана* Сань Довэня покинуть страну в трехдневный срок.

150 китайских солдат из гарнизона Урги отказались выступить на его защиту, и *амбаню* ничего не оставалось, как вместе с другими маньчжурскими чиновниками и их семьями укрыться в русском консульстве и 4 декабря под охраной казаков выехать через Кяхту в Китай.

1 декабря 1911 г. от имени *богдо-гэгэна*, ханов, князей и высшего духовенства четырех аймаков Халхи Управление обнародовало воззвание, провозгласившее независимость Монголии.

«Наша Монголия, — писали авторы этого исторического документа, — с древних времен была самостоятельным государством. И потому, согласно древнему праву, Монголия объявляет себя независимой и обладающей властью самостоятельно и независимо от других вершить свои дела».

7 декабря Управление официально взяло на себя функции руководства всеми государственными делами; оно оповестило *хошуны* Внешней и Внутренней Монголии о провозглашении независимости Монголии и предъявило маньчжурским наместникам в г. Улясутае и г. Кобдо требование немедленно покинуть

страну. Вынужденный искать защиты в русском консульстве от разъяренной толпы местных жителей, последний улясугайский *цзяньцзюнь*, трусоватый Кун-фэн в конце декабря уехал из Монголии, сопровождаемый эскортом русских казаков.

Кобдоский же *амбань* Пу-чжун, опираясь на относительно большой гарнизон, запасы продовольствия и боеприпасов, рассчитывая на подкрепления из Синь-цзяна, отверг требования Урги, казнил двух посланцев богдо-гэгэна, заперся в крепостной части города и стал готовиться к сопротивлению, а возможно и к походу против «ургинских мятежников».

Между тем в Урге 29 декабря 1911 г. в торжественной обстановке состоялась пышная церемония возведения на трон «великого хана» Монголии Джебзундамба *хутухты богдо-гэгэна*, получившего титул «многими возведенного» и девиз правления «годы многими возведенного», а также храмовое имя «Наран гэрэлт», т.е. «лучезарный, испускающий свет наподобие солнца».

Впрочем, легитимность этого акта оспаривалась и вызвала протесты со стороны Тушетухана Дашняма и отчасти Дзасактухана Содномравдана, апеллировавших к древней монгольской политической традиции, согласно которой с XIII в. только прямые потомки Золотого рода Чингис-хана имели исключительное право претендовать на великоханский трон. Беспрецедентное возвышение духовного лица, тибетца по происхождению, было тем не менее восторженно встречено подавляющим большинством населения Монголии и отмечено празднованием по всей стране. К тому времени церковь играла огромную роль в жизни монгольского общества. Она располагала экономическим могуществом и политическим влиянием, а к ее главе верующие массы испытывали глубочайшее благоговение и видели в нем живого Будду. В сознании монголов богдо-гэгэн был олицетворением и символом монгольского национального единства и самобытности, и только вокруг него в то время могли объединиться все монгольские народности.

Согласно современной политической практике, первым же указом богдо-гэгэна, объявленным в день его восшествия на ханский престол, было образовано правительство Монголии в составе пяти министров, в ведение которых был передан относительно широкий спектр дел государственного управления. Это были министерства иностранных дел, внутренних дел, военное, финансов и юстиции. Было объявлено о переименовании Урги — Их Хурэ (букв. «Большой, или Великий монастырь») в Нийелэл хурэ («Столичный монастырь»), что придало городу официальный статус столицы нового государства, о замене старого календаря — по новому летоисчислению отсчет времени стали вести с 1911 г. — первого года правления «многими возведенного».

Реакция России и Китая на эти события, естественно, была неоднозначной. В официальном заявлении правительства Николая II от 12 января 1912 г. выразилось некоторое недовольство тем, что монголы, обратившись за поддержкой к России, не последовали ее совету «действовать умеренно и постараться найти почву для соглашения с Китаем».

Однако Россия не отказывалась от продолжения посредничества между Ургой и Пекином в деле недопущения китайской колонизации и ввода в Монголию китайских войск, а также от помощи деньгами и оружием.

Доживавший свои последние дни цинский двор, не признавая ни независимости Монголии, ни посредничества России, тем не менее был бессилён предпринять что-либо серьёзное. Лишь сменившее его в феврале 1912 г. республиканское правительство Юань Шикая приступило к активной политике в отношении Монголии. Однако противодействие внутри- и внешнеполитическим монгольским преобразованиям было осложнено тем, что пришедшее к власти новое китайское правительство столкнулось не с верхушечным заговором, а с политическими актами, увенчавшими подъем стихийного освободительного общенародного движения.

К тому же успешным действиям монгольской верхушки, имевшим огромное прогрессивное значение для монгольского народа, в значительной, если не в определяющей степени содействовала поддержка России, которая, преследуя собственные геополитические и экономические интересы, в целом, сыграла позитивную роль в возрождении монгольской государственности — главному итогу национально-освободительной революции 1911 г. и в её последующей судьбе.

МОНАРХИЯ БОГДОХАНА И ЕЕ ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

1912–1915 годы составляют законченный период в истории Монголии и монгольской государственности. Это было время существования в Центральной Азии суверенного феодально-теократического государства, хотя и не получившего международного признания и находившегося в определенной политической и экономической зависимости от Российской империи, но проводившего самостоятельную независимую внутреннюю и внешнюю политику и выступавшего де-факто субъектом международных отношений.

Во главе этого государства стоял богдохан — неограниченный монарх, сосредоточивший всю полноту светской и духовной власти. К нему перешли функции маньчжурского императора: он утверждал ханов и князей в правах наследования и управления родовыми уделами, назначал на государственные должности; присваивал им титулы и звания по маньчжурскому табелю о рангах и назначал из государственной казны значительно возросшие ежегодные жалованья, пенсии и пособия.

Управление государством богдохан осуществлял через назначаемое им и ответственное только перед ним правительство, ключевой фигурой которого стал министр внутренних дел *да-лама* Цэрэнчимэд (1872–1914) — выходец из простой семьи, выдвинувшийся благодаря своим способностям и приверженности прогрессивным веяниям. В первый состав правительства не вошел ни один из четырех ханов Халхи.

В июле 1912 г. было образовано Управление пятью министерствами, а его главой назначен Сайнноен-хан Намнансурэн, получивший известность в литературе как премьер-министр, или Председатель Совета министров. Его заместителем стал молодой Цэцэнхан-Наваннэрин. Введение в правительство двух влиятельных аймачных ханов означало достижение некоего временного компромисса

в борьбе за власть между духовной и светской знатью. Однако, вскоре борьба разгорелась с новой силой, перевес остался за церковниками, жертвами стали отравленные министр иностранных дел, русофил Хандорж и сам премьер Намнансурэн.

Спустя два года, в феврале 1914 г., также впервые был создан Верхний и Нижний *хурал*, некое подобие двухпалатного парламента, обладавшего совещательными функциями. В Верхний *хурал* входили владетельные князья, постоянно проживавшие в «Нишелэл хурэ», столичные высшие ламы и государственные сановники, в нижнюю палату — невладетельные князья (*тайджи*) и правительственные чиновники и торговцы. Палаты собирались и распускались по повелению богдохана для обсуждения актуальных вопросов жизни монгольского общества и составления докладных записок на имя монарха с различного рода предложениями по совершенствованию государственного управления и развитию образования, культуры и т.п. Следует отметить, что этот институт парламентского типа, сословный по своему составу, и прежде всего его нижняя палата, стал инициатором многих прогрессивных предложений, направленных на модернизацию общества. В основном эти предложения не были реализованы из-за сопротивления консервативного большинства правившей верхушки и в силу общей отсталости страны.

Центральный аппарат управления на местах был представлен наместниками богдохана — *саутами*, расположившимися в резиденциях бывших *цзяньцзюней* и *амбаней* в Улясутае и в освобожденном 7 августа 1912 г. Кобдо, а также в Кяхтинском *маймачене*. Они осуществляли контроль и взаимодействовали с местной монгольской администрацией, оставшейся неизменной. Не претерпело изменений административное деление Монголии, и по-прежнему хошунный *дзасак* совмещал судебную, административную и военную власть. Были оставлены в силе цинское гражданское и уголовное законодательства и действовавшие при маньчжурах нормы монгольского обычного права при начатой, но на этом и закончившейся попытке специально назначенной комиссии свести эти законы и нормы в единое уложение или свод законов и издать его в 65 томах. Неудачей закончилась также попытка правительства заменить подушную подать общегосударственным, единым подоходным налогом. Созванный летом 1913 г. специально для решения этого вопроса съезд ханов и князей всех *аймаков* Халхи похоронил этот проект. В целом монополия на сбор как государственных, так и местных натуральных и денежных податей вместе с налогами осталась в руках владельцев уделов. Сохранились прежние нормы обложения, впервые распространенного с 1912 г. на хозяйства невладетельных князей и их дворовых людей (*хамджилга*), а также частично даже на личные хозяйства высших духовных особ и их *мабинаров*. Неизменными остались общегосударственные повинности, система отработок и т.п.

Перемены в социальной структуре выразились в численном росте духовенства и сословно-статусной группы *шабинаров* — фактически крепостных монастырей и *хутухт*, что было связано с целенаправленной политикой богдохана на укрепление привилегированного положения церкви, превратившейся в годы монархии в своеобразное государство в государстве, на которое работало около 1/3 населения страны; в увеличении численности промежуточных социальных

слоев (*дунд хумуус*): торговцев, мелких предпринимателей, кустарей-ремесленников, извозопромышленников, — вызванном некоторым оживлением хозяйственной жизни в 1912–1915 гг.; в появлении небольшого слоя правительственных чиновников и национальной интеллигенции (журналистов, учителей, служащих государственных учреждений, кадровых военных, ученых-*лам*).

Представители всех этих категорий населения пополнили городское население Монголии, общий рост которого был вызван как продолжением воздействия указанных выше эндо- и экзогенных факторов развития, так и в значительной степени внутренней политикой правительства богдохана.

Основные направления этой политики в эти первые годы существования монархии состояли в укреплении центрального аппарата управления «делами государства и религии», в создании армии и определении общегосударственного бюджета, в проведении некоторых экономических и культурных преобразований, для чего был образован даже специальный Комитет реформ, а в бюджете отдельной строкой выделялся так называемый фонд реформ.

Первейшей заботой правительства вскоре после его образования стало освобождение Кобдо. Туда из Урги весной 1912 г. был направлен военный отряд из 500 цириков под командованием «уполномоченных по умиротворению западной границы»: потомственного военного, князя С.Максаржава (1878–1927) и выходца из Барги, тоже княжеского рода, Дамдинсурэна¹. По пути к ним присоединились отряды Точтохотемджеи и Джа-ламы, а также местные араты. В июле 1912 г. монгольское войско в составе 2 тыс. человек окружило город и в ночь с 6 на 7 августа начался штурм, в ходе которого гарнизон потерял 200 человек убитыми и сдался.

Освобождение Кобдо сопровождалось погромом китайских лавок, сожжением долговых книг и жестоким ритуальным умерщвлением пленных, общее число которых составило 1200 человек. Командиры получили почетные титулы и награды, однако скорого «умиротворения» Кобдоского округа не произошло: до 1914 г. там имели место проявления сепаратизма, непризнание власти Урги, особенно со стороны Джа-ламы и отдельных западных монгольских князей, для подавления сопротивления которых приходилось прибегать даже к силе.

С похода на Кобдо началось, собственно, формирование регулярных воинских частей из ополченцев, мобилизованных в соответствии с традиционной воинской повинностью.

Летом 1912 г. вблизи Урги, в местечке Худжир Булан было открыто военное училище по подготовке младших командиров, среди 30 выпускников которого к 1915 г. был один из будущих вождей революции 1921 г. — Д.Сухэбатор. В 1913 — начале 1914 г. в военном лагере при училище прошли подготовку примерно 1900 солдат и офицеров «монгольской бригады».

Ее формирование в составе двух конных полков, роты пулеметчиков и артиллерийского дивизиона, вооружение и обучение проходили под непосредственным руководством 42 военных инструкторов, присланных из России в соответствии со специальным соглашением от 16 февраля 1913 г.

¹ Оба впоследствии были активными участниками революции 1921 г., а Максаржав в 1924–1927 гг. — военным министром МНР. Дамдинсурэн трагически погиб в 1921 г. от рук унгерновцев.

На это мероприятие ушли все 100 тыс. золотых рублей первого займа, предоставленного Россией правительству богдохана в 1912 г., и 300 тыс. из 2 млн. руб. второго займа, поступивших в начале 1914 г.

Вообще расходы на армию и ее боевые операции внутри страны и за ее пределами ложились тяжелым бременем на податное население и поглотили, например, в 1915 г. 42,5% от 1852 274 руб. общих расходов государственного бюджета, формированию и упорядочению которого правительство уделяло самое пристальное внимание. Большую помощь в этом деле ему оказали советник по финансовым и экономическим вопросам, впоследствии известный ученый-монголист С.А.Козин (1879–1956) и его помощник барон Витте, работавшие в стране в 1913–1917 гг. По их рекомендациям правительство помимо традиционной натуральной и денежной подушной подати изыскало ряд новых для Монголии источников дохода: внутреннюю таможенную пошлину для китайских и монгольских торговцев, арендную плату для иностранцев за пользование пастбищами и земельными участками под склады, лавки, дома; платные лицензии на лесозаготовку и разработку полезных ископаемых и т.п.

Все это увеличило поступления в государственный бюджет со 707 112 руб. в 1913 г. до 1 998 860 руб. в 1915 г. И тем не менее в 1913–1914 гг. бюджет был дефицитным и носил явно потребительский характер: $\frac{1}{5}$ его часть тратилась на ежегодные жалованные пособия одной тысяче князей, высших лам и тайджи, а $\frac{1}{4}$ уходила на содержание богдохана и его двора. И лишь благодаря увеличению поборов с податного населения и получению в конце 1914 г. третьего займа от России в 3 млн. руб. бюджет в 1915 г. удалось несколько сбалансировать. К этому времени стали поступать доходы от небольшой электростанции, кирпичного завода, столичной телефонной станции на 50 номеров, телеграфа, введенных в эксплуатацию в 1912–1914 гг., от небольшой угольной шахты в Калайхе под Ургой, построенной в 1915 г. Вместе с отчислениями от прибыли международного акционерного общества по добыче золота «Монголор», действовавшего в стране с начала XX в., эти доходы пополнили бюджетный «фонд реформ» к 1916 г. до 524 726 руб., 40% из которых шли на хозяйственные нужды, в частности на введение противочумной вакцинации скота, идущего на экспорт, и 20% — на социально-культурные мероприятия.

24 марта 1912 г. при Министерстве иностранных дел открылась первая средняя светская школа-интернат с 47 учащимися и преподавателями-бурятами из России. В 1913 г. десять лучших учеников были направлены за государственный счет на учебу в Кяхту и Иркутск. Школа стала своеобразной кузницей прогрессивно мыслящей молодежи и вместе с рядом начальных школ в отдельных коммунах, организованных также в 1912 г., положила начало светскому образованию в стране.

При МИДе была открыта новая типография, которая вместе с действовавшей с начала века русско-монгольской типографией при русском консульстве стала печатать не только официальные бумаги, но и художественные произведения, и с марта 1913 г. — журнал «Шинэ толь» («Новое зеркало»), а с сентября 1915 г. — газету «Нийслэл хурээний бичиг» («Столичные новости»). Оба издания под влиянием своего редактора, известного ученого и общественного деятеля Бурятии и Монголии Цэвэн Жамцарановича Жамцарано (1880–1938), и его единомышлен-

ников из монголов, активно пропагандируя самобытное культурное наследие монгольского народа, последовательно выступали за приобщение Монголии к мировой культуре, за модернизацию политического устройства и общественной жизни страны.

Частью этого приобщения стало знакомство с современной медициной через поликлинику при консульстве России, обслуживавшей в 1912–1915 гг. в среднем от 6 до 7 тыс. местных жителей в год, организация экспедиций по изучению природных богатств и географии страны и т.п.

Все эти нововведения носили безусловно прогрессивный характер, но, по справедливой характеристике английского монголоведа Чарльса Боудена, были лишь «поверхностными штрихами» и, главное, не изменили «безнадежно отсталых социальных порядков», сохранение и упрочение которых, добавим от себя, составляло суть внутренней политики теократической монархии на всем протяжении ее существования с 1911 по 1919 г.

Все это время Монголия продолжала жить в условиях переживавшего некоторые стадийные изменения феодализма, что, в общем и целом, обрекало ее на сохранение экономической и культурной отсталости.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА БОГДОХАНА. «МОНГОЛЬСКИЙ ВОПРОС»

Не столько внутренние мероприятия, описанные выше, сколько внешние политические акции, отчаянная борьба за международное признание суверенитета и независимости монгольского государства, его права на включение в свой состав Внутренней Монголии, Барги и Урянхайского края, стремление выйти на международную арену, завязать нормальные международные отношения со многими государствами составили основное содержание деятельности богдоханского правительства в 1912–1915 гг. и его позиции по «монгольскому вопросу», суть которого заключалась в определении международно-правового статуса монгольского государства и его границ.

Хотя решение этого вопроса в тех исторических условиях зависело в первую очередь от могущественных соседей Монголии — России и Китая, — оно в определенной степени затрагивало интересы и других великих держав — Японии, США, Англии, Франции, Германии, не желавших возможного нарушения баланса сил, сложившегося в регионе Центральной Азии и Дальнего Востока на пороге Первой мировой войны, и потому в своем большинстве поддерживавших Китай в его противоборстве с Россией и Монголией и игнорировавших неоднократные предложения богдохана и его правительства установить дипломатические и торговые отношения.

Следует отметить, что Урга не жалела усилий в этом направлении. Так, осенью 1912 г. сам *да-лама* Цэрэнчимэд пытался проехать в Японию с посланием богдохана японскому императору, но был вынужден с полпути вернуться домой. В начале 1913 г. второе личное письмо Джебзундамбы *хутухты* министр иностранных дел Монголии Хандорж все-таки вручил в Санкт-Петербурге официаль-

ным японским представителям, но Токио не принял содержащихся в нем предложений об установлении дипотношений и вернул письмо без ответа.

С дипломатами западных стран в столице России Хандорж встретиться не удалось, хотя в его портфеле были соответствующие обращения богдохана. И лишь премьер Намнансурэн в конце 1913 г. смог там передать ноты, адресованные министрам иностранных дел Англии, Франции, Германии, Австрии, Дании, Голландии, Японии, Бельгии и США, в которых правительствам этих стран предлагалось заключить с Монголией «договор о дружбе и торговле». Ответа не последовало, и предполагавшаяся поездка монгольской делегации в Западную Европу была сорвана. Таким образом, все попытки правительства богдохана завязать широкие международные связи потерпели неудачу и стали лишь свидетельством самостоятельности внешней политики монархии. Другим таким свидетельством был Договор о дружбе между Монголией и Тибетом, заключенный в Кийслэльтурэ 3 января 1913 г. В десяти статьях этого договора содержались взаимное признание полного отделения от Китая и независимости и намерение всячески развивать и укреплять «особые дружественные отношения» между двумя странами, обусловленные общностью религии «с древних времен до наших дней».

Но, конечно, приоритетным направлением внешней политики монархии были отношения с Россией и Китаем, в рамках которых решался и монгольский вопрос.

Особую остроту ему придавало то обстоятельство, что уже в начале 1912 г. Барга, а вслед за ней и 39 *хошунов* из 49 Внутренней Монголии, охваченные всеобщим восстанием, заявили о своем присоединении к монархии богдохана, что укрепило панмонгольские устремления и решимость Урги возглавить объединение с монголами Китая в едином государстве. Осенью 1912 г. на помощь восставшим были посланы воинские части под командованием Дамдинсурэна, получившего за взятие Кобдо почетный титул Манлай Батора («Первого богатыря»). В конце 1912 г. они вступили в столкновение с китайскими войсками, и бои с переменным успехом продолжались весь 1913 год.

«Бесспорно то, — телеграфировал в МИД России его полномочный представитель, бывший посол в Китае И.Я.Коростовец, прибывший в Ургу в сентябре 1912 г. для переговоров с МИД Монголии по „монгольскому вопросу“ и русско-монгольским отношениям, — что подлинная власть в Халхе и на присоединившихся к ней территориях (курсив наш. — М.Г., Л.П.) принадлежит хутухте и его правительству».

Такое положение совершенно устраивало республиканское правительство Юань Шикая, которое, с одной стороны, развернуло весной и летом 1912 г. увещательную кампанию, забросав богдохана посланиями, письмами, меморандумами и нотами, уговаривал его добровольно отказаться от независимости и вернуть Монголию в лоно Китая, с другой — встретив категорический отказ Урги, послало карательные экспедиции во Внутреннюю Монголию и начало подготовку к интервенции в Халху.

В этих условиях 3 ноября 1912 г. Хандорж и И.Я.Коростовец подписали в Урге межправительственное монголо-русское соглашение и Протокол к нему.

В соглашении обе стороны констатировали, что «прежние отношения Монголии к Китаю прекратились», что она имеет право на сохранение своего самобыт-

ного строя и право «содержать свое национальное войско, не допуская на свою территорию китайских войск и колонизации своих земель китайцами», в чем правительство России брало обязательство оказывать ей помощь и содействие.

Соглашение весьма завуалированно определяло статус «монгольского государства»: в монгольском тексте как «независимое», а в русском — как «автономное», и, по существу, обходило вопрос о границах этого государства, лишь сменив термин «Внешняя Монголия» на просто «Монголия».

Протокол гарантировал российским гражданам беспешинную торговлю и свободное передвижение по территории Монголии и право экстерриториальности, т.е. закрепил привилегированное положение России на монгольском рынке. Это, однако, не привело к полному вытеснению китайских торговцев и превращению русского капитала при всей его активизации в монопольного поставщика промышленных товаров в Монголию: российский экспорт в 1912–1915 гг. удовлетворял лишь 30–35% спроса на эти товары, что при сокращении ввоза из Китая привело к острому товарному голоду.

В целом, подписание Соглашения было большим успехом монгольской дипломатии: впервые Монголия вступила в договорные отношения с великой державой, которая тем самым, как писал российский журнал «Вестник Азии», признавала де-факто «самостоятельное бытие этой государственной единицы», т.е. фактически ее независимость. Именно так расценивала этот договор монгольская сторона: находясь в Петербурге со второй миссией для переговоров о границе, займе, помощи в обучении армии и т.п., Хандорж в интервью корреспонденту владивостокской газеты «Далекая Окраина» в январе 1913 г. заявил: «...мы понимаем, что этим актом признана полная независимость Монголии от Китая, и мы твердо намерены это отстаивать».

Однако российская сторона думала иначе: она последовательно придерживалась линии, изложенной министром иностранных дел С.Д.Сазоновым в речи по «монгольскому вопросу» в IV Государственной Думе от 13 апреля 1917 г. Суть этой линии заключалась не в признании независимости, а в обеспечении под русским протекторатом широкой автономии Монголии в пределах Халхи при формальном сохранении над ней китайского сюзеренитета, который в инструкциях МИД России И.Я.Коростовцу квалифицировался, например, как «юридическая фикция», в оказании ей финансовой и военной помощи. Соответственно, ургинские договоренности рассматривались правительством России и как средство обеспечения российских интересов в Монголии, и, во многом, как средство политического давления на Китай, с тем чтобы тот в конце концов принял российскую формулу урегулирования «монгольского вопроса»: «автономия в составе Китая».

С другой стороны, Николай II и его правительство категорически отклонили предложения богдохана, переданные Хандорж во время его переговоров в Петербурге в декабре–марте 1913 г., официально признать полную независимость Монголии и присоединение к монархии Внутренней Монголии и Барги, а также обменяться постоянными дипломатическими представительствами. В вопросе о границах монгольская сторона сумела добиться лишь единственной — первой и последней — уступки: согласия России на включение в состав «автономного монгольского государства» Кобдоского округа. На большее Российская империя

пойти не могла, ибо была по рукам и ногам связана тайными договорами с Японией от 1907, 1910 и 1917 гг., по которым ее сфера влияния в Центральной Азии распространялась только на Внешнюю Монголию.

В Китае монголо-русское соглашение и переговоры Хандорж вызвали взрыв недовольства, неприятия и буквально антирусской истерии: раздавались требования объявить войну России, правительство Юань Шикая активизировало усилия по подавлению освободительного движения во Внутренней Монголии и было на грани вторжения в Халху. В такой обстановке монгольское правительство направило подкрепления своим частям, сражавшимся в сопредельных районах Внутренней Монголии, и обратилось к правительству России с просьбой оказать им даже военную помощь, взять под свою защиту внутримонгольские *хошуны*, но получило отказ. Тем не менее Россия ввела свои войска в Ургу, Кобдо и Улясутай и тем самым летом 1913 г. предотвратила китайскую агрессию. Фактически встав на защиту монгольского государства, она вынудила Юань Шикая возобновить переговоры по «монгольскому вопросу».

5 ноября 1913 г. в Пекине состоялось подписание русско-китайской декларации, по которой Россия признавала суверенитет Китая над Монголией, а Китай — ее автономию в составе четырех *аймаков* Халхи и Кобдоского округа. По существу, это означало капитуляцию правительства Китая в «монгольском вопросе», ибо до того оно неизменно настаивало на определении статуса Внешней Монголии как обычной китайской провинции.

Русско-китайская декларация вызвала возмущение теперь уже в Монголии, за спиной которой была совершена эта акция. Правительство богдохана тотчас направило резкие ноты протеста Юань Шикаю и генеральному консулу и дипломатическому агенту России в Урге А.Я.Миллеру, а в Петербург была срочно направлена третья делегация во главе с премьер-министром Сайнноен-ханом Намнансурэном. 4 декабря 1913 г. он вручил правительству России и посольству Китая специальные ноты одного содержания по поводу русско-китайской декларации, в которых в заключение подчеркивалось: «...уже неоднократно Монголия заявляла, что она окончательно порвала связи с Китаем и что она не признает никакой зависимости от последнего. Поэтому монгольское правительство будет настаивать на таком определении границ монгольского государства, чтобы в состав его были включены все присоединившиеся монголь».

Следует отметить, что соглашение России и Китая по Монголии вызвало отрицательную реакцию также и у либеральных торгово-промышленных кругов России, выступавших в целом за полное отделение Монголии от Китая и по этой причине подвергших декларацию резкой критике как проявление неумелой политики.

Однако правительство России продолжало свою линию и, ссылаясь на договоренности с Китаем, отказалось без участия последнего даже обсуждать на переговорах с Сайнноен-ханом проблемы статуса и границ монгольского государства. Таким образом, по этим главным вопросам внешней политики Монголии миссия Намнансурэна, покинувшая Россию в начале января 1914 г., так же как и миссия Хандорж, при всем том пышном приеме на самом высоком уровне, которого они удостоились, — встречи с царем, ведущими министрами, поездки в Москву и Крым и т.п., — потерпела в целом неудачу. Более того, третья делега-

ция столкнулась с определенным ужесточением позиции России: так, предоставление нового трехмиллионного займа и дополнительных поставок вооружения, о чем просила монгольская сторона, было жестко обусловлено требованием вывести войска из Внутренней Монголии и согласиться на участие в трехсторонних переговорах.

Правительство богдохана под давлением финансовых трудностей в связи с расходами на военные операции за пределами Халха-Монголии и под нажимом России было вынуждено принять эти условия. Однако с выводом войск оно не спешило — окончательно они ушли из Внутренней Монголии лишь к 1916 г. — и не отказалось от присоединения последней, надеясь добиться дипломатическим путем на переговорах с Россией и Китаем в Кяхте положительного решения этой центральной задачи своей внешнеполитической деятельности в 1912–1915 гг.

О том, с каким упорством монгольская, да и каждая сторона отстаивали свои позиции на этих труднейших переговорах, говорит их продолжительность: они начались 8 сентября 1914 г., продолжались более восьми месяцев и закончились 7 июня 1915 г.² подписанием тройственных Кяхтинских соглашений, окончательно решивших «монгольский вопрос» в духе русско-китайской декларации 1913 г.

По этим соглашениям Монголия в границах Халхи и Кобдоского округа получала самую широкую автономию, но под сюзеренитетом и в составе Китая. За ней сохранялось исключительное право ведать всеми делами своего внутреннего управления и заключать с иностранными государствами договоры по всем вопросам, кроме политических и территориальных.

Китай и Россия приняли обязательства не вмешиваться во внутренние дела автономного монгольского государства, не вводить туда войска и воздерживаться от колонизации его земель. Китай получил право иметь своих представителей *амбаней* в Урге, Улясутае, Кобдо и Кяхте.

Русско-монгольский протокол о торговле от 3 ноября 1912 г. и русско-китайская декларация от 5 ноября 1913 г. были признаны как имеющие полную силу.

Сразу после подписания Кяхтинских соглашений в соответствии с достигнутой договоренностью Россия вывела свои войска из Монголии, а Китай направил своих *амбаней* в обозначенные в соглашениях пункты.

Итак, Кяхтинские соглашения закрепляли господствующее положение России в Монголии с 1915 г., а для Китая открывали двери для постепенного восстановления своих позиций.

Для Монголии соглашения в Кяхте означали крах надежд и возможностей образования единого монгольского государства и утверждения его независимости, что в 1912–1916 гг. находилось в центре внимания и усилий монархии богдохана. Они нанесли серьезный удар по общенациональным чаяниям и устремлениям монгольского народа, но не помешали дальнейшему росту национального самосознания, обогащенного опытом борьбы за свободу и независимость в эти годы.

Вместе с тем они обеспечили дальнейшее существование монгольского государства, сохранившего и в последующие годы достаточно высокую, если не пол-

² Во многих публикациях приводятся другие даты: 26 августа 1914 г. и 15 мая 1915 г.

ную самостоятельность, поскольку китайский сюзеренитет до 1919 г. носил в общем весьма номинальный характер.

В целом, Кяхтинские соглашения стали определенным рубежом, обозначившим вступление феодально-теократической монархии богдохана во второй и последний «автономный» этап своей истории — 1915–1919 гг., — который выходит за хронологические рамки данного обозрения.

КОРЕЯ В ЭПОХУ ПРОБУЖДЕНИЯ АЗИИ
(1905–1914)

17 ноября 1905 г. Япония вынудила корейское правительство подписать Договор о покровительстве, что на деле означало установление в Корее режима протектората. По Договору о покровительстве Корея лишалась права на самостоятельность в проведении внешней политики. В Сеул из Токио был направлен генеральный резидент Ито Хиробуми, в ведении которого находился штат японских чиновников. Японских резидентов назначили и в провинциальные центры. Генеральный резидент имел право вмешиваться во внутренние дела корейского государства. В 1906 г. колонизаторы сформировали новый кабинет во главе с преданным им Ли Ванъёном и, укрепив политические позиции, продолжили экономическую экспансию.

В сентябре 1906 г. Ито издал указ о покровительстве японским переселенцам в Корею, число которых с 1906 по 1910 г. выросло с 81,7 тыс. до 171,5 тыс. По закону, принятому в 1906 г., переселенцы из Японии получали право покупки земли. В Токио в 1908 г. было специально создано Восточно-колонизационное общество (ВКО), пользовавшееся особой поддержкой японского правительства. В ведении ВКО находилась скупка земли в Корее. К концу 1910 г. ВКО уже владело более 15 тыс. *чонбо*. Эта компания занималась и ростовщическими операциями.

В результате активной деятельности японские предприниматели к концу 1910 г. располагали в Корее 102 компаниями, 25 филиалами акционерных обществ и 107 промышленными предприятиями. Японские капиталы вкладывались буквально во все отрасли промышленности, сельское хозяйство, транспорт, торговлю, горный и морской промыслы. В середине 1905 г. было завершено строительство дороги Сеул–Пусан, а в апреле 1906 г. — Сеул–Ыйджу, а также проложены грунтовые дороги, телеграфные линии. В горном промысле преобладали американские предприниматели. С сентября 1906 г. по распоряжению генерального резидента в его ведение переходили все казенные рудники и частично частные.

Во внешней торговле также господствовали японские купцы, на долю которых приходилось $\frac{3}{4}$ корейского импорта. Основную статью вывоза составляла продукция сельского хозяйства (в частности, хлопок, женьшень, рогатый скот), а также золото.

Тяжелым ударом для корейского общества оказалась навязанная Японией еще в январе 1905 г. новая финансовая система. Установленный курс обмена старых монет на новые приводил к выкачке средств из страны. Корейское правительство, вынужденное брать многочисленные займы, превращалось в должника японских банкиров.

В трудных условиях наступления японских колонизаторов на корейскую экономику проходило формирование национальной буржуазии. Одновременно шел

процесс обуржуазивания части землевладельцев, включавшихся в предпринимательскую деятельность. К августу 1910 г. в Корее действовала 21 национальная акционерная компания с капиталом 6,5 млн. иен. Появились и смешанные японо-корейские компании. К 1910 г. их число достигло 20.

В годы протектората император Коджон пытался противостоять надвигающейся угрозе полной колонизации Кореи. В июне 1907 г. в Гаагу на международную конференцию были направлены посланцы с просьбой к державам Европы и США об установлении коллективного протектората над Кореей. Но они даже не были допущены на конференцию.

Колонизаторы в ответ на попытки императора Кореи освободиться от их диктата заставили Коджона отречься от престола в пользу сына Ли Чхока, получившего тронное имя Сунджон.

27 июля 1907 г. император Сунджон подписал с Японией Договор семи статей, по которому корейское правительство передавало административное управление в руки генерального резидента. Началось вытеснение корейцев из государственных учреждений. Руководство всеми ведомствами перешло к японским чиновникам.

Серьезное беспокойство у колонизаторов вызывала корейская армия, в которой господствовали освободительные настроения, и 1 августа 1907 г. генеральный резидент добился подписания декрета о роспуске корейской армии. Все солдаты должны были сдать оружие. Этот указ вызвал взрыв негодования не только в воинских частях, но и среди населения. Некоторые войсковые части отказались подчиниться указу и выступили против японцев. Мятежи произошли в Пхеньяне, Чхонджу, Суване, Пукчхоне, Хэджу, Кванджу, Тэгу и других городах.

Солдаты вступали в партизанские отряды «Армии справедливости» («Ыйбён»), действия которых не прекращались в годы протектората. Их поддерживала корейская эмиграция русского Дальнего Востока и Маньчжурии, направляя в Корею вооруженные отряды, которые вливались в соединения повстанцев на родине. Состоятельные эмигранты собирали средства, покупали оружие и передавали партизанам.

Широкие боевые действия развернули повстанцы пров. Чхунчхон, а также Чолла и Кёнсан. Многие районы в провинциях Кёнсан, Чолла, Хванхэ были охвачены крестьянскими восстаниями. В городах бунтовала беднота. После роспуска корейской армии в отряды восставших вливались армейские подразделения. К восставшим солдатам присоединялись крестьяне, городская беднота. После 1907 г. японская армия провела 322 боя с партизанами. Руководство партизанских отрядов еще в декабре 1907 г. попыталось создать единый штаб и избрать единое командование. На совещании командиров был объявлен недействительным Договор о покровительстве и принято решение двинуть армию на Сеул. Однако вскоре лучше вооруженные японские войска остановили наступление. Но стихийная борьба продолжалась.

Колонизаторы, чтобы подорвать изнутри народное сопротивление, с 1908 г. стали организовывать «отряды самообороны» из местного населения. Члены этих отрядов обязаны были доносить властям о настроениях населения, местонахождении партизан. Но эти акции, как и обращения к населению с призывами прекратить борьбу, не приносили результатов. Тогда колонизаторы увеличили

набор в «отряды самообороны». К 1908 г. их численность достигла 2,2 тыс. человек. Кроме того, японцы создали корпус «корейских помощников жандармов». Правительство Японии было крайне недовольно результатами деятельности генерального резидента. Ито Хиробуми был уволен, и на его место прибыл Сонэ Араскэ. Одновременно из Японии направили свежие военные силы, в городах укрепляли японские гарнизоны, к берегам Кореи стянули десятки военных судов. Жесточайший террор, развязанный колонизаторами по всей стране, привел к спаду освободительной борьбы.

В годы протектората параллельно с народным сопротивлением в национальном движении развивалось просветительское направление. В нем активно участвовали бывшие члены разгромленного в конце XIX в. «Общества независимости». Они создавали многочисленные просветительские общества, куда вступали представители различных социальных слоев — чиновники, учащиеся, купцы. Еще в 1904 г. возникло общество «Поанхве» («Общество обеспечения независимости»), затем «Хёптонхве» («Общество сотрудничества») и «Конджинхве» («Ассоциация Общественного прогресса»). Их организаторы были сторонниками достижения независимости путем мирных буржуазных реформ, просвещения всего народа. Государство, по их мнению, должно было стать современным, с конституцией и парламентом. Таким путем население приобщилось бы к мировой цивилизации. Одно из неперемных условий этого процесса они видели в искоренении последствий многовековой вассальной зависимости от Китая и прекращении колониальной экспансии японского империализма. Колонизаторы усматривали в деятельности обществ угрозу своим аннексионистским замыслам и методически их разгоняли. Но сразу же открывались новые. В мае 1905 г., после закрытия японской властью «Конджинхве», было организовано «Хонджон ёнгухве» («Общество изучения конституционного правления»), а в 1906 г., после его разгона, возникло «Тэхан чаганхве» («Общество укрепления Кореи»), целью которого было развитие образования и промышленности, построение независимого современного государства наподобие Англии и США.

Отделения Общества открылись в 25 городах страны. Идеологи буржуазного просветительства, лидеры Общества — Ли Джун, Пак Ынстик, Чан Джиен, Ан Чханхо проводили многолюдные митинги, демонстрации, на которых пропагандировали свои взгляды. Кроме того, они организовали в Сеуле и других крупных городах движение за выплату долгов по займам Японии, рассчитывая таким путем достичь независимости Кореи. Население самоотверженно отдавало в фонд этого движения деньги, ценности. После отречения от престола императора Коджона они организовали демонстрацию, направленную против японцев и корейцев-коллаборационистов. В ходе демонстрации тысячи жителей столицы громили полицейские посты, казармы, нападали на японских чиновников. Против восставших японские власти направили войска, а также ужесточили меры пресечения деятельности просветителей — закрывали школы, газеты, установили цензуру на все издания, включая учебники.

В июле 1907 г. марионеточное правительство по настоянию генерального резидента приняло Закон о поддержании общественного спокойствия, по которому полиция получала право запрещать демонстрации, митинги, закрывать печатные издания. В августе того же года было закрыто и общество «Тэхан чаганхве».

Но уже в ноябре 1907 г. оно было восстановлено под названием «Тэхан хёпхве» («Корейское общество»). Это общество вело активную антияпонскую пропаганду на страницах своих изданий — «Тэхан хёпхве хвебо» («Вестник корейского общества»), «Тэхан минбо» («Корейская народная газета»). К 1909 г. общество «Тэхан хёпхве» имело 60 отделений и 10 тыс. членов.

В 1907 г. возникло нелегальное общество «Синминхве» («Новое народное общество»), которое установило контакты с партизанским движением и оказывало ему материальную помощь, а кроме того вело легальную просветительскую деятельность.

Просветительские общества в годы протектората открывались во многих провинциях. Так, в октябре 1906 г. Пак Ынрик основал «Соу хаххве» («Просветительское общество друзей с Запада»), в которое входили патриоты провинций Южная Пхёнан и Хванхэ; Ли Донхви и Ли Джун организовали «Ханбук хынхакхве» («Общество распространения знаний на севере Кореи»). В 1908 г. эти общества слились в «Собук хаххве» («Северо-западное просветительское общество»). Такие же организации возникли и в южных провинциях: «Хонам хаххве» («Хонамское просветительское общество») — в Чолла, «Хосо хаххве» — в Чхунчхоне, «Квандон хаххве» — в Канвоне, «Кихо хаххве» («Общество распространения знаний в Кихо») — в Кёнги и Чхунчхоне и др. Женское общество «Еджа кёкк хаххве» («Общество воспитания и образования женщин») ставило задачей просвещение женщин, приобщение их к культуре.

Для претворения в жизнь своей программы просветители большое значение придавали распространению среди населения художественной литературы, которая по-новому описывала простых людей, публиковали труды по истории Кореи, а также переводы книг об освободительных движениях в иноземных государствах: Пак Ынсика — «Вильгельм Тель», Чан Джиена — «Повесть о патриотке» (о Жанне д'Арк), «Биография Вашингтона», «История гибели вьетнамского государства» и др.

Огромное внимание просветители уделяли вопросам образования населения: открывали частные школы, вечерние курсы для взрослых, женские школы, издавали новые учебники, несмотря на то что японские власти стремились препятствовать открытию школ, запрещали издание учебников. В 1908 г. насчитывалось более трех тысяч частных школ, которые превращались в центры пропаганды патриотических идей.

В 1909 г. японские колонизаторы еще более ужесточили гонения на культурно-просветительное движение. Из 1834 заявок на открытие частных школ разрешение получили только 337. Культурно-просветительское движение к 1910 г. в результате политики генерального резидента в целом переживало спад. Их лидеров арестовывали, ссылали, пытались убедить заверениями в бескорыстии целей Японии в отношении Кореи.

В то же время некоторые лидеры просветительства устанавливали связи с партизанами, переходили в их отряды. В Харбине Ан Джунгын в 1909 г. застрелил Ито Хиробуми, что вызвало новый подъем освободительной борьбы. В разных городах вспыхивали антияпонские волнения, активизировались партизаны. Японские власти, опасаясь всекорейского восстания, перешли в наступление: увольняли чиновников-корейцев в центре и провинциях, на их места назначали япон-

цев, затем навязали корейскому правительству ряд «соглашений», по которым суд и полицейский департамент переходили в их ведение.

В Токио разрабатывали план полной аннексии страны, и с этой целью был создан секретный Комитет во главе с генералом Тэраути Масатакэ для обработки общественного мнения в Корее. Эта задача возлагалась на созданное японцами общество «Ильчинхве», которое выступило с петицией о якобы желании корейцев присоединиться к Японии. В ответ начались новые антияпонские волнения в Сеуле и других крупных городах. По стране прокатились и крестьянские восстания, оживились партизаны. Генеральный резидент, чтобы успокоить население, выступал с заведомо лживыми заявлениями, что Япония не собирается присоединять Корею. В Токио считали действия Сонэ Араскэ недостаточными, и на его место прибыл Тэраути Масатакэ. Новый генеральный резидент сразу же увеличил число японских войск в Корее, полицейских участков, к берегам стягивались военные корабли. Снова поднялась волна арестов, репрессий, закрывались газеты, просветительские общества, пресекалась всякая патриотическая деятельность, казнили пойманных партизан. Бывший император Коджон попытался бежать в Россию, но попытка окончилась неудачей.

Западные державы фактически не препятствовали колонизаторским акциям Японии. В декабре 1909 г. вновь без внимания было оставлено обращение Кореи с просьбой о помощи к мирной конференции держав в Гааге. Более того, Англия и США готовы были признать аннексию Кореи Японией. Иную позицию занимала Россия. Действия Японии в Корее наносили ущерб ее экономическим интересам и дальневосточной политике. Но 4 июля 1910 г. после длительных переговоров между Японией и Россией было подписано соглашение. Россия обязывалась не препятствовать аннексии Кореи, а Япония признавала «сферой специальных интересов» России Северную Маньчжурию и Монголию. Затем Япония приступила в июле 1910 г. к окончательному оформлению аннексии.

Правительство *микадо* изображало аннексию как добровольную передачу корейским императором всех верховных прав японскому императору. 22 августа договор об аннексии был подписан. Опубликование 29 августа текста договора вызвало серию антияпонских выступлений населения Сеула, провинций Кёнсан, Хамгён, Пхёнан.

Корея после аннексии стала генерал-губернаторством Японии. Генерал-губернатору передавали всю законодательную и исполнительную власть, ему подчинялись армия и флот, в его ведении находились суд, тюрьмы, жандармерия.

Колонизаторы сразу же приступили к преобразованиям в области сельского хозяйства и опубликовали Приказ об обследовании земель. По этому приказу все пахотные земли подлежали переучету, в результате которого десятки тысяч крестьян потеряли свои наделы, так как зачастую не могли подтвердить право на владение ими. Одновременно росло число помещичьих и кулацких хозяйств.

Японские империалисты после аннексии стремились превратить Корею в источник продовольствия (риса, соевых и т.д.) и сырья. В результате подобной политики вывоз риса за 1911–1915 гг. возрос более чем в 4 раза.

В 1912 г. японцы стали принудительно распределять среди крестьян семена американского хлопка, с тем чтобы увеличить его производство. Корейские крестьяне обязаны были весь урожай сдавать на специальные пункты. Важными

статьями вывоза в Японию были также нерудное сырье, продукты морских промыслов и т.п. Колонизаторы наводнили корейский рынок японскими промышленными товарами, чем затормозили развитие национальной промышленности. Был введен, в частности, Закон о компаниях, опубликованный в декабре 1912 г., по которому скованные бесчисленными препонами, чинимыми японской властью, корейские предприниматели вынуждены были вступать в смешанные японо-корейские компании, действовавшие в торговле, банковском деле, на транспорте и т.д.

Основным направлением политики генерал-губернатора стало проведение насильственной японизации страны, дабы подавить национальные чувства корейцев, которые были объявлены подданными японской империи. Официальным языком стал японский.

Особое внимание колонизаторов было направлено на систему образования, дабы искоренить идеи национальной свободы, пропагандируемые как просветительской печатью, так и в учебных заведениях. Последние были поставлены под строгий контроль генерал-губернаторства. Закрывая частные школы, колонизаторы открывали училища, в которых готовили рабочих-корейцев с элементарными техническими знаниями.

Жесточайшие карательные акции, предпринимаемые японской властью, привели к тому, что в 1911–1912 гг. значительное число партизанских отрядов были вынуждены перебазироваться в Маньчжурию (район Цзяньдао), русское Приморье и Приамурский край. Оттуда партизаны совершали смелые налеты на японские гарнизоны и правительственные учреждения.

Националисты-либералы в годы протектората эмигрировали в те же районы. Там они продолжали активную деятельность: открывали общества, издавали газеты. Особую известность получила газета «Хеджо синмун», которая печаталась на русском Дальнем Востоке. В Маньчжурии организовывали также военные школы, где готовили офицерские кадры для партизанских отрядов. Колонизаторы стремились воспрепятствовать деятельности партизанских соединений и просветительских эмигрантских обществ в России и Китае.

1 июня 1911 г. Япония добилась подписания русско-японского договора о взаимной выдаче преступников, по которому она требовала высылки «вредных элементов из числа подданных японской империи». Договор несомненно способствовал спаду партизанского движения в этом районе. Лидеры корейской политической эмиграции в России и Китае не были сторонниками решительных действий, они выступали за постепенную консолидацию сил. Один из них, Ан Чханхо, эмигрировал в США, где возглавлял корейских беженцев, которые вели активную просветительскую деятельность антияпонской направленности.

В самой же Корее, не имея возможности из-за жесточайших карательных акций японской администрации пропагандировать антияпонские идеи просветительскими методами, националисты перешли к заговорщической, террористической деятельности. Наиболее крупным террористическим актом должно было стать убийство генерал-губернатора Тэраути Масатакэ. После раскрытия заговора было арестовано около 700 человек. Под предлогом расследования заговора в тюрьмах оказались сотни корейцев, известных антияпонскими настроениями.

В эти годы большая часть населения Кореи в своих духовных поисках обратилась либо к национальной религии — секте чхондогё, либо к христианству, проповедуемому европейскими и американскими миссионерами.

После аннексии не прекращалось крестьянское движение, принимавшее все более ярко выраженный антияпонский характер. Волнения в деревнях против помещиков и японских компаний были особенно сильны в период проведения колонизаторами «земельной переписи», фактически лишившей крестьян их наделов.

В эти же годы возросло число выступлений рабочих против японских капиталистов — владельцев фабрик и заводов. Хотя выступления рабочих носили неорганизованный, стихийный характер, ограничивались экономическими требованиями, тем не менее они являлись частью национально-освободительного движения корейского народа.

МОДЕРНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ
В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
(вторая половина XIX — начало XX в.)

В XIX в. колониальная экспансия прервала замкнутость регионов и породила необратимый процесс превращения человечества в единое целое. Поскольку в этом движении выявилась большая неравномерность развития различных регионов, — Европа и США явно опережали другие страны, — то во многих районах земного шара, подвергшихся воздействию стран Запада, возникли процессы, направленные на ликвидацию обнаружившегося отставания.

Всю совокупность этих процессов в силу их общей ориентации на передовые страны можно определить словом «модернизация». Модернизация — явление уникальное. Оно присуще именно периоду превращения человечества в единое целое. Модернизация охватывает почти все сферы общественной жизни: экономику, общественно-политические структуры, образование, науку и технику. Но нигде она не протекает так сложно и при этом так трудно для осмысления, как в сфере культуры. Спор между различными видами оружия решается просто — их эффективностью. Это относится и ко всей технике. Диалог же между различными поэтическими или живописными традициями гораздо сложнее, не говоря уже о фундаментальных духовных ценностях.

Важнейшее требование, которое модернизация повсеместно и неизбежно предъявляла традиционному обществу, — это образование. До начала колониальной экспансии ни одна культура ни в одном районе земного шара, за исключением Европы, самостоятельно не породила экспериментальных наук. Поэтому естественно, что они и базирующаяся на их основе техника отсутствовали в системе образования. Надо отметить — и это показатель необычайных трудностей, сопутствующих процессу модернизации, — что, казалось бы, столь очевидный исторический императив стал осознаваться далеко не сразу. Но рано или поздно он неизбежно осознавался и воплощался в жизнь. И тогда образование в традиционном обществе подвергалось радикальному преобразованию. Образование изменяло свою цель, свой предмет и масштаб. Если раньше, до подобной реформы, во всех обществах традиционного типа существовала система образования, которая готовила сравнительно небольшое количество людей для религиозной и государственной деятельности, то новое время требовало резкого увеличения числа образованных людей, прежде всего для работы в народном хозяйстве. Главными предметами обучения повсеместно становятся естественные науки и техника, а главным занятием образованных людей — деятельность хозяйственная и общественная, а не государственная и религиозная, как это было ранее.

Реформа образования сразу же порождает вопрос: насколько новое образование совместимо со старой культурой? И начинается трудная операция « совме-

щения», в результате которой во всех модернизирующихся обществах духовная культура «раскалывается» на свою, старую, локальную и чужую, новую, универсальную. Система взаимодействия между ними включает в себя богатый набор операций — от отторжения чужеродного до усвоения нового и необходимого; она определяется конкретными особенностями исторического развития данного общества. Но при всех вариантах взаимодействия различных частей культуры при ее «расколе» неизменным оказывается одно: рано или поздно автохтонная культура бывает вынуждена примириться с соседством науки и всех сопредельных и подверженных ее влиянию областей духовной культуры. При этом столь же неизбежным становится и «раскол» носителей культуры на традиционалистов и новаторов. Это относилось как к создателям, так и к носителям культуры. Линия раскола делила образованных людей на две группы, но она могла проходить и по внутреннему миру одного человека, создавая тем самым весьма сложную духовную коллизию, которая оказалась на какое-то время уделом довольно большой и социально значимой группы образованного общества.

Раскол традиционной культуры — это наиболее характерная и драматическая фаза культурной модернизации. Ей же предшествует период, когда политическое давление извне еще не столь сильно, чтобы заставить общество начать серьезный пересмотр своих культурных ценностей и приступить к радикальным реформам в образовании и общественном устройстве. Но тем не менее наличие внешнего фактора уже принуждает по крайней мере осознать свою отсталость и начать первичные поиски решения проблем, из этой отсталости вытекающих. Эти поиски приводят к трансформациям в сфере общественного сознания, равно как и к частичным изменениям в некоторых культурных областях. Это — начальная фаза модернизации, которая может оказаться длительной и протекать тем болезненней, чем богаче традиционное культурное наследие.

Если рассматривать сближение регионов как неперенный и положительный момент в процессе превращения человечества в единое целое, то естественно предположить, что в культурной трансформации вслед за фазой раскола должна последовать завершающая стадия. На этой стадии в традиционном некогда обществе процесс культурного развития освобождается от давления извне и входит в свое нормальное русло. Раскол преодолевается, а духовное наследие общества, совместившись с новыми универсальными ценностями, превращается в равноправную составную часть общечеловеческой культуры.

Таким образом, процесс культурной трансформации в традиционных обществах состоит из трех главных периодов: «подготовительного», основным содержанием которого является реакция на внешнеполитическое давление; «основного», который характеризуется радикальной реформой образования и «расколом» культуры на две части; и «заключительного», когда достигается устойчивый синтез местной культурной традиции с общечеловеческой культурой. Три данные фазы — последовательность не только логическая, но и историческая. Однако отдельные элементы этого процесса могут как запаздывать, так и опережать свое время. Так, например, обстоит дело с синтезом культур, который в форме утопических построений может появиться и раньше наступления подлинной «синтезирующей» стадии.

Следует иметь в виду, что процессу модернизации восточной культуры сопутствовало вместе с экономическим и политическим освоением Востока усвое-

ние Западом эстетических, а затем и духовных ценностей восточной культуры (достаточно вспомнить об ориентализме как составной части европейского романтизма и художественных истоках искусства модерна).

По степени трудности или благоприятности условий для культурной трансформации в Азии можно выделить три региона: исламский (ближневосточный и центральноазиатский), индо-буддийский (южноазиатский и юго-восточноазиатский) и конфуцианский (восточноазиатский). Первый наиболее труден для процесса культурной трансформации, поскольку основные духовные ценности в данном регионе пребывают в рамках жесткой конфессиональной системы. Несколько более благоприятными являются условия в индо-буддийском регионе, где плюрализм религиозных верований и культурных традиций способствует выделению общего межконфессионального культурного фонда, или базы, для диалога с универсальной культурой. В наиболее благоприятных условиях находился восточноазиатский регион. Он не был отделен от остального мира труднопреодолимыми конфессиональными барьерами. Препятствия общению выливались здесь в основном в форме государственной политики изоляционизма, гораздо менее стойкой, чем религиозные предрассудки. Кроме того, регион располагал богатыми традициями светской культуры, к стати, гораздо более старой, чем светская культура Европы. Светская доминанта официальной восточноазиатской культуры позволила накопить этим странам богатый опыт в деле государственного управления и в обсуждении различных конкретных вопросов общественного устройства, прочно поместив их в общественном сознании в категорию предметов, обсуждаемых в открытых дискуссиях, что было очень важно для модернизации.

Несмотря на то что процесс культурной трансформации имел в Восточной Азии много общего, в силу различных исторических причин он дал существенно отличающиеся друг от друга варианты. Наиболее успешный вариант продемонстрировала Япония. В своем полном виде все сложности процесса проявились, пожалуй, в Китае. Что же касается Кореи, то там модернизация уже на ранней стадии столкнулась с наименее благоприятными политическими обстоятельствами.

Начав модернизацию в середине XIX в., **Япония** в течение второй половины столетия столь успешно прошла подготовительную фазу, что в конце его смогла перейти на следующую стадию процесса, создав все предпосылки для наименее драматической и гармоничной вариации «раскола» культуры, что и привело ее в дальнейшем к тем успехам, которые мы можем наблюдать в настоящее время. В **Китае** же из-за различных социально-политических и чисто культурных причин предварительная стадия затянулась на всю вторую половину XIX в. К концу столетия в этой стране наблюдались лишь некоторые отдельные явления, присущие второй стадии. В результате этой задержки стадия «раскола» в Китае приобрела форму подлинной «культурной революции», которая имела место в конце второго десятилетия XX в., когда медлительность консерваторов обернулась нигилизмом радикалов. В **Корее** процесс модернизации протекал вначале достаточно успешно и в основном по китайскому образцу, что во многом было обусловлено общностью их культур, но затем культурное обновление в Корее было прервано неблагоприятными политическими событиями.

Повсюду в регионе процесс культурной трансформации начался более или менее принудительно, под влиянием внешнеполитических факторов, лежавших за пределами культуры. Под их давлением политика осознанной самоизоляции не устояла ни в одной из стран Восточной Азии. При этом культурную трансформацию не следует связывать с внутренней недостаточностью местной традиции, которая к тому времени во всех трех странах находилась отнюдь не в худшем своем состоянии и вполне могла продолжать дальнейшее развитие в своем прежнем традиционном русле.

Повсюду в Восточной Азии процесс модернизации привел к ознакомлению с неведомыми ранее научно-техническими достижениями Европы и Америки и к их частичному заимствованию; повсюду это заимствование сопровождалось реформой образования, что приводило к лучшему знакомству с жизнью западных стран, с их общественным устройством и общественной мыслью, а это, в свою очередь, обусловило смену традиционного типа создателя и носителя культуры. Если ранее в Восточной Азии им был образованный «государственный муж» (или «образованный человек» — *вэнь жэнь*), дополненный своим антиподом — монахом-отшельником, то культурные изменения потребовали и нового носителя культуры — профессионала и общественного деятеля, человека, получившего новое образование.

Для всей Восточной Азии было присуще сравнение культур, осуществленное в достаточно свободной и открытой дискуссии. Наибольшее развитие оно получило в Китае — культурном центре Восточной Азии. Именно там более всего были распространены эти дискуссии, продолжающиеся по сей день. Первое, на что обратили внимание теоретики культуры в Восточной Азии, — это наличие в Европе такого неведомого региону компонента культуры, как экспериментальные науки.

Восточная Азия имела свою древнюю и достаточно богатую научную традицию, более того, она имела и традицию применения научных знаний на практике и весьма благоприятные идеологические условия применения научных знаний, которых в Европе не было. Но вся эта совокупность исторических факторов не породила экспериментальных наук. Естественно возникал вопрос: почему? И столь же естественно за ним следовали пересмотр и переоценка своей собственной культурной традиции, которые отнюдь не сводились к нигилизму. Переоценка затронула самые главные, «структурообразующие» ценности, а не какие-то отдельные области интеллектуально-художественного творчества, в этом и заключалось основное значение того, что происходило в культурной жизни Восточной Азии в XIX в.

При всей своей уникальности процесс культурной модернизации с точки зрения истории культуры более всего напоминает историю распространения мировых религий. То же открытие новых духовных горизонтов, то же противостояние своего старого чужому новому, то же вынужденное признание за этим новым и полезности, и универсальности. Однако здесь есть и одно существенное отличие. Перестройка культуры происходила под влиянием факторов, лежащих вне ее и вне духовной жизни вообще. Это не могло не повлиять на ракурс, в котором тогда оценивались все культурные ценности. Главное внимание уделялось проблеме выживания государства и общества. Эта доминанта отодвигала на второй

план весь тот богатый духовный опыт, который был накоплен Восточной Азией в рамках конфуцианской, буддийской, даосской и других местных традиций и который был связан в первую очередь с духовной жизнью индивидуального человека. Однако по мере вхождения процесса культурной трансформации в «синтезирующую» стадию эти проблемы индивидуальной духовной жизни станут играть все более важную роль. Очень существенной оказывается она и при создании утопических построений, в которых, как правило, «местная традиция» стремится взять у универсальной культуры воображаемый «рванаш».

КИТАЙ

В XIX в. на долю Срединной империи выпало весьма суровое испытание: политическая ситуация заставила эту страну пересмотреть два ее важнейших духовных постулата, которые сопровождали официальную идеологию империи со времени ее возникновения. Первый — политическая концепция *хуа-и* («Китай-варвары»). Второй — самодостаточность и незыблемость сакрализованной конфуцианской духовной традиции.

Ко времени столкновения с Западом Китай имел устаревший тип политического сознания, в основе которого лежало представление о том, что в мире существует одно уникальное государство — Срединная империя, являвшаяся и единственным источником культуры для всех остальных народов. Собственно, так осознавали себя все автохтонные цивилизации на земном шаре. Уникальность заключалась лишь в том, что политическая структура дальневосточного региона и сопредельных стран позволила Китаю сохранить этот тип сознания до XIX столетия. Согласно этим представлениям, роль всех «варварских» народов мира сводилась лишь к тому, чтобы «приносить дань небесной династии и провозглашать себя ее подданными». Естественно, что военное поражение в «опиумных» войнах должно было произвести на носителей подобных политических представлений впечатление шока и на этой почве должны были возникнуть модификации политического сознания.

Эти новшества связывают в первую очередь с именами Гун Цзычжэня (1792–1841) и Вэй Юаня (1794–1856). Оба они принадлежат еще к традиционному типу китайских ученых, полагавших, что все необходимые человеку знания содержатся в классических конфуцианских текстах, и оба не представляли себе, что в мире есть что-то, что может поспорить с авторитетом «совершенномудрого», но оба в какой-то мере чувствовали необходимость перемен. К этому их побуждало кроме политической ситуации и общее положение в сфере традиционной китайской науки, которая в первой половине XIX в. отнюдь не находилась в упадке и демонстрировала определенную способность к эволюционному изменению. Но внешнеполитическая ситуация предъявляла ей требования, во много раз превышавшие ее возможности.

В XIX в. в положении конфуцианского ученого происходят существенные перемены. Миновала пора «императорского» конфуцианства периода Цяньлун (1736–1795), пора тесной связи идеологии и императорского двора, пора всеим-

перских масштабных мероприятий по преимуществу филологического характера. Связь между двором и конфуцианской общественностью ослабевала, и наиболее одаренная и творческая часть конфуцианских ученых перемещалась в частные ставки провинциальной администрации (*му-ю*). Филологическая ориентация сменялась практическими вопросами государственного и административно-хозяйственного управления. Лозунг, выдвинутый еще Гу Яньу (1613–1682), — *цзин ши чжи юн* («упорядочивать современное положение и воплощать это на практике») завоевывает все большую популярность. Подобная переориентация требовала и некоторой модификации основных принципов. Именно эту задачу и берут на себя Вэй Юань и Гун Цзычжэнь.

Гун Цзычжэнь обладал весьма разносторонними интересами. Он блистательный каллиграф, поэт и прозаик, знаток классических текстов. В политике он твердо придерживался принципов изоляционизма и настоятельно советовал Линь Цзэсюю запретить в Гуанчжоу всякую торговлю с иностранцами. Но в историю «модернизации» Китая он попал за то, что его «поперечный» дух отдал решительное предпочтение «действию» и отверг «постоянство». Цель докладов Гун Цзычжэня — побудить правительство найти в себе силы и возможности приспособиться к меняющейся обстановке.

Начало ученой карьеры Вэй Юаня было традиционным. Уехав из родной провинции Хунань, он продолжил образование в столице, где и начал интересоваться практическими вопросами (школа *цзин ши*). Вскоре он обнаружил большой интерес к географии, результатом чего стала его работа «Географическое описание заморских государств» («Хай го тучин»). В предисловии к этой работе Вэй Юань выдвинул свой знаменитый тезис — «учиться у варваров их передовой технике, с тем чтобы держать их под контролем».

Этот тезис замечателен прежде всего тем, что он вносил в концепцию *хуа-и*, причем впервые, некоторые коррективы, хотя продолжал исходить из того, что окружающие народы, в том числе и населяющие страны Запада, остаются «варварами». Это подтверждается и следующим широко известным его произведением «Шэн у цзи» («Записки о войнах совершенномудрых [императоров]»). Произведение было закончено в 1842 г. и является как бы прямым откликом на поражение Китая в первой «опиумной» войне и заключение Нанкинского договора. Сокрушительное военное поражение не поколебало уверенности Вэй Юаня в исключительном и сакральном характере китайской монархии, равно как и всемогуществе китайских императоров, сила которых «опирается на внутреннюю чистоту и обретается в храме предков». Что же касается внешнеполитических проблем, то Вэй Юань рекомендует перенести внимание с «варваров» на границы. Он по-прежнему убежден в том, что, усилив государственную мощь, можно добиться того, что «варвары четырех сторон придут к государю». Резюмируя, можно сказать, что первое столкновение Китая с Западом не привело в Китае к пересмотру традиционной китайской модели мира. Однако очевидное военное превосходство англичан заставило конфуцианских ученых смириться с мыслью о необходимости заимствования («заморской») военной техники.

Именно на этой идеологической основе родилось движение *яньу юндун* («движение заморских дел»), основной политической задачей которого являлось «самоусиление» Китая. Сторонники этого движения, как правило, надеялись на

то, что все заимствования ограничатся военной техникой. Это убеждение держалось долго. Даже самые проникательные из них, как, например, Ли Хунчжан (1823–1901), полагали, что «государственная система управления в Китае в гражданском и военном отношениях далеко превосходит систему, существующую у людей Запада, и лишь артиллерия у иностранцев развита лучше». Неудивительно, что всю свою конкретную деятельность по «самоусилению» Китая участники движения «заморских дел» осуществляли в рамках прежней модели мира. Так, по мнению Фан Цзюньи (1815–1889), отличие Китая от «варваров» заключалось в его непосредственной связи с сакральным космосом, что и делало его столь же вечным. А Лю Сихун, помощник одного из первых китайских профессиональных дипломатов нового типа, был убежден, что власть китайского императора простирается на весь мир и что «среди варваров нет таких, которые не были бы его народом». Говоря об отношении к «варварам», Лю Сихун писал в 1875 г., что, начиная с древнейших времен, путь управления варварами состоит в «непрерывном привязывании». Такого же мнения придерживался и Цзэн Гофань (1811–1872), ключевая фигура середины столетия. Он писал об отношении к «варварам»: «наилучший способ управления варварами — привязывание».

Цзэн Гофань, олицетворявший собой духовную ситуацию середины столетия, как и Вэй Юань, был уроженцем пров. Хунань. В 1850-е годы он прочно входил в высший слой столичного чиновничества. После победы над тайпинами в 1864 г. влияние Цзэна на внутреннюю политику необычайно выросло. Неменьшим было его воздействие на духовную жизнь общества. Временная стабилизация положения в империи, наступившая после подавления тайпинов, породила у правящего слоя империи определенные надежды на «возрождение Срединной династии». В этой ситуации победитель тайпинов в глазах многих превратился в некий символ этих надежд, наглядное свидетельство мощи и устойчивости традиционной культуры.

Взгляды Цзэн Гофаня сформировались довольно рано, еще в его родной провинции Хунань. По складу характера он был ярким консерватором, страстным приверженцем культа предков и традиционных устоев китайской семьи. Идеологически он находился под воздействием сторонника «сунского учения» Тан Цзяня. Цзэн не отвергал филологических штудий классических текстов, но считал, что их следует сочетать с непрерывным самоусовершенствованием. Но, пожалуй, наибольшее влияние на окружающих Цзэн Гофань оказал как сторонник «тунчэнской школы» и последователь Яо Ная (1732–1815), который своей популярностью был обязан главным образом составленной им антологией древней прозы. Немало сделал для популяризации тунчэнской школы и Цзэн, хотя он не был в этом одинок. Культ древнего письменного слова с неожиданной силой распространился среди образованного китайского общества в середине столетия. Он был, вне сомнения, своеобразным ответом традиционной культуры на недавние политические потрясения. Древнее письменное слово, способное привлечь к себе внимание и гармонизировать внутренний мир человека, было призвано продемонстрировать силу китайской культуры. Но этот культ выявил и ее слабость — на поверхность выступил тот самый доминирующий в традиционной культуре «гуманитаризм», который через несколько десятилетий превратился в одну из главных мишеней сторонников радикальной модернизации. Но Цзэн Гофань оставался верен культуре *гу вэнь* всю свою жизнь.

Занимаясь главным образом военными и административными делами, Цзэн Гофань всегда, даже в промежутке между боями, находил время для литературных занятий, считая это совершенно необходимым для своего внутреннего мира. «Занимаясь словесностью, — писал Цзэн Гофань, — как бы очищаешь весь механизм своего сердца. Если сердце постоянно занято, то оно живет, если не занято, то оно задыхается. Оно подобно источнику в земле: если не пробуравишь скважину, то не получишь желанной влаги...» Подобно своему учителю, Цзэн много занимался составлением антологий.

Мы никогда не поймем внутреннего очарования традиционной китайской культуры с ярко выраженной гуманитарной доминантой, если не уловим смысла в такой ситуации: два самых значительных политика второй половины XIX в., Цзэн Гофань и Ли Хунчжан, первый в качестве составителя, а второй — комментатора, благоговейно склоняются над текстом Тао Цяня (365–427): «Небо и Земля долговечны и не имеют конца. // А горы и реки не меняются от времени».

Надо сказать, что Китай дорого заплатил за известную самоуспокоенность после подавления тайпинов. В 1894 г. на общедоступном языке броненосцев Япония объяснила миру, и прежде всего Китаю, чем подлинная модернизация отличалась от ее имитации. Современный китайский исследователь этой проблемы, Гань Ян, выделяет в истории модернизации Китая в XIX в. три главных периода: 40–60-е годы выдвигают в качестве первоочередной проблемы освоение техники; в 70–80-е годы основные надежды возлагаются на политические средства, на политику «самоусиления». На протяжении более четырех десятилетий Китай упорно старался ограничить перемены военно-техническими новшествами, и лишь разгром в войне с Японией сделал для него очевидной ту простую истину, что «сила западных людей — в оружии, но причина того, что они сильны, не в оружии». Третий период отмечен попытками перейти к коренной реформе образования. Как писал знаменитый переводчик Янь Фу, «бедствия начинаются в системе образования и кончаются в государстве».

Реформа образования трактуется в это время как задача национального спасения, «спасения государства, спасения нации, спасения ее учения». Однако беда заключалась в том, что радикальная реформа образования не могла быть осуществлена без столь же радикальной переоценки всей китайской культуры. Прежде всего надлежало признать, что китайская культура не самодостаточна. Это означало, что было необходимо посягнуть на священный путь «императоров Яо, Шуня, Юя, Чан Тана, Вэнь-вана, Чжоу-гуна» и, наконец, самого Конфуция. Здесь пролегла священная грань. Поэтому неудивительно, что ярый сторонник усовершенствования всякой техники Цзэн Гофань смотрел на реформаторов 90-х годов, таких, как Кан Ювэй, Ляо Цичао, Тань Сытун и им подобных, как на бунтовщиков, покусившихся на самое дорогое в духовном наследии Китая — на его «многотысячелетнюю» конфуцианскую культуру. Даже для участников *яньу юндун* это казалось совершенно недопустимым, ибо в этом случае утрачивалась принципиальная особенность культуры Китая.

Неизбежная ревизия китайской культуры заставляла подлинных ее почитателей пускаться на всякие хитрости. Так, Хуан Цзуньсянь (1848–1905), один из сподвижников Кан Ювэя, дипломат, побывавший и в США, и в Европе и остав-

шийся, несмотря на некоторую частную критику в молодые годы, верным «пути совершенномудрых», интерпретировал западные науки как производное от учения Мо-цзы, вряд ли подозревая, что здесь он уподобился Чжу Си, полагавшему, что буддийская философия порождена даосизмом. Иной аспект этой проблемы затронул Чжан Чжидун (1837–1909). Его интересовало, насколько изменится человек, получивший новое образование. Чжан надеялся, что внутренне совершенный человек, «даже если он утром будет водить автомобиль, а вечером ездить по железной дороге», может сохранить верность традиционным ценностям. Именно эта убежденность в возможность не «раскола», а безболезненного раздела в культуре вылилась в знаменитое афористическое положение, которое вначале было выдвинуто Шэнь Шоуканом в газете «Вань го гунбао»: «Китайские науки — сущностные, западные науки — прикладные». Этот лозунг подхватил Чжан Чжидун, выступивший в 1898 г. с сочинением, специально посвященным проблемам образования, — «Цюань сюе пянь» («Книга о поощрении образования»).

Все эти общественные настроения после японской войны наиболее емко отразил Кан Ювэй (1858–1927) в своем докладе императору Дэ-цзуну (1875–1908). Необходимость реформ была констатирована Кан Ювэем в ультимативной форме. Он полагал, что либо Китай пойдет на реформы и тогда сохранится, либо нет и тогда погибнет. Разумеется, Кан Ювэй имел в виду широкий спектр реформ, но культурная модернизация занимала в них существенное место. Как известно, Кан Ювэй и его группа потерпели неудачу, и основная проблема модернизации в Китае была перенесена на следующее столетие.

Основным вкладом Кан Ювэя в культуру является его грандиозная утопия *датун*, описанная в книге «Да тун шу» («Книга о великом единстве и равенстве»), вышедшая в свет в 1902 г., хотя ее замысел, основная мысль и содержание сформировались в 1891–1896 гг. Все утопическое творчество модернизирующихся стран можно рассматривать как своеобразную реакцию на необходимость признать неадекватность традиционной культуры требованиям современной исторической ситуации. Китай должен был признать недостаточность конфуцианской традиции. Кан Ювэй мужественно признал это как политик-практик. Но как наследник великой духовной традиции и общественный мыслитель он смягчил это признание попытками сакрализации Конфуция и грандиозным утопическим построением, весь пафос которого состоял в том, что в будущем весь мир будет объят неким культурным синтезом, в котором главную роль будет играть конфуцианство. В конце XIX в. китайское общество было буквально потрясено при знакомстве с западной, совершенно неведомой ему ранее концепцией общества как совокупности борющихся индивидов. Кан Ювэй не мог примириться с подобными взглядами на общественную жизнь и всю свою утопию посвятил тому, как эта борьба переходит в «великое единение».

Сходным было направление мысли и у второго великого утописта, Тань Сытуна (1865–1889), павшего жертвой репрессий, последовавших за отстранением реформаторов от власти. По мнению Тань Сытуна, в будущем отношения борьбы в обществе следовало заменить отношениями на основе «гуманности». Свое понимание гуманности Тань Сытун основывал на синтезе конфуцианской гуманности, «всеобщей любви» Мо-цзы, буддийского сострадания и христианских представлений о душе. При этом он расположил использованные им концепции по

степени важности и общности категорий и пришел к выводу, что в этом синтезе первое место принадлежит буддизму, за которым следует конфуцианство, и замыкает этот ряд христианство. Несомненно, что Тань Сытун был знаком с идеями Ж.-Ж. Руссо, но не это определило пафос его учения. Кроме благородной цели способствовать светлому будущему всего человечества Тань Сытун, по всей вероятности, бессознательно хотел вернуть великой китайской культуре ее доминирующее положение. Поэтому его мнение о том, что достижения мыслителей Запада за последние сто лет лишь повторяют то, что было сказано в «Ли юнь» о «великом единении», не столько отражает плохое понимание европейской мысли, сколько продиктовано велением и логикой процесса культурной модернизации, который вызывал у великой культуры Восточной Азии вполне естественную защитную реакцию.

Поскольку наиболее очевидным недостатком своей традиции китайцы считали отсутствие в ней экспериментальных естественных наук, то очевидно, что сравнение двух культур не могло миновать операции сравнения и двух научных традиций. Было очевидным, что конфуцианская теория не чуралась практической ориентации и что китайскими учеными на протяжении многих веков накоплен огромный багаж научных знаний. Однако китайский практицизм чем-то неуловимо отличался от европейского. Чжан Бинлинь (1868–1936), один из виднейших идеологов рубежа столетий, уделявший в последние годы XIX в. много внимания пропаганде научных концепций Запада, в частности теории эволюции, основные положения которой он изложил в статьях «О микробах» (1899 г.) и «Происхождение изменений» (1899 г.), считал, что разница заключалась в том, что китайский практицизм не выходил за пределы *жи юн*, т.е. ориентации на повседневные нужды, тогда как европейский всегда обладал некой отвлеченной научной перспективой. По мнению многих, повинна в этом была и слишком сильно выраженная этическая доминанта традиционной китайской культуры, которая и определила эту разницу направлений. В результате, если европейский ум искал в окружающем мире, в том числе и природе, «подлинного» (*чжэнь*), то китайский был склонен моделировать природные явления с точки зрения «должного и доброго» (*шань*). Эти рассуждения не утратили своей актуальности и по сей день, когда еще нагляднее стали не только достижения, но и оборотная сторона европейской науки.

Процесс сравнения не ограничивался лишь наукой. Наиболее полный список или итоги этого сравнения, пожалуй, содержатся в книге Лю Жэньхана «Дунфан датун сюэань» («Предварительное исследование великого единения на Востоке»), вышедшей уже в 1926 г. По мнению Лю, если цель восточной культуры заключается в том, чтобы обуздать душу нормами морали, то цель западной — в том, чтобы дать человеку знание о конкретных вещах; если культура на Востоке формируется под влиянием образования, то культуру на Западе создает энергия; если восточная культура обращена к древности и уважает все, связанное с нею, то западная — ценит новизну и все, связанное с нею; если на Востоке ценятся мягкость и образованность, то на Западе ценятся борьба и сила, поэтому образованный китаец похож на монаха, тогда как образованный европеец больше похож на рыцаря.

Современные китайские авторы, обобщая работу своих предшественников, выдвигают пять следующих противопоставлений: «внутреннее–внешнее», «покой–действие», «интуиция–логика», «гуманитарность–технизм», «повседневные

нужды—отвлеченная теория». Как можно видеть, процесс взаимодействия культур продолжается, продолжают и его оценки и осмысление.

ЯПОНИЯ

Япония, как и все страны этого региона, начала свои отношения с Западом с политики «закрытых дверей». Так, в 1825 г. *бакуфу* издает новый указ, устраивающий изоляцию. Согласно этому указу, известному под названием «Утихараирэй» («Указ об изгнании»), предписывалось обстреливать все приближавшиеся к японским берегам суда, а иностранцев, высадившихся на японскую территорию, убивать. Однако «опиумные» войны в Китае круто меняют политическое сознание японского общества, которое в конце концов приходит к заключению, что с иностранцами лучше вести переговоры, чем воевать. Поэтому 31 марта 1854 г. в Канагаве подписывается японо-американский договор, за ним в октябре — японо-английский и в феврале 1855 г. — японо-русский. Это была брешь, пробитая не только во внешней политике, но и в сознании японского общества, через которую хлынул мощный поток модернизации. В отличие от Китая процесс модернизации в Японии пошел быстро и успешно. На то были свои веские социальные, политические и культурно-исторические причины.

Япония имела существенно отличающуюся от Китая социальную стратификацию. Господствующее положение военного сословия в сочетании с гораздо большей, чем в Китае, ролью горожан и торговцев способствовали возникновению в Японии этого времени более развитых форм общественной жизни, равно как и более высокой степени индивидуализации общественного сознания. Именно на этой почве и зародилось в Японии во второй половине XIX в. движение за *дзю минкэн ундо* («Движение за свободу и народные права», 1874–1889).

В первые десятилетия после революции Мэйдзи (1867–1868) в кругах японской образованной общественности шел как довольно быстрый процесс усвоения западных идей, так и их взаимодействие с традиционными конфуцианскими и синтоистскими представлениями. На этой идеологической базе и была выработана уже довольно четкая политическая платформа движения, участники которого требовали создания парламента и принятия конституции. Идеология этого движения была сформирована прежде всего на основе европейской концепции естественных прав человека. Достаточно прочесть, что писал о «свободе» один из видных идеологов этого движения Наказ Токусукэ (Тёмин) (1847–1901): «Свобода означает возможность человека действовать согласно имеющимся у него от природы наклонностям, она предполагает отсутствие ограничений в его действиях, а также обладание им правом участия в политике». Именно японцы первыми в дальневосточном регионе подыскали эквивалент европейскому слову «свобода».

После свержения сёгуната в 1868 г. во главе Японии оказалось правительство, склонное и вынужденное обстоятельствами к переменам. Из пяти принципов, провозглашенных императором Мацухито, два имели непосредственное отношение к культурной модернизации. Правительство намеревалось отказаться от всех «плохих обычаев прошлого» и заимствовать знания во всем мире, чтобы таким путем упрочить основы империи. Естественно, что такая позиция власти существ-

венно облегчила японскому обществу проведение всесторонней модернизации своей страны. В тот период даже такие щекотливые вопросы, как природа государства и власти, были достаточно открытыми и подвергались оживленному обсуждению в процессе ознакомления с соответствующими европейскими теориями. Так, в разгоревшейся в 80-е годы дискуссии о суверенитете и политическом устройстве страны и правые и левые имели в виду прежде всего классическую французскую доктрину народа как носителя суверенитета. Поскольку логическим следствием этой доктрины являлось свержение монархии, то правящие круги проявили значительный интерес к поискам в Европе контрконцепции и нашли ее в учении венского профессора Л. фон Штейна, согласно которому суверенитет неделим, а его единоличным носителем является монарх. Заинтересовал японцев и некоторый имевшийся у фон Штейна акцент на «органической» трактовке государства, что соответствовало их представлениям о *кокутай* («государственной сущности», или «государственном устройстве»), что было также предметом оживленного обсуждения.

Япония, в отличие от Китая, не была страной автохтонной и монолитной культуры и не рассматривала ее как неотчуждаемое национальное. Наоборот, наряду с собственными культурными традициями Япония накопила богатый опыт как усвоения, так и отторжения чужой культуры. Так, в XVIII в. в ответ на усиленную пропаганду конфуцианства в стране возник ряд оппозиционных течений с ориентацией на синто и отечественные корни, в также на европейскую науку и культуру. Именно на этой почве и выросла «школа национальных наук», наиболее известным представителем которой был Мотоори Норинага (1730–1801).

Ориентация на Запад породила в японской культуре плеяду деятелей, которых во второй половине столетия принято было называть просветителями, хотя, в отличие от просветителей в Европе, их основная задача сводилась все-таки к пропаганде достижений Запада. Кроме того, Япония пережила в XVII–XVIII вв. невиданный дотоле расцвет городской культуры, подарившей миру таких замечательных художников, как Китагава Утамаро (1753–1806) и Кацусика Хокусай (1760–1849). И потому тонус культурного творчества в стране продолжал быть достаточно высоким.

Та часть образованного общества, которая занималась «голландскими науками», главным образом медициной и естествознанием, совершает в первой половине XIX в. ощутимый поворот и переносит основное внимание на исследования, которые могут принести непосредственную пользу своей стране. Наибольший интерес начинают вызывать такие проблемы, как фортификация и усовершенствование военной техники. У многих рождаются сомнения в благотворности изоляционизма. Первым, кто посмотрел на эту проблему в глобальном аспекте, был Хонда Госиаки (1744–1821). Хонда считал, что именно международная торговля принесла западным странам богатство. Япония тоже морская держава. Следовательно, она может включиться в эту торговлю и приобрести подобные богатства. Изоляционизм же, наоборот, ведет к обнищанию крестьян и ослаблению сил нации, к понижению продуктивности в сельском хозяйстве. Единственно, как отмечает Хонда, чем Япония в настоящее время отличается от западных стран, так это научной и технической отсталостью. Задача, таким образом, формулировалась сама собой — следовало эту отсталость преодолеть.

Одним из наиболее знаменитых противников официальной политики изоляционизма, проводившейся правительством сёгуна, был, несомненно, Ватанабэ Кандзая (1793–1841). Ватанабэ считал, что привычное деление мира на две части — цивилизованные страны Восточной Азии и «варвары» всего остального мира — уже изжило себя и может принести стране много вреда. Он не видел большого смысла тратить время в этот тревожный момент на изучение танского Китая и призвал соотечественников понять, что сила западных стран — в их научных знаниях. Сам Ватанабэ, будучи самураем высокого ранга и пользуясь известностью благодаря своим литературным и артистическим дарованиям, сделал решительный поворот в сторону «западных наук». Но в то время его позиция не получила поддержки со стороны властей. В 1839 г. Ватанабэ был предан суду и заключен в тюрьму, где и покончил жизнь самоубийством. Таким образом, даже самый благополучный, казалось бы, процесс модернизации был сопряжен с немалыми трудностями.

Разумеется, после революции Мэйдзи деятельность просветителей протекала в более благоприятных условиях и принесла свои плоды, превратив к концу столетия некогда отсталую страну в державу мирового уровня. Одним из тех, кто внес свой весомый вклад в эту трансформацию, был известный просветитель Фукудзава Юкити (1834–1901). В 1872 г. появилась одна из наиболее популярных его работ — «Гакумон-но сусумэ» («Призыв к знаниям»), что невольно заставляет вспомнить об упоминавшейся работе Чжан Чжидуна с аналогичным названием. Однако их содержание отличалось существенным образом. В своей книге Фукудзава Юкити проводил две главные мысли. Первая — все люди равны и наделены естественными, в том числе и политическими правами. Это же относится и к государствам. Вторая — для успешной реализации своих желаний человек должен приобрести необходимые ему практические знания. Расширенный вариант этой книги был распродан в Японии тиражом в 3 млн. 400 тыс. экземпляров. Как можно видеть, в XIX в. японская общественность без труда преодолела два важнейших барьера культурной трансформации: концепцию «цивилизация–варвары» и вытекавшую из нее позицию культурного превосходства над окружающим миром — барьеры, которые оказались непреодолимыми для китайского общества XIX столетия.

В заключение можно отметить, что успешный ход процесса не ограничился только трансформациями в общественном сознании, но привел и к осязаемым изменениям в формах и содержании различных видов художественного творчества. В литературе появился «политический роман» и новые формы поэзии. В живописи возникли попытки сочетания европейской и местной техники, которые, правда, не признаются удачными.

КОРЕЯ

О начале процесса культурной модернизации применительно к Корее можно говорить с момента заключения договоров с иностранными государствами в 1876 г. Именно с этого времени в обществе намечается дифференциация идеологических позиций, вызванная давлением извне. Как и все страны этого региона, Корея проводила по отношению к остальному внешнему миру политику стро-

жайшей изоляции. Эта изоляция была даже более строгой, чем в соседнем Китае. По своим идеологическим взглядам политически господствующая часть правящего класса относилась к ревностным конфуцианцам. Падение династии Мин и завоевание Китая маньчжурами превратили корейских сторонников «совершенно-мудрого» как бы в единственных подлинных хранителей его заветов, а Корею — в «малый Китай». Господствующей школой в корейском конфуцианстве было чжусианство, возведенное в догму и интерпретируемое как единственно истинное. Крупнейшие идеологи Ки Джонджин (1798–1876) и Ли Джинсан (1818–1885) особо настаивали на универсальном характере этой доктрины. Все, что находилось за пределами этой доктрины, интерпретировалось как ересь. Неудивительно, что на подобной почве возник известный правительственный лозунг — «*Виджон чхокса*» — «Защитим истину, изгоним ересь!».

Кроме ортодоксов, придерживавшихся строгого изоляционизма, среди образованного общества было и известное количество сторонников «самоусиления», поклонников передовых взглядов Вэй Юаня и Гун Цзычжэня. Но наибольший интерес в плане модернизации в это время, безусловно, представляет *кэхва ундо* («движение за реформы»). В идеологическом отношении это движение представляло собой синтез идейного наследия школы *сирхак* с влиянием западной культуры, в немалой степени через посредство Японии. Так, виднейший представитель этого движения Ким Оккюн (1851–1893) учился в школе Фукудзава Юкити, где познакомился с идеями «Общественного договора». Как известно, попытка сторонников *кэхва ундо* захватить власть окончилась полной неудачей. Правительство реформаторов просуществовало всего два дня и не успело ничего сделать для выполнения своей программы.

Следующая попытка модернизации страны относится уже ко времени китайско-японской войны и осложнена новой задачей — разрывом традиционных отношений зависимости с Китаем. Эти отношения были прекращены по Симоносекскому договору, что вызвало в Корее небывалый подъем. В этой обстановке возобновили свою деятельность сторонники «движения за реформы». Под их нажимом в 1894 г. была отменена система экзаменов и началась коренная реформа образования. Но наибольшую политическую активность проявляло общество «Тоннип хепхве» («Общество независимости»), созданное в Сеуле в 1896 г. Эта организация состояла уже из людей, получивших образование европейского типа, но настроены они были против расширения контактов с западными странами. Общество, завоевав значительную поддержку, попыталось навязать правительству свою программу реформ, но было разгромлено. Таким образом, можно сказать, что Корея встретила смену столетий под знаком ортодоксии и консерватизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Читатель этого тома мог заметить, что редакционная коллегия не стремилась ограничить авторов в праве на собственное понимание исторического процесса в изучаемых ими странах. Отсюда вытекает известное разнообразие авторских подходов к историческому материалу и его интерпретации, а также различия в употреблении (а по существу, в осмыслении) таких все еще принятых в отечественной литературе понятий, как феодализм, класс, сословие, подданный и т.п. Тем не менее проведенный разными авторами анализ материала по истории отдельных стран позволяет сделать некоторые общие заключения.

К началу XIX в. Восток (при всей неопределенности этого понятия) не только не представлял собой цивилизационное единство, но и не отличался социально-экономическим и политическим единообразием в пределах отдельных цивилизаций. Различные этнополитические образования, принадлежавшие к одной цивилизации, находились на разных стадиях политико- и социогенеза. Линии, разделявшие восточные общества по стадиям их эволюции, пересекали цивилизационные границы, об этом свидетельствует представленная в томе типология их государственного строя и социальной организации. Более того, внутри цивилизационных общностей существовали и этнополитические организмы, эволюционировавшие относительно динамично (вектор их исторического движения может быть сопоставлен с направлением движения европейских обществ), и социумы, развивавшиеся весьма вяло или вовсе застойные, почти не изменившие за много столетий свою социополитическую структуру, хотя и адаптировавшие культурные достижения соседних народов. Эти различия форм исторического движения коррелируют с природными условиями, в которых существовали разные общества, а также с наличием в их распоряжении естественно-природных ресурсов, доступных для освоения доиндустриальными методами производства.

Историческая эволюция Востока в XIX в. при всех драматических коллизиях характеризовалась очевидной динамикой, позволившей к началу XX в. сблизить уровни развития почти всех типов общества, подвергшихся трансформации. (Только незначительная часть потестарных и догосударственных образований, оставшихся на периферии исторического развития, вступила на путь преобразований в следующем столетии.) Сдвиг в исторических судьбах восточных социумов был следствием вовлечения их в мировой экономический рынок, а также результатом развития в них капиталистических отношений и процесса естественно-политической модернизации. Импульс к этим переменам исходил со стороны Запада — индустриальных обществ Европы и Америки. В странах политически независимых (а это были государства, согласно предложенной выше типологии, «феодално-бюрократические») реформирование осуществлялось по ини-

циативе собственной политической элиты, хотя нередко под давлением внешних импульсов, а в странах колониальных (в их числе оказалось большинство «патриархальных» и «потестарных» государств) оно проводилось колониальной администрацией в интересах укрепления установленного колониальными державами режима.

Модернизационным преобразованиям обычно предшествовали безуспешные попытки верхушки общества реформировать отдельные политические институты («исправить» положение дел) в логике собственной исторической эволюции, что свидетельствовало об осознании элитой наступившего кризиса общественного строя.

На первых порах этот кризис осмысливался верхами как неблагополучие, возникшее в результате отступления членов общества от традиционных норм поведения преимущественно под влиянием христианского мира, что породило изоляционизм и стремление к поиску традиционных же способов устранения подобного неблагополучия. Позже в общественном сознании восточных стран сложилось представление о том, что в процессе усвоения признанных полезными технических достижений Запада можно сохранить неизменными свои социально-политические и культурные традиции; на этом основывалась концепция «самоусиления». Возможно, поэтому в протесте против колониальной агрессии протонародье не столько крушило европейскую технику (подобно луддитам времени промышленного переворота в Англии), сколько преследовало носителей европейской культуры (пожалуй, ни одна страна Востока не избежала кровавых проявлений ксенофобии). И только со второй половины XIX в. перед общественным сознанием стала вырисовываться задача перевода европейских фундаментальных понятий на собственный язык и перенесения западных институтов на национальную почву, а также проблема определения допустимого усвоения западных достижений без утраты собственной культурной традиции.

В Европе процесс становления «современного» общества растянулся на ряд столетий (XVI–XVIII вв.) и происходил в разных странах разновременно и с различной глубиной. (Восточная Европа была в него втянута «вторым эшелон» только в XVIII в.) Восточные общества, вовлеченные на путь модернизации или ставшие на него самостоятельно, включились в нее «третьим эшелон» в разные десятилетия XIX в., осуществляли перестройку с разной интенсивностью и подверглись преобразованиям в различной степени. Тем не менее теперь их эволюция также совершалась в логике формирования капиталистического общества. Отчасти этот процесс отвечал внутренним потребностям, порожденным условиями функционирования мирового рынка, в орбиту которого были вовлечены почти все восточные социумы. Отчасти модернизационные процессы были результатом целенаправленной политики местных элит или колониальных держав. В общем, Восток встал на путь «догоняющего» развития.

Можно определить направления, в которых в восточных обществах реализовывался или только намечался процесс модернизации, иными словами, сконструировать модель модернизации восточных обществ в XIX — начале XX в.

Прежде всего, в рамках государства создавалась единое политико-экономическое пространство посредством фиксации внешних границ и создания единой системы территориально-административного устройства, предполагавшей лик-

видацию полусамостоятельных политических образований или правовое оформление их самоуправления, уничтожение внутренних таможенных границ и унификацию метрических систем. Сюда надо включить и порожденные финансовыми нуждами, но имевшие далеко идущие социальные последствия такие мероприятия, как: составление земельного кадастра; определение общего для всего земледельческого населения дифференцированного (по качеству земли и ее продуктивности) денежного налога с узаконенной единицы обрабатываемой земли; постепенное обложение земельным налогом привилегированных владений и введение (иногда впервые, как в Японии) налога с несельскохозяйственных занятий. Эти нововведения сопровождалось упорядочением государственной налоговой службы, отменой откупной системы в сборе налогов, общинной круговой поруки, а также утверждением индивидуальной ответственности владельца земельного надела за уплату налога. Все это благоприятствовало утверждению частной собственности на землю, которая в одних странах провозглашалась законом, а в других фактически признавалась на практике.

Трансформировались денежная и финансовая системы: национальные денежные единицы привязывались к валюте метрополии или допускалось свободное хождение иностранных денег, курс которых к местной валюте устанавливался рынком. На базе западного капитала получило распространение современное банковское и страховое дело при наделении самого крупного из иностранных банков функциями государственного банка. В некоторых странах дискутировался вопрос об основании национальных банков.

Созданию единого экономического пространства способствовало также развитие внутреннего рынка товаров и труда, рост миграционных потоков населения, возникновение современной транспортной системы (железнодорожного и пароходного сообщения), почтовой и телеграфной связи и, если учесть появление и быстрое распространение прессы, сложение общего информационного поля.

Одновременно происходила модернизация сферы управления — ее централизация и рационализация благодаря разделению законодательной, исполнительной и судебной властей, усилению светских начал при ограничении роли религиозных институтов, а также бюрократизации в буржуазном духе аппарата управления. Эти изменения вели к расширению функций государственной власти, структурированию органов управления, созданию института правительства, государственного бюджета и известному сокращению расходов дворцовых служб. Они сопровождалась ограничением единовластия верховного правителя — деспотическое правление эволюционировало в абсолютистскую, а затем в конституционную монархию. Вместе с этим происходила отмена властных полномочий крупных землевладельцев и лидеров традиционных корпораций в отношении подведомственного им населения. Однако традиционная и возникавшая предпринимательская элита теперь допускалась к власти на новых началах и под контролем государства в качестве членов учреждаемых представительных органов, взявших на себя также и большинство функций трудноконтролируемых сверху органов самоуправления. Перестройке подверглась организация армии: на базе введения всеобщей воинской повинности создавалась по европейскому образцу и с европейским вооружением постоянная армия с профессиональным офицерским корпусом.

Модернизация предусматривала основание современной судебно-следственной системы и правового законодательства. Реформам в области права часто предшествовало провозглашение равенства подданных перед законом. (Торжественно дав клятву следовать установлениям Танзимата, османский султан как бы продемонстрировал на практике действие нового принципа — всеобщее подчинение закону, а не произволу личности.) Затем обычно следовала серия законоположений, ликвидировавших бесконечное разнообразие норм религиозного, административного, обычного права и заменивших по крайней мере часть из них единичными государственными установлениями. Широко практиковалось заимствование европейских правовых кодексов. Благодаря всему этому в пределах государства возникало единое правовое поле, без которого было бы невозможно дальнейшее преобразование общества.

Реформированию подверглась и система образования. Изменились ее цели: новая школа готовила не традиционно образованных государственных мужей и служителей культа, а профессионалов в военном деле, управлении, хозяйствовании, преподавании, издательском деле. Изменился и предмет обучения: к гуманитарным знаниям прибавились естественно-научные и технические, в систему преподавания было включено обучение западноевропейским языкам. Светский метод преподавания предполагал освобождение мышления от догм и схоластики, внушение доверия к человеческому разуму. Новое образование породило просветительство и религиозное реформаторство, не говоря о новой литературе и современном театре, отсутствовавших в традиционной культуре, а также публицистике и журналистике.

Все эти процессы повлекли за собой серьезные социально-политические изменения. Дело заключалось не только в возникновении светской интеллигенции и еще относительно узкого слоя торговцев и предпринимателей, ориентированных на капиталистическое производство. (Впрочем, большинство из последних оставались тесно связанными с традиционными секторами экономики, а выходцы из этноконфессиональных меньшинств или торгово-ростовщических каст традиционно пользовались преимуществом персональной поддержки, связей, кредитов со стороны своих сообществ, разбросанных по всему миру.) Изменялся сам характер правящего слоя: наметилось превращение должностных лиц из едва ли не полновластных правителей в профессионалов-чиновников, подотчетных правительству. Их социальное положение все в большей степени начинало зависеть от размеров их частной собственности, а не от местоположения в должностной иерархии. Попутно быстрыми темпами развивалось крупное частное (помещичье) землевладение, владельцы которого приобщались к управлению через участие в представительных органах. (Можно сказать, что эти изменения положили начало превращению сословно-статусной и сословной организации общества в сословно-классовую.)

Под влиянием развития товарно-денежных отношений и государственных реформ происходило разложение общинно-корпоративной структуры, гарантировавшей до известной степени безопасность членов различных сообществ — ремесленных цехов, торговых гильдий, земледельческих общин, каст, конфессий, разного рода полупривилегированных групп — от посягательств властей. На складывавшемся едином государственном политико-экономическом пространст-

ве индивиды выступали уже не только или не столько как члены таких общностей, а в качестве подданных государства. В ряде стран даже особо декларировалось право подданных на безопасность их личности и имущества, обеспечиваемую государством.

Постепенно изменялись и общественно-политические представления: с укреплением светских институтов в общественном сознании отступал в тень образ правителя, наделенного сакральной силой, и уходила в прошлое персонификация государства в его лице; идея служения монарху сменялась принципом служения государству и обществу. Появилась потребность в поиске новой формы общественной идентификации, что отразилось в неустанных призывах просветителей к всеобщему единению в рамках отечества. Чувство корпоративной солидарности стало дополняться и даже вытесняться государственным патриотизмом и национальной самоидентификацией. Поскольку в традиционных обществах представление об этнической идентичности было слабым и, как правило, заменялось сознанием принадлежности к религиозной общине, а в XIX в. мощным консолидирующим началом стало противостояние западному миру, то в многоэтничных государствах Востока национальная самоидентификация возникала в форме надэтнического государственного национализма (османского, бирманского, индийского, индонезийского и т.п.).

Этот процесс не исключал постепенного пробуждения и этнической самоидентификации под влиянием распространения светского образования, книгопечатания и прессы на родном языке. В этом отношении большую роль играла пропаганда просветителей, которые выстраивали образ этнической общности, апеллируя к культурному наследию и исторической памяти своего народа. Немалое значение в актуализации этого наследия имели исследования европейских востоковедов. На политической сцене национализм этнический проявлялся по мере обнаружения в полиэтничном обществе межнациональных противоречий, однако в общем противостоянии колониализму эти противоречия до поры до времени отступали на задний план.

Социально-политические и социопсихологические изменения восточного общества вызвали к жизни и новые формы общественно-политического поведения. На политической сцене начал утверждаться социальный слой, чье положение было связано с успехами модернизации и представители которого руководствовались уже не только корпоративными интересами, но претендовали на выражение интересов общенародных (в их взглядах, как правило, появлялись и социальные мотивы, возможно, генетически связанные с традиционным патернализмом). Они разделяли многие политические ценности европейского общества, их идеалами стали конституционная монархия и парламентаризм. Будучи в оппозиции к господствующему режиму, они аккумулировали недовольство, накапливавшееся в обществе, находящемся на переломе, и стремились, в чем отчасти и преуспели, повести за собой некоторые слои населения. Им принадлежала инициатива создания новых форм общественных объединений — прообразов будущих партий, которым в ряде стран предшествовали масонские ложи. Они были организаторами современных общественно-политических выступлений — демонстраций, бойкотов, стачек, митингов. Идейными и организационными центрами оппозиционных движений на первых порах были литературно-полити-

ческие салоны и пресса. Определенную роль в становлении политической оппозиции сыграли и европейские центры политической эмиграции с Востока, поддерживаемые леворадикальными и либеральными, антиколониально настроенными кругами европейского общества.

В результате к концу XIX в. на смену привычным смутам и стихийным народным выступлениям и войнам, отмеченным подчас печатью религиозно-реформаторских и утопических учений, приходят революционные перевороты, преследующие цель изменить общественно-политический строй.

Однако описанная модель модернизационных преобразований нигде не реализовалась полностью. В новое время эти преобразования лишь поверхностно коснулись восточных обществ, более серьезно затронув только Японию. В сущности, они нигде не смогли кардинально трансформировать традиционные основы общественного строя. Выполняя задачи «догоняющего» развития, модернизация сочеталась с процессами адаптации к новым условиям и заимствованием институтов, отвечающих насущным в данный момент потребностям, отчего нарушалась историческая последовательность преобразований. В частности, на первый план выступали политические реформы, повлекшие за собой в начале XX в. быструю политизацию масс.

Кроме того, обществам Востока для трансформации было отпущено слишком мало времени. Конечно, общий темп мирового развития в этот период ускорился, страны «третьего эшелона» капиталистической трансформации имели возможность воспользоваться наработанными на Западе техническими и культурными достижениями, созданной колониальными державами финансовой и транспортной инфраструктурой, мировым рынком для своего сельскохозяйственного сырья.

Однако в отличие, например, от Восточной Европы страны Востока начали вставать на путь преобразования своего общественного строя в менее благоприятных для себя условиях: тогда как в Европе уже завершался промышленный переворот, восточное ремесленное и мануфактурное производство, несмотря на дешевизну рабочей силы и собственные рынки дешевого сырья, не могло конкурировать с фабричной промышленностью. Но и возникавшие там фабрики не укоренялись из-за отсутствия необходимой социально-экономической инфраструктуры (профессиональных кадров, внутреннего рынка, транспортных средств и т.п.).

Государственная политика европейских держав строилась в большой степени в интересах внутреннего промышленного развития и внешней экономической экспансии, тогда как экономическая политика восточных правительств подчас основывалась на иных приоритетах. Западный капитал, вложенный в банковскую и транспортную системы на Востоке, работал в интересах прежде всего своей экономики. Модернизация управления, армии, образования и промышленности требовала финансовых средств. Между тем источники поступления этих средств в восточной традиционной системе производства и распределения еще не сложились ни материально, ни психологически (в частности, сохранялись высокие расходы на престижные цели). Это стало одной из причин финансового закабаления восточных обществ.

Трансформация общества на Востоке привела к возникновению экономических, социальных и политических институтов, соединявших традиционные феодальные черты с буржуазными, что замедляло его развитие.

Характерно, что даже в середине XX столетия один из основателей Прогрессивной социалистической партии (ПСП) Ливана Камаль Джумблат, сочетавший в себе качества политика нового типа с чертами традиционного вождя друзской общины, признавал, что самым большим пороком восточного общества остается устремление в прошлое, невозможность преодолеть «свою привязанность к былым временам», в частности отказаться от корпоративных и родственных связей во имя интересов отчизны¹.

Следствием замедленной трансформации стал нарастающий разрыв в темпах экономического роста между развитыми европейскими государствами и странами Востока. Об этом свидетельствуют произведенные А.Мэдисоном подсчеты изменений среднегодового объема ВВП в расчете на душу населения, произошедшие в течение столетия². Согласно этим подсчетам, в 1820 г. среднегодовой доход на душу населения составлял в Англии — 1707 долл., в США — 1257, в Японии — 669, Китае — 600, Индонезии — 612, Индии — 533 долл.

В 1870 г. этот показатель для Англии увеличился почти вдвое (3191), для США также почти удвоился (2445), для Японии поднялся лишь на 10% (737), для Китая снизился (в результате Тайпинского восстания) до 533, для Индонезии вырос всего на 6,8% (654), для Индии (вследствие Сипайского восстания) остался на прежнем уровне.

Наконец, в 1913 г. среднегодовой доход на душу населения достиг в Англии 4921 долл., в США — 5301, в Японии почти удвоился (88,2%), поднявшись до 1387, в Китае увеличился только на 3,5% (552), в Индонезии повысился на 38,2% (904), в Индии — примерно на одну четверть (673 долл.).

Таким образом, если в начале XIX в. доходы населения Англии превышали доходы в Японии в 2,5 раза, Китая — в 2,8 раза, Индонезии — в 2,78, Индии — в 3,2 раза, то через столетие они стали больше, чем в Японии, в 3,5 раза, чем в Китае — почти в 9 раз, чем в Индонезии — почти в 5 раз, чем в Индии — в 7,3 раза, притом что США уже обогнали по этому показателю Англию.

В чем же лежат истоки инертности Востока? Эта проблема давно обсуждается в мировой и отечественной науке, и тем не менее востоковеды еще мало приблизились к ее решению, если вообще на этот вопрос существует убедительный ответ.

То, что именно в период, рассматриваемый в данном томе, европейские страны вырвались вперед и получили возможность эксплуатировать свои колониальные владения и полуколониальные страны, не подлежит сомнению. Индустриальные страны при помощи торговой экспансии выкачивали из неевропейского мира примерно 2% его ВВП. Однако это обстоятельство, как бы оно ни было весомо, не исчерпывает трудности, которые испытывали страны Востока в своем экономическом и социальном развитии. Включение в мировой рынок открывало перед предпринимательскими кругами Азии новые возможности, которыми не все из них сумели воспользоваться.

Судьбы различных стран Востока в последние десятилетия наводят на мысль о том, что продуктивнее направить поиск ответа на этот «проклятый» вопрос

¹ См.: Тимофеев И. Камаль Джумблат. М., 2003, с. 123 и сл.

² Maddison A. The World Economy. A Millennial Perspective. OESD. Paris, 2001, p. 185, 512.

в сторону изучения стечения обстоятельств, конкретных условий и форм исторической эволюции отдельных обществ. Опыт Японии отчасти в этом убеждает.

По существу, исследователи-востоковеды не констатируют принципиальных отличий Японии от остальных восточных стран, средневековый общественный строй которых отечественные историки характеризуют как восточнофеодальный. Опережение Японией других стран Востока в социально-экономическом развитии к началу XIX в. не было значительным. Можно, разве что, говорить о сложении в этой островной стране мануфактурного уклада, тогда как в остальных развитых странах Востока отмечаются лишь спорадические зачатки мануфактурного производства.

Известные преимущества социально-экономическому развитию Японии создали: ранняя фиксация размеров денежного поземельного налога, которая благодаря медленным инфляционным процессам облегчила налоговый гнет в деревне; традиционный отказ от налоговых обложений неземледельческих занятий; перемещение ремесленного и мануфактурного производства из города в сельские районы, позволявшее избежать государственных регламентаций; уменьшение избыточного городского населения. Особую роль сыграли запреты на профессиональную деятельность в сфере промышленности и торговли для правящего слоя и относительная его закрытость, благоприятствовавшая сохранению накоплений от торгово-ремесленной деятельности в сфере производства. В тех обществах, где правящий слой был более открыт и отсутствовали аналогичные запреты на профессиональную деятельность, как это было в мусульманском обществе Ближнего Востока, богатое купечество непроизводительно тратило значительную долю торгового капитала, предпочитая вкладывать средства в феодальные формы землевладения и в покупку государственных должностей.

По-видимому, эти специфические особенности японского общества благоприятствовали экономической устойчивости (это общество переживало периоды стагнации, но не катастрофические кризисы), способствовали консолидации в третьем сословии (узаконенное с началом «Реставрации Мэйдзи») населения, занятого в земледелии, промышленном производстве и торговле, что, в свою очередь, породило более четко выраженный социальный характер народного движения. Сочетание этих особенностей отчасти было присуще также более динамично развивавшемуся ливанскому обществу, однако из-за этноконфессиональной раздробленности Ливан в середине XIX в. был ввергнут в катаклизмы межрелигиозных столкновений. В гомогенном в этническом и религиозном отношениях японском обществе социальные движения скорее способствовали ускоренной модернизации и, оказывая свое влияние на политическую атмосферу, вели к сложению в политической элите более благоприятного для трансформации общества баланса политических сил, не говоря уже о том, насколько уникальной и способствующей развитию Японии была внутривнутриполитическая ситуация, завершившаяся реставрацией императорской власти.

Японоведы отмечают одну из особенностей социопсихологического настроения японцев — их способность к заимствованию чужих культурных достижений без отказа от своего наследия. Возможно, отчасти благодаря этой черте в японском обществе не возникло столь драматического противостояния «западников» и

традиционалистов, которое затрудняло движение по пути модернизации большинства восточных стран.

Однако и Япония пережила подлинную глубокую модернизацию только в XX столетии. Большинство же стран Востока вступило в новейшее время, находясь на начальной стадии перехода к буржуазным отношениям, которая характеризовалась возникновением сложного и устойчивого синтеза традиционных и буржуазных черт общественного строя.

ОБЩИЕ РАБОТЫ

- Агаев С.Л.* Революция сверху: генезис и пути развития. — Вопросы философии. 1976, № 11.
- Васильев Л.С.* История Востока. Т. 2. М., 1994.
- Васильев Л.С.* История религий Востока: религиозно-культурные традиции и общество. М., 1983; М., 1988.
- Века неравной борьбы. М., 1967.
- Восток в новое время. Экономика, государственный строй. М., 1991.
- Всемирная история и Восток. Сборник статей. М., 1989.
- Глобализация и поиски национальной идентичности в странах Востока. Учебное пособие. М.: МГИМО, 1999.
- Глуценко Е.А.* Строители империй. Портреты колониальных деятелей. М., 2000.
- Гуревич Н.М.* Товарно-денежные отношения и сельское хозяйство стран Азии в колониальную эпоху. М., 1998.
- Зарубежный Восток: вопросы экономической истории. М., 1988.
- Историография стран Востока (проблемы нового времени). М.: МГУ, 1978.
- Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока. М., 1986.
- Константинов Н.А.* Школьная политика в колониальных странах (XIX–XX вв.). М., 1948.
- Левин З.И.* Развитие общественной мысли на Востоке. Колониальный период XIX–XX вв. М., 1993.
- Ленин В.И.* Горючий материал в мировой политике. — Полное собрание сочинений. Т. 17.
- Ленин В.И.* Пробуждение Азии. — Полное собрание сочинений. Т. 23.
- Маркс К.* Британское владычество в Индии. — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 9.
- Маркс К.* Будущие результаты британского владычества в Индии. — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 9.
- Новая история стран Азии (вторая половина XIX — начало XX в.). Учебное пособие для самостоятельной работы студентов вузов. Под ред. В.И.Овсянникова. М., 1995.
- Новая история стран Азии и Африки: исследование и преподавание (в связи с третьим изданием учебника для вузов). — Народы Азии и Африки. 1985, № 1.
- О генезисе капитализма в странах Востока (XV–XIX вв.). М., 1962.
- Обсуждение работ В.И. Павлова «К стадийно-формационной характеристике восточных обществ в новое время». — Народы Азии и Африки. 1982, № 1.
- Павлов В.И.* К стадийно-формационной характеристике восточных обществ в новое время. — *Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И.* Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979.
- Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб., 1996.
- Степанянц М.Т.* Мусульманские концепции в философии и политике (XIX–XX вв.). М., 1982.
- Хрестоматия по новой истории. Т. 1. М., 1963; т. 2. М., 1965.
- Широков Г.К.* Промышленная революция в странах Востока. М., 1981.
- Широков Г.К.* Колонии и зависимые страны: проблемы исторического различия. — Народы Азии и Африки. 1983, № 5.
- Широков Г.К.* Метрополии и колониально-зависимые страны: проблемы эксплуатации. — Всемирная история и Восток. Сборник статей. М., 1989, с. 40–50.
- Широков Г.К.* Развивающиеся страны в мировом капиталистическом хозяйстве. М., 1987.
- Широков Г.К.* Колониальная система. — Восток. 1995, № 6.

Эволюция восточных обществ. Синтез традиционного и современного. М., 1984.
Kumar, Dharmā. Colonialism, Property and the State. Delhi: Oxford University Press, 1998.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА ПО СТРАНАМ И РЕГИОНАМ

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК В ЦЕЛОМ

Ислам: религия, общество, государство. М., 1984.
Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.
Степаняц М.Т. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока (XIX–XX вв.). М., 1974.
Штейнберг Е.Л. История британской агрессии на Среднем Востоке. М., 1951.
Rawlinson H. England and Russia in the East. L., 1875.

Османская империя

Алиев Г.З. Турция в период правления младотурок (1908–1918 гг.). М., 1972.
Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М., 1983.
Дулина Н.А. Османская империя в международных отношениях (30–40-е годы XIX в.). М., 1980.
Дулина Н.А. Танзимат и Мустафа Решид-паша. М., 1984.
Еремеев Д.Е., Мейер М.С. История Турции в средние века и новое время. М., 1992.
Желтяков А.Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1727–1908). М., 1972.
Маштакова Е.И. Турецкая литература конца XVII — начала XIX в.: К типологии переходного периода. М., 1984.
Миллер А.Ф. Мустафа-паша Байрактар. М.–Л., 1947.
Новичев А.Д. История Турции. Новое время. Ч. 1 (1792–1839). Л.: ЛГУ, 1968; ч. 2 (1839–1853). Л.: ЛГУ, 1973; ч. 3 (1853–1875). Л.: ЛГУ, 1978.
Османская империя: Государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990.
Петросян Ю.А. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М., 1958.
Петросян Ю.А. Младотурецкое движение (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1972.
Тодорова М.Н. Англия, Россия и Танзимат (вторая четверть XIX в.). М., 1983.
Фадеева И.Л. Мидхат-паша. Жизнь и деятельность. М., 1977.
Фадеева И.Л. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм-панисламизм): XIX — начало XX века. М., 1985.
Шпилькова В.И. Младотурецкая революция (1908–1909). М., 1977.
Shaw St., Shaw E.K. History of Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. I. Cambridge, 1977.

Арабские страны

Источники

Адамов А. Ирак Арабский. Бассорский вилайэт в его прошлом и настоящем. СПб., 1912.
Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. М., 1962.
ал-Джабарти Абд ар-Рахман. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801). Пер., предисл. и примеч. И.М.Фильштинского. М., 1962.
ал-Джабарти Абд ар-Рахман. Египет под властью Мухаммада Али (1806–1821). Пер., предисл. и примеч. Х.И.Кильберг. М., 1963.

- аль-Кавакиби Абд ар-Рахман. Природа деспотизма и гибельность порабощения. Пер. с араб. и исслед. З.И.Левина. М., 1964.
- Рунгин А. Современная Сирия и Палестина. Пер. с нем. Пг., 1919.
- Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обозрках первой половины XIX века. М., 1991.
- аш-Шидийак Таннус. Китаб ахбар аль-айан фи Джабаль Любнан. Бейрут. 1859 (на араб. яз.). [Badia y Leblich D.] Voyages d'Ali-Bey el-Abbassi en Afrique et en Asie pendant les années 1803, 1804 et 1807. Т. 1–3. Р., 1814.

Литература

- Ацамба Ф.М., Кириллина С.А. Религия и власть: ислам в Османском Египте (XVIII — первая четверть XIX в.). М., 1996.
- Бондаревский Г.Л. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX — начало XX в.). М., 1968.
- Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745–1973). М., 1982.
- Государственная власть и общественно-политические структуры в арабских странах: история и современность. М., 1984.
- Дьяков Н.Н. Младоалжирцы и антиколониальная борьба в Алжире на рубеже XIX–XX вв. М., 1985.
- Дятлов В.И. Предпринимательские меньшинства: торгаши, чужаки или посланные Богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки. М., 1998.
- Жантиев Д.Р. Традиция и модернизация на Арабском Востоке: реформы в сирийских провинциях Османской империи (конец XVIII — начало XX века). М., 1998.
- Зеленев Е.И. Государственное управление, судебная система и армия в Египте и Сирии (XVI — начало XX века). СПб., 2003.
- Кириллина С.А. Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1989.
- Кошелев В.С. Египет: от Ораби-паши до Саада Заглула: 1879–1924. М., 1992.
- Кобищанов Т.Ю. Христианские общины в арабо-османском мире (XVII — первая треть XIX в.). М., 2003.
- Котлов Л.Н. Становление национально-освободительного движения на Арабском Востоке (середина XIX в. — 1908 г.). М., 1975.
- Котлов Л.Н. Становление национально-освободительного движения в арабских странах Азии: 1908–1914. М., 1986.
- Крымский А.Е. История новой арабской литературы. XIX — начало XX века. М., 1971.
- Ланда Р.Г. Борьба алжирского народа против европейской колонизации (1830–1918). М., 1976.
- Левин З.И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте (новое время). М., 1972.
- Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. М., 1965.
- Орлов В.В. Традиционная социальная организация алауитского Марокко (середина XVIII — начало XIX века). М., 1998.
- Першиц А.И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. М., 1961.
- Прошин Н.И. История Ливии в новое время (середина XVI — начало XX в.). М., 1991.
- Рафик Абд ал-Карийм. Ал-араб ва-л-усманийун. Димашк: 1974 (на араб. яз.).
- Родионов М.А. Этнография Западного Хадрамаута. Общее и локальное в этнической культуре. М., 1994.
- Ротштейн Ф.А. Захват и закабаление Египта. М., 1959.

- Сейранян Б.Г.* Эволюция социальной структуры стран Арабского Востока. Земельная аристократия в XIX в. — 60-е годы XX в. М., 1991.
- Смирнов С.Р.* История Судана (1821–1956). М., 1968.
- Смилянская И.М.* Крестьянское движение в Ливане в первой половине XIX в. М., 1965.
- Фридман Л.А.* Капиталистическое развитие Египта (1882–1939). М., 1963.
- Хмелева Н.Г.* Государство Абд аль-Кадира Алжирского. М., 1973.
- Abu-Nakima Fahmad Mustafa.* The Modern History of Kuwait 1750–1965. L., 1983.
- The Beginnings of Modernization in the Middle East: The Nineteenth Century.* Ed. by W.R.Polk, R.L.Chambers. Chicago, 1968.
- The Economic History of the Middle East 1800–1914: A Book of Readings.* Ed. by Issawi Ch. Chicago, 1966.
- Horwood D.* The Russian Presence in Syria and Palestine 1843–1914. Church and Politics in the Near East. Oxf., 1969.
- Hourani A.* Arabic Thought in the Liberal Age, 1789–1939. L.–N. Y., 1970.
- Hourani A.* A History of the Arab Peoples. Cambridge, Mass., 1991.
- Issawi Ch.* The Fertile Crescent, 1800–1914. N. Y.–Oxf., 1988.
- Longrigg S.H.* Four Centuries of Modern Iraq. Oxf., 1925.
- Ma'oz M.* Ottoman Reform in Syria and Palestine 1840–1861. The Impact of the Tanzimat on Politics and Society. Oxf., 1968.
- Marsot A.L.* Egypt in the Reign of Muhammad Ali. Cambridge–L.–N. Y., 1984.
- Ochsenwald W.* Religion, Society and the State in Arabia: The Hijaz under Ottoman Control, 1840–1908. Ohio, 1984.
- Owen R.* The Middle East in the World Economy. L., 1981.
- Palestine in the Late Ottoman Period. Political, Social and Economic Transformation.* Ed. by David Kushner. Jerusalem–Leiden, 1986.
- Wilkinson John C.* The Imamate Tradition of Oman. L.–N. Y., 1987.

Иран

- Агаев С.Л.* Иран в прошлом и настоящем: пути и формы революционного процесса. М., 1981.
- Ананьич Б.В.* Российское самодержавие и вывоз капитала. 1895–1914 гг. Л., 1975.
- Белова Н.К., Никитина В.Б.* Иран. Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX — начало XX в.). М., 1973.
- Бушев П.П.* Герат и англо-иранская война. М., 1959.
- Годс М. Реза.* Иран в XX веке. Политическая история. М., 1994.
- Дорошенко Е. А.* Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 гг. и 1978–1979 гг. М., 1998.
- Жигалина О.И.* Великобритания на Среднем Востоке. XIX — начало XX в. Анализ внешнеполитических концепций. М., 1990.
- Иванов М.С.* Иранская революция 1905–1911 гг. М., 1957.
- Иванов М.С.* Антифеодальные восстания в Иране в середине XIX в. М., 1982.
- Иоаннесян А.Р.* Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX в. Ереван, 1958.
- [*Косоговский В.А.*] Из тегеранского дневника полковника В.А.Косоговского. М., 1961.
- Кузнецова Н.А.* Иран в первой половине XIX века. М., 1983.
- Кулагина Л.М.* Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX — начале XX в. М., 1981.
- Очерки новой истории Ирана (XIX — начало XX в.).* М., 1978.
- Сеидов Р.А.* Иранская буржуазия в конце XIX — начале XX в. М., 1974.
- Тигранов Л.Ф.* Из общественно-экономических отношений в Персии. Тифлис, 1905.
- Томара М.Л.* Экономическое положение Персии. СПб., 1895.

- Туманович Н.Н. Европейские державы в Персидском заливе в XVI–XIX вв. М., 1982.
- Afary J. The Iranian Constitutional Revolution, 1906–1911. Grassroots Democracy, Social Democracy and the Origins of Feminism. N. Y., 1996.
- Browne E. G. The Persian Revolution of 1905–1909. L., 1966.
- Curzon G. Persia and Persian Question. L., 1892.
- The Economic History of Iran, 1800–1914. Ed. by Ch. Issawi. Chicago–L., 1971.
- Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia, 1864–1914. A Study in Imperialism. New Heaven, 1968.
- Keddie N.R. Religion and Rebellion in Iran. The Tobacco Protest of 1891–1892. L., 1966.
- Lambton A.K.S. The Persian Ulama — Le Shi'isme imamite. P., 1970.
- Сафаи И. Аснад-е сияси-йе доуран-е каджарийе. Техран, 1967 (на перс. яз.).

КАВКАЗ

- Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. М., 1988.
- Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа. Обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права в Нагорном Дагестане. М., 2002.
- Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. В 2 ч. М., 1823.
- Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1967.
- Ибрагимбейли Х.-М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М., 1971.
- История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). Под ред. Б.Б.Пиотровского. М., 1988.
- Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII — первой половине XIX в. Нальчик, 1994.
- Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVII в. — 80-е годы XIX в. М., 1984.
- Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. В 2 т. М., 1890.
- Петрушевский И.П. Джаро-белоканские вольные общества в первой трети XIX столетия. Тифлис, 1934 (репринт: Махачкала, 1993).
- Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.
- Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе. Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988.
- Россия и Кавказ сквозь два столетия. Сборник статей. Сост. Г.Г.Лисицина, Я.А.Гордин. СПб., 2001.
- Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М., 1958.
- Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963.
- Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1999.
- Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960.
- Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.
- Caucasia Between the Ottoman Empire and Iran, 1555–1914. Hrsg. von R. Motika und M. Ursinus. Wiesbaden, 2000.
- Gammer M. Muslim Resistance to the Tsar. Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. L., 1994.
- Jersild A.L. Orientalism and Empire: North Caucasus Muslim Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917. Montreal, 2002.
- Layton S. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoi. Cambridge, 1994.
- North Caucasus Barrier. The Russian Advance Toward the Muslim World. Ed. by M. Bennigsen Broxup. L., 1992.

Zelkina A. In Quest for God and Freedom. The Sufi Response to the Russian Advance in the North Caucasus. L., 2000.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.

Блиев М.М., Дегоев В.В., Киняпина Н.С. Современная буржуазная историография политики России на Кавказе и в Средней Азии. — Вопросы истории. 1988, № 4.

Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана. Барнаул, 2003.

Ерофеева И.В. Хан Абдулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы, 1999.

Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI–XIX вв.). М., 1958.

История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Алматы, 1993.

Корнеев В.В. Управление Туркестанским краем: реальность и «правовые мечтания» (60-е годы XIX в. — февраль 1917 г.). — Вопросы истории. 2001, № 7.

Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 г. СПб., 1868.

Ташкент. Энциклопедия. Ташкент, 1984.

Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М., 1965.

Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974.

Афганистан

Автобиография Абдурахман-хана, эмира Афганистана. Изд. Султаном Магомед-ханом, пер. с англ. М.Грулева. В 2 т. СПб., 1901.

Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885. Ч. 2. СПб., 1886.

Афганистан: история, экономика, культура. М., 1989.

«Большая игра» в Центральной Азии: «индийский поход» русской армии. Сборник архивных документов. М.: ИВ РАН, 2005.

Гамильтон А. Афганистан. СПб., 1908.

История Афганистана с древнейших времен до наших дней. М., 1982.

Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. Т. II. М., 1965.

Мир Гулам Мухаммад Губар. Афганистан на пути истории. Пер. с дар, вводная ст. и коммент. М. Давлятова. М., 1987.

Назаров Х.Н. Народные и просветительско-антифеодалные движения в Афганистане (конец XIX — начало XX в.). Душанбе, 1976.

Рейснер И.М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954.

Риштия К.С. Афганистан в XIX в. (пер. с дар). М., 1958.

Ромодин В.А. Очерки по истории и истории культуры Афганистана. М., 1983.

Ромодин В.А. Афганистан во второй половине XIX — начале XX века. М., 1990.

Россия и Афганистан. М., 1989.

Страницы истории и историографии Индии и Афганистана. К столетию со дня рождения И.М.Рейснера. М., 2000.

Темирханов Л. Хазарейцы. М., 1972.

Темирханов Л. Восточные пуштуны. М., 1987.

Фаиз Мухаммад. Сирадж ат-таварих. В 3 т. Кабул, 1331–1333 г.х. (1912/13 — 1914/15) (на яз. дар). М., 1980.

Шохуморов С. «Ахкам-и хузур» как источник по истории Афганистана начала XX века. М., 1980.

Яворский И.Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878–1879 гг. Т. 2. СПб., 1883.

Kakar M.H. Afghanistan. A Study in International Political Development 1880–1896. Lahore, 1971.

Индия

- Алаев Л.Б.* Социальная структура индийской деревни (территория Уттар-Прадеша, XIX век). М., 1976.
- Алаев Л.Б.* Индийские идентичности в условиях модернизации. — Глобализация и поиски национальной идентичности в странах Востока. Учебное пособие. М.: МГИМО, 1999.
- Алаев Л., Тихонов Ю.* Ваххабиты в Британской Индии. — Азия и Африка сегодня. 2001, № 3.
- Антонова К.А.* Английское завоевание Индии в XVIII веке. М., 1958.
- Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г.* История Индии. Краткий очерк. М., 1973; в 2 кн. М., 1979.
- Гопалакришнан П.К.* Развитие экономической мысли в Индии. М., 1965.
- Гордон-Полонская Л.Р.* Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана. М., 1963.
- Комаров Э.Н.* Содержание и основные формы эволюции аграрных отношений в Индии в конце XVIII — XIX в. — Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока. М., 1972.
- Костюченко В.С.* Вивекананда. М., 1977.
- Кочнев В.И.* Государство сикхов и Англия. М., 1968.
- Мезенцева О.В.* Мир ведийских истин. Жизнь и учение Свами Даянанды. М., 1994.
- Народное восстание в Индии 1857–1859 гг. М., 1957.
- Национально-освободительное движение в Индии и деятельность Б.Г.Тилака. М., 1958.
- Новая история Индии. М., 1956.
- Орестов О.* Ворота Индии. М., 1975.
- Осипов А.М.* Великое восстание в Индии 1857–1859 гг. М., 1957.
- Павлов В.И.* Социально-экономическая структура промышленности Индии. М., 1973.
- Райков А.В.* Пробуждение Индии. М., 1968.
- Райков А.В.* Национально-революционные организации Индии в борьбе за свободу. 1905–1930 гг. М., 1979.
- Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М., 1997.
- Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. Сборник архивных документов и материалов. М., 1999.
- Рыбаков Р.Б.* Буржуазная реформация индуизма. М., 1981.
- Хашимов И.М., Кутина М.М.* Деятельность Индийского национального конгресса и региональных общественных организаций Индии (конец XIX — начало XX в.). Ташкент, 1988.
- Шастико П.М.* Нана Сахиб. Рассказ о народном восстании 1857–1859 гг. в Индии. М., 1967.
- British Paramountcy and Indian Renaissance. Pt I. The History and Culture of the Indian People, vol. IX. Bombay, 1988.
- British Paramountcy and Indian Renaissance. Pt II. The History and Culture of the Indian People, vol. X. Bombay, 1981.
- The Cambridge Economic History of India. Vol. 2, c. 1757 — c. 1970. Cambridge, 1983.
- The Cambridge History of India. Vol. 5. British India. 1497–1858. Ed. by H.N.Dodwell. Cambridge: 1932. Reprint New Delhi, [1956].
- The Cambridge History of India. Vol. 6. The Indian Empire. 1858–1918. With chapters on the development of Administration 1818–1858. Ed. by H.N.Dodwell. Cambridge, 1937. Reprint New Delhi, [1957].

Непал

- Иванов Б.А., Лунев С.И.* Непал. — Политическая история государств Азии и Северной Африки. XX век, т. 1. М., 1996.
- Редько И.Б.* Политическая история Непала. М., 1986.

- Kirkpatrick W.* An Account of the Kingdom of Nepal. L., 1811.
Regmi D.R. Modern Nepal. Vol. I–III. Calcutta, 1975.
Shaha Rishikesh. Modern Nepal. A Political History 1769–1955. Vol. I–II. Maryland — New Delhi, 1990.

Цейлон (Шри Ланка)

Источники

- Минаев И.П.* Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского. СПб., 1878.
 The Colebrooke-Cameron Papers. Documents on British Colonial Policy in Ceylon. 1796–1833.
 Ed. by G.C.Mendis. V. 1–2. L., 1956.
Dharmapala, Anagarika. Return to Righteousness: A Collection of Speeches, Essays and Letters of the Anagarika Dharmapala. Ed. by A.Guruge. Colombo, 1965.

Литература

- Иванов Л.Г.* Очерки экономической истории Шри Ланки (XVI — начало XX в.). М., 1978.
Кочнев В.И. Шри Ланка. Этническая история и социально-экономические отношения до начала XX в. М., 1976.
Краснодембская Н.Г. Традиционное мировоззрение сингалов. М., 1982.
 Республика Шри Ланка: история и современность. М., 1977.
Сафронова А.Л. Буддийская сангха Шри Ланки (конец XVIII — начало XX в.). М., 1993.
Талмуд Э.Д. История Цейлона. 1795–1965. М., 1973.
Талмуд Э.Д. Общественно-политическая мысль Шри Ланки в новое время. М., 1982.
 History of Ceylon. V. III. From the Beginning of the 19th Century to 1948. Peradeniya, 1973.
Malalgoda K. Buddhism in Sinhalese Society. 1750–1900. A Study of Religious Revival and Change. Berkeley, 1976.
Mills L.A. Ceylon Under British Rule. 1795–1932. L., 1964.
Perera L.H. Ceylon Under Western Rule. Madras, 1959.
de Silva C.R. Ceylon Under the British Occupation. 1795–1833. V. 1–2. Colombo, 1953.
de Silva K.M. A History of Sri Lanka. L., 1981.
 Tradition and Change in Theravada Buddhism. Essays on Ceylon and Thailand in the 19th and 20th Centuries. Ed. by B.L. Smith. Leiden, 1973.
Wijesekera B.S. A Colonial Administrative System in Transition: The Experience of Sri Lanka. Colombo, 1988.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ В ЦЕЛОМ

- Козлова М.Г.* Россия и Юго-Восточная Азия. М., 1986.
Мосяков Д.В., Тюрин В.А. История Юго-Восточной Азии. В 2 ч. М., 2001–2003.
 Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии (60-е годы XVIII в. — 60-е годы XIX в.).
 Документы и материалы. М., 1962.
 Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии (1871–1917). Документы и материалы. В 2 ч. М., 1965–1967.
Холл Д.Дж. История Юго-Восточной Азии. М., 1958.
 Юго-Восточная Азия в мировой истории. М., 1977.
 The Cambridge History of Southeast Asia. Cambridge, 1999.
 The World of Asia. Southeast Asia 1800 to 1941. 2nd ed. Illinois, 1995.

Бирма (Мьянма)

- Васильев В. Ф.* Очерки истории Бирмы. 1885–1947. М., 1962.
Можейко И. В., Узянов А. Н. История Бирмы. М., 1973.
Козлова М. Г. Бирма накануне английского завоевания. Общественный и государственный строй. М., 1962.
Козлова М. Г. Английское завоевание Бирмы. М., 1972.
Козлова М. Г. Реформаторская политика в Бирме в XIX в. — Восток в новое время. Экономика, государственный строй. М., 1991.
Cady J. F. A History of Modern Burma. N. Y., 1958.
Furnivall J. S. An Introduction to the Political Economy of Burma. Rangoon, 1957.
Lieberman, Victor B. Burmese Administrative Cycles. Anarchy and Conquest. 1580–1760. Princeton, 1984.
Myint Ni Ni. Burma's Struggle against British Imperialism. 1885–1895. Rangoon, 1983.
Taylor R. H. The State in Burma. L., 1987.
Trager, Frank N. Burmese sit-tans. Record of Rural Life and Administration. Tucson, 1979.
Woodman D. The Making of Modern Burma. L., 1962.

Камбоджа

- Дементьев Ю. П.* Политика Франции в Индокитае и образование Индокитайского союза: 1858–1907. М., 1975.
 История Кампучии. Краткий очерк. М., 1981.
Миго Андре. Кхмеры. История Камбоджи с древнейших времен. М., 1973.
Спекторов Л. Д. Феодалные отношения в Камбодже накануне установления французского протектората: основные формы собственности в середине XIX в. М., 1979.
Khin Sok. Le Cambodge entre le Siam et le Viêt-Nam (de 1775 à 1860). P., 1991.
Mak Phoeun. Histoire du Cambodge de la fin du XVI-e siècle au début du XVIII-e. P., 1995.

Сиам (Таиланд)

- Берзин Э. О.* История Таиланда (краткий очерк). М., 1973.
Ребрикова Н. В. Таиланд. Социально-экономическая история (XIII–XVIII вв.). М., 1977.
Ребрикова Н. В. Очерки новой истории Таиланда (1768–1917). М., 1966.
Ребрикова Н. В., Калашиников Н. И. Таиланд. Общество и государство. М., 1984.
Rong Syamananda. A History of Thailand. Bangkok, 1981.

Лаос

- Дементьев Ю. П.* Политика Франции в Камбодже и Лаосе (1858–1907). М., 1960.
Иоанесян С. И. Лаос. Социально-экономическое развитие (конец XIX в. — 60-е годы XX в.). М., 1972.
Stuart-Fox M. A History of Laos. Cambridge, 1999.
Stuart-Fox M. The Lao Kingdom of Lān Xāng: Rise and Decline. Bangkok, 1998.

Вьетнам

- Мурашева Г. Ф.* Вьетнамо-китайские отношения в XVII–XIX вв. М., 1973.
Мухлинов А. И. Вьетнамская сельская община (X в. — первая половина XIX в.). — Восточно-азиатский этнографический сборник. М., 1961.

- Мхитарян С.А.* Рабочий класс и национально-освободительное движение во Вьетнаме (1885–1930 гг.). М., 1967.
- Никулин Н.И.* Вьетнамская литература. М., 1971.
- Новая история Вьетнама. М., 1980.
- Новакова О.В., Цветов П.Ю.* История Вьетнама. Ч. 2. М.: МГУ, 1995.
- Ознетов И.А.* Восстание Тейшонов во Вьетнаме (1771–1802 гг.). М., 1960.
- Рябинин А.Л.* Рождение империи Нгуэнов. Социально-политическая история Вьетнама в начале XIX в. М., 1988.
- Чешков М.А.* Особенности формирования вьетнамской буржуазии. М., 1968.
- Le Thanh Khoi.* Le Viêt-Nam. Histoire et civilisation. P., 1955.
- Maybon Ch.B.* Histoire moderne du pays d'Annam (1592–1820). Etude sur les premiers rapports des européens et des annamites et sur l'établissement de la dynastie annamite des Nguyen. P., 1920.
- Taboulet G.* La gestion Française en Indochine. P., 1955.
- Woodside A.B.* Comparative Study of Nguyen and Ch'ing Civil Government in the First Half of the Nineteenth Century. Cambridge, Mass., 1971.

Малайзия и Сингапур

- Тюрин В.А.* Завоевание Малайи Англией. М., 1962.
- Тюрин В.А.* История Малайзии. М., 1980.
- Хренов Ю.Ф.* Северный Калимантан (1839–1963). М., 1966.
- Baker, Jim.* Crossroads. A Popular History of Malaysia and Singapore. Kuala-Lumpur, 1999.
- Cowan C.D.* Nineteenth Century Malaya. The Origins of British Political Control. L., 1967.
- Mills L.A.* British Malaya 1824–1867. Kuala-Lumpur, 1966.
- Sadka E.* The Protected Malay States, 1874–1895. Kuala-Lumpur, 1968.
- Treaties and Engagements Affecting the Malay States and Borneo. Ed. by William G. Maxwell and W.S.L. Gibson. L., 1924.
- Turnbull C.M.* A History of Singapore. 1819–1975. Kuala-Lumpur, 1977.
- Winstedt R.O.* Malaya and its History. L., 1948.

Индонезия

- Бакунин М.М.* Тропическая Голландия. Пять лет на острове Ява. СПб., 1902.
- Бандиленко Г.Г., Гневушева Е.И., Деоник Д.В., Цыганов В.А.* История Индонезии. Ч. I. М., 1992.
- Беленький А.Б.* Национальное пробуждение Индонезии. М., 1965.
- Беленький А.Б.* Картины — дочь Индонезии. М., 1967.
- История Индонезии. Часть I. М.: МГУ, 1992.
- Кузнецова С.С.* У истоков индонезийской культуры (яванская культурная традиция XVII–XX вв.). М., 1989.
- Мовчанюк П.М.* Яванская народная война 1825–1830 гг. М., 1969.
- Сикорский В.* Индонезийская литература. Краткий очерк. М., 1965.
- Тюрин В.А.* Ачехская война (из истории национально-освободительного движения в Индонезии). М., 1970.
- Тюрин В.А.* Колониализм и традиционное общество: яванский вариант. — Восток. 1993, № 1.
- Тюрин В.А.* Томас Стемфорд Раффлз: человек, который основал Сингапур. — Восток. 1998, № 2.
- Тюрин В.А.* История Индонезии. М., 2004.
- Bastin J.S.* The Native Policies of Sir Stamford Raffles in Java and Sumatra. Oxf., 1967.
- Blumberger, Petrus J.Th.* De nationalistische beweging in Nederlandsch-Indië. Haarlem, 1931.
- Furnivall J.S.* Netherlands India, a Study of Plural Economy. Cambridge, 1967.

- Geertz C.* Agricultural Involution. The Process of Ecological Change in Indonesia. Berkeley and Los Angeles, 1966.
- Kartodirdjo Sartono.* Protest Movements in Rural Java: a Study of Agrarian Unrest in the Nineteenth and Twentieth Centuries. Singapore, 1973.
- Klaveren J.J.* The Dutch Colonial System in the East Indies. Rotterdam, 1953.
- de Klerck E.S.* History of the Netherlands East Indies. Vol. II. Rotterdam, 1938.
- Welderen, Rengers D.W.* The Failure of the Liberal Colonial Policy in Netherlands East India, 1816–1830. Chicago, 1946.

Филиппины

- Абай Э.* Нерассказанная история Филиппин. М., 1970.
- Губер А.А.* Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм. М., 1961.
- Левтонова Ю.О.* Очерки новой истории Филиппин. М., 1965.
- Левтонова Ю.О.* История общественной мысли на Филиппинах. М., 1973.
- Левтонова Ю.О.* История Филиппин. Краткий очерк. М., 1979.
- Подберезский И.В.* Хосе Рисаль. М., 1985.
- Agoncilo T.A., Guerrero M.* History of Filipino People. Manila, 1970.
- Blair E., Robertson J.* The Philippine Islands, 1493–1898. Vol. 51, 52. Cleveland (Ohio), 1903–1907.
- Gowing P.* The Muslim Filipinos. Manila, 1974.
- In Search of Southeast Asia. A Modern History. Part 2. The Philippines, 1702–1872.* Honolulu, 1987, p. 160–171.
- Majul C.A.* Muslims in the Philippines. Manila, 1973.
- Majul C.A.* Background of the Philippine Revolution. Querson Sity, 1970.

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Монголия

Источники

- Гримм М.М.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927.
- Русский консул в Монголии. Отчет Я.П.Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства. Иркутск, 2001.
- Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу. СПб., 1914.
- Уложение китайской палаты внешних сношений. Пер. с маньчжур. С.Липовцов. Т. I, II. СПб., 1828.
- McMurrey.* Treaties and Agreements with and Concerning China. Vol. I–II. N. Y., 1927.

Литература

- Белов Е.А.* Россия и Монголия (1911–1919). М., 1999.
- Бурдуков А.В.* В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М., 1969.
- Горохова Г.С.* Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства. Л., 1980.
- Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX в. Иркутск, 1994.
- История Монгольской Народной Республики. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1989.
- Кузьмин Ю.В.* «Монгольский и Урянхайский вопросы» в общественной мысли России (конец XIX — 30-е годы XX в.). Иркутск, 1996.

- Лузянин С.Г. Россия–Монголия–Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2000.
- Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М., 1988.
- Ширендыб Б. Монголия на рубеже XIX–XX вв. История социально-экономического развития. Улан-Батор, 1963.
- Barkmann U. Geschichte der Mongolei oder die Mongolische Fragen. Die Mongolen auf ihren Weg zum eigenen Nationalstaat. Bonn, 1999.
- Bawden Ch.R. The Modern History of Mongolia. L., 1968.
- Ewing E. Between the Hammer and the Anvil? Chinese and Russian Policy in Outer Mongolia 1911–1921. Bloomington, 1980.
- Frithers G.M. Outer Mongolia and its International Position. 2nd ed. L., 1951.
- Die Mongolen. Beiträge Zu ihrer Geschichte und Kultur. Hrsg. von Michel Weiers unter Mitwirkung von Velonica Veit. Darmstadt, 1986.
- Onon, Pritchard U. Asia's First Modern Revolution. Mongolia Proclaims its Independence in 1911. The Hague, 1989.
- Ripen R. The Mongols of the XXth Century. Bloomington, 1964.

Китай

Источники

- Восстание ихэтуаней. Документы и материалы. М., 1968.
- История экономического развития Китая. 1840–1948. Сборник статистических материалов. Пер. с кит. М., 1958.
- Синьхайская революция. 1911–1913. Сборник документов и материалов. М., 1968.
- Сунь Ятсен. Избранные произведения. М., 1985.
- Тайпинское восстание 1850–1864. Сборник документов. М., 1960.

Литература

- Белов Е.А. Краткая история Синьхайской революции. 1911–1913. М., 2001.
- Белов Е.А. Учанское восстание в Китае (1911 г.). М., 1971.
- Борох Л.Н. Общественная мысль Китая и социализм в начале XX в. М., 1984.
- Дацышен В.Г. Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г. Часть 1. Боевые действия на сухопутном фронте. Часть 2. Поход на Пекин. СПб., 1996–1999.
- Илюшечкин В.П. Крестьянская война тайпинов. М., 1967.
- Ипатов А.С. Патриотическое движение на юге Китая в 40-е годы XIX в. М., 1976.
- История Китая. Под ред. А.В.Меликсетова. М.: МГУ, 1998.
- Калюжная Н.М. Восстание ихэтуаней (1898–1901). М., 1978.
- Костяева А.С. Народные движения в Китае в 1901–1911 гг. М., 1970.
- Костяева А.С. Тайные общества Китая в первой четверти XX в. М., 1995.
- Крымов А.Г. Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае в первые десятилетия XX века. М., 1972.
- Кузес В.С. Шанхайское восстание союза «Малых мечей» в Китае в 1853–1855 гг. М., 1980.
- Ларин В.Л. Повстанческая борьба народов Юго-Западного Китая в 50–70-х годах XIX в. М., 1986.
- Маньчжурское владычество в Китае. Сборник статей. М., 1966.
- Меликсетов А.В. [Рец. на:] Непомнин О.Е. Социально-экономическая история Китая. М., 1980. — Народы Азии и Африки. 1981, № 2.
- Непомнин О.Е. Экономическая история Китая (1864–1894). М., 1958.
- Непомнин О.Е. Социально-экономическая история Китая 1894–1914 гг. М., 1980.

- Непомнин О.Е.* Синтез традиционалистской реакции и антиимпериализма: движение ихэтуаней в Китае (в связи с монографией Н.М.Калюжной). — Народы Азии и Африки. 1982, № 6.
- Непомнин О.Е., Меньшиков В.Б.* Синтез в переходном обществе. Китай на грани эпох. М., 1999.
- Никифоров В.Н.* Китай в годы пробуждения Азии. М., 1982.
- Никифоров В.Н.* Первые китайские революционеры. М., 1980.
- Новая история Китая. М., 1972.
- Синьхайская революция в Китае. Сборник статей. М., 1962.
- Социальная структура Китая. XIX — первая половина XX в. М., 1990.
- Стабурова Е.Ю.* Политические партии и союзы в Китае в период Синьхайской революции М., 1992.
- Сунь Ятсен (1866–1986). К 120-летию со дня рождения. Сборник статей. М., 1987.
- Тихвинский С.Л.* Движение за реформы в Китае в конце XIX в. М., 1980.
- Тихвинский С.Л.* История Китая и современность. М., 1976.
- Тихвинский С.Л.* Китай и всемирная история. М., 1988.
- Тяпкина Н.И.* Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1984.
- Фань Вэньлань.* Новая история Китая. Пер. с кит. М., 1955.
- Чеканов Н.К.* Восстание няньцзюней в Китае. 1853–1868 гг. М., 1963.
- Чудодеев Ю.В.* Накануне революции 1911 г. в Китае. Конституционное движение либеральной буржуазно-помещичьей оппозиции. М., 1965.

Корея

- Забровская Л.В.* Политика Цинской империи в Корее. 1976–1910. М., 1987.
- История Кореи. Т. 1. М., 1974.
- История Кореи. Сеул, 1995.
- История Кореи в буржуазной историографии. М., 1976.
- История Кореи (новое прочтение). Под ред. А.В.Торкунова. М., 2003.
- История корейской философии. М., 1966.
- Ли Ги Бэк.* История Кореи. Новая трактовка. М., 2000.
- Пак Б.Д.* Россия и Корея. М., 1979.
- Пак В.П.* Просветительское движение и система образования в Корее во второй половине XIX — начале XX в. М., 1982.
- Пак М.Н.* История и историография Кореи. Избранные труды. М., 2003.
- Пак Чон Хе.* Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея. М., 1997.
- Тягай Г.Д.* Крестьянское восстание в Корее 1893–1895 гг. М., 1953.
- Тягай Г.Д.* Очерк истории Кореи во второй половине XIX в. М., 1960.
- Тягай Г.Д.* Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма. М., 1971.
- Тягай Г.Д.* Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее. М., 1983.
- Тягай Г.Д., Пак В.П.* Национальная идея и просветительство в Корее в начале XX в. М., 1996.
- Чон Доккю.* Россия в Корее. 1893–1905 гг. СПб., 1996.
- Шипаев В.И.* Колониальное закабаление Кореи японским империализмом. М., 1964.
- Traditional Korea: a Cultural History. Seoul, 1972.
- Ki-baiklee.* New History of Korea. L., 1984.

Япония

- Агаев С.Л.* Мэйдзи-исин: революция или реформа? — Народы Азии и Африки. 1978, № 2.
- Гришелева Л.Д.* Формирование японской национальной культуры. Конец XVI — начало XX в. М., 1986.

- Дискуссионные проблемы японской истории. М., 1991.
- История Японии. Учебное пособие. В 2 т. М., 1998.
- Кин Д. Японцы открывают Европу. М., 1972.
- Козловский Ю.Б. Феномен рационализма XVII–XVIII вв. в Японии. — Восток. 1991, № 4.
- Леценко Н.Ф. Япония в эпоху Токугава. М., 1999.
- Михайлова Ю.Д. Мотоори Норинага. Жизнь и творчество (из общественной мысли Японии XVIII в.). М., 1988.
- Михайлова Ю.Д. Японская национальная идея и Мотоори Норинага: вымысел и реальность. — Восток. 1995, № 4.
- Молодяков В.Э. «Школа национальных наук» и формирование японской идеи. — Восток. 1994, № 3.
- Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии. Идеология и политика. М., 1999.
- Норман Г. Возникновение современного государства в Японии. М., 1961.
- Спеваковский А.Б. Самураи — военное сословие Японии. М., 1981.
- Толстогузов С.А. Сёгунат Токугава в первой половине XIX в. и реформы годов Тэмпо. М., 1999.
- Тояма Сигэки. Мэйдзи-исин: Крушение феодализма в Японии. М., 1959.
- Хани, Горо. История японского народа. М., 1957.
- Ханин З.Я. Парии в японском обществе (очерк социальной истории XVII–XIX вв.). М., 1980.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Ааль Бу Саид 60
 Ааль Сабах 57
 Ааль Сани 54
 Ааль Халифа 55, 56
 Аббас Хильми II 335–337
 Абд аль-Азиз (Ибн Сауд) 58, 65
 Абд аль-Азиз Таальби 69
 Абд аль-Азиз Фахми 339
 Абд аль-Азиз ибн Миттаб 58, 65
 Абд аль-Баки аль-Омари 48
 Абд аль-Ваххаб аз-Зайани 56
 Абд аль-Гаффар аль-Ахрас 52
 Абд аль-Кадир 67
 Абд аль-Кадир аль-Маджауи 67
 Абд аль-Карим ас-Саман 35
 Абд аль-Керим Кассем аль-Халиль 340
 Абд аль-Муталиб ибн Галиб 63
 Абд ар-Разак аль-Битар 45
 Абд ар-Рахман аль-Кавакиби 64
 Абд ар-Рахман ан-Нуджуми 41
 Абд ар-Рахман ибн Фейсал 55, 58
 Абд ас-Салим аль-Мувайлихи 25
 Абд аль-Халим бен Смайя 67
 Абд аль-Хамид аз-Захрави 340
 Абдалла ибн Мухаммед 39
 Абдалла ибн ас-Саид Мухаммед 41
 Абдаллах Надим 336
 Абдаллах ибн Омар аль-Куайти 61, 62
 Абдаллах ибн Рашид 64
 Абдаллах ибн Сабах 57
 Абдаллах ибн Фейсал 53, 54
 Абдаллах ибн Хумайд ас-Салими 59
 Абдул Латиф 121
 Абдул Рахман см. Бахман
 Абдул Самад, султан Селангора 169
 Абдул-Хамид II 12–19, 22, 25, 42, 44, 45, 51, 63, 323, 324, 326–328, 334–336, 339, 340
 Абдула Халим Шарар 125
 Абдуллах, султан Перака 169, 170, 171
 Абдуллах Джевдет 20
 Абдуллах Старший (Абдуллах Сурью Субро-то) 437
 Абдуррахман-хан 96, 100, 101–102, 105, 108, 115
 Абенданон Ж.Х. 426, 429
 Абовян, Хачатур, 361
 Абу аль-Аль 28
 Абу Бакар, султан Джохора 406
 Абу-ль-Худа ас-Сайяди 45
 Авад ибн Омар аль-Куайти 61, 62
 Ага-хан 376
 Агинальдо, Эмилио 462–464
 Агус Салим, Хаджи 428, 433
 Адам, Жюльета 337
 Адамов А. 47
 Адас М. 146
 Аззан ибн Кайс 59
 Азиз аль-Масри 348
 Айн од-Доуле 350
 Акаев, Абу-Суфйан 361
 Аккады, торг. дом 332
 Алауиты (Фалалиды), династия 344
 Алексеев К.А. 273
 Али, султан Перака 169
 Али Баш-Хамба 69
 Али Галиб 27
 Али Мубарак 336
 Али Реза-паша 46, 47
 Али Хаджи бин Ахмад 414
 Али Хуршид-бей 36
 Али Шаарави 339
 Али Юсеф 335, 336, 339
 Али ибн Абдаллах 64
 Али ибн Халид 56
 Алтынсарин, Ибрагим 87
 Аманулла 109
 Амбри, Мохаммад 437
 Амин-бек Насир 335
 Амир Али 121
 Амир Кабир, см. Мохаммад Таги-хан Фара-хани
 Амрулла, Хаджи Абдул Карим 434
 Амурсана 258
 Амурсанаев (Джа-лама Лувсан Дамби Джан-цан) 258, 488
 Ан Джунгын 499
 Ан Чханхо 498, 501
 Анагарика Дхармапала 8, 133, 390
 Ананда Кумарасвами 389
 Анастас Мари аль-Кармели 51

- Анг Дуонг 166, 197
 Андерсон Д. 406, 419
 Арисугава 281
 д'Арси 74
 Арцуни Г. 364
 Асланбегов А.Б. 161
 аль-Аттар 24
 Аун ар-Рафик ибн Мухаммед 63–64
 Ауни Абд аль-Хади 340
 аль-Афгани см. Джемаль ад-Дин аль-Афгани
 Ахмад, султан Паханга 174, 175
 Ахмед Будерба 67
 Ахмед аль-Джазари 45
 Ахмед Иззет аль-Абид 45
 Ахмед Иззет-паша 61
 Ахмед Кадри 340
 Ахмед Лютфи ас-Сайид 334, 337
 Ахмед Махлуд Калла см. Дониш
 Ахмед Мидхат-паша 22, 44, 48, 49, 50, 53, 54
 Ахмед Риза-бей 17–19, 325, 326
 Ахмед ат-Тайиб ибн аль-Башир 35
 Ахмед Фейзи-паша 60
 Ахмед аш-Шариф 347
 Ахмед ибн Идрис 35
 Ахмед-паша Абу Видан 36
 Ахундов Ф. 81, 362
 Ачарья Бханубхакта 384
 Аюб-хан 99
 Аюша 259
- Бабагайули, Дуват 87
 Бай Лан 482
 Байрон Дж.Н.Г. 14
 Бакуни М.А. 364
 Банерджи, Сурендранатх 117, 372
 Бантинг 423
 Баргаш ибн Саид 59
 Бартольд В.В. 91
 Бахадур, Саид Мухаммад Рахим 94
 Бахман (Абдул Рахман) 175
 Бейкер С. 37, 38
 Белчер 224
 Белькасем Бентами 67
 Бен-Гурион Д. 343
 Бен-Иегуда, Элиезер (Перельман) 342
 Бернштейн Э. 365
 Бехбехани А. 350, 359
 Бехрамджи Малабари 120
 Бешир Сфар 69
 Бёрч Дж.У.У. 171, 172
 Бизо 353
- Бирса 116
 Бисмарк О. 290
 Бо Све 137
 Бо, Поль 450, 451, 453, 454, 456
 Бонар 199, 202, 205, 206
 Бонифасио, Андрес 461, 462
 Бос, Джагадиш Чандра 128
 Бота Л. 150
 Ботвик 273
 Боуден Ч. 490
 Бриннер Ю. 273
 Брук, Джеймс, раджа 178, 224, 422
 Брук, Чарльз Джонсон 178, 179, 423
 Буба Икринский, абрек 366
 Будда 384
 Буннак, семья 153
 Бурэ Ф.А. 231
 аль-Бустани, Бутрус 6, 51
 Бутрос Гали 338
 Бхандаркар, Рамкришна Гопал 128
 Быу Лан (Тханьтхай) 442, 452, 456, 457
- Валиханов, Чокан 87
 Вальдерзее А.Г. 253, 254
 Ван Шан (Зюитан) 457
 Ватанабэ Кандзая 515
 Вачирайян 155
 Вачировут 398
 ван дер Вейк К.Х. 190
 Вейлер 226
 Великих Моголов, династия 373; см. также
     Моголы, династия
 Верне О. 436
 Вивекананда, Свами 8, 122, 377
 Визес Нхейу 404
 Виктория, королева Великобритании 138, 367
 Вильгельм II 15, 243, 244, 330, 345
 Вильсон Р. 24, 25
 Витте С.Ю. 243, 301, 489
 Вишау 362
 Вобан 198, 210
 Вольтер 14
 Вольф Д. 72
 Восе 95
 Вэй Юань 507–509, 516
 Вэнь-ван 510
- Габдерашит Ибрагимов 348
 Галиб ибн Мухсин аль-Касири 61
 Ганди, Мохандас Карамчанд (Махатма Ганди)
     319, 379

- Ганеша 119, 373
 Ганъи 252
 Гань Ян 510
 Гараводжев, Саламбек 366
 Гарибальди Дж. 357, 364
 Гарнье, Франсис 209, 210, 213
 Георг V 379
 Герцен А.И. 364
 Гладстон У.Ю. 40
 Герцель, Теодор 342
 Гогтохо 259
 Гокхале, Гопал Кришна 372, 375
 Головачев Н.Н. 95
 фон дер Гольц 327
 Гордон Ч. Дж. 38,40
 Горчаков А.М. 256
 Гото Сёдзиро 281, 287–289
 Грене 224
 Грибоедов А.С. 362
 Гу Янью 508
 Гуансюй см.Цзайтянь
 Гуаньди 250
 Гукасовы 362
 Гун, князь см. Исинь
 Гун Цзычжэнь 507, 508, 516
 Гунаван, Раден 433
 Гурузада Венкат Аппарао 125
 Гушмазукаев, Зелимхан 366
 Гхош, братья 117, 124
 Гхош, Ауробиндо 377
 Гхош, Раш Бехари 372
 Гюго В. 14

 ван Даален Г.К.Э. 189
 Дадоба Пандуранг 125
 Далай-лама XIII 260
 Дали Али 366
 Дамад Махмуд-паша 19
 Дамдинсүрэн 488, 491
 Дамронг 157
 Дарланг 192
 Датт Р.Ч. 128
 Датта, Бхупендранатх 377
 Дауд-паша 47
 Дауэс Деккер Э. (Мультатули) 425, 431
 Дауэс Деккер Э.Ф.Э. (Сетиабуди) 431, 437
 Дафф Р.У. 405
 Дафферин 119, 336
 Дахлан, Ахмад 434
 Дашням, Гушетухан 485
 Даянанда Сарасвати 121

 Де Тхам 443–444, 452, 455, 456
 Дебендранатх Тагор 120
 Девавонгсе 163
 ван Девентер К.Т. 426
 ван Дедем В.К. 426
 Делакруа Э. 436
 Делонкль 161
 Дент А. 179, 180
 Джа-лама Лувсан Дамби Джанцан см. Амур-санаев
 Джамаль-уль-Азам 225
 Джасим (Касим) ибн Мухаммед ас-Сани 55
 Джафар, султан Перака 169
 Джебзундамба 485, 490
 Жемаль 330
 Жемаль ад-Дин аль-Афгани 7, 26, 59, 81, 94, 319, 334
 Жемаль ад-Дин аль-Касими 45
 Джервуа У. 171
 Джоши М.Р. 384
 Дин Жучан 237, 238
 Динь Конг Чанг 440
 Дипонегоро 435, 436
 Донгань см. Кань Тон
 Дониш (Ахмед Махдуд Калла) 94
 Дост Мухаммад 96
 Дотто, Модхушудон 125
 Дуань, князь см. Цзайи
 Думер, Поль 444–450, 457
 Дун Фусян 248, 252, 253
 Дхараконд Чендрия 115
 Дэ-цзун 511
 Дюпрэ 209
 Дюпюи, Жан 209, 210
 Дюранд М. 102, 103
 Дюрузель Ш. 151

 Е Чжичао 237
 Ермолов А.П. 362

 Ёсихито 305, 306

 Жанна Д'Арк 499
 де Женуйи, Риго 193–195, 205
 Жордания Н. 365
 Жунлу 248

 Заглул, Саад 334, 336, 339
 Заглул, Фатхи 334, 339
 Зарбади см. Меликов, Гасан-бек
 Зелигман 359

- Зеррук бен Брихмат 67
 Зилли-Солтан 75
 Зия-бей 14, 16
 Золя Э. 14
 Зубейр-паша 37, 38
 Зурабян А. 365
 Зык Тонг 195–204, 207, 213–216, 442
 Зян Тонг (Ынг Данг, Ынг Хо) 216–218
- И**
 Ибн Сауд см. Абд аль-Азиз
 Ибрагим Темо 16
 Ибрагим Шинаси 16
 Ибрахим, мантри Перака 169, 170
 Ибрахим ибн Аззан 59
 Ибрахим Фавзи 31
 Ивакура Томоми 281, 284, 287, 290
 Иденбюрх А.В.Ф. 426, 434
 Идрис ибн Мухаммед аль-Араб 35
 Идрисиды 61, 65
 Икуан (князь Цин) 248, 254, 469–471, 473, 475, 477, 478
 Ильберт К.П. 118
 Инаятулла 107, 109
 Иоанн IV, негус 41
 Иса, пророк 39
 Иса аль-Халифа 55, 56
 Исинь (князь Гун) 231, 237, 239, 246
 Искандер Муда, Виллем 435
 Исмаил, султан Перака 169, 172–174
 Исмаил, сын Мухаммеда Али 35, 36
 Исмаил, хедив 24, 25, 35–39
 Исхак-хан 102
 Итагаки Тайсукэ 284, 287–289, 291, 298
 Ито Сукэясу 237, 238
 Ито Хиробуми 239, 283, 288–290, 298, 299, 304, 305, 496, 498, 499
- Й**
 Йахйа ибн Мухаммед аль-Мутаваккиль 60, 61
- К**
 Каджары, династия 46, 76, 359
 Казем-бек М.М. 361
 Кали, богиня 377
 Кан Ювэй (Кан Гуанся, Кан Чансу) 241, 242, 246, 248, 249, 320, 415, 416, 452, 453, 510, 511
 Канаун 137
 Кандукури Виресалингам 125
 Каннингхэм А. 128
 Кань Тон (Донгкань) 440, 442
 Као Танг 441
- Карвер** 331
 Картавината, Раден Рангга 428
 Картины, Раден Адженг 428, 429, 437
 аль-Касади, семья 61
 Касим Амин 334, 336
 Каутский К. 365
 Кауфман К.П. 84, 86, 92–94, 96
 Кацура Таро 305, 306
 Кацусика Хокусай 514
 Каюм-Улы, Шортамбай 87
 Каяев, Али 361
 Кенглия 114
 Кердери, Абубакир 87
 Керзон, Дж. Н. 368, 372, 374, 375
 Кермани 77
 Кеттелер К.Ф. 252
 Кехлер И. 187
 Кешавсут 125
 Ки Джонджин (Носа) 516
 Ки Хаджар Девангоро см. Сурьянинграт, Суварди
 Кидо Коин 281, 283, 284, 290
 Ким Бэксон 275
 Ким Оккюн 262, 263, 265, 266, 516
 Кинвун Минджи (У Каун) 139, 140
 Китагава Утаморо 514
 Китченер Г., лорд 41, 108
 Кларк Э. 170, 171
 Клиффорд Х. 174, 176
 Клобуковски 456
 Кнунянц Б.М. 365
 Ковалевский Е.П. 36
 Коджон, ван 262, 264, 265, 268, 270–273, 275, 277, 278, 497, 498, 500
 Козин С.А. 489
 Колейн Х. 192
 ван Коль Г. 426, 429
 Кольбран 273
 Конфуций (Кун-цзы) 241, 510, 511
 Корнель 14
 Коростовец И.Я. 491, 492
 Котому Дзэндзиро 302
 Кремер Й.Т. 190
 Кристоффел 191, 192
 Кришна 126
 Кромер 34, 333, 335, 336
 аль-Куайти, династия 62
 Кунанбаев, Абай 87
 Кунг Тонг (Ынг Тянь) 216, 442
 Кун-фэн 485
 Курбэ А.-А.П. 232, 233

- Куропаткин А.Н. 70
 де Курси 70
 Кусумо Утойо, Раден Мас Адипати 428
 Кыонг Дэ 452–454, 458, 459
 Кюйпер А. 426
 Кямиль-паша 325, 329
- Лабиб Мухаррем 337
 Лам Зюн Тхиеп 200, 202
 Ланессан 162
 ван Лансберге Й. В. 190
 Латиф Салим 337
 Ле, династия 193, 194, 206, 218
 Ле Ба Тхан 214
 Ле Ван Фунг 199, 206, 207
 Ле Зюн Минь 206
 Ле Мир Вилье 211, 213
 Ле Туан 209
 Ле Тъи Тин 195
 Ле Чык 440
 Леспес С. 232
 Лессепс Ф. 34
 Ли, династия в Корее 268
 Ли Бинхэн 238
 Ли Ванъён 496
 Ли Джинсан 516
 Ли Джун 498, 499
 Ли Донхви 499
 Ли Лайчжун 251 252
 Ли Лянъин 466
 Ли Сочхун 275
 Ли Хунчжан (Ли Цзыфу, Ли Цзяньфу, Ли Шаоцюань) 217, 228–231, 233–234, 237, 239, 243, 248, 254, 469, 509, 510
 Ли Цзинсун 240
 Ли Чхок (Сунджон) 497
 Ли Юаньхун 479
 Лианозов С.М. 73
 Лим Бункен 416–419
 Лим Нисунь 416
 Лимбин 137
 Линч, братья 46
 Линь Дабэй 240
 Линь Личэн 240
 Линь Цзэсюй (Линь Юаньфу, Линь Шаому) 508
 Лиоте Л.Ю. 346
 Листер М. 176
 Литтон 118
 Локк 277
 Локханде М.Н. 116
 Лонг Джафар 169
- Лоу Х. 176, 178, 408
 Луна, Хуан 223
 Лыонг Ван Кан 455
 Лэндсдаун 58
 Лю Бучуань 238
 Лю Жэньхан 512
 Лю Куньи (Лю Сяньчжуан) 238, 243
 Лю Минчжуань 232, 233
 Лю Сихун 509
 Лю Юнфу (Лю Юаньтин) 209, 240
 Лютфуллах 19
 Лян Цицао (Лян Жэньгун, Лян Чжожу) 241, 242, 248, 249, 452, 453
 Ляо Цицао 510
 Ляхов 354
- Мааруф ар-Русафи 52
 Мабини, Аполинарио 463, 464
 Мадкуры 332
 Май Мэнхуа 241
 Мак-Грегор Ч. 98
 Маклин 103
 Мак-Магон 108
 Максаржав С. 488
 Малькампо, Хосе 225
 Мальком-хан, Мирза 6, 81
 Мангкубуми, пангеран см. Хаменгкубувоно I
 Мангкунегара IV 435
 Мангункусумо, Гунаван 428, 430
 Мангункусумо, Чипто 428, 430, 431, 436–437
 Манибазар 259
 Мансур 61
 Мараган 81
 Мат Амин 189
 Мат Саллех 423
 Матюнин Н.Г. 277
 Маун Джи Дж.А. 149
 Махатма Ганди см. Ганди, Мохандас Карамчанд
 Махди, раджа Селангора 169, 170
 Махмуд аль-Алуси 52
 Махмуд аль-Джалиль 52
 Махмуд Сами 31
 Махмуд Шевкет-паша 329
 Махмуд-бек Тарзи 109, 110
 Мацуката Масаёси 292, 293, 298
 Мацухито 305, 513
 Меликов (Зардаби), Гасан-бек 361
 Меначе 331
 Месхи С. 364

- Мехмед V 327, 348
 фон Мёллендорф П.Г. 264
 Мид 57
 Мидхат, публицист 16
 Мидхат-паша см. Ахмед Мидхат-паша
 Миллер А.Я. 493
 Мильтон 262
 Милютин В. 98
 Мин, династия 264–266, 271, 516
 Мин Мёнсон 265, 270, 271
 Миндон 136, 137
 Минто Э.Г. 108, 140, 149, 378
 Мирза Мохаммад Хасан Ширази 82
 Мирза Хусейн-хан Мошир од-Доуле 78, 79
 Мирзоевы, братья 362
 Митаб ибн Абд аль-Азиз 65
 Митра, Динабандху 117
 Миттро, Перичанд 124
 Миура Горо 271
 Моголы, династия 118; см. также Великих Моголов, династия
 Мозаффар ад-Дин-шах 79, 350, 351, 353
 Мозес Ч.Л. 179
 Монгкут см. Рама IV
 Монкаули, Мурат 81
 Монтескье Ш.-Л. 277, 454, 456
 Морли 140, 149, 378
 Морс Д. 273
 Мостоуфи оль-Мамалек 358
 Мотоори Норинага 514
 Мохаммад Али-мирза 354
 Мохаммад Али-шах Каджар 353, 354, 355, 358
 Мохаммад Дауд, султан Аче 188, 189
 Мохаммад Муса, Раден Хаджи 435
 Мохаммад Саман см. Теунгку Чик ди Тиро
 Мохаммад Таги-хан Фарахани (Амир Кабир) 78, 353
 Мохаммад Тахир бин Джалалуддин аль-Азахари 414
 Мохаммед Саид бин Дада Мохиддин 420
 Мохаммед Юнос бин Абдуллах 420
 Мо-цзы 511
 Мошир од-Доуле 352
 Мубарак ибн Сабах 57, 65
 Мувейлихи 332
 Музаффер ад-Дин 92, 93
 Муис, Абдул 428, 433, 437
 Мукерджи, Харишчандра 117
 Мухсерджи, Асутош 372
 Мулай Абд аль-Азиз 345, 346
 Мулай Хасан 344, 345
 Мулай Хафид 346
 Мулай Юсуф 346
 Мультагули см. Дауэс Деккер Э.
 Мунидаса Кумаратунга 388
 Мунши, Абдуллах бин Абдулкадир 413, 414, 435
 Мурад 18
 Мустафа Камиль 336–339
 Мустафа ибн аль-Худжа 67
 Мухаммад, пророк 35
 Мухаммад Азам-хан 96
 Мухаммад Али, ишан 95
 Мухаммад Афзаль-хан 96
 Мухаммад Джахан Вардак 99
 Мухаммад Надир-хан 107
 Мухаммад Хусейн Азад 125
 Мухаммад-шах, султан Селангора 169
 Мухаммед Абдо 7, 26, 31, 32, 59, 334, 336, 414
 Мухаммед Али-паша 35–37, 46, 344
 Мухаммед Али, лидер ИНК 379
 Мухаммед Али аль-Идриси 60, 61
 Мухаммед Ахмед ибн Абдалла, махди 35, 39–41
 Мухаммед бен Али ас-Сенуси 35
 Мухаммед бен Зикри 67
 Мухаммед бен Шенеб 67
 Мухаммед аль-Маджхуб ас-Сугайир 35
 Мухаммед Махмуд 339
 Мухаммед Мукрани 66
 Мухаммед Осман 337
 Мухаммед Рауф-паша 38
 Мухаммед ар-Рашид 65
 Мухаммед Рида 25
 Мухаммед Рустум Хейдар 340
 Мухаммед ас-Садок 68
 Мухаммед Сакр 32
 Мухаммед Сами аль-Баруди 27, 29, 30
 Мухаммед Снуси 69
 Мухаммед Султан-паша 27, 28, 30
 Мухаммед Улейш 31
 Мухаммед Фарид 337
 Мухаммед аль-Халифа 54, 55
 Мухаммед ибн Йахйа аль-Мансур 60
 Мухаммед ибн Сабах 57
 Мухаммед ибн Юсуф Атфаййиш 59
 Мухибаддин аль-Хатыб 340
 Мухсин аль-Мутаваккиль 60
 Мухтар-паша 335
 Муцу Мунэмицу 295

- Мушкетов И.В. 91
Мьинзайн 136–138
- Надир-хан 109
Назарян С. 364
Назир Ахмад 125
Назли Фадиль 336
Наказ Токусукэ (Тёмин) 513
Након Чайси 394
Налбалдян М. 361, 364
Намнансурэн, Сайнносен-хан 486, 487, 491, 493
Намык Кемаль 6, 14, 16
Наороджи, Дадабхай 117, 128
Наполеон III 203
Насер ад-Дин-шах Каджар 71, 73, 78, 79, 82
Насрулла 104, 109
Наус Г. 350
Нгуен Ай Куок (Хо Ши Мин) 455
Нгуен Ба Нги 198, 199
Нгуен Ван Диен 207, 208
Нгуен Ван Тьонг 214, 216, 439, 440
Нгуен Динь Ньюан 439
Нгуен Куанг Бить 439, 441
Нгуен Ло Чать 214
Нгуен Тхиен Тхуат 439, 442
Нгуен Хиен 214
Нгуен Чи Фьонг 193, 195, 197, 198, 202, 207, 210
Нгуен Чьонг То 207, 208, 451
Нгумбанг 423
Не Шичэн 237, 248
Николаидзе Н. 364
Николай II, император 104, 161, 243, 244, 483, 485, 492
Нищенский 273
Ниязи-бей 323
Нобель, братья 362
Ноги 300
Нодзу Хироси 238
Нородом 165, 166, 403
Носа см. Ки Джонджин
Нотодироджо, Арьо 430
Нотосурото 431, 437
Нубар-паша 24–26
Нур ад-Даим 35
Нури Ф. 359
- Обаре Ж. 203, 204
Овербек 179, 180
Окубо Тосимити 281, 284, 287–290
- Окума Сигэнобу 281, 284, 288, 290, 291, 295, 298, 299
Оларовский А.Е. 163
Омар ибн Салах 61, 62
Онг Каммадан 401
Онг Кео 401
Ораби-паша, Ахмед 24, 26, 28, 30–34, 39, 63, 335, 336
Осман Рифки 27
Османы, династия 322
Ояма Ивао 237, 238, 296,
- Пави, Огюст 161–163
Падмасуастра 437
Паж 195–197
Пак Ёнхё 265, 266
Пак Ынсик 498, 499
Пакуалам, династия 431
Панглим Полим 189
Патерно, Педро 464
Петр I, император 157, 241
дель Пилар, Марсело 221, 222
Пин Атвинвун 137
Пирнгади, Мас Вакиди 437
Питсанулок, принц 396
По Та 150
Поляков Л.С. 73
Поляков Я.С. 73
Прендергаст 138
Приди Паномионг 397
Пуи (Сюаньтун) 466, 471, 478
Пулалун 224, 225
Пулат-бек 90
Пу-чжун 485
Пхадже, Васудев Бальвант 115
Пхетсалат 399
- Рабиндранат Тагор 126
Рави Варма 128
Радханатх Шикдар 128
Рам Мохан Рай 6, 8, 120, 123
Рама IV (Монгкут) 153, 154
Рама V (Чуляльонгкорн) 153, 154, 156, 157, 157, 163, 394
Рамакришна Парамохама 8, 122
Рамалингам Сваминагаль 125
Раманатхан Поннамбалам 391
Рана, семейство 381, 382, 384
Ранаде, Мадхав Говинд 117, 128
Расими, Мухаммед 67
Расими, Омар 67

- Расин Ж. 14
 Ратаннах Сарар 125
 Рафик-бей аль-Азм 340
 Раффлз Т.С. 413
 Рашидида, династия 54, 58, 64, 65
 Редди, Амал 115
 Рейтер, Юлиус 71
 Реза, имам 355
 Риваи, Абдул 428, 436
 Ривьер А.А. 215, 216, 231
 Рид У. 170
 Ридли Г. 408
 Ризкалла Аркаш 341
 Рипон Дж. 118
 Рисаль, Хосе 220–223, 461
 Рияд-паша 25–27, 336
 Робертс 99
 Рождественский 300
 Рой, Прафулла Чандра 128
 Ронгговарсито 435
 Ротшильд Э. 342, 362
 Руссо Ж-Ж. 14, 262, 277, 454, 456, 512
- Сабахеддин 19, 20, 22, 325
 Сабахи, династия 54, 58
 Саваркар, братья 377
 Сазонов С.Д. 483, 492
 Саид-бей Тальхук 43
 Саид Шейх бин Ахмад аль-Хади 415
 Саид аш-Шими 337
 Саид-паша 36
 Сайго Такамори 281, 284, 287–289
 Сайид Ахмад-хан 7, 121, 122, 125
 Сайид Мухаммед Осман аль-Миргани 35
 Сайондзи Киммоти 305, 306
 Салех, Раден 436
 Салих ибн Али аль-Харуси 59
 Салим ибн Рашид аль-Харуси 60
 Салим-паша Хамави 335
 Саманхуди, Хаджи 432
 Самсам ос-Солтан 358
 фон Сандерс, Линан 330
 Сандзе Санэтоми 281, 282, 284
 Сансарайдорж 259
 Сань Довэнь 259, 484
 Сапкота Д.П. 384
 Сароджини Найду 126
 Сарро, Альбер 457–459
 Сastroхадиправира, Мамед 437
 Саттар-хан 357, 358
 Сатьендра Прасанна Синха 378
- Сауд ибн Фейсал 53, 54
 Саудида, династия 64, 65
 Сварт 191, 192
 ван Свитен Я. 188
 Северцов Н.А. 91
 Сеид аль-Махди 347
 Сеймур Э. 251, 252
 Сейфаддин аль-Хатыб 340
 Семенов-Тянь-Шанский П.П. 91
 Сен, Кешоб Чондро 8, 120
 Сепакдар Асад 359
 Сетиабуди см. Дауэс Деккер Э.Ф.Э.
 Си Вагха 166
 Сиди Мухаммед ибн Абд ар-Рахман 344, 345
 Сийюфи, торговый дом 332
 Симонс П. 177
 Сингга Мангараджа XII 191
 Сиркар, Махендралал 128
 Сисавангвонг 399
 Сисоват 403, 404
 Скальковский К. 161
 Скобелев М.Д. 90, 95
 Слатин Р. 40
 Снук Хюргронье К. 189, 191, 192, 426, 427
 Со Гванбом 265, 266
 Со Джэпхиль 266
 Со Ян Найн 136
 Со Ян Пайн 136
 Содномравдан, Дзасактухан 485
 Сон Онсиан 417
 Сонэ Араскэ 498, 500
 Создзима Танэоми 287, 289
 Спенсер 262, 456
 Сталин И.В. 365
 Столетов 98
 Столыпин П.А. 483
 Суарес 331
 Суат Де (Ынг Лить) 218, 219, 439–441, 443
 Сугияма Хин 252
 Судирохусодо, Вахидин 428, 430
 Суиттенхэм Ф.А. 170, 176, 411–413
 Сулейман аль-Баруни 348, 349
 Сун Цзяожэнь 468, 480
 Сунджон см. Ли Чхок
 Сунь Ятсен (Сунь Вэнь, Сунь Чжуншань, Сунь Исьянь, Сунь Дисян) 242, 243, 319, 321, 397, 416, 433, 468, 469, 477, 478, 480
 Сурафьян, Александр 335
 Сурьянинграат, Суварди (Ки Хаджар Деван-торо) 428, 431, 433, 437

- Сурьянинград, Сурьопраното 433
 Сутан Пуаса 172, 173
 Сутомо, Раден 428, 430
 Сухарко 437
 Сухэбатор Д. 488
 Сюаньтун см. Пуи

 Та Хиен 439, 442
 Табатабани М. 350
 Тагиев 362
 Таги-хан см. Мохаммад Таги-хан Фарахани
 Тагор см. Рабиндранат Тагор
 Тагсе 394
 Тадзоэ 302
 Тайеб Морсли 67
 Таймур ибн Фейсал 60
 Такин Кодо Хмайн 151
 Талаат Харб 332, 339
 Талаат-бей 329, 330
 Талыбов 81
 Тальбот Г.Ф. 82
 Таляль, эмир Джебель-Шаммар 64
 Тамман Дхора 115
 Тан, полковник 257
 Тан Каки 418
 Тан Цайчан 242, 243
 Тан Цзинсун 239, 240
 Тан Цзянь 509
 Тан Чэян 409, 416
 Тань Сытун 242, 246, 248, 510–512
 Тао Цянь 510
 Тата, Джамшетджи Нашурван 380
 Тауфик, хедив 25–28, 30, 31, 39, 336
 Тафт, Уильям 464
 Таха, султан 191
 Таха, Хаджи Абас бин Мохаммад 415
 ат-Тахтави, Рифаа 6
 Тейлор Р. 146
 Тенгу Зияутдин ас-Кудин 169, 170
 Тенку Антах 172–174
 Теуку Умар 188, 189
 Теунгу Чик ди Тиро (Мохаммад Саман) 188, 189, 191
 Тёмин см. Наказ Токусукэ
 Тибо 138
 Тилак, Бал Гангадхар 118, 119, 122, 125, 321, 373, 375, 376
 Тиртоадисурьо 428, 432
 Тиртокусумо, Арьо 430
 Того 300
 Токугава, династия 282, 284

 Толстой Л.Н. 14
 Тон Тхат Тхунет 216, 219, 439–441
 Торри Д. 179
 Тору Датт 126
 Точтохотемджеи 488
 Тричер У. 180
 Туманянц, братья 76
 Тунджи см. Цзайчунь
 Турки ибн-Саид 58, 59
 Тханьтхай см. Быу Лан
 Тхе То 458
 Тэрадзима Мунэнори 290
 Тэраути Масатакэ 500, 501

 У Аун Мья 137
 У Ба Пе 149–151
 У Ба Си 149
 У Каун см. Кинвун Минджи
 У Кхин 149
 У Маун Джи 149
 У Маун Тейн 149
 У Мей Аун 149, 151
 У Отама (1848–1889) 137
 У Отама (1879–1939) 150
 У Пе 149
 У По Бье 149
 У Пу 149
 У Сан Ба Ба 149
 У Сейн Хла Маун 149
 У Та Джи 137
 У Тин 149
 У Хла Джо 151
 У Хла Пе 149, 151
 У Чжи 151
 Уайт Х.Т. 151
 Уингейт 42
 Ункхам 162
 Утто 226

 Фалалиды см. Алауиты, династия
 Фан Бой Тяу 397, 451–456, 458, 459
 Фан Динь Фунг 440, 441, 451, 452, 456
 Фан Лиём 214
 Фан Тхань Зян 195, 200, 202–204
 Фан Тю Чинь 451–456
 Фан Цзюньи 509
 Фарис Нимр 334
 Фархат-бей 348
 Федченко А.П. 91
 Фейсал ибн Турки, Саудид 55
 Фейсал ибн Турки, султан Маската 59, 60, 64, 65

- Фернандо М. 391
 Ферри Ж. 233
 Феттер Я.А. 191
 Фёрниволл Дж.С. 146, 151
 Фукудзава Юкити 6, 262, 263, 515, 516
 Фунг, династия 34
 Фурнье Ф.Е. 231, 232
 Фэ Дэ см. Хонг Зат
- Хабибулла-хан 105, 107–110
 Хаджи, раджа 414
 Хаджи Ахмед-эфенди 18
 Хаджи Эмбок Сулох 419
 Хаднининграт, Арьо 428
 Хазнадар 68
 ван дер Хайде 157
 Хайрадин-паша 68, 69
 Хайсан 483
 Хали, Алтаф Хусейн 125
 Халиль Зейнийе 341
 Хальберт Х. 277
 ван Хам П. 191
 Хамад аль-Басил 339
 Хамдан бен Луниси 67
 Хаменгкубувоно I (Мангкубуми, пангеран) 435
 Хаменгкубувоно VII 436
 Хамилтон, лорд 372
 Хандорж 483, 484, 487, 490–493
 Хантер У.В. 122, 128
 Хар Дайял 377
 Хара Такахаси 305, 306
 Хардинг Г., 379
 Хари Наяк 115
 Харишчандра, Бхаратенду 125
 Харрис Т. 179
 Хасан аль-Идви 31
 Хасан Фехми-бей 325
 ван дер Хейден К. 188
 Хиен То 442
 Хитрово А.Д. 260
 Хлетин Атвинвун 137
 Хо Ши Мин см. Нгуен Ай Куок
 Хоанг Та Виет 210, 211, 439, 441
 Хон Ёнсик 265
 Хонг Зат (Фэ Дэ) 216
 Хонда Госиаки 514
 Хосейн Казеруни 76
 Хтейгин Тейн 136
 Хтейгин Хма 136
 Ху Сеок Вэнь 415
- Хуан Лянь 251
 Хуан Син (Хуан Кэцян) 468, 469, 480, 481
 Хуан Цзуньсянь 510
 Хуан Цзусянь 262
 Хуан Чоу 240
 Худояр, хан 89, 90
 Хунли (Цяньлун) 507
 Хусейн ибн Али 63–65
 Хуссейн, Мир Машраф 117
 Хэ Вэньмао 441
 ван Хэютс Й. 189, 191, 192
 ван Хювелл В.Р. 425
- Цао Футянь 251–253
 Церетели Г. 364
 Цзайи (Дуань) 252
 Цзайтянь (Гуансюй) 234, 242, 245–249, 253, 257, 466, 471
 Цзайфэн 471, 473, 477
 Цзайчунь (Тунчжи) 466
 Цзунли 229
 Цзэн Гофань 509, 510
 Цзэн Гоцюань 232
 Цзю Цзунтан 230
 Цзянь И 240
 Цин, династия 228–230, 232, 236, 240, 242, 246, 250, 257, 259, 266, 321, 438, 467, 468, 471, 473–478, 480, 482
 Цин, князь см. Икуан
 Цицианов П.Д. 362
 Цыси 228, 231–234, 237, 242, 245, 246, 248, 250, 252, 254, 415, 466, 469, 473
 Цэвэн Жамцарано 489
 Цэрэнчимэд 483, 486, 490
 Цэцэнхан Наваннэрин 486
 Цю Фэнцзя 240
 Цяньлун см. Хунли
- Чавчавадзе, Илья 364
 Чан Ван Зы 440
 Чан Джиен 498, 499
 Чан Суан Шоан 439, 441
 Чан Тан 510
 Чан Тиен Тхань 216
 Чао Пья Сурифонгсе 153
 Чапекар, братья 119
 Чернышевский Н.Г. 364
 Черняев М.Г. 89
 Чесней 46
 Чжан Бинлинь 512
 Чжан Дэчэн 251–253

- Чжан Цзянь (Чжан Цзичжи) 472–474
 Чжан Чжидун (Чжан Сяода, Чжан Сянтао,
     Чжан Вэньсян) 228, 242, 243, 511, 515
 Чжоу-гун 510
 Чжу Си 511
 Чжэн Гуаньинь 262
 Чжэн Шилян 243
 Чингис-хан 258, 485
 Чиплункар, Вишнушастри 125
 Чира, принц 396
 Чокроаминото, Умар Саид 428, 433
 Чон Бонджун 269, 271
 Чоттопадхайя, Бонкимчондро 117, 124
 Чулальонгкорн см. Рама V
 Чут Нья Дин 189
 Чыонг Конг Динь 201, 202
- Шамшер**, Бир 381, 384
 Шамшер, Дев 384
 Шамшер, Чандра 383, 384
 Шамшер, семейство 381
 Шараф ад-Дин ибн Мухаммед аль-Хади
     60
 Шарет М. 343
 Шарнье 198, 204
 Шасселю-Лоба 204
 Шаумян С.Г. 365
 Шах, династия 382
 Шахин Макариус 334
 Шекспир У. 14, 398
 Шер Али-хан 96, 97
 Шериф-паша 25–31
 Шибли аш-Шмейль 34
 Шива 373
 Шиваджи 118, 119, 373
 аш-Шидийак, Ахмед Фарис 50, 335
 аш-Шидийак, Салим Фарис 335
 Шиллер И.Ф. 14
- Ших-заде, абрек 366
 Шуо Шань 252
 Шредер Р.Р. 91
 фон Штейн Л. 514
 Шукри Ганем 341
 Шунь 510
 Шустер М. 358, 359
 Шэнь Шоукан 511
- Ынг Данг**, Ынг Хо см. Зян Тонг
 Ынг Лить см. Суат Де
 Ынг Тянь см. Кунг Тонг
- Эдуард VII 420
 Элджин, лорд 372
 Энвер-бей 323, 329, 330
 Это Симпэй 287, 288, 290
 Эшкол Л. 343
- Юань Шикай** (Юань Вэйтин) 245, 246, 248,
     266, 269, 469–471, 474–482, 486, 491, 493
 Юй 510
 Юм А.О. 119
 Юсуф Ибрахим 57
 Юсуф-хан Мосташер од-Доуле 81
- Якуб Сами** 31, 32
 Якуб Сарруф 334
 Якуб-хан 99, 100
 Ямагата Аритомо 237, 290, 296, 298, 299, 305,
     306
 Ямамото 306
 Яне Санданский 326
 Янь Фу 510
 Яо 510
 Яо Най 509
 Яп А Лой 170
 Ясавидагдо 437

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Аба, о-в 39
 Абу-Ариш 60
 Абу-Даби, шейхство 54, 55, 58
 Австралия 375, 416, 422
 Австрия 491
 Австро-Венгрия 13, 251, 325, 348
 Агра 108
 Аден 49, 61, 62
 Аденский залив 61
 Адрианонополь см. Эдирне
 Адыгея 362
 Азербайджан 357, 362, 364
     Иранский 354, 358
     Северный 366
 Азия 5, 10, 95, 109, 144, 145, 156, 223, 227,
 230, 255, 280, 316, 318, 319, 321, 331, 381,
 394, 429, 460, 505–507
     Восточная 224, 256, 300, 416, 460, 505–
     507, 512, 515
     Средняя 73, 94, 97–100, 103, 230
     Центральная 86, 89, 91–95, 486, 490, 493
     Юго-Восточная 163, 168, 169, 180, 181,
     187, 416–418, 447, 458, 460
     Южная 389
 Аити 286, 291
 Акаба 338
 аль-Акариби 61
 Аки 281
 Акка 42
 Акмолинская обл. 84
 Акордат 41
 Аксу 104
 Алас 189
 Албания 19, 328, 329
 Александрия 30–34, 332
 Алжир 10, 66–69, 348, 443
 Алжир, г. 67
 Аляска 416
 Амбонг 423
 Америка (Американский континент) 368, 390,
 460, 506
 Америка Латинская 460
 Амоккан, р. 273
 Амударьинский военный отдел 95
 Амударья, р. 95–97, 100, 101, 104
 Амур, р. 252, 253
 Анатолия 21, 22, 323, 324
     Восточная 12, 21
 Ангкор 166
 Англия (Великобритания) 10, 13, 18, 29, 30,
 37, 39, 41, 46, 50, 52–62, 65, 68, 71, 72, 74–
 76, 89, 93, 95–100, 102–104, 108, 109, 111,
 113, 117, 118, 127, 137, 139, 145, 149, 155,
 156, 161, 163, 168, 170, 174, 178–180, 187,
 190, 213, 214, 216, 220, 223–226, 231, 234,
 241, 243–245, 251, 253, 267, 272, 273, 275,
 278, 287, 295, 296, 299, 300, 333–335, 337,
 338, 344, 348, 358, 359, 367–369, 375, 379,
 381, 384, 393, 398, 405, 411, 421, 425, 466,
 474, 490, 491, 498, 500
 Андаманское море 161
 Андижан 95
 Андижанский уезд 90
 Анзянг 199, 202, 204
 Аннам (Аньнань) 438–440, 442, 444–448, 451,
 456–458
 Аньхуэй 476, 480–482
 Аньцин 236
 Аравийский п-ов 9, 65
 Аравия 37, 50, 52–54, 56–58, 62, 64, 347, 348,
 389, 433
     Центральная 58, 64, 65
     Восточная 64, 65
 Аракс, р. 358
 Аральское море 98
 Армения 362
     Западная 15, 364
 Асан, Асанский залив 236, 270; см. также Тон-
 кинский залив (Бакбо)
 Асмар 102
 Ассам 379
 Асьют 33
 Атласские горы (Атлас) 347
 Аулаки, султанат 61
 Аулие-Ата 89
 Аурес, горы 66
 Афганистан 9, 89, 95–106, 108–110, 115,
 374
 Африка 37, 316, 319, 331, 347, 348
     Северная 59, 337, 344

- Центральная 37
 Южная 374, 416
 Ахалтекинский оазис 95
 Ахмадабад 113
 аль-Ахнум, горы 60
 Аче 187–190, 192
   Великий 187–189
   Восточный берег 189
   Западный берег 188
   Северный берег 189
 Ашхабад (Асхабад) 91
 Аютия 397
- Бавеан, о-в 418
 Багдад 46–51, 53, 67
 Багдадский вилайет 48, 50, 51
 Бадахшан 102
 Бадгис 105
 Баджаур 102
 Бадинь 441
 Бадунг 191
 Байхэ, р. 252
 Байшай 441
 Бакбо см. Тонкинский залив
 Бакзянг 443
 Бакинская губ. 362
 Бакки (Тонкин) 193, 195, 200, 201, 207, 209, 210, 213–217, 439–442
 Бакле 218
 Бакнинь 201, 202, 206, 209, 217, 231, 443
 Баку 355, 357, 361, 362, 364, 365
 Бала-Хиссар 97
 Баламбанган 421
 Балангинги, о-ва 224
 Балат 200, 203
 Бали, о-в 190–192
 Балканы 42, 61, 329
 Балх 98
 Бальджуанская долина 95
 Бальхафа, султанат 61
 Бангкок 155, 157, 161, 162, 393–398, 405
 Бангладеш 374
 Бангли 192
 Бандар-Бару 172
 Банджармасин 191
 Бандунг 431, 437
 Банка, о-в 184, 416
 Баодин 479
 Барга 255, 259, 488, 490–492
 Барода 116
 Барселона 221, 222
- Барупа 191
 Басилан 224, 225
 Басра 46–49, 51
 Бассак 399
 Бассейн (Патейн) 138, 143, 147, 149
 Бассорский вилайет 50, 58
 Батавия (Джакарта) 181, 185, 190, 427, 430, 433, 437
 Батакланд 189
 Баттамбанг 166, 394, 405
 Батум, г. 362
 Бахр-эль-Газам 37, 38
 Бахрейн 55, 56, 58
 Бейрут 42, 339
 Бейрутский вилайет 43
 Белитунг (Биллитон), о-в 184, 416
 Белуджистан 83
 Бельгия 491
 Бенарес 127, 384
 Бенгази 348
 Бенгалия 114, 116–121, 124, 126, 367, 372, 374–379
   Восточная 374, 376, 379
   Западная 374, 379
 Бендер-Бушир 48, 49
 Бендер-Исса 59
 Бенче 204
 Берлин 16, 72, 239
 Биак-на-Бато 462
 Биенхоа 194, 198–200, 202, 438
 Биланд-хель 102
 Биллитон, о-в см. Белитунг
 Бима 190
 Биньдинь 207, 211, 456
 Бирма 136, 137, 139, 142, 144–152, 157, 162
   Британская 163
   Верхняя 112, 137–145, 149
   Нижняя 136, 138–145, 147, 148
   Центральная 148
 Бирмал 102
 Бисайские о-ва 224, 462, 463
 Битлис 21, 328
 Бихар 115, 116, 367, 374, 379
 Благовещенск 252
 Богор (Бюйтензорг) 114
 Болгария 19, 325, 329
 Боловент, плато 401
 Бомбей 108, 113, 115, 116, 119–121, 126–128, 372, 373, 376, 378
 Бомбейская провинция (Бомбейское президентство) 112, 114, 116, 119, 120, 377

- Бони 191
Борку 347
Борнео Западное 191
Боруджерд 72
Босния 325
Бостон 220
Босфор 95, 325
Бохайский залив см. Чилийский залив
Бриндабан 127
Британия см. Англия (Великобритания)
Британская империя 145, 235, 367, 375, 379–381, 393
Бруней 178–180, 224, 421, 423
Буайан 223, 225, 226
Бунер 102
Бурса 324
Бурум 61, 62
Бурятия 489
Бутан 112, 328
Бухара 89, 92–95
Бухарский эмират 89, 92–95
Бухейра, пров. 33
Бушир 83
Бэйцан 253
- Ваджба 55**
Вади Хальфа 40
Вазиристан 102
Ван, г. 21
Вахан 100, 103
аль-Вахиди, султанат 61, 62
Великий канал 249, 251, 253
Великобритания см. Англия
Велтефреден 430
Вена 72
Вендер-Факум 61
Верхнеундинск 258
Виньлаунг, пров. 195, 199, 200, 203, 204
Виньлаунг, р. 199
Владивосток 161, 285, 298
Владикавказ 362
Внешние о-ва (Внешние владения, Внешние провинции) 181, 182, 185–188, 190–192, 424, 426
Вонсан 261, 266, 271–274
Восток 105, 108, 142, 161, 168, 185, 307–321, 361, 379, 408, 454, 461, 504, 512
Ближний 315, 341
Дальний 6, 161, 163, 298, 299, 302, 393, 416, 417, 446, 458, 490, 497, 501
Средний 89, 100, 315
Вунгтау 203
- Вунто 137
Вьентьян 399–401
Вьетнам 11, 161–163, 167, 193–197, 200, 202, 205, 207, 208, 211, 213, 265, 309, 397, 400, 403, 404, 438, 439, 441, 442, 444, 447, 453–455, 457–459
Крайний Север 193, 194, 199, 201, 208, 209, 214, 439
Крайний Юг 193–196, 198, 201, 202
Северный 194, 206, 209–211, 213–218, 231–233, 447, 449–452, 455
Центральный 153, 194–196, 201, 211, 216, 218, 219, 233
Южный 193–195, 197, 203
Вэйхайвэй 233, 238, 245, 296
- Гаага 187, 301, 497, 500
Гавайи, о-ва 242
Гадез 100
Газни 100, 105
Гайо 189
Гайя, о-в 423
Галле 134
Ганьсу 248, 477
Гезира 34, 35
Геок-Тепе 95
Герат 96, 98, 100, 105
Гератская пров. 96
Герируд, р. 101
Германия 13, 15, 51, 52, 57, 58, 68, 70, 101, 110, 156, 190, 213, 223, 225, 226, 231, 234, 241, 243–245, 251, 253, 287, 296, 304, 325, 330, 337, 345, 346, 393, 394, 425, 474, 490, 491
Герцеговина 325
Гиндукуш 104
Гирга 33
Гирин (Цзилинь) 243, 253, 476
Гова 191
Годавари, р. 115
аль-Голеа 66
Голландия 10, 186, 424–426, 431, 432, 491
Голодная степь 92
Гомальский перевал 102
Гондер 41
Гонконг (Сянган) 168, 172, 173, 179, 193, 194, 201, 208, 209, 215, 232, 235, 245, 396, 419, 453, 462
Гонолулу 242
Греция 15, 329
Грозный 362
Грузия 364, 365

- Гуандун 209, 231, 232, 238, 241, 244, 245, 397, 458, 474, 475, 476, 480, 481
 Гуанси 209, 217, 219, 231, 244, 453, 468, 476, 480
 Гуанчжоу (Кантон) 209, 229, 242, 243, 453, 469, 508
 Гуанчжоувань 245
 Гуджарат 113, 115, 126, 127, 368
 Гуйчжоу 476, 480
- Да, р. 441
 Дагестан 361, 362
 Дагестанская обл. 361, 366
 Дагу 239, 251–254
 Дайдон 198
 Дайнам 196–200, 202, 203, 206, 207, 214, 216, 217, 438–440
 Дакка 376, 377
 Далам (Кутараджа) 187, 188
 Далянь (Дальний) 233, 245, 301
 Дамаск 20, 22, 42, 43, 63, 67, 339
 Дамасский вилайет 43, 44
 ад-Дамера 35
 Дананг (Туран) 193–197, 200, 203, 218, 449
 Дангрек 399
 Дания 396, 491
 Даньшуй 233
 Дарданеллы 95, 328
 Дарджилинг 382
 Дарфур 34, 35, 37, 39, 40
 Даянхэ, р. 237
 Дейр-эз-Зор 43
 Дели (Индия) 121, 379
 Дели (Суматра) 184, 190
 Денпасар 191
 Деншавай 338
 Деобанд 121
 Дербент, г. 361, 362
 Дерсим 328
 эль-Джазира 41
 Джакарта см. Батавия
 Джамби 191
 Джамшедпур 380
 Джаркханд 374
 Джафна 132, 388
 Джебель 60
 Джебель-Ансарийе 44
 Джебель-эд-Друз 43, 44, 340
 Джебель-Нефус 348
 Джебель-Шаммар, эмират 65
 Джебубу 174
 Джесселтон (Сабах) 421, 422
- Джидда 63
 Джизак 92
 Джокьякарта, г. 430, 434
 Джокьякарта, кн-во 434, 435
 Джохор 406, 407, 409, 414, 417
 Джохор-Бару 417
 Диндинг, арх. 170
 Диндинг, о-ва 407
 Диньтунг 198–200, 202
 Дир 102
 Диярбакир 21
 Доан 61
 Додеканес 328
 Донганг 233
 Донгола 39
 Донгчиеу 215
 Доха 54, 55
 Дубай 58
- Европа 5–10, 17, 18, 46, 48, 49, 51, 53, 78, 99, 104, 109, 113, 142, 145, 161, 163, 168, 202, 214, 221, 229, 242, 265, 287, 290, 294, 307, 308, 310–312, 315, 318, 337, 341, 345, 368, 390, 394, 416, 435, 436, 451, 497, 503, 505, 506, 510, 514
 Западная 276, 340, 361, 364, 393, 491
 Евфрат 46, 47, 50
 Египет 10, 28, 30–41, 45, 50, 52, 64, 67, 68, 265, 331, 333–339, 345, 347, 348
 Верхний 33
 Нижний 33
 Екатеринодар, г. 362
 Елизаветполь, г. 361, 365
 Ереван, г. 365
- Ёнсан 274
- Желтое море 233, 296
 Женева 18, 19, 20, 364
 Жидао, о-в 238
- Закавказье 361–365
 Восточное 365
 Закаспийская губерния 95
 Замбоанга 223–225
 Занзибар 59, 62
 Запад (Европа) 142, 149, 228, 230, 246, 247, 250, 254, 293, 311, 314–316, 318, 319, 344, 398, 450, 453, 454, 460, 461, 467, 499, 503, 505, 507–509, 512–514
 Западно-Корейский залив 237

- Запянджский Держав 103
Заравшанский округ 92
Зерабулак 92
Зиентяу 214
Зоркуль, оз. 97, 104
Зубара 55
Зульфикар 101
Зурмат 96
Зядинь, пров. 194, 196–200, 202, 450
- Ибараки 286, 289
Ибб 60
Иватэ 286
Иенбай 206
Иентхе 443, 444, 452, 456
Иерусалим 42, 43, 339, 342
Измир 13, 20, 324
Измит 324
Израиль 343
Икра, сел. 366
Илийский (Кульджийский) край 230
Илокос 462
Индийская империя 367
Индийский океан 407
Индия 6, 9, 10, 46, 48, 56, 57, 61, 62, 71, 74, 75, 81, 97, 98, 100–102, 104–108, 111–114, 116–129, 139, 142, 143, 145, 148–150, 169, 173, 234, 300, 307, 309, 210, 315, 317, 367–369, 372–382, 384, 385, 388, 412, 416–419, 426, 429, 432, 436, 452, 447
Восточная 382
Западная 111, 127
Северная 116, 121, 122, 125, 126
Центральная 111, 115, 127
Южная 131, 368, 386, 391
- Индокитай (Индокитайский п-ов) 155, 161–163, 165, 203, 209, 315, 394, 399, 400, 405, 442–450, 453, 457
- Индокитайский союз (Индокитай Французский) 163, 167, 213, 400, 402, 442–444, 446–451, 457
- Индонезия (Нидерландская Индия, Нидерландская Ост-Индия, Инсулинде) 10, 181, 184, 187, 190–192, 223, 415, 418, 424–434, 436, 437
- Инкоу 238
Инчхон 261, 266, 267, 270, 273, 274
Ипох 415
Иравади, р. 143–145
Ирак 46–48, 50–52, 54, 57, 65, 348, 354
Южный 58, 65
- Иран (Персия) 6, 46, 56, 70–83, 95, 103, 105, 108, 309, 318, 319, 338, 348, 350, 352, 354–356, 358–361, 364
Северный 73
Южный 74, 83
- Ириан (Новая Гвинея), о-в 190, 192
аль-Ирка, султанат 61
Иркутск 489
Исмаилия 33, 34
Испания 10, 180, 194, 196, 200–203, 211, 213, 221, 223–226, 344, 345, 398, 460, 463, 464
Исфаган 82, 351, 358
Исфаринский уезд 90
Италия 13, 61, 62, 68, 187, 190, 244, 251, 328, 329, 347–349, 398
Ичан 236, 475
- Йемен 60, 61
Северный 61
Южный 61
Йенанджаун 144
Йокохама (Июкогама) 285, 303
- Кабул, Кабульская провинция 96, 97, 99, 100, 102, 104, 106, 107, 110
Кавите, г. 220, 221, 462
Кавите, пров. 462
Кавказ 42, 361–366
Северный 361–363, 366
Каган (Новая Бухара) 93
Казань 87
Казахские степи 86–88
Казахстан 84, 86–88
Казвин 355
Казикумух см. Кумух
Казимейн 49
Каир 18–20, 28, 31, 32, 34, 36, 38, 39, 51, 67, 332, 335, 338, 414
Калайхе 489
Калимантан 180, 184, 190, 191, 407, 414, 419
Восточный 191
Северный 168, 178, 223–226, 423
Каллабата 41
Калмыкия 258
Калькутта 108, 113, 116, 117, 121, 124, 127, 128, 372, 374, 377–379
Камбоджа 11, 162, 165–167, 197, 198, 200, 402–405, 442, 444, 446–448
Северная 162
Камло 439
Кампонг-Гаджах 172

- Кампонгтям 166
 Кампот 404
 Канагава 513
 Канада 375
 Канвон, пров. 273, 275, 499
 Кандагар, Кандагарская пров. 96, 98, 102, 105–107
 Канди 134, 135
 Кандийское государство 132
 Канзо 194
 Каннем 347
 Канпур 113
 Кантон см. Гуаньчжоу
 Канхва, о-в 288
 Каобанг 202, 206, 441
 Карабах (Карабахское ханство) 365
 Карангасем 191
 Карачи 108
 Каренни (Кая) 144
 Карнатака (Майсур) 126
 Каролинские о-ва 220
 Карун, р. 72
 эль-Касим 65
 Каспийское море 71, 73
 Кассал 40
 Кастамону 21
 Катар, шейхство 54, 55, 58
 эль-Катиф 54
 Катманду, долина (Долина, Непальская долина) 384
 Каттакурган 92
 Кафиристан (Нуристан) 102, 103, 107
 Кванджу 271, 497
 Квантунская обл. 301
 Кедах 174, 394, 405–407
 Келанг (Порт-Суиттенхэм) 169, 172, 418
 Келантан 175, 176, 178, 394, 405–408, 414
 эль-Керак 340
 Керала 126
 Кербела 46
 Кёнгги, пров. 499
 Кёнджу 277
 Кёнсан, пров. 262, 263, 275, 497, 500
 Кёнхын 273
 Кийслэльтурэ 491
 Кинта, р. 173
 Киото 274, 280, 281, 303
 Киренаика 35, 328, 329, 347–349
 Китай 9, 10, 38, 89, 95, 104, 161, 193, 197, 198, 202, 208, 209, 214–219, 223, 224, 227–235, 237, 239–246, 249–260, 262–267, 270–272, 276–278, 280, 291, 295–299, 301, 302, 309, 310, 313, 315, 319–321, 395–397, 401, 410, 412, 415–419, 421, 422, 429, 439–441, 447, 451–454, 458, 459, 466–469, 471, 474, 476–485, 490–494, 498, 501, 505–511, 513–516; см. также Поднебесная, Срединная империя, Цинская империя
 Восточный 252
 Северный 227, 229, 236, 238, 476–479
 Северо-Западный 448
 Южный 161–163, 203, 206, 232, 252, 458, 471, 472, 474, 476–481
 Клунгкунг 192
 Кобдо 255, 256, 484, 487, 488, 491, 493, 494
 Кобдоский округ 258, 488, 492–494
 Кобу 269
 Кобэ 285, 303
 Кокандский уезд 90
 Кокандское ханство (Коканд) 86, 89, 90–92, 94, 95, 98, 103
 Кокосовые о-ва (о-ва Килинг) 407
 Коломбо 132 134, 387, 391
 Колхапур 116
 Комундо, о-ва 267
 Кондао, о-в (Пуло-Кондор) 200, 455
 Конджа 271
 Кония 51
 Константина, г. 67
 Константина, пров. 67
 Корат 158
 Кордофан 34–37, 39, 41
 Корейский п-ов 296
 Корейский пролив 300
 Корея 10, 11, 230, 231, 236, 237, 239, 261–264, 266–276, 278–280, 287, 288, 295, 296, 298–303, 305, 452, 467, 473, 496–502, 505, 515, 516
 Котабаты 225
 Кохдаман 100
 Кохинхина 10, 165, 166, 199, 202–205, 208, 209, 211–213, 215, 404, 438, 440, 442–444, 446, 448–452, 458, 459
 Кохистан 100
 Кра, перешеек 161
 Кранджи 417
 Красная река 209–211, 215, 441
 Красноводск 91
 Красное море 33
 Красноярск 258
 Крит, о-в 15
 Крым, о-в 94, 362, 493

- аль-Куайти, султанат 62
 Куала-Кангсар 407, 408
 Куала-Лумпур 169, 170, 172, 178, 406, 409, 415
 Куангбинь 201, 214, 440, 441
 Куангиен 199, 200, 203, 206, 209, 213
 Куангнам 194–196, 440, 451, 456
 Куангчи 439
 Куанг-Чи 400
 Куба 358
 Кубанская обл. 366
 эль-Кувейт, г. 54, 57, 58
 Кувейт, шейхство 56, 57, 58, 65
 Кулябская долина 95
 Кум 72, 351
 Кумамото 282
 Кумух (Казикумух), сел. 361
 Кунсан 272
 Курдистан 47
     Иракский 328
 Курильские о-ва 298
 Куррам 100, 102
 Кутаиси (Кутаис), г. 362, 364
 Кутараджа см. Далам
 Кызылкум 92
 Кызыл-Рабат 104
 Кэсон 272, 274
 Кюиньон 207, 218
 Кяхта 484, 494
 Кяхтинский маймачен 487, 489
- Лабуан, о-в 179, 180, 407, 421, 422
 Ланао, оз. 226
 Лангшон (Лангсон) 202, 206, 217, 219, 232, 233, 441
 Ланкашир 331
 Лаокай 206, 209, 210, 219, 441
 Лаос 162–164, 394, 399–401, 439, 442, 444, 446, 449
     Верхний 401
     Северный 401
 Ларут 169, 170, 173, 178
 Лахджа, султанат 61
 Лахор 108, 121
 Ливан 9
     Горный 43, 44, 341
 Ливия 329, 348, 349
 Ло 441
 Ломбок, о-в 190, 191
 Лондон 18, 46, 49, 72, 78, 81, 97–99, 104, 178, 180, 224, 245, 292, 295, 329, 364, 369, 378, 417
- Лофа 251
 Луангпхабанг 161–163, 399, 401
 Лумбини 384
 Лусон 463, 464
     Центральный 223, 461, 462
     Южный 223, 224, 461, 462
 Лутонг 179
 Лэйчжоу, п-ов 245
 Люгун, о-в 238
 Льюшунь см. Порт-Артур
 Люцю см. Рюкю, о-ва
 Лянгуан 238, 253
 Лянфан 251
 Лянцзян 238, 253
 Ляодун, п-ов 233, 237–239, 243, 245, 296, 298, 300
 Ляохэ, р. 238
 Ляоянь 30
- Мавэй 232
 Магинданао, султанат 223, 225, 226
 Магриб 345
 Мадрас 113, 120, 127, 372, 378
 Мадраасская провинция (Мадраасское президентство) 115, 120, 367
 Мадрид 221, 222
 Мадуро, о-в 426, 430
 Мазари-Шариф 96
 Майкоп 362
 Майсур см. Карнатака
 Макао (горная местность в Тханьхоа) 441
 Макасар 190 437
 Македония 15, 322, 323, 329
 Малабанг 226
 Малайзия 226
 Малайский архипелаг (Индонезийский архипелаг, Архипелаг) 418, 419
 Малайя 157, 168, 169, 174–179, 394, 406–418, 422
     Британская 168, 407, 408, 410, 412, 416
     Западная 409–411, 416
     Северная 405
     Южная 410
 Малакка, г. 169, 170, 173, 407, 409, 413, 414
 Малаккский п-ов (Полуостров) 413, 418, 419
 Малолос 463
 Малые Зондские о-ва (Нуса Тенггара) 190, 192
 Манама 56
 Манар 132
 Манаха 60
 Мангкунегаран 434, 435

- Мандалай 138, 149
 Манила 220, 222, 223, 225, 226, 461, 463, 464
 Манильский залив 462
 Манипур 116, 138
 Маньчжурия (Дунбэй, Северо-Восточный Китай) 227, 229, 237, 239, 243, 244, 249, 252–255, 268, 272, 278, 296, 299–301, 305, 365, 394, 467, 475, 476, 497, 501
     Северная 302, 500
     Южная 237, 293, 302, 467
 Маргеланский уезд 90
 Марианские о-ва 220
 Марокко (аль-Магриб аль-Акса, Дальний Магриб) 67, 344–348
 Марсель 46
 Масан 278
 Маскат, г. 49, 59, 60
 Маскат, султанат 56, 58–60, 62
 Махараштра 112, 114, 115, 117–119, 127, 373
 Махачкала см. Петровск
 Мазбаси 291
 Медан 437
 Медина 63
 Меймене 98, 102
 Мекка 62–64, 418, 419
 Меконг, р. 161–163, 199, 399, 449
 Мекран 83
 Мексика 463
 Мерв 95, 98
 Метлили 66
 Мешхед 82, 104, 355
 Мин, р. 219
 Минда 137
 Минданао, о-в 222, 223, 225, 226
 Минчинский перевал 100
 Миньцзян, р. 232
 Мири 179
 Митхо 198, 203, 206
 Миз 286, 289
 Мокпхо 272, 273
 Молуккские о-ва (Молукки, О-ва Пряностей) 190, 192
 Монастыр 323
 Монастырский вилайет 323
 Монголия 11, 244, 255–260, 476, 483–494, 500
     Внешняя 255, 257, 259, 260, 302, 483, 492, 493
     Внутренняя 257, 259, 260, 483, 484, 490–494
 Моратува 132
 Москва 243, 361, 362, 493
 Мосул 52
 Мосульский вилайет 50, 51
 Моулмейн (Моламяйн) 149
 Муз-Арт 230
 Мукалла 61, 62
 Мухден (Шэньян) 253, 300
 Мухаммара 46
 Мьинджан 149
 Нагар 102
 Нагасаки 267, 294
 Нагоя 303
 Нагпур 116
 Назарет 42
 Наманганский уезд 90
 Намвон 269
 Намдинь 201, 202, 210, 215–216, 441, 442
 Намки 193–195, 197–206, 211, 243
 Нанкин (Наньцзин, Цзяннин) 236, 245, 397, 476–481
 Наньчан 475, 481
 Нахичевань 365
 Нгеан 201, 207, 213, 214, 440, 451, 456
 Негри-Сембилан 169–174, 176, 406, 407
 Неджд 54, 58, 65
 Непал 381, 384
 Нидерландская Ост-Индия 181, 182, 418, 424–426, 428, 431, 434; см. также Индонезия
 Нидерланды (Нидерландское королевство, Батавская республика) 182, 187, 190, 192, 425, 426, 428; см. также Голландия
 Нижнее Казанище, сел. 361
 Нил 29, 35–37, 335
     Голубой 34, 35
     Белый 37, 41
     Верхний 37
 Нинбо 468
 Ниньбинь 438
 Новая Бухара см. Каган
 Новая Гвинея см. Ириан
 Новоалександровск 95
 Новороссийск, г. 362
 Нубийские горы 34
 Нубия 34
 Нуристан см. Кафиристан
 Нуса Тенггара см. Малые Зондские о-ва
 Нусантара 420
 Нью-Хэмпшир 300
 Нючжуан 238
 зль-Обейд 40
 Овари 281

- Одесса 362
Окинава 230
Оман 59
    Договорный 54–56
    Внутренний 59, 60
Омдурман 41
Омск 86, 88
Орда
    Большая 84
    Малая 84
    Средняя 84
Ордос 259
Оренбург 86, 88, 91
Оренбургская губерния 84
Орисса 115, 367, 374, 379
Осака 281
Османская империя 12, 13, 15–16, 18–20, 22, 23, 36, 42, 43, 45, 46, 52, 58, 68, 308–310, 313, 317, 322, 328–330, 335, 340, 341, 348, 361, 364, 433; см. также Турция,
    Порта
Охрид 323
Ош 95
Ошский уезд 90
- Пабна 114, 117
Пакуаламан 434
Палестина 42, 44, 314, 316, 341–343
Памир 103, 104
Пангасинан 462
Пангкор, о-в 170
Панджаб (Пенджаб) 103, 111, 112, 116, 121, 368, 377, 378
Папун 138
Париж 17–20, 22, 66, 72, 78, 162, 198, 203, 204, 231, 233, 239, 245, 334, 340, 456, 464
Пасир-Салак 172, 174
Паханг 170, 174–176, 405–408
    Верхний 174, 175
Пекин (Бэйцзин) 216–219, 230, 231, 233, 235, 237–239, 241–244, 246–248, 251–255, 257, 296, 297, 396, 439, 467, 469–473, 475–481, 484, 485, 493
Пендинский оазис 100
Перак, кн-во 169–174, 176–178, 406–408
    Центральный 169
Перак, р. 172, 173
Перлис 405–407
Персидский залив 46, 50–53, 55, 71, 72, 74
Персия см. Иран
- Петербург, Санкт-Петербург 72, 73, 93, 95, 97–99, 163, 230, 239, 243, 245, 254, 299, 361, 393, 397, 483, 484, 490, 492, 493
Петровск (Махачкала), креп. и г. 362
Пешавар 96, 108
Пинанг, о-в 169, 172, 173, 407–409, 414, 415, 418
Пишин 100, 102
Пномпень 165, 166, 198, 404
Повало-Швейковского, пик 104
Поволжье 94
Поднебесная (Китай) 251, 467
Польша 241
Порта 12, 13, 15–17, 21, 29, 31, 33, 53, 54, 58, 62–64, 322, 328, 329, 335, 337, 338; см. также Османская империя, Турция
Порт-Артур (Льюйшунь) 233, 237, 245, 253, 278, 296, 300, 301
Порт-Саид 33, 34
Порт-Суиттенхэм см. Келанг
Портсмут 300
Португалия (Португальская империя) 344
Поти 362
Поын 269
Приамурье (Приамурский край) 501
Прианган (Преангер) 181
Приморье (Усуйрский край) 268, 298, 501
Пукчхон 497
Пулау Брани, о-в 409, 416
Пулау Букум 417
Пуло-Кондор см. Кондао
Пуна 118
Пусан 261, 266, 267, 270, 272, 274, 496
Пхеньян 237, 271, 272, 274, 275, 277, 497
Пхёнан, пров. 263, 279, 500
Пхёнан Южный, пров. 499
Пэнху (Пескадорские), о-ва 219, 233, 239
Пяндж, р. 97, 103
- Раджпутана 126
Рампа 115
Ранау 423
Рангун (Дагон, Янгоун) 139, 140, 142, 144, 147, 149
Рас-эль-Вади 28
Ревель 322, 323
Рембанг 186
Рембау 170, 174
Ресна 323
Решт 355, 358
Реюньон 442, 452

- Риуа арх. 414, 418
 Рифа 347
 Рождества, о-ва 407
 Розетта 33
 Росийская империя 84, 86–88, 90, 92, 94, 95, 98, 101, 103, 255, 341, 365, 486, 492
 Россия 20, 52, 53, 68, 71–74, 77, 78, 83, 86–90, 92–95, 97–100, 103–106, 108, 109, 150, 156, 157, 161, 163, 230, 239, 241, 243–245, 251, 253–260, 267, 272, 273, 277–280, 296, 298–302, 304, 305, 314, 338, 341, 348, 358, 359, 361, 393, 394, 396, 452, 483–486, 488–494, 500, 501
     Центральная 84, 88, 362, 365, 366
     Южная 362
 Ростов (Ростов-на-Дону), г. 362
 Роушан 100, 103
 Румыния 19
 Рюкю (Люцю), о-ва 230

 Саада 60
 Сабах 178, 180, 223, 226, 421–423
 Сабаха Внутреннее резидентство 421
 Сабаха Восточный берег 421
 Сабаха Западный берег 421, 423
 Саваннакет 400
 Сага 288
 Сагопш, сел. 366
 Сайгон 162, 165, 194, 197, 199, 202, 203, 205, 206, 211, 213, 401, 404, 440, 444, 448–450, 459
 Сакаи 280
 Салем 220
 Салиф 61
 Салоники 22, 322–324, 326, 327, 329
 Салоникский вилайет 323
 Самарканд 92, 93, 95, 96
 Сампенг, пригород Бангкока 396
 Сана 60–62
 Санбэйс 259
 Сандакан, султанат 180, 223, 226, 421, 422;
     см. также Сабаха Восточный берег
 Сандакан, залив 180, 422
 Сан-Стефано 98, 99
 Сапетанг 178
 Саравак 178, 179, 421–423
 Сараван 400
 Сасун 15
 Саудовский эмират 53, 54, 64, 65
 Сахалин 298, 301
 Сахара 66, 349

 Сацума 281–284, 288–291, 305
 Сват 102
 Селангор, кн-во 169, 170, 172–174, 176–178, 406–408
 Селангор, р. 170
 Селиндунг 189
 Семантан 175
 Семаранг 185, 426, 431
 Семипалатинск 86
 Семипалатинская обл. 84
 Семиреченская обл. 84, 89, 90
 Сеннар 36, 40
 Сеннарский султанат см. Фунг, султанат
 Сент-Жак, мыс 442
 Сербия 329
 Серембан 173, 409, 415
 Сеул 230, 261, 263, 264, 266–274, 276–278, 295, 296, 300, 496–498, 500
 Сиак 187, 190
 Сиам (Таиланд) 11, 153–159, 161–163, 393–399, 405, 416, 418
 Сиамский залив 161
 Сиань 254, 475
 Сиби 100, 102
 Сибирь 258
     Западная 84
 Сибу 179
 Сием-Реап 394, 405
 Сикким 381, 382
 Симонсеки 239, 296
 Синай, Синайский п-ов 337, 338
 Сингапур 168–170, 176, 187, 190, 396, 407–411, 413–421
 Сингха 401
 Синд 103, 111, 368
 Синьцзян 244, 255, 477, 485
 Синьчжу 240
 Сипсонгчаотхай 162
 Сирийский вилайет 43, 44
 Сирия 42–45, 47, 50, 52, 67, 315, 339–341, 348
 Сисофон 394
 Ситаун 138, 143
 Сишику 252
 Соединенные провинции (Агры и Ауда) 367, 368
 Солор, о-в 192
 Сонджин 272
 Сонджу 271
 Сонхван 236
 Средиземное море 46, 328
 Средиземноморье 10

- Срединная империя (Китай) 230, 247, 438, 467, 507
Срименанги 173, 174
Ставрополь, г. 362
Стамбул 13–15, 17–19, 21, 33, 48–52, 61, 78, 81, 324–329, 335, 336, 340, 347, 348, 364, 437
Стрейтс Сеттльментс 168–176, 180, 405–417, 421
Суакин 40
Сувон 277, 497
Судан 26, 30, 34–42, 309, 347
    Восточный 35
    Северный 35
    Южный 34
Сулавеси 418
    Центральный 191
    Юго-Западный 191
    Южный 190, 191
ас-Сулаймани 60
Сулеймания 46
Султанабад 72
Сулу, арх. 180, 223
Сулу, султанат 180, 223–226
Суматра 184, 185, 189–191, 418–420
    Восточная 182, 187, 416
    Западная 434
    Северная 187
Суматры Восточное побережье 184, 190, 191
Суматры Западное побережье 190
Сумба, о-в 192
Сумбава, о-в 190, 192
Сунгей-Уджонг 170, 171, 173, 174, 177
Сунчхон 269
Сурабая 185, 434, 437
Суракарта (Соло) 186, 432
Суракарта, кн-во 434
Сурат 115, 376
Суэц 33, 34
Суэцкий канал 34, 39, 46, 49, 142, 168, 182, 331, 416
США 70, 179–181, 187, 214, 215, 220, 226, 242, 244, 251, 253, 262, 264, 267, 272, 273, 275, 276, 278, 287, 290, 295, 300, 301, 304, 344, 358, 359, 368, 390, 411, 425, 463–465, 474, 490, 491, 497, 498, 500, 501, 503, 510
Сырдарьинская обл. 84, 89, 90
Сучжоу 239, 245
Сычуань 232, 468, 474, 480
Сянган см. Гонконг
Сяочжань 245, 248
Таба 338
Табанан 191
Тавау 421
Тайланд см. Сиам
Таизэ 60
Тайбэй 239, 240
Тайвань, о-в 219, 232, 233, 239, 240, 288, 296, 298, 303
Тайваньский пролив 233
Тайнань 240
Тайнинь 198
Тайпинг 178
Тайюань 475
Такек 400
Тамбанан, р. 423
Тамилнад 126, 389
Тангу 251
Танжер 345
Танобато 435
Тапанули 191
Таравади 138
Тарунтунг 189
Ташкент 89, 90–92, 95, 96
Ташкепри (Каменный мост) 100
Тебриз 82, 83, 351, 352, 354, 355, 357, 358
Тегеран 48, 71, 72, 82, 98, 350–352, 355, 357, 358
Текес, р. 230
Тель-эль-Кабир 34
Темир-Хан-Шура, г. 362
Тенассерим 144
Терская обл. 361, 366
Тёлон 194, 197, 199, 203, 459
Тёсю 281–284, 288–290, 305
Тибести 347
Тибет 108, 260, 381, 476, 491
Тигр, р. 46, 47, 49
Тифлис, г. 355, 361–365
Тихама 60, 61
Тихий океан 179
Тоба 189
Токио 230, 238, 239, 243, 261, 278, 284, 285, 288, 289, 301, 303, 348, 397, 453, 467, 468, 491, 496, 500
Токусима 286
Томнока 291, 294
Тонкин (Бакки) 210, 218, 438, 439, 441–442, 444–449, 451, 452, 457, 458
Тонкинский залив (Бакбо) 209, 211; см. также Асанский залив
Тоса 281–283, 289

- Трабзон 20, 21
Траванкур 128
Тренггану 175, 176, 394, 405–408
Триполи (Ливия) 19, 347, 348
Триполи (Сирия) 19
Триполитания 328, 329, 347–349
Троицкосовск 258
Туиенкуанг 202, 206, 209, 214, 217
Тулон 215
Туманган, р. 273
Тунис 67–69, 347–349
Туран см. Дананг
Турабан, вади 61
Тургайская обл. 84
Туркестан 84, 89, 92, 98
Туркестан Афганский 102
Туркестанский край 90
Туркестанское генерал-губернаторство 84, 89–93, 97, 98, 103–104
Турция 6, 13, 17–20, 22, 56, 57, 61, 62, 74, 78, 98, 108, 110, 173, 187, 241, 322, 325, 334, 335, 337, 338, 348, 361, 364; см. также Османская империя, Порта
Түштүхүханский аймак 256, 483
Түшкә 41
Тхайбинь 441, 442, 459
Тхайнгуиен 206, 209, 217, 449
Тханглаунг (Ханой) 202, 209–211, 213–216, 231, 401, 404, 441, 444, 449, 450, 455, 456, 458
Тханьхоа 201, 440, 441
Тхинай, порт 211, 218
Тхуанан 199, 207, 218
Тхуантхань-Кханьхоа 200
Тхыатхиен 456
Тэгу 272, 274, 497
Тямпассак 399
Тяньцзинь 193, 231, 233, 239, 245, 246, 248, 251–254, 266, 479
Убон 160
Уксюб 323
Улангом 256
Улясутай 255, 256, 259, 484, 487, 493, 494
Унсан 274
Уральская обл. 84
Ура-Тюбе 92
Урга 255–257, 259–260, 483–485, 488–491, 493, 494
Урянхайский край 490
Уху 236
Учан 474–477, 479, 484
Уэзсли, пров. 407
аль-Фадли, султанат 61
Фарс 74
Фао 48
Фергана, г. 94
Ферганская долина 95
Ферганская обл. 90
Феццан 347
Филиппинская респ. 462, 463, 464
Филиппинский архипелаг (Архипелаг) 181, 182, 186, 187, 190, 192, 223, 424, 427, 428, 432–434
Филиппины 9, 180, 193, 220–223, 225, 226, 300, 358, 426–427, 452, 460–465
Флорес, о-в 122
Фолькестон 18
Фонсыонг 444, 455
Фракия 329
Франция 10, 13, 17, 30, 52, 53, 59, 66–69, 74, 155, 161–163, 165, 193, 196, 198, 200–204, 207, 208, 210–215, 217–219, 223, 224, 230–233, 239, 241, 243–245, 251, 272, 273, 281, 296, 337, 342, 344–348, 394, 396, 398–400, 402, 405, 425, 438–440, 442, 443, 445, 447, 450–455, 457, 458, 460, 463–465, 474, 490, 491
Фуиен 440, 456
Фукиен 298
Фукуи 282
Фунг (Сенварский), султанат 34
Фуцзянь 232, 244, 476, 480, 481
Фучжоу 219, 476
Фэнтянь (Шэнцзин) 237, 252, 476, 480
аль-Хавашиб 61
Хадджа 60
Хадрамаут 61, 62, 419
Хайль 65
Хайберский перевал 100
Хайван 196
Хайзыонг 193, 199, 201, 202, 210, 211, 216, 442
Хайнань, о-в 244
Хайнинь 206, 207, 213
Хайфа 42, 342
Хайфонг 211, 213, 215, 216, 444, 449, 450
Халев 42, 339, 340
Халевский вилайет 43
Халха (Халха-Монголия) 257, 483, 484, 486, 487, 491–494
Хамгён, пров. 263, 273, 275, 500
Ханекин 48

- Ханой см. Тханглаунг
 Ханчжоу 236, 239, 245, 468
 Ханькоу 236, 243, 415, 474, 475, 477
 Ханьян 236, 474–476
 Харачой, сел. 366
 Харбин 252, 499
 Харгум 36, 37, 39–41
 эль-Хаса 50, 53, 54
 Хатиен 199, 204
 Хатинь 214, 439–441, 456
 Хаура, султанат 61
 Хаштадан 103
 Хванхэ, пров. 263, 279, 497, 499
 Хведок 269
 Хеброн 42
 Хезареджат 100, 102
 Хензада 138
 Хёго 280
 Хива 92–95
 Хивинское ханство 92, 94, 95
 Хиджаз 34, 35, 61–65, 338
 Хидзэн 282, 283, 288, 289
 Хиросима 238, 282, 291
 Ходейда 61
 Ходжа-Салех 97, 101
 Ходжент 89, 92
 Хоккайдо, о-в 282, 291, 292
 Холо 223–225
 Хомс 42
 Хонггай 215
 Хорасан 83
 Хоста 100
 Хуанхэ, р. 236, 249
 Хубэй 236, 474, 475, 479, 480, 482
 Хугуан 253, 475
 Худжир Булан 488
 Хунань 243, 474, 475, 480, 481, 508, 509
 Хунза 102
 эль-Хуфиф 54
 Хынгхоа 439
 Хьонгшон 441
 Хьубинь 194
 Хэджу 497
 Хэйлунцзян 243, 252, 476
 Хэнань 227, 477, 482
 Хэсиу 253
 Хюэ 193, 195, 196, 199, 201–204, 207, 211,
 213, 214, 216–219, 438–441
- Цзилун 219, 232, 233
 Цзюлун (Коулун) 245
 Цзюцзян 236, 475, 481
 Цзянь 227, 475, 480, 481
 Цзянсу 227, 229, 468, 476, 480, 481
 Цзяньдао 501
 Цзяочжоу 244
 Цинская империя 227–229, 233–235, 237, 238,
 244, 245, 255, 441, 475, 476, 482, 483
 Цицикар 253
 Цусимский пролив 300
 Цзэцгнурский сомон 259
 Цзэцэнхайский аймак 256, 259
- Ч**
 Чакранегара 191
 Чаман 102
 Чанша 475
 Чарвилаят 105
 Чатылджи 329
 Черная река 162
 Черногория 329
 Черное море 362
 Чечжудо 276
 Чечхон 271
 Чжили 227, 229, 238, 249, 250, 252, 254, 468,
 469, 477, 479
 Чжиллийский (Бохайский) залив 233
 Чжочжоу 252
 Чжэньцзян 476
 Чжэцзян 227, 232, 244, 468, 476
 Чиатура, сел. 362
 Чиенгмай 159, 395
 Чиллён 269
 Чилоу 132
 Чимкент 89
 Чиннампхо 272, 273
 Читрал 102
 Чолла, пров. 263, 268–270, 273, 275, 277, 497,
 499
 Чонджу 277
 Чунги 195, 218, 439, 456
 Чунцин 236, 239
 Чустский уезд 90
 Чхонджу 269, 275, 497
 Чхунчхон, пров. 263, 268, 269, 275, 497, 499
 Чэнду 474
- Ш**
 Шаммарский эмират 58, 65
 Шанские княжества 137
 Шанхай 209, 229, 234, 235, 246, 253, 267, 285,
 468, 472, 473, 476–478, 481
- Ц**
 Цейлон 130–134, 386–392, 419
 Цзилинь см. Гирин

- Шаньдун 227, 236, 238, 244, 245, 249, 250, 469, 477
 Шаньдунский п-ов 233
 Шаньси 227, 236, 254, 475, 480
 Шаньхайгуань 239
 Шарджа 58
 Шаркийя 28
 Шатт-эль-Араб, р. 46
 Шах Абд оль-Азим 350
 Шаши 239, 245, 275
 Швебо 138
 Шведжин 138
 Шейкан 40
 Шейх-Осман 61
 Шираз 48, 82, 83, 351, 355
 Шихар 60
 Сихр, порт 61, 62
 Шонтай 201, 202, 206, 210, 217 439, 441
 Шугнан 103
 Шустер 72
 Шуша 365
 Шэнцзин (Фэнтянь) 237
 Шэньси 227, 232, 253, 475, 482
 Шэньян см. Мукден
- Ы**йджу 271, 273–275, 278, 496
- Эгейское море 329
 Эдирне (Адрианополь) 322, 329
 Эдо 281
 Экватория 37, 38, 41
 Эннеди 347
- Эпир 15
 Эрзерум 20, 21
 Эрзерумский вилайет 21
 Эритрея 41, 61
 Эр-Рияд 55, 65
 Эскишехир 324
 Этидзэн 281, 290
 Эфиопия 41
 Эчмиадзин 362
- Ю**ньнань 162, 209, 211, 219, 231, 232, 244, 448, 453, 475, 480
 Юэян 245
- Я**ва 62, 182, 184, 186, 192, 418, 426, 428, 430, 433–435
     Восточная 186
     Западная 186
     Центральная 186, 434
 Ялу, р. 237, 300
 Янхваджин 264, 267
 Янцзы, р. 236, 238, 239, 244, 253, 468, 471, 472, 474, 480
 Янцунь 253
 Янчжоу 236
 Япония 6, 8, 150, 163, 230, 231, 233, 237–244, 249, 251, 253, 254, 256, 261–267, 270–283, 285–291, 293–306, 308, 310, 315, 318, 393, 394, 425, 451–455, 459, 467, 468, 472, 473, 483, 490, 491, 493, 496–501, 505, 510, 513–516
 Яффа 42, 342

- абдали (дуррани) 96, 101
 абид 65
 абреки 366
 агравала 381
 адалят-хане 350, 351
 адат 86, 90, 189, 435
 аил 89
 айкокукото 289
 аймак 256, 259, 483, 484, 487, 493
 алба 259
 албанцы 19, 323
 алия 342, 343
 Амарапура-никая 134
 амарат-анезе 46
 амбань 259, 484, 485, 487, 494
 амбонцы 42
 американцы 220, 226, 234, 253, 267, 462–465
 анагарика 133
 англичане 31, 34, 55, 57, 62, 71, 100, 102–104, 111, 113, 115, 116, 118, 122, 137, 138, 140, 141, 147, 149, 150, 170–177, 180, 225, 267, 333–336, 338, 367–369, 372, 378, 379, 381, 405–407, 409, 414, 508
 анджоман 351, 354, 355, 357, 359
 ансары 40–42
 арабы 19, 34, 52, 343, 344, 348, 419, 432
 араты 258, 259, 488
 ардын дугуйлан 259
 арии 121
 армяне 19, 51, 96, 328, 361, 364, 365
 атабат 354
 атабек 350
 аул 84, 86
 аулаки 61
 афганцы 96, 98, 100, 102, 103, 105–107
 афдеелинг 182
 афридии 102, 103
 ахмадзаи 105
 ачехцы 188, 427, 435
 ашар 325, 327
 аян 45
 аятолла 359
 баба 417, 418, 420, 421
 бабад 435
 бабу 372
 баггара 41
 баджау 423
 бакуфу 280–282, 285, 288–291, 513
 балийцы 190, 191, 435
 бану хаджар 55
 банья (бания) 59, 112
 баркийят 48
 баррио 223
 бата 148
 батак 435
 батик 185
 бау 182
 бахтиары 359
 беджа 39, 40
 бек 91
 бельгийцы 41
 бенгальцы 374
 бест 350, 351
 бидайю 178
 бирхои 114
 бий 86, 90, 91
 биляд аль-махзен 347
 биляд ас-сиба 347
 бирманцы (мьянма, мранма) 137, 140, 146–148, 150, 151
 бирта 382
 богдо-гэгэн 260, 483–485, 490
 богдохан 234, 242, 245, 246, 248, 476–478, 486–489, 490–495
 брахманы 377, 384
 буги 414, 419, 427, 435
 буддизм 159, 312, 315, 319, 387, 390, 391, 397, 398, 512
 буддисты 133, 148, 276, 388, 391
 буры 150
 буряты 489
 бусидо 389
 бхиккху 133, 134
 бюргеры (на Цейлоне) 387, 388, 390, 391
 вади 61
 вазир (везир) 59, 80, 103
 вакф 63, 76, 90, 358
 вали 44, 47, 48, 53, 60, 340

- ван 262–265, 268, 270–273, 295, 296
 вардак 99
 ват 154
 ваххабиты 51, 115
 ваянг 435
 ваянг кулит 437
 ваянг мадьа 435
 ваянг оранг 437
 великий везир (вазир) 33, 325, 326, 329
 вилайет 21, 44, 45, 48, 50, 51, 54, 58, 62, 63,
 323, 341, 347
 вьетнамцы 193, 194, 196, 404, 439, 446, 448,
 451, 453, 454, 456, 458, 459
 вэнь жэнь 506
 вэньянь 207

 гази 103
 гаури 126
 гафири 59, 60
 гидзё 281
 гильзаи 96, 102
 гисэйкан 282
 гиш 345
 гоигама 131, 132, 390, 391
 голландцы 10, 180, 188–191, 418, 428, 429,
 432, 434, 437
 гопи 126
 горкхали см. непали
 греки 19, 331
 грузины 361
 гу вэнь 505
 гуаньду шанбань 228, 229
 гуаньшан хэбань 228
 гуджаратцы 418
 гуйлагачины 61, 258
 гуркхи (горкхи) 381, 382, 385
 гэнро 305

 ад-даджжал 42
 дадзёкан 282
 даймё 281, 283, 284, 290
 да-лама 483, 486, 490
 дао (даосизм) 511
 даотай 240
 дар уль-ислам 95
 дарбар (Малайя) 407
 дари 106
 дархан-бэйлэ 259
 дастхатг 351
 дато 224, 226
 дато бандар 170, 171
 дато клана 170, 171
 датун 511
 датхи 91
 даяки 423
 дехкане (декхане) 95
 джави 420
 джави-перанакан 414, 418, 419
 джадидизм 87, 92, 315
 джадиды 87, 361
 джами 65
 джамшиды 102, 105
 джати 159
 джатра 126
 джихад 33, 39–41, 60, 346
 дзадран 99
 дзайбацу 294
 дзасак 257, 487
 дзию минкэн ундо 289, 513
 дистрикт 139, 176, 178, 375, 406, 407, 421
 дон диен 193
 дунд хумуус 488
 дурави 131, 132, 391
 дурбар (Афганистан) 106, 110
 дуррани см. абдали
 дусуны 423

 евразийцы 388
 евреи 19, 51, 331, 341–343
 европейцы 37, 146, 147, 177, 181, 193, 195,
 214, 234, 252, 275, 310, 331, 373, 390, 394,
 406, 409, 428, 431–433, 443, 512

 ёгэчку 261

 жи юн 512

 зават (турко-черкесы) 25, 26, 31, 33
 завия 347
 закят 40, 54
 заминдари 112
 заминдарство 367
 заминдары 112, 114, 116–118, 375, 376
 Зуллом 14, 16, 322, 324, 334, 347
 зурхан 357

 ибадиды 59
 ибаны 178
 идадийе 20
 иджитхад 35
 идрисийя 35
 иллюстрадос 220, 222, 460

- имам 59–61, 65, 187–189, 355
 имам джом'е 352
 имамат 59, 60, 351
 иминь 240
 индийцы 96, 113, 116, 118, 123, 137, 139, 146–
 148, 369, 372–374, 376, 378–380, 411–414,
 418, 431, 432
 индо (инодевропейцы) 431, 432
 индонезийцы 426–429, 431–434, 436
 индуизм 315, 319, 374, 387
 индуисты 387, 388, 391, 418
 индусы 122, 141, 147, 253, 373, 374, 376–378,
 388
 ираде 57
 ислам 35, 41, 59, 226, 312, 315, 316, 319, 326,
 333, 334, 348, 354, 374, 387, 389, 415, 432,
 433
 исмаилиты 376
 испанцы 200, 203, 223–226, 461, 462, 464
 исьян 33
 итальянцы 41, 331, 347, 348
 иудаизм 318
 иудеи 336
 ихэтуань 250–254, 258, 259, 275, 299, 468
 ичжун 240
 ишан 95
 ишува 341–343

 кабо 270
 када (каза) 50, 55, 62
 кадзоку 283, 284
 кади (казий) 86, 90
 кадирийя 35, 51
 казахи 84, 86–88
 казий см. кади
 каидат 345
 каймакам 55, 57, 58
 камнан 158
 кампонг 186, 187
 кан вьонг 439–442, 452
 кантонцы 395
 карава 131, 132, 391
 карбонарии 16
 карены 137, 141
 католики 193, 195, 202, 206, 210, 211, 214,
 221
 католицизм 316
 касики 461, 462
 катхакали 126
 каум муда 415
 каум туа 415

 качины (чинпо) 137, 138, 140
 кашмирцы 96
 кая 140
 каястхи 377
 кваго 270
 керах 410
 кетуа 176, 407
 кибуц 343
 кинь лыок 193, 438, 444
 киргизы 92
 китайцы 141, 146, 147, 155, 156, 169, 170,
 175, 177, 179, 181, 215–217, 232, 250, 252,
 255, 394–398, 404, 407, 409, 411–418, 422,
 432, 433, 456, 471. 492, 512
 кишлак 86
 Ко мат виен 444
 кокутай 514
 колоны 212
 конг 396
 контроллер 182
 конфуцианство 250, 262, 312, 315, 397, 454,
 507, 511 512, 514, 516
 конфуцианцы 276
 копты 336
 корейцы 267, 275, 497–499, 501
 корте феркларинг 192
 креолы 221
 кретек 185
 кришнашила 126
 кром 156
 кугэ 281, 282, 284
 кули 182, 185, 275, 395, 411, 412, 415, 418
 куок нгы 455
 курды 19, 328, 358, 359
 курултай 87
 кхас-кура см. непали
 кхмеры 166, 197, 448
 кын мыанг 154
 кэкчу 261
 кэн 284
 кэхва ундон 276, 516

 лавен 401
 лао 394
 латсабут 399
 латсавонг 399
 лила 126
 лонг каек 158
 лук кун сала 155
 лук чин 156, 395, 397
 лути 357

- мабинар 487
 мавры (на Цейлоне) 132, 387–391
 магинданао 223
 аль-маджлис аль-урфи 32
 мадурцы 427, 435
 мазхаб 86
 маймачен 487
 малайцы 171–174, 177, 197, 406, 407, 413, 414, 419, 422, 435
 малиат 77
 манап 91
 мангалы 105
 мантри 169, 170
 мањьчуры 233, 467, 468, 470–476, 478, 487, 516
 маранао 223, 226
 маратхи 119, 127, 128
 марвари 112, 381
 махалвари 367
 маханикая 155
 махараджа лела 172, 174
 махаупахат 399
 махди 35, 39, 40, 41
 аль-махди аль-мунтазар 39
 махдийя 40–42
 махзен 345
 меджлис 44, 49, 63, 340, 348, 350–355, 357–360
 меджлис-е адалят 351
 меджлис-и баладийе 44
 меджлис-и идаре 44
 медресе 92, 94, 352
 микадо 261, 266, 270, 278, 394, 500
 миллет 310
 мильк 90
 минангкабау 419, 420, 427, 428, 434, 435, 437
 моджахеды 354, 355–358
 моджтахеды (моджтехиды) 350, 351, 353, 359
 моманды 102, 103
 монголы 256, 483–485, 490, 491, 493
 монтон 154
 моро 223, 225, 226
 мукабала 24, 26
 муким 176, 187
 мулла 121, 350, 355
 мунда 116
 мунтасибы 347
 мунтафик 46, 58
 мурабиты 345
 муршиды 357
 мусульмане 125, 141, 223, 319, 336, 361, 362, 365, 366, 373, 374, 376–379, 388, 389, 391, 418, 427, 433
 муфтий 35
 мухаммедзаи 106
 мушаира 125
 му-ю 508
 мыанг (мыонги) 154, 163, 401, 441
 мьютуджи 137, 139
 мьюо 139
 нага 115
 найбан 164, 400
 накиб 61, 62
 Нахда 320
 нахийя 62
 негус 41
 непали, язык (кхас-кура, горкхали, парбате) 384
 непальцы 148, 382, 384
 никая 134
 нойон 258–260
 омда 28, 33
 оракзаи 103
 оранг кайя мантри 169
 пали, язык 149, 151, 404
 пангеран 428
 панглимы 178
 панджаби, язык 121
 панзачины 256
 парбате см. непали
 парсы 112, 373
 патих 182, 428
 пенгхулу 176, 407
 пенджабцы 418
 перанакан 409
 песантрен 433
 пехлеван 357
 пикуль 177
 пишкеш 352
 пишнамаз 355
 попусан 261
 прияи 185, 430, 431, 433, 434
 пушту, язык 106
 пуштуны (патаны) 115
 пуэбло 223
 пху ми бун 159
 пху яй бан 158
 раджа 190–192, 414, 421, 422
 рай 157
 райя (райа, райат, райяты) 112, 114, 117

- райтвари 112, 367
 Раманья-никая 134
 рамлила 126
 рамуси 114
 раслила 126
 ратиб 42
 Рату Адиль (Эручокро) 186, 433
 регент 182
 регентство 182
 резидент 182, 212, 218
 риал хасани 345
 рифайя 45, 51
 ролии 132
 роузе-хан 356
 русские 253
- саги 187, 189
 садр-азам (садразам) 79, 350, 357
 садр-е мели 357
 сайт 487
 сайн эр 258
 сактина 156
 салагама 131, 132, 391
 самалы 223–225
 самманийя 35, 39
 самураи 281–289, 515
 санги 284
 сангха 132–135, 141, 388
 санджак 50, 340, 347
 сансэй 283
 саньминь чжуи 468
 саньё 281
 сардар 99
 сардар-е мелли 357
 сасаки 190
 сафи 96
 свадеши 375
 сварадж 375–377
 сеид (сейид, сейид) 350, 355
 сердары 106, 107
 сёгун 280, 282, 515
 сёгунат 280, 513
 Сиам-никая 134
 сидзоку 284
 сийины 137
 сикхи 121, 418
 сингалы 387–388, 390, 391, 418
 синто (синтоизм) 282, 315, 514
 синьхай 478
 синь-чжэн 257
 сионизм 342
- сипаи 170, 253
 сипахсалар 109
 сирхак 276, 516
 сиссэй 283
 сомон 259
 софты 17
 соцу 284
 султан 14, 16–18, 21, 33, 46, 55, 61, 62, 170, 171, 175, 177–180, 187, 322–324, 326, 327, 336, 338–340, 344–346, 348, 349, 405–407, 409
 султанат 180, 188, 224, 405, 406, 413, 415, 464
 сулу 223
 сулуки 423
 сунданцы 427, 435, 437
 суфии 35
 суньфандуй 472
- тагальцы (тагалы) 223
 тагуси 223
 таджики 92, 96, 106
 таи, язык 398
 тайджи 259, 487, 489
 тайпины 202, 206, 209, 214, 230, 258, 509, 510
 таклид 35
 тамаша 127
 тамилы 132, 387–391, 411, 418
 Танзимат 14, 47, 48, 52, 63, 347
 тапу 48
 тапу сенеди 64
 тараки 99
 тарикат 34, 35, 39, 187
 тасэнги 164, 400
 татанабайн 141
 телугу 125
 терукуттуи 126
 тибетцы 485
 тика 151
 тикаль 393
 тикан 286
 тиул (тийюль, тиуль) 353
 тонхак 268, 269
 тонхаки 268, 276, 296
 туани 250–254; см. также цюани
 туджи 139, 140
 туленгустество 88
 тури 102
 турки 19, 39, 40, 54, 57, 58, 60–62, 107, 317
 туркийя 37
 туркмены 95, 100, 106, 359

- турко-черкесы см. зават
 туше-гун 483
 тхай 441
 тхаммаютникая 155
 тьином 207
 тэвонгун 264, 271

 узбеки 92, 106
 улад сиди шейх 66
 улемы (улама) 25, 31, 33, 35, 38, 40, 45, 51,
 59, 60, 82, 101, 121, 187–189, 326, 336,
 340, 350, 351, 354, 361
 улубаланг 187–189
 улубалангство 187
 унданг 170, 174
 урду, язык 121, 125
 урф 64
 усул уль-джадид 87, 92, 94
 усюй бяньфа 246
 ушр 54
 ушрийя 26

 фаранги моаб 352
 федаи 356–358
 ферман (фирман) 31, 79, 337, 348, 349
 ферраш 80, 350
 феррашбаши 80
 фетва 82, 327
 филиппинцы 220, 221, 225, 461, 463–465
 фирузкухи 102
 французы 167, 194–200, 202–206, 210–219,
 224, 232, 233, 267, 344, 399, 401, 403,
 439–445, 447, 451, 452, 454, 455, 457–
 459
 фу 284
 фу тьинь 216

 хадж 40, 361, 418
 аль-хаджар 54
 хаир-хур 90
 хайнанцы 395
 халисе (халесе) 76
 халиф 33, 94, 327
 халифа 41, 346
 халифат 335
 хамджилга 487
 хан 97, 98, 483, 486, 487
 харакири 289
 хархин 483
 хасил келамин 171
 ха-шомер 343

 хвангок 265
 хваны 347
 хедив 24–28, 31–34, 37–40, 335–337, 339
 хедиват 27
 хеерендинстен 182
 хезарейцы 102, 106
 хе-халуц 343
 хинави 59, 60
 хинди, язык 125
 Хлудо 137–139
 хо 162
 хошун 258–260, 484, 491, 493
 христиане 179, 194, 197, 201, 213, 214, 231,
 250, 252, 275, 338 361, 391, 418, 433
 христианство 200, 387, 388, 417, 502, 512
 хуа-и 507, 508
 хуацяо 206, 232, 234, 242, 415
 хурал 487
 хураментадо 225, 226
 хури-халис 90
 хурэн 484
 хутухта 483, 487, 490, 491
 хузйдан 236, 242, 243, 468, 469
 хэймин 284
 хэрмэль 258
 хэцзянцы 396

 цагаач 258
 цейлонцы 387–391
 цзин ши 508
 цзин ши чжи юн 508
 цзиньши 240, 241
 Цзунли ямэнь 229, 237, 246, 470
 цзюйжэнь 241
 цзяньцзюнь 485, 487
 циньи 232
 цинь-ван 483
 цирики 259, 488
 цюань 249
 цюани 250–253; см. также туани
 цюфу (чжифу) 228

 чакари 382
 чамы 197
 чао 164
 чао мыанга 163, 164, 399
 чараймаки 106
 черкесы 19, 343
 четги (четгяры) 143, 147
 чжусианство 516
 чжэнь 512

чинпо см. качины
чины 138
чипкансо 269
чонбо 496
чхетри 382
чхондогё 502

шабинары 487
шазилийя 35
шаммар-джерба 46, 47
шаммары 64, 65
шаны 137, 140, 148
шань 512
шариат 32, 34, 64, 86, 326, 354
шах 71–73, 77–81, 350, 353–355, 357
шахада 40
шахид 359
шахсевены 358, 359
шейх-уль-ислам 14, 327, 329
шериф 62, 63, 64

шура 28
шэньши 228, 229, 232, 236 239–242, 246–250,
466, 467, 474, 476, 477

эйалет 354
эмир 65, 92, 94–100
эндиженат 451
эрпахт 181
Эручокро см. Рагу Адиль

юсуфзаи 102, 103

яванцы 418, 427, 428, 437
якшагана 126
ям-туан 170, 172, 173
ямэнь 229, 237
янбан 263, 267, 271, 276, 277
янью юндун 508, 510
яньлу 233
японцы 237, 239, 240, 253, 263, 269, 271, 275,
278, 285, 296, 300, 497–500, 513, 514

СПИСОК КАРТ

- С. 85.* Казахстан и Центральная Азия в составе Российской империи.
- С. 183.* Аче в конце XIX — начале XX в.
- С. 363.* Административное деление Кавказского края в Российской империи (1860–1917).
- С. 370–371.* Британская Индия и Бирма в 1911 г.
- С. 383.* Расселение народов Непала на рубеже XIX и XX вв.

Часть III. Зарождение национально-освободительного движения на Востоке	
<i>Глава 1. Модернизация и культурный процесс в Азии</i>	5
<i>Глава 2. Османская империя в период Зулума</i>	12
<i>Глава 3. Арабские страны в 1880-е — начале 1900-х годов</i>	24
<i>Глава 4. Иран во второй половине XIX — начале XX в.</i>	70
<i>Глава 5. Казахстан и Россия (1870 — 1900-е годы)</i>	84
<i>Глава 6. Государства Центральной Азии и Россия (1870 — 1890-е годы)</i>	89
<i>Глава 7. Афганистан в последней трети XIX в. — начале XX в.</i>	96
<i>Глава 8. Индия на начальном этапе капиталистической трансформации</i>	111
<i>Глава 9. Цейлон в последней трети XIX в.</i>	130
<i>Глава 10. Становление колониального общества в Бирме (1885–1914)</i>	136
<i>Глава 11. Реформы 1870–1905 гг. в Сиаме</i>	153
<i>Глава 12. Соперничество колониальных держав в Западном Индокитае в конце XIX в. и захват Францией лаосских земель</i>	161
<i>Глава 13. Камбоджа — протекторат Франции (1870–1887)</i>	165
<i>Глава 14. Малайя, Сингапур и Северный Калимантан в 1870-х годах — конце XIX в.</i>	168
<i>Глава 15. Индонезия в 1870-х годах — начале XX в.</i>	181
<i>Глава 16. Вьетнам во время французского завоевания (1858–1885)</i>	193
<i>Глава 17. Филиппины на пути к национальному освобождению, 1870-е — начало 1890-х годов</i>	220
<i>Глава 18. Цинский Китай в 1870–1890-х годах</i>	227
<i>Глава 19. «Новая политика» Цинов в Монголии</i>	255
<i>Глава 20. Корея в 1876–1906 гг.</i>	261
<i>Глава 21. Япония в период Мэйдзи</i>	280
Часть IV. Пробуждение Азии	
<i>Глава 1. Становление современных форм политической жизни на Востоке</i>	307
<i>Глава 2. Младотурецкая революция и младотурецкий режим</i>	322
<i>Глава 3. Арабские страны в период пробуждения Азии</i>	331
<i>Глава 4. Иранская революция 1905–1911 гг.</i>	350
<i>Глава 5. Культурно-политическое развитие Северного Кавказа и Закавказья. Революция 1905–1907 гг.</i>	361
<i>Глава 6. Пробуждение Индии и консолидация колониального режима</i>	367
<i>Глава 7. Непал в 1885–1914 гг.</i>	381
<i>Глава 8. Цейлон в эпоху пробуждения Азии</i>	386
<i>Глава 9. Сиам в канун Первой мировой войны (1905–1914)</i>	393
<i>Глава 10. Колониальная эксплуатация Лаоса Францией (1900–1914)</i>	399
<i>Глава 11. Камбоджа в составе Индокитайского Союза (1887–1914)</i>	402
<i>Глава 12. Малайя, Сингапур и Северный Калимантан с начала XX в. до Первой мировой войны</i>	405
<i>Глава 13. Индонезия в начале XX в.</i>	424
<i>Глава 14. Вьетнам в составе Индокитайского союза (1885–1913)</i>	438
<i>Глава 15. Филиппинская революция 1896–1898 гг. и установление власти Соединенных Штатов</i>	460

Глава 16. Свержение монархии в Китае.....	466
Глава 17. Монголия. Провозглашение независимости и образование теократической монархии.....	483
Глава 18. Корея в эпоху пробуждения Азии (1905–1914).....	496
Глава 19. Модернизация культуры в Восточной Азии (вторая половина XIX — начало XX в.).....	503
Заключение	517
Библиография.....	526
Указатель имен.....	540
Указатель географических названий.....	551
Указатель терминов и этнонимов.....	565
Список карт.....	572

Авторы кн. 2 т. IV «Истории Востока»:

Л.Б.Алаев, М.Р.Арунова, В.О.Бобровников, В.Ф.Васильев, М.И.Гольман, Г.М.Емельянова,
 Д.Р.Жантiev, Т.А.Коняшкина, Г.Г.Косач, Г.Г.Котовский, В.С.Кошелев, Л.М.Кулагина,
 Р.Г.Ланда, А.А.Ледков, З.И.Левин, Ю.О.Левтонова, В.В.Макаренко, О.Е.Непомнин,
 В.В.Орлов, Ю.А.Петросян, М.А.Родионов, Н.В.Ребрикова, А.Л.Рябинин, А.Л.Сафронова,
 И.М.Смилянская, В.А.Тюрин, Г.Д.Тягай, Е.Ю.Усова.

Указатели составлены Г.О.Ковтунович

Научное издание

**ИСТОРИЯ ВОСТОКА
IV**

**Восток в новое время
(конец XVIII — начало XX в.)**

Книга 2

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор *Г. О. Ковтунович*
Художник *Э. Л. Эрман*

Технический редактор *О. В. Волкова*
Корректоры *И. Г. Ким, Н. Н. Щигорева*
Компьютерная верстка *Е. А. Пронина*

Подписано к печати 02.03.05
Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная
Усл. п. л. 46,8. Уел. кр.-отт. 46,8. Уч.-изд. л. 47,4
Тираж 3000 экз. Изд. 8186. Зак. № 382

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6